

**ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО**

И

**ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.**

1840.

4.
20.

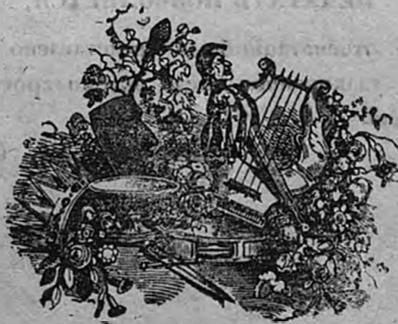
ОН

ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ЧАСТЬ III.

Редакторъ: *Θ. А. Коми.*

Издание: книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
Имени А. В. Гущинского
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи было представлено въ С. Петербургскій
Ценсурный Комитетъ узаконенное числ. экземпляровъ. Санктпетербургъ.
1840 года, іюля 31 дня.

Ценсоръ: *Е. Олдекопъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СМЯДИНА.

ГРИЗЕЛЬДА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ФРИДРИХА ГАЛЬМА.

ПЕРЕДЪЛАНА ДЛЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ

И. ОБОДОВСКИМЪ.

Представлена въ первый разъ Императорскими придворными актерами, на Александринскомъ театрѣ, Юля 21-го дня, 1840 г. въ С. Петербургѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Артуръ, король Англійскій.

Жиневра, королева, его супруга.

Сенешаль.

Кануть Шотландскій.

Ланселотъ.

Тирстанъ мудрый.

Годвинъ.

Персиваль, владѣтельный графъ Валлійскій.

Гризельда, жена его.

Цедрикъ, слѣпой угольникъ, отецъ ея.

Мальчикъ, проводникъ его.

Элеонора, жена Канута.

Ориана.

Мерція.

Рональдъ, слуга Персиваля.

Вассалы, рыцари, дамы и слуги.

ГРИЗЕЛЬДА.

ТРАГЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Замокъ короля Артура въ Кардуэль. Великолѣпная и освѣщенная зала; въ глубинѣ сцены музыка и расхаживающія толпы гостей, впереди сцены престоль подъ балдахиномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Опышно одѣтые пажы и слуги проходят по сценѣ съ золотыми чашами. Рыцари и дамы расхаживаютъ по залу; между ними король Артуръ, Сенешаль, Тирстанъ и Персиваль).

Король.

Тобой доволенъ я, мой вѣрный Сенешаль,
Ты помрачилъ сіянье звездъ небесныхъ,
У моря отнялъ блескъ сребристыхъ перлъ,
У нѣдръ земли лучи багрянаго рубина,
Чтобъ цира моего убранство довершитъ
И болъ ничего желать мнѣ не осталось.

Сенешаль.

Всѣ рыцари къ намъ съѣхались сюда
И самый Персиваль, сынъ Валиса суровый,
На королевскій зовъ оставилъ глушь свою.
Роскошничаетъ здѣсь въ твоихъ палатахъ пыш-

ныхъ
Съ своей медвѣжьей кожей на плечахъ.

Король.

Что намъ до платья. Персиваль украсенъ
Военной славой, на груди его
Свѣтлѣ звездъ, его сіяютъ раны.
Три года не бывалъ онъ при дворѣ моемъ,
Его радъ видѣть и въ медвѣжьей кожѣ.
Идемъ туда — насъ жадуютъ видѣть гости.
Вели пажамъ проворнѣе служить,
Чтобъ музыка не умолкала въ залахъ —
И въ кубкахъ чтобъ не высыхало дно,
Пусть пошируютъ гости до разсвѣта.

Сенешаль.

Желаніе твое исполню, Государь:

Лишь на зарѣ дворецъ твой опустѣеть.

(Король Артуръ и Сенешаль уходятъ въ глубину сцены, и теряются между гостями. Персиваль и Тирстанъ выходятъ на сцену).

Персиваль.

Скажите мнѣ, вы знаете ль ту даму,
Съ которой ходитъ объ руку Кануть?
Она мететъ полы хвостомъ своимъ багрянымъ,
А перьями хватаетъ потолка.

Тирстанъ.

Канутова жена — Элеора;
Фингала кровь течетъ въ ея крови.
Самодержавно, какъ Фингалъ въ Эривъ,
Надъ мужемъ слабымъ властвуетъ она.

Персиваль.

Какъ до того се безумецъ допускаетъ,
Ему бы хвостъ носить на мѣсто лая.
А та, съ жезломъ и съ поясомъ волшебнымъ,
Стоящая вдаль отъ пляшущей толпы,
И кажется, въ глубокомъ размышленъи,
Кто, кто, она?

Тирстанъ.

Сестра Артурова, Минвана.
Ее зовутъ за мудрость — чудомъ свѣта,
И говорятъ, что даже предана она
И чернокопчнмъ званьямъ.

Персиваль.

Лучше
Училась бы хозяйству, домоводству.
Отъ женщины я требую любви,
Безпрекословнаго повиненья мужу.

Въдъ мудрость съ силою достались намъ на
часть,
Въ рукахъ жены оны забавныя игрушки.

Тирстанъ.

Игрушки — Персиваль?

Персиваль.

Такъ точно.

Хотите ль женщины увидѣть образъ вы,
Въ томъ видѣ, какъ намъ далъ ее Создатель?
Представьте: что она за прялкою сидитъ —
И взоры набожно на небо устремляетъ,
Межъ тмѣй, какъ на груди ея младенецъ спитъ
Иль съ молокомъ любовь къ отцу впиваетъ,
Чтожь за предѣлъ сего у женщины перешло, —
То лишнее. — Который часъ?

Тирстанъ.

За полночь.

Персиваль.

На пиръ скучно мнѣ; — скорѣе бы конецъ!

Тирстанъ.

Какъ, Персиваль! ужель блескъ чертоговъ
И цуемая толпа ликующихъ гостей
Не восхищаютъ васъ? Ужель на васъ напрасно
Благоуханья вьютъ отъ цвѣтовъ?
А звуки музыки ужель не улаждаютъ,
И царскаго величя лучи
Ужель не грѣютъ васъ, какъ солнце по полудни?

Персиваль.

Мнѣ все наскучило. Въ дремучемъ Пяндени,
Въ моемъ наследномъ замкѣ, такъ же пышно,
Толпятся гости шумно, какъ и здѣсь,
Когда ихъ приглашу, они дивятся
Сокровищамъ моимъ — мнѣ расточаютъ дѣсть,
За чѣмъ же здѣсь мнѣ черемъ пресмыкаться,
Когда я дома — самъ себѣ король.

Тирстанъ.

Я вижу, Персиваль, вы жаждете свиданья
Съ женою вѣрно и съ сыномъ.

Персиваль.

Это что?

Тирстанъ.

Я думаю сидѣли бѣ вы охотнѣй
Съ женою и съ сыномъ дома, въ Пяндени.

Персиваль.

Какъ? развѣ не сразилъ я грознаго Кетлю
Свезъ Датчанинъ не мною ль побѣжденъ?
Вся Англія полна моею гремлещей славою,
И сокрушителемъ меня гягантовъ прозяла.

Тирстанъ.

Сомнѣнья нѣтъ — противъ того ни слова..

Персиваль.

И вы себя могли вообразить,
Что я унижуся до женскаго холопа,
Который отъ дѣтей отмахиваетъ мухъ,

И пѣсни имъ поеть у колыбели?
Я честию рыцарской клянуся вамъ, Тирстанъ,
Не для того женился я, повѣрьте.

Тирстанъ.

Что съ вами? Для чего нахмурили чело?
И черными поводите бровями,
Какъ тучами, скрывающими громъ.

Персиваль.

Не знаю самъ: — мнѣ счастье надоело
Одна и та же сладость каждый день
Мнѣ стала приторна, хочу отвѣдать жемчуга.
Душа моя, какъ знамя горитъ,
Желаю всякаго — чтобы съ себя ни сбросить
Притупленности, которой облеклась.

Тирстанъ.

Не знаете, чего хотите, Персиваль.

Персиваль.

Быть можетъ такъ, но я того желаю;
Есть въ нашемъ дикомъ Валлисѣ рѣка,
Ее по своему мы Трентомъ называемъ,
Источники ея въ крутыхъ горахъ.
Она съ журчаніемъ несъ край пашъ обтекаетъ,
Вотъ видите, пока еще она
Съ трудомъ въ горахъ по пропастямъ клубится,
Пока стремительно черезъ утесъ бѣжитъ
И съ громомъ толстыя плотины подмываетъ,
Она свѣтла, прозрачна, какъ кристалъ,
Въ струяхъ своихъ несетъ песокъ златистый
Въ гранитномъ ложѣ несело рвываясь;
Когда же выступить изъ горъ въ равнины
И разливается до самыхъ волнъ морскихъ:
Она течетъ медлительной струею;
Едва журча, чело сгибая подъ мосты,
И жерноку, и колесу покорна.

Тирстанъ.

Какъ разумить?

Персиваль.

Въ себя я сходство нахожу

Съ рѣкою дикой Трентомъ. — Какъ она,
Я не рожденъ болотомъ быть лѣзвивымъ,
Домашней жизни колесо вращать.
Когда бѣ жена мол была еще вѣрнѣе
И добродѣтельнѣе, повѣрьте мнѣ, Тирстанъ,
Жена мол вѣрна, но если бы на плечахъ
Ея сіяли ангельскія крылья,
Для сердца моего жены и сына мало.
Пойдемте — къ Тирстанъ, да выпьемъ за прощанье

И до своей двинемся.

Тирстанъ.

Такъ рано.

Персиваль.

И если не теперь, то вѣрно до утра.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

(Громкая музыка въ глубинѣ театра, потомъ входятъ Жиневра, разорченная отъ танцевъ. Ланселотъ сопровождаетъ ее. За ними слѣдуютъ въ некоторомъ разстоянн Орландо, Мерциа, Годвинъ и другіе рыцари и дамы. Въ глубинѣ сцены Элеонора съ Капутъ. Всѣ они составляютъ группу и разговариваютъ между собою. Отъ толпы отдѣляются Ланселотъ и Жиневра).

Ланселотъ.

Не мучь меня, я вѣдъ себя, Жиневра.
Какъ солнца лучъ сжигаетъ цвѣтъ луговъ,
Такъ взоръ единый твой меня воспламенляетъ,
О, еслибъ звала ты, какъ я люблю тебя.

Жиневра.

По дальше отъ меня, прошу васъ, не сгорите.

Годвинъ *(разговаривая съ Мерциею).*

Твоими черными глазами закливаю,
Питаешь ли ты ненависть ко мнѣ?

Мерциа.

Ахъ, нѣтъ-съ.

Годвинъ.

Такъ любишь ты? —

Мерциа.

Ахъ, нѣтъ-съ.

Годвинъ.

Ужель не скажешь

Мнѣ словъ прнвѣтливыхъ, ужель никогда
Въ груди твоей желанья не кипѣли,
Желанья тайныя — сладчайшія?

Мерциа.

Ахъ, да-съ.

Годвинъ.

Такъ вырази ихъ нѣжными словами,
Открой мнѣ, Мерциа: — ты любишь ли меня?

Мерциа.

Мнѣ замужъ хочется.

Годвинъ *(въ полголоса).*

О Боже!

Какъ откровенны дѣвушки у насъ.

Жиневра *(дослѣ съ эсиромъ говорившая съ Ланселотомъ).*

Вы говорите правду, — часто сонъ
Наводитъ на дѣпу волшебный картины,
Но втѣрь утра развѣваетъ ихъ.
Какъ сны мечты — любовь непостоянна!

Ланселотъ.

На жизнь мою накидываешь саванъ,

Когда не чувствуешь могущества любви!

(Онъ продолжаетъ тѣло разговаривать съ Жиневрою, между тѣмъ Элеонора съ Капутъ выходятъ на сцену).

Элеонора.

Напрасно думаешь обманывать меня,
Признайся-ка о чемъ ты говоришь съ Мипваной,
Тамъ у окна, отъ всѣхъ уединясь?

Капутъ.

Ахъ Господи!

Элеонора.

Да такъ, ужель еще запрещаешь.

Капутъ.

Я запираюся, оборони Господь меня!
Она болтала шпѣ о чарахъ, о планетахъ,
О ходѣ звѣздъ — пока не спуталась сама
И я едва не вышелъ изъ терпѣнья.
Чтобъ чертъ ее занесъ за тридцать планетъ!

Элеонора.

Ужель, изъиыникъ, думаешь, что я
Такой пеглпцы — повѣрю? — Нѣтъ! я знаю...
Но дай лишь до дому добраться, отплачу.

Годвинъ.

Что съ вами случилось, Капутъ? Вы нездоровы,
Какъ въ лихорадкѣ вы дрожите.

Капутъ.

Я?

Такъ-съ, ничего; стрѣльба въ ухахъ и только.

Жиневра *(Ланселоту).*

Ни слова болѣе: — вы ядъ и смерть
Скрываете въ благоуханной рѣчи.
Я не хочу васъ слушать; — я устала
И отдохнуть хочу здѣсь.

Ланселотъ.

Королева!

Престоль готовъ прнпнать подъ свѣтъ свою
Царяцѣ праздника.

(Онъ одетъ Королеву на тронъ, около котораго мало по малу собираются присутствующіе рыцари и дамы и становятся живописными группами).

Жиневра.

Останьтесь здѣсь,

Не удаляйтесь, мой милый Ланселотъ.
Сего дня вы мой кавалеръ, прислѣдте
У ногъ моихъ. Ко мнѣ поближе, дамы,
Пропу васъ рыцари! — Мы отдохъ нашъ
Веселюю бесѣдою приправимъ.
Но напередъ скажите мнѣ, кто рыцарь,
Который тамъ за чашею разсылся,
Тотъ слугый, съ черными бровями?

ОРИАНА (*очень жмёт*).

Королева

Не Клеварфонтъ ли? Тотъ забавный рыцарь,
Который самъ записочки носилъ
Къ сопернику отъ милой Арабеллы?
Неловкій ли и статный Лионель,
Поклонникъ ревностный Гертруды съдовласой?

ЖИНЕВРА.

О, штъ.

ОРИАНА.

Быть можетъ приторный Астольфъ,
Который восемь лтъ за Нинной волочился,
Пока не подхватилъ богачку Мореландъ?
Тамъ чахлый Жосселинъ расчитываетъ мрачно,
Во сколько сталъ ему уборъ его жены —
И сколько десятинъ его луговъ и пашень
Онъ помѣстилъ на головъ ея?

ЖИНЕВРА.

Такъ точно, злой языкъ, — подлѣ него,
Сидитъ въ медвѣжьей кожѣ рыцарь тотъ,
Чье имя звать хочу.

ОРИАНА.

Ахъ, это Персиваль,

Иль—какъ зовуть его—гигантовъ побѣдитель.

Годвинъ (*Жинеаръ*).

Какъ, вы его не знаете?

ЖИНЕВРА.

По слуху

Извѣстенъ мнѣ, въ лице до пылъ не видала.

ОРИАНА.

И гдѣ жъ вамъ звать, три года не бывалъ
Онъ при дворѣ, все жить въ лѣсу дремучемъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился.

Клануть.

Персиваль

Женать?

Ланселотъ.

Возможно ли? Высокомѣрный рыцарь,
Который по себѣ жены не находилъ
И при дворѣ Артура.

ОРИАНА.

Да, онъ самый.

Элеонора.

Который отвергалъ невѣсть изъ царской крови?

ОРИАНА.

Онъ, онъ, тотъ самый Персиваль.

ЖИНЕВРА.

А кто жела его, она какого рода?

ОРИАНА.

О ней до насъ еще и слухи не дошли
Изъ глубины лѣсовъ, гдѣ Персиваль зарылся.

ЖИНЕВРА.

Онъ къ намъ идетъ — мнѣ не спросить ли?

ОРИАНА.

Я

Спрошу его.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣже, Персиваль, Тирстанъ.

ПЕРСИВАЛЬ,

По чести никогда не разливалось такъ
По сердцу моему вино струей палящей.
Лице мое пылаетъ, какъ огонь,
И на уста душа моя всплываетъ.
Чего не пазказалъ я въ упоеньи чувствъ!
Да что мнѣ дѣлать здѣсь межъ скомороховъ,
Ты видишь ли, какъ чопорно, въ кругу
Сидятъ они, какъ гуси послѣ корму?—
Въ лѣса, въ лѣса! меня здѣсь воздухъ давить!

ТИРСТАНЪ.

Останьтесь, вѣдь еще въ долинахъ мракъ,
Отсюда вамъ до утра не уѣхать.

ЖИНЕВРА.

Графъ Персиваль!

ПЕРСИВАЛЬ.

Кто-то зоветъ меня?

ТИРСТАНЪ.

Зоветь къ себѣ Жиневра, Королева.

ЖИНЕВРА.

Не можете ли Графъ признаться откровенно,
Непобѣдимаго кто побѣдитъ успѣлъ?

ПЕРСИВАЛЬ.

Какъ разумѣть васъ?

ЖИНЕВРА.

Вы женаты, Графъ?

ПЕРСИВАЛЬ.

Кто вамъ сказалъ?

ЖИНЕВРА.

Какъ, развѣ то не правда?

ПЕРСИВАЛЬ.

Ну что же, — я женать, — ниль думаете вы,
Что я стыжусь того — ни мало!

Моя жена Гризельда! а такой
Жены на всей землѣ доселѣ не бывало —

Какъ Ангелъ тихая, послушная, она
Кротка и набожна, смиренна и умна,
Я много видѣлъ жень, подобной ей не встрѣтилъ.
Ей угольничекъ отецъ! И что мнѣ до того,
Что въ ней ни капли крови штъ дворянской.

ЖИНЕВРА (*въ помолоса придворнымъ, ея окружающимъ*).

Возможно ли?

ОРИАНА.

Не слыхано!

Годвинъ.

Крестьянка!

Элеонора.

Лишаюсь чувствъ! о ужас! стыдъ п срамъ!
Какъ можно такъ дворянство опозорить!..

ЖИНЕВРА.

Вы, кавалеръ, съ него примѣръ берите
И перестаньте злобствовать на женъ.

Годвинъ.

Супружество не шутка, Королева—
Не такъ ли Мерція прекрасная.

МЕРЦІЯ.

Ахъ, да-съ...—

Годвинъ.

Сомнѣнья нѣтъ, не выйдете вы замужъ
За угольянка чернаго.

МЕРЦІЯ.

Ахъ, нѣтъ-съ.

ПЕРСИВАЛЬ (*Тирстану*).

Что тамъ у нихъ за тайна, посмотрите—
Какъ шепчутся—клявуса честию,
Когда ко мнѣ отвоится...

ТИРСТАНЪ.

И, Графъ!

Вы женщинѣ знаете—у нихъ вздоръ на умъ.
Пусть тѣшатся, что вамъ до нихъ за дѣло.

ЖИНЕВРА (*придворнымъ*).

Вамъ хочется того, извольте, попытаюсь.
Графъ Персиваль, вы огорчили насъ
Тѣмъ, что сюда не привезли Гризельду,
Для пола нашего прекрасный образецъ.

ПЕРСИВАЛЬ.

Она сама желанье изъявила
Остаться дома,—сына охранять.

ЖИНЕВРА.

Чадолубивая и вѣжняя супруга!
При добродѣтеляхъ вотъ совершенства верхъ!
Когда же мы ея присутствія лишились,
По крайней мѣрѣ, расскажите намъ,—
Гдѣ вы сокровище такое отыскали?

ПЕРСИВАЛЬ.

Когда вамъ знать угодно, Королева,
Не постыжуся все вамъ рассказать.

(*Жиневрѣ*).

Тому три года, какъ мои вассалы
Меня склонили просьбами на бракъ,
Чтобъ Персивалей родъ не прекратился
И власть моя къ чужимъ не перешла.
Я при дворѣ заглядывался часто
На здѣшнихъ дѣвъ, но мнѣ казались онѣ
Тщеславными и полными коварства,

Непостоянными и безъ любви.—

Я ни одной здѣсь не пашель по сердцу,
И съ тѣмъ навѣкъ охоту потерялъ
Избрать жену изъ дѣвъ высокопарныхъ.

ЭЛЕОНОРА (*къ дамамъ*).

Медвѣжья кожа мягче словъ его.

ОРИАНА.

Надменный!

ЖИНЕВРА.

Мы ему за то отплатимъ.
(*Къ Ланселоту, который выступилъ на
средику*).

Останьтесь. Персиваль, извольте продолжать.

ПЕРСИВАЛЬ.

Однажды я, собою недовольный,
И съ пылкими желаньями въ груди,
Въ ближайшей лѣсъ повхалъ на охоту:
И удалясь отъ свиты, въ тишинѣ
Искалъ себѣ отъ грусти утѣшенья,
Вдругъ близъ ручья остановился конь.
Гляжу и чтожъ увидѣлъ, Королева?—
Передо мною дѣвушка! Она,
Какъ утро майское была, прекрасна,
И красоты не въдала своей,
Та дѣвушка—теперь жена моя—
На берегу ручья задумчиво стояла..

ЖИНЕВРА (*въ полголоса при-
дворнымъ*).

Сомнѣнья нѣтъ: она смывала сажу
Съ лилейныхъ плечъ своихъ.—

ПЕРСИВАЛЬ (*Тирстану*).

За чѣмъ они

Тамъ шепчутся и на меня косятся?
Тирстанъ, клянуся честию, они
Смѣются надо мной.

ТИРСТАНЪ.

Какъ въ сторону худую
Вы обращаете веселость ихъ.—Богъ съ ними.
Пусть тѣшатся.

ПЕРСИВАЛЬ.

Отсохни ихъ языкъ!

ЖИНЕВРА (*придворнымъ*).

Да перестаньте же,—онъ вашъ замѣтитъ смѣхъ.
Пускай еще собой насъ позабавить.
Ну, Персиваль—извольте продолжать.

ПЕРСИВАЛЬ.

Я вамъ сказалъ — она стояла у потока
И воду черпала. Роскошные власы
Волнами крупными на шею упала
И осыпая грудь, а на плечъ сидѣла
Приютно голубокъ; прикрывъ его крылами.
Одежда дѣшная, почти до самыхъ ногъ,
Ихъ близнзну завистливо скрывала.
Она скромна, стыдлива, думалъ я.
Вдругъ вѣтеръ заструилъ стекло ручья

Уродливо ея въ немъ измѣнился образъ
И надъ собою она смѣяться начала
И любовалася, какъ образъ искажался:
Она проста, невinna, думалъ я!

К л а н у т ь.

О милое дитя!

Э л е о н о р а.

Что вамъ за дѣло!

До угольничихъ? Оборони васъ Богъ,
Когда ея вы знаете.

П е р с и в а л ь.

Вдругъ съ башни

Вечерній колоколъ долины огласилъ
И дѣвушка невольно присмирѣла,
Власы откинула отъ свѣжаго лица
И ясный взоръ къ закату обратила,
Устами алыми молитву прошептала.
Она и набожна, подумалъ я. Но вотъ
Молитва кончена, — съ горлицими щеками,
Съ какими-то сладостнымъ желаніемъ въ очахъ,
Ласкаетъ голубка, его цѣлуетъ нежно
И прижимаетъ къ сердцу, каково-бъ,
Подумалъ я, — она дитя свое ласкала;
Вдругъ кликнули ея изъ хижины: Гризельда!
И выскочивъ, она, немедля, пѣзъ ручья,
Бѣжить на голосъ по травѣ росистой,
Не осуша и ногъ своихъ, за ней
Помчался вслѣдъ и другъ ея крылатый
И скрылись въ чащѣ лѣса. — Какъ она
Покорна, думалъ я — и возвратился въ замокъ.

Ж и н е в р а.

По чести, Персиваль, вы мастерски умѣли
Во всѣхъ насъ пѣжное участие возбудить
Къ той дѣвушкѣ. Мы живо представляемъ
Какъ, не смотря на сажу, пригожа
Она, и какъ умѣетъ ловко,
Какъ утка, въ лужѣ полоскаться.

О р и а н а (Королева).

Онъ въ бѣшенствѣ, взгляните, Королева,
Какъ побагровѣлъ онъ.

Ж и н е в р а.

Ну, такъ ему и надо.

П е р с и в а л ь (Тирстану).

О еслибъ могъ ея пронзить я взоромъ!
Душа моя отъ ярости кипитъ.

Т и р с т а н ь.

Графъ Персиваль, пускай онъ болтаютъ,
Не слѣдуйте влеченію души.

Ж и н е в р а.

И такъ, любезный Графъ, — окончите разсказъ:
Скажите жъ намъ, какъ вы на дѣвушкѣ же-
нились?

П е р с и в а л ь (про себя).

Придетъ и мнѣ пора надъ вами посмѣяться.

(Королева) На утро въ замокъ созвалъ я васъ-
саловъ.

И на коняхъ въ одеждахъ щегольскихъ
Со всею пышностью, приличной мнѣ и сану,
Со знаменемъ распушеннымъ, — они
При звуку трубъ меня сопровождали
Въ тотъ лѣсъ, гдѣ милая красавица жила;
Предъ хижиной остановился поѣздъ:
Вхожу подъ мирный кровъ: она евидитъ
Съ отцемъ и матерью. Слѣпой старикъ
По розовой ея ланитѣ гладитъ,
Мать кудрями ея играетъ, — а она
Цѣлуетъ ихъ и въ очи, и въ уста.
Я видѣлъ, что она все счастье ихъ была,
Все утѣшеніе ихъ жизни. И рѣшился
Къ ней подойти, и свѣдо ей сказалъ:
Ты можешь ли любить меня, Гризельда?
Она умно взглянула на меня, —
Какъ бы меня испытывала взоромъ,
И покраснѣвъ, кивнула головой
Вотъ я опять спросилъ, ты можешь ли, Гри-
зельда —

Оставить мать, отца для мужа? — Я? могу!

Отвѣтила она. Ты можешь ли, Гризельда,
Покорной мужу быть и почитать его
Властителемъ своимъ — спросилъ я — и Гри-
зельда

рѣшительно отвѣтила — могу!

Тогда поцѣловалъ я милую невѣсту,
Тогда же старикъ благословилъ насъ;
И я изъ хижины ея въ объятіяхъ вынесъ,
Представилъ подданнымъ: вотъ вамъ жена моя,
Вотъ новая владѣтельница ваша,
Воскликнулъ я; — отъ кликовъ вздрогнулъ лѣсъ,
И звукъ роговъ и трубъ раздался по долинамъ
И вслѣдъ за тѣмъ мы отвезли ея
Въ нашъ замокъ Пандени и въ тотъ же день
священникъ
Предъ олтаремъ навѣкъ насъ сочеталъ.
И вотъ какъ я женился, Королева.

Ж и н е в р а.

Мы поздравляемъ васъ — желаемъ, чтобъ въ
Гризельдѣ
Какъ связка хвороста, пылала ваша страсть
Огнемъ живымъ, блистательнымъ.

Э л е о н о р а.

Позвольте
Спросить васъ, Персиваль, а сколько
Ей угольевъ въ приданое пошло.

О р и а н а.

Помилуйте; она съ собою принесла
Любовію исполненное сердце,
Излѣвленное до углѣ.

Э л е о н о р а.

Персиваль,

Позвольте мнѣ совѣтъ вамъ дать полезный:
Отныне можете въ свой Графскій гербъ включить

Куль съ угольями.

ЖИНЕВРА.

Графъ, еще скажите мнѣ,
Не продолжается ли она плескаться въ лужахъ,
Какъ утка дикая—любуется ль она
Когда вода, отъ вѣтра заиграя,
Обезобразить личико ея?
Но шутки въ сторону! прощайте, милый Графъ,
И угольничихъ отъ насъ скажите,
Что королева кланяется ей.

(Хочетъ уйти).

ПЕРСИВАЛЬ *(въ бѣшенствѣ).*

Чтобъ я отнесъ поклонъ ей отъ Жиневры!
Скорѣ ядъ, княжалъ п моровую яззу
Въ гостищецъ ей отсюда принесу,
Чѣмъ ващъ поклонъ.

ТИРСТАНЫ.

Вы пшъ себя.

ЛАНСЕЛОТЪ.

Надменный!

Обида стоитъ крови.

ПЕРСИВАЛЬ.

Я готовъ.

(Оба обнажаютъ мечи).

ЖИНЕВРА.

Мнѣ дурно!

(Она опирается на Ориану, Тирстанъ и рыцари разнимаютъ Персиваля и Ланселота).

ТИРСТАНЫ.

Остановитесь!

ГОДВИЦЪ.

Мечи въ пожны!

ПЕРСИВАЛЬ.

Прочь!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ, Сенешалъ и король Артуръ.

СЕНЕШАЛЬ.

Мѣста!

Отсторонитесь—господа. Потяше:

Вы во дворцѣ!—Потяше, господа!

ПЕРСИВАЛЬ, *(который оттолкнулъ между тѣмъ удерживавшихъ его рыцарей).*

Прочь! я съ тобой развѣдаться готовъ!

АРТУРЪ, *(вошедши, между тѣмъ, хватаетъ Персиваля за руку.)*

Остановись!

(Музыка умалчиваетъ, гости сходятся изъ другихъ покоевъ).

Мечи обнажены!

Что значить это, рыцари? Что здѣсь

Случилось?

ПЕРСИВАЛЬ.

Вотъ у насъ спросите.

ЖИНЕВРА.

Государь,

Графъ Персиваль; не уважалъ насъ,
Забылъ, что онъ въ покояхъ королевскихъ,
Дерзнулъ насъ оскорбить при всемъ дворѣ—
Насъ, королеву и супругу вашу.

АРТУРЪ.

Не можетъ быть!

ОРИАНА.

Такъ точно, государь!

Изь за бездѣлицы, изъ за веселой шутки,
Зажегъ раздоръ надменный Персиваль
И оскорбилъ словами королеву.

АРТУРЪ.

Что скажете на это, Персиваль?

ПЕРСИВАЛЬ.

Я сознаюсь. Презрѣнье и насмѣшки
Изь устъ исторгли дерзкія слова.
Моей женой ругалась королева,
Мевъ и мать младенца моего
Язвительной колола острою;
Я не стерпѣлъ, п тѣмъ же отплатилъ.

АРТУРЪ.

Ты осквернилъ дворецъ мой королевскій,
Въ женѣ моей меня ты оскорбилъ;—
И блескъ вѣнца ты помрачилъ дыханьемъ
Злословныхъ устъ твоихъ.

ПЕРСИВАЛЬ.

За что же, государь

Она жену мою безвѣнно оскорбляетъ?
Хотя она п угольница дочь,
Но вѣдь она вѣрна и благоурадна,
Исполнена любви; ея душа
Украшена достоинствами поля
Гораздо болѣ, чѣмъ у этихъ жецъ.
И ни одна изъ дамъ высокородныхъ,
Хотя они п выточены всѣ:
Изь дерева заморскаго, какъ куклы,
Тряпьемъ обвѣшанная разноцвѣтнымъ,
Внѣ въ чемъ съ моею Гризельдой не сравнится.

ОРИАНА.

Надъ королевою ояъ еще смѣется, дерзкій.

ТИРСТАНЫ *(Персиваляю).*

Вы пшъ себя.

ПЕРСИВАЛЬ.

За что вы, королева,

Такъ на меня разгнѣвались? Вѣдь я
Не задрожу отъ этихъ грозныхъ взоровъ.
Я не таковъ! п смѣло предъ дворомъ
Я вамъ скажу: когда бъ на бѣломъ свѣтѣ
Достоинства цѣнились одни
Гризельда бѣдная была бы королевою,
А вы передъ ней склонились бы во прахъ.

ЖИНЕВРА *(Артуру).*

Могуль снести такое поруганье?

АРТУРЪ.

Молчи, графъ Персиваль; умалки королева!

Неправы оба вы!—Но я хочу
И требую, чтоб Персиваль смрился.
За оскорбленіе Величества въ женѣ
Моей,—проси у ней торжественно прощенья!

ПЕРСИВАЛЬ.

Прощенья! Никогда.

А РТУРЬ.

Его просить ты будешь,

Клянуся честью!

ПЕРСИВАЛЬ.

Нѣтъ, тому не быть!

Скорѣ сводь на насъ обрушится небесный.

ЖИНЕВРА, *(посль нѣкотора-
раго размыслиенія)*.

Позвольте, государь, мнѣ сдѣлать предложенье:
Запуталъ дѣло кто, тотъ иршшитъ его.
Графъ Персиваль, прощенья не просите,
Я предъ крестьянкою колѣна преклоно.

ПЕРСИВАЛЬ.

Что говорите вы?

В сѣ.

Неслыханно!

ЕЛЕОНОРА.

Она,

Повѣрьте, вѣ себя.

А РТУРЬ.

Ты шутишь, королева.

ЖИНЕВРА.

Лишь дайте доказать. Такъ, Персиваль,
Я предъ крестьянкою преклоно колѣна,
Когда докажете намъ опытами вы,
Что добродѣтельна, полна любви Гризельда,
И до того душой вамъ предава,
Что еслабъ въ мѣръ семь цѣпилися по праву
Достоинства, она—бъ носила мой вѣнецъ,
И Англійской была бы королевой.
Когда докажете, тогда и я готова
Торжественно предъ пей колѣна преклонить.

ПЕРСИВАЛЬ.

Хотите—я на опыты согласенъ
И хотъ сейчасъ готовъ. —

А РТУРЬ.

Какъ, Персиваль!

Вы на закладъ рѣшаетесь опасный,
Когда раскаянье исправить можетъ все?

ЖИНЕВРА.

Тѣ опыты жестоки, я не скрою;
Но ихъ вамъ назначать теперь не въ силахъ я,
Отъ спора съ вами я устала. Потрудитесь,
Чрезъ часъ ко мнѣ пожаловать въ покой,
Я все вамъ объясню. Васъ рыцари и дамы,
Прошу къ себѣ, свидѣтелями быть
Условья нашего. Тирстанъ и вы Годвинъ,
Прошу васъ слѣдовать за графомъ Персивалемъ;

За женскимъ Феникомъ прошу васъ наблю-
дать;

Еще вамъ говорю, жестоки испытанья!

И можетъ ли Гризельда ихъ снести?

А РТУРЬ.

Смирите гордый духъ, графъ Персиваль,
Прощенія просите у Жиневры,
Не подвергайте опытамъ жену
И сердца вѣрнаго ея не растерзайте.

ПЕРСИВАЛЬ.

Меня не утрашать всѣ ваши испытанья,
Я за жену свою ручаюсь головой:
Гризельда для меня не пожалеть жизни;
Увѣренъ въ томъ. Свою ко мнѣ любовь
Суровымъ опытомъ она мнѣ доказала.
Ея слѣпой отецъ, угрюмый Цедрикъ,
Мнѣ какъ—то грустію своею досадилъ,
Изъ замка своего я выгналъ сумасброда,
Гризельда плакала, молчаніе хранил.
Хотите ль больше знать—тому не болѣе года,
Я тяжко занемогъ отъ старыхъ ранъ
И близокъ къ смерти былъ, а въ тоже время
Слегла на одрѣ мать дряхлая ея
И дочь звала къ себѣ принять благословенье,
Предъ смертію ея послѣдній поцѣлуй.
Какъ ни была Гризельда безутышна,
Какъ ни рвала слъ къ матерп душой,
На шагъ она не отошла отъ мужа,
Пока совсѣмъ не выздоровилъ онъ.
А мать ея тѣмъ временемъ скончалася,
Предъ смертію дочери любезной невдава.
И я еще могу въ Гризельдѣ сомнѣваться?
На смѣлый бой вступаю съ вами я,
Какія бѣ ни были Гризельды испытанья,
Преодолѣть ихъ великая душа
И я торжественно побѣдой увѣличаюсь.

ОРИАНА.

Не хвастайте, пока не одержали верха.

ТИРСТАВЪ.

Надѣлъ вамъ Гризельда доказала
Слѣпую преданность и нѣжпую любовь,
Зачѣмъ же подвергать опаснымъ искушеньямъ?
На все есть мѣры, графъ, и гибкій лукъ
Ломаетсл когда натянуть туго.

ПЕРСИВАЛЬ.

Съ Гризельдою того не можетъ быть.

А РТУРЬ.

И такъ рѣшился вы! Съ сердечнымъ огор-
ченьемъ
Я соглашался на роковой закладъ.
Охота заведетъ меня въ долины ваши,
Желалъ бы въ Пандени не встрѣтить слезъ;
Окончите скорѣ вашу сору:
За гордость не должна страдать любовь,

ЖИПЕВРА.

Вы незамедлите, васъ жду въ моемъ покоѣ.
(Уходя, Оріанъ).

У ногъ своихъ—его увижу я.
(Уходитъ съ Артуромъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Ночь, лампада слабо освѣщаетъ сцену, которая представляетъ готическій покой со сводами и съ дубовыми рѣзными украшениями. Въ глубинѣ сцены главный входъ, по лѣвой рукѣ отъ нея небольшой дверь).

Гризельда (одна).

Чтобъ задержать его въ пути могу?
Ужъ ночь, туманъ спустился на долины,
Невѣрный мѣсяцъ скрылся въ небесахъ;
Надъ Трентомъ облака скопились дождевыи
Гдѣ бъ могъ онъ быть? Не приключилось ли
Несчастье? Шумъ шаговъ я слышу:
Онъ, онъ, его шаги —

(Большая дверь растворится,
входитъ старый Рональдъ).

Ахъ, это ты, Рональдъ.

Давно я жду тебя.

Рональдъ.

Графиня, въ эту ночь
Грозъ неминовать; такъ темно, что во мракѣ
Не разъ съ пути сбывался я.

Гризельда.

Ну, что жъ

Ты мнѣ принесъ извѣстье? Видѣлъ ли
Слѣзнаго, бѣднаго родителя?

Рональдъ.

Я видѣлъ

Близъ хижины въ тѣни широкой дуба
Сидѣлъ на дергъ онъ съ своимъ проводникомъ.

Гризельда.

Ты говорилъ ли съ нимъ—смягчилъ ли гнѣвъ
его?

Рональдъ.

Непримиримый нравъ его извѣстенъ вамъ.
Онъ ласково со мной сначала обошелся,
Ко мнѣ всегда онъ благосклоненъ былъ,
Когда же я о насъ ему напомнилъ,
Морщинами его покрылось чело.
Съ улыбкой горькою онъ отвѣчалъ: скажи ей,
Что Персиваль меня изъ замка выгналъ
Своею гордостью, что чрезъ его порогъ
Не ступить угольничъ — и не обниметъ богъ
Неблагодарной дочери своей!

Гризельда.

Такъ онъ меня, меня въ томъ обвиняетъ,
Я изгнала его — не мужъ мой, Персиваль.
Въ недобрый часъ, не у него ли въ гнѣвѣ,
Когда-то слово вырвалось изъ устъ?

Рональдъ.

Все это я внушилъ ему, графиня,
Но своенравный онъ и слушать не хотѣлъ,
И твердо убѣжденъ, что вы для нихъ
Презрѣли матери послѣднее лобзанье.

Гризельда.

Онъ ошибается—лишь для любви одной
Я хижину на замокъ промѣняла.
Любовь дороже мнѣ и злата и чести,
Ее нашла въ груди я Персивала.
Изъ за-любви одной къ нему лишилась я
Благословенія и матери любезной.

Рональдъ.

Вы за собой вины не сознаете,
Такъ успокойтесь, графиня, вапъ отецъ
Умилосердитесь со временемъ, недаромъ
Меня спрашивалъ о сынѣ вашемъ.

Гризельда.

Какъ!

Онъ спрашивалъ о сынѣ?

Рональдъ.

Потому-то

Надѣйтесь на примиренье съ нимъ.
Онъ скоро къ вамъ прострѣтъ отцовскія объ-
лтъя.

Гризельда.

Надеждою меня ты успокоилъ;
Благодарю, пдн и отдохни съ дороги.

Рональдъ.

Благослови васъ Богъ—спокойно почивайте.
(Уходитъ).

Гризельда (одна).

Мать умерла, меня предъ смертью не видавъ.
Когда съ небесъ ты на меня взираешь,
Почившій ангелъ мой, прости мнѣ, что не я
Глазѣ твои на вѣчный сонъ закрыла,
Что приняла твое дыханіе не дочь.

(Оттираетъ слезы и отворлетъ окно).

Въ густой туманъ долина облеклася,

Ужъ поздно; время спать. Прости мой Персиваль!

Ты вспомишь ли меня теперь на сонъ грядущій?

Ты согласишься! Я уверена, прости! Спокойный сонъ, возлюбленный;—заглянемъ, Что дѣлаетъ нашъ сынъ, пойду къ нему.

(Она уже дошла до небольшой двери, ведущей въ комнату сына, какъ Персиваль съ Тирстаномъ и Годвинномъ входятъ въ главную дверь).

ЯВЛЕНИЕ II.

Гризеяда, Персиваль, Годвиннъ и Тирстанъ.

Персиваль,

Гризеяда!

Гризеяда *(подбѣгая къ нему)*.

Персиваль! Ты возвратился, Тебя я вижу, милый Персиваль.

Персиваль.

Здорова ли ты?

Гризеяда.

Опять ты на груди моей,

Какъ я давно тебя не обнимала,
Три дня съ тобой въ разлуку были мы!
Хоть разъ меня ты вспомнилъ ли въ разлуку?
За дамами ты увивался тамъ,
Не правда ли? Мой вѣтренникъ, не такъ ли?
Но ко двору тебя я боль не пушу.
Да поцѣлуй меня! Отъ солнца
Ты загорѣлъ въ пути! О какъ отрадно мнѣ
Какъ весело лежать въ твоихъ объятыхъ,
Мой Персиваль, мой мужъ, мой государь.

Персиваль.

Гризеяда—посмотри...

Гризеяда.

Но ты въ большой потерѣ,
Подумай—Адельстанъ, нашъ милый сынъ,
Въ твое отсутствіе безъ помочей свободно
Покой весь пробѣжалъ и не упалъ ни разу.
Старикъ Алявъ, его усердный дядька,
Едва отъ радости не всплакалъ Персиваль,
Какъ безъ тебя одной мнѣ было скучно,
Не только потому, что ты былъ далеко,
Нашлись другія горести! Посмотримъ,
Что сыну ты привнесъ въ гостинецъ отъ двора,
Какъ, ничего! Забылъ, какой же ты безпечный.

Персиваль.

Но оглянься—къ тебѣ привелъ гостей,
Пріятелей моихъ, пріѣтствующихъ, Гризеяда.

Гризеяда *(къ рыцарямъ, устыдясь и покрасивъ)*.

Его лишь одного я видѣла; простите,
Мнѣ, рыцари.

Тирстанъ.

Графиня, нашъ приходъ
Нарушитьъ вашего веселія не долженъ,
При видѣ милаго супруга.

Персиваль.

Полно, другъ,
Оставь языкъ придворный, я ручаюсь,
Что безъ него тебя радушно угостимъ;
Не правда ли, Гризеяда?

Гризеяда.

Безъ сомнѣнья,
Вамъ не угодно ли въ другой покой итти?

Персиваль.

Мы здѣсь останемся.

Гризеяда.

Разбудите ребенка,
Онъ спитъ въ той комнатѣ! Не хочешь ли его
Поцѣловать.

Персиваль.

Усплю; а теперь

Похлопочи объ ужинѣ, Гризеяда.
Мы утомились въ пути, притомъ гроза
Такая надворъ, чуть насъ съ коней не сбила;
Ты слышишь ли, Гризеяда,—носпѣши.

Гризеяда.

Иду, иду—несъ домъ къ услугамъ вашимъ,
Прошу лишь васъ дитя не разбудить.
(уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Персиваль, Годвиннъ и Тирстанъ.

Персиваль *(бросаясь въ кресла)*.

Ну какъ же нравится вамъ угольщика дочь?

Годвиннъ.

Душа ея на лѣнкѣ отразилась.

Тирстанъ.

Веселость милая, стыдливость, простота
Все сѣдинилось въ ней и довершило прелесть
Наружности ея.

Персиваль.

Такъ не нахвасталъ я
Предъ королевою;—моя жена достойна
Похвалъ, которыя такъ щедро при дворѣ
Ей расточалъ. Побѣда будетъ наша;
Увидите.

Годвинъ.

Гризельда любить сына. —
Она его не выдастъ.

Персиваль, *(вскочивъ)*.

Мнѣ не выдастъ?

На отъсѣченъе руку вамъ даю, —
Когда она моею не покорится волѣ!
Побѣда, рыцари, на нашей сторонѣ,
Колѣна передъ ней преклонитъ королева.

Тирстанъ.

И эту невѣжью, невѣстную жису,
Которая для васъ родителей забыла,
Хотите вы мученіямъ предать?
Книжалою измѣрять ея хотите сердце,
Которое живетъ и бьется лишь для васъ?
Изъ глазъ хотите вы исторгнуть слезы, —
Изъ глазъ, которые лишь видятъ васъ однихъ
И жаждутъ встрѣтиться съ однимъ лишь взро-
ромъ вашимъ?...

Опомнитесь — не будьте, Персиваль,
Настойчивы на словъ, данномъ вами.

Персиваль.

Чтобъ слову своему я измѣнилъ!
Когда оно меня, какъ жалою, подстрекаетъ
И превращаетъ въ пламя кровь во мнѣ —
Еще она сегодня добровольно
Ребенка выдастъ мнѣ и передъ ней во прахъ
Повернется надменная Жиневра.

Тирстанъ.

До завтра опытъ вашъ суровый отложитъ,
Лишь эту почву ея не потревожьте сна,
Не отравите ей свиданія восторговъ.
Больше будетъ ей, мучительные скорби,
Когда ее сегодня огорчите.

Персиваль.

Ну, что-же, еслибъ я и огорчилъ ее?
Успеть въ слезахъ, пробудится съ улыбкой,
Вѣдь я по прихоти терзаю же себя
Въ великій постъ и голодомъ и жаждой
И бичеванію себя я предаю! —
Осудятъ ли за то, что я Гризельду мучу —
Она жена моя, въ насъ плоть и кровь одна —
Такъ не себя ли я въ лицѣ жены терзаю?
Вамъ, рыцарь мой, я порученье дамъ
Младенца отвести въ сосѣдную деревню,
Къ кормилицѣ моей — пусть утаитъ она
Его отъ матери. — Но вотъ сама Гризельда.

Тирстанъ.

Еще прошу васъ, Персиваль.

Персиваль.

Тирстанъ!

Что я сказалъ, то свято, непреклонно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Гризельда, за нею слуги несутъ чаши и бокалы.

Гризельда.

Готово все: — вотъ лучшее вино,
Прошу васъ, рыцари, примитесь за бокалы.
Я вамъ примѣръ подамъ.
(Пьетъ и подаетъ рыцарямъ по бокалу.)

Годвинъ.

Благодарю,

Желаю вамъ здоровья, благъ земныхъ.

Тирстанъ.

И я того же.

Гризельда.

Во время, однакожъ,
Пріѣхали вы въ замокъ, — некогда
Въ долину поднялась. — Вы слышите ли громъ
Въ ущельяхъ горъ, какъ грохотъ, раздается,
И молніи разрываетъ мракъ.

Годвинъ.

Готовъ васъ охранить отъ молніи и грома.

Гризельда.

Благодарю васъ, рыцарь.

(Слуги удалились, Гризельда подходитъ къ Персивалю, садящемуся въ кресла, въ глубокой горести.)

Гризельда.

А ты не пьешь, ты отвергаешь кубокъ.
Улыбнень твою покрылось чело —
И мрачный огнь въ очахъ твоихъ пылаетъ —
И той улыбки пѣть, съ которой ты меня
Привѣтствовалъ по возвращеньи въ замокъ,
Вздыхаешь, Персиваль? Мнѣ страшно, что съ
тобой?

Персиваль.

Я утомленъ и болью ничего.

Гризельда.

Пить, не обманывай меня! — Дождись
Такъ не будь мраченъ ты, скажи мнѣ что съ
тобой

Случилось?

Персиваль.

Все узнаешь завтра.

Гризельда.

Пить!

Сего дня мнѣ скажи, я глаза не сомкну
Всю ночь отъ страха.

Персиваль.

Знай же, нашъ король

Проглянулъ за то, что плелую вѣтвь
Привилъ я къ древнему властительному дубу,
Что угольница шукъ наследуетъ по мнѣ

Владѣнія мои и графскую корону;
И вотъ теперь приказываетъ онъ
Ему отдать младенца Адельстана,
Въ противномъ случаѣ онъ ссылкой мнѣ гро-
зить.

ГРИЗЕЛЬДА, *(помолчавъ, смѣется
простодушно)*.

Ты шутишь, Персиваль, смѣешься, право
Меня страшась только, — ты не можешь
Въ глаза мнѣ прямо, пристально глядѣть
Ну погляди, вотъ видишь, ты не можешь,
Ты избѣгаешь взора моего;
Уста твои дрожатъ; ты хочешь скрыть улыбку,
И полно... пошути шаче; этихъ словъ
Я слушать не могу безъ ужаса.

ПЕРСИВАЛЬ.

Вотъ ихъ

Король прислалъ исполнить приказанье.

ГРИЗЕЛЬДА.

Васъ, рыцари? Не можетъ быть! И вы
Хотите у меня похитить сына?
Не смѣйтесь надо мной, надѣньте же сперва
Личину на себя, чтобъ васъ я испугалась,
Тюремщикъ Купрехтъ нашъ сперва звонить
цѣплями,
Чтобы приходъ свой жертвъ возвестить,
И волкъ сперва завоетъ, если онъ
Въ лѣсу слѣдъовъ отыскиваетъ дѣтскихъ.

ПЕРСИВАЛЬ.

Она не вѣритъ мнѣ, такъ вы скажите ей:
Вы исполнители приказовъ королевскихъ.

ТИРСТАВЪ.

Графъ правду говорить.

ГОДВИНЪ.

Такъ точно,

За вашимъ сыномъ насъ король послалъ сюда.

ГРИЗЕЛЬДА.

Такъ вы не шутите! На сына моего
Разгнѣвался король жестокосердый.

ТИРСТАВЪ.

То воля короля, графиня, вы должны
Повиноваться ей и намъ младенца выдать.

ГРИЗЕЛЬДА.

Ты могъ рѣшиться, Персиваль, ты хочешь?
Подумать могъ младенца выдать имъ?
Увы! имъ болѣе тебя не любиться,
Не дѣловать его ни въ очи, ни въ уста;
Привѣта дѣтскаго тебя не слышать болѣ!
Ты отъ него отрекся навсегда!
Нѣтъ! отъ него отреченъ ты не можешь:
Онъ сынъ твой, онъ единственный твой смѣль.
Лишь вспомни день, какъ онъ на свѣтъ родился
Къ своей груди его ты пламенно прижалъ,
Восторженный вскричалъ — мнѣ Богъ далъ сына.
И для него ты въ радости забылъ
И мать его, страдавшую на ложѣ.

Ты изъ очей его блаженство жизни пилъ,
Насытиться не могъ его ты лицедрѣньемъ;
И ты теперь его на гнѣбь отдаешь;
Не можетъ быть; о томъ помыслить я не смѣю;
Кто львенка похищалъ у льва? не можетъ быть!
И Персиваль врагамъ не выдастъ сына.

ПЕРСИВАЛЬ.

Нѣтъ средствъ спасти его, какъ ни желалъ бы,
Я покорюсь приказу короля.

ГРИЗЕЛЬДА.

Сразилъ Катмара ты и сына исполнила —
Кто королей углѣмъ оружіемъ побѣждать,
Тотъ ихъ и гнѣвъ снесетъ! святымъ всѣмъ за-
клинаю, —
Винювенъ ли младенецъ бѣдный въ томъ,
Что въ свѣтъ рожденъ ничтожною крестьянкой?
Ты сына пощади, съ монархомъ примиришь;
И жизнь, и кровь ему на жертву посвящая,
Лишь сына искупи, онъ жизни и смерти моя.

ПЕРСИВАЛЬ.

Я говорю тебѣ, жена, что все напрасно,
И сыномъ должень я пожертвовать! Хочу!

ГРИЗЕЛЬДА.

Онъ такъ-же мой, его я не отдамъ!
Въ немъ кровь моя, его носила я подъ сердцемъ,
Его питала грудью я сама.
Его съ младенчества лелѣла, хранила,
И я отдамъ его — неслышанное дѣло!
*(Остатокъ вливается, потомъ живо
говоритъ.)*

На сына моего нѣтъ правъ у короля.
Онъ гнѣвенъ на него, зато, что сынъ крестьянки
(одумывается)

Къ нему питаетъ ненависть, по что
Онъ хочетъ сдѣлать съ нимъ, скажите?
Зачѣмъ же вы безмолвны?

Но для чего онъ пужень королю?

ТИРСТАВЪ.

Король

У насъ и добръ, и правосуденъ.

ГОДВИНЪ.

Время

Окажетъ сдѣлать, а намъ извѣстно
Лишь порученіе, не воля государя.

ГРИЗЕЛЬДА *(быстро въ бол-
шомъ страхѣ)*.

Вамъ рыцари мѣня не обмануть.
На блѣдыхъ лицахъ вашихъ я читаю,
Изъ робкихъ взоровъ вашихъ вижу я,
Онъ хочетъ умертвить его! Нѣтъ, нѣтъ,
Сперва меня злодѣи умертвите!
О Адельстанъ! несчастное дѣтя!
Тебѣ отецъ жестокой незащитникъ,
Тебѣ защитою лишь женщина одна.
Но женщина та мать! Злодѣи! попытайтесь
Отъ сердца матери младенца оторвать!

Г О Д В И Н Ъ.

Я вамъ сказалъ, она не выдастъ сына!

П Е Р С И В А Л Ъ.

Теперь или никогда!

(обращается къ Гризельдѣ.)

Коль такъ Гризельда —
Дитя свое любезное лелѣй,
Храни, чтобъ вѣтеръ на него не дулъ,
Какъ свѣтъ очей, какъ дорогой алмазь,
Ты береги его, тебѣ онъ будетъ дорогъ
За жизнь отца, ты купишь сына жизнь.

Г Р И З Е Л Ъ Д А.

За жизнь твою?

П Е Р С И В А Л Ъ.

Ну, что же ты трепещешь?
Вѣдь у тебя останется твой сынъ,
Когда я буду изгнанъ, обезславленъ,
Какъ дикой звѣрь, преслѣдуемъ отъ псовъ,
Не знаетъ гдѣ найти пріюта.
Скитаться въ міръ буду я одинъ,
Когда меня врагамъ измѣна выдастъ.
И съ палачемъ я взойду на эшафотъ,
Гризельда, не тоскуй, пусть кости Персивала
Безъ погребенія не солнцъ пролежать.
И что тебѣ до нихъ? — Слезы ты не уронишь
На прахъ изгнанника, — съ тобою милый сынъ,
Ты счастлива! Тебѣ до слезъ ли будетъ!

Г Р И З Е Л Ъ Д А.

(Пристально смотритъ нѣсколько минутъ, судорожно прижимая руки къ сердцу, потомъ тихо — слабо говоритъ).

Изгнанникъ ты, обремененъ проклятемъ,
Умрешь отъ рукъ презрѣнныхъ палача....
Возьми его.

П Е Р С И В А Л Ъ.

Какъ? ты отдать согласна?

Г Р И З Е Л Ъ Д А.

Должна!

П Е Р С И В А Л Ъ.

Я побѣдилъ: — Годвинъ возьметъ сына.
(Годвинъ идетъ въ ближнюю комнату, Гризельда за нимъ).

Г Р И З Е Л Ъ Д А.

Остановитесь, возьмите, — нѣтъ, оставьте...
О Боже! не могу отдать его!

П Е Р С И В А Л Ъ.

Ко мнѣ Гризельда!

(Гризельда, возвращается упадаетъ къ ногамъ Персивала и нѣмая, недвижимая глядитъ пристально на него, — потомъ прижимается головой къ его коленнымъ, между тѣмъ Годвинъ идетъ въ сосѣднюю комнату).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Замокъ Пандени. Великолѣпно украшенная зала съ трономъ, отдѣленная отъ задней галлерей занавѣсомъ.

Я В Л Е Н І Е I.

П Е Р С И В А Л Ъ *(сидѣвшій въ креслахъ, вскакиваетъ).*

Я властью мужа пользуюсь! я правъ.

Но почему я не могу быть веселъ? —

Уныніе легло на сердце, какъ свинець.

(Ходитъ по залѣ, останавливается и опять начинаетъ ходить).

Я признаюсь, меня тревожитъ глухость,

Бывали дни въ супружествѣ, что я

Желалъ и самъ узнать, увѣриться очами,

Рукою осязать — одинъ ли образъ мой

Запечатлѣнъ въ ея прекрасномъ сердцѣ?

А нынѣ случай есть на дѣль испытать.

Я своего коня испытываю прежде,

Чѣмъ жизнь свою ему въ сраженіи поручу;

Испытываю щитъ и остріе булата,

Такъ почему же мнѣ жены не испытать?

=

Я В Л Е Н І Е II.

П Е Р С И В А Л Ъ, Г О Д В И Н Ъ, Т И Р С Т А Н Ъ.

П Е Р С И В А Л Ъ.

(Живо обращается къ Годвину).

Скажите мнѣ, что сдѣлали вы съ сыномъ?

Г О Д В И Н Ъ.

Въ надежномъ мѣстѣ онъ, графъ Персиваль;
Но ласки онъ чужія отвергаетъ,
И тянется все къ матери и къ вамъ,
На насъ онъ вамъ пожаловаться хочетъ,
Что отняли отъ матери.

П Е Р С И В А Л Ъ.

Поплачетъ

Малютка мой — поплачетъ, но недолго;

Мою вину загладю я предъ нимъ...

Созвали ль вы моихъ вассаловъ въ замокъ?

Г О Д В И Н Ъ.

Изъ всѣхъ долинъ они собираются сюда.

Персиваль.

(Тирстанъ *входитъ*).

Благодарю, Тирстанъ, ты видѣлъ ли Гризельду?

Тирстанъ.

Да, графъ, ее я видѣлъ.

Персиваль.

Чтожъ, она

Печалится? оплакиваетъ сына?

Не скройте отъ меня—гдѣ? гдѣ она?

Тирстанъ.

Гризельда бѣдна, недвижна, какъ мраморъ,
Сидитъ въ своемъ поков.—Грудь ея—
Не дышетъ; взоръ безжизненный впередъ
На колыбель младенца—на колыбахъ
Лежитъ у ней, чтобы думали вы?—малчикъ,
Которымъ сынъ игралъ вчера въ послѣдній разъ
Отдайте сына мнѣ, отдайте Адельстапа!
Она вскричала, увидавъ меня,
И въ обморокъ упала въ руки женщины.

Персиваль.

Довольно,—о! довольно.—Персиваль,
Трепещешь ты! Ужель отъ слезъ Гризельды
Смягчится воля твердая?
Всю чашу горести должна испить Гризельда,
И отвратить ея—нѣтъ средствъ,
Къ ея спасенію!

Тирстанъ.

Какъ нѣтъ? одно лишь слово
И къ жизни вы Гризельду воззовете,
Лишь стоитъ вамъ загадку объявить.

Персиваль.

Забыли вы, что честь одна залогомъ слова—

Тирстанъ.

Вы съ королевою раздѣляйтесь.

Персиваль.

Чтобъ я

Колѣна преклонилъ предъ гордой королевой?

Тирстанъ.

Не ваша ль гордость бѣдствія виной?

Такъ пусть за всѣхъ пострадаетъ ваша гордость.

Персидаль.

Тому не быть, доколѣ я дышу!

Годвинъ.

Знамена, вижу я, колеблются въ дали,
Блестятъ оружія,—сюда идутъ
Вассалы ваши.

Персиваль.

Къ нимъ на встрѣчу я поѣду,
А вы межъ тѣмъ Гризельду ободрите
Къ перенесенію новыхъ тяжкихъ бѣдъ.

Годвинъ.

Охотно.

Персиваль.

Вотъ она, какъ медленно идетъ.

(*Уходитъ*).

Тирстанъ.

Видъ горестный! Какъ колосья отъ грозы
Склонилась она къ землѣ глаголю.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ, Гризельда, *сопровождаемая своими*

Гризельда.

Благодарю за ваше попеченье,
Мнѣ ваша помощь болѣ не нужна,
Мнѣ легче—и теперь, прошу, меня оставить.
(*Даны удаляются въ глубину сцены; Гризельда приближается къ рыцарямъ*).

Скажите, рыцари, гдѣ жъ Персиваль? онъ самъ
Меня призывалъ сюда.

Годвинъ.

Онъ скоро возвратится.

Тирстанъ.

Вы отвращаете отъ насъ суровый взоръ;
Видъ ненавистный нашъ на васъ наводитъ ужасъ.
Упрека вашего достойны мы исполъ
И не павидѣть насъ вы можете, графиня.

Гризельда.

Васъ ненавидѣтъ? рыцари, о нѣтъ,
Я шюкого не ненавижу въ мирѣ
И даже короля.

Годвинъ.

А онъ всего виновникъ!
Не онъ ли сердце ваше растерзалъ?

Гризельда.

Не онъ, а Богъ, Его святая воля,
Исполнится на мѣв. Тотъ поразилъ меня,
Чья власть во прахъ свергаетъ троны
И рветъ вѣщи съ вѣстителей земныхъ,
Кто маниемъ перста изъ мглы выводитъ солдцы
И дуновеньемъ погашаетъ ихъ,
Тотъ поразилъ меня, не вашъ король, я знаю,
Господь меня за гордость наказалъ!

Тирстанъ.

Съ какимъ терпѣніемъ и вѣрой вы несете
Тяжелый крестъ!

Гризельда.

Я, рыцари! Нагрозилъ,
Высокохвальный, искала я того,
Чегобъ не должно—сердца Персиваля!
Я не гордилась ли, что Персиваль мой мужъ?
Я не хвалилась ли моимъ малюткой—сыномъ?
Я дочь крестьянина—забылась до того,
Что на пельчѣ земное посягнула
И не постигла Божескихъ щедротъ.

Онъ милостыню даль,—ее почла я долгомъ,
И Богъ меня за то на сынъ наказалъ.

Тирстанъ.

О, сохраните это упованье
Въ небесный промыселъ;—надъ вашей головой
Еще вполнѣ не разразилась туча
И новыхъ жертвъ потребуютъ отъ васъ.

Гризельда.

Какъ? Новыхъ жертвъ? Не разрывайся сердце!
Ты, Боже, силы дай ихъ перенести!
Скажите, я на все, на все готова.

Тирстанъ.

Не вправъ мы о томъ васъ извѣстить;—
Графъ Персиваль въ присутствіи вассаловъ
Объявить вамъ.

Гризельда.

Что? Не скрываете же!...

Я цѣпью! Смерти ожиданье
Мучительнѣе самой смерти мнѣ.

Годвинъ.

Но вотъ сюда идутъ вассалы ваши.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Персиваль (*входитъ съ знатнѣйшими вассалами и всходитъ на тронъ. Въ это время завязь отдергивается и прочие вассалы медленно входятъ со знаменами.*)

Персиваль.

Привѣтствую моихъ сподвижниковъ вассаловъ.
Я призвалъ васъ въ мой замокъ Пандени
По дѣлу важному. Я вижу вы смутились;
Недоумннѣ читаю на челѣ.
Такъ знайте—же: какъ вамъ извѣстно,
Я, на желанье ваше снисходя,
Избралъ супругою Гризельду;
Рожденья низкаго хотя она,
За добродѣтели того достойна сана.
Король Артуръ, нашъ левный государь,
Не признаетъ жены моей и сына.—
Онъ приказалъ, ему младенца выдать,
Чтобъ угольника внуку позора не нанесъ
Дворянству древнему фамильи Персивалей,—
И свято короля я волю совершилъ....

(*Прислѣхъ словамъ Гризельды болѣзненно трепещетъ. Персиваль, помолчавъ, продолжаетъ.*)

Вотъ этимъ рыцарямъ я отдалъ сына.
Король Артуръ еще мнѣ повелѣлъ
Жениться на сестрѣ его Минванъ;
Гризельду же—на вѣки удалить
Изъ замка моего; при всѣхъ моихъ вассалахъ,
Свидѣтеляхъ съ ней брака моего,
Изгнать торжественно.

Гризельда (*страдавшая безмолвно*).

Предчувствіе сбылось!

Сбылся, сбылся въ черныя мечты!

Персиваль.

По волю короля, я призвалъ васъ сегодня,
Чтобы исполнить волю короля.

1-й изъ вассаловъ.

Графъ Персиваль!

2-й.

Возможно ли?

3-й.

Отринуть

Гризельду?

Персиваль.

Не судить мои дѣла,
Свидѣтелямъ быть покорности монарху
Я призвалъ васъ; или Персивала гнѣвъ,
Какъ ярый громъ, надъ вами разразится!
Молчать и слушать!—Подойди, Гризельда.

Гризельда.

Супругъ и государь!

Персиваль.

Ты выслушай приказъ.

Гризельда.

Его я слышала, его ждала издавна,
Я горькую судьбу предвидѣла свою,
Чрезъ мѣру я тобой была счастлива
Для этой жизни! Благодатнымъ сномъ
Я райское блаженство почитала,
И вотъ оно, какъ сонъ, умчалось въ небеса.

Персиваль.

Отнынѣ ты мнѣ болѣе не жена,
Гризельда, слышишь?

Гризельда.

Слышу, государь.

Персиваль.

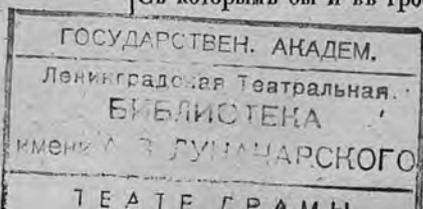
Сегодня же ты удался изъ замка,
Оставя здѣсь все пышные дары,
Которыми тебя въ день брака я осыпалъ,
Такъ повелѣлъ король; отсюда удался,
Какъ ты пришла сюда, безпомощна, бѣдна.—
Предъ кородемъ, въ лицѣ его пословъ,
И предъ вассалами, торжественно тебя
Я отпускаю.

Гризельда.

Государь, все, все

Оставляю здѣсь, тѣмъ нѣкогда изволилъ
Почтить меня. Высокій графскій санъ
И славу имени супруги Персивала,
И драгоценности, которыми тогда
Такъ щедро надѣлили ничтожную крестьянку
И даже даръ безцѣннѣйшей любви,
Съ которыми бы и въ гробъ не разсталась,—

3

Кольцо твое тебѣ я отдаю.
(*Всядрожа, надвываетъ ему на руку кольцо*).

И вотъ теперь отсюда удаюся,
Какъ я пришла сюда—безпомощна, бѣдна.

ПЕРСИВАЛЬ.

Но собственность ты можешь взять съ собою.

ГРИЗЕЛЬДА.

За мной не шли возы съ приданымъ, а одна
Я въ рубищу пришла сюда.

ПЕРСИВАЛЬ.

Возми же

Ты рубище свое—и, кажется, теперь
Мы разошлись съ тобой.

ГРИЗЕЛЬДА.

Нѣтъ, государь,

Ты должникомъ мнѣ останешься навѣки;
Моя любовь осталась у тебя...

Какъ на рукѣ слѣды кольца запечатались,
И образъ твой такъ врезался въ груди.

ПЕРСИВАЛЬ (*тихо*).

Слова ея мою прозвонятъ душу. (*Гризельда:*)
Все кончено межъ нами,—удались.

ТИРСТАВЪ.

Я удержать слезы не въ силахъ.

ГОДВИНЬ.

Подъ сталью, кровью сердце залилось.

ГРИЗЕЛЬДА.

Позволь, хотя еще сказать мнѣ слово —

И удаюся я во глубину лѣсовъ, (*на колѣнахъ*)
Прости, мой Персиваль, Съ Минваною будь

счастливы,

Блаженству твоему сквозь слезы улыбнусь,
Когда счастливые съ ней будешь, чѣмъ со мною;
Но болѣе меня никто на всей землѣ
Любить тебя, боготворить не можетъ.

ПЕРСИВАЛЬ, (*тронутый, съ трудомъ
скрываетъ смѣненіе, съ
большою кротостію*).

Не медли здѣсь—пора идти, Гризельда.

ГРИЗЕЛЬДА (*на колѣнахъ*).

Къ тебѣ объятія съ любовью простираю
И обнимаю воздухъ, пустоту;

Я встрѣтись ищу съ твоимъ отраднымъ
взоромъ,—

Ты отъ меня свой отвращаешь взоръ;

Ты правъ, зачѣмъ же нѣжностью излишней
Страданія Гризельды разстраивать?

Прости, мой Персиваль! Съ тяжелымъ этимъ
словомъ,

Всю чашу горести я осушаю вдругъ,

ПЕРСИВАЛЬ.

Иди, Гризельда.

ГРИЗЕЛЬДА.

Такъ судилъ Господь,

Ия —раба—его покорна воль.

(*Она обращается, чтобъ идти; Персиваль сильно тронутый, закрываетъ махтию, между тѣмъ раздаются плачь и рыданіе женщины, прощающихся съ Гризельдою. Женщины на колѣнахъ предъ ней; иныя цѣлуютъ ея платье и руки.*)

1-я женщина.

Ты покидаешь насъ, прекрасный ангель.

2-я.

Графиня, наша мать, насъ не оставь.

3-я.

Цѣлую край твоей одежды, ангель,
Страдалца земная.

ГРИЗЕЛЬДА.

Часъ насталъ

И я должна разстаться съ вами.

одинъ изъ вассаловъ.

Прости, Гризельда!

2-й.

Богъ съ тобой.

ГРИЗЕЛЬДА.

Простите.

Съ утѣшеннымъ я сердцемъ ухожу.

(*Глядя на Персивала*).

Я плачу, и сама оплакана тобою!

(*Гризельда проходитъ чрезъ толпу вассаловъ и женъ, которыя тѣмъ же, провожаютъ ее. Персиваль глдитъ ей въ слѣдъ. Потомъ быстро оставляетъ тронъ, бѣжитъ къ Тирстану и схватываетъ его заруку*).

==

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣже, кромѣ Гризельды.

ПЕРСИВАЛЬ.

Я слишкомъ былъ жестокъ, — не правда ли,
Тирстанъ?

Я былъ несправедливъ къ Гризельдѣ.

ТИРСТАВЪ.

Увлечлись вы

Внушеньемъ гордости своей и растерзали
Земнаго ангела.

ПЕРСИВАЛЬ.

Что это? звукъ роговъ.

Годвинъ (*у окна*).

Смотрите, полонъ дворъ коней, пажей, коню-
щихъ,

Вездѣ короны англійской гербы,
Со всею свитою възъезжаетъ королева
И Ланселотъ, я вижу, близъ нея.

ПЕРСИВАЛЬ.

Не повреди пожаловала гостя!

ТИРСТАИЪ, *(также смотря
въ окно)*.

И въ самомъ дѣлѣ, королева. Вотъ
Сошла съ коня и съ Ланселотомъ гордо
Идетъ сюда;—но вотъ на встрѣчу ей
Народъ, толпящійся за бѣдною Гризельдой,
Ей заграждаетъ путь.

ПЕРСИВАЛЬ.

Вы видите ль Гризельду?

ТИРСТАИЪ.

Вотъ, вотъ она воззрѣла къ небесамъ,
Со взоромъ встрѣтилась паденной королевы
И выступилъ румянецъ на лицѣ.
Она къ стѣнѣ прижалась смиренно,
Предъ королевою колѣна преклоня,
Которая, ее не удостоивъ взора,
Прочилась мимо.

ГОДВИНЪ.

Вотъ и королева.

=

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже, королева Жиневра, сопровождаемая
Ланселотомъ, дамами и рыцарями, выходитъ
изъ залу, Персиваль съ Годвиномъ и Тирста-
вомъ идутъ къ ней на встрѣчу,

ЖИНЕВРА.

Не знаемъ, рады-ль намъ, вы благородный ры-
царь,

Еще не конченъ споръ;—но мы убѣждены,
Что соблюдете вы права гостеприимства
И самому врагу готовы дать пріютъ.
Притомъ же мы принесимъ вамъ пѣвѣстье:
Король къ вамъ думаетъ захватъ отдохнуть,
Оль на охотѣ здѣсь, въ окрестностяхъ Стафорда.

ПЕРСИВАЛЬ.

Я самъ, весь замокъ мой къ услугамъ короля.

ЖИНЕВРА.

Благодаримъ за вашъ пріемъ радушный.
Но мнѣ позвольте, Персиваль, спросить:
Зачѣмъ въ сей день сошлись вассалы въ замокъ?
Что этотъ значить шумъ и крикъ,
Который насъ такъ поразилъ при въездѣ?
Не праздникъ ли у васъ, или можетъ быть
Судъ рыцарскій въ сей день производился,
По древнему обычаю страны?
Кто эта женщина, которую при входѣ
Я видѣла?—за нею шла толпа.

ПЕРСИВАЛЬ.

Жена моя—Гризельда, у которой
Младенца отнялъ я, ее изгналъ

Торжественно при всѣхъ моихъ вассалахъ.

ЖИНЕВРА.

Гризельда?

ОРИАНА.

И она вамъ сына отдала?

ТИРСТАИЪ.

Съ геройской твердостью, хотя и заплакаясь
Слезами, въ жертву мужу, принесла
Она младенца.

ЛАНСЕЛОТЪ.

Какъ!—охотно, добровольно?

ТИРСТАИЪ.

Сама въ слезахъ и при слезахъ народа,
Она теперь идетъ въ пустынный лѣсъ,
Безъ ропота, покорствуя судьбинѣ,
Благословя мучителей своихъ.

ГОДВИНЪ.

Я въ истинѣ ругаюсь, королева.

ПЕРСИВАЛЬ.

Когда Господь на землю пославъ
Для искушенья ангеловъ спохвъ,
Да за любовь пожнуть они проклятые, слезы:
Однимъ изъ краткихъ ангеловъ Его—
Гризельда.— Споръ окончилъ королева.
Я шуткой полюбившой боли не хочу
Томить ея возвышенную душу,
Которой цену мы изгладимъ вполнѣ.

ЛАНСЕЛОТЪ.

Окончите вражду, прекрасная Жиневра,
И словомъ сладостивымъ заглайте зло,
Которому вполнѣ одно пустое слово.

ЖИНЕВРА.

Но ей еще одинъ остался опытъ.
Пускай она теперь докажетъ намъ,
Что любить васъ, за всю жестокость вашу.
Графъ Персиваль, уже поколебался вы!
Превыше насъ вы вознесли Гризельду,
Такъ докажете жъ истину похвалъ.

ПЕРСИВАЛЬ.

Иль мало слезъ мнѣ на душу упало?
Иль мало я страдальцу томить?
Довольно! болѣе испытывать не буду!
Я каюсь въ томъ, что началъ съ вами споръ.

ЖИНЕВРА.

Но мы условились еще на третій опытъ
При всемъ дворѣ, не такъ ли, господа?

ГОДВИНЪ.

Такъ точно.

ЛАНСЕЛОТЪ.

Оттого и я не отрекаюсь.

ОРИАНА.

Я слышала сама—и если вамъ угодно
До слова повторю условье.

ЖИНЕВРА (*Персивалу*).

Если вы
Раскалялись въ поступкѣ; вашему дерзкомъ
И сжалились надъ бѣдною женой,
Вамъ не угодно ли за гордость въ наказанье,
Передо мной колѣна преклонить?

ПЕРСИВАЛЬ.

Какъ; преклонить колѣна передъ вами!

ОРИАНА.

Несампль объ закладъ вы бились съ королевой?
За чѣмъ же такъ блѣдите теперь?
О, пѣть сомнѣвья, вы, графъ, воображали,
Что улыбаться будетъ вамъ жена,
Когда вы будете ее лишать младенца
И выгонять изъ замка своего.

ПЕРСИВАЛЬ (*въ поклона*).

О я тогда еще предвидѣлъ слезы
И каждый стонъ ея заранѣе считалъ.

ОРИАНА.

И если разобрать: все эти наказанья
Доказываютъ намъ покорность лишь одну
Сильнѣйшей власти мужа надъ женою,
А не любовь ея. Изъ страха одного
Вамъ сына отдала она, — изъ замка
Ушла лишь потому, что выгнали ее.

ПЕРСИВАЛЬ (*въ поклона*).

Я въ сѣть попалъ разставленную злобой.

ЖИНЕВРА.

Рѣшайтесь, я вамъ на выборъ отдаю.

ТИРСТАНЪ,

Умилосердитесь, не подвергайте боль
Ее страданьямъ новымъ, безъ того
Несчастна, изнемогла подъ игомъ.
Смиритесь, надменный Персиваль!
Предъ королевою колѣна преклоните.

ЛАНСЕЛОТЪ (*Жиневрѣ*).

Жиневра, прекрати страданія Гризельды.

ЖИНЕВРА.

Ея судьба лежитъ въ его рукахъ.

ОРИАНА.

Почто же медлите! — Скорѣе на колѣна!
Просите же прощенья, Персиваль!
Быть можетъ на полу вамъ холодно и жестко,
Не подослать ли вамъ, любезный графъ, ковра?
Не нужны ли вамъ пуховыя подушки?
Да станьте же, — повѣрьте, никому мы
Не перескажемъ: все — останется межъ нами.

ПЕРСИВАЛЬ (*послѣ мрачнаго молчанія*).

Я святотатствовалъ надъ сердцемъ непорочнымъ
Я радость находилъ въ страданіяхъ его,
И нынѣ сознаю поступокъ мой жестокой.
Желалъ бы отвратить печали отъ нея —
Но поздно! Такъ свершился ея страданій мѣра!
Готовъ, готовъ идти на новый бой,
Гризельды палачи послѣдуйте за мной.

(*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣсъ. Въ глубинѣ сцены потокъ, а на берегу его хижина угольщика. Среди сцены дубъ,
подъ тѣнью котораго дерновая скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЦЕДРИКЪ *выходитъ изъ хижины, мальчикъ
ведетъ его.*

ЦЕДРИКЪ.

Ты хорошо ли вслушался? Могу ли
Тебѣ повѣрить я. Какъ! сына отдагъ онъ
Артуру?

МАЛЬЧИКЪ.

Точно такъ.

ЦЕДРИКЪ.

По волю короля

Съ женою развелся.

МАЛЬЧИКЪ.

Такъ слышалъ я.

ЦЕДРИКЪ.

И отъ себя прогналъ ее съ безчестьемъ,
При всехъ вассалахъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Да; все это слышалъ я,
И все бранить злодѣя Персивала.

ЦЕДРИКЪ.

Что въ брани ихъ? — ихъ брань слова пустыя,
А Персиваль и знатенъ и могучъ,
И безнаказанно злодѣйствовать онъ въправѣ.
Графъ Персиваль и угольщикъ! Орелъ
И бѣдный червь, но оба чада персти!
И оба дѣти одного Отца!

МАЛЬЧИКЪ.

Гдѣ ни былъ я, вездѣ благословенья слышны

Гризельда. Кто оплакивалъ въ ней мать,
Кто друга. Всѣ божатся, что такъ, безвинно,
Страдаетъ бѣдная отъ мужа своего.

Цедрикъ.

Лишь по наружности судить привыкли люди,
А сердца глубину лишь видитъ Богъ одинъ,
И часто въ насъ невидимо караетъ —
Неблагодарность, гордость, суету
И милостей родительскихъ забвеніе.

Мальчикъ.

Про дочь свою того не скажешь ты,
И кровь свою злословить такъ не будешь.

Цедрикъ.

Воль надоветь въ руку, я отсыкаю руку,
И жилы я разрываю самъ,
Чтобъ отогнать недугъ, меня палищій,
О, въ насъ есть черная, мучительная кровь.

(Вздыхаетъ.)

Дитя, веди меня, — я отдохнуть хочу.

Мальчикъ (ведетъ его къ скамьѣ.)

Присядь: вотъ здѣсь скамья.

Цедрикъ.

Я помню это мѣсто,

Здѣсь часто сиживалъ я съ ней по вечерамъ.
Она къ груди моей здѣсь часто прижималась;
Здѣсь часто съ ней бесѣдовали мы,
Она мнѣ пѣла, — помнишь ли ты, мальчикъ,
Ту пѣсенку о рыцарѣ, ну пой:

«Мчится рыцарь по долинь.
«Видитъ розу межъ цвѣтовъ,
«Загорѣлась въ Паладидѣ
«Къ розѣ пылкая любовь.

Вотъ такъ, пропой же, мальчикъ, пѣсно эту;
Пѣть, пѣть, не пой, я не терплю се.

И слышать не хочу, — какъ тотъ прозвѣжій ры-
царь

Похитилъ розу у меня!

Мальчикъ.

Прилягъ, усни; ты весь разстроены, Цедрикъ.

Цедрикъ.

Я смерть ея скорѣ бы стерпѣлъ —
Я жилъ бы одинокъ, но не оставленъ сію,
Неблагодарности не испыталъ бы я
Отъ дочери! Ты слышишь въ листьяхъ шорохъ?

Мальчикъ.

Кому тамъ быть, — не вѣтеръ ли шумитъ.

Цедрикъ.

Шаги, шаги я слышу — ближе, ближе....

Мальчикъ.

Къ намъ женщина идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гризельда, въ крестьянско-мъ платьѣ.

Цедрикъ.

Узналъ ли ты ея?

Скорѣ отвѣчай.

Мальчикъ.

Ну, вотъ она сама.

Цедрикъ.

Скажи мнѣ, кто ты?

Гризельда (у ногъ Цедрика).

Дочь твоя, Гризельда.

Родитель мой, твоя отверженная дочь.

Цедрикъ.

Дочь? У мепъ нѣтъ дочери! Скажи мнѣ:

И въ самомъ дѣлѣ у меня есть дочь?

Мнѣ поминется, что я бездѣтень.

Мальчикъ.

Но коснися

Лишь до лпа ея, вѣдь это дочь твою.

Цедрикъ, (касаясь платья
Гризельды).

Какъ, вы грѣшили Персиваль, Гризельда,
Ахъ, государыня, позвольте мнѣ
Поцѣловать вамъ руку раба! —
Какъ рубище на васъ! Не шелковое платье?
Прилично ли для васъ такое униженіе,
Но гдѣ же ваша свита? Эй, слуга,
Подай коверъ графинѣ, въ рошѣ сыро, —
Ея сіятельство простудится легко.

Гризельда.

У ногъ твоихъ лежитъ, родитель, дочь твою,
Съ презрѣніемъ отвергнутая мужемъ,
Нѣтъ сына, нѣтъ приставища у ней...
И ты падъ дочерью язвительно смѣешься.
Родитель мой, о, пощадь меня!

Цедрикъ.

Слова твои прельстительны, я знаю;
Но сердце у тебя, какъ сталь, закалено,
Неблагодарная!

Гризельда.

Клянуса Вездѣсущнѣмъ,

Ты ошибаешься, родитель, — за собой
Вины не знаю я.

Цедрикъ.

Не знаешь, такъ отдай

Теперь отчетъ въ твоихъ поступкахъ гордыхъ,
Просила ли ты мужа за отца,
Когда меня отъ выпалъ съ поношеніемъ
Изъ замка Пандени, за то, что я дерзнулъ
Его гнѣвъ отклонить отъ подданныхъ невин-
ныхъ.

Что для отца ты сдѣлала тогда?

Гризельда.

Я плакала.

ЦЕДРИКЪ.

Твоя слеза—не перль,
Зачѣмъ ее ты цѣпишь выше словъ?
Какъ дочери, тебѣ бы надлежало
Вступиться за отца.

ГРИЗЕЛЬДА.

На дочь свою
Не возлагай всего проступка мужа;
Ему покорствовать не есть-ли долгъ жены?

ЦЕДРИКЪ.

Покорствовать, но не молчать предъ нимъ.
Какъ идолу ему ты поклонилась
Ты старога отца забыла для него!
А онъ тебѣ не мужъ, а обольститель;
Ты не жена, а ложница его.

ГРИЗЕЛЬДА *(въ сильномъ
отчаяннѣ)*.

Господь, ты зришь, что я терплю безвинно!
Иль мало горестей повергъ ты на меня.
Уже ль еще обрушится допустишь
Проклятію отца—на голову мою.

ЦЕДРИКЪ.

Неблагодарная, сего ты за служила.
Къ покойной матери ты не пришла припятъ
Последнее ея благословенье,
И не прости тебя—твоя скончалась мать.

ГРИЗЕЛЬДА.

Зову въ свидѣтели Всевышняго, родитель,
Что не изъ гордости тогда къ тебѣ не шла,
Онъ вѣдаетъ, какъ много я страдала:
И мать, и мужъ лежали на одрѣ —
Болезни! Ахъ, тогда во мнѣ боронись
Долгъ и любовь. Привзательность и долгъ
Меня къ одру родившей призывали,
Межъ тѣмъ, я клятвою прикована была
Къ одру большаго мужа! Я осталась! —
Для сына я должна была спасти отца.

ЦЕДРИКЪ.

О нукъ ты мнѣ говоришь? Ну что же,
Умѣла ли его ты защищать?
Ты выдала его Артура кровопийцама,
Жестокостью гнѣшу превзошла...
И та своихъ детей лелзеть, сохраняеть;
Сражается до истощенья спѣтъ,
А ты, мать вѣжная, обвѣши руками,
Злодѣямъ отдала младенца своего.

ГРИЗЕЛЬДА.

Я жизнь отца, сего купила жзнью.
(Обнимаетъ его).

ЦЕДРИКЪ.

Прочь, удались! Твое дыханье—лдь!

ГРИЗЕЛЬДА.

Отверженную дочь прими въ свои объятъ,
Умилосердися, о мой родитель!

ЦЕДРИКЪ.

Прочь!

И слышать не хочу—веди меня, вожатый.
(Оборачивается къ ней, помолдавѣ).
Ты выслушай въ послѣдній разъ меня:
Даю тебѣ приютъ; какъ всѣхъ несчастныхъ,
Готовъ принять я въ хижину мою,
Иди—отверзата дверь, но не мои объятъ.
(Уходитъ).

ГРИЗЕЛЬДА.

Родитель, выслушай!

ЦЕДРИКЪ.

Прочь, прочь! не троешь словомъ.
Когда дѣла противъ тебя гласятъ!

ГРИЗЕЛЬДА *(одна)*.

Ты не оставь меня, Отецъ-небесный мой!
Ты сердце зрѣшь мое, меня Ты не отвергнишь.
Невиннал! Изъ-за любви одной
Терплю позоръ. Любовь не преступленье, —
Она Небесный даръ, — она Твое внушене!
(Помолдавѣ, садится на скамью).

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРИЗЕЛЬДА, ПЕРСИВАЛЬ и ГОДВИНЪ.

ПЕРСИВАЛЬ.

Клянупу, клянупу, раздоръ нашъ роковой!
Когда бъ не честь моя — не жертвовалъ бы
счастьемъ
Пустому призраку; мы кажется на мѣстѣ.

ГОДВИНЪ.

Гризельду вижу я.

ПЕРСИВАЛЬ.

Она, она.

Сокройтеса въ тѣсу.

(Годвинъ уходитъ).ГРИЗЕЛЬДА *(въ глубокомъ
размышленнѣ, говоритъ
въ полголоса)*.

Промчалась дней моихъ крылатал песна
И счастье мое навѣки закатилось.
Но ты звезда любви по прежнему ясна,
И въ тучахъ блѣдъ еще непогасилась.
(Увидя Персеваля, перестаетъ).
Ахъ, Персеваля!

ПЕРСИВАЛЬ.

Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня?

ГРИЗЕЛЬДА.

Такъ это ты? Не призракъ ты пустой
Во всей красѣ, цвѣтущій, величавый;
Мой Персеваля явился предо мной!
(Обнимаетъ его).

Бѣенье сердца твоего я слышу,
Дыханье устъ твоихъ касается меня.

Твой ясенъ взоръ, твои горятъ ланиты,—
Тебя въ объятія могу я заключить;
Не разлетишься ты, какъ милое видѣнье.

Персиваль.

Гризельда!

Гризельда.

Персиваль, забыто все!

Ты мой; въ твоихъ объятіяхъ оживаю.
И снова рай открылся для меня!
Супругъ и государь.

Персиваль.

Когда бъ имѣлъ я право
Еще твоимъ супругомъ быть!

Гризельда, (*вырывается изъ
его объятій*).

Увы!

Я увлеклась волшебными мечтами;
Прости мнѣ, государь.

Персиваль.

Окаменѣй душа,
Вы слезы жгучія въ очахъ остановитесь!

Гризельда.

О, государь! Ты мнѣ простилъ вину;
Я, бѣдная, забылась на мгновенье,
Чтобъ съ большимъ ужасомъ всю бездну обозреть
Куда меня низринула судьбина.
Благодарю за вѣжливый твой привѣтъ,
Ты посѣтилъ меня изъ кроткаго участія,
Увращевалъ растерзанную грудь
Явленіемъ своимъ, — благодарю!

Персиваль.

Гризельда!

Не состраданіе меня сюда вело,
День кары наступилъ! — Я нынѣ раздѣляю
Жестокой жребій твой. Король Артуръ
Меня въ измѣнѣ обвинилъ и изгналъ,
Лишилъ меня всѣхъ ленныхъ правъ моихъ.
Съ позоромъ на чель, врагами окруженный,
Преслѣдуемъ, спасаюсь я отъ нихъ.

Гризельда.

Ты изгнавъ, ты лишешь своихъ владѣній?
Въ опасности? Ждала ли я того?
Зачѣмъ же медлишь здѣсь; возлюбленный,
укройся,
Не подвергай себя опасности, бѣги!

Персиваль.

Напрасенъ трудъ! Нѣтъ выхода изъ лѣса,
Я стражей короля повсюду окруженъ.

Гризельда (*на колынахъ*).

Ты, Господи, — открой стезю спасенья,
Его спасти должна я, — просвѣти меня!

Персиваль.

Ты хочешь скрыть меня? Не я ль виновникъ
Всѣхъ горестей твоихъ?

Гризельда.

Но по своей ли волѣ

Ты сердце бѣдное Гризельды растерзалъ?
Когда несчастливъ ты, — я горести забыла,
И время ли мнѣ думать о себѣ.
Когда ты, Государь, стоишь уже надъ бездною:
На тысячу мечей итти готова я,
Чтобы тебя спасти — и Господомъ клянуся,
Тебя спасу!

Персиваль.

Оставь несчастнаго, оставь!

Ты гнибешь съ нимъ за вѣжное участіе,
Жизнь самая въ опасности твоя.

Гризельда.

О подтверди, что я могу, что смѣю
Жизнь горькую тебѣ на жертву принести!
Союзъ расторгнуть нашъ, но вѣчными цѣпями

Гризельды сердце сковано съ твоимъ.
Близъ сердца твоего оно не можетъ болѣть
Съ биемъ каждымъ въ рай перелетать,
Не можетъ цѣпиться своимъ мертвымъ.

Персиваль.

Оставь меня судьбѣ! Но вотъ уже я слышу
Оружья звукъ!

Гризельда (*быстро*).

Онн... бѣги! Трониса
Смертельнымъ ужасомъ моимъ, бѣги!
Ты въ глубинѣ лѣсовъ найдешь пещеру,
Которая всея плочемъ заросла.
Тамъ въ дѣтствѣ я играла. — Это мѣсто
Тебѣ лишь одному извѣстно, — спрячься тамъ.
(*На колынахъ.*)

Когда меня не хочешь видѣть мертвой
У ногъ твоихъ, — спасайся, Персиваль!

Персиваль (*пламенно прижимаетъ
се къ своей груди*).

Гризельда, ангель мой!

Гризельда.

Бѣги, бѣги!

(*Персиваль уходитъ. Гризельда дрожащая, смотритъ ему въ слѣдъ, пока
терлеть изъ виду, потомъ падаетъ
на колѣна и, воздвѣвъ руки къ небу,
говоритъ*).

Спасень, — Господь благодарю тебя!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жиневра летаетъ въ глубинѣ лѣса, Ориана,
Ланселотъ, Годвинъ, вассалы и свита.
(*Гризельда осканиваетъ.*)

Жиневра.

Сюда онъ путь направилъ свой, — ищите!

Въ кустахъ, вдоль берега! Годвинъ,
Вы осмотрите хижины, не скрыться
Ему отъ волновъ. (*Подходъ къ Гризельдѣ*).

А ты скажи

Онъ не прошелъ ли мимо? Отвѣчай же,
Куда онъ убѣжалъ? Гдѣ скрылся?

ГРИЗЕЛЬДА.

Королева,

Кого ты ищешь здѣсь?

ЖИНЕВРА.

Не думаешь ли ты
Насъ обмануть притворнымъ простодушьемъ:
Гризельда ты, жена ты Персивала, —
Тебя узнала я! Мы ищемъ здѣсь,
Измѣнника, — скажи мнѣ, гдѣ онъ скрылся?

ГРИЗЕЛЬДА.

Я?

ЖИНЕВРА.

Персиваль здѣсь пробѣжалъ, — ты знаешь,
Гдѣ онъ пріютъ нашелъ?

ГРИЗЕЛЬДА.

Когда бъ и знала; —
Гризельда я, жена я Персивала!

ЖИНЕВРА.

Преступница, его укрыла ты!
Я видѣла сама.

ГРИЗЕЛЬДА.

Всевышній видѣлъ такъ-же,
И бѣглеца слѣды онъ тучами закрылъ;
Святые ангелы его крыломъ одѣла,
И ослѣпили взоръ его враговъ.

ЖИНЕВРА.

Не смѣй противиться приказамъ королевы!
Твое молчаніе злодѣя не спасетъ:
Когда же онъ отъ нашихъ рукъ избѣгнетъ, —
Ты за него взойдешь на эшафотъ.

ГРИЗЕЛЬДА.

Вотъ голова мол!

ЖИНЕВРА (*отъ помолоса свѣтъ*).

Клянуся Вездѣсущимъ,
Въ ея груди — великая душа.

ЛАНСЕЛОТЪ.

Напрасенъ трудъ, ее не поколеблешь.

ЖИНЕВРА (*Органа*).

Не въ силахъ я, — ты испытай ее.

О Р Г А Н А.

Какъ можешь такъ стоять за Персивала?
Не онъ ли отнялъ сына у тебя?
Не онъ ли..

ГРИЗЕЛЬДА.

Знаю все и умереть готова!

ЖИНЕВРА.

Эй, стражи, на нее оковы наложите!
Твой часъ пробилъ, теперь молился Богу.

ГРИЗЕЛЬДА (*на колынахъ*).

Вотъ жизнь моя; Господь, изъ праха вознеси
Ее къ источнику превѣчной благодати!
И ей грѣхи земные отпусти;
Благой отецъ, меня Ты не отринешь,
И за любовь мою, — любовью мнѣ воздашь!

ЛАНСЕЛОТЪ.

Отъ сердца вѣрнаго отскакиваютъ стрѣлы
Коварства, какъ отъ мѣдной брони.

ЖИНЕВРА.

Все кончено, ее не поколеблемъ.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, Годвинъ; воины ведутъ Цедрика.

ГОДВИНЪ:

Я вашъ приказъ исполнилъ; королева,
И эту хижину мы осмотрѣли. Въ ней
Лишь одного нашли слѣдѣнаго старика.

ГРИЗЕЛЬДА.

Родитель мой! О правосудный Боже!

ЖИНЕВРА.

Тѣхъ нищихъ вы въ оковы заключите,
На нихъ падетъ гнѣвъ ярый короля,
Они сообщника, злодѣя Персивала, (*къ Органу*).
Я отъ стыда горю! Онъ побѣдилъ меня!
Надъ королевою крестьянка торжествуетъ!

О Р Г А Н А.

Мы непредвидѣли.

ЦЕДРИКЪ.

О скоро ли, Господь,
Въ земную власть вдохнешь Ты милосердье?!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Замокъ Пандени. Великолѣпная зала. Тропѣя для короля и королевы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ровальдъ и нѣсколько служителей украшаютъ цвѣтами стѣны залы, разстилаютъ коверы на тронѣ.

Ровальдъ.

Коверъ багряный постели у трона,
Вотъ такъ,—вѣнки развѣсьте по стѣнамъ,
Да не жалѣть цвѣтовъ. Украсьте мнѣ палату,
Какъ бы для пира брачнаго,—у насъ
Сегодня торжество, педиванное въ замкѣ.
(Слуги украшаютъ).

Господь пришелъ опять дожить до красныхъ
-дней:

Съ лицемъ восторженнымъ мнѣ отдавъ пове-
-ленья

Графъ Персиваль—устроить празднество.
Его чело, какъ небо, просіяло:
Сомнѣнья нѣтъ, настала копецъ бѣдамъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ланселотъ и Годвинъ входятъ; Ровальдъ и
слуги между тѣмъ мало по малу удаляют-
ся изъ залы.

Годвинъ.

Какъ, Ланселотъ, хотите насъ оставить!
Возможно ли? Позабить дворъ короля
И милости прекрасной королевы!

Ланселотъ.

Повязка спала съ глазъ. Волшебный мракъ,
Въ которомъ я блуждалъ, отъ солнца разве-
-тълся,

Оковы я расторгъ! И сознаюсь,
Что красота и остроумье женщинъ,
Безъ доброты сердечной—не ведутъ
На верхъ блаженства насъ,— а въ женщинъ
прекрасной

Я черныхъ плетей видѣть не могу.
Простите, рыцарь.

Годвинъ.

Иль страданія Гризельды,
Такъ къ королеву охладилъ вамъ?
Они окончились теперь.

Ланселотъ.

Но въ сердцѣ
Ея они оставили слѣды.
Прощайте же надолго.

Годвинъ.

Королеву

Вашъ огорчить отъѣздъ.

Ланселотъ.

Нескройте отъ нея

Причину моего незапнаго отъѣзда.

Во Францію сейчасъ же ѣду я,—

Когда опять тщеславіе и гордость

Жиневры душу будутъ волновать,

Вы ей напомните страданія Гризельды

И что любилъ ее когда-то Ланселотъ.

(Уходитъ.)

Годвинъ.

Она удаляется, по чести, очень кстати,

Пусть и Жиневра испытаетъ грусть!

Увидимъ мы, къ ея глазамъ идутъ ли слезы

И долго ли они въ рѣсницахъ поблестятъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Годвинъ, Персиваль, Тирстаць.

Персиваль.

Настала копецъ жестокихъ испытаньямъ,
Отъ сердца моего тяжелый камень спалъ,
День славы наступилъ! Страданія Гризельды!
Достойная тебя награда ждетъ!
Какъ небеса, да будетъ безпредѣльна
Моя любовь! Отнынѣ никогда
Слеза не окропитъ твоей лавиты
И стоить не вылетитъ изъ сердца твоего.

Тирстаць.

Удастся-ль вамъ уврачевать то сердце:
Его чрезмѣру извы глубоки.

Персиваль.

Любви волшебной силъ предоставятъ:
Лишь дайте сердцу вѣрному ея
Разкрыться предомной въ доверчивостидѣтской
И радостью исполнятся она.
Лишь дайте сына ей прижать къ лавитамъ
бѣднымъ

И розами она, какъ утро, загорать.

И грудь ея взволнуется восторгомъ.

Когда ей въ честь раздастся аромъ звонъ.

И пѣснъ дѣвцъ маститыхъ менестрелей

О подвигахъ ея повѣдаютъ въ камъ.

Сдѣланною она моею отнынѣ будетъ.

Ея служенію всю жизнь я посвящу.

Любовь врачуетъ у ней—и мы увидимъ,

Успѣемъ ли ея мы извы изцѣлять.

Годвинъ.

Сомнительно!

Персиваль.

Скажите мнѣ, Годвинъ,
Зачѣмъ же медлить гондѣ Жиневра
Исполнить слово, данное при всѣхъ.

Годвинъ.

И долгъ и стыдъ ей обурѣвають душу,
И пристыженная, охотно признаетъ
Она достоинства Гризельды безпримѣрной.
Но униженіе приводитъ въ страхъ ее,
Притомъ король повелѣваетъ строго
Ей кончить шутку, stolzную слезъ...
Но вотъ они.

Персиваль.

Можъ вы созвали вассаловъ?

Годвинъ.

Всѣ созваны!

Персиваль.

А сына моего

Вы привезли сюда?

Годвинъ.

Онъ на рукахъ Рональда.

Персиваль.

Благодарю! — Теперь лишь счастливы я вполне.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Звукъ трубъ возвѣщаютъ прибытіе короля и королевы, Артуръ и Жиневра, во всеобщій блескъ, со всѣми дворами, торжественно входятъ въ палату.

Артуръ.

Гостеприимно принялъ васъ подлѣ сѣни,
Любезный графъ, вашъ прагдовскій замокъ;
Но мы считаемъ долгомъ вамъ сказать,
Что не одно желанье васъ увидѣть
Ускорило прѣздъ вашъ въ Палденн,
Но рвеніе предупредить пскусъ,
Которому хотѣли подвергать
Графиню Персиваль, изъ-за пустой размовки,
Но къ сожалѣнію я слышу, что она
На жертву принесла тщеславію Жиневры
И вашей гордости — все счастье свое.

Персиваль.

Такъ, государь, она побѣдой увлѣчилась,
И необдуманно раздора не завела.
Я доказала достоинства Гризельды,
Что пола своего она безцѣнный перлъ.
Я слово данное со славою исполнила.
Прошу теперь и васъ, мнѣ тѣмъ же отплатить,
Преждѣ всѣмъ дворами блестящими: королева
Должна предъ ней колѣна преклонить.

Артуръ.

Вотъ здѣсь она; вы сами ей скажите.

Жиневра.

Я слово царское ему дала порукой,
И свой обѣтъ по царски я сдержу.

Артуръ.

Но гдѣ же Цедрикъ, гдѣ Гризельда? Королева,
Когда въ сей день постраждетъ блескъ вѣнца,
Роптать мы не должны; одно твое тщеславіе
И происхожденіе мое виной тому.

(Онъ съ Жиневрой входитъ на тронъ. Персиваль скрывается въ толпѣ вассаловъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, Гризельда, объ крестьянскомъ платьѣ,
входитъ, ведя слѣпаго Цедрика.

Цедрикъ.

Куда, на эшафотъ меня вѣдешь Гризельда?

Артуръ.

Спокоенъ будь старикъ, здѣсь твой король.
Гризельда! не дивись тому, что снова
Тебя встрѣчаютъ въ древнемъ Палденнѣ,
Торжественно, какъ юную невесту,
И на пути твоемъ разсыпаны цвѣты.
Такъ, снова ты владѣтельница замка!
Привѣтствуемъ тебя, графиня Персиваль!

Гризельда.

Возможно ли! Но правду ль говорите?
Вамъ не угодно ль надо мной шутить?
Но что со мною?... Душа моя въ бореньи
Между надеждою и страхомъ, голова
Горитъ, обѣятая смятеньемъ...
Какъ, государь! Ты гнѣвъ свой укротилъ
И Персивала вызвалъ изъ изгнанья,
Ты гнѣвъ къ нему на милость предложилъ?
И для меня украшены палаты?

Артуръ.

Клянуся честью въ истинѣ того.

Гризельда.

Изъ устъ твоихъ слова любви я слышу,
Не гнѣвныи, не грозныи слова;
Съ улыбкой милости взираетъ королева,
Не мечетъ стрѣлъ въ меня ея привѣтныи взоры!
О, если истинны слова твои, ты видишь
Меня у ногъ твоихъ, король и государь,
И-выслушай души моей молеенье.

Цедрикъ.

Нѣтъ, не проси, они не слышать просьбы.

Артуръ.

Встань, царское даю тебѣ и слово,
Исполнить все, чтобъ ни просила ты.

И охранять тебя отнынь обещаюсь.

ГРИЗЕЛЬДА.

Не за себя прошу, за Персивала...
Ты возвратилъ ему свободу, жизнь его,
Такъ удостой его своей щедроты.
Чело укрась властительнымъ вѣнцомъ,
Пусть снова, милостью твоею озаренный,
Надъ Валлисомъ онъ царствуетъ одинъ,
А мнѣ позволъ съ отцомъ моимъ остаться.

ПЕДРИКЪ.

За тѣмъ, безумная, и выгналъ онъ тебѣ.

АРТУРЪ.

Охотно бы отъ стыда мы умолчали,
О томъ, что мы должны тебѣ открыть
Для славы лишь твоей: ты въ заблужденъ.
Мы не похитили младенца у тебѣ,
И съ графомъ твоимъ не разорвали брака,
Проклятью не былъ преданъ Персиваль,
Тебѣ встревожилъ ужасъ небывалый,
И трепетала ты предъ призраккомъ пустымъ.

ГРИЗЕЛЬДА.

Что, что сказали? Ужасъ небывалый,
Пустые призраки, все что терпѣла я...
Болѣзнь сердечная, которая въ могилу
Сведетъ меня... была одна мечта?

ПЕДРИКЪ.

Какъ, до сего мы были въ заблужденъ?

ОРГАНА.

Одно лишь слово разрышишь загадку.
Графиня, все, что претерпѣли вы, —
Была одна лишь святочная шутка.
Надъ вами Персиваль ее сыгралъ,
И повodomъ къ тому — пустая ссора.
Награда ваша всѣ надежды превзойдетъ:
Во прахъ падетъ предъ вами королева,
Когда победа вамъ досталась на часть.
Слезамъ вашими вы торжество купили,
Всѣ испытанія со славою снесли,
Которымъ нѣжный васъ супругъ подвергнулъ,
Чтобъ доказать, что угольника дочь
Не опозорила его фамильи древней.

ПЕДРИКЪ.

И для того! О гордость нечестивыхъ!
И для того ей душу истязать!
(Персиваль пробивается сквозь толпу вас-
саловъ).

ПЕРСИВАЛЬ (голосомъ умо-
ляющимъ).

Не гнѣвайся, прости меня, Гризельда,
Изъ памяти страданія изгладь!
Ко мнѣ склони взоръ ясный примиренья,
И позабудь вину мою.

ГРИЗЕЛЬДА (отступаетъ отъ него.
Взоръ ея съ глубокою выразительностію
покоится нѣсколько времени на Перси-

валѣ; потомъ она говоритъ, какъ бы
пробудясь отъ сна).

Обманъ, мечта,

Одна забава и пустая шутка!
Ты мнѣ скажи, изъ устъ твоихъ хочу
Я слышать истину, ты подтверди мнѣ,
Что испытанье все лишь былъ одинъ обманъ.

ПЕРСИВАЛЬ.

Одинъ обманъ... Минувшее забудемъ!
Ты нынѣ вступишь въ прежнія права,
Лишь мнѣ прости, забудь свои страданья.

ГРИЗЕЛЬДА.

Обманъ! а я...
(Хватается рукою за сердце, потомъ
закрываетъ лице обильными руками и за-
ливается слезами).

Жестокий былъ обманъ

И стоилъ онъ мнѣ горькихъ слезъ!

ПЕРСИВАЛЬ.

Ты плачешь,

Ты на груди моей, утѣшься, милый другъ,
И не види меня, что я для прославленья
Тебѣ слезамъ и горестямъ подвергъ,
За то передъ тобой во прахъ падетъ Жиневра.
Ужель за эту честь ты мужу не простишь?

ЖИНЕВРА (между тѣмъ со-
шедшая съ Артуромъ съ пре-
стола).

Не онъ одинъ предъ вами проступился,
И на моей душѣ лежитъ его вина.
Графиня, мы предъ вами признаемся,
Что онъ свершилъ лишь то, что я изобрѣла.
(Торжественно).

Мы слово царское предъ всѣмъ дворянствомъ
нашимъ,
Въ присутствіи всего двора произнесли;
Что блескъ вѣнца померкнетъ предъ тобою,
Что если бы цѣнился на землѣ
Однъ достоинства, ты бы нашъ вѣнецъ носила.
А мы передъ тобой склонились бы во прахъ,
Какъ нынѣ предъ тобой колѣна преклоняемъ.
Страдалица, забудь вину мою!

(Хочетъ стать на колѣна).

ПЕРСИВАЛЬ.

Во прахъ предъ ней! Гризельда торжествуетъ!

ГРИЗЕЛЬДА, (не допуская
королеву стать на колѣна).

Что дѣлаете вы! Возможно ль, Королева!
Не вамъ передо мной колѣна преклонять!
Я отрекаюсь отъ горестной победы.
Не лавръ, а тервъ — побѣдннй мой вѣнецъ.
И все, что я донынѣ претерпѣла,
Ничто въ сравненіи съ страданіемъ моимъ,
Которое меня теперь, какъ змѣй, терзаетъ.
Въ семь рублищъ отсюда не одна
Я шла въ тѣса: меня сопровождалъ

Любовь и вѣра теплая въ любовь.
А нынѣ отъ меня умчалось заблужденье,
А съ нимъ и вѣра теплая въ любовь.

ПЕРСИВАЛЬ.

Священнѣйшимъ тебѣ клянуся въ мѣртъ,
Ты слезъ не будешь болѣ проливать,
И будетъ радостью твое лишь биться сердце.

ГРИЗЕЛЬДА.

Напрасенъ трудъ. Не можешь болѣ ты
Въ грудь эту поселить мнѣншее блаженство;
Нѣтъ, болѣ радости ея не волновать!
О Персиваль, мое земное счастье
Закладомъ роковымъ навѣкъ ты погубилъ;
Игралищемъ своимъ мое ты сердце избралъ,
Къ позорному столбу ты выставилъ меня,
Не трепеталъ при мысли, что, быть можетъ,
Подъ бременемъ позора я паду,
Не за меня, но за себя боялся,
Чтобъ не унизить гордости своей.
Господь прости тебя, какъ я тебя прощаю.
Все кончено межъ нами; какъ ни больно,
Связь слезы и должна тебѣ сказать, —
Тебя любила я, тебя боготворила,
И чѣмъ же за любовь мою ты отплатилъ?
Ты усумниться могъ въ любви моей безмѣрной?
Нѣтъ, никогда меня ты не любилъ!
Безумная, могла ль о томъ и думать?
Я угольника дочь! Въ лѣсахъ я родилась,
Въ лѣсахъ должна и жизнь моя погаснуть.

ПЕРСИВАЛЬ.

Какъ, ты меня осмѣлишься оставить?
Нарушить хочешь ты супружества объѣтъ?

ГРИЗЕЛЬДА.

Не я нарушила! Ты самъ. Ахъ, Персиваль,
Такъ сердцемъ женщины, повѣрь мнѣ, не и-
грають,
И за любовь любовью платимъ мы.

(Оттираетъ слезу).

Ты сына отпусти со мной, и то на время;
Пусть матеря закроетъ онъ глаза,

Я смерть ношу въ растерзанной груди.
Король, ты слово далъ, мейя хранить отнынѣ,
Такъ возврати-же мнѣ свободу прежнихъ дней!

ПЕРСИВАЛЬ, *(сжимая се въ объятіяхъ).*

Король, не слушай словъ ея.

АРТУРЪ.

Графъ Персиваль!

Я различаю васъ съ женой — она свободна!
(Персиваль, какъ громомъ пораженный, опускаетъ ея руку).

ГРИЗЕЛЬДА.

Свершилось!

ПЕРСИВАЛЬ.

Горе мнѣ!

ГРИЗЕЛЬДА.

Отецъ, подай мнѣ руку,
И поведу тебя подъ нашу смиренный кровъ;
Тамъ выплакать могу я слезы на свободу,
Когда онъ еще не высохли въ очахъ.

ЦЕДРИКЪ *(прижимаетъ ее къ груди).*

Приди ко мнѣ дитя мое родное;
Склонись на грудь мою; на ней ты оживи:
Въ ней бьется для тебѣ источникъ животвор-
ный

Неизсякаемой родительской любви.

ГРИЗЕЛЬДА.

Гдѣ сынъ мой?

СЫНЪ, *(котораго выноситъ Рональдо).*

Маменька!

ПЕРСИВАЛЬ.

Прости, хотя для сына!...

(Гризельда не въ силахъ противиться голосу природы, бросается въ объятія Персивала).

ДРАМАТИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ

ИНДИЙЦЕВЪ.

Статья профессора Вильсона.

ВВЕДЕНИЕ.

Критики рѣдко разсматриваютъ предметы своихъ изслѣдованій съ философской точки зрѣнія. Въ подлежащей статьѣ, написанной знаменитымъ профессоромъ Вильсономъ, заключается ясный разборъ драматическаго искусства Индійцевъ. Средства, которыми авторъ сближаетъ насъ съ поэтическими созданіями народа, столь чуждаго нашимъ правамъ, ясность и глубина замѣчаній, занимательность, оживляющая предметъ чисто литературный,—все это достойно величайшихъ похвалъ. Читатели, вовсе не свѣдущіе въ восточныхъ языкахъ, могутъ составить себѣ вѣрное понятіе о Санскритскомъ драматическомъ искусствѣ, и сами ученые извлекутъ изъ которую пользу изъ свѣтлыхъ теорій, такъ мастерски изложенныхъ Вильсономъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что изученіе Индійской литературы возбуждало во многихъ ученыхъ такой пламенный, такой постоянный восторгъ. Подобное изученіе еще ново и трудно, и кто начинаетъ проникать въ глубину

его, встрѣчаетъ повсюду неизмѣримое воображеніе, необъятность формы и красоты. Время, пространство, прошедшее, будущее — все безгранично. Нѣтъ ни предѣловъ воображенію, ни рубежей для исторіи. Индійская хронологія считаетъ время только тысячелѣтіями. Знанія, суевѣріе, поэзія,—все перемѣшано въ пространство, и взоръ терлется, не находя ему предѣловъ. У восточныхъ народовъ все мечты, но мечты великія; они ищутъ символы Того, Кто пребываетъ въ вѣчности, стараются постигнуть ихъ и осуществить искусствомъ. Литература ихъ есть волшебная фантазмагорія, безпрерывное изновданіе, безконечные сны; но начало ея основано на дѣйствительности; она развиваетъ чувство безконечности, врожденное человеку. Часто искреннее простосерденіе, глубокая истина, мелькаютъ сквозь оболочку таинственности; часто свѣтлый образъ правды является подъ изворотами апокаліпсиса, какъ солнечный лучъ, пробивающійся сквозь завѣсу тучи.

При свѣтѣ Европейскаго мышленія разлетѣлись всѣ древнія грезы Азии; но это мышленіе, плоть многихъ вѣковъ, съдѣвствіе медленнаго труда, имѣло колыбелью возвышенную, теплую поэзію

время первобытныхъ. Что прежде называлось ученостью, то теперь считается заблужденіемъ и неясностію, но величались, такъ называемая наука, развилась изъ семинъ той же ложной и невярной учености. Азіійскія мечтанія, владычествовавшія некогда надъ цѣлымъ образованнымъ міромъ, именованіи благодѣтельными дождемъ на древній міръ и панопии сманилиность Греческую. Теперь обаяніе исчезло; Индія не первенствуетъ болѣе въ образованіи и не ведетъ за собою пестолщую и грядущую судьбу человечества, какъ было до времени Пифагора. Рука времени и копотливость Европейской учености расторгли блестящія ткаши: только нѣсколько Германскихъ профессоровъ, нѣсколько молодыхъ Англичанъ, добровольно заточившихся въ Индію, съ цѣлію найти тамъ счастье или погибнуть, вооружась необходимымъ пестолствомъ, проникаютъ въ неведомыя области и созерцаютъ страну, лица, подробности, неизмѣющія ничего общаго съ нашимъ Европейскимъ міромъ.

Въ главѣ этихъ трудолюбивыхъ ученыхъ, въ которыхъ чувство поэзіи не всегда было заглушено тяжкими и долгими приготовительными занятіями, стоятъ: Фридрихъ Шлегель, Бошъ, Вильямъ Джонсъ и Вильсонъ, секретарь Бенгальскаго Азіатскаго Общества, нынѣ Профессоръ Санскритскаго языка въ Оксфордѣ. Оигъ-то обнародовалъ въ Европѣ существованіе Санскритской литературы, часто вдохновенной; почти всегда замѣчательной, но чистотѣ ея и изяществу. Конечно, суевѣріе царствуетъ въ этомъ новомъ для насъ мірѣ; существованіе котораго послѣдователи Горация и Аристотеля и неподозрѣвали; но суевѣріе его смягчено воображеніемъ; оно проливается только въ самыхъ сладостныхъ, въ самыхъ восхитительныхъ формахъ.

Вильямъ Джонсъ, ученый пропница-тельный, трудолюбивый и дѣятельный,

показалъ намъ, что въ Индіи была своя народная драма *Сакунтала*, трогательными красотоми своими соперничающая съ пастушескими драмами Тасса, съ простодушными сценами Софокла. Для насъ она была открытіемъ неожиданнымъ. Но съгдамъ Джонса шелъ профессоръ Тайлоръ, въ Бомбей. Переводомъ и издашіемъ любовитнаго сочиненія, подъ названіемъ: *Восходъ духовной луны*, оигъ доказалъ, что ея умозрительная драма, известная въ средніе вѣки и сочиненная схоластиками, была ужъ давно знакома Индійцамъ. Въ самомъ дѣлѣ *Правда Шандраджийа* имѣетъ сходство съ древними Французскими и Англійскими драматическими правоученіями, (*tragédies*), въ которыхъ Госпожа Правда сидитъ на престолѣ и проповѣдуетъ противъ невяжества, баюкала человѣческую душу, которую только что спеленала Отецъ Предвѣщій.

Потомъ было разобрано одно сочиненіе высшего разряда: *Махати и Маджави*, г-мъ Кальвбруномъ, который пожертвовалъ литературой стороною своего труда для философическихъ изслѣдованій, преимущественно старался деспекаться утраченныхъ правилъ Санскритскаго словосочиненія. Эта піеса, подобно *Сакунталѣ*, относится къ твореніямъ, вдохновеннымъ религіозными обрядами, обращающимся въ пастушеской сферѣ и занимающимъ средину между гимномъ и идилліею. Все остальные роды Индійской драматической поэзіи были намъ неизвѣстны: профессоръ Вильсонъ раскрылъ намъ ихъ сокровищницу и, благодаря его, мы теперь столь же вѣрно можемъ судить объ Индійской драмѣ, какъ и о великой Европейской. Вотъ, что оигъ пишетъ:

Въ Индіи, какъ въ Греціи, много и поэзія — средны, это братъ съ сестрою. Драматическое вдохновеніе Влывабути и

Калидаса просвѣчиваетъ, какъ у Софокла, высокими религиозными мыслями. Какъ въ Греціи, у нихъ воспѣваются событія героическихъ преданій, любовь, война, совершечество и подвиги полубоговъ, которыми поэтъ завладѣваетъ и пользуется для своей драмы. Въ Индіи, какъ и въ Греціи, драма не есть проста забава, но нераздѣлимая часть богослужебныхъ обрядовъ.

Тамъ происходили представленія ежедневно, какъ у насъ въ законченныхъ залахъ, при жалкомъ освѣщеніи лампъ, въ подержанныхъ космомахъ, среди жаркаго дыханія стѣсненной толпы; но въ большіе праздники, одинъ или два раза въ годъ, когда свѣтили храмъ, справляли годовщину, праздновали побѣду, взятіе города или рожденіе царя. Со всѣхъ концовъ государства стекался народъ для присутствія при торжественномъ представленіи. Драмы, о которыхъ мы говорили, игрались на большихъ площадяхъ, на внутреннихъ дворахъ дворцовъ, подъ открытымъ небомъ, при дневномъ свѣтѣ, посреди любопытнаго и благоговѣйнаго народа. Цари давали свои колесницы, оружіе, стражу, одежды, для такихъ необыкновенныхъ случаевъ. Впрочемъ, такъ было у всѣхъ народовъ, и въ Европѣ известно время, когда, въ продолженіе пяти или шести дней, съ величайшими великолепіемъ, праздновались Христіанскія мистеріи.

Не удивительно было бы, если бы поэзія лирическая, возвышенная, глубокая, начертала подобныя творенія; но то странно, что теорія драмы утонченная, очищенная и приведенная остроумными изысканіями критиковъ подъ столь безконечно разнообразныя подраздѣленія, что всѣ ухщренія Европейскаго витійства, порожденные мудрованіями грамотеивъ, блѣднѣютъ предъ тонкостями браминновъ, и вотъ чего ни Ангійскіе, ни Французскіе критики никогда не истолкуютъ, хотя это сущая правда.

По словамъ Саускритскихъ критиковъ, великое сценическое представленіе имѣеть цѣлью: *научать, забавлять*. Это основа самая неоспоримая, точка зрѣнія самая вѣрная. Но для достиженія такой цѣли потребно совершить много изворотовъ на пути уместивномъ. Подобно музыканту, владѣющему всѣми тонами гармоніи, или живописцу, имѣющему въ распоряженіи на палитрѣ своей всѣ возможные краски, драматическій писатель можетъ такъ же располагать достаточнымъ количествомъ средствъ, впечатлительныхъ и пружинъ. Индѣецъ ученымъ образомъ подраздѣляетъ ихъ на два ряда: *бхавы* и *равы*.

Бхавы есть условіе уместивное и тѣлесное, производящее некоторыя перемѣны въ организаціи и мысляхъ дѣйствующаго лица. Собственно говоря, оно есть уместивное и физическое разнообразіе, сужающее для сообщенія зрителю тѣхъ ощущеній, которыми возоплово дѣйствующее лицо. Когда такое разнообразіе мостоянно выдержано, то совершенно овладѣваетъ человекомъ, сростается съ нимъ, дѣлается его страстно, вкусомъ, необходимою, и обращается въ *разу*. Случается, что *бхавы* и *равы* смѣшиваются, но вообще первыя суть только случайности нравственной и физической жизни, а вторыя — страсть.

Вы скажете, что такое разложеніе и подраздѣленіе весьма хитро затѣяно; но мы не видимъ особенной тонкости въ отношеніяхъ между этими умозрѣніями и драмою. Но слушайте даже: Индійскій критикъ не кончилъ еще узорной ткани своей возмущеной сѣтки. *Бхавы* могутъ быть продолжительны, могутъ быть и конечны. *Самгайе бхавы*, или долгое ощущеніе, бываетъ девяти родовъ. *Вибхигаири бхавы* заключаетъ ихъ въ себя до тридцати. Эти мимолетныя впечатлѣнія, эти переборы драматическихъ струвъ, тончайшіе отгѣнки красокъ, употребляемыхъ поэтоивъ, суть: упоеніе, лепетъ, порывъ, заключеніе,

уныніе, недугъ, дѣвольское павожденіе, избытокъ веселья, голодь, жажда, разсѣянность, постоянство мысли, желаніе славы, перъшительность и наконецъ послѣдняя изъ временныхъ случайностей—смерть. Не вхожу въ подробности многочисленныхъ подраздѣленій втораго рода *бхавъ*, производящихъ повліе виды, ибо существуютъ еще бхавы *побогныя* (вибхава), *предварительныя* (анобхава), и даже *удаленныя* (сатувбхава).

Разы гораздо опредѣлительнѣе; онѣ суть: радость, любовь, гнѣвъ, пѣжность, мужество, простота, изумленіе, отвращеніе. На каждой изъ сихъ страстей драматическій писатель можетъ основать драму, за исключеніемъ отвращенія, котораго, слава Богу, не служило текстомъ для вдохновенія Индійскихъ драматурговъ.

Символическій геній Индійцевъ изобразилъ каждое изъ этихъ ощущеній особеннымъ цвѣтомъ и относитъ каждое къ отдѣльному божеству. Любовь, посвященная Вишну, изображается синимъ цвѣтомъ; веселіе—бѣлымъ, и Рама покровительствуетъ его порывамъ; пѣжность розовымъ, и принадлежитъ Рудрѣ; гнѣвъ краснымъ, и принадлежитъ Сакрѣ; геройство сѣрымъ, Варушѣ; ужась чернымъ, Ямѣ; омерзѣніе бѣдноглубымъ, Магакамъ; изумленіе желтымъ, Брамѣ. Спокойствіе не имѣетъ особаго покровителя. Но странно, что ощущеніе, которымъ проникнута всякая Индійская пьеса, имѣетъ маленькое знамя, или флагъ своего цвѣта, такъ, наприм. драма, подъ названіемъ *Малати Мадхови*, украшается синимъ флагомъ, потому, что посвящена любви (синяга); между тѣмъ какъ драма *Вира-Херитра* состоитъ подъ вліяніемъ геройства, а *Уттара-Ралиа-Херитра* подъ розовымъ флагомъ, знаменемъ пѣжности, посвященномъ богу Руврѣ. Эти три творенія суть сочиненія Бхавабути, и доказываютъ, что тонкія подраздѣленія, изложенныя нами, существуютъ не только въ теоріи,

но приведены въ дѣйствіе талантомъ самихъ поэтовъ.

Распредѣливъ такимъ образомъ ощущенія своей драмы, Индійцы подвергли такому же, такъ сказать, анатомическому разъятію своихъ героинь и героевъ. Вся классы людей, отъ царя до шизаго, всѣ демоны и всѣ боги, съ ихъ безчисленными подраздѣленіями, имѣютъ мѣсто въ Индійской драмѣ; но только требуется, чтобы соблюдено было ихъ званіе, чтобы герой всякаго сценческаго творенія не противорѣчилъ цѣлому плану и подробностямъ. Боги, полубоги, великіе герои, дѣйствуютъ въ большихъ трагедіяхъ; добродѣтельные мужи, люди избранные небомъ, въ твореніяхъ заимствованныхъ изъ исторіи, или даже вымышленныхъ авторомъ. Индійцы признаютъ сорокъ восемь родовъ героевъ, а если разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ отношеніи къ безсмертію, конечной жизни, или къ небесному происхожденію, то является ихъ сто сорокъ четыре. Героини распредѣляются почти такъ же: небесныя дѣвы, певсты полубоговъ, жены святыхъ, святыя жены. Эти два разряда тщательно различаются критиками, какъ будто жена святоши должна непременно походить на супругу Сократа, а святая жена имѣть мужемъ сатишу. Музы, поющія на небѣ, божества льсовъ и сумраковъ,—всѣ эти особы пѣжнаго пола имѣютъ позволеніе участвовать въ драмѣ перваго разряда. Въ пьесахъ чистой выдумки дѣйствуютъ придворныя женщины и принцессы; а въ низшей драмѣ всѣ обитательницы гарема соперничаютъ въ ревности, красотѣ, пріятности и любезности.

Вотъ полный разборъ героини, какъ понимаетъ ее Сانسритскій поэтъ. Его героини пужны ни болѣе ни менѣе, какъ двадцать *ананкаръ*, т. е. женскихъ прелестей и обольщеній. Въ числѣ прелестей, которыя Индійцы высчитываютъ такъ тщательно, они согласны съ нами только въ пяти: въ красотѣ, молодости, бле-

скъ, ревности и постоянствѣ. Въсѣмъ этимъ должна управлять *нажика* или героиня, но, кромѣ того, Индійскіе поэты требуютъ отъ нея нѣсколько нѣжныхъ чувствованій или кокетства, котораго мы и не думаемъ вносить въ наши драматическіе уставы. Героиня должна выражать сначала первое движеніе восторженности души, жаждущей страсти, это *бхави*; потомъ возрастаніе сего чувства, трепеть, блѣдность чела, внезапный румянецъ, — *гави*; далѣе порывъ сердца, предающагося своему властелину, — *гела*; полупамѣтливую веселость, повторяющую всѣ движенія, поступки и клятвы любовника, — *хила*; желаніе, неволью повластвующее во взорѣ, въ дрожаніи голоса, въ трепетѣ движеній, — *вилада*; забвеніе всего въ мірѣ; разсѣянность, мечтательность, рождаемая страстью, — *вихитти*; небрежность о самой себѣ, несвѣдѣнность рѣчей, забывчивость обо всемъ, и въ особенности о нарядѣхъ, — *вибрахана*; неизвѣстность, волненіе, смѣсь гнѣва и нѣжности, досады и радости, — *тилякинхитани*; безмолвное выраженіе взаимной и раздѣленной любви, — *мотатанг*; приторное отверженіе ласкъ любовника, *кутамитанг*; стыдливость и скромность снаружи, а въ глубинѣ самыя жаркія желанія, — *вирити*; наконецъ *холитанг*, предѣлъ и конечная цѣль этого романа, дѣлающаго честь метафизикамъ индійской страсти. Долтангъ есть послѣднее торжество, восторженность души и чувствованій, счастливое мнѣніе, когда увииваются взаимнымъ блаженствомъ, когда стараются скрасить себя еще болѣе, чтобы сильнѣе поправиться, продлить и увеличить источникъ упоенія. Изъ этого видно, что Индійцы глубоко постигли природу женщины, во всѣхъ ея отъицахъ.

Если героиня ихъ окружаетъ себя двадцатью амазками, или средствами поправиться, то и отъ героя Индійскіе Баттѣ и Лагарны требуютъ не менѣе условий. Во первыхъ онъ долженъ имѣть дру-

га или повѣреннаго въ тайнахъ, какъ героиня подругу или камерщицу (обыкновенно молочную сестру). Вокругъ героя толпятся его царедворцы, подчиненные, министры и слуги; около героини ея приближенныя женщины и подруги. У героя непременно долженъ быть противникъ или соперникъ. Во многихъ драмахъ, что впрочемъ не есть необходимость, встрѣчаются Индійскія отшельницы, иногда лицемѣрные и смѣшныя; иногда столь же ученые, какъ и добродѣтельные, словомъ: Гартюфы, Риншеле и Сюлли въ жецкихъ юбкахъ. Въ *Милати* и *Мадхави* есть превосходная роль такой старой жрицы, умомъ своимъ спасающей цѣлое государство.

Вотъ еще одна странность въ общемъ итогѣ Индійскихъ странностей. Изъ всѣхъ известныхъ народовъ, Индійскій есть единственный, у котораго драма многоязычна. Главныя дѣйствующія лица выражаются не общепароднымъ языкомъ, но языкомъ ученыхъ. Касался всевозможныхъ нравственныхъ, религиозныхъ и поэтическихъ идей, эта драма, дщерь Санскритской эпопеи, влагаетъ въ уста своихъ героевъ языкъ браминовъ, языкъ поэтической, богатый и музыкальный, но который никогда не былъ языкомъ народнымъ. Героиня выражается на языкѣ Пракритскомъ, болѣе мягкомъ и сладкозвучномъ, имѣющемъ такое же отношеніе къ Санскритскому, какъ Италійскій къ Латинскому. Ея женщины и подруги употребляютъ болѣе простой языкъ, котораго корень есть Пракритскій. Купцы и низшіе разряды дѣйствующихъ лицъ изъясняются на особенномъ нарѣчьи, которое, если вѣрить строжайшимъ авторитетамъ, подраздѣляется еще на нѣсколько нарѣчій, смотря по сословіямъ.

Някто изъ толковниковъ до сихъ поръ не попыталъ и не объяснилъ тайны подобной странности. Причина ея вѣроятно кроется въ самомъ духѣ Индійскихъ кастъ. Каждое племя, каждое со-

словіе было заключено въ непреступныхъ границахъ, и *судра* не долженъ былъ понимать того, что говоритъ *браминъ*; презрѣнный *кандага* не дерзнулъ вмѣшиваться въ разговоръ *судры*. Каково было представленіе, въ которомъ зрители понимали только слова, вложенныя въ уста лицъ, ихъ сословія, а все остальное казалось имъ пантомимою, о значеніи коей они догадывались лишь по нѣкоторымъ сценамъ? Одинъ браминъ, единственные знатоки книжнаго языка, и знакомые съ нарѣчіемъ простопароднымъ, могли понимать всякое драматическое твореніе.

При герольдхъ и героннихъ находится еще два лица: одно изъ нихъ, *воста*, напоминаетъ паразита въ греческихъ пьесахъ, только подъ формами болѣе пѣжными и пріятными; это веселый собесѣдникъ, который поетъ, смѣется и пьетъ. Онъ играетъ на гитарѣ, знаетъ толкъ въ львѣхъ, и занимается бездѣльемъ въ свѣтѣ богачей, которыхъ онъ забавляетъ, и отъ которыхъ кормится. Онъ не презритель, потому что умѣетъ придать нѣкоторое благородство и приличіе своему ласкательству.

Видусгата есть другое Индійское созданіе, занимающее средину между Испанскимъ *gracioso* и Англійскимъ *clown*. Онъ въ родѣ Сапчо-Пансы, сыплетъ забавными пословицами, корчитъ шута, лишьбы желудокъ, единственное божество его, былъ исправно напоенъ; снисходительный и услужливый Меркурій въ любовныхъ дѣлахъ, онъ предастъ чувственнымъ наслажденіямъ, но вообще добрый малый и вѣрный другъ, которому можно довѣряться. Онъ преимущественно хорошъ въ большихъ трагическихъ сценахъ. По его словамъ, всѣ эти вспышки страстей задерживаютъ только обѣденное время и вредятъ пищеваренію, питая желудокъ остывшими лствами: для него пить бѣдствія свыше этаго!

Всякая Санскритская пьеса имѣетъ монологъ неправдоподобный и неесте-

ственный, какъ у Плавта и Еврипида, но разговоръ простой и вмѣстѣ съ тѣмъ излщный. Распорядитель выходитъ на сцену съ актеромъ или актрисой, объясняетъ, что будетъ представлено и наводитъ такимъ образомъ зрителя на мысль поэта: предисловіе въ полномъ смыслѣ. До начала пьесы уже извѣстно, кто будетъ играть, на какихъ историческихъ фактахъ основана драма, кто ея авторъ и какія будутъ печальности на сценѣ. Такой способъ гораздо благоразумнѣе Европейскаго обыкновенія. Сколько нашихъ писателей долженъ приложить стараній, какимъ успѣхъ подвергать свой умъ, въ какія впадать неправдоподобія, чтобы только изложить событія, предшествовавшія эпохѣ его драмы? Въ нашей жизни, въ такомъ видѣ, какъ она есть, предваренія безполезны; нѣтъ нужды изъяснять всю минувшую исторію, и входить, въ видѣ введенія, въ подробныя подробности, какъ дѣлаютъ, по большей части, всѣ лица у Софокла, Еврипида и у ихъ подражателей: Расина, Корнеля, Вольтера и другихъ классиковъ. Напротивъ, посредствомъ Индійскаго пролога все объясняется, какъ нельзя лучше. Самъ распорядитель театра развиваетъ предъ вами полную картину всего, что вамъ знать нужно, для совершеннаго уразумѣнія, и ему остается только начинать драму.

За подобнымъ введеніемъ, которое старшныя Англійскія поэты, и между прочими Шекспиръ, употребляли такъ искусно, слѣдовала краткая молитва, воззваніе никогда не пропускаемое: характеръ Индійской драмы очевидно религиозный. За тѣмъ начинается пьеса; она разделяется на *испнія* и акты, какъ у насъ. Актонъ, или *аккъ*, можетъ быть до десяти. Появленія и выходы производятся подобно нашимъ, съ небольшимъ только уклопеніемъ, которое состоитъ въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ сцены находится два неучаствующіе въ драмѣ вводителя, которые возглашаютъ зри-

телямъ о каждомъ новомъ лицѣ, являющемся на сцену. У насъ насмѣшля бы довольно такой новый родъ драматическихъ швейцаровъ, свидѣтельствующій объ удивительной простотѣ Индійскихъ представлений. Онъ напоминаетъ голландскую картину, на которой изображены медвѣдь-плясунъ и его вожатый. Скромный художникъ, чтобы не ошибался въ сходствѣ фигуръ его, подписалъ подъ каждою: «*C'est est medvedь, а се геловитъ.*»

Наряду съ такою грубою простотою являются признаки удивительно обдуманнаго искусства. Никогда дѣйствіе одного акта не мѣшаетъ другому; всѣ обстоятельства резко обозначены; всѣ характеры върши первоначальному своему развитію. Дѣйствіе не останавливается за тѣмъ, чтобы завязаться снова, и не начинается для того, чтобы прерваться, какъ это случается въ Европейскихъ трагедіяхъ. Наконецъ у Индійцевъ, какъ и у Римлянъ, есть свои *valete* и *plaudite*. Краткая молитва, произносимая главнымъ лицомъ, оканчиваетъ представленіе, и послѣдніе слова актера всегда заключаютъ желанія счастья и благополучія зрителямъ, въ родѣ нашихъ водеvilныхъ куплетовъ, гдѣ авторы часто нищенствуютъ, чтобы имъ похлопали.

Такимъ образомъ видно, сколько величій, поэзіи, благородства въ этихъ народныхъ, религиозныхъ представленіяхъ, посвященныхъ времени общественныхъ увеселеній и ликований народа. Предъ языкомъ Санскритскимъ, которымъ изъясняются герои, представленныя въ драмѣ, благоговѣніи, какъ предъ святынею. Игравъ драмы преимущественно въ времена года, посвященные тѣмъ боже-ствамъ, чье покровительство избираетъ поэтъ. Тогда не искали въ зрѣлищахъ минутнаго развѣшенія, лекарства отъ скуки длинныхъ вечеровъ или утомительныхъ занятій; афиша не провозвѣдала по ступу разъ объ одной и той же пьесѣ;

всякая драма имѣла только одно представленіе, и въ этотъ торжественный день отсюду слѣшили присутствовать на великихъ и занимательныхъ поученіяхъ. Все было проникнуто върою, чувствомъ наследственнаго уваженія къ этимъ религиознымъ празднествамъ, и все, что было въ драмѣ непонятнаго для народа, можетъ быть, придавало еще болѣе торжественности благочестивому и робкому благоговѣнію, одушевляемому зрителей.

Нельзя не замѣтить большаго сходства между драмою Индійскою и драмою Греческою. Послѣдняя вся заключается въ Санскритской, которая огромнѣе, утопченнѣе, неправильнѣе, разнообразнѣе первой: въ которой метрѣ изученаго искусства, но за то болѣе метафизической философіи. Хоры и пляски Греческихъ трагедій цѣлкомъ взяты изъ Санскритскихъ драмъ, гдѣ они составляютъ основныя, а не вводныя части, и тѣсно связаны съ сущностію самаго творенія. Наряду съ *патіей*, или пантомимой, сопровождаемой разговоромъ, Индійскіе критики ставятъ *притію*, или простую пантомиму, и *притію*, или пляску, которую Сипа, по словамъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ, подраздѣляетъ на два разряда: *тидиръ* и *ласія*.

Приведемъ нѣсколько разсужденій Индійскихъ критиковъ; они дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ умственномъ образованіи, которае мы изслѣдуемъ. Такъ какъ драма должна обличь въ живое тѣло и формы всѣ страсти, привычки, характеры, чувстваванія, то Индійскій критикъ однимъ выраженіемъ опредѣляетъ все, что заключаютъ въ себя творенія такого рода, все, что касается до драмы. Это есть *искусство формы*, говорить снъ, *рупака*, отъ слова *рупа*, форма. Онъ дѣлитъ ихъ на десять классовъ: тѣ, которыя производятъ непозныя, или низшія формы, называются *унарупака*, и раздѣляются на восемнадцать родовъ,

которыхъ исчислять и разбирать подробно не будемъ. *Натака* есть собственно драма, священная или историческая, хотя древніе авторы не подчинялись безусловно тому правилу, которое новейшіе критики считаютъ первою необходимостію. Во всѣхъ странахъ ложная строгость словесныхъ формъ возрастала не по дѣйствительному достоинству писателей, а напротивъ по мѣрѣ всеобщаго упадка смысла. Хотя содержаніе пьесъ можетъ быть вымышленное, историческое или мифологическое, но всегда герой долженъ быть высокаго сана, или даже божество; одна благородная страсть должна одушевить все цѣлое. Плачъ долженъ быть простъ, печальности правдоподобны и связаны, постепенность эффектовъ и занимательность соблюдены съ точностію. Въ особености должно стараться, говорить одинъ критикъ (авторъ сочиненія подъ названіемъ *Сагитта Дергана*), чтобы развязка выходила изъ самой сущности разговоровъ, какъ растеніе, восходящее изъ первоначальнаго семени. Языкъ пьесы долженъ быть ясенъ, излщенъ, изукрашенъ; акты допускаются не менѣе пяти и не болѣе десяти. Предписывается единство дѣйствія; о единствѣ мѣста ни слова; вѣроятно подобно тому, какъ во всѣхъ начальныхъ театрахъ, авторъ и главный распорядитель предоставляли воображенію зрителя то обширное поле, которое нынѣ у насъ съ такою славой, хотя ко вреду искусства, занимаютъ машинисты и костюмеры. Единство времени отдало на добрую волю поэта. Часто, какъ въ Испанскихъ пьесахъ, актъ продолжается одинъ день; иногда въ между дѣйствіе проходятъ десять или пятнадцать лѣтъ. Если Индійская драма заключаетъ въ себѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Эллиптическую строгость; если по торжественности дѣйствія, по релігіозной важности, подходитъ къ трагедіямъ Еврипида и Софокла, то она касается, по своей удивительной объемлемости, такъ же и,

такъ называемой, романтической драмы. Ея первоначальная идея имѣетъ сходство съ огромною, свободою, легкою комедіею, изобрѣтенною въ Испаніи, и такъ блистательно развитою Англійскими поэтами XVII вѣка.

Зачѣмъ пьесамъ Шекспира и Кальдерона давать наименованіе трагедій и комедій, которое имѣло значеніе только у Грековъ и у Римлянъ, ихъ подражателей? Они дѣлили жизнь человѣческую на двѣ части: одну, мрачную и ужасную, другую забавную, легкую и смѣшную. Нашъ мѣръ, такой страшный, смѣшанный, разнообразный, въ которомъ всякое трагическое событіе имѣетъ свою смѣшную и дѣтскую сторону, а слабости и мелочи могутъ быть разсматриваемы съ важной точки зрѣнія; мѣръ многосложный, безмѣрный, перемѣчливый, прикрывающій власищу золотомъ, скорбь веселіемъ, этотъ мѣръ былъ разложенъ въ типъ Греческихъ поэтовъ и софистовъ, этихъ великихъ изслѣдователей ума человѣческаго. Напротивъ того Индійцы, Испанцы и Англичане среднихъ вѣковъ изображали мѣръ сей въ полномъ его объемъ и надлежащемъ видѣ. Вотъ настоящая ткань судьбы человѣческой, одна нить золотая, другая мѣдная; все высокое и самое низкое, мощи и безсиліе, человекъ въ полномъ значеніи сего слова, червь земной и проросекъ души божественной. Испанцы съ болѣею силою, легкостію, пріятностію перемѣли другіе пароды, изображали игру судьбы, страстей, случайностей и характеровъ; Англичане съ удивительною точностію и наблюдательностію представили разнообразіе человѣческаго сердца. У Индійцевъ, по кротости нравовъ и склопности народа къ элегіямъ, наступленію, мечтательности, преимущественно замѣчается желаніе смягчить рѣзкія черты жизни и представить ея событія въ видѣ необъятной фантазмагоріи, едва достойной развлечь на минуту мыслителя. То, что Европейцы называютъ тра-

мическимъ эффектомъ, поселило бы отвращеніе въ Индійцахъ. Положеніа, раздирющія сердце, исторгающія слезы, приводящія въ трепетъ и содроганіе зрителей, составляли пылъ славы нашихъ писателей, были бы почтены послгательствомъ поэта береговъ Гангеса на чистый вкусъ и общепитательности. Онъ не захочетъ подвергать такому мученію ни другихъ ни самого себя; не только не окровавить сцены, но если ходъ дѣйствій требуетъ смерти какого либо лица, то строжайшій законъ воспрещаетъ ему объявлять о ней всенародно, и зрители должны сами догадываться. По такому же правилу исключается изъ представлений все, что можетъ возбудить ужасъ или отвращеніе: проклятія на враговъ, вызовъ на побойще, взятіе и разореніе городовъ, изва и другія народныя бѣдствія. Въ области низшихъ попятій драматическая муза тѣхъ странъ подвержена не менѣе строгимъ законамъ. Дѣйствующимъ лицамъ запрещено драться, цѣловаться, царапаться; ѣсть, спать, купаться, латираться благоволимъ, не ситгал другихъ страшныхъ положеній, о которыхъ конечно позволить умолчать читателю. Благопристойности, замѣчаемая въ этихъ уставахъ, касается не только до видимыхъ дѣйствій и словъ, но простирается и на испорченность душевную, на этотъ чувствительный цвѣтокъ, который наши писатели такъ рѣдко щадятъ, заражалъ извами и грязью сцену просвѣщеннѣйшихъ народовъ въ мірѣ.

Если представленія были рѣдки, то продолжительность драмъ вознаграждала зрителей. *Донъ Карлосъ* и *Разбойники* Шиллера, двѣ, сколько извѣстно, самыя длинныя пьесы, ничто въ сравненіи съ пьесами Индійскими. *Мрихашати* стоитъ трехъ трагедій Эсхила. Что-бы ни доказывалъ Вильямъ Джонсъ, но неперлоотно, чтобы Индійскіе драматурги были многочисленны. *Упарукаш* или драмъ втораго разбора, было у Индійцевъ го-

раздо больше, чѣмъ *румаж* или драма высшаго разряда, которыхъ нельзя насчитать болѣе шестидесяти. Забавныя и смѣшныя разговоры, импровизируемыя Индійскими лодочниками, въ поѣздкахъ ихъ, по всему полуострову, представляютъ намъ довольно ясныя слѣды второкласныхъ твореній, болышею частію истребленныхъ временемъ, не щадящимъ посредственности.

Двумъ великимъ поэтамъ, являющимся въ Индійской драмѣ, *Бхабхутти* и *Калидасу*, приписываютъ только по три театральныя пьесы. У перваго есть что-то Эсхилосское въ его поэтическомъ направленіи. Знатнаго рода, браминъ по происхожденію, онъ назывался у современниковъ *Срикантою*, (человѣкомъ, у котораго въ гортани тантел краспорѣчье). Воспитанный среди въковыхъ лѣсовъ и громадныхъ горъ Голдуайрскихъ, онъ, казалось, почерпнулъ въ этихъ величественныхъ картинахъ необыкновенный свой талантъ изображать не красоту подробностей, но великолѣпіе и необъятность цѣлой природы. Чашу цвѣтка, свѣжую траву, легкое облачко съ его разнообразными отблесками, вотъ что любилъ изображать въ стихахъ его соперники и современники; но его увлекаютъ слопы, на тяжеломъ ходу ихъ, лѣсъ дрожащій подъ ихъ пятами, громъ зыблящій небеса, весь поразительный зрѣлища, весь возвышенный страсти, и Цари Индостанскіе осыпали его милостями. Драмъ его суть: *Малати* и *Маджави*, *Вришлара-Раши-Херестра* и *Вира-Херитра*, три разговорныя поэмы, три повѣсти любви и геройства. Напротивъ того *Калидасъ* отличается пріятностію, гармоніей, показательнымъ и элегическимъ изяществомъ своего слога. Его *Сакунтали*, стихами своими напоминающая Тассову *Амитту*, довольно извѣстна, и мы не будемъ о ней распространяться. Разберемъ лучше его драму: *Вихриши* и *Урайши*, (Герой и Нимфа). Это настоящая

повѣйшая опера. Подобно всемъ Индійскимъ пьесамъ, она писана вольными стихами, въ которыхъ складъ растягивается, сжимается, возвышается, мѣняетъ цвѣта и тоны, сообразно измѣненіямъ чувствованій, выражаемыхъ поэ-

томъ. Нельзя представить себѣ ничего музыкальнѣе, величественнѣе, пѣжнѣе, гибче въ оборотахъ. этого смѣненія пѣсхъ размѣровъ, начинающаго съ четырехъ до девятидесяти стопного.

ГЕРОЙ И НИМФА.

АКТЪ I.

Мѣсто дѣйствія вершина Гималайскій. Во время введенія, или пролога, въ воздухъ раздаются крики: «помогите, помогите намъ! Кто спасетъ и защититъ насъ въ эфирныхъ предѣлахъ!»

Актеры пролога объясняютъ зрителямъ, что вопли сіи раздаются отъ преслѣдованія небесныхъ нимфъ страшнымъ неприятелемъ. Послѣ краткой молитвы начинается первый актъ, и сонмъ бгущихъ дочерей неба устремляется съ облаковъ на сцену, продолжая наполнять воздухъ воплями отчаянія. Вскорѣ послѣ того является *Пурурава*, знаменитый царь, сынъ луны и солнца, на колѣснице, управляемой искуснымъ возничимъ.

Пурурава. Прекратите вопли, ваши; взгляните, други говорите съ вами: *Пурурава*! Я посмѣшилъ къ намъ изъ областей дальновиднаго належащаго солнца. Расположите мною, скажите, чего вы бонетесь?

Нимфа Ралиба. Насъ преслѣдуетъ демонъ!

Пурурава. Какая цель его дерзости?

Нимфа Менака. Великій государь! я я тебѣ все повѣдаю. Мы покидали сонмъ боговъ, собравшихся въ огненномъ теремѣ Куверы. Впереди всехъ насъ была прелестная *Урвази*, изъ всехъ украшеній небесныхъ—украшеніе самоблестящее; дѣва, предъ красотой которой безсильны все хитрости *Индры* и блѣднѣетъ красота *Шри*. Вдругъ на пути нашемъ возсталъ *Кези*, падшій монархъ золотого *Града*; онъ ринулся, схватилъ ним-

фу, которая тщетно выбивалась изъ объятій своего похитителя, и умчалъ се съ собою.

Пурурава приказываетъ возницѣ летѣть сквозь тучи за похитителемъ, какъ молнія падъ теменемъ горъ. Нимфы съ потеряннѣемъ ожидаютъ возвращенія его на свѣтовой вершинѣ; но полѣтъ царя быстрѣ мысли, и онъ немедленно приосенитъ *Урвази*, лежащую безъ чувствъ на рукахъ подруги своей, *Хитралеки*.

Пурурава. Да спидеть спокойствіе! Зачѣмъ тревожиться, когда причина испуга исчезла? Открой прелестныя рѣсницы! Ночь миновалась; почная красавица раскрываетъ цвѣтокъ свой.

Хитралека. Увы! только по вздохамъ замѣтны въ ней признаки жизни.

Пурурава. Это робкое сердце, слабое, какъ пѣщный цвѣтокъ, хранищійся подъ дождевыми каплями, не вдругъ оживетъ и возникнетъ. Гляди, покровы не въ силахъ утаить непрерывнаго и трепетнаго волненія ея груди.

Хитралека. Очнись, другъ мой! Такая слабость ни прилична небесной дѣвѣ. Пробудись, другъ души моей; твой врагъ обращенъ въ бгство.

Урвази (приходя къ себѣ). *Индра*, ты спасъ меня!

Хитралека. Нѣтъ, по герой не мѣнѣ знаменитый: *Пурурава*, священный царь.

Урвази, (взглянувъ на *Пурураву*). О, злой духъ, котораго я проклинала, благодарю тебя.

Царь и дѣва поражены одинаковою стрѣлою. Не повторимъ поэтическихъ тирадъ влюбленнаго героя и прелестной дѣвы, которая говоритъ, что «слова его медомъ текутъ въ ея сердцѣ.» Пурурава напоминаетъ ей, что нимфы ждутъ ея на священной вершинѣ.

Сцена III. Видя возвращеніе подруги, спасенной отъ грозной опасности, нимфы исполъютъ радостный хоръ, совершенно въ духѣ Греческихъ хоровъ, и весьма замѣчательный по лирическому достоинству. Въ продолженіи сцены всеобщихъ поздравленій раздается, подобно грому, стукъ колесницы и яркое сіяніе пробѣгаетъ по лядистому челу высокихъ горъ. Является Хитратата, царь Гаухарвовъ, исполняющій должность пѣвца и музыканта въ чертогахъ Сивы, Индры и Куверы. Посланцы Царю для освобожденія нимфы отъ злобнаго Кези, отвѣтъ предупредивъ въ этомъ подлинѣ Пурураву, и приносить ему теперь поздравленіе отъ имени Индры, съ приглашеніемъ посѣтить его небесное жилище. Юная нимфа съ некоторымъ кокетствомъ, которое еще болѣе воспламеняетъ страсть героя, слѣдуетъ за полетомъ воздушной станицы. Ея влюбленный остается на землѣ, съ пламеннымъ восторгомъ провожаетъ ее взорами, потомъ всходитъ на колесницу и исчезаетъ.

Такъ кончается первый актъ, совершенно лирическаго содержанія, замѣчательный при всей простотѣ своей, и не лишенный сценическихъ эффектовъ.

АКТЪ II.

Мѣсто дѣйствія Дворецъ Пуруравы, при сіяніи Гангеса и Ямуни. Садъ. Первое лицо, которое является зрителямъ, есть браминъ, могущій служить, подобно Испавсему граціозо, образцомъ для нашихъ простяковъ въ мелодрамахъ. Его зовутъ *Манава*.

Манава. Ей, ей, страхъ тлостою, особенно для брамина, который любить по-

кой, паходиться въ такихъ обстоятельствахъ, какъ я грѣшный. Я знаю тайну, да еще царскую. Пропадутъ или проболтаюсь, а смолчать не могу. Какъ быть? Всякой во мнѣ ищетъ, нескій хочетъ угодить мнѣ; я малый добрый, люблю поговорить, ни минуты не могу утаить мысль, которая гнететъ и тяготитъ меня!... Боюсь, право, за себя! Ну, Манава, держи ухо востро. Присядь въ этомъ уголку храма; никто тебя не станетъ выгонять отсюда. Подожди здѣсь, пока царь, владыка и другъ твой выйдетъ изъ совѣта. (Садится и закрываетъ лице руками).

Прислужница царицы, по имени *Никуника*, видитъ брамина въ такомъ положеніи, и будто не примѣчая его, начинаетъ длинный монологъ, въ которомъ сътуетъ про себя о внезапной переѣвѣ царя. Она не относитъ прямо къ Манава, но говоритъ именно такъ, чтобы заставить его открыть ротъ и зажечь искру обыкновенной и любимой его болтливости. Бѣдникъ не въ силахъ воздержаться. Онъ встаетъ и при всемъ усиліи сохранивъ свою тайну, все ей открываетъ. Едва *Никуника* узнаетъ, что царь влюбился, измѣнилъ царицѣ, что нимфа замышляла въ романѣ, какъ свѣдѣтъ сообщить царицѣ новость, которую открывала ей простота брамина.

Послъ шел является Пурурава; онъ разсѣялъ и не слушаетъ брамина, который съ шутовскою высокопарностію точатъ ему балы. Задумчивость царя рѣзко и забавно противорѣчитъ усиліямъ шута, старающагося казаться важнымъ, мечтательнымъ и знатокомъ любовной поэзіи. «Страстное сердце этой рожи, говоритъ ему Манава, наполено есмнями, которые пускаютъ свѣжіе ростки точно такъ, какъ въ сердцѣ влюбленнаго рождаются первыя желанія: нашему величеству не угодно ли будетъ отдохнуть въ испѣ?»

Между тѣмъ Урвази и Хитралека парятъ въ воздухѣ, съ лепетомъ любви на

устахъ, и приближаются къ роцѣ, въ которой находятся Манава и его владыка; онъ сходитъ на землю, въ туманъ облака и подслушиваютъ, что царь повѣрять браминю. Ни тотъ, ни другой не видятъ ихъ присутствія и продолжаютъ разговоръ свой, на минуту прерванный.

Манава. Я докладывалъ уже, кажется, вашему величеству превосходный способъ и даже два, для свиданія съ небесною очаровательницею.

Пурурава. Не помню. Что же ты говорилъ?

Манава. Послушайте: это важный и полезный советъ. Вы говорите, что у васъ изъ головы не выходитъ образъ той, которую вы любите. Чтобы достигнуть желаннаго свиданія, и не возмущаться печальною мыслию о разлукѣ, задайте хорошую высыпку, и я вамъ ручаюсь, что вы увидите съ нею безъ помѣхи.

Царь ни слова не отвѣчаетъ на такую прекрасную выдумку, а Урвази, восхищенная тѣмъ, что загля въ сердце Пуруравы сильную страсть, отрываетъ листокъ отъ дерева *бурѣл*, ищетъ на немъ нѣсколько стиховъ и рождаетъ къ ногамъ брамина. Манава поднимаетъ его и подаетъ царю, который восклицаетъ:

Наконецъ занялась заря моего блаженства!

Манава. Лучше читайте, а не разглазольствуйте.

Пурурава (читаетъ). «Равное, хотя еще таинственное и сокровенное пламя, горитъ въ двухъ разныхъ сердцахъ. Но уже прохладное и свѣжее дыханіе вѣтра, который волнуетъ легкую поверхность облаковъ и возвращаясь, извѣваетъ мудри посреди небесныхъ гротовъ, не изгнѣтъ для мещ болѣе ни прелести, ни очарованія, не приносить мнѣ ни жизни, ни удовольствия. Отрадный и благоуханный вѣтерокъ дышетъ смертоносно. Цвѣты вянуть и сохнутъ подъ мо-

ими стопами, они томятся такъ же какъ душа моя, снѣдаемая любовью, какъ божественный и бранный образъ мой, облытый страстнымъ пламенемъ.»

Не смотри на такое довольно ясное изъясненіе въ любви, дѣла не рѣшается еще поднять завѣсу и умолисть. Хитралеку показать прежде. Паперсница повинуется, и довольная, по видимому, силою страсти, обнаруженной царемъ, подаетъ знакъ подругѣ. Урвази является въ полномъ блескѣ своихъ прелестей.

Урвази. Побѣда моему царю!

Пурурава. Когда твои уста пожелами мнѣ побѣду, я болѣе чѣмъ побѣдитель.

Манава. Прекрасная дѣва, я одинъ изъ царскихъ браминовъ, его искренній другъ, повѣренный въ любви его, и, надѣюсь, имѣю право на ваше вниманіе!

Урвази обращается къ нему съ улыбкою: Въ облакахъ является вѣстникъ боговъ.

Вѣстникъ. Урвази! Хитралека! спите, летите! Владыка небесный васъ призываетъ. Чертоги его ждутъ васъ, явитесь для исполненія своихъ священныхъ обязанностей. Храните, имира вскорѣ соберутся на представленіе драмы, сочиненной Бхаратою, вашимъ владыкой; въ ней пылаетъ страсть, истина начертала ее, и вы ее поддержите.

И такъ, вотъ драма въ драмѣ, подобно драмѣ въ Гамлетѣ Шекспира, или въ некоторыхъ нынѣшнихъ баятахъ. Юной дѣвѣ изъ труппы безсмертныхъ поручено исполненіе главной роли, созданной Бхаратою. Нимфы повинуются; Пурурава печально смотритъ, какъ возлюбленный его улетаетъ въ небо. Царь и паперсникъ его удаляются, но Манава, въ качествѣ повѣреннаго въ любви, вмѣстотого, чтобы сложить и спрятать любовный листочекъ, выпустилъ изъ рукъ и уронилъ на траву. Царица *Озигари*, прислужница ея *Випуттика* и нѣкоторые другія придворныя женщины входятъ на сцену. Царица, увѣдомленная своей прислужницею,

сильно подозрѣваетъ супруга, и въ минуту излившенія своихъ подозрѣній, примѣчаетъ листокъ съ начертанными на немъ словами. Царица поднимаетъ его, осторожно прлчетъ и говоритъ съ самодовольствіемъ:

Теперь я узнаю этого обожателя имфѣ!

Царь съ Манавою, огорченные потерю своего драгоценнаго залога, который притомъ все можетъ обнаружить, входятъ на сцену, ищутъ пропавшаго листка, между тѣмъ, какъ царица скрывается за кустами. Но завѣтный листокъ не находится, и царь предается страстному отчаянію.

Пурурава. Движеніе полудня, спутникъ весны, покровитель влюбленныхъ, зачѣмъ унесъ ты мое сокровище? Извлекай благоуханіе изъ цвѣтовъ, разноси его по всему міру, тебѣ благословляющему, но зачѣмъ лишать меня драгоценныхъ строкъ, начертанныхъ въ знакъ благосклонности милою рукою? Возврати мнѣ ихъ, умоляю! Знаешь ли, что это воспоминаніе — сокровище дороже всѣхъ для души влюбленной. О, ты, кого любовники почитали своимъ богомъ, услыши мои моленія!

Озинари, (подходить, впереди своихъ женщинъ.) Утиштесь, государь; если потеря этого сокровища, какъ мнѣ кажется, причинитъ вамъ такую глубокую горечь, то, прошу васъ, успокойтесь.

Она отдаетъ Пуруравѣ иносказательное изъясненіе въ любви, найденное ею, и бѣдный мужъ, избалованный, не отвѣчаетъ ни слова; а браминъ только раздражается гнѣвъ одной и смущеніе другаго, говоря:

Манавя. Одна сердится, а другому очень жутко; обѣдъ былъ бы теперь лучшее лекарство для всѣхъ вообще и для меня въ особенності.

Пурурава, играющій здѣсь, какъ у Рабле, роль весьма слабосердаго мужа, не находитъ лучшаго средства, какъ

унасть къ ногамъ обиженной супруги и умолять ее о прощеніи.

Озинари. Нѣтъ, нѣтъ, государь, не почитайте меня ребенкомъ. Притворная покорность не обманетъ меня: сбросьте личину. Я цѣню по достоинству лицемерное раскаяніе.

Манавя. Ея разгнѣванное величество ушла съ такимъ шумомъ, какъ будто дождь льется изъ облакъ. (Къ царю, который еще стоитъ на козлахъ:) Вы можете встать, государь, я вамъ позволяю.

Пурурава. Я бы могъ забавить себя отъ этого труда. Женщины лукавы и словами ихъ тронуть нельзя.

АКТЪ III.

Сцена 1-я. Мѣсто дѣйствія уединенное жилище Бхараты, который, говорить, избрѣлъ драму. Два ученика его бесѣдуютъ между собою, и говорятъ, что представленіе пьесы, происходившее въ чертогахъ Макендры, было возмущено страшнымъ случаемъ. Никогда актриса не совершала такой грубой ошибки, какъ Урвази, исполнявшая роль Лакшми. Ей слѣдовало въ драмѣ приглашать многихъ государей на торжественный ширъ, даваемый отцемъ ея, и потомъ выбрать себѣ изъ нихъ супруга, обвинивъ цвѣточною влзью любимца. Искатели явились, и богъ Варуни, котораго играла имфѣ Менака, произноситъ слѣдующія слова:

Весельныя боги, возсѣдающіе въ предѣлахъ небесныхъ, явились предъ тобою, Лакшми; въ главѣ ихъ блистательноцвѣтущій Кешва; скажи, кто тотъ, къ кому лежитъ твое сердце?

Актрисѣ слѣдовало отвѣчать: Пурухотама, но бѣдна Урвази, всл проникнулъ любовью, произноситъ имя своего возлюбленнаго: Пурурава!

Авторъ пьесы негодуетъ на актрису, котора разсѣянностію своею разрушила эффектъ лучшаго мѣста.

Бхарати. Она забыла роль свою, боги ее за то забудутъ!

Но Индра, тронутый горестью юной нимфы, и помня спасеніе ея Пуруравою отъ врага небожителей, обращаетъ проклятіе престарѣлаго поэта въ милость, которая наполняетъ радостию сердце Урвази. Изгнавшая съ небесъ проклятіемъ, она получаетъ позволеніе провести время изгнанія своего съ возлюбленнымъ монархомъ, до той минуты, пока царь не узритъ дитя, которое она подаритъ ему.

Сцена 2-я. Театръ представляетъ дворцовыя сады; Пурурава и Видусгакъ входятъ со свитою женщинъ, несущихъ свѣтильники. Царь не можетъ ни о чемъ думать, какъ только объ Урвази; онъ не замѣчаетъ драгоценныхъ камней, которыми унизаны лѣстницы; не обращаетъ вниманія на хрустальныя извѣстия и не внимаешь брамhinу, восхваляющему алмазную бесѣдку. Встаетъ луна и царь разсыпается передъ ней въ мечтательныхъ и страстныхъ стихахъ; паперникъ не раздѣляетъ его элегическихъ восторговъ.

Манава. Да, правда; эта царица небесъ премилая особа! Какъ честный брамhinъ говорю! Когда я взгляну на нее, мнѣ все кажется, что я вижу мнѣ дальнѣйшій пирогъ съ сахаромъ.

Пурурава. Пошлое сравненіе.

Манава. Матушка луна приглаголетъ вамъ присѣсть; вамъ будетъ покойнѣе бесѣдовать съ нею.

Пурурава. Она ясно свѣтитъ; пусть удалятся съ огнями. Я останусь здѣсь мечтать.

Любовь одушевляетъ рѣчи царя и его друга пародирующаго своего владыку. Является небесная колесница, отражалась въ прозрачномъ зеркалѣ Гангеса, и несетъ на себѣ незримыхъ Урвази и Хитралеку. Индійскій авторъ присовокупляетъ, что Урвази одѣта, какъ юная дѣва, поспѣшавшая къ своему любовнику:

въ алой одеждѣ, унизанной жемчугомъ. Нимфа и подруга ея сходятъ съ колесницы и приближаются къ алмазной бесѣдкѣ, въ которой находится Пурурава и шутъ его.

Урвази. Къ чему мнѣ болѣе скрываться? Подойдемъ... О, боги! онъ даже не удостоиваетъ меня взглядомъ.

Хитралека. Въ поспѣшности своей вы позабыли спрятать съ себя таинственное покрывало, скрывающее васъ отъ его взоровъ.

(Слышны смѣшанные голоса за сценой).

Голоса. Вотъ путь, по которому ваше величество должны идти.

(Все прислушивается. *Урвази* бросается въ объятія *Хитралеки*).

Манава. Это царица! замолчимъ.

Урвази. Что дѣлать?

Хитралека. Остаться невидимкой и ждать.

Царица и свита ея входятъ на сцену, все въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. *Озитарри*, оставленная супругомъ, привыкла къ своему положенію; она отреклась отъ любви Пуруравы и ревность ея умягкла. Въ честь такой рѣшимости она намѣрена воздать торжественную жертву, *огаи*, приношеніе плодовъ, цвѣтовъ и благовошій. Пурурава, видя ея кротость и смиреніе, чувствуетъ въ груди своей искры прежняго пламени; сама Урвази, незримая свидѣтельница этой сцены, признается, не безъ львоной зависти, что красота *Озитарри* въ самомъ дѣлѣ поразительна, и что даже невіста царя небесъ не соединяетъ въ себѣ болѣе величія и пріятности.

Между тѣмъ Пурурава спрашиваетъ супругу свою о причинѣ ея прихода, и узнаетъ, что она дала обѣтъ воздержанія, поста, целомудрія, и призываетъ пыль боговъ въ свѣдѣніи клятвъ своихъ. Внимательность и ревность Пуруравы къ супругѣ возбуждаютъ ревность

въ Урвази, которая презрительно улыбается, какъ сказано въ текстѣ пьесы, и находитъ, что царь очень милостивъ къ Озиарни. Принесла жертву, царица принадлежитъ къ погамъ супруга, и потому встаетъ, благословила его.

Озиарни. Свѣщенное свѣтло, возносимое ночью своєю огненную хоругвь, вишмай обътамъ, которые даю моему супругу: Кто бы ни была дѣва, достойная любви моего государя, обѣщается, если онъ почтитъ ее своей любовью, обходиться съ нею милостиво и считать ее за родную сестру свою.

Урвази. О счастье! Какъ утѣшительны для меня эти слова!

Махаса. Вотъ что называется доброй, примѣрная жена, исполняющая долгъ свой. Только жаль, что подобныхъ не много.

Пурурава, тронутый такими доказательствами любви, становится все болѣе и болѣе вѣжливымъ, и умоляетъ Озиарни отречься отъ дашиди ея клятвы. Она не соглашается и оставляетъ его позобновляя свои благословенія.

Тогда Пурурава, истинный мулатикъ, какъ и все влюбленные поэты, снова начинаетъ свои мечтательныя позванія къ лунѣ. Урвази подкрадывается къ нему сзади, набрасываетъ на него покрывало и закрываетъ обѣими руками глаза его.

Пурурава. Кто можетъ быть, кромѣ Урвази? Чья рука могла бы привести меня въ трепетъ? Отъ чьего прикосновенія все тѣло мое изыграло бы такимъ живымъ восторгомъ? Сердце мое оживаетъ въ ея присутствіи, какъ тѣ цветы, которые раскрываютъ чашу свою подъ сладостнымъ сіяніемъ мѣсяца. Узнаю, узнаю ее!

Урвази. Веселье, побѣда царю моему!

Пурурава. Привѣтъ тебѣ блистательная нимфа неба.

Хитралеки. Да низойдутъ на царя все блага земли!

Пурурава. Я уже все имѣю: Урвази мой!

Урвази. Государь! Ты мой во имя боговъ, которыхъ царица призывала въ свидѣтели своей торжественной клятвы. Пурурава, ты мой! Отвѣчай—правда ли?

Все дышетъ восторгомъ и наслажденіемъ въ садахъ дворцовыхъ. Нѣжная Урвази горюетъ о томъ только, что заставила неволью грустить своего возлюбленнаго: «Какъ сладостна радость послѣ печали!» восклицаетъ она съ очаровательнымъ увлеченіемъ. Шуть разделяетъ блаженство своего господина.

Махаса. Слава Богу! бракъ совершился. Не было только свадьбы, но надѣюсь, что мы будемъ вознаграждены, и одинъ, или два объѣда на-сказу замѣнятъ брачное иршество. Его величество вѣрно будетъ столько милостивъ, когда сбываются все его надежды.

Пурурава. Правда, я достигъ цѣли моихъ желаній. Необъятій шатеръ, осѣняющій міръ своей державной тѣнью; престолъ, осѣянный драгоценными камнями, сорванными съ чела покоренныхъ царей, все это для меня не столь славно,—какъ рабство у ногъ Урвази и покорность ея повелѣніямъ.

АКТЪ IV.

Нѣтъ ничего прекраснѣе, необыкновеннѣе, удивительнѣе этого четвертаго акта. Содержаніе его подобно волшебнымъ арабскимъ сказкамъ и связано непрерывной нитью съ цѣлою драмой. Эту дивную поэзію можно сравнить только съ лучшими мѣстами Тасса и Мильтона; тутъ слиты и смѣшаны страсти, воображеніе и прелесть; трогательная скорбь соединена съ самыми возвышенными порывами сочувствія съ природою. Большая часть акта поется. Но тайному внушенію своего гения, чему сочинителямъ нашихъ оперъ подражать было бы не худо, поэтъ превосходно угадалъ мгновенія, въ которыхъ должно было

употребить лирическое пѣвiе, именно когда страсть въ разгарѣ, когда движенiя сердечныя сильны и могучи.

Въ то время, когда Пурурава и Урвази, полные любовью, бродили по берегу, одна воздушная шифа, легкими пожатиями едва касаясь прозрачныхъ водъ, обратила на себя разсѣянный взоръ царя и пробудила ревность Урвази. Любовница Пуруравы съ досадою отвергла его ласки, въ сердцахъ его оставила и скрылась въ глубины лѣса. Небесный заветъ восприсаетъ входить въ роши Картукасскiя. Увлеченная порывомъ страсти, Урвази забываетъ законъ, и пропикаетъ въ свѣщенный сумракъ. Но едва вступаетъ она въ заветныя предѣлы, какъ превращается въ виноградную лозу, которой долгия и гибкiя вѣтви сохраняютъ еще пѣкоторое сходство съ ея излщпыми и легкими станомъ. Царь до тѣхъ поръ не найдетъ ея, пока не получитъ свѣщеннаго камня, котораго красноватый отливъ хранитъ еще печать сѣда божественной *Гори*: это рубинъ, символъ примрепiя.

Безпадежный Пурурава объгасть пустынные лѣса Ахалуцкiе. Взоръ его обращенъ къ небу; воспоминаи мшувшаго блаженства, котораго онъ позабыть не въ силахъ, наполняютъ всѣ его мысли. Одежда его въ беспорядкѣ; горестъ близка къ безумiю; ему чудится, что онъ еще пресѣдуетъ демона, похитившаго Урвази. Бѣлый лебедь, плавающий поводамъ, купал распушенные крылья въ прозрачномъ кристаллѣ, тихимъ движениемъ шеп и плавнымъ ходомъ своимъ, кажется, сочувствуетъ его скорби. Все это мѣсто испошено поразительныхъ сблженiй человеческихъ отношенiй съ природою и того волшебнаго обаянiя, которымъ наши душевные чувствованиа ея облакають. Онъ обращается попеременно къ слону, царю лѣсовъ, подобно ему одинокому, и можетъ быть, также утратившему свою подругу; къ воздушнымъ облакамъ, ко псему, что встрѣчается глазамъ его, я допраши-

ваетъ не въ этихъ ли вѣтвяхъ скрылся предметъ его страданiй? Невозможно иначе, какъ стихами выразить эту длинную, по удивительную элегию, въ которой холодность, неразлучная съ описанiями, согрѣвается искреннею, пылкою страстью поэта, непритворнымъ его одушевлениемъ. Все пробуждается и оживаетъ отъ словъ Пуруравы, онъ сродняется мыслию со всѣми страстями, чувствованiями и печальми жильцовъ дубравныхъ.

Между тѣмъ трескается и разверзается утесъ; въ рассѣиивъ его мелькаетъ красноватый лучъ; не пламя ли это? откуда яркiй блескъ? Или это кровавая струя, которую левъ, на царскомъ пиру своемъ, ронлетъ изъ разверстой пасти? Нѣтъ: то камень драгоценный; его отшвырче багряница на цвѣткѣ асокиа; солпце, играл и сверкая на немъ, будто хочетъ растопить и поглотить его своими жгучими лучами.

Голосъ въ воздухѣ. Сыгъ мой, возьми рубинъ! Къ нему прикасался сѣдъ богиши и сообщилъ чудесное свойство! Возьми его; твоа возлюбленная будетъ возвращена тебѣ и усладитъ скорбь своего царя и друга.

Пурурава, (взявъ драгоценный камень). Что значить такой страшный трепеть? Отъ чего сердце мое бьется, когда глжу на это дерево? Нагал и безплодный лоза виноградная: ни цвѣтка на ней, ни побѣговъ: дождь облажилъ ее. Только нѣсколько капель, качался, висятъ на ея увядшемъ стеблѣ; пчелы не лнутъ къ ней; грусть и безмолвiе се окружають. Она печальна, какъ Урвази, которая конечно плачетъ теперь, одинокая, о своемъ гитвѣ и досадѣ. Прижму къ сердцу это грустное и вѣрное изображенiе потерпшней для меня дѣвы!

Лишь только рука царя прикасается къ виноградной лозѣ, она оживаетъ и ему яллется Урвази.

Урвази. Слава царю! Слава и прощение! Какъ ты блѣденъ и грустенъ! Ка-

какъ переменна съ тобой совершилась, владыка мой! И я всему причина.

Пурурава осыпаетъ ласками *Урвази*, но она умоляетъ его не медлить, а поспѣшать въ *Иратипшаму*, его столицу.

Урвази. Поспѣшимъ, весь городъ оплакиваетъ погибшаго государя. А я, виновница такого несчастія, и подвергнуся негодованію и ропоту народному.

Пурурава. Да, повѣнчимъ; это облако послужитъ намъ колесницей, и путь нашъ будетъ недологъ. Молніи вылетятъ кругомъ, какъ свѣточн, а покровомъ намъ блистательная и прозрачная радуга, цвѣтами которой *Индра* озарилъ все небо.

Актъ оканчивается радостнымъ гимномъ, и актеры исчезаютъ на облачной колесницѣ

А К Т Ъ V.

Театръ представляетъ дворецъ *Пуруравы*. Чудесный рубинъ потерянъ. Тьма голосовъ вопиетъ: «рубинъ, рубинъ!» Коршунъ похитилъ этотъ драгоценный камень, похищенный на время съ одеждами *Урвази*, пока царь и обѣ царницы совершали умовеніе при слияніи *Гангеса* и *Ямуни*. *Пурурава* требуетъ свой лукъ и стрѣлы; но коршунъ быстро расправляетъ крылья и улетаетъ на югъ, унося съ собою драгоценный камень, сверкающій во мракѣ, какъ планета *Марсъ* на лсномъ небѣ. Между тѣмъ входитъ на сцену одинъ изъ царедворцевъ и подаетъ стрѣлу, къ которой привязана древесная вѣтвь съ чудеснымъ рубиномъ. На стрѣлѣ начертаны буквы, и *Пурурава* съ удивленіемъ читаетъ:

Стрѣла Эйона, сына Урвази и Пуруравы.

Пурурава. Сынь мой! У меня есть сынь! Можетъ ли это быть? Кромѣ поры жертвоприношеній *Наипинъ*, я не покидалъ моей милой *Урвази*; никогда не замѣчалъ въ ней ни малѣйшей перемены. Только однажды щеки ея были блѣднѣе обыкновеннаго, взоръ былъ то-

менъ и утомленіе выражалось въ чертахъ, но это продолжалось недолго.

Макава. Развѣ вы думаете, что нимфы небесныя подчинены тѣмъ же неудобствамъ, какъ земныя жены? Онѣ разрѣшаются такъ, что никто того не знаетъ, и, повѣрьте мнѣ, умѣютъ скрыть всѣ слѣды, всѣ признаки человѣческихъ слабостей.

Послѣ такого объясненія, входитъ *Индійская* отшельница, по имени *Тонази*, ведя за собой мальчика, вооруженнаго лукомъ. Она объясняетъ царю, что юный *Эйонъ*, чрезвычайно съ нимъ схожій, есть плодъ любви его съ небесною нимфой; что, по одной тайной причинѣ, *Урвази* скрыла отъ царя рожденіе и существованіе дитяти; что совершивъ пылнѣ подвигъ, *Эйонъ* имѣетъ право стать въ ряды мужичинъ и оставить пустынную обитель *Топазн*. Дитя садится на ступеняхъ трона и горюетъ о своемъ прежнемъ жилищѣ и о любимомъ наливѣ, котораго онъ выкормилъ. Посреди этой патриархальной сцены, дышащей истинно аптедьскою прелестью, *Урвази* вдругъ проливаетъ обильныя слезы.

Царь желаетъ знать, отчего ожерелье влажныхъ перловъ обвиняетъ иѣжную шею ея въ самое то время, когда возвращенный сынъ ихъ показалъ первый опытъ своей ловкости и мужества.

Урвази. Ахъ, я была такъ довольна, любилъ своимъ дитятей, что забыла роковой приговоръ, повелѣвающій мнѣ оставить тебя и вознестись на небо, лишь только ты увидишь нашего сына. О, государь! то время настало: вотъ почему и скрыла колыбель его и вѣрнула этой разумной женщиной. Увы, едва удалось л, царь меня забудетъ!

Но иѣжная *Урвази* ошибается: *Пурурава* не въ силахъ рѣшиться на разлуку. Онъ готовъ снова скитаться по пустынямъ, гдѣ скачутъ только дикіи лани, по голымъ вершинамъ *Гималайскимъ*, въ туманахъ облаковъ, которыя проникаетъ онъ на своей колесницѣ, преслѣдуя де-

моновъ. Все это блистательное, мистическое, непошленное и въжюности и пріятности твореніе окапчивается сошествіемъ Ниреды. Этотъ богъ, индійскій Меркурій, приноситъ Пуруравъ вѣсть прощенья и милости. Безсмертнымъ пужны будутъ его услуги, и они позволяютъ ему обладать вѣчно набранною имъ шимфою. Помазаніе юнаго Эйона происходитъ на сценѣ съ великою торжественностію, и гимны пѣвцовъ сливаются съ пѣснями небесныхъ Апсаръ, парящихъ надъ землею и славящихъ счастье своей подруги.

По такому несовершенному разбору и неполнымъ отрывкамъ можно, однако, составить понятіе о цѣлой драмѣ, не столь трагической, какъ драма Софокла и Еврипида, близкой къ поэзіи, элегій, дивирамбу, и чуждой всего пивкаго, грубаго, отвратительнаго. Даже у Гомера задумчивыя и дружественныя связи земныхъ героев съ небесными дѣвами облечены такою властительною прелестью и поэтической простотою; изъ всѣхъ Овидіевыхъ превращеній нѣтъ ни одного, которое можно было бы предпочесть превращенію шимфы Урвази въ виноградную лозу, оживающую въ объятіяхъ супруга. Груша шимфъ на Гималайской вершинѣ представляетъ очаровательную картину. Не смѣемъ хвалить поступокъ Пуруравы, котораго двукратный бракъ можетъ служить дурнымъ примѣромъ. Эйонъ, влукъ луны, дѣлаетъ честь бабушкѣ, а браминна Манаву стоитъ угостить роскошнымъ шромъ, который онъ оживилъ бы своими невинными хитростями и гастрономическимъ простодушіемъ.

Ученые, почитающіе Индостанъ колыбелью просвѣщенія цѣлаго міра, пмвють болѣе доводовъ для доказательства своего мнѣнія, нежели противники ихъ для опроверженія. Не заключаются ли

въ этой Индійской пьесѣ все наши по- вѣйшія драматическія теоріи, съ ихъ лирическимъ пѣніемъ, превращеніями, торжественными стопами, порывами отчаянія, страстнаго изумленія, блистательными обрядами, хорами, быстрымъ ходомъ дѣйствія, запутаннаго неожиданными событіями, которыя слѣдуютъ одно за другимъ, какъ на Испанской сценѣ? Въ ней находится все эти отрывки, но только въ болѣе пѣжныхъ и мягкихъ формахъ; что то легкое и воздушное ослабляетъ угловатость очерковъ. Ни малѣйшаго признака сѣвернаго гения не видно въ этихъ созданіяхъ, блистательныхъ, сладостныхъ, какъ благовопіе цвѣтовъ, какъ свѣтъ солнечный; таково южный гений въ спосѣ совершенномъ развитіи. Какъ бы ни былъ перовень путь, по которому поэтъ насъ увлекаетъ, муза его всегда остановится и отдохнетъ въ пріятной и свѣтлой атмосферѣ, всегда развязкой будетъ выисць изъ мѣстныхъ лучей и цвѣтовъ душистыхъ. Если онъ производитъ бурю, разитъ громомъ, то для того только, чтобы разогнать потомъ скопившіяся тучи и показать небо и землю во всемъ блескѣ жизни и веселія. Мы, дѣти холодныхъ странъ, любимъ изображеніе отчаянія и несчастія; народы восточные отъ подобныхъ картинъ отвращаютъ взоры. Наша страсть бороться съ судьбою и не уступать ей въ борьбѣ. Но мѣръ приближенія къ сѣвернымъ шпротамъ встрѣчается болѣе вздоховъ и воплей, болѣе нищеты и предсмертныхъ страданій въ поэтическихъ созданіяхъ. Восточная природа величавѣе, умилительнѣе и прелестнѣе; она, быть можетъ, могучѣе, но ужъ вѣрно не такъ чиста и благородна.

Изъ *Blackwood's Magazine*.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

НЕГОДОВАНИЕ.

Le colonel Fitz-Patrick est arrivé à St. Marks avec 30 à 40 bloodhounds: ce régiment carnassier et carnidore va combattre les Indiens seminole.
(Gazette de France du 21 Mars 1840).

Свобода!... Равенство!... Вот что кричатъ
опп,

Младой Америки богатые граждане,
Завоеватели украденной земли,
Республиканцы, Пуритане,
Народ торгующій и мыслящій народъ,
Благотвореніа придумавшій науку,
Который гибнущимъ спасающую руку
Въ воскресный день не подаетъ!!

Свобода!... Равенство!... И съ этимъ гром-
кимъ кликомъ
Натравленныхъ собакъ они на брань ведутъ,
И хищности звѣрей, въ своемъ свирѣпствѣ
дикомъ,

Людей на жертву отдаютъ!...
Непстойвой борьбы свидѣтели иныи,
Они безъ ужаса глядятъ на смерть и кровь;
И къ челоуѣчеству забыта ихъ любовь,
Забыты чувства выказали.

Ихъ мудрость съ толку сбивае Индійцевъ
красный цвѣтъ;
Лѣсныхъ племена гордыи: ихъ не братья;
Непросвященному закрыты ихъ обѣтъ;

Для дикаря въ нихъ сердца ить.
Корысть и выгоды внушили ихъ расчеты,
Имъ пужны рѣки, лѣсъ, цвѣтущая земля;
Сосѣдей имъ терпѣть и пощадить нельзя:

У нихъ на мысли обороты!

И вотъ какъ дѣйствуетъ та мощная страна,
Съ кого примѣръ берутъ народы въковыи,
Которал намъ шлетъ законы основныи
И мечетъ въ старый мѣръ крамоловъ семена!
О Боже! гдѣ твой громъ? И скоро ль осуж-
дене

Мятежныхъ выходцевъ достойно поразить?...
Но если съ великимъ зломъ даръ просвѣщенія
слить,

Пусть насъ минуеъ просвѣщеніе!

Грф. Е. Рос—на.

МОГУЧИЛЪ.

(Восточное преданіе.)

Не долго былъ въ мѣръ сплать Могучилъ,
Но подвиговъ дивныхъ онъ много свершилъ;
Безслѣпымъ младенцемъ онъ былъ три часа,
Возросъ и подперъ онъ главою небеса.
И въ три дни все сдѣлалъ, что только онъ могъ,
И въ три дни сталъ старцемъ, и въ землю
онъ слегъ.

Но жизнь Могучила
Была не долга,
За то и могла
Въ три мѣрныхъ шага.

Въ награду герою былъ посланъ пѣвецъ,
Изъ пальмовыхъ листьевъ соплелъ онъ вѣнецъ,
И камень надгробный
Украшилъ вѣнцомъ,
Но гризнулъ мѣръ злобный
Грозой паде пѣвцомъ!

Онъ лестою живыхъ не хотѣлъ услаждать,
Великаго жъ въ гробъ дерзнулъ величать!
Съ могилы былъ сорванъ достойный вѣнецъ,
И сброшенъ былъ въ море, а съ нимъ и пѣ-
вецъ!

Погибъ онъ, и пѣсни умолкли съ тѣхъ поръ,
Но людямъ ничтожнымъ въ безплодный укоръ,
По волнамъ, на пальмовыхъ листьяхъ вѣнца,
Къ отчизнѣ примчалась цѣвница пѣвца;
Знакомыя пѣсни напѣвомъ святымъ
Сначала промчались по скаламъ роднымъ,
И долго въ ущельяхъ гудѣли онъ,
Какъ громъ въ недоступной земной глубинѣ;
Но послѣ все ближе и громче—и вдругъ
Наполнилъ весь мѣръ ихъ единственный звукъ!

Д. Струйскій.

РОМАНСЪ.

Ахъ, точно ль никогда ей въ персяхъ безмя-
тежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томлений иъжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?

Ахъ, точно ли никто счастливѣецъ не сыскался,
Ей другъ—по сердцу ей,— который бы сга-
ралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ вѣгой упивался,
Роскошествовалъ и обмиралъ?

Нѣтъ, нѣтъ! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный—онъ гдѣ нибудь,
—онъ есть!

Любовь, восторгъ, очарованье, прелесть! Вами
Нѣтъ, не моей душѣ процвѣсть.

А. С. Гривогодовъ.

РЫЦАРИ.

Во время оно, въ дни турнира,
Дни благородныхъ ссоръ и битвъ,
У ногъ любимаго кумира,
Истративъ тщетно жаръ молитвъ,
Влюбленный рыцарь выпрлмался.
Мгновенно вспыхнувъ какъ заря,
И горделиво озирался
Ревнивымъ мщеніемъ горя.
Самодовольства отпечатку
Въ счастливца рыцаря не прощала,
И съ гнѣвомъ мѣдную перчатку
Въ лицо сопернику бросала...

И потомъ среди турнира
За желанное кольцо,
За любимаго кумира,
Заглянувъ врагу въ лицо,
По чеканѣннымъ доспѣхамъ
Рыцаря ловко ударяла,

И копьемъ, съ свирпыми смѣхомъ,
Онъ соперника сшибала,—
Въ прахъ лицомъ его бросала,
Иль копье свое ломала...

Во время наше, время франтовъ,
Промарнированныхъ въ духахъ,
Фигуръ въ мазуркѣ, фигурантовъ,
Высокихъ душъ (на коблукахъ),
Глубокихъ чувствъ въ сосудѣ мелкомъ,
По модѣ стриженныхъ головъ,
Великихъ думъ, блестящихъ мелькомъ,
Полубародъ, полуусовъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ фракомъ облачились
Европы мудрые сыны,
Во время наше, истребились
Слѣды почтенной старины.
И для сердечныхъ обязательствъ
Теперь нельзя употреблать
Бывалыхъ ловкихъ доказательствъ,
И въ прахъ соперника бросать.
Теперь когда мольбой напрасной
Ты сердца дѣвы не смягчишь,
И лепетъ огненный и страстный,
Съ тоскою въ сердцѣ затаишь,
Ты долженъ вѣжливо и молча
Причудъ вкуса уступить,
И лишь ироніей и желчью
Врага насмѣшливо язвить...

И потомъ вдали отъ свѣта,
Запирался съ мечтой
Въ тишѣ нѣмага кабинета,
Предъ лампадою ночной,
Въ честь суровой, милой дѣвы,
Не копье ломать во гатвѣ
Вражскихъ латъ объ серебро,
Не соперника ребро;—
Но съ такою же отвагой
Надъ душистою бумагой
Въ прахъ—гусиное перо!..

Н. Ферморъ.

ПОЭТЪ.

(Изъ Виктора Гюго).

Поэтъ! не для тебя похвалъ рукоплесканья.
Ты презирай толпы холодный приговоръ:
Исчезнетъ славы мигъ,—какъ призраки меч-
танья,—
Какъ на небѣ ночномъ—блеснувшій метеоръ.

Поэтъ! ты мысли царь!—Въ тиши уединенья
Свободный гений свой ты думою взлелѣй;
И выдержавъ борьбу съ дружиною страстей,
Не требуй отъ земли—суда и награжденья!

М. Бяцковъ.

КАКЪ ОНА ПРЕКРАСНА!

П Ъ С Н Я .

(Подражаніе Беранжеру).

1.

Роза — усть, чепа — лелея
 Соблазняютъ грѣшный взоръ,
 А фарфоровая шел
 Жилъ голубевькій узоръ!
 Зависть ей грозить напрасно,
 Жало злости изостричь:
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

2.

О! я помню очень живо
 Всѣ черты ея лица!
 Взгляды, точно какъ огниво,
 Сип. потъ искрами въ сердца!
 Какъ улыбка сладострастная!
 Какъ иривить краснорѣчивъ!
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

3.

Змѣйки — локоновъ лзвивы!
 А чудесные глаза
 Неба южнаго отливы,
 Иль востока бирюза!
 Въ ихъ горитъ душа такъ ясно:
 Блескъ ихъ чистый не фальшивъ...
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

4.

Если юноши козля
 Гнуть съ мольбою передъ ней,
 Ручкой белою, какъ пѣля,
 Завивая шелкъ кудрей, —
 Дѣва шепчетъ: «Все напрасно!»
 Имъ лукаво угрозишь...
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

5.

Бедный насынокъ природы,
 Въ тридцать лѣтъ почти старикъ,
 Я безъ козлей хитрой моды
 Выпльный выдумалъ лзыкъ;
 И... увидѣлъ въ глазкахъ ясно
 Перламутровый отливъ...
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

6.

И когда мнѣ на сѣдинѣ
 Свой кладеть она вѣнокъ,
 Забываю я морщины,
 Кровь бурлитъ, какъ кипятокъ.
 И твержу въ душѣ я страстно,
 Взоръ сй въ очи утопая:
 Богъ мой! какъ она прекрасна!
 А я, — куда какъ не красивъ!

О. Копп.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ
ОПЯТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Бѣда немилучал и радость мучал.

Проплакали отчаянно
 Пять сутокъ мы съ женой:
 Стряслась бѣда печально
 Надъ нашей головой.
 У черта сердце сжало бы, —
 Случись такой пзьянь:
 На барина двѣ жалобы
 Пришло къ намъ отъ крестьянъ;
 Доносъ ихъ на господчика
 Упряталъ я подъ судъ,
 За то меля, молодчика,
 Упрятали подъ судъ.
 Прочли, то есть патацію, —
 Хоть просто умреть!
 Вписали въ аттестацію:
 Къ мѣстамъ не принимать.
 Ну гдѣ жъ тутъ правосудіе,
 Я бѣ великаго спросилъ?..
 Чуть только вышелъ въ люди я,
 Брюшко чуть отропиль,
 Колпчество изрядное
 Деньженокъ позашибъ;
 Житье-то было бѣ знатное,
 Да вдругъ — и скушалъ грпбъ...
 Скажите, — какъ правительство
 Изволить разсуждать:
 Вспль, я чпшо грабительство!
 Съ чего бѣ имъ это взять?..
 Ходилъ всегда я въ нанковыхъ,
 Не то что бы въ трпко,
 Не бралъ бумажекъ банковыхъ
 И не тянулъ клпко,
 Умѣлъ всегда дѣлшечки
 Чистехонько вести,
 И только разпъ лпшечки
 Пришлось мпѣ загрести.
 Въ судѣ не валежирствовалъ,
 Не дѣлалъ тяпъ—да—ляпъ;
 Ни съ кѣмъ не дѣбшпрствовалъ:
 Не все жъ вѣдь цапъ-царапъ...

7

Да что же?.. я утѣшуся,
 Лиха ль еще бѣда!
 Не бойтесь — не повтѣшуся!
 Найду кусокъ всегда!
 Я поступаю въ компанію:
 Довольно ихъ злою;
 Приличную по званію
 Я выберу — на зло!...

Съ женою отъ Анничкина
 Извощика я взялъ, —
 Льва Гурыча Сиппичкина
 Глядѣть капризъ припазъ...
 Да сбился я афишками,
 И вышелъ тутъ крючекъ:
 Съ различными дѣляшками
 Шель Пантелей Жучекъ.
 Онъ человекъ, какъ водится,
 Сенатской, дѣловой;
 Да отъ жены приходится
 Пропастъ, хоть съ головой.
 Все дѣло — то въ нотаціяхъ:
 Толкуютъ то и се;
 На тонкихъ экскузаціяхъ
 Основано тутъ все.
 Скажу: въ большомъ былъ горь я,
 Бѣдѣяга Дѣловой!
 Такал же исторія,
 Вотъ точно какъ съ мной!..
 За то насъ съ Василисою
 Утѣшила — вонъ та,
 Что *хочетъ быть Актрисою*.
 Такал суета.
 Мнѣ кажется, что шутствуетъ
 Она напрасно такъ:
 Актрисой вѣдь присутствуетъ
 Она давно, никакъ?
 Еще тутъ есть отъиѣвѣншій,
 Честивѣншій человекъ,
 Расчетливый, почтеннѣншій,
 Одесскій то есть Грекъ.
 Такъ сердце къ нему клонится,
 Вѣдь какъ уменъ, злодѣй!
 Приятно бѣ познакомиться:
 Люблю такихъ людей!..
 На дѣлѣ смотрѣлъ *Парашеньку*
 Нѣтъ прелестямъ конца!
 На крестницу Евлашеньку
 Въ ней сходство есть лица.
 Тутъ очень уморительно
 Всѣхъ Гусева смѣшить,
 Тутъ пляшутъ такъ чувствительно,
 Что плачутъ всѣ навзрыдъ.
 Печальная окказія!
 Невидѣлъ вѣкъ такой:
 Чуть самъ не вылъ въ экстазъ я —
 Уважил Полевой!

Въ окошкѣ на прищепкѣ я
 Фигуру видѣлъ разъ;
 Признаться: сталъ въ решпектѣ я,
 Глядѣлъ почти, что съ часъ.
 Вергится тутъ помыщица,
 Ну точно дама пикъ;
 Я думалъ мнѣ мерещится
 И сталъ таки въ тупикъ.
 Съ испуга я зажмурился,
 Но вдругъ открылъ глаза
 И чуть было не вторился,
 Такал вѣдь краса!..
 Что же это?.. У завивщика,
 Такъ просто, для проказъ,
 Машина, въ родѣ живчика,
 Вергится на показъ.
 Меня сначала мучило,
 Стоялъ я, какъ дуракъ;
 А вышло — просто чудело...
 И все-то въ жизни такъ!..
 Намедни, кажись въ пятницу,
 Иду, повѣся носъ,
 Встрѣчаю вдругъ сумятицу
 И вижу тутъ курьозъ.
 Колеска самокатная
 Катить безъ лошадей:
 Работа делкатная,
 Не русскихъ, знатъ, затъй...
 И лодка бѣ такъ не плавала
 На полныхъ сѣ парусахъ,
 Какъ будто бы два дѣлова
 Устланы въ колесахъ...

Но я здѣсь закалялся,
 А дома ждетъ жена;
 Ну, какъ бы я не всплакался:
 Задорлива она!
 Живу въ Грязной покуда,
 Не плачу ни о чемъ;
 А въ Псковъ меня отсюда
 Не сманятъ калачемъ.
 Мнѣ здѣшнее правительство
 Оказываетъ честь:
 Въ газеты, съ мѣстомъ жительства,
 Меня велѣло внести;
 Чинъ, имя и фамилія —
 Все внесено въ столбецъ.
 Вѣдь это значить въ силѣ я,
 Каковъ я молодецъ?...
 И такъ — мое почтеніе!
 Готовый быть по гробъ
 У васъ во услуженіи,

Феклисть Онуфричъ Бобъ.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

НАБРОСАННЫЯ Ѳ. КОНИ.

II.

НОВАЯ ОПЕРА, НОВЫЙ ПОЭТЪ И НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

День былъ сѣренькій, осенній. На небѣ висѣли тучи, какъ подси- ненныя полотна для сушки; съ нихъ падали обильныя дождевыя капли на распущенные зонтики, пестрѣвшіе по улицамъ, и бѣлыя платочки, которыми аккуратныя жительницы Мюнхена прикрывали свои соло- менныя шляпки. Не взирая на то, что земля и небо смотрѣли сентябрь- ремъ, личики молодыхъ дамъ сияли майской улыбкой. Съ самаго утра столица Баваріи была въ необык- новенномъ движеніи, какъ въ празд- ничный день. У подъездовъ всѣхъ галантерейныхъ и швейныхъ ла- вокъ стояли въ нѣсколько рядовъ экипажи. Иглы модистокъ метали и точали на скорую руку и, по сохра- нившимся счетнымъ книгамъ куп- цевъ, можно усмотрѣть, что въ этотъ день больше всего было продано зрительныхъ трубочекъ и лорпе- товъ.

Къ полдню, когда желудки по- требовали ежедневной дани, все

умолкло и уюмонилось. Въ домахъ слышались только стукъ вилокъ и ножей и крупныя разговоры о гря- дущемъ вечерѣ.

Къ вечеру небеса отдернули сѣ- рыя занавѣски-облаковъ, солнце бросило еще нѣсколько пригоршней полутусклыхъ блестокъ на ржавыя черепицы кровель и расписывало золотомъ и лазурью готическія окна Мюнхенскаго собора. Мостовыя сно- ва задрезжали и улицы ожилились народомъ. Кареты и коляски неслись, перегоняя другъ друга, и походили на подвижныя отрывки висличихъ са- довъ Семирамиды: столько пестрѣло въ нихъ цвѣтовъ, кружевъ, перьевъ, чепцовъ и краснощекенскихъ кра- савицъ. Мужчины, въ праздни- чныхъ кафтанахъ, мѣрными, но ско- рыми шагами плѣлись по сторонамъ улицъ. Все шло по одному направ- ленію. Въ окнахъ домовъ и на крыль- цахъ лавокъ показывались досужіе торговцы и служанки, и дѣлали свои замѣчанія, не совсѣмъ скромныя, на

счетъ тѣхъ, сихъ и оныхъ. Шумъ, говоръ и смѣхъ раздавались повсюду. Словомъ, это было настоящее гулянье, сущій праздникъ.

И дѣйствительно: этотъ день былъ истинный праздникъ, хотя календарь того года его не предусмотрѣлъ и не отмѣтилъ въ столбцахъ своихъ обычнымъ нулемъ. Въ этотъ день на Мюнхенскомъ театрѣ, съ сѣ неслыханнымъ до той великолѣпнѣе, готовились дать *въ первый разъ* новую оперу знаменитаго маэстра; оперу, которой вполдствіи суждено было занять первое мѣсто между всѣми операми въ мірѣ и компонистъ которой уже гремѣлъ славою въ Германіи. Онъ самъ въ тотъ день нарочно пріѣхалъ изъ Вѣны, чтобъ присутствовать при первомъ ея представленіи.

Опера эта называлась: *Донъ-Жуанъ*; авторъ ея былъ — *Моцартъ*.

Всѣ торопились занять свои мѣста, доставшіяся съ бою, чтобъ не проронить ни одного звука изъ великаго творенія, объ которомъ говорили такъ много въ гостиницахъ, кричали въ газетахъ, и которое оказывало Мюнхену великую честь, являясь *въ первый разъ* на его сценѣ. — Это впрочемъ было дѣломъ весьма естественнымъ: Мюнхенъ въ то время владѣлъ прекрасными артистами и превосходными голосами; а публика его ископи славилась своей любовью къ музыкѣ.

Театръ быстро наполнялся зрителями всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, которые стекались огромными толпами для одной цѣли — для истиннаго, высokaго наслажденія. Партеръ, ложи, галлерей и раекъ слились въ одну олушевлен-

ную картину, составленную изъ серьезныхъ, веселыхъ, старыхъ и молодыхъ головъ и головокъ, какъ мы ихъ иногда встрѣчаемъ на замысловатыхъ каррикатурахъ Буильи.

На всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣніе, всѣ взоры были устремлены на зававѣсь, на оркестръ и въ особенности на директорскую ложу, въ которой надѣялись увидѣть знаменитаго Моцарта. Дамы протирали лорнетки, мужчины разговаривали шопотомъ, никто не смѣлъ аплодировать, хотя волненіе высказывалось въ движеніяхъ и позѣ каждого. Подойдя къ любому зрителю, кажется, можно было слышать бѣненіе его сердца, трепетавшаго предчувствіемъ наслажденія. Это чувство испытывалъ каждый изъ насъ, когда, съ напѣтыми воображеніемъ мечтами, готовился къ новымъ, торжественнымъ и еще невѣдомымъ потрясеніямъ. Оркестръ строился.

На сценѣ происходило почти тоже, что и въ залѣ. Артисты въ новыхъ костюмахъ, блистая золотомъ и удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ какою-то непостижимою внутреннею тревогою, важно собирались на сцену. Суфлеръ и режиссеръ, увѣренные въ своемъ дѣлѣ, стояли молча, поглядывали изрѣдка въ дырочку занавѣса и самодовольно улыбались. Кассиръ, закрывши сундучекъ, полный талеровъ, заперъ окно продажи, и также съ сіяющей фізіономіей и нѣсколько зардѣвшимся носомъ, терся между кулисами. Лампы ярко освѣщали эти группы, которыя скоро должны были одушевиться страстями: любовью, ревностію, измѣной, упоеніемъ неба и всѣми муками земли.

Только одно лице не принимало никакого участія въ общемъ удовольствіи, въ общемъ торжествѣ. Лице это вытянулось и сморщилось, какъ разношерстная резиновая галоша, глаза его полумумные, полусонные, блуждали, какъ ноги пьяницы, то въ ту, то въ другую сторону. Брови то хмурились, то поднимались крутыми дугами, и выражали всѣ тревоженія, которыя происходили въ душѣ этого лица. Губы его лепетали невнятно, то быстро сжимались и попадали между зубовъ, а изъ довольно обширной, какъ бы налакированной, лысины точились крупныя капли пота и струились по пухлымъ щекамъ, до самой оконечности подбородка.

Бѣдное это лице принадлежало господину Зеннефельдеру, бутафору труппы.

Знаете ли вы, что такое *бутафоръ*, любезный читатель? Бутафоръ — самое жалкое созданіе въ мірѣ. Онъ тоже между представителями сцены, что овца между звѣрьми: бѣдное животное, которому достается и отъ львовъ, и отъ волковъ и отъ собакъ, при случаѣ, и которое челоуѣкъ стрижетъ, деретъ и чешетъ, какъ ему угодно. Бутафоромъ помыкаютъ въ театрѣ каждый, начиная съ голосистаго закулиснаго царя, до послѣднаго раба: т. е. до безгласаго статиста. Бутафоръ бѣгаетъ, суетится, хлопочетъ, пишетъ, читаетъ, покупаетъ, слушаетъ и слушается, — и на него же, какъ на бѣднаго Макара, всѣ ширіи валятъ, потому, что онъ не богатъ — въ поту, а губы обкусаны. И въ обычи *ни зубкомъ, ни поготкомъ*, а пуще денъгами, и не можетъ отгрызться или отбодаться. Бутафоръ читаетъ

роли прежде актеровъ; бутафоръ слѣдитъ на пробѣ піесу, пристальнѣйшаго автора, бутафоръ получаетъ жалованья меньше всѣхъ, и платитъ штрафовъ больше всѣхъ. На его отвѣтственности костюмъ статиста, память актера, недогадливость режиссера, банмаки танцовщицы, голосъ пѣвицы, театральная кухня и закусная аптека. Статистъ не надѣлъ парика — бутафору моютъ голову! Актеръ забылъ захватить письмо — бутафора вписываютъ въ штрафную книгу! Режиссеръ не приказалъ повернуть замка къ двери — бутафора сажаютъ за замокъ! У танцовщицы лопнулъ башмакъ, бутафора срѣжутъ съ ногъ выговоромъ! Пѣвица поперхнулась на верхнемъ *соли*, за это солоно придется бутафору: зачѣмъ не приготовилъ гогель-могели! Первый комикъ долженъ ужинать на сценѣ: котлетка его немножко перегорѣла — это выжмутъ сокомъ изъ бутафора! Первая любовница упала въ обморокъ передъ выходомъ — и за это крѣпко достанется бутафору: почему гофманскія капли не крѣпки, а спиртъ не бросается въ носъ. Бѣдный бутафоръ всегда и за все съ носомъ! Его только что не съдлаютъ и не вьдять на немъ верхомъ: вотъ единственная выгода, которую онъ имѣетъ противъ почтовой лошади! Жизнь его очень похожа на жизнь бѣлки, которая съ утра до ночи бѣгаетъ и вертитъ колесо, а труда ея не видно.

Теперь вы вѣрно не будете дивиться, что въ этотъ вечеръ лице у Зеннефельдера было очень длинно, лобъ клоуенные спектакли онъ бывалъ мученикомъ, здѣсь же, въ первое представленіе и чего же? — волшебной о-

перы, — *Дона-Жуана*, и при комъ? — при самомъ *Моцартъ*! — здѣсь онъ ходилъ по раскаленнымъ угольямъ, сгаралъ на медленномъ огнѣ и пспытывалъ всѣ истязанія пытки. Каждый изъ остальныхъ членовъ театра былъ ужъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, и спокойно ждалъ перваго удара смычка, къ началу увертюры или перваго звонка, къ поднятію занавѣса; а *Зеннефельдеръ* все еще бѣгалъ, терялъ голову и не слышалъ погъ подь собою. Онъ вставлялъ огарокъ въ фонарь для *Лепорелло*, готовилъ ему огромный свитокъ съ лѣтописью волокииства и проказъ его господина; онъ освидѣтельствовалъ мягко ли набиты кожаныя палки, которыми будутъ бить бѣднаго *Лепорелло*, чтобъ онъ послѣ не отозвались на его собственной спинѣ. Потомъ онъ навязалъ струны на гитару *Дона-Жуана*; потомъ побѣжалъ на балконъ, съ котораго *Дона-Эльвира* будетъ слушать серенаду измѣнника, чтобъ увѣрится крѣпокъ ли онъ. Съ величайшимъ самоотверженіемъ попрыгалъ онъ на каждой доскѣ, и не думалъ о томъ, что можетъ самъ провалиться, если доски гнлы. Да и о чемъ тутъ думать? Бутафоръ провалится, что жъ за бѣда? Конечно, онъ можетъ сломить себѣ шею.... ее поправятъ, но актриса, первая пѣвица. . . это не шутка! Если та упадетъ, чѣмъ ее поднимешь? Она, пожалуй, уронитъ и самую піесу, и что еще хуже, пришибетъ расходы и сборы! О! это ужасное бѣдствіе для театра! — Затѣмъ заботливый *Зеннефельдеръ* разложилъ въ чинномъ порядкѣ испанскія бороды, назначенныя для статистовъ; отвѣдалъ клюкоенаго морса, который гости будутъ пить вмѣсто

вина и стряхнулъ пылъ съ измятыхъ розъ и милій хористокъ. — О! это былъ для него великій, торжественный вечеръ! Почти такой-же, какъ вечеръ предъ *Аустерлицкимъ дѣломъ* для *Наполеона*.

Накопецъ вождельная минута настала. Въ директорской ложѣ показался мужчина, средняго роста, съ открытой, но нѣсколько мечтательной физиономіей. Высокое чело, не смотря на молодость, показывало, что онъ давно знакомъ съ невзгодами жизни, съ тревогами души. Большой римскій носъ придавалъ его лицу рѣзкую выразительность и особенный типъ важности, хотя губы и ппжня часть подбородка выражали что-то, въ родѣ усилія къ улыбкѣ. Небольшіе темные глаза свѣтились быстрыми молніями: въ нихъ ясно отражалась печать генія. Онъ былъ въ темно — коричневомъ кафтанѣ, съ высокімъ воротникомъ, и зачесанные назадъ волосы, оканчивались небольшою косичкой и были сильно напудрены. Не пужно объяснить, кто былъ незнакомецъ; зрители тотчасъ узнали въ немъ *Моцарта*. — Продолжительный, тройственный залпъ рукошлесканій привѣтствовалъ его появленіе въ ложѣ. Съ чувствомъ, но вмѣстѣ съ какой-то непріятной робостью, отблагодарилъ *Моцартъ* публику легкимъ поклономъ и занялъ свое мѣсто за зеленой гардиной ложи.

Вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ ложу другой незнакомецъ: молодой человекъ, съ чрезвычайно быстрыми и странными приемами.

Лице этаго незнакомца выражало чудную смѣсь добродушія, пылкости, ума, разсѣянности и носило на

себѣ яркія черты эксцентрическаго увлеченія. Его большіе глаза, навывкатъ, быстро бѣгая во всѣ стороны, мелькали то ослѣпительнымъ блескомъ бѣлковъ, то огненнымъ лучемъ чернаго, какъ смоль, зрачка. Въ одеждѣ его, щегольской и богатой, замѣтенъ былъ странный безпорядокъ. Полукурчавые, не слишкомъ длинныя, волосы, рукою всчесанные по всѣмъ направленіямъ отъ лица, составляли родъ лучей около одушевленной головы, и придавали ей что-то фантастическое. Губы, мелко проведенныя, въ видѣ тупаго угла, обращеннаго внизъ, странно улыбались. Вообще, въ цѣлой физиономіи этого человѣка было что-то привлекательное и вмѣстѣ отталкивающее, что-то необыкновенное и ужасающее.

Когда онъ вошелъ въ ложу, многіе приняли его за Моцарта и удивлялись, рѣзкости манеръ и недостатку свѣтскаго утопченія, столь противорѣчащихъ разговорамъ о характерѣ великаго компониста. Но когда, послѣ залпа рукоплесканій, Моцартъ раскланялся изъ ложи, всѣ сомнѣнія исчезли и уступили мѣсто разнымъ догадкамъ и предположеніямъ на счетъ молодаго незнакомца. Одни полагали, что это иностранецъ, ученый путешественникъ, другіе, что онъ важное дипломатическое лицо, третьи, что это близкій родственникъ Моцарта, къ чему подавало поводъ короткое ихъ обращеніе.

— Вы въ заблужденіи! — сказалъ какой-то толстый господинъ, обдергивая бѣлый жилетъ свой, съ видомъ увѣренности и самодовольствія. Молодой человѣкъ Ассесоръ правленія изъ Познани. Онъ сегодня толь-

ко пріѣхалъ послушать Допа-Жуана и познакомиться съ Моцартомъ. Онъ остановился здѣсь возлѣ, въ гостиной: я съ нимъ ѣдалъ за общимъ столомъ. «А его фамилія?» спросили нѣсколько голосовъ. — Не знаю!

Въ эту минуту директоръ кивнулъ головой, капельмейстеръ взмахнулъ жезломъ, оркестръ взялъ дружно первый аккордъ увертюры и все замолкло и благоговѣйно услуось.

Тутъ началась та дивная, величественная симфонія, которая такъ сильно очаровываетъ слушателя и переноситъ его къ преддверію мрачнаго царства духовъ, разрывающагося, со всѣми своими мистеріями, въ оперѣ Моцарта. Странное впечатлѣніе производитъ она на душу! То, какъ будто, слышишь вздохи и роптанія, заглушаемыя адскимъ хохотомъ; то раздаются упонительнѣйшіе звуки жизни, манищіе къ нѣбъ; то вдругъ — застучать сухія кости коммандора и слышны тяжкіе его шаги по холодному мрамору! Васъ бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. Какъ топко постигъ Моцартъ гармоническіе органы, которыми можно потрясать сердце человѣческое! Съ какою роскошью бросаетъ онъ цѣпи мелодій, оковывающія душу безъ словъ и безъ дѣйствія, для которыхъ не нужно ни глазъ, ни напряженія, а нуженъ одинъ только слухъ, если онъ служитъ проводникомъ души. Существенность исчезаетъ подъ его очарованіемъ: одинъ только внутренній міръ пробуждается въ человѣкѣ и вся таинственность непостижимаго, чудеснаго, суевѣрнаго, становится дѣйствительностью и правдой! Ни въ чемъ несвязность волшебнаго не можетъ получить

столько правдоподобія, какъ въ музыкѣ. Моцартъ превосходно умѣлъ пользоваться этимъ преимуществомъ искусства звуковъ. Если бъ онъ написалъ музыку на прелестную *Ундину* Ламотта-Фуке, мы, можетъ быть убѣдились бы въ дѣйствительномъ существованіи этихъ стройныхъ, милыхъ, органическихъ водяныхъ созданій. Нигдѣ Моцарта нельзя такъ глубоко изучить, какъ въ его *Допъ-Жуанѣ*. Тутъ является онъ во всей необъятности своего генія. Въ какія строгія границы соразмѣрности умѣлъ онъ заключить все строеніе своей оперы и мельчайшія ея подробности! Въ какомъ равновѣсіи идутъ у него гармонія и мелодія, искусство и чувство, созданіе и исполненіе, колоритъ отдельныхъ частей и цвѣтъ полнаго творенія! Онъ одинаково могучъ въ серіозномъ, строгомъ стилѣ, и въ капризахъ веселости и остроты! Съ тѣмъ же мастерствомъ потрясаетъ онъ васъ до мозга костей изображеніемъ ада, съ какимъ растопитъ душу гимнами пеба. И въ цѣломъ созданіи законъ природы господствуетъ: человѣческой голось первепствуетъ надъ инструментами; они только отголоски, вторящія звукамъ, вырванпымъ изъ глубины страждущей души. Дѣйствія оркестра васъ не подавляютъ массою звуковъ, какъ у современныхъ компонистовъ: это духи, покорные, волшебному жезлу человека, это струны его страстей и побужденій, которыя звучать только тогда, когда страсти пробуждаются въ сердцѣ. Вы свободно, непосредственно видите пѣнію дѣйствующаго лица, и пѣніе, въ сильныхъ порывахъ души, кажется

вамъ не только правдоподобнымъ, но даже естественнымъ. Этотъ акустико-оптической обманъ есть верхъ искусства компониста. А между тѣмъ нельзя упрекнуть Моцарта, чтобъ онъ не умѣлъ пользоваться силами и дѣйствіемъ оркестра. Кто слышалъ когда нибудь его превосходную Симфонію въ *D dur*, гдѣ эффекты инструментовки такъ чудесно сгруппированы надъ идеею цѣлаго созданія, тотъ вѣрно согласится съ этимъ мнѣніемъ.

Можетъ быть, со дня созданія оперы *Допъ-Жуанъ*, донынѣ, она не была лучше и отчетливѣй исполнена, какъ въ первое представленіе ея на Мюнхенской сценѣ. Игра и пѣніе дѣйствующихъ лицъ были превосходны. Въ особенности отличалась примадонна труппы, въ партіи Доны Анны. Облокотясь на поручни ложи, Моцартъ задумчиво наслаждался умнымъ, одушевленнымъ исполненіемъ своей мысли. Въ этой оперѣ хотѣлъ онъ показать новую сторону музыки, и еще самъ педовѣрилъ себѣ. Его задумчивая внимательность была повѣркою и сознаниемъ собственныхъ силъ. Громкія рукоплесканія въ амфитеатрѣ, какъ будто, не касались его слуха. Лице его, на которомъ ярко означались слѣды болѣзни, затаенной въ груди, и долженствовавшей потушить факель вдохновенія на тридцать пятюмъ году его жизни, въ этотъ вечеръ сіяло торжественной улыбкой. Молодой сотоварищъ его напротивъ походилъ на больнаго, одержимаго нервическими припадками. Онъ погружался въ совершенное заблѣпіе, мускулы лица его играли и двигались, какъ звуки на сценѣ; то вдругъ

вскакивалъ онъ неистово съ мѣста, пробѣгалъ быстро нѣсколько шаговъ и опять садился въ кресло; или судорожно хватаясь обѣими руками за голову и свѣшивался изъ ложи. Видно было, что неистовый энтузіастъ музыки забывалъ, что онъ въ театрѣ, среди толпы, предъ испытующимъ взоромъ любопытства. Совершенный контрастъ съ этими двумя лицами составлялъ директоръ. Онъ съ важной фізіономіей началъ только головою и былъ такъ ногами и, обратясь спиною къ сценѣ, слѣдилъ ряды ложъ и креселъ, какъ бы желая прочесть на лицѣ каждаго зрителя, сколькими талерами онъ рѣшится еще пожертвовать въ слѣдующія представленія оперы.

Наконецъ наступилъ третій актъ. Все шло стройно и согласно. Интересная Донна-Анна, въ бѣломъ платьѣ, съ поблекшей розой въ волосахъ, выходитъ медленно. Лице ея блѣдно, на глазахъ слезы, въ каждомъ движеніи видно глубокое душевное страданіе. Это невинная жертва, приговоренная къ смерти. Любовь обвѣяла и сожгла ее своимъ ядовитымъ дыханіемъ. Она ужъ знаетъ, что любить убійду своего отца. Вотъ она запѣла свою дивную, раздирающую душу, арію... Боже! какіе звуки! Всѣ сердца облились кровью! Всѣ глаза заплываютъ слезами... и по ланитамъ самой пѣвицы катятся крупныя жемчужины слезъ. Уста ея дрожатъ при каждомъ словѣ, многіе изъ зрителей вскакиваютъ съ мѣста, боясь, что это юное, слабое созданіе не перенесетъ тяжелой борьбы и губительныхъ порывовъ страсти... Но вотъ она кончаетъ свои жалобы медленной, трепетной по-

той, похожей на послѣдній вздохъ умирающаго, руки ея опустились, голова скорбно поникла... Всѣ еще слушали, ставъ дыханіе, но она ужъ не пѣла и медленнымъ, колеблющимся шагомъ скрывалась въ глубинѣ сцены, какъ сладкій сонъ исчезающей постепенно въ образахъ сущности. Моцартъ былъ глубоко тронутъ ея пѣніемъ: онъ никогда не ожидалъ такого эффекта отъ этой аріи и по влажнымъ глазамъ можно было замѣтить, что она взволновала ему душу. Сотоварищъ его закрылъ лице руками и, опрокинувъ голову на спинку стула, спалъ — нѣмъ и недвижимъ. Едва занавѣсъ опустился, юноша вскочилъ съ своего мѣста; схватилъ Моцарта за руку, молча потрясъ ее, какъ бѣшеный кинулся въ свою гостилицу и заперъ дверь своей комнаты на ключъ. Когда слуга пришелъ звать его къ ужину въ общественную залу: онъ не могъ достучаться. Только въ замочную скважину успѣлъ онъ разсмотрѣть, что незнакомецъ сидѣлъ за столомъ и писалъ: передъ нимъ, между двухъ свѣчъ, горѣлъ въ серебряной чашѣ, зранъ приготовленный пуишъ; кругомъ ходили густыя облака табачнаго дыма, и зыблясь въ красно-голубомъ свѣтѣ спирта, окружали его чѣмъ-то мистическимъ.

Моцартъ между тѣмъ пошелъ на сцену. Онъ хотѣлъ видѣть Донну-Анну: ему указали ея уборную. При тускломъ свѣтѣ лампы, она сидѣла въ широкомъ креслѣ передъ зеркаломъ. За ней стояла служанка. У ногъ ея лежала часть костюма. Волосы были распущены и черными лентами падали на блѣдныя плечи и полюбна-

женную грудь. Взоры ея были обращены къ верху и по алому полю театральныхъ румянъ замѣтными бороздами еще свѣтлѣлись струйки слезъ. Одна рука прижалась къ груди, какъ бы желая укротить бѣненіе сердца, другая почти судорожно сжимала бѣлую розу, снятую съ головы. Утомленіе придавало ей видъ покойницы, которую убрали къ брачному ложу смерти. Въ эту минуту она была поразительно прекрасна и въ то же время отъ нея вѣяло какой-то гробовой святынней. Моцартъ остановился, пораженный нечаянной картиной. Скрышъ двери и шорохъ, имъ произведенный, разбудилъ артистку изъ ея полумагнетическаго забвенія. Она обратила взоры на маэстра, съ тихой улыбкой кивнула ему головой и протянула руку. Моцартъ схватилъ ея пухленькую ручку и крѣкоприжалъ къ груди своей.

— Благодарю васъ! О! благодарю васъ!... произнесъ онъ тихо, но съ глубокимъ чувствомъ.

— «Простите, если я не совсѣмъ удовлетворительно исполнила свою партію... Я употребила на нее всѣ мои силы... я даже употребила больше силъ, чѣмъ могла!»

— Вы исполнили ее превосходно! Моя душа до сихъ поръ въ волненіи. Такъ чувствовать, какъ вы,—можетъ только ангелъ: звуки ваши не земные звуки, вы похитили ихъ съ неба. — Пѣвица горько улыбнулась.

— «Роль Анны трудна! продолжала она. О, если бъ вы знали, маэстро, какъ она тягостна для сердца! Она растравляетъ всѣ тайныя раны и онъ истекаютъ кровью. Чтобы спѣть вашу музыку, надо глубоко ее почувствовать....»

— Ее надо чувствовать, какъ вы ее чувствовали....

«Да, такъ, какъ я: вы правы! Не иначе—или ваше дивное вдохновеніе погибнетъ.»

— Вы открыли мнѣ новую сторону въ моемъ созданіи, Донна-Анна. Я былъ имъ недоволенъ, но ваше пѣніе убѣдило меня, что въ эту партію заронилось нѣсколько искръ съ неба.... Я умру спокойнѣе.

«Вы? Умрете? Въ ваши лѣта, съ вашимъ гениемъ и славою? Нѣтъ! это невозможно!»

— Анна, есть предназначеніе свыше, его же человекъ не преидеть. Мое—смерть: она ужъ здѣсь—въ сердцѣ. Но вы сегодня облегчили мои страданія: я увѣрился, что Донна-Анна спасетъ меня отъ забвенія въ міръ. Дай Богъ! чтобъ она всегда такъ исполнялась!...

Анна содрогнулась.

«О! нѣтъ, Моцартъ! Нѣтъ! Ради Бога! вскричала она, молитесь лучше о душѣ Донны-Анны!»

Пѣвица закрыла лице своей густой косою и громко зарыдала. Моцартъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Онъ ничего не могъ понять изъ этой странной сцены, не могъ подать ей помощи и старался привести въ порядокъ свои мысли и чувства.

Вдругъ дверь скрипнула и Зеннефельдеръ, запыхавшись, вбѣжалъ въ уборную.

«Синьора! вскричалъ онъ: ваша карета.... Но, Богъ мой! что съ вами.... о чемъ вы плачете?—Тутъ онъ значительно, съ видомъ упрека, взглянулъ на Моцарта.—Какъ ваши пульсы бьются. Пойдите-ка... вотъ стѣла-ночка съ тѣмъ — какъ бишь.... ахъ! нѣтъ, забылъ — кой чортъ! да куда

яе дѣвалъ?—Ахъ, да!.. погодите, не плачьте... вотъ я сейчасъ... Исѣтимъ словомъ опъ опять ринулся изъ уборной. Черезъ минуту уборная наполнилась услужливыми угодниками примадонны... и Моцартъ, взволнованный, поспѣшилъ домой. Директоръ былъ этимъ крайне недоволенъ. Онъ звалъ Моцарта къ себѣ отужинать и выпить бутылочку Шлосвейна: тотъ отказался. «Югаинъ!» закричалъ директоръ своему лакею: «отнеси рейнвейнъ опять на погребъ; эти оперные герои въ немъ толку не смыслятъ. За ихъ пѣсенки не стоитъ пить ихъ виномъ отъ семилѣтней войны; пусть тянуть баварское пиво; имъ и этаго довольно. Рейнвейнъ 1779 года, и не вхать ужинать..... Нѣтъ! воля ваша! Зазнались! А все публика избаловала...» И онъ надѣлъ бѣлый колпакъ съ кисточкой и съ важностію отправился спать.

опустился, Зеннефельдеръ, стоя на полуподнятомъ полетѣ,—вздохнулъ свободнѣе. Онъ вынулъ табатьерку, взялъ щепотку табаку и промолвилъ съ усмѣшкой: ну! теперь баста! — Опускай! закричалъ онъ вверхъ и невидимою силой полетѣ спустился съ торжествующимъ громовержцемъ на сцену. Теперь оставалось ему собрать вещи, розданные актерамъ и статистамъ и разбросанные ими за кулисами или по поламъ уборныхъ, а потомъ посмотрѣть не затаялась ли въ какомъ темномъ углу искра адскаго огня. Все было сдѣлано съ нѣмецкой аккуратностію, мимоходомъ былъ имъ даже купленъ у фигуранта оселокъ за два крейцера; онъ готовился только, съ обычною въжливостію, объявить примадоннѣ, что карета ея готова, какъ внезапная истерика артистки поставила его сперва въ тупикъ, а потомъ на ноги и засуетила по прежнему. Донна — Анна между тѣмъ пришла въ себя и пѣсколко успокоилась. Слабая, блѣдная, вышла она на подъѣздъ театральннй. Зеннефельдеръ посадилъ ее въ карету съ утѣшительнымъ привѣтствіемъ: «Ничего, синьора, право, ничего! Заснете—и все пройдетъ!» Синьора протянула ему еще руку изъ дверки кареты. Зеннефельдеръ поцѣловалъ ее на лету, потому, что въ эту минуту карета тронулась съ мѣстанонъ съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ, что у него въ пригоршнѣ, въ которую онъ благоговѣнно принялъ бѣленькую ручку пѣвицы, осталась богатая, гранатная браслетка.

Болѣе всѣхъ дѣйствовалъ вовремя оперы бѣдный Зеннефельдеръ. Соображая эффекты послѣдней сцены, стараясь чертей сдѣлать сколь возможно чертоватѣе, онъ самъ терзался и бился, какъ въ аду. То сбѣгалъ онъ въ преисподнюю, то опять являлся на сценѣ, то подымался въ подпесенье, т. е. за *поддуги* сцены. Вездѣ требовались его глазъ и дѣятельность. Онъ раздавалъ чертямъ факелы, подвязывалъ имъ крылья, свидѣтельствовалъ ихъ рога, подготавливалъ молніи изъ плауннаго порошка, двигалъ жестяными громами и поджигалъ огненные дожди. Онъ былъ величественнъ и грозенъ въ своей заботливости, какъ самъ — асмодей! Когда наконецъ занавѣсъ

«Что это? — Стой! стой!» кричалъ онъ кучеру и стремглавъ кинулся

за каретой... «Вашъ браслетъ, синьора! Вашъ браслетъ!» Но головка пѣвицы только кивнула ему привѣтливо изъ окошка, послышалось пѣскольکو словъ, по ихъ пельзя было разобрать... карета неслась слишкомъ быстро.

«Что?.. какъ?.. *На память*, кажется, сказала она... Нѣтъ, мнѣ слышалось!» Онъ взглянулъ еще разъ на браслетку, потомъ вслѣдъ кареты, и задумчиво воротился въ театръ, чтобъ расчитать вечеровыхъ и отвѣдать ужина, котораго *каменный гость* недалъ докончить *Допу-Жуану*.

На городской башнѣ пробилорвно часъ, когда старая Августа, кухарка, экономка и ключница Зеннефельдера — отперла дверь своему господину. Августа, не смотря на свою вѣтхость исправляла всѣ вышеупомянутыя должности съ удивительнымъ мастерствомъ. Это покажется не слишкомъ страннымъ, когда скажу, что Зеннефельдерово обиталище состояло изъ двухъ тѣсныхъ каморокъ, съ однимъ окномъ въ запущенный садъ, что Августа иногда совсѣмъ не стряпала, потому что печего было стряпать, и что ключиберечь ей было нетрудно, потому что у Зеннефельдера запиралась на ключъ—только одна наружная дверь.

Августа съ ропотомъ сняла съ бутафора шинель, промоченную дождемъ и пошла раздувать огонь.

— Что же деньги?—спросила она, входя со свѣчкою.

«А вотъ!» локонически отвѣчалъ Зеннефельдеръ, выпувъ изъ кармана бумагу. Это была бланка, подписанная директоромъ, по которой

бѣднякъ завтра долженъ былъ получить жалованье отъ кассира.

— А много ли вычли? спросила старуха.

«Ни полкрейцера! Ни одного штрафа, Густхень! А? каковы мы нынче!»

— Хороши, хороши! да полно вамъ свѣчки—то жечь по напрасну: ложитесь—ка спать; ужъ пѣтухи кричать на дворъ.

«Нельзя, душа: надо заштемпелевать билеты для завтрашняго спектакля. Мы опять даемъ *Дона-Жуана*? Успѣхъ, т. е. на диво! Оралн, хлопали, вызывали, — ну такъ, что любо-дорого.»

— Чѣмъ же все кончилось?—спросила наивно Августа.

«А тѣмъ, что его черти взяли,» отвѣчалъ также наивно бутафоръ.

— То-то и театръ вашъ длился до полночи... сказала старуха, пабожно творя молитву. Господьнадъ вами! Ложитесь г. Зеннефельдеръ! Лучше завтра пораньше встать: меньше расхода. Спокойной ночи! ложитесь!

«Хорошо, Густхень! Богъ съ тобой.»—Она присѣла и вышла, ворча и качая головою.

Когда Зеннефельдеръ пришелъ домой, онъ держалъ въ одной рукѣ оселокъ и штемпель театра, намазанный типографскими чернилами, въ другой огромную пачку билетовъ. Онъ началъ раздѣваться. Бережно положилъ онъ на столъ браслетку пѣвицы, которую готовился завтра на пробѣ ей возвратить; еще бережный разможилъ онъ свою бланку — и наконецъ оселокъ, штемпель и билеты. Онъ вооружился ужъ туфлями, прикрылъ лысину красной кожаной ермолкой, закурилъ коро-

тенькую трубку, и готовился приступить къ новому труду, какъ вдругъ вътеръ схватилъ со стола его бланку и умчалъ ее было въ открытое окно. Какъ львица за своимъ дѣтищемъ, кинулся за нею бутафоръ. Добрая, милая бланка, предметъ столькихъ надеждъ и ожиданий, будущій источникъ довольства и жизни — было ускользнула изъ рукъ его; но онъ готовъ былъ кинуться за нею изъ окошка, забывая, что оно въ третьемъ этажѣ и что сальто-мортале могло ему стоить голы. Но бланка была опять въ его рукахъ и онъ успокоился. Она только выкупалась въ рукомойникѣ, стоявшемъ на окнѣ, но это ничего незначило: онъ бережно ее посушилъ полотенцемъ и разложилъ опять аккуратно на столъ, прикрывъ на этотъ разъ своимъ оселкомъ. Потомъ онъ принялся клеймить билеты, потомъ потушилъ свѣчку, потомъ легъ и началъ мечтать объ истерикѣ примадонны, приписывая ее выговору Моцарта, потомъ о ея браслеткѣ, потомъ о нухленькой ручкѣ, на которой была браслетка, потомъ... потомъ — онъ заснулъ. Черезъ пять минутъ въ жилищѣ громовержца водворилась совершенная тишина, прерываемая только изрѣдка страннымъ тріо, составленнымъ изъ храпѣній бутафора и его ключницы и писка сверчка за печкою.

На слѣдующее утро Зеннефельдеръ торопился ускорить вожделѣнную минуту, получивъ скуднаго жалованья. Лице и лыспина его сіяли необыкновеннымъ блескомъ радости. Онъ подошелъ къ столу, чтобъ запасть своей бланкой, но каково было его удивленіе, когда,

снявъ оселокъ, онъ видитъ на ней ясно оттиснутое клеймо театра. Какимъ чудомъ попало оно сюда? А вотъ какимъ. Когда бутафоръ накануне несъ свой оселокъ и интенпель и въ потьмахъ клалъ ихъ на столъ, штемпель нечаянно прикоснулся къ камню, которымъ онъ потомъ прикрылъ мокрую бумагу. Зеннефельдеръ пробуетъ тереть, скоблить... куда! краска вълась въ бумагу, какъ печатныя буквы въ книгу. «Ба!» воскликнулъ бутафоръ въ радости; «да это лихо! Я накуплю себѣ нѣсколько такихъ оселковъ и буду на нихъ писать хоры типографскими чернилами и потомъ оттискивать: оно все такъ легче, чѣмъ переписывать ноты для каждаго хориста отдѣльно.»

Размышляя о новомъ своемъ замыслѣ, бутафоръ явился въ кассу. Потомъ онъ написалъ требованіе на толщину для комика, на ватный корсетъ для первой любовницы, на чепчикъ для Эмплин Галотти, на смазные сапоги для Эдипа и на новый колпакъ для Зороастра и съ нимъ отправился къ директору.

Тутъ нашелъ онъ поразительную сцену.

Директоръ сидѣлъ въ креслахъ и рвалъ на себѣ волосы. Режиссеръ, съ книгой репертуара въ рукахъ, спрашивалъ какую піесу назначить. Редакторъ Мюнхенской газеты приступалъ къ нему и безотвязно требовалъ свидѣній для какой-то біографіи.

Вдругъ въбжалъ, запыхавшись, театральнѣйшій докторъ — и за нимъ молодая служанка въ слезахъ.

— Ну, что вы нашли? спросилъ директоръ.

— «Ничего. Она умерла отъ аневризма,» сказала хладнокровно докторъ, скидывая перчатки.

«Кто умеръ?» спросилъ робко Зеннефельдеръ у режиссера.

— «Донна-Анна.»

— Не можетъ быть! вскричалъ въ бѣшенствѣ директоръ. Это штуки! Я знаю. Она нарочно хотѣла подорвать меня и уничтожить сборы! Она приняла лду, чтобъ остановить представленіе, потому, что я не хотѣлъ прибавить ей *разовыхъ* денегъ. Но это не пройдетъ ей даромъ! Я буду жаловаться! Я подамъ просьбу королю.

— «Но ея ужъ нѣтъ!» сказалъ сардонически докторъ. Я тысячу разъ твердилъ, чтобъ она лѣчилась, принимала мои порошки; не слушалась, такъ вотъ же ей за то. Впередъ не будетъ жалѣть денегъ за визиты.

— Но ея ужъ нѣтъ! сказалъ въ свою очередь режиссеръ. Докторъ потерялъ свой хохоль отъ досады, взялъ шляпу и вышелъ. Одинъ Зеннефельдеръ стоялъ, склонивъ голову. Крупныя слезы залили его глаза. Теперь только онъ понялъ назначеніе браслетки, упавшей ему въ руку. «Миръ праху твоему, добрая душа!» прошепталъ онъ тихо и поднялъ взоры къ небу.

— Говори: какъ это случилось? Ты будешь за все отвѣчать! закричалъ директоръ на служанку.

— «Я не виновата, господинъ директоръ, отвѣчала та, въ слезахъ. Госпожа моя плакала всякій разъ, когда проходила дома вчерашнюю роль. Вчера возвратилась она изъ спектакля, слабая, измученная. Я ахнула, когда ее встрѣтила: такъ всѣ черты ея измѣнились. Она раздѣлась, велѣла подать свой молит-

венникъ и отпустила меня на покой. Когда я нынче утромъ вошла въ ея спальню, синьора стояла на коленяхъ предъ распятіемъ, руки и голова ея опустились, предъ нею лежалъ платокъ, смоченный слезами и молитвенникъ, раскрытый на словахъ: *Вѣра твоя спасла тебя: отиди съ миромъ.* — Она была мертва.

Моцартъ съ молодымъ другомъ своимъ сидѣлъ за завтракомъ и былъ очень веселъ, когда ему пришли объявить, что Донъ-Жуанъ не можетъ итти, потому, что примадонна умерла. Онъ потупилъ взоры и задумался. Потомъ онъ поднялъ голову, отеръ слезу и сказалъ:

«Въ хоръ ангеловъ нуженъ былъ лишній голось для славословія Творца, и скорбную сестру призвали на небо. Кто знаетъ, скоро можетъ быть придетъ и мой чередъ...»

Онъ тотчасъ же послалъ за почтовой каретой и выѣхалъ изъ Мюнхена. Познанскій ассессоръ опять побѣжалъ въ свою комнату, дописывать тетрадку, которую онъ передъ тѣмъ только прочелъ Моцарту.

Издатель Мюнхенской газеты, три дни спустя, хотѣлъ помѣстить въ ней слѣдующую статью:

«Въ прекрасной виллѣ графа Це - - ти, близъ Палермо, блистали яркіе огни; звѣзды кубки и бубны. Иллюминированныя аллеи сада отражались на ясномъ небѣ юга яркимъ заревомъ. Въ залахъ вились цара за парой въ рѣзвой пляскѣ; въ саду мелькали изрѣдка четы, искавшія уединенія. Богатый

графъ праздновалъ свадьбу своей дочери съ старой Эчелленцой, славной по связямъ и богатству. Эльвира, роскошнѣйшій цвѣтокъ Италіи, прозванная Палермскимъ соловьемъ, за дивный сопрано, была осыпана брилліантами. Но Богъ знаетъ, отъ чего прелестные глаза ея, могшіе поспорить съ блескомъ алмазовъ, въ этотъ вечеръ заплывали слезами. Старикъ вился около нея, какъ алчный коршунъ около голубя, и не спускалъ съ нея ревнивыхъ глазъ. Подъ отдаленнымъ окномъ брачной опочивальни слышались звуки гитары. Эльвира содрогнулась. Не холодно-ли вамъ, amorosa? спросилъ заботливо старикъ. — Да, вотъ здѣсь — она показала на сердце. — И влюбленный семадонъ побѣждалъ за горностаевой мантилей. Эльвира исчезла изъ залы. Веселія пары продолжали кружиться. Шумъ и хохотъ раздавались повсюду. Сладкій теноръ, сопровождавшій аккорды гитары, замиралъ подъ буйнымъ говоромъ инструментовъ. Едва можно было слышать слова:

Брачнымъ миртомъ скрашенъ волосъ,
Взоръ алмазомъ затемненъ,
И любви заветный голосъ
Заглушилъ металла звонъ.

Или клятвы не священны,
Что даны передъ луной?
Но луна, стыдясь измены,
Ликъ закрыла пеленой!

Но голосъ умолкъ, не допѣвъ серенады. Въ толпѣ танцующихъ, старый женихъ ревниво искалъ глазами Эльвиры. Ея не было. Онъ вышелъ въ садъ, — заботливо пробѣгая аллею. Все было тихо. Въ залѣ продолжали танцовать. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Всѣ остановились.

Гости бросились въ садъ. Графъ кричалъ слугамъ: факловъ, свѣчей. Садъ озарился: въ дальней бесѣдкѣ лежалъ въ крови старикъ со шпагою въ рукѣ: пуля прошла ему сквозь сердце. Эльвиры нигдѣ не могли отыскать. Отецъ ее проклиналъ.

Въ Дрезденѣ, на берегу Эльбы, въ роскошномъ домѣ жила молодал, богатая Италіанка. Никто не зналъ ея имени и происхожденія. Передъ домомъ часто останавливалась карета, съ гербами и лакеями въ галунахъ. Изъ нея выходилъ молодой человекъ, пасмурный, но миловидный. По вечерамъ слышались изъ дома дуэты тенора и чудеснаго сопрано. Скоро карета стала рѣже останавливаться у подъѣзда дома на Эльбѣ. Потомъ ни кареты, ни ливрейныхъ слугъ въ городъ болѣе не встрѣчали. За ними исчезли свѣжіе цвѣты съ оконъ Италіанки и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, прохожіе замѣчали на дверяхъ ерлычекъ съ надписью: *Сей домъ отдается въ наемъ.*

За годъ предъ первымъ представленіемъ оперы Моцарта, къ директору Мюнхенскаго театра пришла бѣдная, но прелестная собою женщина. На лицѣ ея видны были слѣды долгихъ, жгучихъ страданій. Она опредѣлялась на театр — на ампуа первыихъ пѣвицъ. Мюнхенъ полюбилъ ее до безумія. Лучшею ея партіей была роль Донны-Анны въ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ. Но партія эта была ея лебединою пѣснью....

Она умерла въ ночь послѣ перваго представленія — отъ истощенія силъ.

Говорятъ, что на груди ея найдены медальонъ съ клочкомъ свѣдѣній и гербомъ знаменитой италіанской фамиліи графовъ Це-ти.»

Эта статья не явилась въ печати: цензура ее запретила.

Шесть мѣсяцевъ послѣ перваго представленія Дона-Жуана на Мюнхенской сценѣ, Зеннефельдеръ и старая Августа перемѣняли свою квартиру. Бутафоръ оставилъ театр и переѣзжалъ въ большой, прекрасно

отдѣланный домъ. Онъ обзаводился новымъ хозяйствомъ и обзаводился богатой рукою. Въ домъ носили какіе-то станки и камни. Вы, можетъ быть, думаете, что онъ приобрѣлъ наследство въ Америкѣ?—Нѣтъ: онъ просто изобрѣлъ литографію.

Почти въ то же время въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ явилась статья молодого и еще мало извѣстнаго автора. Всѣ читали ее съ восторгомъ. Въ ней ярко восходило зарево новаго генія для Германіи. Статья эта называлась: *Представленіе Дона-Жуана*; подъ ней было подписано: *Теодоръ Гофманъ*.

БЕДОРЪ КОНИ.

ЗАКУЛІСНАЯ ХРОНІКА.

I.

ПРИЗВАНІЕ.

Дѣло было въ 1831 году, въ Парижѣ. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ актеровъ парижскихъ, Эрикъ Бернаръ, успѣлъ выхлопотать себѣ у правительства привилегію на открытіе новаго театра.

Это былъ тотъ самый актеръ, который въ смутную эпоху послѣднго перелома во Франціи, вскарабкался на фронтонъ Пантеона и большими буквами начерталъ на немъ улемъ:

Aux grands hommes, la patrie reconnaissante!
Великимъ людямъ—благодарное отечество!

Онъ устроилъ свой театръ изъ развалинъ стараго аббатства св. Венедикта. На сценѣ его должны были сдружиться рѣзвый водевилъ и плачевная мелодрама; а надъ ними дядьками поставлены были Расинъ и Корнель съ молніепопымъ стихомъ и патетической важностью. Страшное общество! Геркулъ, Демокритъ и Софокловы правнучки!

Однако поэтъ-театръ Эрика-Бернара имѣлъ успѣхъ, какъ и всякая нововѣсть въ Парижѣ. Она тѣснилась въ партерѣ: хлопала, кричала, хотѣла до упаду, плакала до истерики и, съ приличной важностью, смотрѣла, какъ предъ ней тлѣли каштель александрійскихъ стиховъ изъ классической латуны.

Въ это время къ новому директору явился человекъ, весьма просто и бѣдно одѣтый, и привезъ дѣвочку, въ еще бѣд-

нѣйшемъ костюмѣ. На немъ былъ кафтанъ, столѣтняго покрою, клюковно-пожарнаго цвѣта, съ бѣлобрысыми коймамя по швамъ, панталоны около коленъ лоснились, какъ подъ лакомъ, дюшляпы было пристегано бѣлыми шпиками, а ботиночки подкованы мѣдными гвоздями. Словомъ, это былъ пастолцій Лсъвъ Гурычъ Синичкинъ, только въ цѣрвобитномъ своемъ видѣ, съ умомъ, ловкостью и веселостью француза. Дѣвочка была одѣта въ темненькое ситцевое платьице, на которомъ, при строгомъ осмотрѣ, можно было различить какіе-то узоры, представлявшіе вѣроятно пѣкогда цвѣты; чулки ея цвѣтомъ своимъ привели бы въ сомнѣніе лучшаго знатока красокъ: Тиціана или Коррежіо. Ближе всего цвѣтъ ихъ подходилъ къ дикому камню, а сквозь ажурныя ихъ пѣтли, вылезавшыя, вѣроятно, времяемъ, виднѣлись ножки, то же не ослѣпительной бѣлизны. На головѣ ея была соломенная шляпка изъ картонной бумаги, съ украшеніями изъ полинялыхъ лентъ и койгдѣ дождевыми пятнами. Она просилась на первыя трагическія роли. Вамъ это смѣшно кажется? немудрено! Надъ этимъ расхотались и директоръ и повобранцы его труппы. Но папенька ея просилъ такъ убедительно и исотвлѣчиво, дочка такъ много расточала краснорѣчивые взгляды, (а надо замѣтить, что глазки у нея были самые такіе... знаете, самые т. е. выразительные!) что всѣ театральныя сердца распухотпывались и ее тутъ же приняли на роли—*фигурантки*.

Бѣдная дѣвочка каждый день первая являлась на сцену. Она заучивала роли за всѣхъ, декламировала на распѣвъ, какъ молодая перепелка, а дѣйствительно являлась въ пѣсахъ только на *выходѣ*, т. е. въ тѣхъ лицахъ, у которыхъ по словамъ г. Григорьева *меньшаго* — *языкъ способности не оказываетъ*. Актеры часто смѣялись надъ страстію ея играть и извѣстною спрашивали: «А что, въ какомъ бы родѣ тебѣ хотѣлось дебютировать?»

«Разумѣется, въ трагедіи.» Отвѣчала она съ твердостью, обдавая всѣхъ лавою своихъ восточныхъ глазокъ!

«Кого-жъ бы ты играла въ трагедіяхъ?»

«Королевъ, героинь! Ужъ вѣрно не паперстницъ!»

Всѣ помирали со смѣху, а дѣвочка начинала плакать.

Отецъ слѣдовалъ за нею по пятамъ, какъ тѣнь. Въ фое артистовъ имъ входять запрещалось: они довольствовались залою фигурантовъ. «Постой!» говорилъ ей часто старикъ. «Вотъ маптія! Подика сюда!» И онъ снималъ со стола доску краснаго сукна, которымъ столъ былъ покрытъ и облекалъ дѣвочку, какъ тогою. «Прелесть! Чудо! Сними-ка ленту съ пояса: ее надо навязать на голову въ греческомъ вкусѣ... вотъ такъ! хорошо! Ну, теперь, дитя мое, прочитай мнѣ *Сонъ Говелли*, или *Проклятіе Кашильи*, или *Монологъ Гекубы* или, что нибудь хорошее, въ этомъ родѣ, что знаешь...»

И дѣвочка становилась въ позу и начинала махать руками, читая наизусть стихи Корнея и Расина.

Старика звали за кулисами не иначе, какъ: *рыжешный амуръ на побѣгушкахъ*. НВ. Онъ носилъ рыжій колпачекъ въ видѣ парика. Это названіе произошло оттого, что театральныя вѣстовщицы провѣдали, что онъ когда-то бѣгалъ по домамъ съ разными товарами и нѣкоторыми записками. Другія называли его

просто: *стиральный дуракомъ*, это казались имъ правдоподобнѣе.

И такъ дѣвочка декламировала, фигуранты слушали и смѣялись; а *старый дуракъ*, обратя къ ней лѣвое ухо, стоялъ какъ древняя статуя богини вниманія, съ удовольствіемъ въ сердцѣ и улыбкой на лицѣ.

Вдругъ и *старый дуракъ* и молодая дурочка, доль его, исчезли съ театра. Носилась слухи за кулисами, что дѣвочка пустилась съ странствующими труппами, по провинціямъ, и въ сараяхъ разыгрывала королевъ, восхищал своимъ трагическимъ талантомъ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ на первой Парижской сценѣ явилась актриса, которая свела съ ума зрителей и теперь сдѣлалась идоломъ французской публики. Въ ней узнали прѣжнюю фигурантку театра Эрика-Бернара. Первые французскіе поэты восхваляютъ ее въ стихахъ, журналы кадятъ ей задономъ, Дворъ носитъ ее на рукахъ. Она получаетъ 30,000 франковъ жалованья и требуетъ еще больше. Но теперь ее не зовутъ уже, какъ прежде *маленькой Элизой*; ея нынѣшнее имя:

Дюшца Рашель.

II

СМЫЧЕКЪ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Въ 1817 году Николо Паганини былъ въ Веронѣ. Слава его тогда гремѣла уже, какъ трубы и литавры. Капельмейстеромъ Веронскаго театра въ то время былъ Вальдабрини, отличный скрипачъ и довольно хорошій композиторъ. Вальдабрини слушалъ нѣсколько разъ игру Паганини и когда у него спрашивали мнѣнія объ этомъ дивномъ артистѣ, онъ отвѣчалъ:

«Чему дивиться! Паганини не художникъ: онъ, просто, шарлатанъ.»

— Да почему же? спросили капельмейстера. — «А потому, что онъ соста-

вилъ себя концертный репертуаръ изъ нѣсколькихъ эффектныхъ пьесъ своего сочиненія, въ которыхъ онъ набилъ руку. Пусть-ка онъ сыграетъ мой концертъ, такъ и бы посмотрѣлъ, — какъ онъ отлится! Добрые люди, и вѣроятно друзья Вальдабрини, тотчасъ перенесли этотъ разговоръ синьору Паганини. Артистъ нѣсколько не оскорбленъ; онъ старается сблизиться съ капельмейстеромъ и при первомъ свиданіи вызывается сыграть въ концертъ, какое нибудь вдохновеніе Вальдабрини. Тотъ радъ и напередъ кричитъ по городу: «Задать-же я ему тему; смотрите, на этомъ онъ переломитъ смычекъ.»

Назначенъ день репетицій. Паганини является, но совсѣмъ не для приготовленія, а болѣе такъ, — для порядка, по принятому обычаю. Онъ даже играетъ совсѣмъ не ту музыку, которая передъ нимъ разложена; онъ схватываетъ на-лету нѣкоторые мотивы оркестра и, по обычаю, начинаетъ ихъ разнообразить блистательными пассажами, создаетъ тутъ-же чудныя, обворожающія вставки и разбрасываетъ и мѣняетъ ихъ съ испостыжимой силой воображенія. Это не холодная проба концерта; это просто, концертъ богатый, увлекательный, который, восхищая слушателей, не оставляетъ имъ даже надежды слышать когда нибудь его повтореніе. Можно себя представить удивленіе Вальдабрини, который вдругъ слышитъ совсѣмъ не свое сочиненіе. Послѣ пробы онъ подбѣгаетъ къ Паганини:

«Мазетро!» говоритъ онъ ему: «вы играли не мой концертъ: я не узналъ тутъ ни одной ноты!» — Не тревожьтесь, отвѣчаетъ Паганини; въ концертъ вы вѣрно узнаете свое сочиненіе, за это я ручаюсь, только напередъ прошу: не судите слишкомъ строго! — На слѣдующій день назначенъ концертъ. Паганини играетъ нѣсколько пьесъ своего сочиненія, а концертъ Вальдабрини бережетъ къ концу вечера. Все ждутъ

чудесъ, самъ композиторъ думаетъ, что онъ трудныя мѣста замѣнитъ какими нибудь своими вставками и напередъ торжествуетъ, въ надеждѣ этимъ отличить Паганини.

Наконецъ великій скрипачъ выходитъ. Въ рукахъ у него толстая, камышевая трость. Все спрашиваютъ другъ друга: Что это значить? На что это? Вдругъ Паганини схватываетъ у одного изъ музыкантовъ въ оркестрѣ скрипку, разстроиваетъ ее, и начинаетъ играть на ней палкою вмѣсто смычка. Съ величайшей вѣрностью, не пропуская ни одной нотки, играть онъ весь концертъ Вальдабрини отъ доски до доски, концертъ, который авторъ почиталъ неисполнимымъ безъ долгаго изученія. Паганини не только соблюлъ всю чистоту, все тонкости угры своей, но даже умѣлъ передать нѣкоторые мѣста съ такой увлекательной энергіей, что самъ капельмейстеръ вскакивалъ неоднократно съ мѣста. Громкія рукоплесканія осыпали артиста, когда онъ кончилъ. Паганини раскланялся и сказалъ публикѣ: «Простите, я игралъ какъ шарлатанъ, палкою, и старался сдѣлать изъ пьесы, что могъ, какъ артистъ. Авторъ ея, истинный артистъ, вѣроятно въ будущемъ моемъ концертѣ, сдѣлаетъ мнѣ честь и сыграетъ свою пьесу смычкомъ, для того, чтобъ поправить, что я испортилъ палкою.»

Въ слѣдующій концертъ Паганини, афишки возвестили: «что синьоръ Вальдабрини, по влезанной болѣзни, въ немъ участвовать не будетъ.»

«Ай да шарлатанъ!» говорили друзья капельмейстера, «онъ палкою отдулъ концертъ артиста.»

III.

ДЕВЯТЬ МУЗЪ ВЪ ПАШТЕТЪ.

«Поправки автора не бѣда!» сказалъ одинъ изъ нашихъ драматическихъ по-

этовъ. Это справедливо, но еще справедливѣе, что *поправки* — бѣда для актеровъ. Какъ, выучивъ однажды роль, десять разъ дѣлать въ ней перемѣны и переучивать снова! Это и трудно, и досадно, и скучно. А, между тѣмъ, много есть кропотливыхъ авторовъ, которые никогда не бываютъ довольны первою мыслью и вѣчно пилятъ и подтачиваютъ стихъ, или гладятъ и строгаютъ свою прозу. Къ такимъ безпокойнымъ поэтамъ принадлежалъ Вольтеръ. Заира его уже была дана семь разъ на театрѣ: каждое представленіе все болѣе и болѣе возвышало пьесу въ глазахъ публики, а Фернейскій старикъ все не переставалъ дѣлать въ ней измѣненія, которыя ни къ чему не вели, а только утомляли память актеровъ. Наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло: они рѣшительно объявили, что никакихъ поправокъ болѣе не примутъ. Вольтеръ просилъ, умолялъ, клялся, что это послѣдняя корректура — все тщетно! Болѣе всѣхъ возставалъ противъ поправокъ Дюфрени, первый трагическій актеръ, занимавшій роль *Оросмана*. Дѣлать было нечего: Вольтеръ, скрѣпя сердце, уgomонился.

Вскорѣ потомъ Дюфрени давалъ обѣдъ своимъ товарищамъ, артистамъ *Французской комедіи*. Вдругъ является на столѣ огромный паптетъ. «Откуда онъ взялся?» восклицаетъ хозяйинъ въ удивленіи. Слуга отвѣчаетъ: «Его прислалъ господинъ Вольтеръ и приказалъ кушать во славу Французской Комедіи и ему.» Всѣ были удивлены. Гости пожелали, чтобъ внутренность паптетта имѣла такой-же изящный вкусъ, какъ сочиненія автора и хозяйинъ принялся за ножъ, чтобъ приподнять верхнюю корку. О чудо! Въ паптетѣ девять куропатокъ, прошигованныхъ трюфлями, головы ихъ привѣтливо торчатъ изъ подъ крылушекъ и у каждой въ клѣвѣ по сложенной записочкѣ. Развертываютъ записки и что жъ это? *Новыя поправки Закры*. Общій хохотъ увѣчалъ замысловатую

выдумку. Новая корректура принята; девять прошигованныхъ Музъ тутъ-же разрѣзаны и, по ихъ милости, Заира перешла къ потомству въ исправленномъ и усовершенствованномъ видѣ.

Говорите, послѣ этого, что дичь въ литературѣ ничего незначитъ!

IV.

ДВА ШАГА КЪ БЕЗСМЕРТІЮ.

Лафонъ, знаменитый французскій трагикъ, съ перваго шага своего на сцену имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Критики находили въ немъ большіе недостатки, но всѣ единогласно сознавались, что въ игрѣ его есть три стихіи, могущія образовать великаго актера, именно: *благородство, чувство и живость*. Послѣ многихъ трудовъ и усилій, Лафонъ образовалъ свои способности такъ, что занялъ первое мѣсто послѣ Тальмы на сценѣ *Французской комедіи*. Тальма и Лафонъ уважали другъ друга, но иногда все таки позволяли себѣ нѣкоторые сарказмы. Въ 1807 году Лафону дали бенефиесъ: онъ выбралъ себѣ роль *Ахиллеса* и сыгралъ ее въ совершенствѣ. Строгий судья, Тальма, ожидалъ его въ кулисахъ, послѣ окончанія пьесы: «Поздравляю, любезный Лафонъ!» — сказалъ онъ ему. «Ты сегодня сдѣлалъ шагъ къ безсмертію.» Онъ пожалъ Лафону руку; Лафонъ поблагодарилъ. Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ и Лафонъ, не смотря, что они жили дружно съ Тальмою, не слышалъ отъ него ни одной похвалы, ни одного одобрительнаго замѣчанія на счетъ игры своей. Наконецъ даютъ трагедію: *Донъ-Педро Португальскій*. Лафонъ играетъ главную роль и по окончаніи пьесы торжественно вызванъ. «Безподобно!» сказалъ ему Тальма, войдя въ его уборную «Нынѣ ты сдѣлалъ значительный шагъ къ безсмертію!» — Благодарю, отвѣчалъ Лафонъ, съ горькой улыб-

кой, двадцать лѣтъ тому, ты сказалъ мнѣ такъ-же, что и сдѣлалъ шагъ къ безсмертію.

«Такъ что-же,» отвѣчала добродушно Гальма, «одинъ да одинъ — составляютъ два.»

— Да сколько-жъ, по твоему, нужно шаговъ до безсмертія?

«Смотря по росту: гиганту два, пигмею двѣсти.»

Многіе увѣряютъ, что Гальма былъ правъ, и что Лафонъ съ тѣхъ поръ не шелъ впередъ.

V.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ КИНА.

Въ послѣдніе мѣслцы своей жизни, великій англійскій трагикъ Кинъ, часто посѣщалъ небольшой островъ Твиккингамъ, въ окрестностяхъ Лондона. Старикъ лодочникъ, который его туда перевозилъ, и теперь еще любитъ разсказывать, какъ онъ ожидалъ Кина поздно ночью, послѣ окончанія представленія и плылъ съ нимъ потомъ на лодкѣ; какъ Кинъ гулялъ по острову до разсвѣта, любилъ луною, и къ утру, возвращался въ Лондонъ. Въ трактиръ, на островъ, въ то время существовалъ дровосѣкъ, природный поэтъ и Кинъ любилъ слушать его стихи. Когда онъ услышалъ перлоде его стихотвореніе, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что тотчасъ же заучилъ его наизусть и подарилъ поэту фунтъ стерлинговъ, уговаривалъ его пуститься въ буриное, литературное море. Кинъ постепенно терлѣ силы и наконецъ сдѣлался такъ слабъ, что не могъ уже самъ выйти изъ лодки. Его на рукахъ перенесли на крутой берегъ. Лодочникъ удивлялся, какимъ образомъ такой больной человекъ можетъ еще играть на сценѣ. Это побудило его попросить у трагика билета въ театръ. Въ первое представленіе Кина, нашъ лодочникъ отправился смотрѣть *Ричарда III* — Шекспира. «Я не въ-

рилъ глазамъ!» разсказываетъ перевозчикъ. «Какъ онъ вышелъ, такъ мепя даже страхъ взялъ! Онъ мнѣ съ помощью показался просто великаномъ! Онъ такъ твердо и важно расхаживалъ и говорилъ такимъ громовымъ голосомъ, что мнѣ не върилось, что это тотъ самый больной, котораго я перевозжу на островъ. На другой день онъ пришелъ къ перевозу, такой хилый и слабый, какъ ребенокъ, что ходить учился. Онъ выпилъ съ полбутылки джину и тутъ только нѣсколько ободрился. Онъ всегда возилъ съ собою джину. Однажды утромъ, я это по вѣкъ не позабуду, пришелъ онъ на берегъ и плачетъ, какъ женщина; не можетъ слова вымолвить; рыдаетъ, какъ будто у него сердце разрывается на части. Это было въ тотъ самый день, какъ его покинула его Леди. Онъ мнѣ обнаружилъ всю душу: я утѣшалъ его по своему, да гдѣжъ намъ, простымъ людямъ, на господъ дѣйствовать утѣшеніемъ! Въ этотъ вечеръ онъ и водку свою отдалъ мнѣ. «Возьми!» сказалъ онъ, «у мепя и такъ сердце горитъ.» До самаго Твиккингамъ не говорилъ онъ ни слова. Потомъ онъ позвалъ къ лодкѣ стараго дровосѣка и заставилъ говорить стихи: *въ улетѣющей зистоткѣ*. Тотъ говорилъ, — а Кинъ плакалъ. Съ того вечера онъ сталъ совсемъ другой: не стоналъ, не жаловался на боль, только все сидѣлъ, потупя голову. Бывало спросишь: что вы такъ печальны, Серъ Кинъ? Или опять какой недугъ приключился? «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ, душа поеть, старикъ, на волю просится. Вскорѣ потомъ онъ совсемъ пересталъ ходить ко мнѣ на лодку. Съ недѣлю не видалъ я его. Разъ, утромъ, я пошелъ было на рынокъ, купить табакъ; гляжу, прохода нѣтъ: народу гибель. Что такое? спрашиваю я. Развѣ не видишь? отвѣчали мнѣ: Вешкаго Кина хоронятъ. Я сплѣлъ шлангу и пошелъ за гробомъ моего друга.»

Перевозчикъ этотъ еще живъ. Его зовутъ *дядя Тома*. Онъ любитъ разсказывать путешественникамъ о связи своей съ Киномъ, потому, что эти разсказы *доходивъ* до сердца и доходны для кошелека. Намъ передавъ его разсказъ однимъ изъ почтенныхъ путешественниковъ нашихъ, который слышалъ его изъ устъ самаго старика, при осмотрѣ Лондонскихъ окрестностей.

VI.

ОБЕЗЬЯНА И ПЬТУХЪ.

Не баста, а была.

Въроятно каждому изъ читателей нашихъ удавалось слышать имя *Мазурье*? Онъ былъ одинъ изъ первоклассныхъ мимиковъ—комиковъ во Франціи. Онъ родоначальникъ всѣхъ *жизотно*-подражаній и карриатуръ на сценѣ. Съ него начинается эпоха всѣхъ возможныхъ обезьянъ, начиная съ *Жоко*, *бразильской обезьяны* до *обезьяны воронки*, и наконецъ до самой *Тома*, которую еще недавно на нашей сценѣ корчили *Шпрингеръ*, *Шпрингеры*, *Дорневасы*, *Флерн*—это все потомки *Мазурье*, только въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ. До тѣхъ *колѣнъ*, которыхъ онъ былъ представителемъ, имъ никогда не достигнуть. Гибкость членовъ у этаго человека была невѣроятная: можно было подумать, что между костями его нѣтъ совсѣмъ связокъ или, что онъ просто автоматъ изъ папье-маше—на шточкахъ, за которыми держатся черти, потѣшался и мороча грѣшный міръ. Это былъ настоящий *Шекениръ* въ фарсахъ. Онъ бралъ погу свою на плечо, вмѣсто ружья, и металъ ею артикулы. Онъ изъ рукъ своихъ дѣлалъ ноги, а изъ ногъ руки и такимъ образомъ путешествовалъ по сценѣ карикомъ, подиавъ гордо голову. За то отъ однихъ его представлений театр *Сельмуртскихъ воротъ* въ одинъ годъ собралъ цѣлый, пошопившій *мил-*

лионъ франковъ. А этаго ни одному театру досель не давали ни *Малибранъ*, ни *Талма*, ни *Тальони*, ни даже *Картеръ*. Для *Мазурье* сотни водевилейскихъ и мелодраматическихъ перьевъ сврыпѣли день и ночь,—всѣмъ хотѣлось начертать роль, его достойную. Но что много токовать: кажется, вы ясно видите, что *Мазурье*—былъ *великій человекъ*, и притомъ такой великій человекъ, который могъ быть животнымъ, по произволу.

Торжество его было—*Жоко*—обезьяна. Но обезьяна, какъ она хорошо не гримасничай, наконецъ надоѣсть, какъ и всякая гримаса въ жизни. *Мазурье* искалъ новыхъ впечатлѣній въ животномъ царствѣ. Ему хотѣлось непременно сыграть *птицу*. Это была его постоянная мысль. Но какую же птицу? Птицъ много. Надлежало выбрать птицу видную, хорошую, благородную. Чтобъ всякій могъ сказать его подражателемъ, (а ихъ было очень много): вотъ *Мазурье* такъ дѣйствительно орелъ, или цапля, или индюшка; а ты что за птица? И такъ, какую жь выбрать? Попугай?—общее мѣсто, пошлость: попугаевъ вездѣ много въ свѣтѣ. *Мазурье* сперва было выбралъ журавля; но журавль показавъ ему слишкомъ глупымъ; долговзвѣй, длинноносый, тонкошейй, безхвостый—это уродъ! Нѣтъ лучше *гусь*. Гусь—вотъ такъ птица! Лице историческое, важное! Лице эстетическое:—его перьями ившуть все прекрасное, великое. Онъ проводникъ небеснаго вдохновенія на бумагу, онъ посредникъ любви, блюститель правосудія: онъ великъ и не въ жаркомъ, и не подъ соусомъ!—Замѣтьте, такъ разсуждалъ *Мазурье* въ то время, когда еще варваръ *Перри* не унижалъ породы гусиной изобрѣтеніемъ стальныхъ перьевъ, а *Крыловъ* не написалъ своей безсмертной апоземы на гусей. Хорошъ гусь—былъ бы *Мазурье*, еслибъ это зналъ!—Но гусь своей древней породой, своей *Канитолійской* знаменитостью далеко ушелъ отъ

мелкой природы человеческой, и костюмъ его представлялъ для Мазурье большіи неудобства и препятствія. Пока Мазурье не могъ переварить въ головѣ своей гуся, кому-то пришла счастливая мысль написать водевилъ и вывести въ немъ драку *пѣтуховъ*. Мазурье съ восторгомъ узналъ объ этомъ и тотчасъ же привился за изученіе роли—*Султана курятины*. Эта роль была ему тѣмъ легче, что онъ находилъ въ пѣтухѣ, его пріемахъ, обхожденіи, надутости, важничаньи, что-то родное съ человѣкомъ, Мазурье былъ великій естественный актеръ, онъ даже находилъ нѣкоторое сходство въ физиономіи его съ людскою, а тогда нашъ ученый Фишеръ-Вальдгеймъ не пашель еще курицы съ человѣческимъ профилемъ, хранившейся безсмертною чучелой въ музеумъ Московскаго университета. —

Началось съ того, что Мазурье заказалъ себѣ костюмъ пѣтуха съ подвижными хвостомъ, съ практичными крыльями и глазами. Потому онъ началъ вставать каждый день съ солнцемъ и ходилъ на рынокъ изучать характеръ своей роли съ натуры. Сперва онъ передразнивалъ свой подлинникъ, потомъ началъ дразнить его и наконецъ вступалъ съ нимъ въ отчаянный бой. Великое созданіе было готово, Платоновъ *человекъ*, по опредѣленію Діогена, зналъ свою роль въ совершенствѣ. День представленія приближался. Публика, узнавъ, что Мазурье будетъ пѣтухомъ, ожидала своего любимца съ нетерпѣніемъ. — Но увъ! Ея надежды не сбылись. Однажды утромъ, жена Мазурье, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, хватилась мужа: его не было. Двигимая порывомъ ревности, а можетъ быть и коварнымъ рокомъ, она встала и кинулась къ нему въ кабинетъ. Каково-жъ было ея удивленіе, когда она видитъ передъ собой мужа, подъ видомъ пѣтуха, который, растопыривъ крылья, громкогласно воспѣваетъ: *кукареку!* Госпожа Мазурье пришла въ

испугъ. «Судя по твоему свидѣтельству, я должна была думать, что ты человекъ, а выходитъ, что ты вѣчно звѣремъ смотришь!» — Но, другъ мой... возразилъ Мазурье. «Никакого *но!* Мнѣ это надо! Я могла снести, что ты былъ обезьяной, потому, что обезьяна похожа на человѣка и многіе люди похожи на обезьяну... но сдѣлаться пѣтухомъ—это пельякало! Долой дурацкій парадъ!» И она начала обвинивать бѣднаго мужа, смирнаго, какъ пыленка. Онъ просилъ, умолялъ, ухаживалъ за нею... ничто не помогало! «Не строй мнѣ кури, кричала она, я тебѣ пѣтушился все таки не позволю! Дай тебѣ волю: ты завтра пожалуй превратишься въ собаку и станешь цѣлый день лаяться. Нѣтъ, довольно! Я скоро буду матерью, мнѣ опасно имѣть мужа съ гребнемъ и хвостомъ: скидай свой клепъ!» Мазурье со слезами долженъ былъ отказаться отъ своего триумфа. Мысль, что у него родится пернатый паслѣдникъ, приводила его въ содроганіе. Знаменитый водевилъ, съ пѣтушиной дракой не дошелъ до потомства.

Видѣвшіе Мазурье на пробѣ въ роль пѣтуха, увѣриють, что онъ далеко превзошелъ въ ней обезьяну, и былъ такъ натураленъ, что всякій порядочный пѣтухъ могъ бы эту обезьяну принять за образецъ благородства, утонченности и пѣтушиной спеси. Но что дѣлать; въ семейной жизни этотъ пѣтухъ былъ *жестрой курицей*.

Вотъ отъ чего иногда зависить слава и безсмертіе человека вообще и артиста въ особености! Имѣй г-жа Мазурье такое же отвращеніе отъ обезьяны, какъ отъ пѣтуховъ, мужъ ея никогда не достигъ бы до такой извѣстности и,—можетъ быть, былъ бы просто такъ, ничего: человекъ-человѣкомъ.

VII.

СТО-ЛИЧНЫЙ ДРУГЪ.

Между многими отличными талантами английской сцены, одно из первых мѣстъ занималъ актеръ Матюсъ, который съ самаго дѣтства имѣлъ удивительное свойство мѣняться въ лицѣ, по произволу, такъ, что его узнать нельзя было. Всѣ значительные люди въ столицѣ Аврѣи и вся знатная молодежь считала особенной славой называться друзьями Матюса, не смотря на его хамелеоптическую природу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительный *сто-личный* другъ. Однажды знаменитый актеръ прибылъ въ Йоркъ и тамъ давалъ представленій. По окончаніи спектакля, къ нему явилась цѣлая ватага молодыхъ людей, которые за бутылкой вина поспорили о его лѣтахъ, вошли въ значительныя пари и наконецъ рѣшились отъ самаго артиста узнать, кто правъ, кто лгивать. Матюсъ отправился въ особенную комнату и, призывая каждого изъ нихъ по одиночкѣ, заставляя записывать на бумажкѣ, какихъ лѣтъ они его находятъ. Когда эта процессія кончилась: всѣ собрались, каждый развернулъ свою бумажку, и оказалась самая страшная разногласица. Одинъ писалъ, что ему 60 лѣтъ, другой что 26, третій 40, четвертый 19 и т. д. Вышло, что всѣ проиграли, а такъ, какъ не было выигравшаго закладъ, то Матюсъ выигрыши принялъ на себя и задалъ ширѣ и попойку. «Но отъ чего это произошло?» спрашивали его молодые люди. «А потъ отъ чего,» отвѣчалъ Матюсъ, и тутъ же началъ принимать на себя разные образы, то юности, то мужа, то старца. Физиономія его измѣнялась ежеминутно и

такъ быстро, что всѣ согласились въ томъ, что онъ человекъ истинно сто-личный.

Вотъ другой анекдотъ, который свидѣтельствуеъ съ какимъ удивительнымъ искусствомъ Матюсъ умѣлъ пользоваться этой способностью. Разъ онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ другими гостями на обѣдъ къ богатому ростовщику и серебряннику Андерсону. За столомъ хозяина вызвали въ лавку, гдѣ его спрашивалъ какой-то покупатель. Едва онъ вышелъ, Матюсъ тотчасъ же переѣхалъ прическу, застегнулся, выткнулъ лице, подпоясалъ бронею, схватилъ разливальную и еще нѣсколько обыкновенныхъ ложекъ со стола и, пробравшись черезъ дворъ на улицу, вошелъ въ лавку Андерсона. Ростовщикъ его не могъ узнать, охотно взявъ у него въ закладъ серебро и выдалъ требуемую сумму. Прежде, чѣмъ Андерсонъ успѣлъ воротиться къ гостямъ, Матюсъ сидѣлъ уже на мѣстѣ, съ обычной своей физиономіей. Ростовщикъ явился наконецъ съ сілошнымъ лицомъ и рассказывалъ гостямъ, потирая руки, что сдѣлалъ славное дѣльце и отдалъ, подъ закладъ чудеснаго, чистаго серебра, самую пустую сумму денегъ. — «Жаль, что я этого не зналъ прежде, сказалъ Матюсъ, я не уступилъ бы заклада такъ дешево!» — Какъ! воскликнулъ Андерсонъ, развѣ это были вы? — «Да; отвѣчалъ артистъ, мнѣ крайне были нужны деньги; записать у васъ я не рѣшился, боясь отказа, а подъ залогъ не могъ выйти ничего лучшаго, какъ ваши серебряныя ложки!» Всѣ расхохотались и ростовщикъ то же засмѣялся, хотя на душѣ у него скребли кошки: онъ зналъ, что *сто-личный* другъ—бываетъ плохой платильщикъ.

ПАНОРАМА

ВСѢХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Между всеми новѣйшими пьесами, наибольшій успѣхъ имѣла лучшая по созданию пьеса: *Клэвета*, комедія *Скриба*. Содержаніе ея интересно, положеніе лицъ ново, ходъ самый естественный. Много жизни придаетъ ей, всѣмъ пзвѣстная, веселость и острота автора. Мы не входимъ въ подробный разборъ этой пьесы, потому, что не хотимъ преждевременно разрушить наслажденіе нашихъ читателей, которымъ скоро предстоитъ удовольствіе видѣть *Клэвету* на Русской сценѣ, на французскомъ театрѣ, (гдѣ она была дана только одинъ разъ) и прочесть въ *Палтеонѣ*,—въ весьма хорошемъ переводѣ.

— Пьесы: «*Вотрель*» *Бальзака* и «*Козилла*» *Жоржа-Занда* (Г-жи Дюдеванъ) нами со славою, достойною ихъ авторовъ. За то авторы хотятъ отмстить публикѣ и оба приготовили по новой пьесѣ. *Бальзакъ* написалъ драму въ прозѣ, съ прологомъ и эпилогомъ, подъ названіемъ: *Маркадотъ*; а *Зандъ* драму, именуемую: *Искавистъ въ любви!* Сюжетъ сочинительница на этотъ разъ выбрала такой, что и сумасшедшему не скоро во снѣ приснится. Видите ли: Жилъ былъ въ Италіи старый баронъ. У каждаго барона свои фантазіи. У италійскаго барона была фантазія воспитать внучку свою, какъ мальчи-

ка. Но умыселъ другой тутъ былъ, баронъ нашъ денешки любилъ. Онъ воспиталъ внучку по мужскому, чтобъ не отдать насаждаства племяннику, котораго терпѣть не можетъ. *Габріель выросъ*, ходитъ во фракъ и во всемъ остальномъ, и воображаетъ себя; что она мужчина. Вотъ она встрѣчается съ *Астольфомъ*, своимъ молодымъ дядюшкой, тѣмъ самымъ, котораго дѣдушка терпѣть не можетъ. Но дѣдушка самъ по себѣ, а штука сама по себѣ. Если дѣдушка не любитъ племянника, почему же племянница не любитъ дядюшки? Я тутъ не вижу никакого резона, да и *Жоржъ-Зандъ* то же, и потому она завязываетъ между ними самую тѣсную дружбу. Молодые люди неразлучны; играютъ, пьютъ, едятъ, ѣздятъ верхомъ, вполчатся за хорошишками—все вмѣстѣ. *Астольфъ* видѣлъ *Габріель* вездѣ съ собою, по театрамъ, игорнымъ домамъ, маскерадамъ, словомъ, вездѣ, гдѣ только бывають молодые люди. Все шло хорошо, только разъ какъ-то, ужъ Богъ знаетъ какъ, *Габріель* узнаеть, что она жепцина, а что ея дяденька мужчина. Сначала это ихъ озадачило, а послѣ такъ ничего—все пошло своимъ порядкомъ. Такъ, какъ дружбы существуетъ только между мужчинами, то между ними она должна была обратилась въ любовь, ну, и обратилась,

какъ съдѣуеть. При сей вѣрпой оказіи Габріель скинула брюки и фракъ—и падѣла женское платье. Габріель такая добренькая, право; она видѣла все прежнія шалости своего милаго диденьки, однако нисколько его не ревнуетъ, а вотъ ужъ диденька за то ревнуетъ, какъ Вулканъ, и не безъ причины. Сами посудите: женщина, которая носила мѣжское платье, бывала во всякой компаніи, ужъ разумѣется не то, что скромная Весталка; у нея и приемы посвободнѣе, а гдѣ свободнѣе приемы, тамъ мужчины повольнѣе, ну, а изъ этаго что жъ выходитъ? Выходитъ, что Астольфъ съ ума сходилъ отъ бѣшенства и ревности. Габріель это сперва забавляло, потомъ надоѣло: она взяла надѣла оный фракъ, да и поминай какъ звали. Астольфъ за ней въ погоню. Долго ли они гонялись по свѣту, неизвѣстно. Извѣстно только, что Астольфъ находитъ ее въ Римѣ, въ маскарадѣ и въ самую ту минуту, какъ хочетъ съ ней объясниться, ее закалываютъ кинжаломъ убійцы, подкупленные старымъ барономъ.—Лучше бы эту пьесу назвати: *Дядюшка съ носомъ отъ дядюшки*. Пьеса раздѣлена на отдѣленія, съ громкими названіями, съ эффектными окончаніями. То-то бы пьеска для *нѣкоторыхъ* бенедиктантовъ! То-то бы ролька для *нѣкоторыхъ* актрисъ!—Надо надѣяться, однакожъ, что подобной глупости у насъ переводить и давать не будутъ!

Довольно значительный успѣхъ имѣла одноактная опера: *Сто швейцарцевъ*, написанная Полемъ Дюпоромъ. Сюжетъ ея взятъ изъ допотопнаго анекдота, который авторъ прилепелъ къ царствованію Людовика XV. Анекдотъ состоитъ въ томъ, что цѣлая рота солдатъ, доставъ печально домино, по одиночкѣ пускается въ публичный королевскій маскарадъ и подъ видомъ одного человека, съѣдаетъ и выпиваетъ въ буфетѣ все, что приготовлено для многочисленныхъ гостей.—Музыка очень игрива и граціозна. Говорятъ, что она написана какимъ-то княземъ.

На театрѣ *Большой оперы* отыскался дивный теноръ. Фамилія его *Пультье*, онъ обручникъ изъ Руана. Профессоръ консерваторіи Циммерманъ открылъ его печально, во время путешествія. Кто слышалъ Пультье, увѣряютъ, что онъ превзойдетъ всѣхъ пѣвцевъ, какихъ досель слышали въ Парижѣ, Голосъ его обширенъ, чистъ и ровенъ. Сильный фальцетъ такъ тѣсно сливается у него съ грудными нотами, что трудно отличить точку перехода. Въ особенности голосъ его тѣмъ отличенъ, что въ немъ много серебристаго звука. Замѣчательный всего, что онъ ужъ теперь владеетъ органомъ удивительно свободно и поетъ по слуху самыя трудныя мѣста изъ оперъ, безъ малѣйшаго усилія. Надо думать, что этотъ гончаръ перебьетъ славу у графа Маріо.

Между множествомъ драмъ и водевилей, длинныхъ, короткихъ, вѣлыхъ, безумныхъ, веселыхъ и пошлыхъ, наибольшій успѣхъ имѣли слѣдующія пьески:

Бонавентуръ, рыжій герой водевиля гдѣ-дѣ Дюпестри и Курси. Этотъ чудакъ имѣетъ пламенное сердце, увлекательное самолюбіе и волосы огненнаго цвѣта. Онъ любимъ рыженькой Жаннетой, но ему этаго мало: онъ хочетъ любви брикетомъ и достигаетъ до нея посредствомъ темнорусаго парика съ хохломъ. Вы знаете; парикъ очень измѣняетъ челоуѣка. Парикъ открываетъ поприще славы Бонавентуру: онъ дѣлается садовникомъ, потомъ егеремъ и наконецъ секретаремъ старушки-графини, которая пишетъ тайныя свои записки (мемуары). Тайный секретарь льво тучитъ, богатѣетъ... по увы! злобный рокъ срываетъ съ него парикъ—онъ опростоволошилъ и обращается въ прежнѣе ничтожество, къ пламенному сердцу рыженькой Жаннеты. Мораль пьесы та: что хохлы хотъ иногда и выводить въ люди, но судьба, рано или поздно, срываетъ парикъ, заставляетъ *краснѣть* обманщика. Лице Бонавентура, чрезвычайно забав-

ное, удивительно хорошо играет первый комикъ Водевильнаго театра и одинъ изъ первыхъ въ цѣломъ Парижѣ—*Ариолъ*.

Марко—даетъ сборы театру Разнообразія. Этого *Марко* сочинилъ г. *Мелесвилъ*, авторъ многихъ водевилей. *Марко* повѣса, но повѣса важный: онъ полковникъ. Онъ влюбленъ по уши въ красавицу и преслѣдуетъ ее своею любовью. Красавицы любить, чтобы ихъ преслѣдовали. Это очень выгодно для г. *Мелесвилъ*, иначе ему пришлось бы кончить пьесу на второмъ явленіи. *Марко* имѣетъ подѣ конецъ успѣхъ въ своемъ волокитствѣ и на театрѣ, гдѣ его смотрятъ съ удовольствіемъ.

Пале-Рояльскій театръ почти каждый день объявляетъ: *Смотръ опакхалъ*, который придумали *Теолопъ* и *Клервилъ*, два автора, которые любятъ иногда тряхнуть старинкой и старыя пѣсни перекладывать на новый ладъ.

Въ старину у нашихъ дамъ
Были опакхалы.
Имъ, бывало, по краямъ
Цищутъ мадригалы.
Подълуй или привѣтъ
Быль за то награда...
Счастливый смѣтливый поэтъ!
Больше п не надо!
Но теперь пора не та,
Въеры не въ мода,
И лорнетки, слѣпота,
Нынче въ обиходъ.
И хотя теперь у насъ
Нѣтъ старинной ласки,
Нѣтъ здоровыхъ, прежнихъ глазъ,
Да за то есть *глазки*.

Но по этимъ-то глазкамъ, по этимъ зеркальцамъ, на которыхъ видно каждое дыханіе души, гг. *Теолопъ* и *Клервилъ* не хотѣли судить женскаго сердца. Они обратились къ старинѣ и основали всю интригу своей пьесы на опакхалъ, на который написанъ мадригалъ. Исторія эта длинная, она относится къ тайнымъ хроникамъ придворныхъ дамъ *Людовика XIV*. Эпоха дѣйствія: царствованіе *Г-жи Помпадуръ*. Въ эту эпоху назначенъ жизни почитались—разгуль и ве-

селіе. Тогда существовалъ погребчикъ *Рампоно*, уже не разъ воспѣтый въ водевиллхъ. Въ его погребѣ иногда собирались придворныя дамы, подѣ видомъ гризетокъ и знатные кавалеры, подѣ видомъ купеческихъ прикащиковъ и аптекарскихъ учениковъ. Это было въ модѣ. *Г-жа Помпадуръ*, отправляется туда однажды съ замысловатымъ *Коссе*, прозваннымъ *мудрымъ*. Но какалъ *мудрость* устоитъ противъ хорошенькой женщины! *Коссе* сдѣлалъ двѣ глупости: одну, что написалъ мадригалъ на опакхалъ *Помпадурши*, а другую, важную, что забылъ опакхало въ погребѣ. *Лансакъ*, врагъ королевской любимицы, нашлъ его и представилъ королю. Король назначаетъ при дворѣ *смотръ опакхалъ*. Всемогущая мода спасаетъ виновныхъ. *Помпадуръ* задавала тонъ при дворѣ, следовательно у всѣхъ женщинъ были опакхалы такія же, какъ у ней. Она, между тѣмъ, успѣла унести опакхало герцогини *Граммонской*, и та бѣдняжка, не бывши въ погребѣ, терпѣтъ въ чужомъ шире похмѣлье. Но *мудрый* *Коссе* поправляетъ свою глупость умнымъ дѣломъ:—онъ желится на герцогиню. — Пьеска крѣпко напоминаетъ *пажей герцога Вандоискскаго*.

Еще имѣла успѣхъ пьеска съ пѣтушинымъ заглавіемъ: *Кукуарекку!* Она проповѣдуетъ о томъ, какъ трудно усмотрѣть за пастухой, когда она несется и за хорошенькой вичкой, когда ей приходится пора любви. Истина неоспорима; разумѣется, она заслужила всеобщее одобреніе.

Большая Опера продолжаетъ давать лирическую драму *Донизетти*: *Мугеники*. Понемножку публика къ ней привыкаетъ и даже начинаетъ подозрѣвать интригу, которую тѣмъ достоинства нъ музыкѣ.

Кстати объ *Тили*, послушайте, что случилось.

«Въ глубокую полночь, въ часъ призраковъ и видѣній, прилетаетъ въ Боль-

шую Оперу страдальческая *Тиль*, и жалобно въеся по корридорамъ театра. Тшь, эта еще легче обыкновенныхъ тьпей. Она блѣдна и прозрачна. Она въеся, не касаясь до пола. Откуда берется этомъ призракъ, этотъ тапцующій дымокъ? Чего хочетъ туманная дѣва? Объ чемъ она рощеть? Тпше! вотъ она! Притаимся и послушаемъ!

«Распахнись! говоритъ *Тиль* непреклонной двери. Я принеслась изъ далека: со льдистыхъ береговъ, изъ снѣжныхъ равнинъ. Я сбросила пушистую шубу, покинула морозы, которые скрипѣли мнѣ пѣсни и таяли отъ моего обаянiя! — Отопрись, распахнись! Мнѣ холодно здѣсь въ часъ полночи. И плечики злбнуть подъ дымчатыми крыльями, и руки дрожать, и ноги... о мнѣ кажется, что я даже почувствовала у себя ноги! Отопрись! отопрись! хочешь, я скажу тебѣ свое имя, оно тебѣ знакомо! Ты его слышала тысячу разъ! Но ты мепя узнала: отопрись же! Не то, я пробьюсь сквозь замочную щелку, пронесусь сквозь непротнтый притворъ; отопрись, отворись! — О, непокорная, холодная дверь! Я вижу, ты осудила меня на изгнаше! Но берегись! Я скажу слово — и проснется уснувшій городъ! Я попрошу помощи: и все побѣжитъ ко мнѣ на помощь! Юноши прервутъ сонъ любви; дѣвы покинутъ ложе нѣги; старцы, которые сѣдили за мной душою и сердцемъ; чуждые гости, для меня слетавшiеся со всѣхъ странъ свѣта; поэты, которымъ я была идеаломъ и музой — все, все прибѣгутъ, закрывать: *отворись* — и разцепаютъ тебѣ въ прахъ! Проснись же снащiй городъ, затеплитесь факлы, блесните и ломъ и топоръ, разбейте вы дубъ непокорный, сорвите упрямый петли, и откройте царство мое для законной царицы! — Но я добра: я удержусь еще отъ гнѣва! Я прошу тебѣ — отопрись въ тишинѣ: ты знаешь, я перешагну порогъ твой и не коснусь до него. Ты помнишь, какъ и здѣсь

пролетала, не трогая тебя летучую вуалью! Скупая дверь! другiя не проходили здѣсь даромъ, каждый платилъ за пропускъ: кто легкой улыбкой, кто нѣгою страсти, кто красотою, а та добродѣтели данью! Алчная дверь! Отворившаяся для петеривилевой страсти, для отчаянной ревности, для злаго самолюбiя, подъ легкою тканiю газа! Дверь упрямая! Чтожъ ты теперь запраешься предо мной, какъ будто я пришла къ тебѣ въ крестьянскихъ поботахъ, въ длинномъ плати, съ болзливой надеждою на лицъ? Или не помнишь, коварная! какъ зала загоралась огнемъ при моемъ плененiи, какъ красавицы, цвѣты и камень блистали въ пей, ожидалъ лучей мопхъ глазъ, дуновенья мопхъ крылъ? Какъ тысячи рукъ хлопали и тысячи голосовъ кричали: *вотъ она! вотъ она! наша богиня!* при одномъ шелестѣ листьевъ цвѣтка, при легкомъ колебанiи занавѣсы? И это я! Я опять предъ тобою! Милая дверь, отворись-же! Открой мой эдемъ, и лазурное небо! Дверь, — ведущая въ мое дивное царство — Шотландiю; къ берегамъ моего Дуная, въ мой роскошный Багдадскiй сераль, — отворись, умоляю!»

«Такъ плачетъ скорбящая *Тиль* и въ отчаянiи ломаетъ эвирнiи крылья и поникаетъ главою, и съ главы ея падаютъ вѣнки изъ бѣлыхъ розъ и незабудокъ. Въ своей тревогѣ она переходитъ отъ улыбки къ угрозѣ, отъ слезъ къ гнѣву, отъ отчаянiя къ жалобамъ. Все напрасно! Дверь неумолима, она вышла изъ повиновенiя прежней царицы. Новые гени заняли престоль ея! И тшь, думая, что она ошиблась, отыскиваетъ другiихъ дверей, и опять прилетаетъ къ неумолимой. И она скорбно пронзоситъ имя, которос прославила, порхал по тошкой паутинѣ, разослапной невидимо въ воздухѣ волшебницею Титанией; имя, отъ котораго бился и съ сердца, имя — звучное, прекрасное имя и только эхо вторитъ за нею:

Тальони!»

Эту легенду пропѣлъ Жанешъ. Но дверь *Большой Оперы*, не такъ жестокосерда, какъ ее описываетъ остроумный фельстонище. Она съ восторгомъ распахнулась, когда къ ней снова принеслась легкою *твилью* Марія Тальони съ береговъ Невы, изъ тумановъ Альбіона! Извѣстіе объ ея ушибѣ ноги въ Лондонѣ несправедливо; она на дилѣхъ явилась *Сильфидой* на своей родимой сценѣ. — Говорятъ, когда это извѣстіе долетѣло въ Америку, до Фанни Эльслеръ, — у нея побѣднѣли ноги!

Въ *Колитеской оперѣ* съ усѣхомъ дана повал опера музыкальнаго подрядчика *Доцзетти*, подъ названіемъ: *Полковалъ дочь*. Это одна изъ тысячи одной ночи *великой арміи*, съ приличными побѣдами, пальбою, хвостовствомъ, патріотическими возгласами, бивуаками, солдатскими пѣснями, казачурами и прочими принадлежностями всѣхъ побѣднѣхъ спекуляціонныхъ пѣснь, полезныхъ для *уши и сердца*, о какихъ и мы достаточнос понятіе имѣемъ. — Дѣло въ томъ, что на улицѣ, во время взятія города, находятъ дѣвочку, сиротку и цѣлый полкъ ее усыновляетъ. Солдаты дѣлаютъ ее маркиганткою и любятъ, какъ свое знамя. Но дѣвочка эта дочь знатнаго человека: она находитъ отца и дѣлается знатною барышней, съ тѣмъ мы ее и поздравляемъ. Въ музыкѣ есть мѣста удачныя.

АНГЛІЯ

не представляеть намъ никакихъ нововостей, кромѣ одной развѣ, весьма старой: что *Тальони огирожительна*.

ИТАЛІЯ.

Въ *Венцій*—имѣла еще небывалый усѣхъ, опера маэстра Джіованни Феррарі, подъ названіемъ: *Марія, Англійская Королева* (Maria d'Inghilterra.)

Передъ представленіемъ, Богъ знаетъ почему, всѣ были предубѣждены противъ этой оперы. Но мало по малу прелестная музыка и занимательный сюжетъ сперва привлекли вниманіе, а потомъ совершенно оладѣли душою зрителей. Къ концу представленія энтузіазмъ зрителей возросъ до того, что композиста вызвали и тутъ-же, на сценѣ, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ. Оперу даютъ каждый день.

Лужка. Въ последнее представленіе «*Дальмермурской невесты*» случилось на здѣшнемъ театрѣ трагическое происшествіе. Чрезвычайное соревнованіе двухъ первыхъ артистовъ до того разожгло ихъ самолюбіе, что они забыли роли и отношенія свои къ публикѣ. Во второмъ дѣйствіи оперы, какъ извѣстно, есть дуэль, которал должна была произойти между этими двумя артистами. Они схватились за шпаги, вступили въ бой и съ величайшимъ искусствомъ и остервененіемъ старались наносить другъ другу удары. Оркестръ остановился. Удары съдвали съ немобѣрной быстротою, при нестовыхъ рукоприкладствѣхъ партера, который принималъ эту выходку за импровизованное фехтовальное ассе. Но вдругъ Эдгаръ Равенсвудъ ужасно вскрикнулъ, зашатался и упалъ: онъ былъ насквозь проколотъ шпагою противника. Убийцу схватили. Вся труппа разбрелась на другой день въ разныя стороны, потому, что ни одинъ артистъ не хотѣлъ болѣе вступить на сцену, обгащенную кровью товарища.

Не менѣе замѣчательное происшествіе случилось въ *Палермо*. Извѣстная пѣвица *Францилла Никсисъ* имѣла въ своемъ бенефисѣ и по окончаніи оперы, городское гражданство, изъ благодарности, увѣнчало ее драгоцѣнною золотою короною, сдѣланною въ видѣ лавроваго вѣнка. Толпа народа провожала ее до дома съ зажженными факлами. На слѣдующій день обожатели второй примадонны захогѣли и своей любимицѣ уст-

роптъ торжество и начали кидать къ ней на сцену цветы и кошельки. Отъ этого произошла ужасный шумъ въ театрѣ. Поклонники *Лукиссы* не хотѣли допустить слухъ соперниковъ увѣнчать вторую примадонну и спектакль кончился рукопашнымъ боемъ съ кровопролитіемъ. Губернаторъ принужденъ былъ на слѣдующій день закрыть театръ и поддержать острокизму изъ Сициліи не только виновницу тревоги, но и виновницу *Лукиссы*. Это произвело всеобщее негодование въ публикѣ. Городъ отправилъ къ королю жалобу на губернатора. Неизвѣстно, чѣмъ все это кончится.

Изъ *Трїеста* пишутъ весьма печальное извѣстіе. Мѣсяць тому, знаменитая наша соотечественница *Даллока-Шоберлекеръ*, которая приводила въ восторгъ всю Италію своимъ пѣніемъ, лишилась разсудка, будучи освидѣана, по интригамъ, при первомъ своемъ выхождѣ въ роли *Нормы*. Отъ души желаемъ, чтобъ эти слухи были несправедливы. Еслижъ это правда, нельзя не пожалѣть о потерѣ такого замѣчательнаго таланта. Видно на итальянскихъ артистовъ нынѣ черный годъ или они сами сходятъ съ ума, или ихъ закалываютъ и выголяютъ!

ГЕРМАНИЯ.

Берлинъ. Между послѣдними сценическими явленіями въ Германіи было не много замѣчательныхъ. Больше всѣхъ заслуживаетъ вниманія: *Христина Шведская*; драма въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненія *В. Фогеля*. Содержаніе этой драмы взято изъ старой повѣсти *Фан-дер-Фельда*, автора съ необыкновенно драматическимъ воображеніемъ, который, къ несчастію, лучший свои пьесы выводилъ на сцену въ *Вестерней газетѣ* *Телодора Гелля*, подъ видомъ повѣстей. Не мудрено, что Фогель выбралъ такой сюжетъ: действительно нѣтъ въ исторіи

лучшаго лица для сцены, какъ эта юная, пламенная Королева, которая самовольно покидаетъ тронъ, чтобъ совершенно погибнуть въ лабиринтѣ жизни, сплетенной пѣй интригъ и капризовъ. Сколько разъ тормозили уже бѣдную Христину въ романахъ и на театрѣ! И Скрибъ вывелъ ее въ своей *Шестнадцатилѣтней Королеви*; и Дюма — въ своей романтической-исторической трилогіи: *Стокгольмъ*, *Феттенсбло и Рилъ*; и Сулье въ своей: *Христина и ея дворъ*! Не доставало для конечной бѣды только немецкой драмы на ту же тему: и вотъ она, къ нашимъ услугамъ! Фогель не имѣетъ почти никакихъ правъ на созданіе своей Христины: онъ списалъ ее буквально съ повѣсти *Фан-дер-Фельда* и только раздѣлилъ на дѣйствія и явленія. Драма Фогеля слабѣ драмъ Дюма и Сулье, и даже не стоитъ комедіи Скриба. Не смотря на то однако, она всегда можетъ быть эффектной сценической пьесой и поддержитъ любой репертуаръ. Содержаніе ея рассказывать не стоитъ: оно всѣмъ знакомо. Христину играла прекрасная Шарлотта фонъ Гагенъ... нужно-ли прибавлять, что пьеса имѣла успѣхъ?

— На Кенигштетскомъ театрѣ, Вильгельмъ Мюллеръ сдѣлалъ публикѣ *драматическій вопросъ въ трехъ дѣйствіяхъ: Гдѣ найти счастье?* (*Wo weilt das Glück?*) и публика отвѣчала ему аплодисманомъ. Этого: счастье драматическаго писателя въ рукописканіи публички. — Но пьеса дѣйствительно хороша и заслуживаетъ одобренія. Когда мы ее подучимъ, сдѣлаемъ ей подробный разборъ.

— Въ *Гамбургѣ* имѣла блистательный успѣхъ повалъ драма *Гуцкова*, автора *Ричарда Саважя* и одного изъ достойнѣйшихъ представителей современной литературы въ Германіи. Она называется: *Вальтеръ*, или *Сердце и свѣтъ*. Много глубокихъ, философическихъ истинъ посѣяно въ этой интересной ткани изъ

рѣзкихъ характеровъ и новыхъ положеній. Эта драма вѣроятно пріобрѣтетъ автору европейскую славу.

Мюнхенъ. Авторъ *Велизарія*, Эдуардъ Шенкъ, — кончилъ новую трагедію, подъ названіемъ: *Адольфъ Нассаускій*. Она скоро явится на театрѣ. Лице и эпоха выбраны очень удачно, и талантъ автора ручается за успѣхъ.

Стутгардъ. — *Иковъ Линкъ*, такъ называется новал трагедія, данная на Стутгардской сценѣ.

Авторъ ея *Каролина Беви*, живетъ въ Стутгардѣ и до сихъ поръ ничѣмъ не была извѣстна. — Какъ слышно, дебютъ этой сочинительницы былъ не слишкомъ удаченъ, хотя она истощила всѣ возможные средства поразить, возхитить и озадачить публику.

Пьеса заключаетъ въ себѣ три убійства, два покушенія на убійство, одно самоубійство, несмѣтное число покражъ, одно чудо, одну естественную смерть, четыре сверхъестественныя явленія, новаго Брута, который собственноручно подписываетъ смертный приговоръ своего сына; двѣ казни и двойной конецъ. Все это перемешано съ наборомъ возгласовъ и надутыхъ фразъ. Съ трудомъ можно догадаться, что сюжетъ заимствованъ изъ стариннаго англійскаго романа и что авторъ — женщина.

ИСПАНІЯ.

Мадридъ. Не смотри на разстроенное состояніе Испанія, послѣ тяжкихъ политическихъ событій, которыхъ жертвою она была столь долгое время, литература и искусство опять начинаютъ въ ней процвѣтать. Знаменитый *Бретанъ де лосъ Герреросъ*, котораго и французскіе критики, по его дарованію и плодовитости сравниваютъ съ Скриббомъ, безиреципно даетъ новыя доказательства своего неизсякаемаго воображенія и юмора.

Кромѣ комедій: *Старая баба* (*Noa vieja*), имѣвшей огромный успѣхъ, онъ недавно поставилъ на сцену прекрасную драму, подъ названіемъ: *Vellido Delfos*. Въ ней изобразилъ онъ яркими красками гибель Кастильскаго Короля Санхо II, отъ Цаморскихъ мавровъ; честолюбивыл интриги Урраки, сестры Альфонса VI; почти баснословные подвиги Спда и другія событія, характеризующія эту романтическую эпоху испанской исторіи. Сила мысли и стиха у него такъ велики, что ихъ почти можно поставить на ряду съ лучшими произведеніями Кальдерона. Другая драма, еще юнаго поэта *Принсипе: Графъ Донъ-Юліанъ* (*El conde Don Julian*), принята въ Сарагосѣ съ такимъ восторгомъ, что авторъ нѣсколько вечеровъ сряду долженъ былъ являться предъ публикою. Она основана на событіяхъ, отдавшихъ Испанію въ руки Аравитанъ. Не менѣе успѣха имѣли драмы: *Бланка Кастильская* (*Blanca de Castilla*), сочиненія *Фигуэроя*, *Филиппъ II — Фелипе II* — *Мальдадо* и *Донъ Карлосъ* (*Carlos II el hechizado*) — неизвѣстнаго автора. Всѣ онѣ играютъ на испанскихъ бѣдныхъ театрахъ, въ совершенствѣ и уже явились въ печати. — И прочія отрасли испанской литературы образуются не съ меньшей дѣятельностію. *Донъ Просперо Брофариль*, королевскій архиваріусъ въ Аррагоніи, издалъ: *Исторію Графовъ Барселонскихъ*, сочиненіе, отличающееся повымъ историческимъ взглядомъ и строгой, здравой критикой. *Донъ Андресъ Мурриель* недавно выпустилъ въ свѣтъ томъ лѣтописей: *О царствованіи Карла III, и управленіи его министровъ Арабъ и Хавридабланки*; и переводъ сочиненія Коксе, подъ названіемъ: *Достопамятности Королей изъ дома Бурбонозъ*, съ критическими и историческими поясненіями, для которыхъ онъ воспользовался совершенно новыми источниками. *Донъ Мартинель де ль Роза* кончилъ вторую

часть философическаго своего сочиненія; *El espíritu del siglo* (*Духъ времени*): и отпечаталъ новый романъ: *Isabel de Solis*. Кроме того вышло много сочиненій *Руица де ла Веге*, *Дона Иосифа Мариано Вальесе* и другихъ, относящихся къ естественнымъ и политическимъ наукамъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ книга: *Путешествіи и открытія испанскихъ мореходцевъ въ XV и XVI столѣтіяхъ*. Превосходное твореніе, достойное всеобщаго европейскаго перевода.

ДАНИЯ.

Между молодыми датскими писателями, которые пошли по слѣдамъ *Воггезена* и *Эленслегера*, съ особеннымъ уваженіемъ упоминается имя *Герца*. Сперва онъ скрывалъ свою фамилію, но его «*Письма покойника*», въ которыхъ остроумно разсматривается современное состояніе Дании, имѣли такой неожиданный успѣхъ, что вынудили молодого автора выйти изъ-за кулисъ анонима. Король осыпалъ его милостями и далъ средства, для его образованія объѣхать Германію, Францію и Италію. Возвратясь изъ путешествія, онъ издалъ рядъ маленькихъ комедій, прелестныхъ, по удивительному юмору и остроумію. Теперь дана въ *Копенгагенѣ* въ первый разъ драма его: *Домъ Свейда Дирига*. Сюжетъ ея почерпнутъ изъ древней сѣверной саги (*kjempviser*). Въ особенности отличаются въ ней пѣсни и хоры, послѣдніе на себѣ отпечатокъ чистаго, поэтическаго вдохновенія древне-скандинавскихъ бардовъ. Драма имѣла огромный успѣхъ. Въ Гамбургѣ, какъ мы слышали, скорѣ выдетъ переводъ ея на нѣмецкій языкъ. Ждемъ его съ нетерпѣніемъ и незамедлимъ подѣлиться впечатлѣніями съ читателями.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

Нью-Йоркъ. Если Сѣверные Американцы не помыслили на разныхъ системахъ политическаго экономіи, на вымыслахъ филантропіи и низкаго пренебреженія къ человечеству, такъ они вѣрно сойдутъ съ ума отъ шуруетовъ Фанни Эльслеръ. Послушайте, что пишетъ Нью-Йоркская газета *Morning-Herald*, о послѣднемъ представленіи нѣмецкой Терпсихоры: «Представленіе это было истинной оваціею. Восклики ура, волненіе, цвѣты и вѣнки—сбѣшивались въ хаосъ. Всего было вдоволь. Надо сознаться, иногда еще бенефициантка не была граціознѣе, легче, очарователнѣе! Талантъ ея по произволу облекается во всѣ формы, всѣ виды, во всякую національность. Милая шалунья въ *Травиньулъ*, мюнхенское божество въ *Ожиданной Розѣ*; пламенная полка — въ *Краковьль*, буйная Испанка — въ *Катюль*, она умѣла сдѣлаться *русскою*, и *русскою*, какой не было и не будетъ, — въ *Смоленской пляскѣ*» (Не мудрено, судя по пляскѣ.) «За то весь Нью-Йоркъ сомнѣлъ съ ума отъ этого дьяволенка-оборотни. Даже квакеръ, да, квакеръ явился къ директору, г. Сильвенію, и предложилъ ему пригоршню золота, если онъ ему только доставитъ отъ Фанни Эльслеръ... что бы вы думали? Старый, протертый башмачекъ.— Окруженная сжемпнуто русыми, рыжими, черноволосыми и красными обожателями, Фанни не дѣлаетъ шага, безъ величественной свиты. Вчера она посѣдила военный корабль *North-Carolina*, ее привѣтствовали сто выстрѣлами, для нея выкинули флагъ и самъ капитанъ Геллагеръ встрѣтилъ ее въ полной формѣ. Она лазила по веревочной лѣстницѣ, порхала по палубѣ, скакала чрезъ пушки — и въ память всѣхъ этихъ скачковъ, прыжковъ и порханій, фрегатъ намѣрены переименовать *милою Фанни*.» О Лафаетъ! Лафаетъ! еслибъ ты могъ пред-

видѣть до чего дойдетъ *новый светъ*, — ты вѣрно оставилъ бы его въ поковъ!

АФРИКА.

Если вѣрить рассказамъ новѣйшихъ путешественниковъ, которые посѣщали внутреннюю Африку, Негры въ тѣхъ странахъ имѣютъ свои національные театры и своего драматическаго поэта. Поэтъ сей, столь же плодовитый, какъ покойникъ Коцебу, пазывается *Юрика*. Песны его, по большей части, картины правовы. Лучшія изъ нихъ суть: *Сборъ камеди*; и *Зипиная охота*. Во всѣхъ его, чрезвычайно многосложныхъ дра-

махъ, есть необходимое, стереотипное лице: *бѣлый дьяволъ*. Вы догадываетесь, что этимъ именемъ Негры величаютъ насъ грѣшныхъ, европейцевъ. Бѣлый дьяволъ всегда представляется тощимъ, поджарымъ, дрожащимъ отъ холода, въ шитомъ кафтанѣ, съ палкою подъ мышкой и табатеркой въ рукѣ. Подражаніе чрезвычайно забавное. Негры въ восторгѣ, когда безнаказанно могутъ посмѣяться надъ бѣлыми, отъ которыхъ обыкновенно терпятъ, и которыхъ боятся, ницѣ всякаго дьявола. Такова ужъ природа человѣческая: весело даже въ карманѣ погрозить врагу кулакомъ или потыпнуть-ся надъ нимъ на чужую побранку.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald ist es Dies, bald ist es Das,
Bald ist es Nichts, bald ist es Was.

Gaïte.

АНЕКДОТЫ.

1.

ЛЮБОВНАЯ ЗАПИСКА.

Любовь—жизнь сердца: любовныя записки его біографія. Любовная записка дивный талисманъ: она сглаживаетъ морщины, навѣваетъ улыбку, извлекаетъ слезы;—иногда дарить счастьемъ, другой разъ тушить всѣ надежды жизни.

Вотъ вамъ исторія одной любовной записки, изъ которой можно составить романъ, если угодно; а лучше, я совѣтую вамъ, сдѣлать водевиль.

Одинъ нашъ пріятель, умный малой, разумѣется, только немножко съ придурью, какъ говорится, т. е. охотникъ подонкихотствовать, влюбился. Это бы ничего, но онъ влюбился со всѣмъ тропическимъ жаромъ населитреиннаго поэта и влюбился въ добавокъ въ прехорошенькую жеищинку. Онъ встрѣтился съ нею въ театральномъ ма-

скерадѣ: она была одѣта мышкой. Онъ, какъ котъ, увивался за нею, того и гляди, что

Распустить когти хищныхъ лапъ
И вдругъ бѣдвяжку цаль-царапъ!

Но этаго не было. Онъ только признался ей въ пламенной страсти и поклялся въ вѣчной любви, — какъ водится. Этотъ романъ длился, пока дирекція давала маскерады: наступилъ постъ—и конецъ масленицъ любви! Они должны были отложить свои свиданія до благопріятнѣйшаго случая, —до будущей осени.

Я вамъ ужъ кажется сказалъ, что пріятель нашъ поэтъ, теперь прибавлю, что онъ поэтъ модный, т. е. пишущій то, что нынѣ въ модѣ. Стало быть онъ писалъ романы. Одинъ изъ нихъ написанный въ головѣ, онъ продалъ книгопродавцу и взялъ деньги. Но книгопродавцы ужасный народъ,

имъ подавай товаръ на лицо, а обещаніями — доставить рукопись въ лунь ихъ не надуешь, не то, они начнутъ васъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ, отдадутъ подъ присмотръ полиціи и дворникъ не выпуститъ васъ ни на шагъ изъ дому. — Пріятель нашъ былъ довольно добросовѣстенъ, чтобъ не имѣть дядькою дворника и потому окутался въ халать, утонулъ въ кресло и пошелъ писать. При такой работѣ можно потерять разумъ, кто его имѣетъ, но нашъ пріятель имѣлъ развлеченіе. Каждое утро городская почта, вмѣстѣ съ сырими афишками, приносила ему розовый конвертикъ, напысканный духами. По духамъ вы можете догадаться въ какомъ духѣ были письма. — Однажды, когда онъ отвѣчалъ на одно изъ сладостнѣйшихъ писемъ, на письмо служившее вѣнцомъ похода, къ нему вдругъ входитъ докучливый издатель. Пріятель сунулъ свое письмо въ бумаги.

— «Ага! насилу-то я васъ поймалъ дома! Ну, что вы дѣлаете?»

— Кончаю, батюшка! кончаю! Еще нѣсколько строкъ и мой романъ конченъ!

— «Право? Да это чудо! Позвольте обнять себя. А у насъ ужъ восемь листовъ второй части отпечатано, — теперь остаются только послѣдніе. Да, вы какъ *нибудь*, только поскорѣй кончите. Я велю разогнать въ типографіи, да побольше пробѣловъ оставимъ, такъ и выдетъ еще листа четыре. Въ дѣлѣ публика не понимаетъ этого: ей лишь бы толстая книжка была.»

— Да я въ полчаса допишу конецъ.

«Такъ это лихо! Я подожду: мы вмѣстѣ завеземъ его къ цензору, а тамъ поѣдемъ обѣдать. А? Какъ вы думаете?»

— Дѣло! — Сказалъ пріятель и принялся скрипеть по бумагѣ. Черезъ полчаса онъ началъ одѣваться, а издатель между тѣмъ собралъ листы рукописи — и въ карманъ.

Въ три часа издатель и поэтъ откупоривали вторую бутылку Селлери мусё у Леграна. Потомъ они разстались. У каждаго лежало по свертку въ карманъ: у издателя легкой литературы, у поэта тяжелой — цѣлковыхъ. — Пріятель былъ веселъ и на-весель. На Англійской набережной народъ толпился у парохода. — Что такое? — Связать вещи пассажировъ, которые завтра плывутъ въ Гельсингфорсъ. — А есть еще мѣста? — На палубѣ. — Давай на палубѣ. — И на другой день поэтъ и романнстъ любовался берегами Эстляндіи и писалъ стихи къ морю:

Волнъ роскошныхъ одѣло!
Свода зеркальный туалетъ!
Дивный призракъ идеала
Зреть въ волнахъ твоихъ поэтъ!

Стихи были нѣсколько темны и дики: море ихъ не поняло и поглатило вмѣстѣ съ кускомъ капчей колбасы и обѣдками сыра, которыя завернулъ въ нихъ печально сигарочный мастеръ, — въ то время, какъ поэтъ любовался Голландскимъ малкомъ.

Черезъ два мѣсяца поэтъ возвратился. Онъ въ морѣ простудилъ свою любовь и на Ульрикабергскихъ водахъ забылъ и романъ, и

своего издателя. Прѣзжаетъ; смотритъ: — романъ важно лежитъ на прилавкѣ купца. Развертываетъ: страница 37. Что это? Между двумя небольшими главами, изъ которыхъ одна оканчивалась словами: *Бездонникъ сжегъ письмо, не дочитавъ его....* а другая начиналась фразой: *Онъ разсыпался, но поздно;* вставлена была третья глава, она состояла изъ страстной, любовной записки и подписана... о, ужась! его собственнымъ именемъ. — Поэтъ былъ жертвою своей разсѣянности, своей интриги.... Но, что всего-то хуже, письмо было адресовано къ женѣ самаго издателя. Проклятый романъ имѣлъ огромный успѣхъ, съ любовной записки снято 2400 оттисковъ, полныхъ два завода! И ни одинъ не пошелъ въ мѣшки, сиречь въ иглиныя уши литературы — къ хоботкамъ. Съ тѣхъ поръ издатель былъ лютѣе ласковъ и любезенъ съ поэтомъ; что же касается до жены его: — она прочла романъ съ удовольствіемъ.

2.

ЭПИТАФІЯ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Какъ-то намъ случилось разъ, въ одномъ небольшомъ городкѣ, не припомнимъ право въ какомъ, гулять по кладбищу. Въ это время чувствительный скорнякъ ставилъ памятникъ своей дражайшей половинѣ, скончавшейся во цвѣтъ лѣтъ, на сорокъ шестомъ году, отъ излишняго употребленія грибовъ — и одушевленныхъ жидкостей. Она была примѣръ добродѣтели: любила мужа и шубы,

всчесывала и выкалывала ихъ — съ удивительнымъ постоянствомъ. На камнѣ были начертаны золотыя строки. Любопытство заставило насъ прочесть ихъ, тѣмъ болѣе, что неутышный скорнякъ объявилъ, что онъ самъ, съ горя, сочинилъ эти стихи. Передаемъ эпитафію буквально.

*Мой женъ, Акулинь Игнатѣевъ,
въ знакъ дружбы и любви.*

*Ей, добродѣтельной женъ,
Теперь зрять камень межъ гробамъ!
Покойно сердце днесъ во мнѣ,
А какъ томилася грибами,
Мнѣ смерти жизньъ была тошпай!
И вотъ какъ въ жизни все проходитъ!
Того гледи насъ смерть уходитъ;
Покойный въ гробъ ей, — ей-ей!*

Эпитафія сама по себѣ не слышкомъ важная, но главная ея поэзія заключается въ начальныхъ словахъ стиховъ. Прочтите ихъ сверху внизъ — и вы сами увидите. — Дивная философія!

3.

КАНОНЫ МОЦАРТА.

Въ Лейпцигѣ Моцартъ жилъ въ домѣ извѣстнаго пѣвчаго Далеса. Они были друзья и въ его семействѣ Моцартъ жилъ, какъ у себя дома. Моцартъ предпринялъ путешествіе въ Дрезденъ. Наканунъ отъѣзда его, Далесъ устроилъ маленькую пирушку и пригласилъ общихъ друзей. Моцартъ былъ особенно веселъ въ тотъ вечеръ, тѣмъ печальнѣе были его друзья, когда часъ разлуки приблизился. «Напиши же памъ, что нибудь на память! Богъ знаетъ, когда мы увидимся,» сказалъ Далесъ «Извольте! отвѣчалъ Моцартъ, кото-

рый, проводя жизнь въ непре-
рывныхъ переездахъ, сталъ совер-
шенно равнодушень къ разстава-
нiямъ. Онъ схватилъ листокъ нот-
ной бумаги, рязорвалъ его попо-
ламъ; на одномъ клочкѣ написалъ
канонъ на три голоса, бѣлыми но-
тами, въ самомъ печальномъ тонѣ,
на другомъ такой же канонъ,
только въ шесть-восьмыхъ, и съ
самымъ забавнымъ мотивомъ. Чрезъ
пять минутъ все было готово. Пер-
вый клочекъ онъ отдалъ Далесу
отцу, второй Далесу—сыну. «Пой-
те вмѣстѣ!» сказалъ Моцартъ: «это
канонъ на шесть голосовъ.» — Да
гдѣ же слова?—спросилъ Далесъ.
Моцартъ схватилъ первый листокъ
и подписалъ: «Увидимся скоро!
Прощайте друзья!» На другомъ онъ
написалъ: «*Полю вамъ хныкать,
какъ старылъ бабы!*» Оба канона
запѣли вмѣстѣ и невозможно пе-
ресказать, какой смѣшной и вмѣ-
стѣ глубокой эффектъ они про-
изводили на сердце. Всѣ были
тронуты, и даже самъ Моцартъ
едва могъ проговорить сквозь
слезы: «Прощайте!» — и бросился
въ почтовую карету. Сынъ Дале-
са до сихъ поръ хранитъ этотъ
канонъ, какъ священный памят-
никъ, въ своемъ семействѣ.

4.

ЛИСТЬ И ВЕЛИКІЙ ГЕРЦОГЪ
ТОСКАНСКІЙ.

Когда Листъ, нынѣ первый
пьянистъ въ мірѣ, былъ во Фло-
ренціи, онъ получалъ приглаше-
ніе ко двору Великаго-Герцога.
Герцогиня желала слышать пгру
его. Онъ тотчасъ же съѣлъ къ роя-

лю, забылся и началъ разыгры-
вать самыя блистательныя фанта-
зіи.

Между множествомъ бѣдныхъ
фамилій, живущихъ во Флоренціи
на счетъ Герцога, былъ одинъ
старикъ, венгерскій дворянинъ,
разоренный войною. Въ этотъ са-
мый день онъ подалъ Герцогинѣ
просьбу о вспоможеніи его бѣдно-
му семейству.

Когда Листъ кончилъ играть,
Великій Герцогъ спросилъ у своей
супруги: откуда онъ родомъ? —
«Онъ венгерець,» отвѣчала она.—
Прекрасно! сказалъ Герцогъ, такъ
я знаю, чѣмъ отблагодарить его!

На другой день бѣдный венгер-
скій дворянинъ получилъ ежегод-
ный пенсіонъ, дочери его были
приняты въ казенное заведеніе. На
бумагѣ, присланной ему, было на-
писано: *по протекціи таланта од-
наго изъ благороднѣйшихъ вашихъ
соотечественниковъ, — Листа.*

Можно себѣ представить, какъ
былъ удивленъ артистъ, когда къ
нему въ комнату нагрянуло цѣлое
семейство, плача и прыгая отъ
радости, цѣлуя его руки и благо-
словляя за благодѣяніе, имъ ока-
занное.

«Ни одинъ изъ европейскихъ
властителей, не награждалъ моего
таланта такъ щедро, какъ Гер-
цогъ Тосканскій!» — воскликнулъ
Листъ и бросился во дворець из-
лить свое сердце.

5.

УТѢШИТЕЛЬНОЕ УСПОКОЕНІЕ.

Первоначальный театръ Лиценъ,
въ Лондонѣ, былъ окруженъ ста-

рыми зданіями, которыхъ стѣны иногда разваливались во время представленія и обыкновенно пугали зрителей. Однажды, во время бенефиса одного изъ любимцевъ публики, вдругъ раздался ужасный трескъ и громъ; весь театръ задрожалъ и зрители въ испугъ вскочили съ мѣсть своихъ. Режиссеръ вышелъ на сцену, и просилъ почтеннѣйшую публику успокоиться, говоря, что это ничего не значитъ, что одна только стѣна пошатнулась.... Крикъ въ театрѣ не далъ ему договорить. Пстой, сказалъ режиссеру театральнй архитекторъ; я успокою публику. Онъ выступилъ впередъ, раскланялся во всѣ стороны и сказалъ: «Господа! Я строитель и смотритель этого театра: могу васъ увѣрить честью, что тутъ нѣтъ никакого *основанія*....» — Ахъ! Боже мой! страхъ какой! спасайтесь! бѣгите! раздалось въ залъ и всѣ кинулись зонъ изъ театра. Замысловатый архитекторъ хотѣлъ сказать: *нѣтъ никакого основанія опасаться какого нибудь несчастія*.

6.

СКРЫПАЧЪ ЭССЕКЪ.

Извѣстный скрипачъ, кавалеръ Эссекъ, давалъ разъ концертъ въ Лондонѣ и при окончаніи перваго *аллегро* — былъ освистанъ. Онъ спокойно выждалъ, пока шумъ кончился, потомъ подалъ аккордъ къ *адажіо* и, пока оркестръ игралъ ритурнель, онъ положилъ смычекъ, взялъ скрипку подъ мышку, и, выступя впередъ, началъ сви-

стать свое соло, сопровождая его на скрипкѣ *личикато*. Это всѣхъ поразило, стали смѣяться, въ паузы хлопали, а по окончаніи, раздалось громогласное *браво!* Virtuozъ раскланялся почтительно, и положила руку на сердце, сказалъ: «Я охотно подчинюсь вкусу почтеннѣйшей публики и здѣшнихъ знатоковъ; жалѣю только, что прежде не узналъ, что въ Лондонѣ предпочитаютъ свистъ, игрѣ на скрипкѣ.»

7.

БѢДА ОТЪ ПРОИСИ.

На театральномъ языкѣ *прописью* называется то, что авторъ въ піесѣ пишетъ въ скобкахъ, т. е. наставленіе, что актеру дѣлать на сценѣ. Недавно въ Брюссель давали водевилъ, въ которомъ *господинъ* даетъ пощечину *слугѣ*. На сценѣ пощечины даются очень безобидно: одинъ замахнется, другой подставитъ проворно ладонь, ударъ раздастся, а честь нетронута. На этотъ разъ пощечина не удалась и прищлась такъ ловко, что у слуги Франциска, кровь бросилась въ голову и пошла носомъ. Въ первомъ пылу, забывъ роль, онъ схватилъ палку и кинулся на господина, господинъ защищался стуломъ и публика помирала со смѣху, полагая, что такъ должно быть по піесѣ. Наконецъ побояще дошло до того, что господинъ столкнулъ слугу въ оркестръ, тотъ сбилъ съ ногъ нѣсколько музыкантовъ и разшибъ копѣтбасъ. Полиція вмѣшалась въ піесу и занавѣсъ опустили. На другой день

героевъ потребовали къ Бургомистру, чтобъ наказать за нарушеніе общественнаго порядка. «Помилуйте, за что?» кричали оба. Взгляните въ пропись, тамъ такъ сказано: мы играли, какъ слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ бургомистръ прочелъ въ піесѣ: «Г. Пьетръ бьетъ кулакомъ по носу Франциска;

Францискъ возражаетъ палкою, Пьеръ защищается стуломъ, до тѣхъ поръ, пока сталкиваетъ противника въ оркестръ, такъ, чтобъ онъ опрокинулъ полдюжину музыкантовъ, продавилъ барабанъ и разбилъ контрбасъ.» Мудрый судья присудилъ къ штрафу—автора.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Въ музыкальной лавкѣ Майера, въ Тюбингенѣ, вышла въ свѣтъ партитура большой оперы, сочиненія Александра Фески, подъ названіемъ: *Французы въ Испаніи*.

Лѣве (левъ), а одинъ изъ послѣднихъ въ Карлсруэ—*Мюке* (комарь). Сведите ихъ вмѣстѣ и получите басню *левъ и комаръ* въ лицахъ. Театральный кассиръ въ Касселѣ называется *Гёфликъ* (вѣжливый). Хорошо, еслибъ они вездѣ такъ назывались!

Молодой человекъ признался своему опеуну, что онъ страстно любить карточную игру и не можетъ отстать отъ банка. «Дурно!» отвѣчалъ опеунъ; «подумайте только, какъ много времени пропадаетъ въ этой игрѣ!» — Это правда, возразилъ игрокъ, особливо при тасовкѣ картъ.

Въ *Мадритѣ* ставятъ большую оперу двухъ талантливыхъ компонистовъ, *Базиліи* и *Каршчиро*. Объ ней говорятъ много хорошаго.

Странное бываетъ сближеніе фамилій и мѣстъ. Въ Пестѣ на театрѣ есть пѣвецъ — по имени *Дискантъ*; въ Лейпцигѣ — одинъ хористъ называется *Гейзеръ* (хриплый), другой *Шрейеръ* (крикунъ). Въ нѣмецкой оперѣ, въ Лондонѣ, регента хора зовутъ *Нахгаль* (эхо), а флейтиста *Цертликъ* (нѣжный). Бутафоръ въ Дармштатѣ называется *Унгешиктъ* (неловкій); одинъ изъ первыхъ трагиковъ въ Вѣнѣ—

Въ *Шверинѣ* на дняхъ будетъ такъ-же представлена большая опера: *Оботриты*. Слова написаны *Карломъ Деномъ*, музыка капельмейстера *Ланне*.

Съ царемъ *вальсовъ*, съ знаменитымъ *Страусомъ*, вступила въ состязаніе царица *вальсовъ*, мадамъ *Штаръ*. Она сама сочиняетъ танцы, прекрасно играетъ на скрипкѣ, дирижруетъ оркестромъ, иногда пускается вальсировать и не только восхищаетъ, но рѣшитель-

но электризуетъ и кружить головы публикъ, въ Регенсбургъ. Не душно было бы, еслибъ Страусъ и г-жа Штаръ соединили свои скрипки — брачными узами. То-то бы пошли вальсы!

Первыя любовницы парижскихъ театровъ, кажется, владычють великой драгоценностию, именно: рецептомъ — *вѣчной молодости*. Дѣвица *Марсъ* праздновала 10-го февраля, 66-й день своего рожденія: она играетъ невинныхъ дѣвочекъ въ 16-ть лѣтъ! Г-жа *Дорваль* теперь 48 лѣтъ; дѣвицъ *Анаи*, царицъ наивныхъ крестьяночекъ, 42 года; дѣв. *Дюпонъ*, вѣтренной, разбитной субреткы, 50 лѣтъ; а дѣв. *Беранже* — играетъ пансіонерокъ съ завитыми кудрями, — въ 36 лѣтъ. Видно крылья времени не касаются до сцены: еслибъ я былъ женщиной, пошелъ бы непременно въ актрисы!

Нѣмецкій ученый Рейманъ написалъ книгу: *Historia literaria antediluviana, исторія литературы до потопа*; не того потопа, который произвели въ литературу дурныя творенія, въ наши времена; но того, который произошелъ за дурныя творенія — древнихъ. — Книга любопытная.

Рекомендуемъ артистамъ необходимое изданіе, недавно вышедшее въ Дюссельдорфъ: *Sammlung der interessantesten Gegenstände des Kostüm's aller Zeiten und Völker der christlichen Zeitrechnung. Собраніе любопытнѣйшихъ принад-*

лежностей костюма всѣхъ временъ и народовъ христіанскаго лѣтосчисленія. Шесть тетрадей. Изданы обществомъ археологовъ и художниковъ.

Письмо изъ Веймара уведомляетъ, что въ бумагахъ Гёте найдены: рукопись большой эпической поэмы «*Карлъ великій*,» двѣ оконченныя драмы и нѣсколько мелкихъ сочиненій. Это великое пріобрѣтеніе для литературы и театра!

Бульверъ окончилъ новый романъ, подъ названіемъ: *Годольфинъ*; а *Марриэтъ* — печатаетъ: *Бѣднаго Иакова*.

Братья Шепменъ, въ Лондонѣ, изобрѣли искусство рисованія на цинковыхъ доскахъ, которое можетъ совершенно погубить литографію. Рисовальщику мнѣе труда, чѣмъ рисовать на камнѣ, доски обходятся втрое дешевле камня и выдерживаютъ вдесятеро болѣе оттисковъ.

Профессоръ Бреславскаго университета, *Генпертъ*, и директоръ архитектурской школы, *Гебауеръ*, приспособили Дагерова изобрѣтеніе къ микроскопу, освѣщенному по Груммоновой методѣ, и послѣ многихъ опытовъ, открыли способъ получать изображенія микроскопическихъ предметовъ, посредствомъ *свѣтописи*. Образцы представлены ими въ засѣданіе Силезскаго общества естествоиспытателей.

телей и заслужили всеобщее одоб- реніе.

*

Единственный арестантъ, находящійся въ Нантукетской темницѣ, недавно объявилъ Шерифу, что если тюрьму не приведутъ въ лучший порядокъ, онъ не можетъ въ сѣней оставаться. У двери, говоритъ онъ, совсемъ испорченъ замокъ, какимъ же образомъ прикажите мнѣ запереть ее за собою?

*

Вальсъ, известный подъ названіемъ: *desir d'amour, der Sehnsuchts-Walzer*, и приписываемый Бетгове- ну,—написанъ не имъ, а Шубер- томъ, который въ то время не имѣлъ еще извѣстности. Чтобы пу- стить его сочиненія въ ходъ, про- мышленникъ-издатель выставилъ на оберткѣ имя покойнаго Бетго- вена. Другіе мстятъ теперь за это Шуберту. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, множество сочинителей пѣ- сень и романсовъ, издають въ свѣтъ свои издѣлія, подъ его фир- мою. *Послѣдняя мысль Вебера* (*la- derniere pensée*), такъ же никогда не приходила въ голову великаго му- зыканта. Этотъ прелестный вальсъ сочиненъ Рейспгеромъ, въ то самое время, какъ смерть Вебера возбу- ждала всеобщее сожалѣніе.—Мно- го несправедливостей закралось въ музыкальный міръ, и еслибъ мы вздумали потормозить сочиненія нашихъ композиторовъ, изъ нихъ посыпались бы ноты и такты то изъ фугъ Себастьяна Баха, то изъ квартетовъ Моцарта, то изъ ста- рыхъ оперъ.

Мы танцуемъ на балахъ *фран- цузскую кадрили* и въ душѣ убѣж-

дены, что обязаны этой милой выдумкой французамъ. А между тѣмъ ничего не бывало! Танецъ долженъ называться *контрадан- сомъ*: онъ выдуманъ англичанами, и занесенъ во Францію только въ 1710 году. Въ Англии онъ назы- вается *country dance* т. е. *сель- ской таецъ*; а Французы напрасно производятъ его названіе отъ сло- ва: *l'un contre l'autre, другъ противъ дружки*.

*

А. Н. Демидовъ, видя прекрас- ные труды Тюрингенскаго живо- писца Густава Нерлиха, вызвалъ его въ Мюнхенъ, для окончанія большой картины: *страшный судъ*, которую онъ купилъ. Прошед- шимъ лѣтомъ Нерлихъ потерялъ жену, послѣ которой у него оста- лось пятеро дѣтей. Въ послед- нихъ числахъ марта, Нерлихъ самъ скончался, на 34 году, отъ нер- вической горячки. Сиротки его остались безъ помощи и почти безъ куска хлѣба. Едва узнавъ объ этомъ А. Н. Демидовъ, онъ тот- часъ же послалъ къ сестрѣ покой- наго значительную сумму денегъ и принялъ на себя попеченіе объ воспитаніи и содержаніи малютокъ. Меньшой изъ нихъ только мицуль годъ. Благородная черта нашего со- отечественника такъ прекрасна, что мы не можемъ умолчать объ ней. Честь и слава русскому барину, ко- торый употребляетъ свой избытокъ на поощреніе художествъ и ко бла- гу человечества!

*

Всѣмъ вѣроятно любопытно у- знать, откуда взялась сказка о

Донъ-Жуанъ, котораго употреб-
ляли героемъ столь многихъ драмъ?
Первый облекъ его въ драматичес-
кую форму, испанскій поэтъ Тирсоде
Молина. За нимъ Мольеръ написалъ
свою *Каменную пирушку*, которая
послужила основаніемъ всямъ о-
стальнымъ драмамъ, того-же наз-
ванія, и великой оперы Моцарта.
Донъ-Жіовани лице историческое.
Настоящая его фамилія была *Те-
норіо*. Севилла была главнымъ мѣ-
стомъ его походовъ. Явленіе къ
нему каменнаго гостя, осталось пре-
даніемъ въ испанскомъ народѣ. Тир-
со де Молина, можетъ быть плодо-
вѣтвѣннѣйшій изъ всѣхъ драматиче-
скихъ писателей, воспользовался
этимъ преданіемъ для своей дра-
мы. Имя автора совершенно почти
забыто въ Испаніи, а изъ 300 теат-
ральныхъ пьесъ, имъ написанныхъ,
осталось на лицо только 80; осталь-
ныя утрачены. Де Молина былъ
монахъ, въ половинѣ XVII вѣка.
Онъ умеръ въ 1648 году, настоя-
телемъ какого-то монастыря. На-
стоящее его имя *Гавриэль Тел-
лецъ*.

*

Въ Лейпцигскомъ музыкальномъ
обществѣ не давно давали новую
ораторію Гиллера: «*Разрушеніе
Іерусалима*». Это превосходное тво-
реніе, которое должно занять одно
изъ первыхъ мѣстъ между произ-
веденіями современной музыки, при-
вело въ восторгъ всѣхъ диллетан-
товъ и знатоковъ. Наше филармо-
ническое общество вѣроятно и намъ
доставитъ случай его услышать!

*

Болѣе 10,000 путешественни-
ковъ посѣщаютъ ежегодно заго-
родный домъ Вольтера, Ферней, и
мѣсто зрителя этого дома есть
одно изъ доходившихъ. Одинъ
изъ пріятелей теперешняго зри-
теля сдѣлалъ слѣдующее вычи-
сленіе ежегодныхъ его доходовъ:
8000 бюстовъ Вольтера, изъ фер-
нейской глины, по 3 фран-
ка за штуку. 24000
1200 экземпляровъ собственноруч-
ныхъ писемъ Вольтера; по
20 фр. 24000
500 палокъ Вольтера, по 50 ф. 25000
500 дѣйствительныхъ париковъ
Вольтера, по 100 ф. за па-
рикъ 30000
10000 перьевъ, которыми писала
Гесиріада, по 1 ф. за штуку. . 10000

Итого 123000 фр.

Да этаго иной министръ финан-
совъ не имѣетъ!

Какъ извѣстно, въ предшество-
вавшія столѣтія, въ городахъ и се-
лахъ, публично представлялись ре-
лигіозныя мистеріи, которыхъ со-
держаніе заимствовалося изъ Свя-
щеннаго писанія. Нынѣ мистеріи
совершенно исчезли; тѣмъ удиви-
тельныя встрѣтить мѣсто, гдѣ онѣ
еще существуютъ. Въ Баваріи есть
небольшая деревушка Оберамме-
рау, которая до сихъ поръ еще
славится превосходнымъ представ-
леніемъ духовныхъ драмъ и мис-
терій. Онѣ даются тамъ на цер-
ковномъ монастырѣ, въ торжест-
венные праздники. Только самые
нравственные изъ крестьянъ, до-
пускаются къ этимъ представле-
ніямъ. И такъ, вотъ еще остатокъ
искусства среднихъ вѣковъ, сохра-

нившійся, по наследству, въ темномъ уголкѣ Европы!

*

Воръ, котораго въ Англии недавно вели на висѣлицу, просилъ, чтобъ ему пустили кровь. «Для чего это?»—спросили его?—«Я еще никогда не отворялъ крови, отвѣчалъ онъ, но часто слышалъ, что первое кровопусканіе спасаетъ отъ смерти!»

*

Въ Голландіи рассказываютъ слѣдующій забавный анекдотъ:

Богатый ростовщикъ, извѣстный по своей скупости, слушалъ разъ знаменитаго проповѣдника, который говорилъ о *благодѣтельности*. «Какъ вамъ понравилась проповѣдь?»—спросили его, по выходѣ изъ храма. — Превосходно! отвѣчалъ скупой. Проповѣдникъ говорилъ такъ убѣдительно, что поселилъ во мнѣ непреодолимое желаніе просить милостыни.

*

Носятся слухи, что Ванъ-Амбургъ, укротитель дикихъ звѣрей, прибылъ къ намъ, въ Петербургъ, и намѣренъ давать представленія. Гдѣ и когда?—Неизвѣстно.

*

Въ 5 N^o Пантеона, при повѣсти: *Великій гений изъ низкаго сословія*, мы дали политипажъ, сдѣланный молодымъ русскимъ художникомъ, который самоучкою сталъ рѣзать на деревѣ и работаетъ превосходно. Къ сожалѣнію, его политипажъ былъ у насъ очень дурно отпечатавъ, повѣ этомъ вина не художника, а печатника. Желающіе украсить изданія политипажными ри-

сунками, могутъ смѣло адресоваться къ Отто Петровичу Нетельгорсту, живущему на углу глухаго Спасскаго переулка и Госпитальной улицы, въ домъ Кунагеньихъ, подъ N° 12. Они найдутъ въ немъ художника искуснаго, добросовѣтнаго и душой преданнаго своему дѣлу.

*

На театрахъ нашихъ, въ последнее время, явилась бездна новостей! Лучшая, замѣчательнѣйшая, утѣшительнѣйшая изъ нихъ—явленіе въ драмѣ М. Д. Дюръ. По первому дебюту мы ее судить не будемъ, а подождемъ дальнѣйшихъ ея явленій на сцену.—За то сколько драмъ, водевилей! Изъ всѣхъ этихъ произведеній лучшее: *Гризельда*;—мы выдаемъ ее натурою нашимъ читателямъ. Говорить ли о прочихъ дивностяхъ?... Ихъ такъ много: *Солдатское сердце*, *Драгунская кровь*, *Недотрога*.... *Сердце* обливается кровью, какъ только вспомнимъ обо всемъ этомъ! Нѣтъ лучше не дотрогиваться до нихъ—до поры, до времени, и отпустить обо всѣхъ отчетъ—гуртомъ.—*Пожилая двушка*—П. С. Федорова—стоитъ молодой: она очень мила!

*

Періодическое музыкальное изданіе г. Гейде: «*Другъ веселья*» есть безцѣнный другъ для охотниковъ до хорошей, нетрудной и граціозной музыки. Онъ является къ вамъ каждыя двѣ недѣли и приноситъ за насъ самыхъ пріятныхъ піесъ, которыя кладетъ на фортепьяно въ роскошной оберткѣ. Ужь теперь онъ доставилъ намъ шесть полноцѣсныхъ тетрадей, со-

державшихъ въ себѣ шесть пѣсѣвокальной музыки и семь для фортепьяно. И какія пѣсы! Тутъ все, что мы любимъ, все, чѣмъ дышимъ и нѣжимъ слухъ въ гостиныхъ, въ городѣ и за городомъ! Все что поетъ Мери, Александрина и Софи, что играютъ Олинъка, Надинъка и Эме! Тутъ есть романсы Глипки, Рупини, Арнольда, п куплеты Мора и Боплана, и аріи *Донизетти* и *Марлакки*, и фантазін *Обера*, и вальсы *Страуса* и *Карла Мейера*, и мазурки и французскія кадрили, тѣ самыя, которыя такъ ласкали нашъ слухъ прошлой зимою, заронили намъ въ душу столько скадкпхъ воспомнаній, зажгли такъ много думъ и.... Но за чѣмъ тревожить сердце напрасно! Примите *Друга веселья* и онъ васъ утѣшитъ и опять очаруетъ. И знаете ли, какой это *безцѣпный* другъ? Онъ стоитъ только пять рублей серебромъ! Друзья нынче страхъ подешевѣли! И за это онъ явится къ вамъ 24 раза въ годъ, не обѣдать, не ужинать, не занимать денегъ... Боже упаси! Нѣтъ онъ каждый разъ принесетъ свѣжій, прекрасный гостинецъ, душистый букетъ изъ новѣйшей музыки. Мы подглядѣли его запасъ: тамъ есть п мазурки *Шопена*, и романсы *Маурера*, и аріи *Гризара*, и мелодіи *Струйскаго*, и баркаролы *Арнольда*, и элегін *Гунже*.... но нѣтъ, бѣда! Этакъ я, пожалуй, выболтаю вамъ тайны моего любезнаго *Друга веселья*. Лучше спросите его сами—въ домъ *Энгельгардта*, у *Казанскаго моста*, въ музыкальной лавкѣ *Гейде*.

Поздравляемъ нашихъ любителей музыки! Скоро они вѣроятно услышатъ на нашей сценѣ новую русскую оперу: *Параши Сибирячка*, русскаго компониста *Д. Ю. Струйскаго*. Объ ней говорятъ много хорошаго. Либретто пересочинено изъ мелодрамы г. *Полеваго*, самимъ компонистомъ. Партію *Параши*—будетъ пѣть г-жа *Петрова*,—и ужъ, разумѣется, прекрасно.

*

Пантеонъ получилъ образцы портретовъ, гравированныхъ на стали, которые онъ заказывалъ въ Парижѣ. Гравировка, оттиски п бумага превосходны. Въ послѣдніе мѣсяцы нынѣшняго года, *Пантеонъ* надѣется раздать ихъ своимъ подписчикамъ. Чьи же это портреты? Спросите вы.—Позвольте умолчать объ этомъ: мы берегаемъ для васъ пріятный сюрпризъ. Скажемъ только, что ужъ это, разумѣется, не портреты какихъ нибудь хорошецкихъ актрисъ, которыхъ слава не простирается далѣе своего околodka, п которыхъ красота вянетъ еще быстрѣе таланта; не актеровъ современныхъ, прекрасныхъ въ томъ или другомъ родѣ; нѣтъ! это портреты такихъ *артистовъ*, которые не старѣются; такихъ *красотъ*, которыя никогда не увядаютъ ни въ памяти, ни въ сердцѣ—человѣка мыслящаго и чувствующаго. При нихъ будутъ приличныя біографіи.

*

Литературная Газета, перепечатавъ наше возраженіе противъ обвиненій *Фаддея Булгарина*, въ которыхъ онъ требуетъ перевода иностранныхъ собственныхъ именъ на

русскій ладъ, прибавила къ нашимъ замѣчаніямъ еще одинъ весьма остроумный вопросъ: «Для чего же, говоритъ она, годъ тому назадъ, въ *Съвер. Пчель* перевели заглавіе французскаго водевиля: *Thadée le pendu*—Гадей—а не *Фаддей*—повѣшенный?»—Для чего???

*

Въ нашей литературѣ случился курьозъ, еще никогда и нигдѣ небывалый!—Н. В. Кукольникъ, который, безспорно, одинъ изъ лучшихъ нашихъ драматическихъ писателей и поэтовъ, окончилъ новую драму: *Князь Холмскіе*.— Тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго!— Позвольте: онъ создалъ тѣсный, дружескій кружокъ литераторовъ и артистовъ.... И тутъ нѣтъ дива!—Имъ прочелъ онъ свою драму... И это дѣло обыкновенное. — Ахъ, какое петербургіе! Постоите: это только призракъ, сказка будетъ впереди!—Въ этотъ тѣсный, дружескій кружокъ не былъ приглашенъ О. В. Булгаринъ.—Ну, чтожь тутъ удивительнаго? — Какъ что! Это важный промахъ! Это *l'erreur magisté littéraire*! Вотъ увидите. — Драма очень хороша, есть мѣста эффектные, исполненные ума и чувства; есть характеры превосходно обрисованные и выдержанные до конца. Чтеніе произвело на всѣхъ присутствующихъ пріятное впечатлѣніе. Но это еще не значитъ, что оно должно было произвѣсть такое же впечатлѣніе и на отсутствующихъ. И вотъ, прежде, чѣмъ драма «*Холмскіе*» обнародована на русской сценѣ, прежде, чѣмъ она явилась въ печати, мы прочли о ней въ *Съверной Пчель*

статью О. В. Булгарина, въ которой онъ дѣлаетъ ей разборъ и говоритъ, что она никуда не годится, что характеры не выдержаны, особливо *Среды*, (дядьки и мнимого шутихи Холмскаго, который именно есть лучший въ цѣлой драмѣ); что все вяло и натянуто и проч. Вотъ новый родъ рецензій! Неужли это не куріозъ! Неужли вы не удивляетесь хитрой изобрѣтательности ума г. Булгарина?—Ага! выоткрыли ротъ и вытаращили глаза. Вотъ то-то же! Ну, прищипите же мнѣ за то для этого новаго изобрѣтенія г. Булгарина—приличное, свойственное ему названіе... я никакъ не могъ обозначить его однимъ выраженіемъ, какъ ни ломалъ головы, какъ ни перебиралъ словами,—все не то, все слабо! Можетъ вамъ посчастливиться!

Э. И. Губеръ пишетъ трагедію: *Мартынь Лютеръ*; и пользуется для нея всѣми хитростями и матеріалами того времени. Содержаніе ея интересно и въ историческомъ и въ драматическомъ отношеніяхъ.

П. Г. Ободовскій кончилъ трагедію: *Князь Шуйскіе*. Прекрасный, звучный стихъ, живыя сцены, рѣзко обрисованные характеры, и благородное патріотическое чувство—вотъ чѣмъ отличается это новое произведеніе нашего даровитаго драматическаго писателя.— Оно войдетъ въ составъ *Пантеона*.

Г. О. Квитка написалъ продолженіе своего типическаго, малороссійскаго волостнаго писаря «*Шельменко*»,— подъ названіемъ: *Шельменко, оставшой деньщикъ*. Тутъ дѣйствіе уже происходитъ въ ве-

ликой Россіи и Шельменко, бывшій долго между Русскими,—обрусѣлъ. Неподдѣльный юморъ и забавное сцѣвленіе обстоятельствъ придаютъ піесѣ много комизма. Изъ эту піесу мы надѣемся представить читателямъ Пантеона.

Θ. А. Кошн готовитъ, кажется, новую піесу съ куплетами, подъ названіемъ: *Петербургскія квартиры*, комедія въ пяти квартирахъ.

М. И. Воскресенской, написавшій повый романъ: *Мечтатель*, трудится теперь надъ оперой, изъ *Ундины Ламота-Фуке*, такъ прекрасно переведенной В. А. Жуковскимъ, для которой музыку будетъ писать К. К. Арнольдъ, авторъ *Свѣтланы*.

Г. Леоновъ прислалъ въ Пантеонъ свой подстрочный переводъ *Коріолани* — Шекспира. Трагедія эта будетъ дана въ ближайшій бенефисъ В. А. Каратыгина.

И. С. Оедоровъ, по порученію дирекціи Импер. С. Петербургскихъ театровъ, перевелъ прекрасную комедію Скриба: *Клевета*. Скоро мы

надѣемся увидѣть ее на нашей сценѣ, и въ страницахъ *Пантеона*.

Г. Масальскій обѣщалъ намъ свой переводъ съ испанскаго одной изъ лучшихъ піесъ *Кальдерона*.

*

Надняхъ только прочли мы въ лондонскихъ журпалахъ извѣстіе о дебютѣ пѣвца нашего Германа Брейтинга. Онъ вышелъ въ первый разъ въ *Титовомъ милосердіи* — Моцарта. Фигура его произвела весьма невыгодное впечатлѣніе на англійскую публику, за то его голосъ и пѣніе привели всѣхъ въ восторгъ. Дебютантъ былъ осыпанъ рукоплесканіями и нѣсколько разъ вызванъ, что въ Лондонѣ большая рѣдкость. Такой чести удостоиваются только *Тальони* и *Лаблашъ*. Много помогала его успѣху г-жа Стекель = Гейнефеттеръ, одна изъ первыхъ Германскихъ пѣвицъ, занимавшая роль *Секета*. И такъ наше предсказаніе сбылось: *Такой пѣвецъ, какъ Брейтингъ у всякой образованной публики будетъ имѣть успѣхъ!*

ИЗРЪЧЕНІЯ,

ОСТРЫЯ СЛОВА И КАЛАМБУРЫ.

Одинъ арабскій поэтъ пишетъ: Если пророкъ признаетъ человека глухимъ, онъ отдаетъ его во власть женщинъ.

— Мужчины сохраняютъ чужія тайны лучше своихъ; женщины

напротивъ берегутъ свои тайны лучше чужихъ.

— Многія женщины похожи на загадки: онъ терпѣно цѣну, когда ихъ разгадаешь.

— Терпѣніе такая паука, кото-

рая не дается женщинамъ, за то онъ другихъ въ ней славно обучаютъ.

*

Конфуцій высчитываетъ слѣдующія семь блаженствъ:

— Блаженъ человекъ, который ничего не знаетъ, онъ не рискуетъ быть не понятымъ.

— Блаженъ человекъ, который никому не врѣтъ, его не обманутъ.

— Блаженъ человекъ, у котораго ничего нѣтъ, его не обкрадутъ.

— Блаженъ человекъ, который ничего не даритъ: онъ не встрѣтитъ неблагодарности.

— Блаженъ человекъ, которому нѣтъ нечего, онъ не умретъ отъ несваренія желудка.

— Блаженъ человекъ, который не водитъ женщинъ подъ руку, его не проведутъ.

— Блаженъ человекъ, который всѣхъ бранитъ, его не упрекнуть въ пристрастїи.

*

Извѣстный нѣмецкій трагикъ Людвигъ Девриенъ сказалъ публикѣ, когда его однажды послѣ представленія *Франца Мора*, вызвали: «Давеча я выражалъ то, чего не чувствовалъ; теперь чувствую то, чего не могу выразить!»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АФОРИЗМЫ.

(Изъ записной книжки водевиллиста).

Вѣрь ласкамъ актера, только—до бенефиса.

Для хорошенькой актрисы—талантъ не нуженъ! Если у нея толь-

ко глаза выразительны: ей будутъ хлопать, какъ женщинѣ, забывающей дѣйствующее лице.

Мелкіе актеры всегда замѣчаютъ недостатки великихъ, великіе не видятъ достоинствъ мелкихъ.

Актеръ, пеумѣющій попятъ роли, винитъ всегда автора; авторъ, неумѣющій написать роли, — винитъ актера.

Если актеръ прибѣгаетъ слишкомъ много къ наружнымъ средствамъ, это знакъ, что онъ страдаетъ недостаткомъ внутреннихъ силъ.

Кто, бывши пять лѣтъ на сценѣ, не умѣлъ сдѣлаться актеромъ замѣчательнымъ, тотъ не имѣетъ таланта.

Для cadaго человека есть какая нибудь роль въ мїрѣ, которая по немъ: въ ней онъ будетъ величайшій актеръ.

По одной роли не судятъ объ актерѣ и надо различать костюмъ отъ характера. Костюмъ часто мѣняетъ лице актера, между тѣмъ, какъ актеръ не мѣняетъ характера лица.

Перехваленые таланты, какъ оранжерейные цветы, скоро пропадаютъ.

Желаніе играть каррикатуры или передразнивать—есть вѣрный признакъ бездарности въ актерѣ.

Трагическій актеръ — корабль, комическій — яликъ. Первый идетъ въ открытое море, противъ бурь и волнъ, второй тянется около берега. Первый гибнетъ, если у него руль и снасти не крѣпки; второй на легкомъ парусѣ можетъ уйти далеко.

Комика всегда больше любятъ, чѣмъ трагика. Очень натурально: тотъ хочетъ господствовать надъ умомъ и чувствомъ, а тотъ позволяетъ надъ собой смѣяться.

Есть театры, похожіе на богодѣльни: въ нихъ принимаютъ страждущихъ и увѣчныхъ. Лишній народъ при театрѣ тоже, что лишній порохъ въ пушкѣ: онъ не броситъ ядра дальше цѣли, а только взорветъ орудіе.

Въ театральныхъ дѣлахъ надо, какъ можно меньше *писать*, и какъ можно больше *дѣйствовать*. Управление сценою требуетъ *смѣты* ума, а не *смѣты* денежной. Это бездоходное заведеніе.

Подражатели великихъ артистовъ всегда перенимаютъ ихъ пороки, потому, что пороки ихъ рѣзки и всякому кидаются въ глаза. Гораздо легче скорчить хорошаго актера, чѣмъ дурнаго.

Тотъ безнадежный артистъ, кто ищетъ ролей, которыя бы говорили за него, а не такихъ, за которыхъ бы онъ говорилъ.

Плохъ тотъ авторъ, который характеры своихъ лицъ кроитъ, какъ портной, по мѣркѣ извѣстныхъ актеровъ: верхкомъ меньше, верхокъ лишку — и созданіе его пропало!

Актриса, которая умѣла постоянно правиться двадцать лѣтъ сряду: — великая актриса!

Хотите распознать актера по призванію отъ актера *поденщика*? Послушайте ихъ жалобы: одинъ говоритъ — *мало жалованья*, другой *мало ролей*.

Актеръ, выходящій на сцену, не зная роли, похожъ на челоуѣка, который хочетъ вслухъ читать и держитъ книгу *сверху ногами*. (Извините за выраженіе: оно народно.)

ФРАНЦУЗСКІЕ КАЛАМБУРЫ.

1. Pourquoi est-il facile d'attraper à la course un homme habillé de laine? — Parce qu'on peut *la teindre* (l'atteindre).

2. Savez-vous quelle était la voiture la plus légère au sacre de Charles X? — C'était celle *du Nonce* (d'une once). — Mais quelle était la voiture plus légère que celle *du Nonce*? C'était celle qui était *devant* (de vent).

3. D'où voit-on nos dames le mieux chaussées? De la tour de l'Amirauté, parce qu'on les voit *en bas de soi* (de soie).

4. Pourquoi est-on mieux habillé par les gens, qui sont loin de nous,

que par ceux, qui sont auprès? — Parcequ'ils sont *aillieurs* (tailleurs).

5. Comment faire pour ne pas avoir un appartement froid!—On casse à une buste de Napoleon un bras: alors on a un *Bonaparte manchot* (un bon appartement chaud).

6. Pourquoi les contrefaits risquent ils de se perdre?—Parcequ'un *bienfait* n'est jamais perdu.

7. Quelle ressemblance y a-t-il entre un menteur et une pommè cuite? Tous les deux ne sont pas *crus*.

8. Pourquoi le Schah de Perse fit il le siège d'Hérat?—Parceque, comme *chat* il devait faire le siège *des rats*

9. Quel est l'objet, qu'on recherche le plus, quand on s'en degoute? — Un parapluie: on le cherche quandon *sent des gouttes*.

10. Savez vous pourquoi l'Angleterre et la France sont si unis?—C'est parcequ'elles se tiennent par *la Manche*.

1848

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

ВЪ

РОССІИ.

Безпрестанное размноженіе качующихся театральныхъ труппъ и утверженіе въ многихъ губерскихъ городахъ постоянныхъ театровъ, болѣе или менѣе замѣательныхъ, показываетъ до какой степени страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ начинаетъ усиливаться въ Россіи. Нельзя не порадоваться этому: у всѣхъ почти народовъ стремленіе къ театру было первымъ шагомъ къ полному правильному развитію образованія. Жажда къ эстетическимъ наслажденіямъ всякаго рода, въ какихъ бы образахъ они ни проявлялись, доказываетъ, что въ чело-вѣкѣ заговорило созваніе внутренней, высшей жизни, и что эта жизнь, перешла ужъ періодъ бездѣйствія и громко проситъ себя пищи. Душа живетъ и дѣйствуетъ по однимъ законамъ съ тѣломъ: дайте тѣлу здравую пищу и оно цвѣтетъ и мужаетъ; такъ и душа. Ничто такъ скоро не воспламеняетъ ее любовью къ изящному, какъ театр. Онъ постепенно развиваетъ предъ ней новый чудный міръ, полный прелести и гармоніи, и волнуя ее неизвѣданнымъ доселѣ восторгомъ, открываетъ ей новыя ощущенія и даетъ, такъ сказать, намекъ на тѣ глубокія эстетическія наслажденія, которыя доступны истинному просвѣщенію. Намекъ такъ заманчивъ, такъ много влечетъ за собою сладкихъ догадокъ, что въ душѣ невольпо рождается неодолимое желаніе пзвѣдать самое наслажденіе. — Если у насъ нѣтъ еще всеобщаго, постоянного стремленія къ просвѣщенію, то по крайней мѣрѣ, отрадно видѣть, какъ быстро начинаетъ оно проявляться и пускать отростки. Давно ли

у насъ театръ былъ одинъ, теперь ихъ бездна. Такъ и должно: все прекрасное и полезное скоро прививается къ Русскому сердцу. Что другимъ стоило вѣка, то съ доброй волей, да съ Русской головой, у насъ совершается въ десятилѣтіе.

Конечно въ отношеніи къ своему достоинству Русскіе провинціальныя театры не заслуживаютъ еще слишкомъ громкаго одобренія, но гдѣ же, скажите ради самой богини правды, начинали прямо хорошо, да и много ли во всей то Европѣ наберется театровъ, которые вполне удовлетворяли бы всѣмъ требованіямъ искусства, въ обширномъ, высококомъ его значеніи. Самыя средства и состояніе провинціальныя нашихъ театровъ заставляютъ быть къ нимъ сколько можно снисходительнѣе. Они очень, очень далеки отъ возможнаго совершенства, настоящее состояніе ихъ можно назвать почти *худымъ*, но тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманіе, по причинамъ, которыя мы привели выше. Надѣмся, что никто изъ читателей нашихъ не охулитъ намървенія нашего, по возможности, ознакомить ихъ съ замѣательнѣйшими изъ Русскихъ провинціальныя театральныя труппы. Эту обязанность налагаетъ на насъ, какъ цѣль нашего изданія, такъ и желаніе подѣлиться съ читателями пріятнымъ чувствомъ, которое руководило намъ при составленіи предлагаемой статьи, изъ писемъ, присылаемыхъ нашими корреспондентами. Печатаемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ доставлены.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ТЕАТРЪ.

Нижегородскій театр основанъ покойнымъ нижегородскимъ помѣщикомъ, Княземъ *Шаловскимъ*, богатымъ и гостеприимнымъ Русскимъ баринимъ. Театральная группа образовалась изъ собственныхъ его людей и ихъ семействъ. Приготовленіемъ сюжетовъ для сцены владѣлецъ самъ ревностно занимался. Группа помѣщалась въ принадлежавшихъ ему домахъ; а представленія давались въ особепломъ, деревянномъ строеніи, которое и до сихъ поръ еще существуетъ, на б. Пенерской улицѣ. Если вѣрять преданіямъ, въ то время значило обязать хозяина театра, отобѣдать у него, и провести вечеръ въ его домашнемъ спектаклѣ, разумѣется бездепешно.

Долго театръ этотъ былъ любимымъ занятіемъ Князя Шаховскаго и доставлялъ даровое удовольствіе званымъ и незванымъ. Наконецъ разстройство экономіи его основателя заставило его, въ 1827 году, разстаться съ своею группою, и уступить ее за условную цѣну, нижегородскому жителю *Ивану Андреевичу Распутину*. Сей послѣдній, доставивъ актерамъ и актрисамъ свободное состояніе, не жалѣлъ никакихъ трудовъ, чтобы довести новое свое пріобрѣтеніе до возможнаго совершенства. Онъ улучшилъ частное состояніе артистовъ, увеличилъ ихъ жалованье, привлекъ новыхъ, пѣвъ мѣсть провинцiальныхъ, отличая дарованія, ободрялъ и наставлялъ ихъ, разширялъ кругъ репертуара, усовершенствовалъ декорации и машины и умножилъ театральныи гардеробъ. Благодаря такимъ стараніямъ, Нижегородскій театръ сдѣлался едва ли не лучшей провинциальною сценою въ Россіи, исключая, можетъ быть, Орловскій театръ, графа С. М. *Каменскаго*, который впрочемъ; тогда уже клонился къ упадку.

Въ управленіе г. Распутина, на его театрѣ давались комедіи, драмы, водевили, оперы. — Да! оперы, какова, напримѣръ, тогдашняя *Русалка*, со всеми принадлежащими къ ней затѣями, декорациями, машинами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Мыъ сказывали, что на первое представленіе мало явилось охотниковъ. Въ такомъ образованномъ городѣ, каковъ Нижний, не довѣрляю успѣху постановки пьесы; но на второе и послѣдующіи представленія, не смотря на возвышеніе цѣны мѣстамъ, съ большимъ трудомъ доставали билеты. Давали также *Об-*

риву Собаку, и другія пьесы, которыя не такъ легко поставитъ на сцену, особенно провинциальную, гдѣ всѣ средства почти ничтожны, въ сравненіи съ столичными. — Но успѣхъ театра, при самой упрямой платѣ за входъ, былъ однако такъ великъ, что, за всѣми издержками, онъ приносилъ своему содержателю чистаго дохода отъ 15 до 20 тысячъ рублей въ годъ. Въ 1838 году, утомясь десятилѣтними трудами, хлопотами и непріятностями, сопряженными съ управленіемъ театромъ, почтенный его владѣлецъ, пріобрѣтшій искреннюю любовь и преданность благодѣтельствованнымъ пѣ актерамъ, и благодарность Нижегородской публики, передалъ театръ, съ явною для себя невыгодою, на условіяхъ, самыхъ безкорыстныхъ, пѣвѣстному комику Московскаго театра В. И. *Жидовкини*, который поручилъ его своему брату, декоратеру и машинисту, переселившемуся въ Нижний Новгородъ. Самъ же онъ, пріѣзжалъ въ Нижний Новгородъ, лишь урывками отъ службы, личнымъ участіемъ въ спектакляхъ, представлялъ соббою образецъ подчиненной ему группѣ, прилагая къ своему театру, и утѣшая, всякій разъ надолго оставлялъ пріятное воспоминаніе о своей веселой, умной, одушевленной игрѣ.

На Нижегородской сценѣ являлись иногда артисты столичныхъ театровъ, особенно во время ярмарки. Такъ, напримѣръ, авторъ этой статьи имѣлъ удовольствіе видѣть пѣлей М. С. *Щенкина* и меньшую дочь его *Александру Михайловну*, въ роли простодушной *Кетти*, видѣть прекраснаго комика *Мартынова*; г. *Григорьева б.* (въ роляхъ И. Н. Сосницкаго), покойнаго *Воротникова б.* и лучшихъ артистовъ Московскихъ: П. С. *Мочалова*, И. В. *Орлова* и жену его П. И. *Орлову*. Но, независимо отъ такихъ метеоровъ, тамошняя группа имѣетъ столько собственныхъ членовъ, что отдѣляеть, по временимъ, нѣсколько сюжетовъ для другихъ театровъ, какъ, на прим. Пензенскаго, во время бывающей тамъ ярмарки. —

Представленія Нижегородскаго театра даются, въ обыкновенное время, въ деревянномъ зданіи, упомянутомъ выше, старомъ, неблагообразномъ, болѣе похожемъ на полковую маенезъ, или лаваретъ, чѣмъ на театръ. Въ періодъ же ярмарки, съ половины Іюля, до конца Августа, открывается другой театръ, на островѣ, образуемомъ слияніемъ Волги съ Окою. Это помѣщеніе гораздо приличнѣе и удобнѣе, хотя зданіе также деревянное. Но какъ въ планѣ Нижняго Новгорода Вы с о ч л я ю т с я утврждены важныя помѣненія, изъ которыхъ нѣкоторые уже

* А не въ 1837, какъ напечатано ошибкою въ моей статьѣ о *Нижнемъ Новгородѣ*, помѣщенной въ 9 Но Сѣверной Пчелы, текущаго года. — Авторъ:

приведены в исполнение, то и на место нынешняго театра предположено возвести здание каменное, вокруг котораго, по сломкѣ деревянныхъ строений, образуется большая площадь, на крутомъ берегу Волги, возвышающемся болѣе, нежели на 40 отвѣсныхъ сажень. надъ поверхностью рѣки.—

Спектакли бываютъ, исключая посты, три раза въ недѣлю, а въ ярмарочное время почти ежедневно, и приносятъ болѣе 25,000 рублей чистаго дохода, болѣею частию котораго театръ обязанъ ярмаркѣ. Обыкновенная цѣна мѣстамъ, возвышается тогда довольно значительно.—

Нынѣ на Нижегородской сценѣ даются водевилы, комедіи, легонкія оперы, драмы, и даже, изрѣдка, при помощи заѣзжихъ артистовъ, трагедіи. Въ мое время была поставлена на сцену опера *Цампа*. Приготовленія и репетиціи длились довольно долго.—Публика никакъ не хотѣла вѣрить возможности такого спектакля, однакожъ, въ первое представленіе, изъ любопытства собралась въ театръ, въ такомъ множествѣ, что многимъ не достало мѣстъ. И что же?—Всѣ были пріятно удивлены тщательною постановкою, хорошими декораціями, приличными костюмами, весьма исправнымъ исполненіемъ хоровъ, въ которыхъ замѣтили самаго содержателя театра, прибывшаго къ этому представленію изъ Москвы.—Примадонною была на этотъ разъ г-жа *Завидова*, которая съ робостію приняла на себя главную женскую роль, но исполнила ее сверхъ всѣхъ ожиданій такъ хорошо, что была осыпана рукоплесканіями. *Цампу* игралъ *Сорокинъ*, пенсионеръ Московскаго театра, не молодой, но довольно пріятный теноръ.

Первое мѣсто въ Нижегородской труппѣ безспорно принадлежитъ *Соколову*.—Вступивъ на сцену по страсти къ искусству, для трагическихъ ролей, онъ былъ отличенъ тогдашнимъ содержателемъ театра И. А. Распутинымъ, открывшимъ въ немъ замѣчательный талантъ комическій.—Соколовъ оправдалъ его провинциальность.—Авторъ сей статьи, прожившій много лѣтъ въ Петербургѣ, восхищавшійся постоянно Сосницкимъ и Дюромъ, немогъ безъ удовольствія видѣть Соколова (*) во многихъ роляхъ, и рукоплескалъ ему отъ чистаго сердца, увлеченный неподдѣльнымъ комизмомъ игры его.—Правда, что Соколовъ не имѣетъ полнаго сценическаго образованія; онъ часто впадаетъ въ фарсъ, тривіальность,

(*) Жаль только, что г-нъ Соколовъ, при своихъ природныхъ средствахъ подражаетъ рабски г-ну Живокини, и чрезъ это лишаетъ игру свою самобытнаго характера.

имѣть въ игрѣ нѣкоторыя привычки, противныя законамъ хорошаго вкуса и дѣлающія его однимъ и тѣмъ же лицомъ, во многихъ роляхъ разнородныхъ; но тѣмъ не мѣнѣе, никакъ нельзя отнять у него истиннаго, врожденнаго таланта. Иногда онъ принуждаетъ разохотиться одною ужимкою, одною интонаціею голоса. Особенно хорошъ онъ въ роляхъ простаковъ помѣщиковъ, глупыхъ мужей, плутоватыхъ и глуповатыхъ слугъ, добряковъ, не одаренныхъ большимъ разумомъ, и т. п.—Есть немногія роли, въ которыхъ онъ оставляетъ привычныя свои шутки и манерность, какъ наприм. въ водевиляхъ: *Два мужа*; *Крестный отецъ* соч. Федорова, въ драмѣ: *Кузьма Рощинъ*—Бахтурина, и совершенно сродняясь съ характеромъ представляемаго имъ лица, является истиннымъ артистомъ. Модный фракъ и сюртукъ рѣшительно нейдутъ къ нему на сценѣ, и дирекція напрасно заставляетъ его играть такія роли, какова на прим. роль молодого французскаго офицера, въ *Кеттлѣ* (**).

Второе мѣсто занимаетъ *Ершовъ*, ветеранъ Нижегородской сцены, комическій талантъ другаго рода, весьма удовлетворительный во многихъ роляхъ, начиная съ *Городничаго*, въ *Ревизорѣ*. Онъ не обладаетъ всеми природными средствами, принадлежащими молодому сопернику его *Соколову*, и немогетъ по произволу измѣнять своей личности (**).

Весьма хорошъ въ драмѣ, высокой комедіи и національныхъ роляхъ стараго времени, *Поповъ*, немолодой актеръ, старательный и опытный (**). Жаль, что нѣкоторые изъ обычныхъ посетителей Нижегородскаго театра предпочитаютъ ему *Зальскаго*, молодого допорощеннаго актера, не лишеннаго дарованія, но совершенно незнакомаго съ хорошими образцами, который, желая представить свѣтскаго франта или ловкаго молодого человека, принимаетъ за идеаль костюмъ, тонъ и манеры губернскаго приказнаго (****).

Неизмѣняя строгой справедливости, нельзя неупомянуть о молодомъ *Нльчиновѣ*, такъ же актеръ по склонности, для сцены оставившемъ

(*) Между тѣмъ въ этомъ костюмѣ онъ лучше и приличнѣе всѣхъ остальныхъ актеровъ Нижегородской труппы.

(**) По весьма простой причинѣ: онъ очень толстъ. Роль *Дятла* въ *Двумужничь* Кн. А. А. Шаховскаго, Ершовъ играетъ съ такимъ совершенствомъ, какъ ни одинъ изъ столичныхъ актеровъ ся не игралъ.

(***) Онъ, что называется *grande utilité, великая полезность* театра,—не болѣе.

(****) А иногда сбиваетъ даже и на геролъ передней.

лекцій одного изъ Русскихъ университетовъ. При благородной и пріятной наружности, много роли, въ трагедіи и драмѣ, онъ исполняетъ одушевленно и отчетливо. Тотъ со мною согласился, кто видѣлъ его въ роляхъ *Бомарше* (*Клоши-Гесте*, перев. г-нъ Коши). *Луизы Роцина*, и въ некоторыхъ другихъ, хотя совершенно разнокачественныхъ и противоположныхъ. Изъ актрисъ сіяетъ на Нижегородскомъ горизонтѣ звѣздою первой величины дѣвица *Вышеслацева*. Ея блѣдность и слабая грудь, не отнимающія, однакожъ, пріятности у ея наружности, не мешаютъ ей быть такою артисткою въ высшей комедіи, трагедіи и драмѣ, которую, можетъ быть, не отказавъ бы принять подъ свое покровительство даже *А. М. Каратыгина*, простивъ се великодушно за то, что она отваживалась исполнять въ некоторыхъ роляхъ, прославившія имъ знаменитой Петербургской артистки. Она прекрасна въ роляхъ *Изоры*, *Луизы*, въ *Коварство и любовь* или въ комедіи, называется *Деревенскій стихотворецъ*, умной, образованной и бойкой дѣвушки, притворящейся сурочкой. Я знаю, многіе мнѣ не повѣрятъ; но безпристрастному свидѣтельству моему можетъ придать въ некоторую степень достоверности авторитетъ знаменитаго *М. С. Щенкина*, который, послѣ представленія, на Нижегородскомъ театрѣ, *Матроса*, былъ единодушно вызванъ и почелъ долгомъ справедливости вывести г-жу *Вышеслацеву*, игравшую дочь его. —

Меньшая сестра ея, *Мочалова*, молодая вдова брата Московскаго трагика, заслуживаетъ большую похвалу въ роляхъ замужнихъ женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, въ водевилахъ (*). Пріятная наружность и опытная, разнообразная игра приобрятаютъ ей второе мѣсто на Нижегородской сценѣ, въ ряду ея сидѣвищъ. Изъ послѣднихъ должно назвать *Х. Стрѣлкову*, съ большимъ успѣхомъ разыгрывающую роли злыхъ женщинъ; *Чистикову*, весьма привлекательную, развязную и непринужденную въ мужскомъ платьѣ, въ роляхъ молодыхъ людей, роляхъ, занимаемыхъ у насъ г-жею *Асенковою*, какъ напр. *Полковника старыхъ временъ*; *Дѣвушка-Гусаръ* и друг. *О. Стрѣкову*, молоденькую, хорошенькую дѣвочку, украшающую собою многіе водевилы, и въ некоторыхъ значительно возвышающуюся надъ посредственностію. Доказательствомъ ея та талантомъ служить водвилъ: *Минета или кошка, превращенная въ женщину*, гдѣ она, измѣнивъ своей кошечь-

ей натурѣ, вспрыгиваетъ на стулъ, гоняется за катающимся по полу клубкомъ нитокъ, царапаетъ ногтями своего любовника, и облизываетъ лапки, — которыми хватаетъ молоко съ тарелки, и т. д. Заслуживаетъ такъ-же одобренія *Зальская*, жена актера занимающаго роли молодыхъ людей, о которомъ упомянуто выше. Ея области водевилъ, и ее видѣли не безъ удовольствія въ роли *Кеттлн*, послѣ *д. Щенкиной*. Должно также упомянуть объ *Аксаковой* и *Пиуновой*, играющихъ пожилыхъ женщинъ, съ умомъ и знаніемъ дѣла.

Вотъ главные дѣйствующія лица Нижегородскаго театра. Репертуаръ его очень разнообразенъ. На его сценѣ незамедляютъ литься сіи пьесы, давныя въ Петербургѣ и Москвѣ. Некоторые идутъ такъ удачно, съ такою сожुकунностію, что, право не могли бы лучше быть разыграны въ Петербургѣ. Разумѣется, это только въ родѣ легкомъ, въ которомъ выводится на сцену провинціализмъ; а наши артисты сами согласятся, что въ нашихъ свѣрхныхъ Аоніахъ они только по слуху знаютъ о тѣхъ чудесахъ—оригиналахъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, которые всегда передъ глазами у провинціальныхъ актеровъ. — Напримеръ: на Нижегородскомъ театрѣ даютъ шутку—водевилъ г. Федорова, *Провинціальный балъ*. — Актеры разыгрываютъ ее такъ естественно и пріятно—подобно, *Ершовъ* такъ хорошъ толстымъ хозяиномъ дома, дающимъ балъ, на которомъ ташную подъ гитару, *Соколовъ*, такъ пріятель, распорядившійся баломъ, его уморительнѣ, когда усталъ отъ хлопотъ, проситъ для освѣженія, стаканъ пунша, что эту пьесу можно видѣть нѣсколько разъ, не скучая и не находя ничего исправитъ въ игрѣ актеровъ. Впечатлѣніе ея дополняется дуэтомъ, который *Труссовъ* (*), молодой человекъ, единственный музыкантъ въ городѣ, играя на гитарѣ для танцевъ, происходящихъ въ другой комнатѣ, поетъ, стоя на стулѣ, съ *Чистиковою*, дочерью хозяина дома, на голосъ «*пожалуйте сударыня*»

Необходимыя заключенія почти каждого Нижегородскаго спектакля бывають такъ называемыя *дивертисементы*, довольно разнообразныя, состоящія обыкновенно въ томъ, что на сценѣ проплывутъ по-русски или по цыгански, а иногда спойтъ русскую пѣсню.

Въ Русской пляскѣ отличаются *Чистикова*, *Х.* и *П. Стрѣковы*, и другія, а въ цыганской *П. Стрѣкова*, сестра ея *Стрѣ-*

(*). Она имѣетъ поразительное сходство въ наружности, пріемахъ, голосѣ и манерѣ игры съ г. Щелиховой б.

(*). Актёръ съ пріятной наружностію и довольно хорошими манерами. Въ роляхъ молодыхъ людей лучшей актёръ труппы и поетъ Соколова долженъ занимать первое мѣсто.

кова 4. Последние два почти не существуют в общих представлениях. — Эти пьески заслуживают упоминания потому, что они всегда очень изящно и привлекательно исполнялись. — Русския пьесы весьма приятно поетъ *Кашинъ*, сильный альти, аккомпанируемый *Александровымъ*, звучнымъ, но необразованнымъ басомъ. — Оба недавно выписаны изъ *Арзамаса* (прошу не смѣяться!) — (*)

А. Г. Львовъ.

II.

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ последнее время, до 1839 года, Воронежскій театръ не заслуживалъ ни малѣйшаго вниманія, ибо состоялъ изъ малочисленной, нестройной труппы: людей, по большей части, бездарныхъ, и не имѣвъ ни надлежащаго порядка, ни средствъ, ни присмотра. Гг. *Калиповскій* и потомъ *Соколовъ*, принявъ управление надъ шпизъ, припели его въ цветущее состояніе. На сценѣ явились люди съ истиннымъ дарованіемъ и знаніемъ дѣла, управленіе было умное и сообразное съ потребностію времени. Театръ сталъ доставлять Воронежской публикѣ много удовольствія; но когда онъ перешелъ въ управленіе г. *Вышеславцева*, паденіе его съ каждымъ днемъ дѣлалось замѣтнѣе. Дурное выполненіе пьесъ отъ дурнаго распредѣленія ролей и еще худшей постановки, навсегда отбавило отъ него публику. Крохъ г. *Васильева*, самаго содержателя *Вышеславцева* и жены его, на Воронежскомъ театрѣ не было тогда человека, согрѣтаго хотя малѣйшимъ дарованіемъ. Замѣчалъ, что публика начала охлаждать къ его труппѣ, *Вышеславцевъ*, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ снова привлечь ея вниманіе, принужденъ былъ оставить Воронежскій театръ и распустилъ свою труппу. Въ продолженіе некотораго времени Воронежъ не имѣлъ театра. Зимой 1839 года, содержатель Харьковскаго театра, *Молотковскій*, раздѣлилъ свою труппу на двѣ части и послалъ одну изъ нихъ въ Воронежъ. Вскорѣ послѣ того *Микульскій*,

(*) Прибавимъ къ этой статьѣ Я, пропущеннаго авторомъ актера *Рамазанова*, комика неподражаемаго въ простонародныхъ характерахъ. Послѣ его игры, *Воротниковъ* на Нижегородской сценѣ, не производилъ никакого эффекта въ роли *Филатки*. —

актеръ изъ труппы *Молотковскаго*, при содѣйствіи одного добраго Воронежскаго помещика, основалъ въ Воронежѣ самостоятельную труппу, и принялъ надъ нею управленіе. Такъ образовался мнѣвшій Воронежскій театръ. —

Микульскій взялся за свою новую обязанность съ рвеніемъ истиннаго любителя; зная дѣло свое онъ сортировалъ пьесы и людей такъ хорошо, что труппа его въ скоромъ времени сдѣлалась одною изъ замѣтнѣйшихъ провинціальныхъ труппъ. Онъ употребилъ всевозможныя средства и усилія, чтобъ пристрастить публику къ своему театру. Для этого онъ пригласилъ пии, лучше сказать, переманилъ многихъ хорошихъ актеровъ и актрисъ съ другихъ театровъ, улучшилъ костюмы и декорации, увеличилъ репертуаръ. Мало того, онъ пригласилъ въ свою труппу на некоторое время, извѣстнаго Московскаго трагика П. С. *Мочалова* и Воронежская публика въсколькѣ разъ въ нѣтъшнемъ году наслаждалась его превосходной игрой въ значительнѣйшихъ трагедіяхъ. Представленія, въ которыхъ участвовалъ *Мочаловъ* были для его таланта блистательны и торжественны, для публики въ нихъ былъ неизчерпаемый источникъ удовольствія. Но не одинъ *Мочаловъ* былъ виновникомъ полнаго торжества Воронежскаго театра: некоторые актеры собственной его труппы, именно: *Микульскій*, *Струковъ*, *Лавровъ*, *Левскій*, *Мочаловъ* (*), *Васильевъ*, *Соколовъ* и др. изъ актрисъ г-жи *Розанова*, *Данилова*, въ особенності *Шульцъ*, много способствовали общему успѣху. Во всѣхъ названныхъ здѣсь актерахъ и актрисахъ болѣе или менѣе замѣтны признаки истиннаго сценическаго дарованія. Самъ содержатель труппы, *Микульскій*, играющій въ драмахъ и комедіяхъ, замѣчательнѣе, какъ актеръ старательный, не рѣдко выполняющій свои роли умно и отчетливо. Въ игрѣ его много простоты и естественности, есть разнообразіе, иногда замѣтны даже проблески увлеченія и неподдѣльнаго чувства. Въ роляхъ злодѣевъ, или такъ называемыхъ: *тирановъ*, хладнокровно выполняющихъ свои преступныя замыслы, онъ не хорошеетъ у него льно недостаетъ силы вполне усвоить и передать умъ, всегда сопутствующій злобѣ. За то въ роляхъ злодѣевъ другаго рода, полуглупыхъ, способныхъ на всякую низость изъ трусости, онъ превосходитъ. —

Г. *Левскій*, молодой актеръ съ дарованіемъ, но посредственными. Онъ передаетъ роли молодыхъ людей сообразно съ характеромъ, который далъ имъ авторъ, почти всегда вѣрно

(*) Одноимецъ знаменитому Московскому трагикъ.

и удовлетворительно; но къ сожалѣнію, казалъ то дикая, страивалъ дикіи, къ которой онъ прибѣгаетъ безпрестанно, портить его игру и лишаетъ ее естественности. Голосъ его не выработанъ и часто изъ куплета, сибтаго имъ, половина не доидеть до слуха зрителей. Кажется онъ и фамлію и сценическій талантъ заимствовалъ отъ Московскаго актера того-же имени.

Равный ему по дарованію г. *Лавровъ* явленію только тѣмъ часто выигрываетъ противъ него, что болѣе обдумываетъ свои роли, и осторожнѣе въ дикціи, хотя тоже не всегда вполне соответствующей словамъ. Онъ особенно хорошъ въ роли *Вурма*, въ *Коварствѣ и любви*, а особенно дурень въ роли *Ларта*, въ *Гамлетѣ*.

Струковъ, доказавъ мастерскимъ, можно сказать художническимъ, выполненіемъ нѣсколькихъ ролей (какъ напр. *Синичкина*), что онъ не лишенъ дарованія. Но на одну роль, играемую имъ хорошо, приходится у него по три, исполняемыхъ дурно; это отчасти потому, что роли не всегда въ его родъ. Занимъ еще водятся двѣ странности: онъ иногда не знаетъ ролей и тянетъ свои фразы нестерпимо, иногда же онъ чрезвычайно торопится, такъ, что замѣтно даже желаніе поскорѣй убраться за кулисы.—

Васильевъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ мѣстъ, недурно играетъ роль *Городничаго* въ *Ревизорѣ*; вообще подобныя роли ему удаются. Онъ очень хорошъ въ роли *Гроомдума*, въ *Дядушкѣ Русскаго флота*.

Гг. *Соколовъ* и *Моисаевъ* тоже люди съ несомнѣннымъ дарованіемъ, чрезвычайно полезные театру и часто удачно выполняющіе свои роли. *Мачаловъ* особенно хорошъ въ роли *Слуги*, въ *Ревизорѣ*, можно сказать даже, что онъ по своему ее *создалъ*, такъ онъ въ ней оригиналенъ и естественъ, разумѣется исключаются мѣста, гдѣ авторъ самъ заставляетъ его впадать въ карикатурность, но и самымъ эти мѣста онъ умилъ придать вѣсь условной возможности.

Изъ актрисъ замѣательна *Данилова*. Она хороша въ роляхъ слѣтскихъ дамъ, хитрыхъ кокетокъ, опытныхъ въ искусствѣ разставдаться съ кѣмъ, всѣмъ улыбнуться притворно проследиться и вообще она хороша въ быстрыхъ переходахъ отъ одного чувства къ другому. Но ее несвѣдно видѣть въ роляхъ престоладушныхъ, нервныхъ дѣвушекъ, ей недостаетъ престола, и злой, почти злоудой, покорности, которую отличаютъ подобныя роли. У ней все дѣлается, напередъ расчитано, иногда даже наддуто.

Г-жа *Шульцъ* занимаетъ роль молодыхъ героинь въ драмахъ и комедіяхъ. У ней нѣтъ почти ни одной роли, о которой можно бы сказать: въ этой роли она совершенно дурна, хотя нѣтъ и такой, въ которой она рѣшительно хороша. Надо думать, однакожь, что со временемъ она усовершенствуется. Она также играетъ иногда мужскія роли,—но безъ большаго эффекта.

Г-жа *Розанова* еще очень молода и не давала жрица *Мельиомены*, подаетъ прекрасныя надежды. Она отличается замѣательнымъ талантомъ, который теперь еще въ первомъ развитіи; впрочемъ она доказала его прекраснымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ довольно трудныхъ ролей, и, между прочимъ, роли *Офелии*, въ *Гамлетѣ*.

Вотъ очеркъ замѣательнѣйшихъ членовъ Воронежской труппы въ настоящее время. Въ отношеніи къ декорациямъ и костюмамъ, къ чести содержателя, нельзя сказать ничего, кромѣ хорошаго. Это роскошь для провинціальнаго театра. Но можно бы посоветовать ему обратить побольше вниманія на постановку пьесъ и особенно на *общность* ихъ, которая часто несоотвѣтъ хорошо слажена. Иногда самый ничтожный недосмотръ разрушаетъ сценическое очарованіе, — и пьеса много теритъ. Воронежскій репертуаръ богатъ и разнообразенъ. Всѣ новыя, замѣательныя пьесы Петербургскія, а нѣкоторыя и Московскія, появляются тамъ чрезвычайно скоро. Вообще въ дѣйствіяхъ г. Миккульскаго видна благонамѣренность и благородное стремленіе къ угожденію публикѣ, за что она обязана ему признательностію.

А. Ел. — ит.

III.

КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Извѣстнѣйшая Казанская труппа принадлежала къ числу странствующихъ. Въ 1833 году она утвердилась въ Казани, и, при поощреніи тамошняго г. Военнаго Губернатора, а въ недавнемъ времени, при пособіи городской думы, она приятно умножается. Содержатель ея *Соколовъ*, человекъ предприимчивый, сначала заботился только о своихъ выгодахъ; но въ послѣдствіи, сбывалъ съ рукъ плохихъ, онъ началъ приглашать лучшихъ актеровъ, выплывать изъ Москвы рядныхъ декораторовъ и мажистовъ и рѣшительно обзаводиться костюмами. Въ послѣдніе два года посещалъ Казанскую сцену г. *Щепкивъ*, сперва одинъ,

потомъ съ дочерью. Неподражаемая игра его замѣтно подѣйствовала на наши хъактеровъ. Приемъ представлений шпль гораздо лучше: онъ умѣлъ роздать роли и возбудить въ актерахъ соревнованіе. Вообще, посѣщеніе Щепкиныхъ доставило много удовольствія Казанской публикѣ. Кто не былъ въ восторгѣ отъ ихъ прекрасной игры! Молодежь не знала, чѣмъ изълвить имъ свою признательность: давала въ честь дивницы Щепкиной серенады; авники изъ розъ, миртовъ и лилій летѣли ей въ окна, когда она, поговъ спектакля, мелькала въ окнахъ своей квартиры.... но жалъ что все это въ Казанское. —

Между Казанскими трагиками первое мѣсто занимаетъ *Борисогльбскій*. Онъ понимаетъ роли довольно изрядно, но передаетъ ихъ гораздо удачнѣе словами, нежели жестами, большую частію однообразными и неестественными. Самый разговоръ его, льскольво разтяпуть, однозвученъ, почти все слова имѣють одпяковый вѣсъ, впрочемъ въ игрѣ его кой гдѣ замѣтно чувство, есть отчасти увлеченіе. Роли тирановъ принадлежали прежде *Полякову*, который, за исключеніемъ недостатка въ жестахъ и фигурѣ, былъ въ игрѣ хорошъ. Его смѣнилъ *Романовскій*. Онъ гораздо хуже. Речь его отрывиста, голосъ страшный, жестовъ нѣтъ, а если и есть, то неприятыя, неумѣстныя. Физиогномія его никогда неизмѣняется. Однакожь онъ недурень въ роли *Скалозуба* и *Сумасшедшаго*, въ драмѣ: *Юлія*. Самъ *Соколовъ* очень недурно игралъ прежде въ драмахъ и комедіяхъ, но теперь уже не является на сцену, по множеству завлгій, а можетъ быть и потому, что почитаешь это предосудительнымъ. Во всякомъ случаетъ, театръ имѣеть въ немъ усерднаго хозяина, но лишился хорошаго актера. Въ комическихъ роляхъ онъ свѣшилъ партеръ, и приводилъ въ восторгъ разкъ своими забавными фарсами.

Изъ комиковъ соперничаютъ двое: *Шумиловъ* и *Поляковъ*. Действительно. Трудно отдать кому либо изъ нихъ преимущество. Они часто играютъ одиъ и тѣже роли, по каждый по своему, не заимствуя ничего у соперника и оба выполняютъ ихъ одинаково хорошо и оригинально. Въ ихъ игрѣ видны непринужденность, искусство и навыкъ; приемы ихъ такъ хороши и благородны, что можно съ удовольствіемъ провести вечеръ въ театрѣ, когда они играютъ свои роли. Я говорю свои, потому что *Поляковъ*, и въ особенности *Шумиловъ*, по недостатку актеровъ, привуждены иногда брать не свойственныя имъ роли. Такія роли они по большей части выполняютъ дурию. *Шумиловъ* пользуется особеннымъ расположеніемъ

Казанской публики, вѣроятно за то, что уже давно подвизается на ея сценѣ, между тѣмъ *Полякова* она узнала еще недавно. Въ операхъ комическія роли принадлежатъ такъ же имъ. Въ пьесахъ: *Русалка*, *Клязь Певидимка*; и др. подобныхъ, общія ихъ сцены очень хороши; тутъ ихъ дарованія видны въ полной силѣ.

Гг. *Дмитріевъ* и *Головинскій* занимають мѣста второстепенныхъ комиковъ другаго рода. Первый очень не дурию играетъ слугъ и поселанъ; второй свѣтскихъ вертопраховъ, волокитъ, и страстныхъ любовниковъ. Оба опл лучшіе водевильные герои Казанской труппы. У *Головинскаго* слабый, но пріятный теноръ, но недостаточно обработанный для оперы. въ которыхъ *Головинскій* занимаетъ важныя роли, улады и украшенія его очень неудачны. Въ *Дмитріевѣ* замѣтно развивающееся дарованіе, которое общается изъ него хорошаго водевильнаго актера, хотя опл невмѣтъ вовсе голоса.

Еще въ Казанской труппѣ есть замѣчательный комикъ *Лебедевъ*. Онъ играетъ дѣтвыхъ водевильныхъ слугъ и подъячихъ, часто оригинально. Изъ актрисъ драматическихъ первенствуетъ г-жа *Мочалова — Франціева*. Это героиня лѣтъ сорока пяти съ избыткомъ; которая, когда-то, во время опо, перѣзла въ Москву красотою, талантомъ и сводила съ ума молодежь. Отъ всего этого осталось у ней дѣл Казани одно сказачное преданіе. Кто увидитъ г-жу *Франціеву* одинъ разъ на сценѣ, тотчасъ пойметъ, что она одинокой обломокъ того блаженнаго стараго времени, когда говорили на распѣвъ, ходили в махалл руками по пѣтушпвому. Прочія драматическія актрисы неааслуживаютъ вниманія, выключая развъ *Амплотову*, — но и она имѣеть общій недостатокъ съ г-жей *Франціевой*: — доесть, гдѣ надо говорить и говорить, гдѣ надо пѣть. Роли сварливыхъ, брюзгливыхъ матушекъ, тетушекъ п имъ подобныхъ, мастерски играетъ г-жа *Лисицина*. Ей же исключительно принадлежатъ роли *кокетствующихъ* старыхъ дѣвъ. Здѣсь ея заученыя предъ зеркаломъ улыбки, жеманство и пересоленная напвность, — очень хороши. Молодежныхъ водевильныхъ героинь очень мило играетъ г-жа *Головинская*; у ней пріятный, непринужденный голосокъ.

Недавно дебютировала на Казанской сценѣ дѣвица *Александрова*, только вступающая на театральныя помосты. Въ ней видны талантъ и рабское подражаніе дѣвницъ Щепкиной. Первая принадлежность заслуживаетъ похвалу; вторая — напротивъ. Было бы гораздо лучше, если бъ дѣв. *Александрова* руководствовалась

своимъ природнымъ дарованіемъ, а не следо-
вала по пятамъ другихъ: *оному талантъ,
оному два*. Она еще молода, ей есть время
поправиться, притомъ же она образована луч-
ше многихъ Казанскихъ актеровъ.

Двица *Цыбулина* исключительно въ роли
Дурочки въ комедіи: *Филаткина свадьба*, пре-
восходна. Каждый шагъ, малѣйшее движе-
ніе выказываетъ безграничную глупость, за-
ставляетъ хохотать отъ души. Лучшимъ опер-
нымъ пѣвцомъ должно почитать *Васильева*. У
него большой и сильный теноръ-басъ; но къ
сожалѣнію, онъ очень дурно управляетъ имъ.
Объ оперной пѣвицѣ — двицѣ, *Ивановой*,
можно сказать, что она имѣетъ чистый, высо-
кій сопрано, но онъ не совсѣмъ ей послу-
шенъ и потому въ пѣвнн ея нѣтъ ни пріятно-
сти, ни граціи. Вообще на Казанской сценѣ
нѣтъ пѣвцевъ хорошихъ, кромѣ г-жи Ка-
нищевой. Не смотря на то, что она уже пожи-
лая женщина, и что лѣта, вѣроятно, измѣни-
ли ея голосъ, во многихъ аріяхъ она очень
хороша. Голосъ ея чистъ, вѣренъ, изги-
бистъ. Казанскую театральную музыку можно
слушать съ удовольствіемъ. Оркестръ состо-
итъ не болѣе, какъ изъ пятнадцати человекъ,
но очень строенъ. Въ Казани даютъ болѣе
водевилей и комедій, которые идутъ такъ....
Нерѣдко ставятъ и драмы. Репертуаръ труп-
пы составляютъ пьесы, имѣвшія за нѣсколько
лѣтъ успѣхъ на столичныхъ сценахъ Робертъ-
дѣволь также поставленъ на Казанскую сце-
ну, и онъ идетъ такъ, что волосы дыбомъ
станутъ на головѣ. Тутъ особенно заниматель-
но то дѣйствіе, когда духи выходятъ изъ гроб-
ницъ. Машины устроены довольно изрядно,
хотя веревочное волшебство иногда и обнару-
живается, но число мертвецовъ ограничивает-
ся только пятаю, которые стараются выка-
зать свое умѣнье танцовать, и танцуютъ дѣй-
ствительно, какъ мертвые. Вся сцена, гдѣ бы-
ваетъ или войско или народъ, изображаются
12-ю представителями, число которыхъ зри-
телямъ предоставлено попомять воображе-
ніемъ. Года три назадъ, на Казанскомъ театрѣ
давали *Обриву собаку*. Животное, игравшее
главную роль, возбуждало восторгъ въ публи-
кѣ, но напередъ было объявлено афишками,
что нельзя апплодировать и кричать *форд*,
чтобъ не *скопфузить* собакъ и не испугать
актеровъ.—

К. ДАННЕНБЕРГЪ.

IV.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Харьковская труппа, какъ по устройству
своему, такъ и по актерамъ, ее составляю-
щимъ, между которыми есть люди, болѣе или
мѣнѣе замѣчательные дарованіемъ, можетъ
назваться одною изъ лучшихъ провинціаль-
ныхъ труппъ. Чего можно требовать отъ про-
винціального театра? Если въ немъ есть два,
три человека съ дарованіемъ, хорошо пони-
мающихъ и рачительно исполняющихъ свое
дѣло, если нѣсколько пьесъ его репертуара
идутъ успѣшно, безъ значительныхъ прома-
ховъ и искаженій, если онъ хоть на одну
часть можетъ заинтересовать публику, то, на-
добно согласиться что цѣль его достигнута.
Если мы часто сквозь пальцы смотримъ на
промахи столичныхъ театровъ, которые бо-
гаче и талантами, и средствами пріобрѣтаютъ
ихъ, то быть строгими къ провинціальному те-
атру и смѣшно и несправедливо.

На Харьковской сценѣ особенно хорошо
разыгрываются водевилы, однакожъ нельзя
сказать, чтобъ и некоторые драмы неимѣли
успѣха. Главнѣйшее счастье и несчастье его въ
двухъ крайностяхъ. Въ труппѣ его есть нѣ-
сколько актеровъ, дарованіе которыхъ оче-
видно; гораздо болѣе людей безталантныхъ,
совершенно непонимающихъ своего дѣла,
вѣчно ссорящихся съ памятью и съ здравымъ
смысломъ. Нѣтъ середины; нѣтъ людей о ко-
торыхъ бы можно сказать *ни то, ни се и ту-
да и сюда*. Къ несчастію, на Харьковской
сценѣ, почти въ каждой драмѣ, сблизаются
двѣ страшныя, по видимому, непреодолимыя
крайности: — талантъ и бездарность, образова-
нность и грубое невѣжество; отъ того *оби-
чность* пьесы всегда дурна и неудовлетво-
ряетъ даже вполнину требованіямъ иску-
ства. Выдетъ *Артистъ* — сердце радуется;
вотъ уже начинаешь увлекаться, уже слова
его затронули чувствительную струну сердца,
которая готова, при посредствѣ рукъ, ото-
зваться громкимъ аплодисментомъ; вдругъ,
пристукнул каблукъ, появляется *Актеръ*,
съ пошлой, вытяннутой физиономіей, съ улыб-
кой, похожей на судорожное подергиваніе
губъ, или съ мрачнымъ выраженіемъ лица,
точь въ точь, какъ у школьника передъ суб-
отней расправой; — проигрываетъ, какъ шарман-
ка, все свои штуки, протонетъ съ открытымъ
ртомъ и дремлющими глазами нѣсколько ми-
нута, тамъ гдѣ сказано въ роли: *моманіе*;
заржетъ, какъ лошадь, тамъ гдѣ сказано: *съ
восторгомъ*; Иногда этотъ человекъ, къ до-
вершенію эстетическаго наслажденія зрителей,

говорить неестественным голосомъ, не договариваетъ словъ, не твердо стоитъ на ногахъ, дѣлаетъ руками и ногами неумышленные, страшныя движенія, даялъ тѣмъ попятъ, что онъ въ упоеніи и потому половъ вдохновенія. Ничто не можетъ быть мучительнѣе попытки, которую испытываешь! Очарованіе исчезаетъ; вы не въ храмѣ искусства, вы въ кукольной комедіи, гдѣ передразниваютъ искусство. Безосовѣстность и дерзость этихъ людей доходить до нещмовѣрности. Я помню разъ, какъ одинъ изъ этихъ гениевъ игралъ *Полонія* въ *Гамлетъ*. Онъ представилъ его характеръ въ родѣ земскаго подъячяго, одѣся въ красную куртку, съ гусарскимъ штыремъ, сверху накинулъ сивій плащъ, подбитый краснымъ, съ маленькимъ воротничкомъ, въ видѣ мантии, на голову надѣлъ голубую ермолку съ золотой кисточкой, а на ноги сапоги, которые надѣвалъ съверхъ брюкъ, въ родѣ ботфортовъ. Онъ говорилъ густымъ однозвучнымъ басомъ, не перемѣняя въ положенія тѣла, ни выраженія лица. Каково? Это *Полоній*, хитрый, вкрадчивый придворный, созданный гениемъ Шекспира? Нельзя было не порадоваться, когда наконецъ *Гамлетъ* закололъ его. Его потащили ужъ со сцены, какъ вдругъ изъ кармана его посыпалась и покатылась по полу мѣдныя деньги. Мертвецъ, къ величайшему ужасу публики, вырвался, подобралъ гроши, съ заботливостію спряталъ ихъ въ карманъ, и снова умеръ. Подобныя промахи съ провинціальными актерами нередки. Недавно еще одинъ умный и довольно даровитый актеръ опибся очень забавно. Не помню въ какой роли ему должно было въ третьемъ актѣ заколоться. Онъ исполнилъ это удачно, упалъ и разстянулся очень натурально. Вдругъ изъ партера какой-то повѣса закричалъ: «фора! фора! епсого!» Актеръ быстро вскочилъ, принялъ соответствующее положеніе, проговорилъ два послѣднія слова и въ другой разъ закололся.

Пальму первенства на Харьковской сценѣ, не затрудняясь, можно отдать драматическому актеру *Рыбакову*. Этотъ актеръ одаренъ истиннымъ дарованіемъ, которое стоитъ много выше посредственности. Конечно талантъ его еще не проработалъ и, такъ сказать, еще не утвердился. Съ каждымъ представленіемъ замѣчаешь въ *Рыбаковѣ* что-то новое, чисто оригинальное; онъ видимо совершенствуется. Игра его всегда обдуманна, мясика соответствуетъ словамъ, съ которыми соглашено выраженіе лица. Нѣтъ утрированныхъ жестовъ и восклицаній. Въ патетическихъ сценахъ онъ невольно увлекаетъ и заставляетъ зрителя забытья. Его благородный, мужественный

видъ, одушевленное лицо, голосъ, полный страсти и чувства, дѣйствуютъ на душу, и нередко исторгаютъ слезы. Отъ него много можно ожидать въ будущемъ. Жаль, что онъ играетъ не всегда съ равнымъ стараніемъ: часто роль, сыгранную разъ превосходно, въ другой разъ играетъ гораздо хуже. Это происходитъ вѣролтно отъ самоудовлетворенности и отъ увѣренности, что публика, которая его очень любитъ и поощряетъ, этого не замѣтитъ.

Бабина, который впрочемъ уже выбылъ изъ Харьковской труппы, можно назвать по таланту достойнымъ соперникомъ *Рыбакова*. Кто-то сказалъ, что онъ въ отношеніи къ послѣднему стоитъ ниже слуги. Совершенно несправедливо. Или у меня пять глазъ и ушей, а у Харьковской публики есть обыкновеніе хлопать дурнымъ актерамъ и швыкать хорошимъ. Я до сей поры не забылъ еще, какимъ полнымъ, чисто-эстетическимъ наслажденіемъ подарилъ меня *Бабинъ*, играя *Гамлета*. Я еще невидѣлъ тогда *Каратыгина*; я не понималъ какъ можно болѣе художнически, лучше сыграть эту роль. Театръ лонмился отъ рукоплесканій и *Бабинъ* былъ въ сколько разъ вызванъ.

Соленикъ, комическій актеръ съ необыкновеннымъ дарованіемъ. Мнѣ кажется оно составлено изъ тѣхъ же элементовъ, какъ дарованія покойнаго *Дюра* и *Живокинъ*. Я не говорю, чтобъ игра *Соленика*, равнялась игрѣ этихъ знаменитыхъ артистовъ, но я твердо увѣренъ что со временемъ онъ сталъ бы не ниже ихъ. Нельзя забыть его тому, кто разъ его видѣлъ! То простодушный и благородный, то жалкій и уморительный до невероятности, то злой и раздражительный, — во всѣхъ роляхъ, разнообразный и занимательный, — онъ неровно овладѣваетъ вниманіемъ каждаго зрителя. Недостатки, которые много отнимаютъ у его игры, это выговоръ, иногда сбывающійся на Малороссійское партіе и пѣвтрость музыкальнаго слуха. *Соленикъ* могъ бы украсить столичную сцену.

Вобровъ актеръ чрезвычайно разнообразный по своимъ амплуга и полезный театру. Особенно хорошъ онъ въ роляхъ комическихъ стариковъ и резонеровъ, ходячихъ проповѣдяхъ, которымъ онъ какъ-то умѣетъ придать видъ человѣка, а не книги. Еслибъ онъ рѣже прибѣгалъ къ фарсамъ, часто грубымъ, оскорбляющимъ слухъ и взоръ, то много бы выигралъ въ мнѣніи просвѣщенной части публики.

Г. Петровъ, молодой актеръ, съ недавняго времени занимающій иногда незначительныя

роля молодыхъ любовниковъ, показываетъ некоторое дарованіе. На него можно надѣяться, если онъ не пойдетъ по слѣдамъ *Домбровскаго*, беспрестанными фарсами оскорбляющаго искусство и публику,

Г-жа Молотковская, жена содержателя труппы, занимаетъ первыя амплуа въ драмахъ и комедіяхъ и нѣрѣдко выполняетъ ихъ съ искусствомъ. Ей нельзя отказать въ дарованіи; нѣсколько ролей созданы ею прекрасно; нельзя однакожь безусловно согласиться съ некоторыми, что игра ея носитъ признаки гениальности и что она такой высокой предмѣтъ, что объ ней даже и говорить страшно. У ней есть свои, слишкомъ замѣтные недостатки и вообще она актриса далеко не первостатейная. Надутая, вычурная декламация, изысканная дикція, портятъ ея игру. Нѣрѣдко замѣтны напередъ подготовленные эффекты. Она единственная актриса, которая въ Харьковской труппѣ заслуживаетъ вниманія. После нея, разве можно упомянуть съ похвалою о г-жѣ Бобровой, которой публика, кажется, не отдаетъ справедливости. Она часто, какъ въ драмахъ, такъ и комедіяхъ, выполняетъ роли свои отчетливо и обдуманно, хотя не совсемъ удовлетворительно, а ей предпочитаютъ одну актрису, которая несмотря на то, что лишена дарованія, имѣетъ привычку брать на себя роли не по силамъ и дурнымъ выполненіемъ ихъ мучить зрителей... Зависть, интриги!... И здѣсь онѣ есть!

И. Мятлихъ.

У.

ЯРОСЛАВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Ярославскую труппу прежде содержалъ г. Алексѣевъ, и съ недавняго времени она перешла въ управленіе актера ея, Орлеанскаго. Она не имѣетъ ностояннаго пребыванія въ Ярославль, и принадлежитъ къ числу странствующихъ. Богъ знаетъ куда дѣвается она лѣтомъ. Только наступитъ весна, означенная труппа выступаетъ изъ Ярославля чинно, тихо, безмятежно. Только первый снѣгъ повѣститъ наступленіе зимы, она вновь является, неизвѣстно отъ куда, какимъ путемъ, — *какъ снѣгъ на голову*. ..

Лучшимъ актеромъ Ярославской труппы, въ комическомъ родѣ, по моему мнѣнію, можетъ называться *Михайловъ*. Я говорю о немъ о первомъ потому, что по таланту онъ гораздо выше Орлова, играющаго первыя ро-

ли въ драмахъ и трагедіяхъ. Михайловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ артистовъ, которые могли бы дойти до нѣкоторой степени положительной извѣстности, еслибъ болѣе старались совершенствовать себя, и не смотрѣли на свое занятіе, какъ на ремесло.

Этотъ взглядъ, къ сожалѣнію, едва ли не общій у всѣхъ провинціальныхъ актеровъ, причиною, что Михайловъ рѣдко является на сценѣ такимъ, какимъ бы могъ явиться. За всѣмъ тѣмъ очень часто, кой-гдѣ, отблески прекраснаго комическаго таланта оживляютъ его игру. Онъ статенъ и высокъ, голосъ его звученъ и пріятенъ, хотя мѣстами какъ-то шероховатъ, что особенно замѣтно въ пѣвнн. Ему не болѣе двадцати семи лѣтъ. Онъ играетъ старыхъ и молодыхъ людей, съ равнымъ успѣхомъ. Въ игрѣ его нѣтъ недостатка въ разнообразіи, что уже одно доказываетъ въ немъ несоримое дарованіе. Лучшимъ его ролямъ можно назвать: *Жовілля* въ водевилѣ *Стрѣлчій подъ столомъ*, Курочкина въ *Титулярныхъ Советникахъ*; *Городничаго* — въ Ревизорѣ. Онъ играетъ послѣдшаго едва ли не лучше нѣкоторыхъ второстепенныхъ актеровъ Петербургской сцены.

Орловъ, бывший сперва Петербургскимъ, потомъ Московскимъ актеромъ, наконецъ вступилъ въ Яролавскую труппу и занимаетъ главныя роли въ трагедіяхъ и драмахъ. У него иногда есть минуты увлеченія, заставляющія подозревать въ немъ дарованіе, рѣдко, очень рѣдко — обличающія его. Неестественная дикція, дикой необузданный ревъ, который только въ припадкѣ бышенства или въ отчаянную минуту немилучей гибели, можетъ вырваться изъ груди человека, портятъ его игру. Онъ до того кричитъ, что нѣсколько дней сряду, после представленія, въ которомъ участвовалъ, въ ухахъ многихъ зрителей раздается шумъ, похожій на вой бышеннаго волка, или на стоиъ бѣдной пидѣйки, сжигаемой на маломъ огнѣ, за то, что пыла несчастіе лишился своего супруга. Не рѣдко дамы слабые нервами, уязвляются въ ловни въ представленія. Даже слезы собственной груди не рѣдко изливлютъ ему. Однажды, прокричавъ пять актовъ Гамлета, онъ вышелъ на сцену въ роли деньщика, въ какомъ-то водевилѣ. (На провинціальныхъ театрахъ это случается за-частую). Одно уже это превращеніе, изъ принца въ деньщика, насмѣшило зрителей; но когда дошла очередь говорить Орлову, когда онъ истощивъ тщетными усиліями заговорить, прохрипѣвъ нѣсколько невнятныхъ звуковъ и ставъ въ тупикъ, — о! въ эту великую минуту я невольно бы всѣхъ драгоцѣнностей міра за право захохотать во все гор-

ло... Дивное было зрелище! Орловъ пальцами показывалъ что-то суфлеру; актеры, бывшие на сценѣ, пользуясь замѣшательствомъ, обратились къ публикѣ спиною и протвержили роли; актрисы перемѣнялись съ креслами; изъ за кулисъ выставлялась опрокинутая физиогномія содержателя, который по временамъ оборачивался и вопилъ гласомъ великимъ: «Сырое яйцо! скорый! сырое яйцо!»—публика разсердится. Десять рублей тому, кто скорый принесетъ сырое яйцо!» Публика смѣялась. Орловъ, какъ Наполеонъ на развалинахъ Москвы, или Толченковъ въ драмѣ *Велизарій*, стоялъ гордо и величественно, истиннымъ героемъ, который презираетъ толпу.

Вдругъ на сцену съ разныхъ сторонъ въбѣжали три чловѣка, держа въ рукахъ по куриному яйцу. «Я! я! я! принесъ прежде всѣхъ!» закричалъ одинъ, увидѣвъ другъ друга бросились къ г. Орлову. Одинъ, который былъ задоривъ всѣхъ, оттолкнувъ своихъ соперниковъ, безъ зазрѣнія совѣсти; подбѣжалъ къ нему и воскликнулъ: *кушайте, батюшка, на здоровье! Съезженков: на свѣчку выбиралъ! Кушайте скорый! Содержатель гильватся извольтъ!* И торжествующимъ взоромъ взглянувъ во кругъ себя, съ восторгомъ прибавилъ: *десять рублей зашибъ!* За этими словами послышалась изъ за кулисъ громкая брань и угрозы содержателя, выведеннаго изъ терпѣнія. Смѣху не было конца. Орловъ наконецъ опоманялся и ушелъ со сцены. Запавъ опустился. Никто не думалъ сердиться; водевилъ, который разыгрался предъ публикой, вѣрно стоялъ того, котораго она по этому случаю не видала.

Ко всему этому прибавить, что Орловъ шепеляетъ: это имѣетъ особенную прелесть въ трагедіи. Впрочемъ, нужно ли много толковать о великомъ талантѣ Орлова, столь громко превозвешенный какимъ-то г. Коровкинымъ, въ *Свѣ. Пчелѣ*? Петербургскій публика его знаетъ, Московская такъ-же: и та и другая уловила его съ своей сцены, вѣроятно за *генильность*.—*Красовскій*, молодой актеръ, занимаетъ ампула молодыхъ людей. Онъ довольно хорошъ въ легкихъ, патетическихъ сценахъ, игра его не рѣдко оживлена чувствомъ, онъ имѣетъ прекрасный голосъ; но въ немъ недостаетъ разнообразія. Отъ этого главнаго недостатка, теряютъ цѣну всѣ его достоинства, изъ которыхъ, впрочемъ, и нѣтъ ни одного такого, которое бы вполне выкупало недостатокъ разнообразія. Впрочемъ, если любовь къ искусству и прилежное изученіе его, будутъ постоянно руководить Красовскаго, то отъ него со временемъ можно ожидать чего нибудь дѣльнаго. г. *Орлеанскій* пожилой актеръ, довольно толстый, занимаетъ роли ко-

мическихъ стариковъ. Игра его иногда не безъ достоинствъ.

Гг. *Ивановъ* и *Николаевъ* играютъ слугъ, подъячихъ и Нѣмцевъ, коверкающихъ Русскій языкъ. Оба они, въ особенности Ивановъ, не лишены комическаго дарованія, но они, колеблются. Ивановъ дѣйствуетъ на удачу и часто прибѣгаетъ къ фарсамъ, которые, къ чести его, только смѣшать, но не оскорбляютъ вкуса. Тѣмъ не менше они оскорбляютъ искусство. Николаевъ хорошъ въ *Филаткахъ* и *Мирошкахъ*.

Едва ли можно сказать что нибудь объ остальныхъ актерахъ Ярославской труппы. Всѣ они дѣла тамошняго театра люди нужные, но для искусства совершенно безполезные.

Насущный хлѣбъ—вотъ цѣль ихъ стремленія. Изъ актрисъ, лучшею почитается г-жа *Соловьева*. Она имѣетъ всѣ вѣншія достоинства хорошей актрисы. Кроме прекрасной наружности, огненныхъ глазъ и стройнаго станна, она владѣетъ еще ловкостью и благородствомъ манеръ, что всего нужнее хорошей актрисы и въ чемъ, увы! и на столичныхъ нашихъ сценахъ случается большой недостатокъ. Она занимаетъ ампула первыхъ любовницъ въ драмѣ и въ комедіи. Игра ея доказываетъ, что она обдумываетъ свои роли; она если не увлечетъ совершенно, не потрясетъ души въ сценѣ реаности или ищевія, не страститъ плакать, изображая любовь и страданіе, то покрайней мѣрѣ, заронитъ въ душу по искрѣ изъ огни всѣхъ этихъ чувствъ, а искра, если ея не поспѣшатъ затушить, разгорается пожаромъ. Душѣ впечатлительной довольно и этого, чтобы почувствовать остальное.—Жаль, что г-жѣ Соловьевой недостаетъ голоса: она въ противоположность Орлову, которому чаще всѣхъ приходится съ ней играть, говоритъ очень тихо, притомъ голосъ ея довольно связанъ. Оттого, въ патетическихъ сценахъ, иногда половина словъ недоходитъ до зрителей, что ослабляетъ эффектъ, производимый ею въ эти минуты. За ней есть еще большой недостатокъ, который, впрочемъ, можно надѣяться, она со временемъ преодолѣетъ: она невладѣетъ ролей. Во всѣхъ пяти-актныхъ пьесахъ къ концу игра ея холодна, безцветна, такъ, что нельзя поверить, что эта та же самая актриса, которая играла въ началѣ пьесы. Вообще отъ г-жи Соловьевой только можно ожидать въ будущемъ хорошаго, а вѣнъ она, единственно по благосклонности публики и пословницъ: на безрыбь и ракъ рыба,—считается лучшею актрисою.

Г-жа *Нѣличилова*, которой давно бы пора перейти на ампула старухъ, занимаетъ

роли молодыхъ любовницъ. Ея станъ, до-родство, лицо, на которомъ неблагодарное время провело морщины, голосъ нѣсколько картавый, сутуловатая плечи, всѣ эти преле-сти, дающія ей право на нѣкоторое различіе съ Медвѣдской Веперой, показываютъ до ка-кой степени она способна къ такимъ ролямъ.

Вы не можете вообразить, какъ нестерпимо досадно, видѣть старую актрису, мышкова-тую, не живую, лишенную притомъ ма-лѣйшаго дарованія, въ роли молодой дѣ-вушки. Вѣло, однообразно, утомительно. Темъ болѣе досадно, что г-жа Нѣмцова беретъ на себя зач астую роли, принадлежащія г-жѣ Соловьевой, отъ которой можно бы надѣяться удачнаго выполненія.

Г-жа Красовская, жена молодого актера, о которомъ мы уже говорили, довольно хоро-шая и чрезвычайно полезная водевильная ак-триса. Она съ искусствомъ занимаетъ роли пождыхъ дѣвъ и тетусекъ, а иногда, не безъ успѣха играетъ молоденькихъ, сентименталь-ныхъ дѣвушекъ. У нея хорошей голосъ.

Вотъ, по возможности, вѣрныи очеркъ Яро-славской труппы. Хороша-ли она въ цѣломъ? Исполняетъ ли она, хотя десятую часть того, чего требуетъ драматическое искусство отъ жрецовъ своихъ? нравится ли она публикѣ? Это вопросы, на которые отвѣчать трудно. До-вольно сказать, что публика благосклонно при-нимаетъ ее, что есть пьесы, которыя идутъ удачно, следовательно доставляютъ удоволь-ствіе, выдвигаютъ скуку наводимую дурнымъ выполненіемъ большей части пьесъ. Нѣтъ нужды пересчитывать пьесы, которыя играютъ въ Ярославлѣ: главнѣйшее свойство нашихъ про-винціальныхъ театровъ — самоуверенность и отважность. Они, не справляясь съ средствами, ставятъ самыя трудныя пьесы; изъ этого мож-но догадаться, что въ репертуаръ Яросла-вскаго театра вошло все, что имѣло успѣхъ въ столицахъ.

Ярославскій театръ несчастіемъ многихъ провинціальныхъ театровъ. Въ немъ нѣкогда не было ни одного знаменитаго артиста изъ Мо-сквы или Петербурга. Одинъ только разъ публика была обольщена такой пріятной на-деждой, но заплатила за нее полнымъ разо-чарованіемъ. Содержатель распустилъ слухъ, что къ нему будутъ изъ Москвы знаменитые Долинскіе, пользующіеся европейскою из-вѣстностію. Кто не зналъ, — повѣрилъ; въ городъ замѣтно было всеобщее волненіе, ждали съ нетерпѣніемъ; напередъ требовали

билетовъ. Наконецъ появилась афишка. Объ-явлена Жизнь Игрока крупными буквами па-печатано: роль игрока будетъ играть актеръ Императорскаго Московскаго театра Долин-скій, а роль Амаліи, г-жа Долинская. Театръ былъ полонъ, разочарованіе было тоже полно и ужасно. Имя, такъ шутить съ публи-кой негодится! Эти актеры на Московскомъ театрѣ изъ первыхъ съ конца, въ Ярославлѣ — они пользуются европейскою извѣстно-стію.

— Впрочемъ, недумайте, ради Бога, что Яро-славская труппа такъ глупа, какъ выставилъ ее въ Сѣв. Пчелѣ, нѣкій Коровкинъ, котора-го мы плохо что-то знаемъ и въ литературѣ и въ искусствѣ, и который говоритъ о себѣ такъ круто. Въ Ярославской труппѣ есть люди, истинно образованные и умные, кото-рые умѣютъ отличать птицу — по полету. Они играли передъ людьми значительными, извѣстными даже по своей учености и нѣког-да не робѣли, могутъ ли они придти въ за-мѣшательство отъ присутствія какого шбуда, хоть бы даже и Петербургскаго водевилли-ста, у котораго и усъ еще не пробивался? Завѣсь всѣмъ извѣстно, что у насъ въ сто-лицѣ мелочныхъ поставщиковъ бенефисныхъ, афишечныхъ пьесокъ считаютъ дюжипами и что произведенія ихъ по большей ча-сти дюжевыли. Такъ и мы на пякъ смот-ривъ. — «Причиною недостатка веселости въ Ивановѣ — былъ, кажется, Я! Пріездъ Пе-тербургскаго водевиллиста привезъ ихъ (акте-ровъ) въ видное замѣшательство!» Такъ пи-шетъ г. Коровкинъ — въ Сѣв. Пчелѣ. Это со-вершенно новый способъ самопрославленія: онъ здѣсь довольно позабавилъ публику. — «Я самъ пріеду въ Рыбинскъ, продолжаетъ онъ Коровкинъ, я самъ обставлю нѣкоторыя пье-сы и тогда, наставлю ихъ (т. е. актеровъ и пуб-лику) на путь истинный, отчетливѣе буду судить о ихъ дарованіяхъ и средствахъ!» — Bravo! Стало быть до Коровкина и театръ, и весь Ярославль шли по кривому и ложному пути? — Да этакъ того и гляди, мы сложимся и поставимъ Петербургскому водевиллисту статую, въ точности его изображающую; какъ Нѣмцы вынѣ ставятъ Гуттенбергу! Намъ это пи почему: мы люди призывательные! Мы со-храняемъ же Волкову роцу — въ память е-липкаго основателя Русскаго театра А. Г. Во-лкова, отчего-жъ не выбрать Коровѣ болото, въ честь новому преобразователю Яросла-вскаго театра? — Пуфъ! пуфъ! пуфъ! пуфъ!

Ө. М айковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Пантеона» симъ объявляетъ почтеннымъ Гг. Авторамъ и Переводчикамъ, которые оказываютъ ей честь, доставляя свои пьесы и статьи, что она не можетъ принять на себя хлопотъ и издержекъ обратной пересылки статей, въ случаѣ, когда онѣ, по какимъ либо причинамъ, не могутъ войти въ составъ *Пантеона*. Гг. Авторы и Переводчики большихъ статей, могутъ ихъ получать обратно или сами, или чрезъ своихъ повѣренныхъ, изъ магазина *В. П. Поллова*. Мелкія статьи, стихотворенія, сцены и тому подобное — не возвращаются. Такъ-же проситъ Редакція Гг. подписчиковъ, не получившихъ нѣкоторыхъ номеровъ *Пантеона*, или приложеній къ нему, обращаться съ своими требованіями въ тѣ мѣста, и къ Гг. книгопродавцамъ, у которыхъ подписывались; а имъ Редакція высылаетъ все исправно и въ надлежащемъ видѣ.

Желающіе лично объясниться по какому нибудь дѣлу съ Г. Редакторомъ *Пантеона*, могутъ заставить его каждое воскресенье, утромъ, отъ 10 часовъ, до часа; въ квартирѣ его, на *Невскомъ проспектѣ*, въ домѣ *Мыяева*, подъ *№ 10*.

НОРМЕНЪ, МОРОКОЙ КАПИТАНЪ,

ИЛИ

РОДОВОЕ ПРАВО.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Э. Л. Бульвера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. В. Торкавенко.

«The son of fortune, she has sent him forth
To thrive by the red sweat of his own merits.»
Middleton.

«Then triumph, Leon, richer in thy love
Than all the hopes of treasure.»
Charman.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лордъ Ашдэль, сынъ леди Арондель.

Серъ Морисъ Биворъ, дальній родственникъ леди Арондель.

Норманъ, капитанъ военнаго корабля.

Фелькнеръ, его другъ и лейтенантъ.

Овсловъ, деревенскій пасторъ.

Госсевъ }
Лука } пираты.

Леди Арондель, графиня.

Биолетта, ея воспитанница и двоюродная сестра лорда Ашделя съ отцовской стороны.

Мистрисъ Прудвядя.

Трактирщикъ.

Слуги, матросы и проч.

Дѣйствіе происходитъ на сѣверъ Девоншира, въ царствованіе Елисаветы.

НОРМЕНЪ, МОРСКОЙ КАПИТАНЪ,

ИЛИ

РОДОВОЕ ПРАВО.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Небольшой трактиръ на берегу моря. Вдали виденъ замокъ Арондель. Корабль стоитъ на якорѣ; у берега привязана шлюбка. Сквозь отворенную дверь трактира видно, какъ Фелькнеръ угощаетъ матросовъ. У столика, на авансценѣ, сидитъ Госсень.

ТРАКТИРЩИКЪ, (наливая Госсену вина).

Если это не лучшее вино съ Канарскихъ острововъ, то я позволю утопить себя въ сороковой бочкѣ. Но вѣдь вамъ скучно пить одному; не хотите ли присоединиться вонъ къ тѣмъ весельчакамъ?

ГОССЕНЪ.

Нѣтъ.

ТРАКТИРЩИКЪ (въ сторону).

Онъ порядочно грубоватъ. Если расчеты его такъ же коротки, какъ отвѣты, такъ онъ не умретъ въ долгу у трактирщика.

(Уходитъ въ трактиръ).

ГОССЕНЪ.

Луку пора бы ужъ возвратиться. Серъ Морицъ вѣрно обрадуется свое-

му старому другу, когда узнаетъ, какія новости я привезу ему. (*Набивая трубку*). Слава серъ Вальтеру Ралейгу: — онъ вывезъ намъ табакъ! — Подлинно великій человекъ!

МАТРОСЫ., (въ трактиръ).

Ха! ха! ха!

ГОССЕНЪ.

Чортъ побери этихъ пьяницъ! Если бы я зналъ, какихъ гостей угощаетъ толстый трактирщикъ, никогда не присталъ бы въ этотъ портъ. Я терпеть не могу честныхъ людей: какое право имѣютъ они быть честными, и мѣшать ремеслу другихъ? (*Входитъ Лука*). А, Лукъ! Ну, что сказалъ старый кавалеръ?

ЛУКЪ.

Почти ничего; онъ самъ несетъ отвѣтъ, вѣрно, чтобъ не платить мнѣ за комиссію. Проклятый скряга—ни одного пенса педаля за работу. На его широкой рожѣ такъ, кажется, и написано: не тронь кармана!

ГОССЕНЬ.

А гдѣ наши?

ЛУКЪ.

Бродятъ по городу, да узнаютъ, какіе корабли выходятъ въ море, и съ какимъ грузомъ. Лихіе ребята!

ГОССЕНЬ.

Ступай, выбери дюжину самыхъ раторопныхъ: вели имъ собраться въ пещеръ, недалеко отъ замка, о которой я говорилъ тебѣ. Къ ночи имъ будетъ работа.—Послушай, Лукъ, еслибы ты сдѣлалъ челоуѣку столько зла, что твоя жизнь была бы въ его рукахъ, какъ бы ты поступилъ?

ЛУКЪ.

Выбралъ бы первую темную ночь, и спрятавшись за кустомъ, держалъ бы для него на-готовѣ ножъ.

ГОССЕНЬ.

Ладно, я поступлю по твоему. — Ступай!

(Лукъ уходитъ).

МОРЯЦЪ, (входитъ).

Какъ, это ты, Джильсъ Госсенъ, — забійка Госсенъ, дубовое сердце? Ну, какъ поживаешь? Вѣдь мы ужъ десять лѣтъ не видались. Я думалъ, что ты въ чужихъ краяхъ. (Въ сторону) Я желалъ бы, чтобъ ты былъ на томъ свѣтѣ! Ты постарѣлъ немного. Что это: сабельныя раны? Все къ лучшему, дружокъ, — теперь ты гораздо мужественнѣе, страшнѣе! Совершенный морякъ!

ГОССЕНЬ.

Да, за эту парашну я долженъ благодарить молодца, котораго захватилъ для васъ,

МОРЯЦЪ.

Это не пріятное воспоминаніе, правда... Ну, да и ты вѣрно расквитался съ нимъ... одѣлъ его въ саванъ, который никогда не изнашивается?

ГОССЕНЬ.

Нѣтъ; онъ ускользнулъ, — онъ живъ! Вчера я видѣлъ его — недалеко отсю-

да. Это-то и привело меня сюда. Я узналъ, что онъ перемѣнилъ имя; его зовутъ теперь Норменомъ! Онъ командуетъ чудеснымъ кораблемъ: вонъ, посмотрите. (Показываетъ на корабль). Эти извѣстія не развяжутъ ли вашего кошелька, серъ Морицъ?

МОРЯЦЪ.

Какъ, бездѣльникъ! Развѣ ты не получилъ пятьсотъ свѣтлыхъ, повельныхъ золотыхъ монетъ? Я помню каждую изъ нихъ, какъ мое собственное дѣтище; и все это, все, я отдалъ тебѣ, за то только, чтобы ты никогда не говорилъ мнѣ: «онъ живъ».

ГОССЕНЬ.

Стъ!

(Фелькверъ и матросы выходятъ изъ трактира).

ФЕЛЬКВЕРЪ.

Да, друзья, будьте готовы; сейчасъ будетъ сюда капитанъ. (Госсену). Эй! товарищъ! Ты, кажется, такъ-же морякъ. Не хочешь ли служить на «Элизъ», подъ командою храбраго капитана Нормена?

ГОССЕНЬ (тихо Морицу).

Слышите? — Нормена.

МОРЯЦЪ.

Вы служите подъ начальствомъ капитана Нормена, почтеннѣйшій? — Вы скоро ожидаете его сюда, почтеннѣйшій.

ФЕЛЬКВЕРЪ.

Сю минуту, почтеннѣйшій! Я его лейтенантъ, почтеннѣйшій! Вы вѣрно выпьете за его здоровье?

МОРЯЦЪ.

Вотъ еще! а что мнѣ въ его здоровья? Слишкомъ много будетъ, если челоуѣкъ моихъ лѣтъ станетъ пить за каждое здоровье. Ну, Госсенъ, идемъ; скорѣе — рассказывай мнѣ, — рассказывай все. Мое почтеніе, господинъ лейтенантъ.

(Уходитъ съ Госсеномъ).

ФЕЛЬКВЕРЪ.

Прощайте, друзья, — чтобъ вамъ про-

тивнымъ вѣтромъ подуло! Кто отказывается пить безъ причины, тотъ, по моему—подозрительный человекъ.

МАТРОСЫ.

Ура, капитанъ! ура!

(Входитъ Норменъ).

НОРМЕНЪ.

Молодцы, ребята! Ваши радостные клики пріятнѣйшая для меня музыка. Ну, что, всѣ ли дублионы истрачены?

МАТРОСЫ.

Почти что всѣ, капитанъ.

НОРМЕНЪ.

Тѣмъ лучше, легче будетъ идти въ море. Ступайте въ городъ, и избавте меня отъ этихъ золотыхъ монетъ. Но до заката солнца всѣмъ возвратиться. (Матросы уходятъ). Чтѣбы я сталъ дѣлать съ призовыми деньгами, еслибы мнѣ не помогли эти молодцы?—право, они избавляютъ меня отъ лишнихъ заботъ! Ну, что Фелькнеръ, былъ ли ты дома?—Все ли благополучно?

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Все ли! мой бѣдный старикъ, да благословить его небо, узналъ горе. Онъ обрабатываетъ чужую землю, а жатва плоха. О, какъ былъ я счастливъ, когда, передавши ему все мое золото, могъ сказать: «Твой сынъ, морякъ, пришелъ отогнать нищету отъ отцовскаго порога!»

НОРМЕНЪ.

Одинъ такой часъ вознаграждаетъ за труды цѣлой жизни. Ну, а мать твоя? Я вѣкогда не зналъ матери, но люблю видѣть, какъ при этомъ священномъ имени выступаютъ на глазахъ слезы, а на щекахъ румянецъ. Она благословила тебя?

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Она молчала; но слезы и руки, поднятыя къ небу, и уста, шептавшія молитву,—благословили меня!

НОРМЕНЪ.

Другъ, я тебѣ завидую!

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Довольно обо мнѣ. Какія у тебя новости? Видѣлъ ли ты Западный Цветокъ, твою прекрасную невѣсту, которую мы отняли у африканскаго корсара, вмѣстѣ съ ея отцомъ?

НОРМЕНЪ.

Нѣтъ, я не могъ; мнѣ не позволяло время. Ея отецъ умеръ; чужой занялъ ихъ домъ. Виолетта живеть, здѣсь у родственницы. Взгляни, какъ солнце золотить древнія башни замка Аронделя; мы, какъ нарочно, противъ него стали на якорь; туда влекло меня. И теперь, за всѣ земли, которыя я видѣлъ, даже за лучшій корабль, который когда-либо пожиналъ побѣду по игривымъ волнамъ моря, не отступлю на летъ стрѣлы отъ дороги, ведущей меня къ Виолеттѣ.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Но нашелъ ли ты твоего воспитателя, стараго пастора?

НОРМЕНЪ.

О, добрый старецъ, прости меня! Мнѣ кажется, любовь въ жизни то же, что водоворотъ въ морѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сошелъ на берегъ, у меня не было мысли, мечты, страха, надежды, которыхъ бы не поглощали волны моей страсти! Услужи мнѣ, Фелькнеръ. Отнеси это письмо къ моему воспитателю; отсюда часа два ходьбы до его жилища. Скажи, что я приду къ нему, можетъ-быть, сегодня вечеромъ; если же нѣтъ, то завтра утромъ. Расскажи ему всѣ добрыя вѣсти: что я здоровъ, бодръ, веселъ; что каждый вечеръ — не забудь же, скажи, что каждый вечеръ, въ отдаленнѣйшихъ моряхъ, его питомецъ повторялъ молитвы, которымъ научилъ онъ младенческія уста мои, и каждый день призывалъ благословеніе небесное на его сѣдины.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Я исполню твою просьбу.

НОРМАНЪ.

А я теперь пойду къ Виолеттѣ.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Постой! — Твои матросы вѣрны, корабль подъ рукою. Если она скажетъ «да», поднимемъ паруса и тотчасъ же въ море съ призомъ. Чтѣ, она богата?

НОРМАНЪ.

Отецъ ея умеръ въ бѣдности. Слава Богу, она не богата.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Я очень радъ. Если бы у нея были земли и деньги, ты, пожалуй, забылъ бы о морѣ.

НОРМАНЪ.

О морь! Никогда! Даже для самой красоты не измѣнилъ бы я славному морю, гдѣ Англія водрузила трезубецъ боговъ; гдѣ каждое дыханіе вѣтерка привѣтствуетъ ея флаги; гдѣ каждая волна передаетъ хоръ нимфъ Нептуна, славящихъ безсмертное имя моей отчизны! — Измѣнить морю!.. Нѣтъ! корабль будетъ нашимъ домомъ, свистъ буйнаго вѣтра, — нашимъ свадебнымъ гимномъ, звезды — нашими свѣтильниками; ковромъ нашимъ будетъ хрустальная глубь, блестящая изумрудами и бирюзой; а небесный шатеръ — пологомъ. — О Виолетта! никогда еще корабль не летѣлъ съ такимъ восторгомъ въ портъ, какъ и къ тебѣ! Твоя вѣрность — мой якорь, и моя пристань — въ твоихъ очахъ. Прощай, Фелькнеръ.

(Оба уходятъ въ разные стороны.)

СЦЕНА II.

Садъ замка Арондель.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Сегодня минуло ровно двадцать пять лѣтъ послѣ того ужаснаго дня! О, солнце, все пронзающее око небесъ! мое сердце, какъ мрачная пещера, хранитъ страшную тайну. — Молчи же, совѣсть! Развѣ у меня нѣтъ власти, богатства, знат-

ности... Развѣ я не владѣю общимъ уваженіемъ? Зачѣмъ думать о прошедшемъ? Ахъ... онъ идетъ! Мой сынъ — мой милый сынъ, — я вижу тебя — и снова счастлива!..

ЛОРДЪ АШДЕЛЬ, (за сценою говорить слугамъ).

Да, старому Роланду! Да, смотрите, беречь сокола, котораго прислалъ мнѣ лордъ Лейстеръ. (Входитъ). Здравствуйте, матушка... Гмъ... я думалъ, что Виолетта здѣсь. Право, благодаря васъ и митриссъ Пруденцію, эту чопорную, накрахмаленную куклу, я никогда не вижу моей кузины.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Сынъ мой, она не можетъ быть не вѣстою наследника фамилии Арондель.

АШДЕЛЬ.

Кто говорить о невѣстахъ? Развѣ мы не можемъ смотрѣть на красоту иначе, какъ съ факломъ Гименея? — Быть любезнымъ, дышать вздохами, клятвами и надеждами, слѣдить за всѣми переменами этого небосклова, который называютъ «женщиной», и мѣшать свой разговоръ съ великолѣпною печалью; все это...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Любовь!

АШДЕЛЬ.

О, нѣтъ, матушка — *забаса*; вы только думаете о птичкахъ и пастушкахъ, которыхъ плачевныя пѣсни любви передаютъ намъ поэты. Мнѣ же хочется какъ-нибудь обратить время; — время (*звѣвая*) такъ продолжительно въ деревнѣ; отъ нечего дѣлать, я играю стрѣлою Купидона съ прекрасною кузиною! Идутъ ли ко мнѣ эти перья?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Хороши, только слишкомъ развѣваются.

АШДЕЛЬ.

И любовь моя теперь похожа на блестящее перо, которымъ легкій вѣтеръ играетъ на груди вашего сына — (*цѣлуетъ*)

ея руку) — Пусть пера играетъ, милая матушка.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (со вздохомъ).

Ахъ, Перси, Перси!

АШДЕЛЬ.

Но я слышу, мой конь ржетъ отъ нетерпѣнія и звенятъ серебряные колокольчики сокола. Я скоро возвращусь. Между-тѣмъ, если вы хотите, чтобъ я былъ вашимъ послушнымъ сыномъ, дайте мнѣ крылья—или другими словами (не сердитесь же) пустите меня ко двору, въ лагерь, куда хотите, только подальше отъ деревенской жизни, гдѣ моя прекрасная кузина смотритъ на меня такими мертвыми глазами. Прощайте. (Уходятъ).

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Онъ слишкомъ вѣтренъ — слишкомъ легкомысленъ для того, чтобы наследовать имя своихъ предковъ. Но гдѣ мать, которая не любитъ сына, даже за самые недостатки? (Входитъ Виолетта и мистриссъ Пруденція). Виолетта, о чемъ ты печалишься, — къ чему это траурное платье?

ВИОЛЕТТА.

Леди, я сирота.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Нѣтъ ли у тебя другой печали, Виолетта, и тѣ ли слезы текутъ изъ глазъ твоихъ, которыя орошали могилу отца? Ты отворачиваешься? (сердито) Ты помѣшана на Ашдель? Смотри, берегись: любовь, играя надеждою, которую она пестритъ и раззолачиваетъ, часто золотитъ только — развалины.

ВИОЛЕТТА.

Вы въ правѣ говорить мнѣ что угодно, только не запрещайте грустить о томъ, что я сирота.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (тронутая).

Прости меня, я поступила опрометчиво! — Нѣтъ, ты не любишь... скажи... ты не любишь моего Перси?

ВИОЛЕТТА.

Вы знаете, что я бѣгаю отъ него! Я

бѣдна; но бѣдность можетъ-быть гордою (въ сторону), а память вѣрною.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (про себя).

Я основывала большія надежды на Ашдель, — свѣтлыя желанія — безумныя мечты; — послѣдній сынъ фамплин, члены которой были товарищами королей, онъ стоитъ передо мною какъ мечта славы, томимый какою-нибудь благородною, высокою страстію. Глаза мои проникаютъ будущее; когда эти кости сдѣлаются прахомъ, онъ будетъ близокъ къ тѣмъ, которыхъ мечи и короны блестятъ вокругъ трона, какъ охранныя звѣзды царственнаго острова. Короли будутъ чтить память его матери. (Входитъ серъ Морицъ).

МОРИЦЪ, (тихо Леди Арондель).

Слышали? онъ живъ!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Онъ! кто?

МОРИЦЪ.

Молодой джентльмеяъ, который стоитъ между вашимъ Перси и наследіемъ! Уфъ, уфъ! (кашляя). Сегодня холодно. (Обращаясь къ Пруденціи). Вамъ не худо бы было прогуляться съ Виолеттою, мистриссъ Пруденція, и чтобъ не терять даромъ времени, вы бы хоть связали мнѣ пару шерстяныхъ чулокъ.

МИСТРИССЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Чулокъ, серъ Морицъ? Какой деликатный намекъ!

(Уходитъ въ глубину сцены съ Виолеттою).

МОРИЦЪ, (Леди Арондель).

Я говорю вамъ — онъ живъ; онъ здѣсь; ужъ не ребенкомъ или слабымъ мальчикомъ, но сильнымъ человекомъ, съ кораблемъ, съ именемъ, съ экипажемъ, — и съ деньгами, какъ мнѣ сказывали. Вашъ сынъ Перси прекрасный молодой человекъ. Жаль, что отецъ его прежде, чѣмъ женился, имѣлъ другаго сына. Но, безъ вашихъ замковъ Ашдель и Арондель, вашъ Перси будетъ такъ же бѣденъ, такъ же бѣденъ, какъ старый Мо-

рядъ Биворъ. — Какая क्याче сырость въ воздухѣ! — Бѣдность можетъ причинить лихорадку (*дрожитъ*), и одышку (*задыхаетсл*); насморкъ и простуду (*чихаетъ*) и ломъ въ поясницѣ (*почесываетъ спину*); и когда бѣдность проситъ, собаки лаютъ на нее; и когда бѣдность больна, докторъ терзаютъ ее; и когда бѣдность умираетъ, ее бранятъ; а когда бѣдность умерла, никто объ ней не заплачетъ. Если этотъ молодой человекъ докажетъ свои права, вашъ сынъ Перси Ашдель, будетъ очень бѣденъ!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Мой сынъ, мой Персп! Но пасторъ не измѣнитъ миѣ. Онъ далъ клятву.

МОРЩИЦЪ.

Хранить тайну до тѣхъ поръ, пока живъ вашъ отецъ и супругъ: они умерли. Впрочемъ, у пастора нѣтъ никакихъ доказательствъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Къ несчастію, есть.

МОРЩИЦЪ.

Есть! Зачѣмъ же вы не сказали мнѣ объ этомъ прежде?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Потому — потому что (*въ сторону*) а боялась твоей жадности болѣе, чѣмъ совѣсти пастора.

МОРЩИЦЪ, (*въ сторону*).

Гмъ! теперь она будетъ просить меня о помощи. Я пронюхаю, что за доказательства. Въ этой мутной водѣ плаваютъ много золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ. Чтѣ жъ! закинемъ удочку!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Я совсѣмъ потерялась, не знаю, чтѣ дѣлать?

МОРЩИЦЪ.

Я слышалъ, что на той сторонѣ рѣки Экса продается прекрасная, маленькая мыза; но я бѣденъ — очень бѣденъ, хоть и старый кавалеръ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Вы шутите со мною? Въ чемъ состоитъ вашъ совѣтъ?

МОРЩИЦЪ.

Тамъ бездна дичи: куропатки, зайцы, дикія утки, (*облизывается*); превосходные воробьи, которыхъ я всегда могу продавать мальчишкамъ по пенсу за сотню. Но я бѣденъ — очень бѣденъ. Вы не повѣрите, до чего я бѣденъ...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Идемъ, идемъ. Я дамъ тебѣ золота, — всего, чтѣ хочешь; помоги только отвратить опасность!

МОРЩИЦЪ.

Если бы она сначала сказала «золота», я былъ бы минутою и тремя четвертями ранѣе въ выигрышѣ! Миледи, я слѣдую за вами. Не бойтесь, мы скроемъ доказательства.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Нынѣшнюю ночь я видѣла его во снѣ; ужасный сонъ!

(Леди Арондель уходитъ въ домъ. Входятъ мистриссъ Пруденція и Вioлетта).

МИСТРИССЪ ПРУДЕНЦІА.

Старый скряга! Посмотри, какъ я разсержу его (*клапаясь ниako серу Морицу*). Почтиспный серъ Морицъ, осмѣлюсь ли я просить у васъ благословенія?

МОРЩИЦЪ, (*въ сторону*).

Я никогда не слышалъ, чтобы кто-нибудь просилъ благословенія безъ того, чтобы не выпросить еще чего-нибудь (*громко*). Штъ! штъ! зачѣмъ вамъ благословеніе старая безбожница?

МИСТРИССЪ ПРУДЕНЦІА.

Но, вѣдь оно вамъ ничего не стоитъ.

МОРЩИЦЪ, (*въ сторону*).

Это насмѣшка надъ моею бѣдностью. У всякаго дурака есть камень на бѣдняка. (*Громко*). Не стоитъ ничего! Да приноситъ ли оно что-нибудь? Что вы дадите за него?

МИСТРИССЪ ПРУДЕНЦІА.

Эту ленточку.

МОРЩИЦЪ, (*взявши ленту*).

Гмъ! годится на подвязки. Ну, благословляю васъ; старайтесь исправитьсь,

и наполнить ваше грѣшное, старое сердце желаніемъ связать мнѣ шерстяные чулки! Ты также просишь благословія, дитя?

ВЮЛЕТТА.

О, нѣтъ, серъ.

НОРМЕНЪ.

Дѣвушки стали у насъ ужасно дерзки! Эта лицемѣрная смиренница смѣется надъ моимъ благословіемъ. Однако, какъ бы тамъ не сторговались безъ меня.

(Уходитъ въ домъ.)

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Я отдала бы охотно новое платье, чтобъ только узнать, отчего этотъ старый скряга имѣетъ такое вліяніе на леди Аропдель.

ВЮЛЕТТА.

Вы забываете, что онъ ей родственникъ, и послѣ лорда Ашделя послѣдникъ всѣхъ владѣній дома Аропдель.— Ахъ, мистрисъ Пруденція, какъ я вамъ благодарна, что вы помогаете мнѣ избѣгать преслѣдованій молодого лорда!

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Милое дитя, за это вознаграждаетъ меня собственная совѣсть (*въ сторону*) и матушка молодого лорда. Вы вздыхаете?—Верно васъ все еще занимаетъ вашъ морякъ?

ВЮЛЕТТА.

Я никогда не переставала думать объ немъ, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ умеръ батюшка. Быть-можетъ, его гордость помѣшала бы мнѣ вытти за чело-вѣка неизвѣстнаго происхожденія; но теперь...

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Онъ, въ самомъ-дѣлѣ, прекрасный мужчина. Какъ хорошъ онъ былъ, когда со всѣмъ своимъ экипажемъ вскочилъ на палубу корсара съ крикомъ «Англія и Елисавета!» Мнѣ кажется, я вижу и теперь, какъ глаза его блестятъ сквозь дымъ. Если бы не онъ, насъ отвели бы на продажу, на рынокъ въ

Тунисъ! Да вы не слушаете меня. Если вы ужъ такъ полюбили уединеніе, я васъ оставляю, и пойду дошивать по каивъ любовь царя Соломона и парицы Шевы; отживши для любви, мы находимъ какое-то утѣшеніе воскрешать ее, хоть на полотнѣ.

ВЮЛЕТТА.

О, эти страстные очи служатъ какимъ-то талисманомъ; въ любви нѣтъ разлуки. Милый образъ, какъ ангель хранитель, никогда не оставляетъ насъ; мы чувствуемъ его присутствіе въ запахѣ цвѣтка, его вздохъ въ каждомъ порывѣ вѣтра. И при немъ весь міръ кажется прекраснѣе, всѣ созданія святѣе, и зукки очаровательнѣе, и образы прекраснѣе: все дышетъ его голосомъ и улыбкою. (*Входитъ Норменъ*) Тутъ говоритъ мое воображеніе, но не сердце! Гдѣ ты теперь, мой незабвенный Норменъ?

НОРМЕНЪ.

У ногъ твоихъ! О, я снова вижу тебя, дышу однимъ воздухомъ съ тобою, прекрасная Виолетта. Взгляни, взгляни—эти руки охраняли меня, когда кругомъ ревѣла буря; и на устахъ моихъ еще горитъ твой прощальный поцѣлуй, — какъ слѣдъ ангела, слетавшаго на землю. Взгляни—никогда почъ не ожидала такъ посхода солища, какъ душа моя ждала взгляда твоихъ очей!

ВЮЛЕТТА.

Счастливый день!—Мой Норменъ!—Ты ли это, мой Норменъ?

НОРМЕНЪ.

Взгляни, взгляни, Виолетта; но ты плачешь, ты дрожишь на груди моей; ты слишкомъ нѣжна для моей грубой страсти. Взгляни: ты невеста моряка, я увезу тебя съ собою; зачѣмъ же ты отвѣчаешь мнѣ однимъ румянцемъ? О, дай мнѣ, какъ пчелѣ, испить всю сладость съ этихъ розъ!

ВЮЛЕТТА.

Многое хотѣла я сказать тебѣ, но те-

перь помню только одно: ты опять со мною.

норменъ.

Чтобы болѣе не разставаться.

(Входитъ мистрисъ Пруденція.)

мистрисъ пруденція.

Что я вижу? — Мнѣ казалось, что я слышу голоса! Какъ, капитанъ Норменъ! Или это духъ его?

норменъ.

Нѣтъ, моя прекрасная гувернанта, это я самъ, душою и тѣломъ.

мистрисъ пруденція.

Ахъ, капитанъ! Прошу васъ, уйдите отсюда. — Если графиня — она можетъ притти...

норменъ.

О, тогда я, пожалуй, улечу духомъ.

мистрисъ пруденція.

Вы все такой-же весельчакъ; но подумайте о моей отвѣтственности. Что скажетъ графиня, если узнаетъ, что я позволила незнакомому человѣку говорить съ ея воспитанницею?

норменъ.

Взгляните, мистрисъ Пруденція. — Ну, что вы видите теперь?

(Прикладываетъ червонецъ къ ея лѣвому глазу.)

мистрисъ пруденція.

Нѣтъ, лѣвымъ глазомъ ничего не вижу, но правый все еще...

норменъ.

Бѣдняжка! но вотъ золотое лѣкарство: оно вылѣчитъ его. (Прикладываетъ червонецъ къ правому глазу). Что вы теперь видите, мистрисъ Пруденція?

мистрисъ пруденція.

Ничего не вижу.

норменъ, (въ сторону).

Подлинно, счастье для кошельковъ бѣдныхъ любовниковъ, что старыя дуэны не родились съ тремя глазами.

(Пруденція уходитъ.)

виолетта.

Ахъ, Норменъ, мнѣ кажется кто-то идетъ? Эта ужасная женщина...

норменъ.

Женщина—святое имя! оно не можетъ быть ужасно, Виолетта.

виолетта.

Ты не знаешь леди Арондель, — одно ея имя ужасно! Ея взглядъ наводитъ страхъ; часто въ ея комнату горитъ огонь даже до разсвѣта; какое-то темное воспоминаніе помрачаетъ ея лицо; это не раскаяніе, не печаль. О, мой бѣдный батюшка!

норменъ.

Виолетта, мы оба сироты на землѣ; но мы найдемъ одну мать, которой лицо освѣщается блескомъ звѣздъ; эта мать—море. А Отецъ нашъ, Виолетта, будетъ смотрѣть на насъ съ небесъ!

(Уходить.)

(Входятъ леди Арондель и серъ Морицъ.)

леди арондель.

Нѣчего дѣлать! Если нѣтъ другихъ средствъ!

морицъ.

Безъ доказательствъ разскажу старику никто не повѣритъ; мой грубый и голодный бродяга проберется къ дому Онслова—захватитъ всѣ бумаги...

леди арондель.

Скорѣе! скорѣе! посмотри самъ за этимъ, добрый Морицъ.

морицъ.

Наше дѣло!

(Уходить.)

(Снова являются Норменъ и Виолетта.)

виолетта.

Вотъ она! не встрѣчайся съ нею, — ты не знаешь, какъ она горда!

норменъ.

Какое мнѣ дѣло до ея гордости! Отрекомендуй меня смѣло! Развѣ ты за меня краснѣешь? Я король на своемъ кораблѣ, и на берегу не считаю себя ниже другихъ. Я подойду!

леди арондель, (быстро оборачиваясь).

Ангелы мщенія, пощадите меня!

норменъ.

Простите моей смѣлости.

ВЮЛЕТТА.

Это нашъ храбрый соотечественникъ, о которомъ такъ часто говорилъ ба-тюшка; онъ избавилъ насъ отъ разбой-никовъ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

А!—Ваше имя, серъ?

НОРМЕНЬ.

Простое имя, прекрасная дама,—Нор-мень.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

А! (*Въ сторону.*) Гений женщины—хитрость, помощи мнѣ! Серъ, я очень рада, что васъ вижу. Считайте домъ мой своимъ. Погостите у насъ, если вамъ угодно.

НОРМЕНЬ.

Леди, я всегда буду гордиться мыс-люю, что былъ вашимъ гостемъ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ, (*въ сторону.*)

Онъ не знаетъ, кто я. Я уничтожу всѣ опасности. (*Громко.*) Серъ, не у-годно ли вамъ войти въ замокъ?

(*Входить въ замокъ.*)

ВЮЛЕТТА.

Странно, Нормень!

НОРМЕНЬ.

Что?

ВЮЛЕТТА.

Я никогда не видала, чтобы она бы-ла такъ ласкова съ незнакомцемъ.

НОРМЕНЬ.

Видишь, я правду говорилъ тебѣ. Мы, повелители моря, ни въ чемъ никому не уступимъ. О, радостная мысль! мы бу-демъ подъ одною кровлею; и буду ви-дѣть тебя, говорить съ тобою, брать твою руку; возлѣ тебя непримѣтно про-летитъ время!—Какое величіе въ чер-тахъ этой дамы! — Сердце мое тре-пещетъ и вспоминаетъ бывлыя мечты. У нея есть сыпь?

ВЮЛЕТТА.

Ахъ, да!

НОРМЕНЬ.

Счастливецъ!

ВЮЛЕТТА.

Однако онъ можетъ тебѣ завидовать.

НОРМЕНЬ.

О, даже короли могутъ завидовать тому, чья рука смѣетъ обнять тебя, ми-лая Виолетта.

(*Уходить въ замокъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Слуга, потомъ серъ Мориць.

СЛУГА, (*дерзко.*)

Вы можете съестъ, серъ Мориць; ми-леди занята. Она позоветъ васъ, когда будетъ можно.

МОРИЦЬ.

Какой кроткій, почтительный и уч-тивый малой! Я вижу, ты умѣешь об-ращаться съ знатыми людьми; еслибы я не боялся испортить твоей правствен-ности, то непременно далъ бы тебѣ пивсъ.

СЛУГА, (*въ полголоса.*)

«Съ знатыми людьми!» Ахъ, ты ни-щій! Уйти лучше.

(*Уходить.*)

МОРИЦЬ.

Нищій! Да, съ самага дѣтства я слышу нищимъ и служу васмъшкою для лорда, необходимою для леди и потѣхою для лакеевъ. Люди бра-вить сера Морица за то, что онъ любитъ золото! Я провелъ дѣтство въ бѣдности и нищетѣ; въ зрѣломъ возрастѣ сбиралъ богатство, а въ старости оно мнѣ пригодится. Я во-ображаю, какъ бы вся эта сволочь

стала ласкаться къ бѣдному нищему, еслибы заглянула въ его сундуки. Пусть только Госсенъ достанетъ документы, мы отдѣлимъ себѣ половину земель у гордой графини. Тогда пусть избалованный сынокъ будетъ ея наслѣдникомъ; а другая половина имѣнія—наша, и денежки и доходишки. Ха, ха! кто-то тогда будетъ—нищимъ? (*Входитъ леди Арондель*). Я послалъ Госсена къ дому Онслова... но отъ чего вы такъ блѣдны?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Онъ здѣсь... подъ моею кровлею; Норменъ у меня въ гостяхъ.

МОРИЦЪ.

Въ гостяхъ! Ха! ха! ха! Попалась муха въ паутину!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Только ты ушелъ, онъ явился. Я узнала его прежде, нежели онъ началъ говорить; глаза, какъ у отца, чуть не превратили меня въ камень, но я не упала въ обморокъ, я не дрожала!

МОРИЦЪ.

Что и говоритъ! Вы, женщины, мастерицы притворяться.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Сколько опасностей теперь угрожаютъ мнѣ!

МОРИЦЪ, (шепчетъ).

Постарайтесь какъ-нибудь отдѣлаться отъ него.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Отдѣлаться?—Твой голосъ приводитъ меня въ трепетъ! Отдѣлаться? Да, у меня есть одно средство. Мнѣ сказала Пруденція, что онъ любитъ Виолетту; вѣдь онъ спасъ ее, когда корабль, шедшій сюда съ острова, которымъ управлялъ отецъ ея, былъ взятъ Ажирцами.

МОРИЦЪ, (съ нетерпѣемъ).

Хорошо, хорошо;—понимаю—вы будете имъ покровительствовать?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Да, и постараюсь, чтобъ они бѣжали

отсюда моремъ въ какую-нибудь страну новаго свѣта. Тогда, по крайней мѣрѣ, я буду спать спокойно.

МОРИЦЪ.

Такъ онъ любитъ Виолетту! Что скажетъ Перси—если узнаетъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, прежде, нежели онъ что нибудь узнаетъ, они будутъ уже на морѣ. Я не могу медлить. Онъ возвратился—онъ теперь съ ними.—Одна искра можетъ зажечь его ревность. Будь готовъ. Быть-можетъ мнѣ понадобится твоя помощь.

МОРИЦЪ.

Эй, берегитесь! Вы стоите надъ безною!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Но я спокойна, и смѣло иду!

(Уходитъ).

МОРИЦЪ.

Онъ любитъ Виолетту! Понимаю, понимаю: мы вооружимъ пылаго Перси противъ его соперника, и если одинъ изъ нихъ погибнетъ отъ шпаги, другого погубитъ законъ. Благодаря этимъ свидѣтельствамъ, я сделаю такъ, что поединокъ соперниковъ будетъ казаться умысломъ, убійствомъ. Ха, ха, ха! Когда они перемрутъ, я буду наслѣдникомъ замковъ Арондель и Ашдель. Что касается до графини,—то червь ужъ точить ея сердце! Буду ли я тогда скрыгою?—Эй, вы! лакеи—комнату для графа Аронделя! Вы вчера обѣдали съ графомъ? Какой почтенный лордъ! Я женюсь на молодой невѣстѣ, наживу наслѣдниковъ и возьму къ себѣ также бѣдняка-родственника играть въ лошадки съ моими дѣтьми.

(Лордъ Ашдель входитъ разстроенный).

АШДЕЛЬ.

Клянусь небомъ! дерзость этого злодѣя выводитъ меня изъ терпѣнія. Онъ осмѣлился пожать ей руку; его дыханіе развѣвало ея локоны.

МОРИЦЪ.

Что съ тобою, мой Гекторъ, мой

алмазь, зеница ока моего? Чтѣ съ тобою? Ты, кажется, разсерженъ, обиженъ.

АНДЕЛЬ.

Пошелъ домой, скелеть, и лови мышей у себя въ шкафу.

МОРНИЦЪ.

Мышей! какъ, развѣ тамъ есть мыши?—Быть не можетъ.—Онъ давно ужъ перемерли съ голода; три года тому, я нашелъ тамъ послѣднюю, но она была такъ худа и тоща, что страшно было смотрѣть. Я окрестилъ ее въ винномъ спиртѣ, и повѣсилъ у воротъ—въ примѣръ ворами и нищимъ (въ сторону). Неужели я не отмщу ему за это? Послушай, мой милый Перси: собаки хотять отнять у тебя кость. Этотъ чловѣкъ влюбленъ въ Виолетту.

АНДЕЛЬ.

Влюбенъ!

МОРНИЦЪ.

И убѣжить съ нею отсюда — если я не помогу тебѣ — (смотри, никому ни слова): твоя мать помогаетъ ему. Тебѣ бы нечего бояться, еслибъ была одна женщина, мой невинный Перси; но двѣ, — дѣвушка и вдова — это бѣда! одурачутъ хоть самага сатану!

АНДЕЛЬ.

Этотъ негодий не хочетъ даже понять моего негодованія. Онъ отвѣчаетъ на всѣ мои насмѣшки съ такою проклятою, непринужденною, матросскою веселостью, что выводитъ меня изъ терпѣнія. При немъ я болѣе похожъ на забіяку, чѣмъ на раздраженнаго соперника.

МОРНИЦЪ.

Тебѣ надо прохладиться — подышать чистымъ воздухомъ — пойдемъ прогуляемся и поговоримъ объ этомъ.

АНДЕЛЬ.

Такъ ты въ самомъ дѣлѣ хочешь помогать мнѣ?

МОРНИЦЪ.

Да, и даже даромъ! — Я докажу, что нищія дѣлаютъ чудеса. Ха, ха! вы

любите посмѣяться надъ старымъ Моррицемъ. Всѣ смѣются надъ бѣднымъ старикомъ? — Ха, ха, ха! А вотъ увидимъ. Идемъ!

(Уходить).

=

СЦЕНА II.

Готическая зала. — На одной сторонѣ большой камень и надъ нимъ висятъ знамена и старинные гербы; стѣны увѣшаны оружіемъ и фамильными портретами. — На столѣ вино и плоды.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, НОРМЕНЪ и ВИОЛЕТТА.

НОРМЕНЪ.

Ха, ха! право, мы представляли прежалкую фигуру послѣ кораблекрушенія.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Какъ? вы шутите надъ такимъ несчастіемъ!

НОРМЕНЪ.

Моряки всегда таковы въ опасностяхъ. Но иногда я бываю жалокъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Вы долго путешествовали: видѣлись ли вы съ родителями?

НОРМЕНЪ.

Ахъ! я никогда не зналъ ихъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Вашъ голосъ такъ печаленъ; если я могу вамъ быть полезна въ чемъ-нибудь, доверьтесь мнѣ.

ВИОЛЕТТА.

Доверься ей, Норменъ. Быть-можетъ, печальная повѣсть твоей юности найдетъ тебѣ друга въ сердцѣ женщины.

НОРМЕНЪ, (леди Арондель).

О, голосъ вашъ проникаетъ въ мою душу; мой рассказъ не длиненъ. До четырнадцати лѣтъ мирно протекло мое дѣтство подъ кровлею стараго деревенскаго пастора, недалеко отсюда. Тогда во мнѣ пробудилась какая-то глубокая, безпокойная мысль; среди красоты природы, мнѣ казалось, чего-то не достава-

ло моему сердцу, — чего именно, я и самъ не зналъ. Но, въ одну тихую ночь, когда надъ землею и волнами свѣтили миллионы звѣздъ, когда всё было тихо и безмолвно, вдругъ въ душѣ моей прояснилось, какъ въ небесахъ, во мнѣ пробудилось сладкое чувство, и я спросилъ пастора: *отъ-чего у меня нѣтъ матери?*

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

А онъ?

НОРМЕНЪ.

Онъ заплакалъ и отвѣчалъ мнѣ, что я благороднаго происхожденія...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (въ сторону).

Измѣняникъ!

НОРМЕНЪ.

И что придетъ время, когда надъ ужаснымъ прошедшимъ взойдетъ свѣтлая будущность. Когда онъ говорилъ, въ душѣ моей возникло темное воспоминаніе прошедшаго; я вспомнилъ блѣдный, туманный образъ женщины, которую часто видѣлъ въ дѣтствѣ; и уста ея шептали мнѣ слова любви и пѣги, слова, которыя могутъ шептать только уста матери.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, сердце мое, умолкни!

НОРМЕНЪ.

Въ это время прибылъ въ нашу деревню грубый, веселый морякъ, съ откровенностью, которая такъ нравится дѣтямъ, и съ рассказами объ отдаленныхъ земляхъ Индіи, которые увлекали и дивили меня. Короче сказать — эти рассказы воспламеняли мое воображеніе. Мнѣ казалось, что я слышалъ изъ оконъ пашей хижины, какъ прибрежнія волны звали меня на грудь свою. Слава Ралеяга и чудеса поваго свѣта дѣлали тогда и стариковъ героями, а молодежь — сходила отъ нихъ съ ума! И я оставилъ домъ моего благодѣтеля и отплылъ съ морякомъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Но передъ отъѣздомъ вашимъ, пасторъ не объяснилъ вамъ тайну вашего рожденія?

НОРМЕНЪ.

Нѣтъ, онъ не хотѣлъ охладить моего рвенія. «Иди» сказалъ онъ: «заслужи себѣ имя, которому бы могли позавидовать, чтобъ теперешній врагъ твой — *гордость*, могла признать тебя своимъ созданиемъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (въ сторону).

Я дышу свободнѣе.

НОРМЕНЪ.

О, вы съ такимъ участіемъ слушаете рассказъ челоуѣка, вамъ чуждаго: ваше лицо блѣднѣетъ и покрывается румянцемъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Рассказъ вашъ трогаетъ меня, продолжайте, прошу васъ.

НОРМЕНЪ.

Едва мы взошли на корабль, бездѣльникъ, которому я ввѣрился, оковалъ меня въ цѣпи и лишилъ свободы. Такъ мы вышли въ море. Наконецъ, когда мы потеряли изъ вида землю, его матросы, звѣрскіе, безчувственные пираты, — вытащили меня на палубу и сняли цѣпи. «Дитя» сказалъ онъ съ мрачною улыбкою: «не обвиняй меня: твои цѣпи были скованы изъ золота, и притомъ изъ золота тѣхъ, которые дали тебѣ жизнь!»

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Ложь! гнусная клевета! Не вѣрьте этому! Ради Бога не вѣрьте, это ложь.

НОРМЕНЪ.

Я отвѣчалъ то же, и, выхвативъ изъ рукъ клеветника мечъ, ударилъ его. Онъ упалъ къ ногамъ моимъ, — и при дикомъ воплѣ, тысячи ножей заблестали надъ моей головою. Но пиратъ поднялся и, остававшая рукою кровь, струившуюся изъ его головы, вскричалъ: «Остановитесь! такая смерть будетъ для него милостью.» Они схватили и привязали меня къ легкой доскѣ; разпустили паруса и бросили меня въ волны.

ПОЛКЕТА, (взявши его за руку).

Смотри, мое сердце выливается въ глазахъ!.. И Богъ спасъ тебя?

НОРМЕНЬ.

Весь этотъ день и всю ночь я носился по волнамъ въ слабой борьбѣ, между жизнью и смертью. Наконецъ вѣтеръ стихъ и засіяли звѣзды, такъ свѣтло и ясно, что я заплакалъ, вспомнивъ ужасныя слова разбойника, и прошепталъ: «Волны и вѣтры, вы ко мнѣ сострадательнѣе отца и матери.» Какъ, леди, и вы плачете?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Я? ● нѣтъ, нѣтъ! Продолжайте.

НОРМЕНЬ.

Показался день, и при первыхъ лучахъ солнца я увидѣлъ парусъ,—потомъ флагъ.

ВИОЛЕТТА.

Ну, потомъ?

НОРМЕНЬ.

Не замѣтивъ меня, корабль прошелъ мимо. Насталъ полдень; меня мучили жажда и голодъ. Засохшими устами я призывалъ смерть, и напрасно старался освободиться отъ веревокъ, которыя впились въ мое тѣло. Вдругъ, сквозь прозрачную влагу, я увидѣлъ стеклянные глаза морскаго чудовища, которое слѣдило за кораблемъ, ожидая добычи. Тогда жизнь снова показалась мнѣ прекрасною; волосы стали дыбомъ, свѣтъ померкъ въ глазахъ, но я плылъ до тѣхъ поръ, пока совершенно истощился и впалъ въ ужасный сонъ; и все еще глаза кровожаднаго чудовища преслѣдовали меня... Наконецъ...

ВИОЛЕТТА.

Продолжайте!

НОРМЕНЬ.

Я проснулся и услышалъ, что возлѣ меня говорятъ на родномъ языкѣ. Нѣжные взоры покоились на мнѣ... Избѣгнувъ мучительной смерти, я лежалъ на палубѣ: Господь охранялъ мой сонъ.

ВИОЛЕТТА, (въ полголоса).

Мой милый Нормень!

НОРМЕНЬ.

Кораблемъ командовалъ храбрый мо-

рякъ, служившій съ Ралейгомъ; я служилъ и сражался подъ его начальствомъ: По смерти, которой всякій позавидуетъ, подъ сѣнію побѣдоноснаго синяго флага, онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство все, что имѣлъ, нѣсколько мѣшковъ пистолей, свой фрегатъ и свое честное имя. (Обращается къ Виолеттѣ) Но ты знаешь лучшую черту изъ моей жизни!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

И вы съ тѣхъ поръ не видѣлись съ пасторомъ?

НОРМЕНЬ.

Нѣтъ; еще нѣтъ двухъ дней, какъ я возвратился къ здѣшнимъ берегамъ. (Въ сторону Виолеттѣ). Твои глаза были моими путеводными звѣздами.

(Виолетта и Нормень разговариваютъ особо).

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (смотря на нихъ).

Онъ любитъ ее; — *тутъ* вся моя надежда. А! — голосъ Перси! я должна отвлечь, обмануть его. Еще одинъ день, и все кончено. До свиданія, капитанъ.

(Уходитъ).

ВИОЛЕТТА.

И ты такъ любишь меня?

НОРМЕНЬ.

●, Виолетта, могутъ ли слова передать всѣ тайны любви? Когда нибудь, въ тихую ночь, при безмолвіи моря, когда воздухъ чистъ и прозраченъ, когда ярко сіяютъ звѣзды,—послѣ долгого молчанія, тайственнаго, какъ небо, и полнаго свѣтлыми мыслями, какъ небо ангелами, ты поднимешь на меня глаза свои и тогда только поймешь, какъ любить человѣкъ—одинокій въ мѣрѣ!

ВИОЛЕТТА.

Нѣтъ, Нормень; теперь ты ужъ не одинокъ: я буду съ тобою! Я всюду за тобою послѣдую, и твоя любовь будетъ жизнью моей жизни. Видѣть тебя, слушать тебя, мечтать о тебѣ, когда ты въ отсутствіи,—сносить все, — ничего не страшиться съ тобою, — вотъ мое

счастіе. О, какъ часто вечерніе туманы рисовали мнѣ твой образъ.

О, да поразить меня небо, если хотя однимъ холоднымъ взглядомъ я оскорблю твое сердце!

ВЮЛЕТТА.

Да, мой Норменъ, въ несчастіи и въ радости, въ трудѣ и покоѣ, ты увидишь, я перенесу все, кромѣ твоей измѣны; но и тогда, не ропотъ — молитва за тебя вырвется съ устъ моихъ.

НОРМЕНЪ.

Моя Виолетта—моя обожаемая Виолетта! О, какъ я счастливъ!

АШДЕЛЬ, (входятъ).

Слава Богу! Наконецъ я увернулся отъ матушки. Слова старика зажгли во мнѣ всю кровь; я бы совсѣмъ не хотѣлъ видѣть ее въ такомъ—*(оборачивается, и видитъ Виолетту и Нормена)*. Чтò я вижу? клянусь небомъ, они шепчутся!—и такъ близко, *(подходил)*. Серъ, извините меня, я не вижу у васъ золотыхъ шпоръ рыцаря.

НОРМЕНЪ, (въ сторону).

Эти господа, которыхъ сдуетъ первый вѣтерокъ, ужасно любятъ заводить ссоры. На кой чортъ мнѣ золотыя шпоры? Чтò онъ думаетъ, мы ѣдимъ верхомъ по морю? *(громко)* Чтò дѣлать! Къ несчастію, у насъ, моряковъ, нѣтъ такъ много золота, чтобы обивать имъ пятки.

АШДЕЛЬ.

Вы смѣтаетесь надо мною, серъ?

ВЮЛЕТТА.

О, кузенъ! Какъ не стыдно!

АШДЕЛЬ *(передразнивая ее)*.

О, кузенъ, какъ не стыдно!—Серъ, замѣтите, это ужъ слишкомъ.

НОРМЕНЪ, (въ сторону).

Кажется, онъ непременно хочетъ задѣть меня!

АШДЕЛЬ.

Мистеръ Норменъ, въ передней вы найдете равныхъ себѣ.

НОРМЕНЪ.

Нѣтъ, гордый лордъ. Тотъ, кто называетъ меня равнымъ себѣ, долженъ доказать, что рука его сильва, шпага остра, а сердце не боится опасностей. Чтò жъ! выньте вашу шпагу. Тотъ не равный мнѣ, кто оскорбляетъ права гостепріимства и защищается присутствіемъ женщины.

(Входятъ леди Арондель).

ВЮЛЕТТА.

Защитите гостя отъ обидъ вашего сына!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Лордъ Ашдель, вы унижаете свое званіе. А вы, капитанъ, въ лицѣ сына оскорбляете мать?

НОРМЕНЪ.

Спросите вашего сына, чѣмъ я отвѣчалъ ему.

АШДЕЛЬ.

Вы умѣете быть дерзкимъ, но не отвѣчать.

НОРМЕНЪ.

Слышите, леди.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Ашдель, успокойся, мой милый сынъ, оставь это; ты...

АШДЕЛЬ.

Я еще съ дѣтства научился отъ моей матери не терпѣть соперника и не бояться врага! Теперь я слишкомъ старъ для того, чтобы уступить. Выслушайте меня, матушка; вы не позволяете мнѣ любить Виолетту, вы покровительствуете ему, матушка! Я хочу, чтобъ его здѣсь не было, или, клянусь честью, здѣсь будетъ пролита кровь.—Берегитесь!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Кровь! кровь! чья кровь?

АШДЕЛЬ.

Не моя—кровь благороднаго рыцаря слишкомъ драгоценна!—Не вашего сына.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Моего сына!

АНДЕЛЬ.

Смотрите же, матушка! — Мы еще встретимся, серъ; не блѣднѣйте, матушка? А опа?.. О, ея глаза все устремлены на бездѣльника.

(Уходитъ).

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Его языкъ острѣе жала змѣйнаго.

НОРМЕНЬ.

Не бойтесь, графиня. Во взглядахъ вашихъ я вижу что-то родное, напоминающее мнѣ о дѣтствѣ. Пусть онъ оскорбилъ меня — онъ сынъ вашъ, и моя шпага не подымется на него.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Иди, Виолетта; — итъ, стой —воротитесь; — я знаю твою тайну. Ты любишь Нормена?

ВИОЛЕТТА.

Леди — я — онъ спасъ жизнь и честь мою.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

О, радость! (громко) Ступай, Виолетта, положиись во всемъ на меня. (Виолетта уходитъ). Теперь, серъ — (въ сторону). Какъ онъ похожъ на отца!

НОРМЕНЬ.

Говорите, приказывайте; вы увидите, какую власть вы имѣете надо мною.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Я мать! Я живу только для сына; сердце, жизнь, душу, — все, да, все я готова отдать за одну каплю его крови.

НОРМЕНЬ.

О, какъ сладко слышать, что мать любитъ своего сына!

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Онъ лордъ и вспыльчивъ; онъ скоръ на обиду, и не легко прощаетъ. Скажу болѣе: Ашдель заключилъ свое сердце въ той груди, гдѣ уже живетъ ваше. — О! самый воздухъ кругомъ меня, кажется ужъ побагровѣлъ... Это кровь! Бѣгите съ нею! — Бѣгите въ эту же ночь!

НОРМЕНЬ.

Въ эту ночь, съ нею? съ Виолеттою! О, радость!

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Вы согласны?

НОРМЕНЬ.

Но я не узналъ еще о моихъ родителяхъ.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Не теряйте счастливой минуты. Выслушайте меня! Я богата, я могу узнать тайну вашего рожденія, — я — я отыщу вашу мать, вашего отца!

НОРМЕНЬ.

О! чѣмъ заслужилъ я ваши заботы? Дай Богъ, чтобы мать, которую вы возвратите мнѣ, была похожа на васъ, и тогда, хотя бы она родилась въ бѣдной хижинѣ, я не позавидую судьбѣ короля.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ, (въ сторону).

Природа! Зачѣмъ ты такъ сильно говоришь въ немъ, и молчишь во мнѣ? (громко) Но что васъ такъ привлекаетъ ко мнѣ?

НОРМЕНЬ.

Смотря на васъ, мнѣ кажется, что ангелъ приподнимаетъ завѣсу времени. Ваше лицо напоминаетъ мнѣ ту, которая охраняла меня въ колыбели. И — простите мнѣ — это пустая, безумная мысль, — но, мнѣ кажется, что моя мать была на васъ похожа!

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

На меня! Ха! ха! ха! какая смѣшная мысль (въ сторону). Я сойду съ ума отъ ужаса, если онъ еще здѣсь останется. Въ порядкѣ ли вашъ корабль? Можете ли вы сняться съ якоря ночью?

НОРМЕНЬ.

Такъ скоро! такъ скоро все оставить! — Миледи, быть-можетъ, мы никогда болѣе не встретимся; вы забудете обо мнѣ; но я, — и въ пустыи моря я буду молиться за васъ и днемъ и ночью.

ЛЕДИ АРОПДЕЛЬ.

Вы? — молиться за меня? О! я не могу — я... Простите; мы еще увидимся передъ отъѣздомъ, и —

(Выбѣгаетъ изъ комнаты).

норманъ.

Когда я говорилъ о молитвѣ, ея уста поблѣднѣли. Въ этой женщинѣ есть что-то, раздѣляющее мои мысли съ любовью Виолетты. Странно, иногда какой-то ужасъ стѣсняетъ мнѣ сердце. Прочь, зло-

въщее предчувствіе! Виолетта, при твоёмъ имени исчезаютъ всѣ призраки, и будущее горитъ прекрасною звѣздой! Твой голосъ—гармонія небесъ, и только въ твоей улыбкѣ—мое небо!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть сада замка Арондель.

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Кто бы подумалъ, что наша гордая графиня будетъ съ такимъ удовольствіемъ смотрѣть на любовь капитана къ моей воспитанницѣ? Не далъ ли онъ ей такъ же золотого лѣкарства! Но она все это дѣлаетъ для молодаго лорда. Она надѣется женить его, по крайнѣй мѣрѣ, на принцессѣ.

МОРЯЦЪ, (входитъ).

Уфъ! уфъ! Не проходилъ ли здѣсь лордъ Ашдель?

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Нѣтъ.

МОРЯЦЪ, (дасково).

Такъ этотъ морской капитанъ влюбленъ въ вашу прекрасную воспитанницу, мистрисъ Пруденція! Стало-быть и мы отпразднуемъ здѣсь, въ домѣ свадебку?

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Пожалуй, серъ Морицъ, я не прочь...

МОРЯЦЪ.

Отъ чего не прочь? Вѣдь я вамъ ничего не предлагалъ.

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

А мнѣ показалось, что вы сказали «и мы отпразднуемъ здѣсь свадебку». Оно не худо бы, серъ Морицъ. Лучше жениться, нежели дѣлать зло.

МОРЯЦЪ.

Зло?—Ступайте и дѣлайте что хотите: я презираю ваши обольщенія, ста-

рая Весталка.—Если увидите лорда Ашделя, скажите ему, что я его ищу.

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІЯ.

Если вы серьезно дѣлаете мнѣ предложеніе, серъ Морицъ...

МОРЯЦЪ.

Тьфу! Да что вы также хотите, кажется, надо мной смѣяться? (*Мистрисъ Пруденція уходитъ, смѣясь*). погоди! каждую обиду въ здѣшнемъ домѣ я взыщу съ процентами! (*входитъ Госсенъ*) А!—ужъ ты такъ скоро возвратился! Что, видѣлъ пастора?—Досталъ бумаги?—принесъ?

ГОССЕНЪ.

Пасторъ съ утра ушелъ со двора, съ какимъ-то морякомъ; но, какъ мнѣ его описывали, онъ непохожъ на нашего молодца.

МОРЯЦЪ.

Кажется, помѣстья Аронделя ускользаютъ у меня изъ рукъ,—но, нѣтъ, нѣтъ! если я не достану бумагъ, то буду помогать лорду.—Джилъсъ Госсенъ, сегодня двадцать-пять лѣтъ, какъ ты совершилъ убійство, за которое тебя стоитъ повѣсить! Смотри!—Пока еще Норманъ живъ, тебѣ не миновать пеньковаго ожерелья.

ГОССЕНЪ.

Ахъ! кабыонъ опять попалъ мнѣ въ когти. Я не забылъ про эту царяину? Прежде дѣвчонки не смѣялись надо мной. Да чего онъ стоитъ по смерти? Вѣдь вы сказывали мнѣ, что отецъ и мать платятъ мнѣ за то, чтобъ я его сжилъ со свѣта.

норменъ.

Тише, я расскажу тебѣ, — тише! Ба! погляди-ка—кажется онъ?... Онъ и есть, скорѣе!

(Прячутся за деревьями. Входят Норменъ и Виолетта.)

норменъ.

Ты робка и доверчива, какъ любовь. Будь покойна, моя Виолетта, и думай только о цвѣтушихъ земляхъ Запада, гдѣ мы будемъ жить, когда море наскучитъ тебѣ. Тамъ, подъ свѣтлымъ небомъ, стройная пальма раскидываетъ широко свои вѣтви, и природа щедрою рукою сыплетъ довольство.

леди арондель, (входятъ.)

Вы назначили часъ и мѣсто, откуда бѣжать нынче ночью?

норменъ.

Нѣтъ еще. Взгляните, миледи, небесная заря разливается по ея щекамъ при одной мысли о бѣгствѣ. Эта заря предвѣщаетъ ясное утро моей жизни.

леди арондель.

Не шутите, капитанъ. Ашдель опасный соперникъ; если онъ стаяетъ подзрѣвать...

норменъ.

Такъ что жъ?

леди арондель.

Развѣ вы забыли, что дали мнѣ слово избѣгать съ нимъ ссоры? Вотъ вамъ письмо къ венеціанцу Паоло Трещи; отъ него вы получите приданое вашей невѣсты, безъ котораго ни одна дѣвушка еще не оставяла замка Арондель.

норменъ.

О, леди, жители бѣдной земли, средивѣчной борьбы нищеты съ богатствомъ, не знаютъ, какъ мы, дикіе сыны океана, смѣемся надъ людьми, которые отравляютъ все счастье жизни—страстью къ золоту. Ужасно видѣть, какъ продаютъ и покупаютъ любовь, какъ прекрасный Божій міръ дѣлаютъ храмомъ Маммона. Я ищу одной любви, вѣчной и неизмѣнной, я ищу только сердца, которое могло

бы понять мое. Это несметное сокровище я могу унести съ собою, когда Отецъ призоветъ дѣтей своихъ; и среди этихъ райскихъ мечтаний — является демонъ, золото, всемогущій властелинъ земли!

леди арондель.

Когда-то и я думала такъ же! Счастливая Виолетта! (холодно). Но объ этомъ послѣ. Когда шлюбка и люди будутъ готовы?

норменъ.

Луна моего счастья взойдетъ за часъ до полуночи.

леди арондель.

У воротъ парка, которыя ведутъ къ морскому берегу, Виолетта будетъ ждать васъ.

норменъ.

Я видѣлъ оттуда недалеко развалины старой часовни. Тамъ и встрѣчу мою Виолетту.

леди арондель.

Какъ! въ этой часовнѣ?

норменъ.

Развѣ это убижище вамъ не нравится?

леди арондель, (съ вѣтерпѣиетъ.)

Хорошо, хорошо, ступайте; не забудьте: за часъ до полуночи.

виолетта.

Не лучше ли отложить до завтра, милый Норменъ?

леди арондель.

До завтра! Развѣ ты хочешь его смерти?

виолетта.

Моя любовь къ тебѣ такъ мало принадлежитъ землѣ, что я не чувствую никакого страха. И такъ, до вечера; но посмотри, какъ небо нахмурилось; ночи такъ темны...

норменъ.

Надъ нами будстъ свѣтитъ святая звезда любви: я приколую мое бѣлое перо дорогимъ алмазомъ, сорваннымъ съ чалмы алжирца; въ день моего счастья, и онъ озаритъ темноту ночи.

виолетта.

Но...

НОРМЕНЪ.

На корабль насъ встрѣтитъ священникъ и благословитъ нашъ союзъ!

ЛЕДИ АРОНАЕЛЬ, (Виолеттъ.)

Иди въ свою комнату; я тотчасъ приду къ тебѣ; но кто-то идетъ! — (Нормену) Идите, серъ, чтобъ Ашдель не увидѣлъ васъ; помните ваше слово: за часъ до полуночи! Прощайте, будьте счастливы.

НОРМЕНЪ.

Нужели мы никогда болѣе не увидимся? И вы не хотите благословить меня?

(Цѣлуетъ ея руку.)

ЛЕДИ АРОНАЕЛЬ.

Да благословитъ васъ Богъ.

(Судорожно сжимаетъ его руку и уходитъ съ Виолеттою.)

НОРМЕНЪ.

Что теперь дѣлать? Я даже не знаю о чемъ мечтать? А Фелькнеръ еще не возвратился.

СЛУГА, (входитъ.)

Сейчасъ прискакалъ кавалеръ, и спрашиваетъ васъ, серъ.

НОРМЕНЪ.

Меня?

СЛУГА.

Онъ просилъ сказать, что его зовутъ «Фелькнеръ».

НОРМЕНЪ.

Фелькнеръ!—проси. Онъ всегда помогалъ мнѣ въ нуждѣ; дружба его, какъ волшебство, предупреждаетъ мои желанія. (Фелькнеръ входитъ) Ты явился очень кстати. Слушай: пусть шлюпка ожидаетъ меня у берега, возлѣ самыхъ развалинъ часовни, сего дня вечеромъ; пришли такъ же нашего священника; ступай скорѣе!

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Рiано, другъ, какъ говорятъ итальянцы, тише—вѣрнѣе. У меня есть чудесныя новости. Я отыскалъ пастора, и привезъ его сюда. У него есть бумаги, свидѣтельствующія о твоёмъ происхожденіи; онъ хочетъ сообщить

ихъ тебѣ. Но что съ тобою? Развѣ ты онѣмѣлъ?

НОРМЕНЪ.

О Боже! сегодня я умру отъ счастья! Такъ Опсловъ... но увѣренъ ли ты, что это... Гдѣ онъ?

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Я оставилъ его у той часовни, о которой ты говорилъ.

НОРМЕНЪ.

Неужели это судьба?

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Ну, теперь говори, надо ли исполнить твои приказанія?

НОРМЕНЪ.

Непремѣнно; пришли ко мнѣ шлюпку, священника, и чтобъ въ это время корабль лавировалъ въ виду берега.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Но объясни, ради Бога..

НОРМЕНЪ.

Теперь не до того, любезный Фелькнеръ. Иди! иди скорѣе!

(Фелькнеръ уходитъ. Входитъ мистрисъ Пруденція.)

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІА.

Серъ Морицъ! Гдѣ серъ Морицъ? Не видали ли вы сера Морица.

НОРМЕНЪ.

Чортъ возьми сера Морица! Ахъ! мистрисъ Пруденція, когда мы еще разъ встрѣтимся, бѣдный капитанъ Норменъ будетъ, можетъ-быть, капитаномъ Крезомъ! Знаете ли, я дорожилъ бы даже знатнымъ именемъ и богатствомъ, если бъ они могли сдѣлать меня достойнымъ Виолетты.

(Уходитъ Серъ Морицъ выходитъ вперелъ.)

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІА.

Гдѣ вы прятались, серъ?

МОРИЦЪ.

Я прятался! Развѣ я стану отъ когонибудь прятаться?

МИСТРИСЪ ПРУДЕНЦІА.

Графиня проситъ васъ сію минуту къ себѣ; я сказала, что вы были... Ахъ, да вотъ она сама идетъ.

(Уходитъ.)

Морицъ, (Госсену, который
хочетъ выйти.)

Спрячься, спрячься!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (входитъ.)

И тебѣ не стыдно смотрѣть на меня? Какъ! я дала тебѣ золота, сколько ты требовалъ, чтобы ты удалился отсюда Артура; я дала тебѣ золота на обезпеченіе будущей его судьбы, не на плату его убійцамъ! А ты продалъ его разбойнику! Ты бросилъ его въ море! Измѣнникъ! Низкій предатель!

Морицъ.

Я ничего не зналъ объ этомъ. Тсъ! тсъ! — говорите тише! Не бѣдный, преданный серъ Морицъ измѣнилъ вамъ, но бездѣльникъ, которому я ввѣрился. Но теперь грозитъ вамъ ужаснѣйшая опасность: только, что вы ушли, сюда пришелъ какой-то незнакомый человекъ, съ новостью, что Онслоуъ здѣсь, что съ нимъ всѣ свидѣтельства о рожденіи Нормена; онъ его ищетъ: я, я одинъ могу выручить васъ изъ бѣды. Чтѣ? Теперь, чай, не скажете, что я измѣнникъ?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, ужась!

Морицъ.

Торопитесь! Спасеніе ваше обойдется мнѣ не дешево.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Достань мнѣ свидѣтельства, заставь молчать пастора, — и проси, чего хочешь — я ничего не пожалѣю.

Морицъ.

Мызу и помѣстье Бутлейгъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Они твои.

Морицъ.

Кончено! Теперь будьте покойны, — я все обдѣлаю.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Перси! Все это для твоего счастья! не для себя! Пусть будетъ Богъ мнѣ свидѣтелемъ — иду молиться! (Уходитъ.)

Морицъ.

Молитесь! Вотъ женщины! Чуть согрѣшатъ, тотчасъ же шепчутъ молитву и все забыто, будто ничего и не бывало! Ну, вылезай изъ берлоги, мой морской шакаль. (Госсенъ выходитъ). Ступай къ часовнѣ; ты знаешь развалины; тамъ ты найдешь съдаго старика. Схвати его, спрячь, запри въ какомъ-нибудь погребѣ; отбери у него всѣ бумаги и принеси ко мнѣ: награда — тысяча золотыхъ. Морицъ пошелъ дальнею дорогою; ты ступай по этой: здѣсь ближе.

Госсенъ.

А если онъ станетъ барахтаться, такъ?...

Морицъ.

Не мое дѣло: достань мнѣ только бумаги. Ступай; помни, что я знаю твою тайну! Достань бумаги, и ты будешь богатъ на всю жизнь. Ступай. (Госсенъ уходитъ). Теперь — пока, у меня будетъ тысяча фунтовъ дохода въ годъ, а тамъ — подождемъ, что Богъ дастъ. Терпѣніе, бѣдный Морицъ, терпѣніе! Я раздѣляю съ нимъ! (Уходитъ и встрѣчается съ лордомъ Аиделемъ). Если бы вы пришли пораньше, такъ застали бы любовную сцену.

Аидель.

Какъ! ты видѣлъ?

Морицъ.

Да, я смотрѣлъ изъ-за куста, какъ чучело. А вы вѣрно гуляли въ городъ?

Аидель.

Перестань шутить; ты меня взбѣсишь!

Морицъ.

Хотите, я дамъ добрый совѣтъ; только, поклянитесь, что матушкѣ объ этомъ ни полслова!

Аидель.

Клянусь честію.

Морицъ.

Они хотятъ бѣжать... сегодня ночью; прежде полночи сойдутся въ старой

часовнѣ. Шлюпка и священникъ будутъ ждать ихъ; она узнаетъ его по алмазу, которымъ будетъ приколото перо. Приколите себѣ такой же—у меня есть, я, пожалуй, дешево уступлю.

АШДЕЛЬ.

Въ эту ночь! въ часовнѣ! О, клянись небомъ и землею, я не разстанусь съ нею. Благодарю тебя, кавалеръ.

(Уходятъ).

МОРНИЦЪ.

Ха! ха! ха! Обвѣ мухи въ паутинѣ! Я знаю паука, который съестъ обвѣхъ. Завтра я проснусь—графомъ.

=

СЦЕНА II.

Вдаля готическая часовня, почти въ развалинахъ; сквозь обрушенный сводъ невдалекъ видно море. Впереди пролѣсокъ и небольшой ручей, впадающій въ море; въ сторонѣ маленькая башня, примыкающая къ замку. Солнце заходить.

ОНСЛОВЪ, (у часовни).

Ужъ болѣе десяти лѣтъ прошло, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ;—онъ былъ прекрасный мальчикъ. Теперь настало время открыть ему тайну. О, еслибы молнія могла превратить въ прахъ окровавленные стѣны этихъ ужасныхъ развалинъ, онъ освященъ и бракомъ и убійствомъ; рассказъ дрожитъ на устахъ моихъ! Тамъ пресмыкается жаба, гдѣ прежде стоялъ алтарь; но разрушеніе шадитъ могилу.

ГОССЕНЪ, (выходитъ изъ башни).

Не время ли? кажется, онъ одинокъ? *(Бросается на Онслова)*. Молчи! не смѣй противиться, или ты умрешь! Отдай бумаги, которыя съ тобою!

ОНСЛОВЪ.

Прочь! я узнаю тебя, убійца!

ГОССЕНЪ.

Такъ узнай же свой приговоръ и своего судью!

ОНСЛОВЪ.

Прочь, бездѣльникъ!

(Вырывается у него и пробѣгаетъ сквозь своды часовни).

ГОССЕНЪ, (слѣдуя за нимъ).

Пусть же твоя кровь падетъ на твою собственную голову!

НОРМЕНЪ, (входитъ).

Я слышалъ крикъ!—А, злодѣй!

(Бѣжитъ за нимъ сквозь своды).

ГОССЕНЪ (выходитъ, обезоруженный).

Я обезоруженъ! рука мнѣ измѣнила!

(Норменъ преслѣдуетъ его. — Госсенъ прячется за развалинами и непріятельственный входитъ въ башню).

НОРМЕНЪ.

Неужели это исчадіе ада поглотила земля?

(Онсловъ за сценою, стонетъ. Норменъ снова входитъ въ часовню).

ГОССЕНЪ, (съ башни).

Мы опять встрѣтимся!

(Входитъ Норменъ, несъ Онслова).

ОНСЛОВЪ.

Ахъ! жизнь моя угасаетъ! Дай мнѣ еще разъ взглянуть на тебя — и я умру спокойно!

НОРМЕНЪ.

Успокойся, отецъ мой; не говори.

ОНСЛОВЪ.

Нѣтъ, мнѣ немного осталось говорить. Я просилъ тебя притти сюда; здѣсь, гдѣ нашелъ меня убійца, въ этотъ день, двадцать пять лѣтъ назадъ, твой отецъ...

НОРМЕНЪ.

Отецъ! о, продолжай! мой отецъ?...

ОНСЛОВЪ.

Погибъ отъ руки убійцы! Онъ коварно умерщвленъ.

НОРМЕНЪ.

Кровь!—кровь за кровь!—Назови мнѣ убійцу!

ОНСЛОВЪ.

Выслушай меня. Былъ пажъ, молодой, храбрый, прекрасный, но незнатной фамиліи; дочь лорда, которому онъ служилъ, влюбилась въ него: они тай-

но обвинялись; я благословилъ ихъ въ этихъ священныхъ стѣнахъ. Они видѣлись тайно. Я—я—мой голосъ измѣняетъ мнѣ!

(Норменъ идетъ къ ручью, черпаетъ воды и спрыскиваетъ лицо старика).

онслова.

Отецъ узналъ о любви ихъ, но не о бракѣ, и считалъ дочь свою обезпеченною.—На этомъ мѣстѣ встрѣтились любовники, съ тѣмъ, чтобы бѣжать. Я любилъ юношу, я воспитывалъ его, и хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ ними.

норменъ.

Продолжай, продолжай!

онслова.

Наступила ночь, ужасная ночь, съ бурей и молніей; они встрѣтились—и рука убійцы исторгла отца твоего изъ объятія его жены! О! еще и теперь я помню этотъ пронзительный вопль; я слышу его! И теперь—тотъ же самый убійца поразилъ меня.

норменъ.

Твой убійца? О, небо, благодарю тебѣ! Одна смерть—одна рука отмститъ за обоихъ!

онслова.

Онъ умеръ на рукахъ моихъ; возлѣ алтаря, гдѣ покоится прахъ перваго барона, лежатъ и его кости.

норменъ.

О ужасъ! ужасъ!

онслова.

Три ночи спустя, родился ты. Одинъ изъ родственниковъ твоей матери, котораго холодное сердце смягчилось при видѣ золота, принесъ младенца ко мнѣ.

норменъ.

А она? а мать моя?—Она жива еще?

онслова.

Она принуждена была вытти за чело-вѣка, котораго назначилъ ей отецъ. Прошедшее было забыто!

норменъ.

Такъ это ея лицо я видѣлъ еще ребенкомъ?

онслова.

Втайнѣ она была женою, и втайнѣ

матерью—да! Но съ новыми узами родилась новая привязанность; отъ второго брака родился другой сынъ. Она очень любила его,—болѣе, чѣмъ тебя, болѣе, чѣмъ свою душу.

норменъ.

Бѣдная матушка!

онслова.

Теперь немного остается сказать тебѣ.—Я—я—о!..

норменъ.

Говори тише; я весь обратился въ слухъ.

онслова.

Движимый состраданіемъ и страхомъ, чтобы они тебя у меня не отняли, я далъ имъ клятву хранить тайну и скрыть всѣ свидѣтельства, пока будетъ живъ ея отецъ и второй мужъ. Для этого я отпустилъ тебя изъ моего дома. Отецъ и мужъ умерли два года назадъ, но ты все еще былъ далеко отсюда. Я пришелъ къ твоей матери, но ея сердце превратилось въ мраморъ. О! здѣсь, здѣсь... (подавая бумаги) все. Иди, ищи себѣ защиты у закона,—но бѣги этого замка!—твоя мать....

норменъ.

Скажи одно слово! Ея имя?

онслова, (показывая на бумаги).

Здѣсь! (Дѣлаетъ последнее движеніе и привстаетъ). О, Боже! услышь мою послѣднюю молитву: прости преступника, и да освѣтитъ эту главу благословленіе старика—прости... прости!

(Умираетъ).

норменъ.

Постой постой! Ты улетаешь, свѣтлая душа! Онъ молчитъ! онъ не дышетъ! онъ умеръ—умеръ—мой второй отецъ! И сѣдины старика не остановили руки убійцы? Мщеніе! Земля не дастъ пристанища злодѣю. О Боже! избери меня орудіемъ Твоей кары. Но небо справедливо—мы опять встрѣтимся!

Прости, прости, добрый старецъ. О, мать моя! ты жива; но для чего же ты любишь одно только дитя свое? развѣ сердце матери можетъ отказать въ любви другимъ дѣтямъ? О, нѣтъ! она обовѣтъ меня руками, и на груди ея мои слезы смоютъ всѣ воспоминашя о прошедшихъ горестяхъ. (*Развертываетъ бумаги*). Чтѣ я вижу! ея сынъ. О, какъ таинственна природа: съ перваго взгляда я полюбилъ ее. Богатство, земля, почести, блестящее имя... о, Ви-

летта—о, матушка! Теперь, прочь изъ сердца всѣ мечты дикой юности; пусть высокія мысли возвысятъ душу, и высокія дѣла прославятъ меня въ родной землѣ. А между-тѣмъ, когда я рассказывалъ ей мои несчастія, она плакала? Это писала она сама, это писала рука моей матери. Она зоветъ меня, зоветъ своего Артура, свое дитя, любимое дитя, свою надежду. О матушка, моя милая матушка!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ замкѣ Арондель. Ночь.

Серъ Моряцъ и Госсенъ.

Моряцъ.

Ты не досталъ бумагъ и между тѣмъ совершилъ убійство; и чтѣ еще хуже, убилъ невиннаго.

Госсенъ.

Но...

Моряцъ.

Не смѣй говорить мнѣ: но; ты разорилъ меня. Молчи, и не мѣшай мнѣ думать. (*Въ сторону*). Теперь всѣ свидетельства у наследника, — кажется ясно. Онъ вѣрно не придетъ сюда назадъ, къ своему незаконному врагу — ясно. Онъ станетъ искать защиты законовъ — и это ясно. Но онъ любитъ Виолетту. Онъ вѣрно сдержитъ слово — увезетъ ее; и потомъ въ Лондонѣ объявитъ права свои; все, все это ясно, какъ день. Госсенъ, ты можешь все поправить. Морской капитанъ будетъ у развалинъ, ночью — въ одиннадцать часовъ, чтобы тайно обвѣчаться въ часовнѣ.

Госсенъ.

Я все это подслушалъ въ саду (*въ сторону*) и даже, можетъ-быть, больше,

чѣмъ мнѣ надо, и ужъ приготовился. Мои ребята захватятъ священника и матросовъ въ шлюбокъ, а я буду встрѣчать молодыхъ.

Моряцъ.

И чтобы на этотъ разъ ножъ опять не измѣнилъ, я напомнимъ тебѣ дѣльцо, которое укрѣпитъ твою руку. Двадцать-пять лѣтъ назадъ, — когда ты былъ еще молодъ, тебя схватили въ первомъ разбойничествѣ на морѣ; ты былъ заключенъ въ темницу замка, и на другой день долженъ былъ итти на висѣлицу. За ночь тебя освободили; утромъ — ты снова носился по волнамъ, съ кошелькомъ пистолей въ карманѣ. Чтѣ было цѣною твоей жизни и свободы?

Госсенъ.

Кровь человѣка, котораго сердитый, старый лордъ просилъ меня убить, какъ злѣйшаго своего врага.

Моряцъ.

Такъ; вижу: помнишь. Сынъ этого человека тотъ самый мальчикъ, котораго ты бросилъ въ море. Ты говоришь, что Он-словъ узналъ тебя. Будь же увѣренъ, что умирающій описалъ сыну убійцу отца его. Если ты потеряешь даромъ

эту ночь, но на утро воронъ позавтракаетъ твоими бѣльмами.

госсеень.

Положись на меня. Онъ у меня не уйдетъ.

морицъ.

Постой,—дай подумать,—дай подумать! — Вотъ что: мало, если ты сълаешь дѣло; постарайся свалить вину на другаго. Ашдсль вѣрно тамъ будетъ: онъ любитъ дѣвушку, на которой женится Нормень: между ними произойдетъ ссора; можетъ-быть дойдетъ до шпагъ; будь на-готовѣ съ своими молодцами—возьми челоуѣкъ десять, двадцать; бросься на нихъ, какъ-будто хочешь разнять,—и бей—бей обоихъ! Мертвые молчатъ; а ты и твои люди можете сказать, что они убили другъ друга.

госсеень.

Но здѣсь мнѣ больше работы; я сторговался съ вами за одного. Нужно прибавить!

морицъ.

Удвоимъ цѣну: — двѣ тысячи золотыхъ!

госсеень.

По рукамъ. Сегодня къ ночи принесите пять сотъ для моихъ ребятъ. За остальными я приду къ вамъ завтра, въ сумерки.

морицъ.

Пять сотъ золотыхъ къ ночи! Пять сотъ, дружище Госсеень, помилуй—не жиренъ ли задатокъ?

госсеень.

Мнѣ непременно нужно; мои люди взбунтуются, если имъ теперь не заплатить. Кровь и раны, старый кавалеръ, имъ будетъ тяжело: разбить толпу моряковъ, которые дерутся, какъ дьяволы, да еще отправить на тотъ свѣтъ лорда, — и ужъ не говорю объ другомъ,—тотъ меня обидѣлъ,—это не легкая работа.—Пять сотъ золотыхъ, или я сейчасъ снимаюсь съ якоря, а вы раздѣлывайтесь съ моряками и убивайте лорда, какъ знаете.

морицъ, (стонеть.)

Пять сотъ маленькихъ, красивенькихъ, блестящихъ, златолицыхъ херувимчиковъ; и за что же? за самое пустое убійство. Ну, хорошо, ты получишь ихъ. (въ сторону) — Графиня за все заплатитъ. До одиннадцати часовъ я увижусь съ тобою: но — убей обоихъ; и лорда и капитана. Слышишь? Ступай же, теперь не время много толковать.

госсеень.

Полночнаго колокола они не услышатъ, за это ручаюсь.

морицъ.

Такъ, завтра я буду барономъ Ашдслеу и асладникомъ Аронделеа. Кажется, на этого челоуѣка можно положитьсь? Но послѣ, что я стану съ нимъ дѣлать? Прекрасное знакомство для великаго лорда съ Джильсомъ Госсееномъ! — Но развѣ мало висѣлицъ? Отъ него можно избавиться.

ашдсль, (за сценоу.)

Да—гнѣдаго и рыжаго.

(Лордъ Ашдсль входитъ.)

морицъ.

Ну, что? Исполниешь ли ты мои планы?

ашдсль.

Да еще какъ! Въ лѣсу будутъ ждать меня лошади и слуги;—а для остауьнаго у меня есть отцовская шпага.

морицъ.

О, я готовъ расцѣловать тебя! Клянусь моими золотыми шпорами, мнѣ нравится твое мужество. Ты вѣрно похитишь дѣвушку.—И какъ идетъ къ тебѣ, когда ты этакъ нахмуришь брови. Но, смотри, у тебя достойный соперникъ; — употреби все свое искусство.

ашдсль.

О, за этимъ дѣло не станетъ.

морицъ.

Добрая ночь; желаю успѣха. (Въ сторону). Теперь онъ попался? Мнѣ кажется, что я уже лордъ. (Громко) Эй, свѣчей сюда! (Входитъ слуга) Посвѣ-

ти мнѣ, добрый слуга; вотъ тебѣ пистоль. (*Въ сторону*) Великій человекъ долженъ быть великодушнымъ. (*Сердито*). Готова ли моя парадная карета? Ахъ, я забылся!

(*Уходитъ.*)

АШДЕЛЬ, (*смотря вслѣдъ ему съ величайшимъ удивленіемъ.*)

Не съ ума ли сошелъ старый кавалеръ? Ха, ха, ха! — Я никогда такъ не любилъ Виолетту, какъ теперь, въ надеждѣ на успѣхъ, и въ страхъ потерять ее.

(*Входитъ леди Арондель.*)

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Перси...

АШДЕЛЬ.

Позвольте, матушка; мнѣ некогда.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, Перси, Перси! Ты не хочешь поговорить со мною.

АШДЕЛЬ.

Матушка, если я сегодня не въ духѣ — простите меня! — Высказать ли вамъ все, что я чувствую? — Ваша заботливость о человекѣ, совершенно для васъ чуждомъ, какія-то дикія слова, которыя часто у васъ вырываются, ваши посты, лочи, которыя вы проводите безъ сна, ваша всегдашняя задумчивость для меня странна... видя все это, человекъ, болѣе строгій, чѣмъ вашъ сынъ, могъ бы подозрѣвать...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Продолжайте.

АШДЕЛЬ.

Васъ вѣрно тяготитъ воспоминаніе о какомъ-то проступкѣ, котораго завѣсу приподняла рука этого человека.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, Перси, твои слова какъ кинжалы; они пронзаютъ мое сердце; если иногда страшные призраки прошедшаго преслѣдуютъ сердце, истощенное бурю жизни (а я много, тяжело страдала Перси!) то ты долженъ быть сострадательнъ, утѣшать мать свою, а не сомнѣ-

ваться. И гдѣ же намъ искать то, что люди называютъ «любовью къ ближнему», какъ не въ сердцахъ дѣтей нашихъ?

АШДЕЛЬ.

О, матушка, простите меня! Мой беспокойный духъ оскорбилъ васъ, простите.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (*подходя къ нему.*)

До моей смерти, ты никогда не узнаешь, какъ я тебя любима. Твой отецъ, хотя былъ графомъ — и близокъ къ королевскому дому по родству и славы, твой отецъ былъ женатъ прежде — имѣлъ другихъ сыновей; — отъ меня одной зависѣло сдѣлать тебя наследникомъ всего богатства, отъ меня зависѣло передать тебѣ титулъ лорда.

АШДЕЛЬ.

Неужели?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Ты любилъ блескъ и пышность, и я исполняла всѣ прихоти твоей беззаботной юности. Не такъ ли, Перси?

АШДЕЛЬ.

Вы были даже слишкомъ добры ко мнѣ, матушка.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Да, ты слишкомъ высоко цѣнишь вещи по наружности. Природа щедро одарила тебя: ты молодъ и богатъ, ты прекрасенъ и силенъ. Могъ ли бы ты безъ сожалѣнія упасть съ этой высоты, которую тщеславіе называетъ счастіемъ, но гдѣ нѣтъ сердца; могъ ли бы ты жить скромнѣе, имѣть не такой роскошный столъ, отказывать себѣ въ многомъ, жить не наследникомъ графовъ, но простымъ дворяниномъ, котораго все состояніе въ собственномъ мужествѣ и заслугахъ? Скажи, могъ ли бы ты?

АШДЕЛЬ.

Никогда! Меня воспитали гордымъ, надменнымъ, беспечнымъ, — и я ни за что на свѣтѣ не разстанусь съ моими надеждами. Если бы я долженъ былъ упасть съ высоты моего счастья, то упалъ бы, какъ Римлянинъ, на острие

моего меча. Но для чего румянецъ покрываетъ ваши щеки? Къ чему вы тревожите себя несбыточными мыслями? Кто можетъ лишить меня моего наследства? титуловъ древней, знатной фамилии, которой корона не перейдетъ къ недостойному наследнику?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (въ сторону.)

О, въ немъ говоритъ моя душа. Милый сынъ мой! Теперь, я презираю стыдъ, преступленіе, смерть и судьбу!—Кромѣ Перси, у меня нѣтъ другаго сына!

(Входитъ слуга.)

СЛУГА.

Сударыня, кавалеръ, который прибыль сегодня утромъ, ожидаетъ васъ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Я не хочу его видѣть!

НОРМЕНЬ, (входитъ.)

Сударыня—необходимость заставляетъ меня просить у васъ позволенія сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (въ сторону.)

О, сердце! не измѣни мнѣ!

НОРМЕНЬ, (въ сторону.)

Они смотрятъ на меня, какъ чужіе, тогда какъ я хочу броситься въ ихъ объятія.

АШДЕЛЬ.

Къ чему говорить съ нимъ?—Кто онъ?—Чего хочетъ?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Молчи, Перси!—Я слушаю васъ; садитесь.—Перси, оставь насъ.

(Нормень кладетъ свой плащъ и шляпу на столъ, и садится возлѣ леди Арондель.)

АШДЕЛЬ, (небрежно.)

Право, я совсѣмъ не хочу мѣшать вамъ. Но вамъ, серъ, я еще успѣю заплатить за дерзости.

НОРМЕНЬ, (въ сторону.)

Мнѣ нравится его горячій характеръ! О, милый братъ! въ его дѣта я былъ такимъ же.

АШДЕЛЬ, (идетъ къ столу и поднимаетъ плащъ и шляпу.)

А! вотъ и условное перо;—чудесный обманъ; возьму такъ же и Плащъ. Теперь толкуй здѣсь, сколько хочешь, я замѣню тебя въ другомъ мѣстѣ.

(Уходитъ.)

НОРМЕНЬ, (въ сторону.)

Какъ мнѣ пачать, чтобы вдругъ не опечалить ее.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Серъ, я слушаю.

НОРМЕНЬ, (въ величайшемъ волненіи.)

Вы любите вашего сына?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, я люблю его болѣе жизни!

НОРМЕНЬ.

Не было ли у васъ другаго сына, который родился прежде?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Что это значитъ, сударь?

НОРМЕНЬ.

Сына, на которомъ впервые остановились глаза ваши; котораго младенческій крикъ впервые тронулъ святую струну въ сердцѣ женщины? О, не отвращайте отъ меня взоровъ. Я знаю тайну вашей горестной жизни. Не огорчить ли васъ вѣсть, что этотъ сынъ еще живъ?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Какъ, серъ!—что значитъ эта вольность; я не позволю этого?

(Хочетъ уйти.)

НОРМЕНЬ.

Нѣтъ, ты не захочешь меня оставить! На колѣнахъ я повторяю: ты не оставишь меня!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Встаньте, или я позову людей, чтобы наказать эту неслыханную дерзость.

НОРМЕНЬ.

Смотри, вотъ свидѣтельство о свадьбѣ; вотъ присяга и клятвы жениха и невесты! Смотри на эти слова—ихъ пощадило время!—Ихъ писала мой отецъ,—мужъ твой! Взгляни, какъ

ты тогда любила его. И всю эту любовью, и священнымъ именемъ того, кто былъ умерщвленъ, кто слышитъ насъ изъ горнихъ предѣловъ, заклинаю тебя, матушка, не отвергай твоего сына!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Худшее прошло. *(Снова садится.)* Но если бы это и было такъ, положимъ, что я имѣла сына; гдѣ доказательства, что это вы?

НОРМЕНЪ.

Гдѣ? Здѣсь, здѣсь! Въ твоёмъ собственномъ сердцѣ; въ твоихъ глазахъ, которые не могутъ взглянуть на меня; ты дрожишь, вотъ, вотъ мой свидѣтели! Ты знаешь, что я сынъ твой!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

О, вся твердость оставляетъ меня! А мой Перси, мой сынъ, котораго юность протекла въ моихъ глазахъ; неужели я лишу его всѣхъ надеждъ. О, нѣтъ, нѣтъ!

НОРМЕНЪ.

Вы колеблетесь, вы медлите.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Если вы, до сихъ поръ совершенно для насъ чуждый, какими-нибудь происками узнали печальную повѣсть моей жизни и выдумали эту безумную сказку, то ступайте, ищите заступленія законовъ. Оставьте меня!

НОРМЕНЪ.

Ни за что на свѣтѣ!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Вы не хотите вытти? Эй, люди!

НОРМЕНЪ.

Сзывайте вашихъ наемниковъ; пусть они услышатъ меня. Здѣсь, въ древнемъ жилищѣ моихъ предковъ, призываю ихъ въ свидѣтели. Я объявляю права мои. Пусть придутъ ваши слуги, посмотримъ, какъ они выгонятъ насъ слѣдника Аронделя изъ дома его!

(Входятъ слуги.)

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Возьмите его! Нѣтъ, нѣтъ! Благородное выраженіе лица его напоминаетъ мнѣ моего отца. Я не смѣю!

СЛѢТА.

Вы звали насъ, миледи?

НОРМЕНЪ.

Да! васъ звали. Приказывайте ямъ, леди Арондель.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, *(падаетъ въ креслы.)*

Ступайте, вы болѣе не пужны.

(Слуги уходятъ.)

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, *(встаетъ и быстро подходитъ.)*

О, Артуръ, если ты сынъ мой, жался надо мною!

НОРМЕНЪ.

Не упижайтесь предо мною. Я долженъ пасть передъ вами на колѣна.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Выслушай меня. Признаюсь, ты сынъ мой, несчастный залогъ несчастной любви; сознаюсь, что, въ первомъ цвѣтѣ юности, я забыла долгъ свой, и этотъ проступокъ наложилъ пятно убійства на память моего отца и запятналъ имя твоей матери. И, ты мой сынъ, неужели ты захочешь сдѣлать мнѣ жизнь ужаснѣе смерти, покрывши меня вѣчнымъ стыдомъ? Теперь говори. Призываю небо въ свидѣтели, что я съ отчаяніемъ, послѣ угрозъ и ужасовъ, исполнила волю отца моего и живыми устами произнесла второй обѣтъ. Правда, я была матерью: у меня было дитя; по смѣла ли я даже думать объ немъ? Въ темнотѣ ночи, какъ преступница, боясь собственной тѣни, я тайно пробиралась къ колыбели моего первенца. Съ воспоминаемъ о немъ соединялась не гордость, не счастье матери, но стыдъ, ужасъ и отчаяніе преступницы. Но и все любила, любила одного тебя.

НОРМЕНЪ.

Я это чувствовалъ!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Я любила тебя до тѣхъ поръ, пока родился второй сынъ, который, среди печальнаго и пустыннаго свѣта, казался мнѣ посланникомъ милосердія небеснаго. Вспомни, что ты былъ отторгнутъ отъ меня, что ты былъ далеко; но

этотъ сынъ вдвое для меня драгоценный, улыбался мнѣ; я сама кормила его; онъ спалъ на рукахъ моихъ; и слезы, которыя я проливала на мое сокровище, были равно святы въ глазахъ людей и ангеловъ. Я дала ему все: пищу, здоровье, жизнь, и мать и дитя были *всѣмъ* одно для другаго.

НОРМЕНЪ.

Я не завидую ему; смотрите, я плачу,—я плачу съ вами, матушка.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Мой Перси выросъ, и люди, смотря на прекраснаго ребенка, основывали блестящія надежды на наследникъ знаменитаго дома и стали еще болѣе уважать мать его. *Тогда* я не любила тебя: печальное воспоминаніе о тебѣ являлось между имъ и его будущностью, и...

НОРМЕНЪ.

Ты бросила меня, ты отдала меня...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Пирату? О, нѣтъ, нѣтъ, Артуръ! Я не была такъ безчеловѣчна. Я хотѣла только скрыть отъ тебя права твои и мое преступленіе,—но я наказана. Мой разговоръ конченъ. Иди, объяви права твои, отмсти на мнѣ и на моемъ сынѣ несправедливость къ тебѣ и къ отцу твоему; я не прошу пощады. Съ ненавистой земли, я сойду въ могилу; въ ней найду я защиту—даже отъ стыда!

НОРМЕНЪ.

Матушка, вы не знаете моего сердца. Я, вашъ сынъ, вашъ Артуръ, стану мстить вамъ? Никогда! Будьте счастливы, любите моего брата, и забудьте, что я существую. Возьмите, возьмите

эти бумаги, возьмите ихъ; слова съ нихъ смыты моими слезами; я плакалъ отъ радости. Я не думалъ объ имянн, о помѣстяхъ, о правѣ первородства; я ждалъ только, когда объятія матери прижмутъ меня къ сердцу. Теперь возьмите бумаги,—онѣ не нужны мнѣ; вы не знаете, какъ еще съ дѣтства сердце сироты, всѣми покинутого, жаждало любви, въ которой вы ему отказали. О, матушка, обнимите меня только хоть одинъ разъ, дайте мнѣ почувствовать на челѣ моемъ поцѣлуй матери, хоть одинъ разъ, чтобы когда-нибудь я могъ сказать: «мать благословила меня».

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (въ сторону.)

О, если бы я могла говорить, могла обнять его; сердце готово вырваться изъ груди, а и молчу. Перси, Перси, ты сдѣлалъ меня безчеловѣчною!

НОРМЕНЪ.

Она отворачивается, она не хочетъ благословить отверженнаго. Она дрожитъ, боится, чтобы я не осрамилъ ея! Прости же, прости навсегда! Миръ съ тобою; пусть небо облегчитъ твои горести и сдѣлаетъ твоимъ утѣшителемъ счастливаго сына, котораго ты любишь. И если когда-нибудь ты вспомнишь обо мнѣ, считай меня въ могилѣ. Ты меня никогда не увидишь болѣе, развѣ въ сновидѣніи. Матушка, въ послѣдній разъ я называю тебя этимъ именемъ. Я не могу говорить... я...

(Выбѣгаетъ изъ комнаты.)

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Артуръ! сынъ мой! Воротись, воротись, мой сынъ, мой милый сынъ!

(Падаетъ безъ чувствъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ замкѣ Арондель.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Онъ ушелъ, ушелъ! Здѣсь стоялъ онъ, здѣсь благословлялъ онъ мать, которая не хотѣла благословить своего сына. О, Боже, прости меня. Все, въ чемъ я полагала мою безопасность, мое счастье, теперь исчезло! И отъ пламени, пожирившаго сердце, остался одинъ пепель.

(Входитъ серъ Морицъ. Леди Арондель прячетъ бумаги.)

МОРИЦЪ.

Ну, теперь не бойтесь, я все устроилъ: прежде, нежели запоетъ цѣтухъ, всѣ ваши опасенія исчезнутъ. Что, вѣдь старый серъ Морицъ еще къ чему нибудь да годенъ, э?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Какое новое преступленіе должна я прочесть въ твоей ужасной улыбкѣ?

МОРИЦЪ.

Если вы будете такъ обижать меня, то я замолчу. Вы знаете, я живу для того, чтобы служить вамъ; я могу возвратить вамъ все; неселые дни, покойныя ночи. Но въ свѣтѣ есть изверги, жадные, ненасытные люди; вы знаете, мнѣ стыдно сказать вамъ; бездѣльникъ, котораго я навилъ, просить двѣ тысячи золотыхъ,—сегодня ночью...

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Молчи! Я презираю твои низкіе совѣты, твой подлый обманъ; я слишкомъ долго была въ заблужденіи; теперь я вполне тебя узнала. Прочь! я ничего не хочу отъ тебя!

МОРИЦЪ.

А, вы не хотите?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Нѣтъ, презрѣнный! Твое ужасное преступленіе мнѣ извѣстно: по твоей

адской хитрости бросили въ море моего первенца! Оставь сейчасъ мой замокъ, Иуда, и умирай съ голоду на своихъ сундукахъ, гдѣ каждый сребреникъ будетъ свидѣтельствовать противъ тебя въ день страшнаго суда!

МОРИЦЪ.

Презрѣнный Иуда. Покорно благодарю. Нѣтъ, лучше завтра я буду благодарить васъ;—это довершило оскорбленія. Вы и вашъ бездушный отецъ, и вашъ низкій любовникъ, и повѣса сынъ, всѣ, до послѣдняго лакея, насмѣхались надо мною.—По вашей милости, леди Арондель, здѣсь всѣ презираютъ сера Морица,—смѣются надъ его гнѣвомъ,—но вы, вы не достойны его! Я оставляю замокъ; но можетъ-быть, когда мы опять встрѣтимся, гордая леди, ты уже не будешь такъ надменна.—Презрѣнный Иуда!

(Убѣгаетъ).

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Что значать его слова: «когда мы опять встрѣтимся?» Не замышляетъ ли онъ новаго злодѣйства?—Но, смеркаетъ. Эй, кто здѣсь? (Входитъ слуга). Который часъ?

СЛУГА.

На башнѣ сейчасъ пробило четверть одиннадцатаго.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Какъ, такъ поздно? Гдѣ сынъ мой, лордъ Ашдель?

СЛУГА.

Лордъ недавно выѣхалъ изъ замка, вслѣдъ за своими людьми.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Куда?

СЛУГА.

Не знаю, миледи; но онъ приказалъ мнѣ сказать, что не возвратится ранѣе утра.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Ранѣе утра!—О, теперь я понимаю опасность. Онъ разсказалъ Перси о бѣгствѣ любовниковъ, и они встрѣтятся—братья—встрѣтятся, какъ враги! Скорѣе—факеловъ, свѣчей; вооружить всѣхъ слугъ,—ступай скорѣе. О Боже, отвори это несчастіе—прости мать,—и спаси, о, спаси ея дѣтей!

(Убѣгаетъ).

СЦЕНА II.

Развалины часовни, и въ одной изъ башенъ видны большія готическія двери. Ночь; темнота.

Госсенъ и два Пирата.

госсенъ.

Всѣ ли люди на мѣстахъ?

пиратъ.

Всѣ; Лукъ съ десятью молодцами ожидаетъ матросовъ за утесомъ, и упадетъ на нихъ, только что они выдутъ на берегъ.

госсенъ.

Ладно.

лукъ, (входитъ).

Мы поймали черырехъ матросовъ и пастора; только одинъ начальникъ ихъ увернулся и убѣжалъ.

госсенъ.

Чтобъ ему сгнуть! Впрочемъ, не бѣда, мы все кончимъ, прежде, нежели онъ вздумаетъ жаловаться.

морицъ, (входитъ).

Насмѣшки этой жейщины выводятъ меня изъ терпѣнія; но я уже на порогъ моего величія. Завтра же Морицъ будетъ лордомъ Ашделемъ.

госсенъ.

Ну, кавалеръ, привели ли вы денегъ?

морицъ, (отдавая мѣшокъ).

Дорогіе мои!—сердце разрывается, расставаясь съ вами; вы все были вмѣ-

стѣ; теперь васъ разрознять, разбросаютъ по свѣту, и вы никогда уже не прійдете назадъ домой?—Бѣдняжки! Пожалуйста, Госсенъ, будь съ ними поласковѣе.

госсенъ.

Мнѣ сказали мои шпионы, что полиція открыла мой слѣдъ; кажется, лучше всего, справившись совсѣмъ, уйти въ море.

морицъ.

О, конечно.

госсенъ.

Такъ принесите остальное сегодня ночью; надѣюсь, что черезъ полчаса мой договоръ съ вами будетъ и подписанъ и припечатанъ.

морицъ.

Такъ скоро? Какъ онъ падохъ къ деньгамъ, бездѣльникъ! Ну, хорошо, хорошо, я принесу остальное.

госсенъ.

Постойте; когда мы уберемъ Нормана, куда дѣтъ его бумаги?

морицъ.

Ты отдашь ихъ мнѣ; вѣдь ужъ мы такъ условились.

госсенъ.

Но, кавалеръ, если мнѣ вздумается отдать ихъ графинѣ?

морицъ.

Графиня! Бездѣльникъ! Я—я—(въ сторону). Какъ онъ звѣрски смотритъ! Буду помасковѣе. Я надѣюсь, Джильсъ, что ты не перестанешь вести себя такъ же честно, какъ велъ до сихъ поръ?

госсенъ, (въ сторону).

Я такъ и думалъ: это касается и до графини: я просмотрю бумаги прежде, нежели отдамъ ихъ старому душегубцу. (Громко). Вы можете на меня положиться; принесите только во время золото. Хорошая ночь!

морицъ, (въ сторону).

Я надѣюсь, что этотъ мошенникъ шутилъ. (Громко). Хорошей ночи! Смо-

три же, раздѣлайся съ обоими: по тыся-
чѣ за cadaго!—Чѣмъ-то я буду завтра?
(Уходить).

ГОССЕНЬ.

Обоихъ! Да за что я стану убивать
молодаго лорда, для твоего удоволь-
ствія? «За cadaго по тысячь!» Да неуже-
ли ты думаешь, что когда ты принесешь
мнѣ двѣ тысящи, такъ я отдамъ тебѣ
одну назадъ. Какъ бы не такъ!—Нѣтъ,
пусть лордъ живетъ, а другой—вонъ—
тотъ, который положилъ мнѣту царши-
ну на рожу... о, мы расплатимся за старые
долги. Никто, кромѣ меня, не долженъ
знать, что заключается въ бумагахъ!
Однако, онъ молодець, лихо владѣетъ
шпагою; но мы не заставимъ его тре-
вожить клинка. Такъ, я спрячусь, и изъ
засады хвачу его! Лукъ, дай мнѣ твой
ножь; я потерялъ свой сегодня; да и
фонарь подай; я не вѣрю одному но-
жу. Смотри же, стереги, молодца съ
блестящимъ перомъ, въ бѣломъ плащѣ,
подъ руку съ дѣвицею; скажи ему, что
пасторъ ожидаетъ ихъ въ часовнѣ, что
матросы у пристани, и тотчасъ же ис-
чезли. Наклобучь шляпу, завернись въ
плащъ, чтобы въ темнотѣ онъ не за-
мѣтилъ твоего лица.

ЛУКЪ.

Не бойся: я знаю свое дѣло.

ГОССЕНЬ.

А если другой, то есть молодой лордъ
пройдетъ здѣсь, не трогай его; за его
жизнь мы получимъ богатый выкупъ.
Но за этотъ рубецъ я отомщу: и сынъ
изойдетъ кровью на томъ же мѣстѣ, гдѣ
зарѣзанъ отецъ.

(Уходить въ часовню.)

ЛУКЪ.

Старушка луна что-то лѣнива сего-
дня; все еще въ ночномъ чепчикѣ! Тем-
но и тихо! Но у людей, которые ищутъ
добычи, совиные глаза и заячьи уши.
Сты! что это? кажется, идутъ.

(Входятъ лордъ Ашдель, въ плащъ и
шляпъ Нормена, и Виолетта).

ВИОЛЕТТА.

Скажи мнѣ что нибудь! Молчаніе и
темнота ужасаютъ меня.

АШДЕЛЬ.

О, милал! чего бояться?

ВИОЛЕТТА.

Твой голосъ какъ-то страненъ. Серд-
це мое трепещетъ.

АШДЕЛЬ, (въ сторону).

Однако, мнѣ кажется, что на моемъ
мѣстѣ и Норменъ сказалъ бы то же.

ЛУКЪ.

Пасторъ ждетъ васъ въ часовнѣ, и
люди уже у пристани, за скалою.

АШДЕЛЬ.

Какъ! пасторъ? постой—пасторъ, ча-
совня? свадьба?

ЛУКЪ.

Что же еще, серъ?

АШДЕЛЬ.

Часовня освѣщена?

ЛУКЪ.

Только одною лампою.

(Уходить.)

АШДЕЛЬ.

Э! да тутъ больше, чѣмъ я надѣялся;
сначала обвѣчаемся—и потомъ убъ-
жимъ. О, милал, войдемъ!

ВИОЛЕТТА.

Слухъ мой обманываетъ меня, и ка-
кой-то ужасъ овладѣваетъ душою! Нор-
менъ, я дрожу, но сердце мое спокой-
но; оно никогда не измѣнитъ тебѣ!

(Ашдель и Виолетта уходятъ въ часов-
ню. Входитъ Фелькнеръ съ обнаженнымъ
мечемъ).

ФЕЛЬКНЕРЪ, (задыхался).

Норменъ! капитанъ! Я не могу кри-
чать громче. Никого нѣтъ. Неужели эти
бездѣльники напали и на Нормена? Кто
идетъ?

НОРМЕНЪ, (входятъ).

Я не вижу ея. Виолетта!

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Ты—Норменъ?

НОРМЕНЪ.

Фелькнеръ!

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Проклятый вѣтеръ! Только что мы вышли на берегъ, какая-то толпа окружила насъ; схватили матросовъ, пастора; одинъ я, благогаря доброму мечу, пробилъ себѣ дорогу и приближалъ къ тебѣ съ извѣстіемъ.

(Въ часовнѣ слышенъ голосъ).

НОРМЕНЪ.

Голосъ!

(Убѣгаетъ въ часовню).

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Кажется, новая сшибка!

(Уходитъ за Норменомъ).

ЛУКЪ, (входятъ).

Кто говоритъ здѣсь? Выходите! Мнѣ кажется, я точно слышалъ...

(Выходитъ изъ подземелья ледъ Арондель. и за нею слуга съ факелами).

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ.

Смотрите кругомъ! Они должны быть здѣсь; Виолетта оставила замокъ. Кто здѣсь прячется? схватите его!

(Слуги схватываютъ Лука. Изъ часовни выходитъ Виолетта и падаетъ къ ногамъ леди Арондель).

ВИОЛЕТТА.

Спасите меня!

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ.

Виолетта, что это значить? Гдѣ онъ, мой Норменъ?

ВИОЛЕТТА.

Не ходите! быть можетъ тамъ уже совершенно убійство!

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ.

Убійство!.. О! я не смѣю переступить черезъ этотъ порогъ.

ВИОЛЕТТА.

Клянусь, мнѣ кажется, что я видѣла у алтаря *деуа* Норменовъ.

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ.

Его умершій отецъ вышелъ изъ могилы!

ВИОЛЕТТА.

Мы подходили къ слабо освѣщенно-

му алтарю. Вдругъ блеснула свѣтъ, мелькнула чья-то тѣнь и ножъ. Я вскрикнула,—на полу лежалъ Норменъ; вдругъ сквозь темноту почти явился *второй* Норменъ грознымъ, мстительнымъ, неземнымъ.

СЛУГА.

Поддержите леди.

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ, (отталкивая слугъ).

Прочь! я не звала васъ! Что dalje?

ВИОЛЕТТА.

Я ничего болѣе не знаю, я бѣжала сюда, полумертвая отъ страха. (*Послышкотораго молчанія*) Но что я медлю? ему угрожаетъ опасность и смерть! За мной, туда, берите факлы, сабли!

ЛЕДЪ АРОНДЕЛЬ.

Гробъ открытъ,—и я увижу мертваго! (*Двери часовни вдругъ разлетаются, и люди входятъ съ факелами; возлѣ древней гробницы виденъ Норменъ, стоящій съ обнаженною шпагою передъ тѣломъ Госсена*). Здѣсь женихъ палъ мертвый въ глазахъ моихъ, и теперь онъ стоитъ передо мною!

ВИОЛЕТТА.

О, Норменъ, ты живъ! ты живъ!

НОРМЕНЪ.

Смотрите: тамъ, гдѣ истекъ кровію отецъ, сынъ отмстилъ убійцъ!

(Входятъ лордъ Ашдаль и Фелькнеръ).

АШДАЛЬ.

Вы здѣсь, матушка! Гдѣ спаситель моей жизни? (*Показывая на Нормена*). Онъ!

НОРМЕНЪ.

Обними твоего сына, выслушай его! Я спасъ ему жизнь!

АШДАЛЬ.

Да, его рука отвратила ударъ убійцы; я былъ на краю ямы, которую вырылъ другому. Твое перо обмануло ударъ, для тебя назначенный. Матушка, не бойтесь; я невредимъ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Онъ спасъ тебя! Опъ!

(Слуги уносятъ тѣло).

ЛУКЪ.

Ваша свѣтлость, мы не виноваты: — серъ Моридъ подкупилъ Госсена; онъ хотѣлъ, чтобы мы убили обоихъ — и лорда и капитана.

АШДЕЛЬ.

Можетъ ли это быть?

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Я вѣрю; теперь мнѣ ясны его темныя намѣренія.

ФЕЛЬКНЕРЪ, (Луку).

Говори, черная собака, гдѣ наши матросы? Если хоть одинъ волосъ ихъ тронуть...

ЛУКЪ.

Нашъ начальникъ теперь мертвъ, дѣло кончено; ваши люди всѣ живы.

ФЕЛЬКНЕРЪ.

Ну, веди меня сейчасъ къ нимъ; следите за нами съ факелами.

НОРМЕНЪ.

Ступайте всѣ! (Въ сторону) Пусть ни одинъ насмѣикъ не будъ съ свидѣтелемъ послѣдняго прощавъ сына съ матерью!

(Слуги ставятъ факелы, и уходятъ съ Фелькнеромъ и Лукою. Остаются леди Арондель, лордъ Ашдель, Норменъ и Виолетта).

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ, (подходя къ часовни).

Здѣсь все, что прежде любила я, что теперь сдѣлалось прахомъ! Быть можетъ, любовь живетъ еще въ небесахъ, и молитва раскаянія умилоствитъ ангеловъ.

(Входитъ въ часовню и падетъ на колѣна передъ гробницею. Выходитъ луна.)

НОРМЕНЪ.

Виолетта! ужели ты также была обманута?

ВИОЛЕТТА.

Стыдитесь, Ашдель!

АШДЕЛЬ.

Норменъ, хитрость въ любви — изви-

нительна; простите меня, — дайте руку — такъ! вы спасли мою жизнь; сдѣлайте еще болѣе: откажитесь отъ нея. Она знатнаго рода, она принадлежитъ къ нашему дому, она слишкомъ молода еще, чтобы вѣрить своему сердцу. Вы можете заслужить себѣ имя, но теперь у васъ нѣтъ еще шпоръ. Откажитесь отъ нея, возьмите втрое болѣе приданого.

НОРМЕНЪ, (въ сторону).

Имя, богатство, любовь матери — и теперь послѣднее сердце, которое любило меня — онъ отнимаетъ! Онъ отнимаетъ все! — О, какъ я несчастливъ!

АШДЕЛЬ.

Я принимаю молчаніе за согласіе. — Виолетта, выслушай меня: я слишкомъ гордился моими богатствами, и говорилъ слишкомъ самонадеянно. Прости меня, откажись отъ него: онъ храбръ, но не знатенъ; стань наряду съ знатнѣйшими дамами въ Англіи по красотѣ и богатству!

ВИОЛЕТТА.

Норменъ, Норменъ! Чтѣ же ты молчишь? — Зачѣмъ ты смотришь на меня? Зачѣмъ руки твои сложены на груди, какъ-будто не хотятъ допустить меня къ тебѣ?

НОРМЕНЪ.

Иди, смотри на него. Онъ прекраснѣе меня; его надежды выше. Я потерялъ вѣру въ людскую любовь! Когда матери отказываются отъ дѣтей своихъ, отчего же дѣвушка не отвергнуть сердца, ее любящаго.

ВИОЛЕТТА.

Ты вѣрво смѣешься надо мною? — Лордъ Ашдель, вы просите руки моей; вы предлагаете мнѣ богатство, знатность, власть, — а онъ только сердце и мужество! Слушайте же мой выборъ! Куда бы ты ни пошелъ, я всюду за тобою послѣдую. Возьми, возьми меня,

Норменъ! Любовь женщины исчезаетъ только съ послѣднимъ вздохомъ.

НОРМЕНЪ.

О, радость! Надежда снова оживляетъ меня!

АШДЕЛЬ.

Я отвергнутъ—и для него! Жизнь, которую ты спасъ, безъ нея ничто для меня! Вынимай свой мечъ— пусть она будетъ наградою побѣдителя!

НОРМЕНЪ.

Я не хочу дѣлать тебѣ зла.

АШДЕЛЬ.

Дерзкій хвастунъ! «Дѣлать зло!»— Какъ! ты не хочешь ни уступить, ни защищаться? Какая же твоя цѣль?

НОРМЕНЪ.

Убей меня въ ея объятіяхъ—и я прощу тебѣ! Убей и скажи твоей матери, что когда острее твое было поднято надъ моею грудью, я отбросилъ мою шпагу.

АШДЕЛЬ.

Онъ выводитъ меня изъ терпѣнія!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ, (выходя изъ часовни).

На камнѣ, гдѣ лежатъ его кости, я молилась, и неземная сила подкрѣпила меня! Какъ, Перси? Твоя шпага обнажена противъ твоего...

НОРМЕНЪ.

Тише! Я не открылъ вашей тайны!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Несчастный! Подойди ко мнѣ, Перси; лордъ Ашдель болѣе не существуетъ— вотъ твой братъ, твой старшій братъ, единственный наследникъ нашего несчастнаго дома!

АШДЕЛЬ.

Не сонъ ли это?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Да, сонъ,— отъ котораго никогда не пробудимся. Возьми, Артуръ, возьми свидѣтельства, которыми ты утвердишь

свои права! Обними его, мой Перси! вы братья!

НОРМЕНЪ.

Братъ, ты не хочешь? Все, что принадлежитъ мнѣ...

АШДЕЛЬ.

Твое? И неужели ты думаешь, что я стану вымалывать состраданія, что я стану унижаться предъ тобою, и сбирать крохи, которыя будутъ падать съ роскошнаго стола старшаго брата? Нѣтъ! я лучше буду скитаться съ дикими звѣрями, я умру съ голода, чтобы свѣтъ не могъ сказать: «Посмотрите, какъ присмирѣлъ гордый Ашдель!»

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Перси, мой милый Перси!

АШДЕЛЬ.

Матушка, правда ли все это? Нѣтъ, вы хотѣли только посмѣяться надъ моею гордостью, вы хотѣли только испытать меня?

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Нѣтъ, сынъ мой! все это правда!

АШДЕЛЬ.

Теперь мнѣ все равно;—я не требую доказательствъ; я вижу ихъ въ глазахъ вашихъ! Я не хочу слушать объясненіе, которое, быть можетъ, покроетъ васъ стыдомъ! Простите, простите надолго, матушка!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Не покидай, — о, не покидай меня! Вспомни, какъ я тебя любила; какъ для тебя я всею жертвовала, какъ я хотѣла скрыть его права;—и все это для тебя!

ВИОЛЕТТА, (робко).

Милый Норменъ, мы молоды, — мы любимъ другъ друга;—память не пужны знатность и золото!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Скажи, что ты прощаешь;—но что я

говорию! въ чемъ можешь ты простить меня?

АШДЕЛЬ.

Во всемъ!—Если бы юность моя протекла въ бѣдности, еслибы я зналъ жребій, который меня *ожидаетъ теперь*, я не имѣлъ бы безумныхъ, несбыточныхъ желаній и блестящихъ надеждъ: я нашелъ бы и счастье и богатство въ моей доброй шпагѣ и вольномъ, беззаботномъ сердцѣ. О, вы жестоко меня обманули!

НОРМЕНЬ.

Стыдись, дитя, стыдись отвѣчать на слезы матери неблагодарностью и упреками! О, матушка, я любилъ тебя больше, чѣмъ онъ!—Ты раскаяваешься! Ты берешь ея руку!—Прости, прости его! (*печально*) Отецъ мой! я никогда не видалъ тебя въ живыхъ; но я чувствую въ себѣ твою душу; ты любилъ ее не за знатность и богатство,—ты изъ гроба подтвердишь слова мои! (*Идетъ къ факеламъ.*) Взгляните: все умерло. Мой отецъ, пасторъ, всѣ тѣ, которые могли бы подтвердить мои права! Твердою рукою я бросаю въ огонь всѣ эти доказательства, всѣ бумаги, — и какъ они исчезнутъ на огнѣ, пусть такъ пропадутъ всѣ твои горести, матушка!

АШДЕЛЬ.

Остановись! Я не такъ низокъ. Прости мнѣ минутную слабость. Привѣтствую законнаго наследника! (*Падалъ къ нему на грудь*) Обними меня, братъ мой!

НОРМЕНЬ.

Я нашелъ и мать и брата! — О, радость!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Мои дѣти въ объятіяхъ другъ друга!

АШДЕЛЬ.

Сберите теперь всѣхъ друзей, — и объявите о законномъ наследникѣ.

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Да, это необходимо; я все расскажу

тебѣ. (*Слабымъ голосомъ*) Мой бѣдный Перси! Преступленіе отца моего...

НОРМЕНЬ.

Не слушай ее, братъ. Неужели эти бумаги будутъ всегда ее беспокоить? (*Сжигаетъ бумаги у факела.*) Кончено: теперь нѣтъ болѣе преграды между вами и мною! О, матушка! теперь ты можешь объять меня—пусть материнскій поцѣлуй освятитъ мою душу!

ЛЕДИ АРОНДЕЛЬ.

Я благословляю тебя!

НОРМЕНЬ.

Смотрите, она благословила своего сына!—Призываю въ свидѣтели небо,—она благословила меня!

АШДЕЛЬ.

О, какъ онъ благороденъ!

НОРМЕНЬ.

Каждому свое!—Тебя взлелѣла земля, — меня океанъ. Мнѣ лучше одинъ лавровый вѣнокъ храбраго, нежели всѣ діядемы мертвецовъ! Пусть люди превращаютъ свѣтъ въ ярмарку, гдѣ купцы поклоняются золотому идолу; — наше сокровище сокрыто въ душѣ; оно неизмѣнно, неразруσιμο. И съ чѣмъ можно сравнить тихую привязанность, религію сердца и блаженство быть любимымъ? Не такъ ли, Вioлетта?

ВIOЛЕТТА.

До сихъ поръ — я никогда еще такъ не любила тебя!

АШДЕЛЬ.

Это не должно быть такъ. Огонь не уничтожаетъ правъ твоихъ; мы будемъ жить вмѣстѣ, и все раздѣлимъ пополамъ.

НОРМЕНЬ.

Я не требую отъ тебя такъ много. Отдай мнѣ только Вioлетту, и не жалей о ней, братъ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Ты получишь въ приданое половину наследства.

АШДЕЛЬ.

Теперь вы простите меня, добрая кузина. Моя дикая воля преклонилась предъ его свѣтлою душою,—и никогда рыцарь не напечатлѣлъ поцѣлуя на рукѣ прекрасной королевы, священнѣйшаго того, которымъ я поздравляю невесту моего брата.

(Входятъ серъ Морицъ съ мѣшкомъ.)

МОРИЦЪ.

Кажется не опоздалъ! Уфъ, тяжело. Какъ, факелы? Что это? (*ронлетъ мѣшокъ.*)

АШДЕЛЬ.

Несчастный! Твой наемщикъ уже не существуетъ! Возьми назадъ свое золото!

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Не для этого ли, низкій человекъ, ты просилъ у меня золота? — Двойной убійца!

МОРИЦЪ.

Молчи! Онъ услышитъ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Прочь отсюда! презрѣнный.

МОРИЦЪ, (тихо Ашделю).

Она шутить,—не вѣрь ей!

АШДЕЛЬ.

Прочь! или я повѣшу тебя, собака!

МОРИЦЪ.

Меня? Ты? Нѣтъ, ты будешь пресмыкаться предо мною, вымаливать милостыню!—Артуръ! поздравляю васъ наследникомъ Ароделя! Ваше право...

НОРМЕНЪ.

Уничтожено!

МОРИЦЪ.

Какъ? А доказательства...

НОРМЕНЪ.

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, кроме твоего преступления!

МОРИЦЪ.

Несчастный молодой человекъ! Ты не знаешь... (*Норменъ показываетъ на факелы.*) Вижу; меня обокрали! Заръзали!

НОРМЕНЪ.

Ступай отсюда! молчи о томъ, что до тебя не касается, мнѣ жаль твоихъ сѣдыхъ волосъ; ступай, ты можешь еще раскаяться!

МОРИЦЪ.

Благодарю васъ, серъ; я очень бѣдный старый кавалеръ. Прощайте, лордъ; я до могилы останусь ничтожнымъ вашимъ родственникомъ! Да, я пойду, зарю мои деньги, повѣшусь и пусть прихоть платитъ за мои похороны! Уфъ! я раздѣляюсь съ ними! (*Уходитъ.*)

(Входятъ Фелькперъ, матросы и проч.)

ФЕЛЬКПЕРЪ.

Капитанъ,— вотъ наши! всѣ цѣлы! Корабль лавируетъ въ виду берега; вѣтеръ попутный, и вода на прибылѣ.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Я не могу разстаться съ тобою, ты такъ долго былъ для меня потерянъ; останься съ нами!

НОРМЕНЪ.

Нѣтъ, мы еще не разстанемся; Виолетта привязываетъ меня къ вамъ; твоя любовь ко мнѣ не будетъ теперь казаться странною для свѣта. Первый мѣсяцъ послѣ свадьбы мы проведемъ здѣсь; а тамъ, если слава позоветъ меня въ море, я каждый годъ буду видѣться съ вами.

ЛЕДИ АРОДЕЛЬ.

Если когда нибудь ты раскаешься...

АШДЕЛЬ.

То приѣзжай къ намъ; я все раздѣлю пополамъ съ тобою, и отдамъ тебѣ право первородства.

НОРМЕНЪ.

Все мое счастье заключается въ од-

ной вашей любви. И можно ли желать
 еще что-нибудь, когда есть сердце, на-
 всегда мнѣ преданное, благословляющее
 меня въ отсутствіи, съ радостію встрѣ-

чающее пріѣздъ мой; когда есть ко-
 рабль, наль которымъ развѣвается флагъ
 Англии, когда есть надежда славы—и
 любовь женщины?

Теперь вы видите, что я не желаю
 ничего, кромѣ любви и уваженія
 къ вамъ. Я не желаю славы, богатства,
 или чести. Я желаю только, чтобы
 вы были счастливы и здоровы. Я желаю,
 чтобы вы любили меня, какъ я люблю
 васъ. Я желаю, чтобы вы были
 свободны и независимы. Я желаю,
 чтобы вы были добры и справедливы.
 Я желаю, чтобы вы были верны и
 честны. Я желаю, чтобы вы были
 смелы и отважны. Я желаю, чтобы
 вы были трудолюбивы и усердны.
 Я желаю, чтобы вы были скромны и
 смирны. Я желаю, чтобы вы были
 кротки и миролюбивы. Я желаю,
 чтобы вы были верными друзьями и
 добрыми соседями. Я желаю, чтобы
 вы были счастливы и здоровы, какъ
 я желаю вамъ.

Теперь вы видите, что я не желаю
 ничего, кромѣ любви и уваженія
 къ вамъ. Я не желаю славы, богатства,
 или чести. Я желаю только, чтобы
 вы были счастливы и здоровы. Я желаю,
 чтобы вы любили меня, какъ я люблю
 васъ. Я желаю, чтобы вы были
 свободны и независимы. Я желаю,
 чтобы вы были добры и справедливы.
 Я желаю, чтобы вы были верны и
 честны. Я желаю, чтобы вы были
 смелы и отважны. Я желаю, чтобы
 вы были трудолюбивы и усердны.
 Я желаю, чтобы вы были скромны и
 смирны. Я желаю, чтобы вы были
 кротки и миролюбивы. Я желаю,
 чтобы вы были верными друзьями и
 добрыми соседями. Я желаю, чтобы
 вы были счастливы и здоровы, какъ
 я желаю вамъ.

ВЪ ИСПАНІИ.

ДРАМА ВЪ МОЛОДАХЪ.

В. ЧЕРНЫШКА.

Man's love is of man's life a thing apart,
T'is woman's whole existence!

(Lord Byron, Don Juan.)

I.

ПРЕКРАСНА И БЕЗПЕЧНА.

Полдень. Въ саду, подъ померанцовой кущей, донна Эльвира поетъ, аккомпанируя себя на гитарь.

Въ садахъ Гренады процвѣтаетъ
Растеній дорогихъ неисчислимый рой;
Но лучше всѣхъ благоухаетъ,
Но красотой всѣхъ превышаетъ
Цвѣтъ померанца сивговой.

И померанцемъ горделивымъ
Межъ лилій и межъ розъ въ Гренадѣ люблю
быть:

Зефиръ дыханіемъ игривымъ,
И солнце блескомъ прихотливимъ
Спятъ любимца надѣлать.

Красавицы въ Гренадѣ нашей,
Какъ звѣзды на небѣ, песчанья, блестятъ:
Но между ними быть всѣхъ краше,
Пить лести и славу полной чашей, —
Блаженствомъ жребій сей богаты!..

Съ восторгомъ, съ страстью, съ удив-
леньемъ

Вездѣ счастливцу пріивѣтствуютъ и ждуть,
Всѣ къ ней стремятся съ угожденіемъ,
И непрерывнымъ упоеніемъ
Златые дни ея текутъ.

У насъ, въ Гренадѣ, въ дни былые,
Султаншамъ рокъ давалъ державія вѣнецъ,
И власть, и почести большія: —
Но лучше быть, въ лѣта младыя,
Царицею забавъ, царицею сердець!..

=

II.

ПРОСОНКИ СЕРДЦА.

Сумерки. Донна Эльвира на балконѣ.

Опять гитары звонъ, и снова серенады...
Какъ надобно мнѣ!..

Лишь только на балконѣ
Я выйду подышать вечернею прохладою
И одиночествомъ, — вмигъ слухъ мой пораженъ
Знакомой пѣсней, и приторной, и скучной,
Которую поютъ наемныя уста,
Съ восторгомъ заказнымъ, бессмысленно, без-
душно;

Гдѣ прославляется пустая красота.

Гдѣ порицается мой непреступный холодъ...

О! свѣтскаго сужденія суета,
Тебѣ ль, тебѣ ль понять какъ слышь и какъ

Во мнѣ сердечный жаръ? какъ пламенно мечта
Воображеніе тревожить и волнуетъ?..

По тщетно страстная моя душа тоскуетъ,
По тщетно жизнью неполною она
И спомъ несбывшимся, несбыточнымъ больна!
Здѣсь некому украсить предо мною
Нѣмое бытіе, безчарный, мертвый свѣтъ!
Что я пишу, зову и сердцемъ и душою,
Того не встрѣтить мнѣ!.. Увы! того здѣсь

Что въ поклоненьяхъ мнѣ, когда безъ упо-

Я принимаю ихъ отъ каждаго и всѣхъ?
Что въ серенадахъ мнѣ, когда на пѣснопѣвья
Во мнѣ отвѣтствуютъ зѣвота или смѣхъ?

Никто не милъ глазамъ, никто не дорогъ
сердцу;

Ничье присутствіе меня не веселитъ;
И если о любви чья рѣчь заговорить, —
Языкомъ чуждымъ мнѣ въ ухахъ она зву-

Какъ непонятный гулъ, какъ гимны иновѣрца.

Вотъ здѣсь, въ глазахъ моихъ, дочь старого
Фраскита, подъ окномъ, въ волненьи робкомъ

Къ ней скоро юноша таинственно придетъ.
Свиданья радости, сердечная беседа,
Младой любви порывъ, всѣ чары бытія,
Все ей въ удѣлъ дано! И страстно своею
Она блаженствуетъ, мигъ каждый жизни трѣя
Мечтою пламенной, восторженной. А я!

Я ей завидую въ своей тоскѣ тревожной;
Я, глядя на нее, учусь распознавать
Прямое счастье — отъ суеты ничтожной;
Учусь *безчуждою* покоемъ свой называть;
Учусь мечтать и ждать! Врожденная наука
Мнѣ въ душу врѣзалась и скоро и легко;
Желанье счастья запахло глубоко
Въ пустое сердце мнѣ... и сердце

гложетъ
скука!

III.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Донна Эльвира глядитъ изъ окна.

Кто этотъ странникъ и мрачный и блѣдный,
Что тихо гуляетъ, пужаясь толпы?
Съ виду онъ молодецъ, — по, кажется, блѣдный,
Опытъ и горе ужъ съ нимъ сдружены!...

Издали, моремъ, онъ приплылъ, конечно,
Зрѣлищемъ Юга свой взоръ усладить,
Съ памяти свѣтать мглу скорби сердечной,
Или утрату какую забыть?

Онъ не Британецъ съ причудливымъ сплн-
Съ черствой душою, съ расчетомъ въ умѣ,
Всюду бродящій съ желаньемъ единымъ —
Миръ весь измѣрить, не свыкшись нигдѣ.

Онъ не искатель живыхъ ощущеній,
Не Парижанинъ, покинувшій свѣтъ,
Чтобы собрать здѣсь запасъ вдохновеній,
Мыслямъ нетерпымъ дать цѣль и предметъ.

Нѣтъ, не таковъ онъ! Нѣтъ, рѣдкостей чуд-
По замкамъ и башнямъ онъ здѣсь не собираетъ;
Цѣною усилій, путей многотрудныхъ
Онъ дивной природы въ горахъ не искаетъ.

Нѣтъ, не таковъ онъ! Онъ васъ не тревожитъ,
Гордыхъ красавицъ прославленный рой;
Блескъ вашихъ взглядовъ разсвѣтъ не можетъ
Облако скуки въ душѣ молодой!

Нѣтъ, не таковъ онъ. Онъ всѣхъ убѣгаетъ!
Мира ниго бездомный жилецъ,
Мыслью далеко онъ. — Чѣмъ же страдаетъ,
Чѣмъ же томится угрюмый пришлецъ?...

О! какъ въ томъ жалкое сердце остыло,
Кто *здѣсь* о прошломъ умѣетъ скорбѣть,
Кого Андалузскъ краса не пѣлила
И солнышко Юга не можетъ согрѣть!...

IV.

ОНА БОИТСЯ.

*Донна Эльвира, возвратившись съ праздни-
ка, скидаетъ съ себя уборы, кружева,
цвѣты.*

Наряды пышные, простите!
Блестящій праздникъ миновать...
Онъ веселье былъ,—п къ вамъ присталъ
Веселья слѣдъ: его храпите,
Въ усладу памяти моей,
Какъ непривычное для ней!

Да! я сегодня предавалась
Безпечной радости вполне,
Средь свѣта любо было мнѣ,
Какъ ужъ давно то не случилось.
Да! я была увлечена
Живымъ волненьемъ разговоръ,
Ласкательствомъ пріятныхъ взоровъ
И шумной музыкой.—Полна
Самодовольства думъ тщеславныхъ,
Смѣялась и плясала я,
И скука вѣчная моя
Исчезла въ вихрь игръ забавныхъ.
Въ припадкѣ рѣзвости моей,
Я наслаждалась жизнью вѣтшею;
Она казалась мнѣ свѣтлѣй,
Она казалась мнѣ утѣшнѣй;
И я сама была добрей,
Доступнѣе;—я понимала
Поэзію вѣсхъ свѣтскихъ чаръ;
Я удовольствіемъ питала
Пустую душу....

Мой угаръ

Былъ прерванъ вдругъ:

Въ углу далекомъ,

Въ раздумьи грустномъ, одинокомъ,
Явился онъ, ивною пришелецъ,
Съ своей насмѣшливой улыбкой.
Казалось, могъ онъ безъ ошибки
Проникнуть въ мысли, въ глубь сердецъ
Неотразимымъ, долгимъ взглядомъ,
Догадкой зоркаго ума;
Казалось, подъ притворнымъ хладомъ
Скрывалась пылкая мечта
Съ презрѣньемъ къ свѣту мелочному,
Съ желаньемъ радостей-пныхъ.
Тоску страданій роковыхъ
И задумчивую истому

Въ немъ блескъ очей проблещалъ;
И эти очи онъ вперялъ
Въ мепя, въ мой взоръ, въ мои дышящя,
Какъ-будто втайнѣ осужденно
Мою веселость предавалъ.
Въ упрествѣ ихъ, въ ихъ выраженьи
Живой упрекъ читала я..
И долго, долго на меня
Смотрѣлъ онъ, голову качалъ,
Какъ-будто онъ хотѣлъ сказать:
«Стыдился, женщина пусталъ,
«И жизнь и душу расточать,
«И жизнь и душу здѣсь терять
«На чадъ тщеславныхъ упоеній,
«На ложную пріязнь толпы,
«На пошлость льстивыхъ поклоненій!...
«О! какъ могъ ли твои мечты
«Забить все лучшее, святое?
«Какъ могутъ сердце молодое
«Наполнить свѣтъ и суеты?»
Мнѣ страшно стало!... Сердце сжалось,
Умолкла рѣчь въ устахъ моихъ,
Въ груди порывъ веселья стихъ.
Хоть долго пляска продолжалась,
Хоть долго около меня
Бесѣды, смѣхи ликовали,—
Въ нихъ не участвовала я.
Смятенный умъ мой пополнил
Сомнѣнья,—радость изжелалъ.
Какъ предвѣщанье роковосъ,
Твердилъ мнѣ мои мечты:
«Не могутъ сердце молодое
«Наполнить свѣтъ и суеты!»

V.

ПЕРВЫЯ ВОЛНЕНІЯ.

Донна Эльвира размышляетъ.

Зачѣмъ сядить за мной?... И что ему по
мнѣ?...

Зачѣмъ участіе его для незнакомой,
Для чуждой женщины?... Зачѣмъ всегда, вездѣ
Онъ на пути моемъ?...

Безъ умысла влеконый
Своимъ разсѣянскъ,—или скукою томимъ,—
Иль любовнытствулъ,—онъ по слѣдамъ моимъ
Безсмысленно сталъ ходить; въ собраньяхъ много-
людымъ,

По зрѣлищамъ, въ церквахъ, повсюду предло
мною

Вопросомъ, ласкою, угрозой и мольбой
Силеть пламя взоровъ чудныхъ.

Какъ-будто вывѣдать онъ ищетъ безъ рѣчей
Счастлива ль я, довольна ли судьбою?

Какъ-будто думою онъ дѣлится со мною,
И хочеть весь огонь страданья и страстей
Привить къ душѣ моей.

Когда съ улыбкою учтиво вниманья
Другихъ я слушаю и отвѣчаю имъ,
Онъ вдругъ является, какъ тѣнь, глазамъ
моимъ,

Взволнованный,—сомнѣнье и страданье
Заклеймены во всѣхъ его чертахъ;
Улыбкой горькою на сжавшихся устахъ
Прерарѣнне дрожить, и молвя въ взорахъ
блещеть...

Но кто жъ ему далъ право ревновать?..
Моею жизнью зачѣмъ въ немъ жизнь трепе-
щеть?..

Разочарованный, какъ смѣетъ онъ влетать,
Какъ злое терніе въ вѣнецъ изъ розъ цвѣ-
тущихъ,

Въ мой жребій радостный печальный жребій
свой?..

Какъ привидѣніе, зачѣмъ онъ отъ живущихъ
Въ свой неизвѣстный міръ влечетъ меня съ

А я — прослывшая кокеткой равнодушной,
Я въ вихрь новыхъ чувствъ теряюсь и бро-
жу;

Я, гордая, предъ нимъ краснѣю и дрожу;
Я, неприступная, покорна и послушна,
Вся впечатлѣнья въ немъ, всѣ чувства сто-
рожу!

Съ заботой въжною, съ сердечнымъ соучасть-
емъ,

Я странностямъ его стараюсь угождать,
Готова для него отъ свѣта убѣжать,
Готова жертвовать своимъ надменнымъ счастье-
емъ,

Чтобъ только мнѣ его несчастнымъ не видать,
Чтобъ облегчить ему всю скуку отчужденья;
Чтобъ тихой грустію сродниться втайнѣ съ
нимъ;

Чтобы въ глазахъ его замѣтить одобренье,
И сердце въ немъ согрѣть сочувствіемъ мо-
имъ.

VI.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ХОДЪ.

*Донна Эльвира держитъ въ рукахъ своео
покрывало; она въ народномъ испанскомъ
платьи.*

Мантилья черная! ты съ головы склоненной
Зачѣмъ такъ быстро сорвалась,
И, будто сговорясь съ душой моею смяте-
ной,
Куда... къ кому ты понеслась?..

И онъ,—онъ выдался поспѣшно изъ народа,
Онъ всѣхъ другихъ опередилъ;
Онъ даже шествіе торжественнаго хода
Своимъ живымъ порывомъ сбилъ.

Косясь, изъ-подъ своихъ нависшихъ капи-
шоновъ

Монахи злобно оглянулись;
И дамы смѣливо съ украшенныхъ балко-
новъ

Подъ опахаломъ улыбнулись.

Но чтобъ скорѣй поднять мантилью кружев-
ную,

Народъ и дамъ,—онъ все забылъ...
Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, и радость неземную
Блестящій взоръ изобразилъ.

И, низко кланяясь, съ заботливымъ почте-
ньемъ,

Онъ молча, подалъ покрывало,
Съ меня спорхнувшее... Нѣмымъ благода-
реньемъ

И я, смутившись, отвѣчала.

Ужъ онъ хотѣлъ итти... но вдругъ, собран-
шись съ духомъ,

Спросилъ:—не смилъ ли онъ чего
Въ прозрачномъ кружевѣ?.. Я похищеннымъ
слухомъ

Внимала голосу его.

Я слово молвила... несвязнымъ разговоромъ
Знакомство наше совершилось;

Рѣчей ничтожный смыслъ мы дополняли
взоромъ,

И сердце съ сердцемъ подружилось.

Сначала съ робостью, потомъ съ тревогой
сладкой

Я обращалась къ нему;
И страшно было мнѣ, и стыдно... я украдкой
Смотрѣла въ пеструю толпу:

Не осуждаетъ ли чье вражеское око?
Не замѣчаютъ ли за мною?..

Я помнила, что свѣтъ преслѣдуетъ жестоко
Счастливицевъ, занятыхъ собою.

Румянецъ радости на трепетныхъ ланитахъ
Пылалъ и рдѣлся; не могла
Я удержать въ душѣ волнепій, худо скры-
тыхъ;

Я очарована была.

Какъ мимо ходъ прошелъ, какъ долго про-
должался
Того не помню... не видала?..

Миръ для меня исчезъ!.. миръ цѣлый умъ-
щался
Тутъ... близъ меня!.. тутъ жизнь ды-
шала!

Теперь, мнѣ кажется, все это были грезы,
Обманъ разстроеной мечты;
Теперь изъ глазъ моихъ струится тихо сле-
зы,

И въ сердцахъ бездна пустоты.

Боюсь, что милое, мнѣднное явленье
Не посетитъ меня вторично;
Боюсь, что гордый умъ, любя уединенье,
Предастся дикости обычной.

Боюсь!.. Ахъ, можетъ — быть, услужливымъ
вниманьемъ
Онъ навикъ свѣтскій показалъ;
Боюсь... онъ пренебрегъ моимъ воспомина-
ниемъ, —
Онъ мой уборъ себя не взялъ.

Другой не отдавалъ бы мантилью кружевную,
Другой, какъ тать, ее скрывалъ бы...
Въ другомъ тщеславіе или любовь прямую
Такой трюфлей обогащалъ бы!

Какъ разгадать его?.. Или холодъ и забвенье
Онъ поситъ въ каменной груди?..
Или несмѣлость въ немъ есть признакъ ува-
женья,
Принята искренней любви?..

VII.

БЕЗЪ НЕГО.

*Донна Эльвира въ саду, у мавританскаго
фонтана. Лунная ночь.*

Скука, скука! — гость смертельный,
Незвѣстный прежде мнѣ,
Ты тоскою безпредѣльной
Разлплся по душѣ!
Скука мучить... скука гложеть...
Сердце бѣдное мое,
Не умѣть и не можетъ
Отмолиться отъ нее.

То припадокъ слезъ настанетъ, —
Душу — бѣ выплакала я;
То мечта съ собой заманитъ
За предѣлы бытія:
То горячей головою
Къ урнѣ мраморной прилну,
И прохладою ночною
Грудь стѣсненную лѣчу!

День прошелъ безъ сладкой встрѣчи...
День прошелъ, — я не жила!..
Всюду взоръ его и рѣчи
Я ловила... я ждала...
Но вотще: онъ не являлся!..
Что съ нимъ сталося!... гдѣ же онъ?...
Умъ въ догадкахъ потерлся,
Безпокойствомъ овраченъ.

День одинъ разлуки скучной
Сталъ ужъ казною для меня;
Но давно ли равнодушно
На него смотрѣла я?
Но давно ль еще мы были
Другъ для друга ничего?
Но давно ли проходили
Вся дни жизни безъ него?..

Безъ него!... Но жизнью ль можно
Называть души пустой
Сонъ тяжелый, сонъ тревожный
И безчувственный покой?
Безъ него!... Но я томилась
Въ душномъ, мертвомъ забытн;
Сердце ровно, тихо билось
Безъ восторга и любви,

И когда часъ искупленья
Миръ и жизнь вдругъ обновить,
Вдругъ и сердце, въ упоеньи,
Страстью жаркою взгорить, —
То ничто не замилеть
Память свиданий дорогихъ,
И душа не понимаетъ,
Какъ жила она безъ нихъ.

VIII.

AVE MARIA!

Донна Эльвира въ своей молельнѣ, блѣдна, разстроена, плачетъ и, стоя на коленяхъ, обвиваетъ свѣжими цвѣтами подножіе рѣзнаго изображенія Мадонны, — по испанскому обычаю стоящей въ мраморномъ углубленіи и облеченной въ пышныя ризы.

Мадонна! я у ногъ Твоихъ;
Я ихъ цвѣтами обвиваю;
Я плачу, .. я къ Тебѣ взываю,
Въ томленихъ горестей земныхъ!
О, защити, Святая,
Многогрѣшную,
Ей свыше посылай
Помощь спѣшную! ..
Съ тоской невыразимой,
Съ упованіемъ,
Я припошу Тебѣ
Объятъ и покаяніе:
Ты одна, Ты одна
Меня можешь спасти,
О, Мадонна, внемли,
Успокой, защити! ..

Ты знаешь, чистая, Ты знаешь,
Какъ часто къ алтарямъ Твоимъ
Съ мольбой, съ усердіемъ живымъ
Я приходила. Ты сілешь
Въ лучахъ и блескѣ, облита
Нарчею, жемчугомъ и златомъ;
Тобой съ разсвѣтомъ, предъ закатомъ,
Всегда въ душѣ я занята;
И день и ночь передъ Тобою
Лампада яркая горитъ;
Читаю съ каждою зарею
Акаѳистъ Твой, и духъ мой спитъ

Всей мыслью съ устною мольбою,
И я законы свята чту,
И духовникъ мой строгъ и зорокъ;
Съ смиреніемъ, безъ отговорокъ,
Во всемъ покорна я ему.
Но, видно, воля Провидѣнья
Борьбу опредѣлила мнѣ:
Возникло страшное смятеніе
Въ душѣ моей, въ моемъ умѣ.
Любовь земная понемпогу
Впилась мнѣ въ сердце, какъ змѣя,
И укротить не въ силахъ я
Ея волшебную тревогу;
И тщетно пабожность свою
Разсудку въ помощь призываю,
Мечту лукавую гоню
И страхъ спястельный питаю, —
Я искушенье прожитаю,
Но искусителя люблю! ..

О сжался, о сжался,
Мадонна святая!
Покровъ благодатный
Простири надо мной;
Пошли мнѣ въ хранители
Ангеловъ неба
И если любовь моя
Грѣхъ предъ Тобой, —
О, Дѣва Пречистая,
Чтобъ грѣхъ истребить,
Вели умереть мнѣ,
Пошли мнѣ копеецъ!
И съ жизнію емь съгъ
Погаснеть любовь! ..

IX.

И ДА И ПѢТЬ.

Донна Эльвира въ большомъ обществѣ у испанскаго гранда; она удалилась отъ бесѣдующихъ на террасу, слабо освѣщенную; по временамъ вслушивается въ шумный разговоръ, оглядывается въ гостей, потому что опять предается своимъ мыслямъ.

Мнѣ долсъ велить отвергнуть даръ напрасный
Его любви; наука свѣта мнѣ
Твердитъ, что страсть глубокая опасна,

Что мѣста пѣть покою въ той душѣ,
Гдѣ закипитъ она.

Но сердце несогласно
Ни съ долгомъ тягостнымъ, ни съ свѣтомъ
мелочнымъ.

Я не боюсь опасностей и горл,
Мнѣ любится, — люблю! и съ чувстванн не
спорл,

Не умствул, л предаюся пмѣ!

Могу ли я рассчитаю осторожнымъ
Влеченье сердца подчинить,
Притворнымъ холодомъ и безучастьемъ лож-
нымъ

Душевный голосъ заглушить?

Должна ли я надежды сою отрадыл

На вѣки у него отплатъ;

Въ награду за любовь, безжалостно, нещадно
Его отринути и предать?

Иль женщины дана улыбка сна,

Даны и умъ и красота,

За тѣмъ лишь, чтобъ она, коварствул, мангла,
И пскушала, ... и влекла?

За тѣмъ, чтобъ царствовать страдашьемъ и
слезамл

Въ младыхъ, бунтующихъ сердцахъ:

Чтобъ сыпать тернл скитальцамъ предъ сто-
памл

На каменистыхъ ихъ стезяхъ?

Иль ей запрещено знать вѣжное участъ,

Святою дружбою любить?

Или, когда для ней не существуетъ счастья,
Для утѣшенл ей не жить?

Или, самой себя педовѣрл,

Безъ гордой думы о себѣ,

Она, отъ помысловъ лукавыхъ убѣгал,
Должна боязнь носить въ душѣ?...

Но еслл, строгому разсудку повинулся,
Я имъ пожертвую... разстанусъ, молча, съ
нимъ,

О! скорбь несчастнаго упрекомъ роковымъ
На сердце ляжетъ иль... и сердце, затоскуясь,
Отмститъ.... откликнется на зовъ его тоски!

Ужасно!... Боже мой! здѣсь близъ мѣл со-
зданье

Твое, ... мой братъ, ... подобный мнѣ: — стра-
даньс,

И одиночество, и пустота души
Его измучила, ... онъ гибнетъ, ... онъ томится...
И л могла бы спасти его, могла бы...

Сказавъ одно лишь слово, — и спасла бы...
Но предразсудокъ тутъ!... Межъ нами онъ
тѣснитъ —

И слово мощное остыло на устахъ,
И женщину сковалъ припадчл свѣтскихъ
страхъ,
И ангела посланье не свершитъ!...

Когда жъ не л, то кто жъ его полюбитъ?
Кто душу страстную оценитъ и пойметъ?
Кто правъ взыскательный и гордый сбережетъ,
И съ жизнью помиритъ, и тихо приглубитъ
Заботой ласковой?... Онъ въ мѣръ одиночъ:
Подъ кровлею родной ему праждебный рокъ
Не далъ родныхъ, друзей; онъ не видалъ, не
знаетъ

Улыбки матери, ел сердечныхъ словъ...
Итъ, мать о страшилк не плачетъ, не меч-
таетъ,

Не ждетъ его домой; и дома не готовъ
Прлемъ восторженный!... Сестра его не встрѣ-
титъ

Съ радушной радостью. ... въ прилзненныхъ
глазахъ

Онъ любопытнаго участъ не замѣтитъ,
Вопроса не найдетъ на ласковыхъ устахъ.

Во мнѣ, во мнѣ одной всѣ сердца уповаял
Сосредоточилъ онъ; въ минувшемъ для него
Итъ утѣшенл, и итъ воспоминанья;
Вся жизнь его во мнѣ! — Какъ не любить его?

X.

Донна Эльвира въ раздуми.

Его любовь, не какъ любовь другихъ!..
Въ ней пѣть тщеславл, пѣть хитрыхъ оболь-
щенл,

И не смущаетъ онъ безгрѣшныхъ чувствъ мо-
нихъ

Уловкою обидныхъ пскушенл.

Коварныхъ замысловъ чужда младая грудь-
Онъ краснорѣчл поддѣльнаго не знаетъ,

Не сыплеть влтвами, угрозъ не расточаетъ,
 Не хочетъ удивить, не хочетъ обмануть,
 Не хочетъ испугать; — вѣтъ, просто и не-

складно,
 Но съ пылкой живою восторженной души,
 Онъ выскажется вдругъ, ... и смолкнетъ, и
 въ тиши
 Священный сердца жаръ хранить съ заботой
 жадной.

Разсчеты умные себялюбивыхъ думъ
 И свѣтскаго искательства науку
 Онъ проклялъ и презрѣлъ. — Онъ вытерпитъ
 разлуку

И принужденіе, чтобъ пересудовъ шумъ
 И толки зависти нещадной не возоставить
 На женщину; онъ бережетъ и чтить
 Блескъ имени любимаго; онъ мнитъ,
 Что легчайше отдать, чѣмъ обезславить

Предъ свѣтомъ женщину, чѣмъ высказать толпу
 Чей образъ носить онъ въ сердечной глубинѣ.
 Мечты возвышенной счастливому свѣтлу
 Онъ поклоняется, — но преданность его
 Безмолвна и скромна; но, полный гордой силы,
 Догадкамъ онъ не выдастъ ничего:
 Ни радости своей, ни горла своего!

Обычай требуетъ, чтобы любовь мужнины
 Была, какъ ненависть, губительна для насъ;
 Чтобы отъ хищности ихъ нѣжности змѣнной
 Нашъ жребій ничего отраднаго не спасъ, —
 Ни свѣжей красоты, ни теплыхъ упований,
 Ни чистой совѣсти; чтобъ на чело младомъ,
 Въ замѣтъ блестящихъ грѣзъ и гордаго сіянья,
 Легли и стыдъ и скорбь пылающимъ клей-

момъ.
 Имъ все позволено, — всѣ средства безопасны:
 Притворство, — хвастовство, — измѣна и об-

манъ. —
 Какъ за звѣремъ лѣснымъ, за женщиной не-

счастливой
 Они гонятся: для этой ловли данъ
 На помощь имъ уставъ, грѣхомъ изобрѣтенный
 И дополняемый годъ-отъ-года для нихъ
 Наукою соблазна утонченной.

О! отъ такой любви и отъ стѣей такихъ
 Пусть женщина бѣжить, пусть имъ противо-

станетъ,
 Холодной строгостью на нихъ вооружась!
 Пусть замыслы преступные обманетъ
 И посмѣется имъ, разсудкомъ ограждаясь!...
 Но если нѣжности святой и безкорыстной
 Есть сердце полное, всепреданное ей;

Но если екстрасію почтительной и чистой
 Поклонникъ молодой приковать въ тайнѣ къ
 ней, —
 Боятся нечего! — Прочь, холодный страхъ со-

мнѣній!
 Пусть душу освѣжитъ свободныхъ думъ раз-

гарь,
 Пусть разцвѣтетъ она для новыхъ ощущений! —
 Любовь безгрѣшная есть неба лучшій даръ!...

XI.

РѢШЕНО!

*Донна Эльвира держитъ цѣпты и письмо;
 она взволнована, но на лицѣ ея сіяетъ ра-*
дость.

Догадки сердца оправдались,
 Его предчувствіе сбылось,
 Сомнѣнья, страхъ мой миновались,
 И солнце радости зажглось.
 Любима я, любима страстно,
 И все, что грезилось во снѣ,
 Вдругъ стало истинной прекрасной —
 И на ялу предстало мнѣ!

Онъ объяснился, странникъ чудный,
 Онъ вымолвилъ слова любви;
 На вѣки клятвой обоюдной
 Связали мы сердца свои.
 Онъ мой! — и гордостью небесной
 Трепещетъ пламенная грудь,
 И я спѣшу отъ жизни тѣсной
 Въ просторъ счастья отдохнуть.
 Онъ мой! — Теперь я воспарила
 Надъ браннымъ міромъ высоко;
 Въ душѣ надежду засвѣтила,
 Дышу свободно и легко.
 Онъ мой! — Я чувствую, я знаю
 Всю цѣну нѣжности его,
 И участь сердца своего
 Ему безъ страха я вѣрлю.
 Онъ мой! и не измѣнитъ мнѣ, —
 За вѣрность друга поручусь я!..
 Онъ мой! — соперницъ не боюсь я,
 Какъ милы ни были бы онѣ!..
 Ничьей красоты, ничьихъ приманокъ
 Онъ не замѣтитъ, не пойметъ;
 Ни свѣтлорусыхъ, ни смуглянокъ

Мнѣ никогда не предпочтеть.
Святыней сердца оны не шутить,
Не расточаетъ оны ее;
Оны чувство новое свое
Въ души хоронить и приютить,
И на всю жизнь любви одной
Мечтателю довольно будетъ,
И страсти первой, молодой
Оны не отвергнуть, не забудеть.
Души неопытной порывъ —
Его дрожащее признание —
Есть только правды излишекъ,
И если оны красноречивы,—
То отъ избытка чувствъ и страсти;
И если мнѣ глаза его
Сунули рай, сунули счастье,
То потому, что близъ него
Все рай для сердца моего!..
И я съ доверчивой улыбкой
Его признание приняла;—
Его я душу повѣяла
И въ ней читаю безъ ошибки!

XII.

ПЕРЕДЪ ИСПОВѢДЬЮ.

Донна Эльвира на церковной паперти, готова идти на исповѣдь, съ четками въ рукахъ, трепещущая, расплаканная, въ покрываль, и закутанная съ головы до ногъ въ черный плащъ.

Что я скажу?.. Въ чемъ каяться я стану?..
Какъ я пойду съ преступной головой
Къ святому таинству?.. Какъ слабый голосъ
Смертельную душу признаетъ равную?..
Мнѣ страшно! я дрожу! я плачу!—И всегда
Я много плакала предъ часомъ покаянья;
Но сладки были мнѣ тѣ слезы!.. но тогда
Нѣхъ умиленье внушало,—не страданье!..
Мнѣ кажется, старушечей нарядъ
И черное, густое покрывало
Сокроютъ мой позоръ и виды мой измѣнять;
Неузнаваема, мнѣ кажется, я стала;
И, можетъ-быть, Фра-Паоло меня
И не узнаетъ... Нить, нить! вѣрно не узнаетъ,
Когда свой тяжкій грѣхъ скажу сквозь слезы я;

Въ преступной грѣшницѣ отецъ не угадаетъ
Духовную возлюбленную дочь!...

Что жъ медлю я? Впередъ идти?... или прощъ
Скорѣй бѣжать? Укрыться, схорониться
Подайте отъ солнца?... Боже мой!
На что, на что теперь рѣшиться:
Отъ храма Твоего уйти ль съ моей тоской,
Или раскаяньемъ омыться предъ Тобой?..
Раскаивье! о нѣтъ, оно мнѣ невозможно:
Я чувствую вину,—но проклинать ее
Не можетъ сердце; нѣтъ, созданіе свое
Карай и наказуй, Творецъ! но клятвой ложной,
Но исправленіемъ притворнымъ я себя
Не оскверню, и грѣхъ свой не унижу
Я лицемеріемъ!.. Довольно для меня
Разъ клятвѣ измѣнить; довольно, что я вижу,
Какъ шатки, немощны, непрочны въ жизни сей
Все замысли добра предъ властію страстей!

Но легче было бы мнѣ предъ всемогущимъ
Богомъ,
Передъ самимъ Его сіяющимъ лицомъ
Предстать съ призраніемъ, мольбою и сты-
домъ,
Чтѣмъ предъ Фра-Паоло. Прощенія залогомъ
И милосердія примѣромъ всеблагимъ.
Намъ рѣчь Спасителя, въ тотъ часъ, когда
предъ Нимъ
Жену преступную земнымъ судомъ судили;
Когда ее и гнали и вымали;
А Оны—чистѣйшій лучъ небесной чистоты—
Простила рабу грѣха и суеты.
И для меня,—ей равной, ей подобной,—
Быть-можетъ; Царь небесъ смягчилъ бы при-
говоръ...
Но высказать мужчине свой позоръ,
И передъ нимъ краситься!... Но старецъ, не-
способный
Въ насъ сердце женщины понять и разсудить,
Монахъ безчувственный, — какъ можетъ оны
простить?
Какъ, неиспытанный, пойметъ оны и повѣрить,
Что сердца лучшія влеченія могутъ насъ
Привести къ погибели?... Что насъ единый
часъ, —
И, прежде чѣмъ нашъ взоръ паденіе измѣрять,—
Низрипестъ въ бездну зла съ духовной высоты,
Неполюбо, нехотя?... что чувства и мечты
Все измѣплеть намъ, сначала нѣсъ прельщан
Безгрѣшной чистотой, а послѣ предавал
Борьбу отчаянной съ повязкой на глазахъ!

О! горе, горе мнѣ! Предвижу осужденъе,
Но, покорясь стыду и побѣждая страхъ,
Намѣстанка небесъ иду принять рѣшенъе,
И Богу жертвою несу свое смиренъе!

=

XIII.

ИСПОВѢДЬ.

*Донна Эльвира, въ исповѣдальнѣ, кается сво-
ему духовнику.*

—

Отецъ! я Богу виновата,
Но чѣмъ и какъ — не узнавай!
Надеждъ и правъ на свѣтлый рай
Лпшилась я; но не утратой
Моя душа огорчена,
И не раскаянъемъ полна....
Нѣтъ, я на Бога уповаю,
И благности Его вручаю
Свой жребій; даже я о томъ,
Что въ мѣръ быть должно другомъ
Не думаю: нѣтъ, страсть земная
И жизнь, и сердце поглощала,
О небѣ вспомнить не даетъ,
И небо здѣсь мнѣ создаетъ.
Я трепещу, чтобъ Божья кары
Не разразились надо мной;
Чтобъ надъ преступной головой,
Любви уничтожая чары,
Ударъ не рухнулъ громовой.
Боюсь, боюсь за продолженъе
Блаженства дней, дней упоенья;
Боюсь, чтобъ волны бытія
Его не взяли бъ отъ меня;
Боюсь, чтобъ смерть не разлучила;
Боюсь, чтобъ злоба не сгубила;
Боюсь, о, болѣе всего,
Чтобъ пламенной любви его
Блаженства тишь не охладила!
И вотъ зачѣмъ теперь пришла
Я въ храмъ святой, и принесла
Весь жаръ мольбы, весь цѣль страданья:
Хочу, хочу чрезъ покаянъе
Виву предъ Богомъ заслужить
И съ Богомъ душу примирить.
Честной отецъ! о, я готова
Эпитимы уставъ суровый
Изъ строгихъ устъ твоихъ принимать,
Его усердно выполнять;

Поститься буду, пли скажешь,
Протру колѣнами, челомъ
Сырой помощь предъ алтаремъ;
Къ Сап-Иго, если ты прикажешь,
Я босоногая пойду,
И двухъ слѣпыхъ туда сведу.
Но объ одномъ тебя прошу я:
Разлуки съ ними не предлагай,
Не требуй!...

Я не разстанусь добровольно
Съ мятежнымъ счастьемъ моимъ,
Хоть подъ проклятіемъ твоимъ
На свѣтъ жить мнѣ будетъ больно, —
Мнѣ тяжело будетъ, — но оно
Слезамъ купленное счастье,
Цѣной души заплачено.
Теперь холодное безстрастье
Мнѣ невозможно и смѣшно!

Ты знаешь все!... Молись со мною,
Будь мой заступникъ предъ Творцомъ;
Пролей прощенья надо мною
Благословляющимъ крестомъ!

=

XIV.

РАЗЛУКА.

*Донна Эльвира на взморнѣ, съ вершинами ска-
лы слѣдитъ глазами отплывающей корабль,
и подаетъ прощальныя знаки.*

—

Уѣхалъ!.. Кончено!.. Вѣсть съ родины пришла,
Вѣсть роковая разлучила
Двухъ любящихъ.... ихъ счастье сокру-
шила,
У сердца жизнь, у жизни цвѣтъ взяла.
Уѣхалъ!.. Кончено!.. Межъ нами океана
Неизмѣримыя возстапуть глубины....
Какъ-будто сна насъ тѣшили обманы,
Какъ-будто не встрѣчались мы.
Да! Но для насъ живутъ, цвѣтутъ воспомни-
чанья;
Мы связаны навѣкъ блестящей цѣпью нѣтъ,
Любви намъ дороги и горе и страданья,
Какъ память радостей былыхъ.
И гдѣ бы ни былъ онъ, хоть близко, хоть да-
леко,

Ко мнѣ мечта его отыщетъ путь всегда,
И не забудетъ онъ, скитаецъ одинокій,
Что здѣсь ему взошла отрадная звезда.

Онъ идетъ счастливый, утѣшенный, спокой-
ный;

Онъ жизни цѣль нашелъ, судьбу свою свер-
шилъ,

Мечталъ,... надѣялся,... любилъ;

И передъ женщиной, понять его достойной,
Съ благоговѣніемъ колѣно превлонялъ.

Живой запынностью, участіемъ сердечнымъ
Онъ наслаждался здѣсь; и прежней скуки ядъ,
Безчувствія невыносимый хладъ

Онъ замѣнилъ очарованьемъ вѣчнымъ.

Печальной младости ненастная заря
Здѣсь въ полдень знойный обратилась;

И, страстію возвышенной горя,

Съ существованіемъ душа его мирилась.

Онъ идетъ! но за нимъ душа другая вслѣдъ

Попутной чайкой почесется!...

Онъ идетъ! но ему въ прощаньи раздается
Любви и вѣрности обѣтъ.

И если смерть ему съ угрозою предстанетъ,
Онъ скажетъ: «Я готовъ!... я жилъ и счаст-
ливъ былъ!»

И сладкая слеза съ улыбкой вмѣстѣ канетъ

Последней данью той, кого онъ здѣсь любилъ!

А я—по немъ не плачу, не тоскую;

Итъ, слѣшкомъ глубока для слезъ печаль моя!

Я ильпим ея не урочую;

И пошлымъ трауромъ не стану людямъ я

Высказывать любовь мою святую.

О, итъ!.. Пусть плачутъ тѣ, кому любовь была

Безопасной жизни украшеніемъ,

Души поверхностной минутнымъ развлече-
ніемъ;

Тѣ, кто, любви когда пора прошла,

Слезамъ дней нѣсколько ей въ память посвя-
щаютъ,

И страсть отцвѣтшую поспѣшно забываютъ
Для новой, для другой!.. Пусть плачутъ: сле-
зы ихъ

Утратъ милого святое приношеніе,

Последнее о немъ поминаеніе

Сердце, разрозненныхъ порывомъ бурь мір-
скихъ

Последнее въ разлукѣ сообщеніе.

Пусть плачутъ!.. ихъ любовь павъкъ погашена!

Но мнѣ моя любовь отрадою осталась,

Но съ ней душа моя сроднилась и спаялась,
Но ей вся жизнь моя посвящена.

Мнѣ плакать не о чемъ: я друга не теряю;
Онъ мой, онъ мой вдали; онъ мыслью, серд-
цемъ мой,

И въ пѣжбой памяти его я обитаю.

Мы расстаемся съ нимъ, когда огонь святой
Весь жаръ свой, весь свой блескъ намъ въ ду-
шу проливаетъ;

Когда плѣнительной своею повизной

Младое счастье насъ вполне оборочаетъ;

Когда, какъ Божій даръ, любовь для насъ свята;

Когда для насъ еще ни чувство, ни мечта

Увянуть не могли; когда привычки хладомъ

Не замѣнешъ восторгъ... надежды сладкимъ
чадомъ

Жизнь обаяла насъ,—и прежде, чѣмъ успѣлъ

Тотъ чадъ разстаться,—и прежде, чѣмъ узнали

Мы принѣсь къ радости своей земныхъ печа-
лей,

Мы расстаемся съ нимъ!.. Сонъ счастья улетѣлъ

Во всей красѣ своей, какъ райское видѣнне;

Мы не оплакали потерю оболъщенья,

Не разувѣрились!

И небо, можетъ-быть,

Блаженства и любви мнѣ дастъ не пережить!...

XV.

У ПРИСТАНИ,

*передъ оградомъ картезіанскаго монастыря.
Донна Эльвира, одѣтая пилгримкой, одна,
отдыхаетъ у порога монастырскихъ воротъ.*

Прими меня, прими меня,

Христовыхъ инокъ жилище —

Живыхъ предсмертное кладбище,

Гдѣ отъ земнаго бытія

Остались только имъ лишенья,

Посты, молитва, нищета;

Да, статья—можетъ, сожалѣнья

И потаенная мечта!

Прими меня: молодые годы,

Богатство, знатность и красу,

И независимость свободы

Съ собою вкладамъ я несу.

Но не восторгъ благочестивый,

Не святой вѣры благодать

Впустили мнѣ себя отдать
 Искусъ жертвой терпѣливой;
 По не раскаяннѣ меня
 Влечетъ къ приюту покаянья:
 Нѣтъ, сердца страстнаго страдавья
 Здѣсь скоронить рѣшилась я!
 Любви погасшия надежды,
 Воспоминанья и тоску
 Я подѣ монашеской одеждой
 Вдали людей питать хочу.
 Я бросила семью родную,
 Свой домъ, свой санъ и цѣлый свѣтъ,
 Чтобъ наложить на жизнь младую
 Уединенія обѣтъ;
 Чтобъ здѣсь ничто мнѣ не мѣшало,
 О *нелѣ* грустить, о *нелѣ* мечтать;
 Чтобъ узъ другихъ душа не знала;
 Чтобъ *или* однимъ, лишь *или* дышать!

Не кармелитокъ испытанья,
 Не тяжесть власницы ихъ,
 Не ихъ труды и послушанье
 Для усмиренья думъ моихъ
 Я избрала; и добровольно
 Не крестъ сидѣлки сердобольной

Надѣла я: лечить больныхъ,
 Ходить за ними не умѣю;
 И, безъ призванья, я не смѣю
 Взять подвиговъ мукъ на себя.
 Въ нѣмой тиши монастыря
 Я жизни не ищу забвенья, —
 Я *вспоминать* сюда пришла!
 Я грѣшныхъ мыслей искушенья
 У входа бросить не могла.
 И здѣсь любимый образъ будетъ
 Всегда мелькать передо мной;
 Здѣсь голосъ нѣжный, взглядъ живой
 Черницы сердце не забудетъ.
Онъ далеко! Но здѣсь другихъ
 Я не услышу, не увижу,
 Раздѣломъ чувствъ и жизни ихъ
Его въ разлукѣ не обижу.
 И жизнь моя пройдетъ, какъ сонъ,
 Однообразно, незамѣтно,
 И счастья памятью завѣтной
 Сонъ этотъ будетъ навѣщенъ.
 Смерть все томленья успокоитъ,
 Смерть дастъ уставшей отдохнуть....
 Тоска любви отравы стоитъ,
 Чтобъ изсушить младую грудь.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ

М. Воскресенскаго.

(Картинка Замоскворецкой Жизни.)

«Не вмила баба хлопотъ, такъ
купила поросля!»

Малороссійская поговорка.

Часу въ девятомъ утра, когда я только-что выпилъ мой два стакана чая и, закуря сигару, расположился за письменнымъ столомъ, въ передней комнатѣ послышался шумъ и чей-то рѣзкій говоръ.

— Онъ проснулся? спрашивалъ звонкій голосъ.

«Давно проснулся» отвѣчалъ мой старикъ Демидаъ.

— Пьетъ утренній чай?

«Напился уже.»

— Сбирается ѣхать куда-нибудь?

«Не могу сказать.»

— Что же онъ дѣлаетъ? Можно мнѣ войти къ нему?

«Какъ объ васъ доложить?»

На этотъ разговоръ, я вышелъ въ залу и увидѣлъ чрезъ открытую въ передней комнатѣ дверь стариннаго моего знакома Макара Ивановича, удостоившаго меня такимъ радушнымъ и пеждающимъ посѣщеніемъ.

Надобно сказать читателю, кто таковъ былъ Макаръ Ивановичъ, да встаети кто и я самъ.

Начнемъ съ меня:

Кто я? Этотъ вопросъ всего легче рѣшить самому читателю; я писатель, или, чтобы выразиться поскромнѣе, я пишущій человекъ, котораго сочиненіе теперь въ рукахъ у читающаго. Мала этого; прибавлю еще... впрочемъ, кто жъ иначе читаетъ прибавленія?

Обратимся лучше къ Макару Ивановичу.

Макаръ Ивановичъ былъ то, что у насъ за Москвой-рѣкой называютъ обыкновенно добрымъ человекомъ, а по ту сторону рѣки выражаютъ фразою: пороку не выдумаютъ! А между-тѣмъ, что же такое въ самомъ дѣлѣ былъ Макаръ Ивановичъ? Оба опредѣленія слишкомъ неясны; выяснимъ ихъ сколько умѣемъ: Макаръ Ивановичъ былъ довольно ограниченный чиновникъ девятаго класса; онъ служилъ, то есть онъ писалъ, въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ. Но писалъ безознательно, какъ гуслиное перо, которое скрипѣло по гербовой бумагѣ въ рукахъ его слишкомъ уже десять лѣтъ, начиная отъ девяти часовъ утра до трехъ вечера. Макаръ Ивано-

впчъ носилъ обыкновенно форменный фракъ, съ бархатнымъ воротникомъ, и круглую шляпу, вѣчно съ надломанными полями, по причинѣ большого знакомства, съ которымъ онъ обыкновенно разглашивался въ три приема, какъ чловѣкъ учтивый и знающій свѣтское обращеніе. Волосы на головѣ Макара Ивановича были какого-то неопредѣленнаго пыльнаго цвѣта, можетъ-быть въ слѣдствіе того, что онъ терпѣть не могъ помады, говоря обыкновенно на счетъ этого пункта такъ: «хорошая помада дорога; а дешевая мерзко пахнетъ! Обойдусь и такъ; къ тому же масляная голова скоро портитъ шляпу и дѣлаетъ лося на бархатномъ воротникѣ фрака». Глаза Макара Ивановича были блѣдно-молочнаго цвѣта съ красненькой коемочкой около изломанныхъ вѣкъ; носъ какъ-то поставленъ не по плану, и даже неизвѣстно для чего такъ длиненъ? Углы рта были въ близкомъ соседствѣ съ ушами, а уши какъ-то такъ странно изогнуты,—что какъ-будто они поделушивали, что говорить ихъ хозяиня? Губы могли бы быть безъ потери тоньше; подбородку не мѣшало бы чаще бесѣдовать съ бритвой. Станъ Макара Ивановича былъ всегда въ полусогнутомъ положеніи; онъ какъ-будто родился, поклонился Божьему свѣту, выговорилъ: «мое почтеніе!» да такъ и выросъ живымъ, длиннымъ поклопомъ. Руки чиновника девятого класса были достаточно длинны для его небольшого ранга, ноги—что кто ни говори—не совершенно кривыя, а казались такими только отъ нескладныхъ сапогъ, въ чемъ была, разумѣется, не его же вина! Вотъ вамъ вѣрный и полный наружный портретъ Макара Ивановича, по фамилии... Впрочемъ у этого чловѣка не то, чтобы не было совсѣмъ фамилии, а такъ какъ-то его знали, и звали всѣ, даже начальникъ его, просто: Макаромъ Ивановичемъ; оградимся и мы этимъ.

Теперь слѣдуетъ нарисовать другой

портретъ Макара Ивановича; портретъ внутренний, если можно такъ выразиться?.. Почему же и нельзя? Слово вѣрно и выражаетъ точно идею.

Кому изъ читателей не извѣстна старая поговорка: *глаза зеркало души*? Эти три слова давнымъ-давно приняты всѣми за аксіому, а между-тѣмъ... между-тѣмъ, они небогѣе, какъ гипотеза; и именно вотъ почему: хорошее, вѣрное зеркало не часто встрѣтишь и не въ метафорическомъ смыслѣ; одно уменьшаетъ, другое увеличиваетъ, третье коситъ, четвертое желтитъ, пятое... Ну, да на пятомъ пока и остановимся. Что же касается до глазъ, которые называютъ зеркаломъ души,—они ужъ и сплошь да рядомъ фальшивы; представляю примѣры. У знаменитаго мошенника Картуша были большіе голубые глаза, въ которыхъ валило было столько добродушія, что ихъ поцаловать хотѣлось, а между-тѣмъ въ нихъ глѣдѣлась душа чисто разбойничья. На добраго Августа римскаго нельзя было, рассказываютъ, смотрѣть прямо, столько провзительнаго было въ его взорѣ, а между-тѣмъ душа его была чисто прекрасная. У Лейбница были всегда глаза красные, какъ у невоздержнаго чловѣка; у Ньютона разкосые и плутовскіе—вотъ вамъ и зеркала ваши! Да, съ другой стороны, если и допустить вѣрность этихъ зеркалъ, почему жъ мы хотимъ думать, что душа безпрестанно въ нихъ смотрится? Вѣдь она не женщина; а если и женщина, такъ ужъ вѣрно не кокетка, хотъ говорить, что одно безъ другаго не бываетъ; впрочемъ, вѣдь мало ли говорить и пустяковъ на свѣтѣ? Вотъ хотъ бы недалеко сказать, про этого же Макара Ивановича, у котораго, по волю судьбы, зеркала блѣдно-молочнаго цвѣта съ красненькой коемочкой около изломанныхъ вѣкъ, говорятъ же, что онъ петрезвой жизни, и не совсѣмъ честнаго поведенія; а все вздоръ! Я знаю его восемнадцать лѣтъ, а восемнадцати разъ не видывалъ пьянымъ; а на счетъ

чѣстнаго поведенія—чего же вамъ лучше: у него на фракѣ имѣется значекъ безпорочной службы за пятнадцать лѣтъ. Не бось, даромъ не повѣсятъ! Но мы со- брались писать портретъ внутреннихъ его достоинствъ, а между-тѣмъ за- болтались, растирая краски; пора къ дѣлу.

Макаръ Ивановичъ былъ, вопреки сво- ей незавидной паружности, человекъ пре- красный. Нельзя было поклепать его большимъ умомъ, за то у него была смѣтливость русскаго человека, иногда вполне замѣняющая умъ; и если бы онъ былъ воспитанъ и ученъ съ малолѣт- ства не на мѣдныя деньги, изъ него бы вышелъ хорошій классный чиновникъ, а не вѣчно титулярный, каковымъ былъ теперь онъ. Душа его, безсмертная, какъ и у всякаго чиновника, была всегда на- клопна къ добру и по возможности от- вращалась отъ зла; сердце его было столь чувствительно, что онъ еще на двадцать- четвертомъ году отъ рожденія, находясь только въ четырнадцатомъ классѣ и имѣя жалованья ровно триста пятьдесятъ руб- лей въ годъ, влюбился въ дѣвушку, бо- гатую только красотой, и даже женился на ней, для чего долженъ былъ взять за треть впередъ изъ своего жалованья. Кажется бы, взявши за женою въ приданое нуль, стоило только приставить его къ 350, и вышло бы 3500—авъ лихъ вѣтъ! На бумагахъ-то такъ, а на дѣлѣ иначе! Вѣрно милый нуликъ помѣстился не съ той стороны—и сумма жалованья оста- лась та же, а расходъ прибавилъ. Макаръ Ивановичъ и тутъ не задумался: онъ де- журилъ не въ чередъ за богатыхъ това- рищей, бралъ на домъ переписывать чу- жія бумаги, хлопоталъ кой-гдѣ на сторо- нѣ; только, какъ бы то ни было, у жены его всегда была миленькая шляпка на го- ловѣ, и чашка кофе послѣ обѣда, состояв- шаго не менѣе какъ изъ четырехъ блюдъ. Оно, кажется съ перваго взгляда, и мудрено, а было истинно такъ. Иной съ умомъ не распорядился бы лучше Мака-

ра Ивановича, вовсе не умнаго. Не да- ромъ написано: *Господь умудрлетъ слѣпцы!* Квартирка, занимаемая Мака- ромъ Ивановичемъ, была небольшая, за то чистенькая, уютенькая; онъ даже ухитрился сгородить себѣ кабинетецъ, въ которомъ, не хуже кого другаго, у него на письменномъ столѣ стоялъ чу- гунный бюстикъ Наполсона, а на двухъ окнахъ алебастровыя мамзели: Тальони и Фанни Эльслеръ, что, помоему, значить не отстать отъ вѣка и слѣдить по воз- можности европейскую образованность. Кстати о европейской образованности: Макаръ Ивановичъ и на этотъ счетъ былъ малой хоть куда: круглый годъ онъ былъ аборпрованъ въ библиотекъ чтенія Глазунова, что пылъ Улитина, и получалъ все возможные (чуть-было не сказалъ: и невозможные) журналы и газеты. Макаръ Ивановичъ любилъ почитать и не гнался за тѣмъ, что ему даютъ журналъ апрѣль- ской въ июль, а газету шесть недѣлями позже выхода ея въ свѣтъ.—Что за уж- да, говаривалъ снисходительный Макаръ Ивановичъ: доберемся когда-нибудь и до настоящихъ нумеровъ; вѣдь иные и вы- ходятъ-то годомъ позже, да читаютъ же ихъ люди еще и почише меня грѣшнаго! Весело, бывало, смотрѣть на добряка Ма- кара Ивановича, когда онъ, воротясь изъ присутствія, притащитъ большой узелъ книгъ и журналовъ изъ лавки и, еще спи- мая грязныя калоши въ передней ком- пать, закричитъ женѣ: — Аленушка! Книгъ-то, книгъ-то я притащилъ тебѣ! Только читай не лѣнись! Да къ тому же все журналы! Макаръ Ивановичъ особенное имѣлъ пристрастіе къ журналамъ. *Библиотека для Чтенія* всегда радовала его своей красивой оберткой; на загнутый уголокъ ея онъ всегда смотрѣлъ съ осо- беннымъ удовольствіемъ и каждый разъ, получая новый нумеръ, говорилъ съ улыб- кою: Ой, этотъ журналъ! вѣчно съ за- гнбочкой, а люблю, страхъ люблю! *Оте- чественныя Записки* онъ обыкновенно сначала долго привѣшивалъ на рукѣ, по-

томъ произносилъ, обращаясь къ женѣ:— замѣтилъ Макаръ Ивановичъ. «Что не-
«Приподними-ка, Аленушка? Экая книжи- писываете?»
ща? Нѣчего сказать; есть что почитать. — Это еще пока тайда.
Откуда пабирають?» На раздвоеніе въ «Но вѣдь я никому... будто вы ме-
вытѣшнемъ сороковомъ году *Сына Оте-* ня не знаете?»
чества онъ почти смотрѣлъ съ востор- — Не хотите ли сигару, Макаръ Ива-
гомъ. «Вотъ что умно, такъ умно при- новичъ?
думаю!» говорилъ онъ своей Аленушкѣ. «Очень благодаренъ; у васъ, я чай,
«Двойнишками-то спорте; этого же журна- хорошия, дорогія?»
ла рѣдко выдавалось въ годъ двѣдцать — Не угодно ли попробовать?
книжекъ—все, бывало, неустосчка; а теперь И мы закурили сигары.
все-таки въ годъ ужъ получимъ хоть двѣ- «Васъ, я думаю, удивилъ ранній ви-
надцать книжекъ, оно и пріятнѣе!» Изъ зитъ мой?» спросилъ Макаръ Ивановичъ,
всего этого вы видите, что Макаръ Ива- расположась довольно покойно на моей
новичъ былъ и въ литературномъ отно- кушеткѣ, пуская густыя облака дыма
шеніи не хуже кого другаго. Теперь, изъ рта и сопровождая все это безпре-
если прибавить вамъ, что онъ былъ стаянными похвалами сигаръ.
аккуратенъ въ должности, любилъ безъ — Да, странно, что вы не на службѣ,
памяти жену, старался заводить зна- Макаръ Ивановичъ, съ вашею всегдаш-
комства съ людьми учеными; подѣ часъ нею аккуратностію...
любилъ побредить съ важнымъ видомъ «Сегодня табельный день, присут-
о политикѣ, порой ѣздилъ въ Царицы- ствія итѣ у насъ. Вы, господа писате-
но погулять съ компанією, и былъ во- ли, вѣрно рѣдко заглядываете въ кален-
обще добрый, услужливый знакомый, и дарь, точно такъ же, какъ нашъ братъ
вѣрный исполнитель того, что ему рѣдко курить—такія прекрасныя сигары.»
препоручите сдѣлать,— то вы уже бу- — Это правда. Не прикажете ли кофе,
дете имѣть полный и вѣрный прав- Макаръ Ивановичъ? Вы вѣроятно еще
ственный портретъ Макара Ивановича. не завтракали? сказалъ я моему гостю,
Теперь начнемъ уже безъ отступле- съ которымъ — падобно предувѣдомить
ній продолжать рассказъ нашъ:

— Макаръ Ивановичъ? сказалъ я поч- видѣлся очень не часто—и то не у себя,
ти съ удивленіемъ, вышедши въ залу, а въ постороннихъ людяхъ. Мой домъ,
и встрѣчая раняго и довольно рѣдкаго кажется, едва ли не второй разъ только
у меня гостя.— Какими судьбамъ? Ми- пользовался честью его посѣщенія. Но
лости прошу, безъ церемоніи...

И я ввелъ его въ кабинетъ мой.

«Ну, такъ и есть! я помѣшалъ вамъ?» отвѣчалъ Макаръ Ивановичъ: «какой те-
началъ Макаръ Ивановичъ, войдя ко- перь кофе; еще не всякій успѣлъ напитъ-
мня и увидя на письменномъ столѣ бу- ся чаю; я нарочно посѣлшии къ вамъ
магу, на которой еще не высохли чер- порашше, чтобы застать васъ.... У ме-
нида.

— Ничего, ничего; напротивъ, я очень н-халъ Михайловичъ.»

«Вы писали?»

— Да, такъ, кой что....

«Дѣловой человекъ по утру никогда васъ.»
не занимается кой-чѣмъ» очень не глупо,

— Чѣмъ могу служить вамъ, Макаръ Ивановичъ?

«То-есть не дѣлцо, а просьбца до васъ.»

— Что такое?

— Да вотъ, изволите видѣть: во первыхъ Аленушка моя препоручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе!

«Очень благодаренъ за любовь и память.»

Мы видѣлись съ ней только два раза въ жизни.

— Во вторыхъ.... Не сигарка—малина! Во вторыхъ, во вторыхъ... Ну, вѣдь какъ хотите, а вамъ во вѣки вѣковъ не угадать, о чемъ и собираюсь говорить теперь, любезнѣйшій Михаилъ Михайловичъ?

«Совершенная правда, Макарь Ивановичъ. Да согласитесь, что это и нелегко съ моей стороны. Надобно быть слишкомъ проницательнымъ.»

— Правда, правда! Одолжите огоньку, у меня погасла сигара...

«Закурите другую, Макарь Ивановичъ.»

— Нѣтъ, такія хорошія сигары надобно докуривать до нелъзи, пока губамъ будетъ горячо.

«Помилуйте...»

— Да, да! чудная сигара! Такія не дешевы; но обратимся къ нашему разговору: вотъ, изволите видѣть, въ чемъ все дѣло, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ мой. Мы съ Аленушкой задумали одно дѣльцо, для исполненія котораго нужно намъ содѣйствіе вѣхъ нашихъ друзей, слѣдовательно и ваше.

«Очень благодаренъ за ваше вниманіе; но что же это такое?»

— Да не хочу васъ томить; это ни больше, ни меньше, какъ прогулка за городъ, Михаилъ Михайловичъ, и прогулка не проста, а по водѣ.

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на моего гостя, боясь за его голову, такъ озадачилъ онъ меня этимъ ничтожнымъ предложеніемъ послѣ такого торжественнаго приступа.

— Что вы такъ странно смотрите на меня? продолжалъ Макарь Ивановичъ. Да, это будетъ прелестная загородная прогулка водою. Мы съ Аленушкой за-

всегдашней ласкѣ вашей ко мнѣ, не откажетесь быть участникомъ, почтеннѣйшій другъ мой?

«Очень бы радъ; но я...»

— Не думаете ли вы, что вамъ нужно хлопотать и брать съ собою что нибудь? Ничего не бывало: у насъ ужъ все распредѣлено, вы будете просто нашъ гость.

«Не въ томъ дѣло, Макарь Ивановичъ; я такъ занятъ всю эту недѣлю; у меня едва ли достанетъ времени и досуга, чтобы воспользоваться вашимъ обязательнымъ предложеніемъ...»

— Помилуйте! Да вѣдь нашъ пикникъ еще не на этихъ дняхъ!

«Когда же?»

— Да еще въ половинѣ будущаго мѣсяца. Мы съ Аленушкой хотимъ праздновать десятилетіе нашей свадьбы, котораго была 15 іюля.

«Къ чему же вы такъ рано собрались хлопотать объ этомъ пикникѣ? Развѣ у васъ затѣвается что нибудь большое, необыкновенное, Макарь Ивановичъ? Вѣдь еще до 15 іюля слишкомъ мѣсяць.»

— Оно такъ; да, знаете, лучше, какъ условились заранѣе; всякій ужъ такъ распорядится... Нельзя будетъ отговориться въ какой нибудь несправности тѣмъ, что мало было времени на сборы и проч. А что вы спрашиваете, что у насъ затѣвается, такъ это просто будетъ только искренная, веселая пирушка: обѣдъ, чай, лакомства, закуска и тому подобное; немножко музыки... Оно, знаете, иа водѣ очень пріятно; немножко пѣнія... это также довольно эффектно; съ нами будутъ кой-кто изъ артистовъ во вѣхъ родахъ.

«Да куда же вы собираетесь, Макарь Ивановичъ? Куда и какъ совершится эта прогулка водою?»

— А вотъ, изволите видѣть: мы вѣ отправляемся въ Кунцово Москвой рѣкой. Вы знаете, что я живу недалеко отъ берега. Сосѣдъ мой, купецъ Ласточкинъ, по котораго дѣламъ хлопочу и теперь,

дасть намъ свою большую лодку, или лучше сказать яликъ, который опъ сдѣлалъ себѣ для прогулокъ съ семействомъ. Яликъ этотъ чудесно отдѣланъ: весь зеленый; на носу нарисованы двѣ морскія сирены съ змѣиными хвостами; скамейки обиты красивымъ сукномъ. Отъ дождя есть крышечка; отъ крышечки опускаются сторы на случай солнца; одними словомъ, тутъ придумано все; гребцы у него свои барчпники, пародъ лихой, искусный въ водяномъ дѣлѣ. Право, я общаю себѣ заразе много весело въ этотъ день! И такъ руку вашу, почтеннѣйшій другъ мой, Михаилъ Михайловичъ! Вѣдь вы не откажетесь? Вы наши? Я на васъ считаю; я васъ всегда такъ люблю и уважаю... Не обидьте же меня отказомъ!

«Благодарю васъ! я постараюсь.»

— Нечего тутъ стараться, я не выйду отсюда безъ вашего вѣрнаго слова. Я люблю отдѣлывать на чистую всѣ дѣла мои.

«Хорошо, любезнѣйшій Макаръ Ивановичъ. Я даю вамъ мое вѣрное слово.» Я любопытствовалъ въ самомъ дѣлѣ посмотреть, что за пикникъ и что за собраніе артистовъ *во всѣхъ родахъ* будетъ у Макара Ивановича.

— Руку вашу!

«Извольте.»

— Вотъ этъ я люблю! у меня теперь отлегло отъ сердца. Не даромъ же я проснулся сегодня вмѣстѣ съ пѣтухами, и побѣжалъ къ вамъ, чтобы застать васъ дома. Безъ васъ, почтеннѣйшій другъ мой, въ нашей загородной прогулкѣ все чего-то не доставало бы—ужъ какъ вы хотите! У меня такой нравъ: когда весело, люблю, чтобы со мной были всѣ тѣ, кого люблю я.

«А большая компанія будетъ у васъ, Макаръ Ивановичъ?» спросилъ я.

— Не очень... все короткіе люди; кромѣ васъ, позвольте, только десять человекъ обоюго пола, да я съ женой, следовательно двѣдцать.

«Вотъ это-то и плохо, любезный Макаръ Ивановичъ» сказала я съ улыбкою. — Почему такъ?

«Я буду у васъ—тринадцатый гость.» — Что же изъ этого?

«Будто вы не знаете, что число *тринадцать* есть роковое число и за столомъ и въ обществѣ. Съ этимъ несчастнымъ числомъ рѣдко проходитъ безъ какой-нибудь непріятности, по преданіямъ старины, Макаръ Ивановичъ.»

— Какіе пустяки! я не изъ числа суевѣрныхъ людей. Да и вамъ, какъ кажется, угодно только посмѣяться надъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою! Ужъ вѣдь я знаю васъ, господъ писателей! Вы всегда любите подтрунить надъ нашимъ братомъ неучемъ!

«Ничуть. Право, Макаръ Ивановичъ, быть какой-нибудь бѣдѣ у васъ на пикникѣ! Я далъ ужъ мое слово, не отказываюсь, только смотрите, не пейте на меня, если что случится.»

— Проказникъ Михаилъ Михайловичъ! Да чему тутъ случиться? Впрочемъ, какъ знать: можетъ-быть кто нибудь изъ нашего общества еще и не будетъ пятнадцатаго іюля? Вотъ следовательно вы и не будете тринадцатымъ.

«Хорошо, если такъ.»

— Да ужъ не безпокойтесь, не безпокойтесь; наша прогулка по водѣ и пикникъ будутъ на славу. А не правда ли, что мы съ Аленушкой выбрали славное мѣсто? Кунцово—рай земной. Жаль только, что садъ немножко запущенъ, заброшенъ теперь.... А окрестности-то? А виды-то? Вы насъ сводите и на *проклятое мѣсто*?

«Съ удовольствіемъ.»

— Прекрасно! превосходно! Я ужъ напередъ восхищаюсь этою прогулкою. Ну, такъ это дѣло кончено; не хочу больше мѣшать вамъ и ухожу...

«Прошу не спѣшить, я очень радъ...»

— Нѣтъ, нѣтъ; я знаю, что говорю; да, правду сказать, мнѣ и самому не мало еще дѣла. И такъ прощайте, мой по-

чтениѣйшій другъ! Если намъ не случит- ся увидѣться до назначеннаго дня, я на- кануѣ пришло къ вамъ записочку, гдѣ и когда собираться. Только еще разъ по- вторю: съ вашей стороны, не безпокой- тесь ни о чемъ; у насъ будетъ всего вдоволь.... Вы просто нашъ гость. Не забудьте же дни: 15 юля!

«Не забуду, Макарь Ивановичъ.»

— Про случай запишите въ свою па- мятную книжку, оно вѣрнѣе.

«Да ужъ не безпокойтесь!»

— Благодарю, благодарю! Прощайте! Пожалуйста безъ проводовъ, и ни одинъ найду дорогу. Какъ рада будетъ моя Аленушка! Она васъ такъ любитъ и по- читаетъ...

«Очень благодаренъ!»

— Прощайте, прощайте, мой почтен- нѣйшій!

«До свиданія, Макарь Ивановичъ!»

Мы разстались друзьями.

Но прежде, нежели я стану продол- жать разсказъ мой и поведу читателей вмѣстѣ съ собою, перескочивши мѣсяцъ времени, на пикникъ моего обязатель- наго пріятеля, Макара Ивановича, не лишнимъ считаю воротить нѣсколько назадъ ихъ вниманіе и раскрыть, отъ че- го въ голову Макара Ивановича и его Аленушки родилась идея этого пикни- ка и предполагаемая прогулка водою, что и самъ я узналъ уже, разумеется, въ послѣдствіи времени отъ него же самого.

Не помню, сказывалъ ли я читателю, что герой моего разсказа, Макарь Ивано- вичъ, любилъ свою супругу Аленушку, и если когда нибудь ропталъ онъ на нее, а она на него—такъ это только по одному случаю: взаимная страсть ихъ не давала плода; просто сказать, у нихъ не было дѣтей, не смотря на то, что имъ обоимъ хотѣлось имѣть ихъ.

— Просто Богъ не даетъ, Макарь Ивановичъ!

«Его святая воля, Аленушка!»

— А можетъ быть еще и дать; мы не старики.

«Много ждали, немножко подождемъ, Аленушка; вотъ вѣдь ужъ кажется въ будущемъ юльѣ будетъ ровно десять лѣтъ нашей свадьбѣ.»

— Да, пятнадцатое юля!—Я какъ те- перь помню этотъ день, Макарь Ива- новичъ: на тебѣ былъ коричневый фракъ, съ костяными пуговками и розовая жи- летка.

«Именно такъ. А на тебѣ блѣдно- палевое платье, съ зеленымъ кушакомъ, и на головѣ цвѣты; какъ теперь гляжу: такъ и трясутся изъ стороны въ сторону!»

— Это отъ того, что я дрожала со стра- ха, Макарь Ивановичъ.

«Да чего же ты боялась, глупенькая?»

— Да такъ; мнѣ наговорили много стра- шнаго о замужествѣ.

«А между тѣмъ...»

— А между тѣмъ все вздоръ! После я сама палъ собой смѣялась.

«Ахъ ты моя умница,—разумница!» въ восторгъ вскричалъ счастливый Ма- каръ Ивановичъ и бросился цѣловать жену.

Во время этого-то супружескаго раз- говора и сердечнаго взаимнаго изліянія, Макару Ивановичу вдругъ пришла въ голову мысль о торжественномъ празд- нованіи десятилѣтія своего супружества и о прогулкѣ за городъ, что, впрочемъ, едва было не довело его до серьезной ссоры съ любезной половиной.

Вотъ какъ это было.

«А знаешь ли, мой милый ангелочикъ, Аленушка, что мнѣ вдругъ пришло те- перь въ голову?» сказалъ Макарь Ива- новичъ.

— Что такое, дружокъ мой?

«Лишь бы ты согласилась, а то бу- детъ хорошо.»

— Да что такое? Я ужъ напередъ со- гласна; будто мы не сходимся въ чемъ нибудь съ тобой?

«Вѣдь мы счастливы другъ другомъ, Аленушка?»

— Конечно, счастливы, Макарь Ива- новичъ; ты человекъ не пьющій, мѣсто

у тебя порядочное. Къ зимѣ же ты обѣщаешь мнѣ теплый салопъ норковый...

«Ну да, да; все это будетъ. Такъ какъ мы счастливы другъ другомъ, то почему бы намъ, Аленушка, не отпраздновать этого дня нашего бракосочетанія приличнымъ благороднымъ людямъ образомъ?»

— То есть, Макаръ Ивановичъ?

«То есть, почему бы намъ не созвать къ себѣ яѣскольکو короткихъ пріятелей, сдѣлать хорошенькій обѣдецъ, купить добраго вина.... Мы, благодаря Бога, теперь имѣемъ хлѣбъ насущный; а лучшешто и благороднѣе бы всего, отправиться за городъ куда-нибудь, въ садъ, въ поле; на дачу, на чистый воздухъ, да тамъ и задать пирушку.... А? какъ ты объ этомъ думаешь, мой безцѣнный дружочикъ, Аленушка?»

— Дорого станетъ, Макаръ Ивановичъ; а то бы оно, конечно, и хорошо и деликатно.

«И, матушка! дорога голова на плечахъ!» сказалъ счастливый мужъ. «На двоихъ насъ пока станетъ; а тамъ, коли что случится.... (тутъ Макаръ Ивановичъ опять поцѣловалъ жену) ну что же? и то не бѣда. На всякую долю Богъ пошлетъ!»

— И то правда.

«Ну, такъ ты не прочь отъ этого, Аленушка?»

— Не прочь, Макаръ Ивановичъ.

«Ладно! Только куда же бы намъ ѣхать?»

— Куда разсудишь ты самъ.

«Въ Царицыно развѣ махнуть?»

— Ну что жъ, въ Царицыно.

«Или въ Останкино?»

— Ну что жъ, и въ Останкино.

«Или не лучше ли просто въ Марьино роу?»

— Хорошо и въ Марьиной роуѣ.

«Или лучше въ Сокольникахъ?»

— Да; и въ Сокольникахъ хорошо.

«Да что жъ ты все только дакаешь, дружокъ мой, Аленушка, и повторенья

за мной слова; вѣдь ты человекъ, а не попугай какой? Мнѣ хочется знать собственное твое мнѣніе на счетъ этого дѣла.»

— Да какъ угодно тебѣ, Макаръ Ивановичъ; для меня все равно. Мнѣ вездѣ весело, лишь бы быть съ тобою.

«Ну, да если бѣ я тебѣ предложилъ созвать гостей на конную площадь и тамъ праздновать десятилетіе нашей свадьбы?»

— Я бы пошла и туда.

«Глупа ты, Алена Ивановна!» сказалъ съ неудовольствіемъ Макаръ Ивановичъ.

— Вотъ ужъ вы и разсерчали, Макаръ Ивановичъ! Не хорошо это въ васъ!

«Да какъ же, прости Господи! вѣдь вы такую околесную несете, Аленушка, что уши вянуть!» сказалъ смягчая голосъ Макаръ Ивановичъ. «Вы вишь согласны пировать и на конной — да что же мы съ вами, лошади что-ли какія? Кажется я чиновникъ, и вы, слѣдственно, чиновница, титулярная совѣтница; оно конечно не такъ, чтобы очень высоко, а все-таки... На все есть, сударыня, свои приличія, свои законы....»

— Ну вотъ, ужъ вы и попли, и попли, Макаръ Ивановичъ!

«Да какъ же иначе, моя милушка? Надобно и себѣ знать цѣпу!»

— Вы все сердитесь; вотъ можетъ быть у насъ отъ того-то и дѣтей нѣтъ, Макаръ Ивановичъ?

«Да на что съ такимъ разпорядкомъ и дѣтей намъ, Алена Ивановна? Богъ знаетъ, что дѣлаетъ! Вишь, намъ и конная ни почемъ, такъ что съ вами толковать много!»

— Ну, полноте же, полноте, Макаръ Ивановичъ; вѣдь ужъ вы расходитесь, такъ на васъ и ума нѣтъ... помиритесь; поцѣлуйте; вонъ кто-то идетъ по лѣстницѣ.... вѣрно къ намъ; не хорошо застануть разстроенными.

Макаръ Ивановичъ молча поцѣловалъ жену.

— А чтобы поковчить все дѣло, должна, ласкаясь къ мужу, Аленушка, я предлагаю ѣхать пятнадцатаго іюля въ Кушцово.

«Славная мысль!» вскричалъ прояснившійся Макаръ Ивановичъ, и чмокнулъ опять въ полную щечку Аленушку.

— Да еще какъ ѣхать, подхватила опять жена; не на лошадяхъ, а водою, по Москвѣ рѣкѣ,—это будетъ еще веселье и благородіе, совершенно по петербургски. У сосѣда Ласточкина, подѣламъ котораго хлопчешь ты, возьмемъ новую его лодку...

«Яликъ, душа моя.»

— Ну, хоть яликъ, все равно; и увѣрена, что онъ не откажетъ.

«Навѣрное не откажетъ.»

— А чтобы намъ не составило это большаго счета, Макаръ Ивановичъ, сдѣлаемъ не простое приглашеніе, а какъ это зовутъ большіе господа, пик-пикъ, что ли то... ну, еще гдѣ вслкій платитъ за себя, или привозитъ съ собою что нибудь....

«Пикникъ! Превосходная мысль, мой херувимчикъ!» вскричалъ въ восторгъ Макаръ Ивановичъ. «Поцѣлуй меня за это, шесть разъ сряду, да крѣпче.... вотъ такъ!»

Посреди звучныхъ супружескихъ поцѣлуевъ тихо отворилась дверь и въ комнату вошла третья особа.

Эта третья особа—былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, довольно толстый, низенькій и одутловатый; одѣтъ онъ былъ въ старомодномъ вкусѣ: сюртукъ горюховаго цвѣта, огромное жабо и бѣлая пуховая шляпа на головѣ, лишенной почти безъ малаго всѣхъ волосъ. Глаза у него были малянькіе, быстрые, бѣгали какъ ртуть изъ стороны въ сторону. Этого мужчину звали Осипъ Осиповичъ; онъ былъ такъ же, какъ и Макаръ Ивановичъ, чиновникъ, такъ же какъ и онъ титулярный совѣтникъ, только въ отставкѣ. Доводился онъ дядей супругу нашего героя.

— Вы все дѣлаетесь, да милуетесь, дѣтки! вскричалъ вошедшій, остановившись посреди комнаты. У васъ все еще какъ будто тянется медовый мѣсяцъ!

—«Здравствуйте, дядюшка!» вскричала весело Аленушка и, какъ рѣзная козочка, бросилась обнимать лысаго дядю.

«Здравствуйте, дядюшка! милости просимъ! Очень рады; вы никогда не могли пожаловать такъ кстати, какъ теперь!» сказалъ въ свою очередь Макаръ Ивановичъ, и такъ же какъ жена бросилась цѣловать плѣшиваго дядю.

— Здорово, здорово мои любезные! отвѣчалъ гость, поочередно цѣлуя то племянницу, то племянника. Ну, какъживаете? Какъ васъ Богъ милуетъ?

«Все хорошо, любезный дядюшка.»

—«Все слава Богу!»

— Слава Богу лучше всего. Нѣтъ ли у васъ холоднаго пива, племянница? Дѣла такаа, что мочи нѣтъ; насилу добрелъ къ вамъ. Что это вы сидите съ закрытыми окнами, дѣти?

«Мы и не замѣтили, дядюшка. Пива сейчасъ подадутъ; я пойду сама похлопочу.»

—Нѣтъ, нѣтъ, за чѣмъ самой; развѣ нельзя приказать? А, вотъ кстати и ваша старуха Васильевна! Здравствуй Васильевна! По добру ли, по здорову?

—«Слава Богу, Осипъ Осиповичъ, слава Богу! Благодаримъ за ласковое слово.»

Хозяйка распорядилась на счетъ пива, которое чрезъ минуту и было подано на столъ.

«А мы съ Аленушкой сейчасъ разсуждали о весьма важномъ дѣлѣ, дядюшка» началъ Макаръ Ивановичъ, садясь около дяди и также наливая себѣ стаканъ холоднаго пива.

— Что такое, племянничекъ?

—«Не простудитесь, Макаръ Ивановичъ; пиво сейчасъ только со льда» перебила рѣчь Аленушка и остановила руку съ стаканомъ своего супруга.

— Не простудитесь, Макаръ Ивано-

вичъ? записалъ тонкимъ голоскомъ, передразнивая племянницу, дядя: а обо мнѣ и заботы нѣтъ, воструха? Старику дядю хотъ глотку перехвати, ей горя мало; лишь бы Макарь Ивановичъ былъ цѣль! Ой вы, молодежь! Вамъ только тотъ и миль, съ кѣмъ вы разцѣлюваетесь каждый часъ... а? не правда ли, племянница? А внучковъ-то у меня все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ! вотъ что плохо... Ну, ну; не краснѣй же, не потупляйся въ землю; старики любятъ поболтать вздоръ... Къ тому же я не чужой вамъ обнимъ; но это въ сторону пока: о какомъ же важномъ дѣлѣ, племянникъ, разсуждали вы, цѣлуясь съ женой въ то время, какъ я вошелъ къ вамъ?

«Вотъ видите что, дядюшка» отвѣчалъ Макарь Ивановичъ: «въ слѣдующемъ мѣсяцѣ минетъ ровно десять лѣтъ нашей свадьбы...»

— Знаю.

— «И мы хотимъ праздновать это десятилѣтїе на славу» сказала Аленушка.

— Не дурно.

«Мы рѣшились созвать гостей» сказалъ Макарь Ивановичъ.

— Поѣхать за городъ! прервала его жена.

«Отправиться въ Купцово...»

— «На большой лодкѣ...»

«На большомъ яликѣ, съ музыкой и пѣніемъ...»

— «Съ обѣдомъ и виномъ...»

«Однимъ словомъ, мы рѣшились съ Аленушкой сдѣлать пикникъ...»

— «Вы знаете, что такое пикникъ, дядюшка?»

Осипъ Осиповичъ только успѣвалъ повертываться то въ ту, то въ другую сторону и покачивать весело своей плѣшивой головой въ знакъ одобренія всего, что являвали ему поочередно счастливые супруги. При последнемъ вопросѣ племянницы, онъ остановилъ свою голову, гордо взглянулъ на нее, какъ и на меня, дѣти мои, въ нашемъ университетскій студентъ, котораго спрашиваютъ: знаетъ ли онъ грамотъ? и отвѣчалъ съ важною улыбкою:

— Знаю ли я, что такое пикникъ, говоришь ты, племянница? Забавный вопросъ! Да у насъ за Москворѣьемъ не бываетъ ни одного пикника, на который бы я не былъ приглашенъ... Мнѣ не знать, что такое пикникъ? Да я почти круглое лѣто каждую недѣлю бываю разъ, иногда и два на пикникѣ.

«Прекрасно! Но вѣдь это вамъ должно довольно дорого стоить, дядюшка?» спросила наивно Аленушка: «каждый разъ надобно или платить деньги, или привозить съ собою, что назначать...»

— Я не дѣлаю ни того, ни другаго, съ гордою улыбкою отвѣчалъ Осипъ Осиповичъ.

— «Какъ же это такъ, дядюшка?»

— Очень просто: на все есть своя манера. Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: еще послѣ моего покойнаго дѣда Панфила Петровича... ты ужъ не помнишь его, Аленушка, — онъ умеръ вскорѣ послѣ непріятеля, — достался мнѣ по наследству круглый, замшевый футляръ, который на взглядъ кажется и не пеликъ, не толстѣ, а между тѣмъ въ немъ помещается дюжина серебряныхъ ложекъ съ вилами и пожами; разумѣется, все это не вальяжно, тонко, за то очень удобно, *портативно*, какъ говорятъ знатные бары, а по нашему то-есть укладисто въ карманѣ. Ну вотъ, съ этимъ-то замшевымъ футляромъ я вотъ ужъ какъ себя запомню, всегда участвую во всѣхъ замоскворѣцкихъ пикникахъ. Кому что назначаютъ привозить, а про меня обыкновенно говорятъ: «Осипъ Осиповичъ пожалуйста съ своимъ замшевымъ футляромъ!»

— «А! такъ вотъ что, дядюшка!»

— Да, именно; мой футляръ почти всегда у меня въ карманѣ. Чуть съ кѣмъ за городъ — я ужъ и готовъ. Считайте и на меня, дѣти мои, въ нашемъ пикникѣ! Я никакъ не прочь: долю мою вы уже знаете: берите только что есть; а *члмг* — ужъ это мое дѣло!

«И прекрасно!» сказалъ Макарь Ивановичъ: «одни хлопоты и въ сторону. Но нравится ли вамъ, дядюшка, выборъ мѣста для загородной прогулки?»

— Кунцово? Что жъ? славное мѣсто!

«А хорошо ли, что отправимся водой?»

— Даже очень. Это будетъ оригинально.

«И прохладно, дядюшка, особенно если будетъ жаркое утро.»

— Да и не такъ дорого. Экипажи нынче жгутся.

«Сѣно и овесъ очень дороги, дядюшка!»

— То-то и дѣло. Лошадимъ-то нынче приходится чуть-ли не хуже чловѣчьяго. Но будетъ объ этомъ; скажите же мнѣ, дѣти, распорядились ли вы всѣмъ, какъ надобно для пикника?

«Нѣтъ еще, дядюшка.»

— Займитесь вмѣстѣ; я посиблю вамъ.

«Да что тутъ много толковать, дядюшка: позовемъ пріятелей, да каждому назначимъ, что принести съ собой, — вотъ и все тутъ!» сказала Аленушка.

— Вотъ то-то и есть, племянница! А еще давеча спрашивала меня, знаю ли я, что такое пикникъ, сказалъ, иронически улыбаясь, дяди. И видно, что вы первый разъ собираетесь его дѣлать.... Положитесь ужъ лучше на меня; я знаю какъ все обдѣлать порядкомъ, на благородную руку.... Мнѣ не въ первый разъ. Дай-ка мнѣ чернилицу и листъ бумаги, племянникъ.

«Извольте, дядюшка.»

— Садитесь оба около меня... Надейка-мнѣ еще стаканъ пива, племянница; я все еще не остылъ.

— «Извольте, дядюшка!»

Осипъ Осиповичъ выпилъ съ разстановкою стаканъ пива, потомъ взялъ въ руки перо и вывелъ крупными словами на заголовкѣ бѣлаго листа: Пикникъ.

— Котораго онъ будетъ числа?

«Пятнадцатаго, дядюшка.»

Старикъ приписалъ: 15-го іюля сего 1840 года.

— Рано ли сборъ?

«Часовъ въ семь утра, я думаю» сказалъ Макарь Ивановичъ, поглядывая на свою Аленушку.

— Больно рано, племянникъ; такъ не сберутся; я хорошо знаю это дѣло, замѣтилъ Осипъ Осиповичъ. Хорошо, хотя бы и въ восемь.

«Пусть хоть въ восемь.»

— У кого сборъ?

«Разумѣется, у насъ; мы ближе всѣхъ живемъ къ берегу.»

— Справедливо; къ тому же вы и заводчики предполагаемаго пикника... И такъ, у васъ.

«У насъ, дядюшка.»

— А сколько персонъ предполагаете вы звать, племянница?

— «На лодкѣ усидется безъ труда чловѣкъ пятнадцать...»

«На лодкѣ, хотѣла ты сказать, Аленушка» прервалъ ее Макарь Ивановичъ.

— «Пусть будетъ по твоему, мой другъ: на лодкѣ.»

— Хорошо. Теперь, кого же вы думаете звать? Все это должно сейчасъ придумать, рѣшить и записать по нумерамъ, какъ обыкновенно это дѣлается въ порядочныхъ пикникахъ. Напротивъ каждой персоны, съ общаго согласія, назначается: что должно привезти для общины; я предполагаю, что у васъ будетъ не денежный пикникъ, дѣти мои?

«Нѣтъ, дядюшка, не денежный; кому хлопотать за покупкою всего этого?...»

— Дѣло, дѣло! Да оно и благороднѣе — натурой. Давайте же пока на досугъ назначать по нумерамъ гостей, и распределять, кому что привозить?... Вели принести еще пивца, племянница, это уже нагрѣлось...

— «Да ужъ оно и все, дядюшка. — Васильевна! подай еще бутылку.... двѣ бутылки хорошаго пива.»

— Нумеръ первый, началъ Осипъ Осиповичъ, хлѣбнувши холоднаго свѣжаго пива и принимался за перо:— по всей справедливости долженъ принадлежать хозяевамъ пикника... И такъ, напишемъ: Макаръ Ивановичъ съ женою.

«Хорошо, дядюшка, пусть мы будемъ первый нумеръ» весело сказалъ, потирая руки, неизъятый честолюбия Макаръ Ивановичъ. «Мы съ тобой, душа, первый нумеръ!» шепталъ онъ тихо своей Аленушкѣ, и щипнулъ ее за шею: «знай нашихъ! вотъ каково!»

— Теперь, что же вы берете на свою долю? спросилъ Осипъ Осиповичъ.

«Какъ вы полагаете, дядюшка?»

— Я полагаю, что вамъ можно не брать ничего, сказалъ съ важнымъ видомъ Осипъ Осиповичъ.

«Какъ ничего, дядюшка?»

— Такъ ничего, дѣти мои. На листъ вы будете занимать первый нумеръ, а въ голосовомъ собраніи скажемъ: мы послѣдніе, и беремъ на себя все остальное! Ну, а остальнаго, разумеется, ничего и не будетъ, потому-что мы обложимъ гостей всеъмъ нужнымъ для пирушки...

«Но это немножко совѣстно, дядюшка...»

— Ни чуть, глупенькіе! А хлопоты-то развѣ вы ставите ни во что? Это такъ же не бездѣлица? а идея-то пикника? и она стоитъ чегонибудь?

«Все такъ, только...»

— Чтобы успокоить вашу нескотливую совѣсть, возьмите съ собою про запасъ денегъ; можетъ-быть встрѣтятся непредвидимые расходы. Вотъ и все тутъ.

«На это я согласенъ,» сказалъ Макаръ Ивановичъ.

— «И я также» подтвердила Аленушка.

— Нумеръ второй, дѣти мои, пусть буду — я; началъ опять, после цоваго глотка пива, Осипъ Осиповичъ.

«Справедливо, дядюшка, вы у насъ старшій въ родствѣ.»

— И такъ, напишемъ: Осипъ Осиповъ Трубкинъ: прѣдетъ съ своимъ круглымъ, замшевымъ футляромъ. Такъ ли, дѣти мои?

«Такъ, дядюшка.»

— Третій нумеръ назначайте ужъ вы сами; я буду только писать за васъ. Ну, кого вы думаете?»

— «На третій нумеръ, по всей справедливости, должно поставить Ѳаддея Гавриловича Ласточкина съ его супругой; во первыхъ потому, что лодка...»

«Яликъ,» перебилъ ее Макаръ Ивановичъ.

— «Во первыхъ потому, что яликъ, на которомъ мы поплывемъ въ Кунцово, принадлежитъ имъ; во вторыхъ потому, что они миліоверы, а въ третьихъ потому, что Макаръ Ивановичъ хлопочетъ, какъ сосѣдъ, по ихъ дѣлу въ Надворномъ Судѣ; въ четвертыхъ...»

— Довольно и этихъ трехъ причинъ, чтобы удостоить ихъ третьяго нумера! съ важностію произнесъ Осипъ Осиповичъ, и принялся вписывать имена ихъ.

«Кстати, дядюшка, впишите ужъ рядомъ съ ними и старшую дочку ихъ Матрену Ѳаддеевну; она сланно играетъ на гитарѣ» сказалъ Макаръ Ивановичъ.

— «Такъ ужъ и младшую Марину Ѳаддеевну; она чудесно поетъ» прибавила Аленушка.

— Резонъ, запишемъ и ихъ, сказалъ Осипъ Осиповичъ. А что же они привезутъ?

— «Съ нихъ бы можно и ничего не брать» замѣтила Алена Ивановна: «мы все побдемъ на ихъ лодкѣ...»

«Яликъ» перебилъ Макаръ Ивановичъ.

— Какъ ничего не брать? Да какой же это будетъ пикникъ, племянница? Налобно, чтобы каждый бралъ съ собою чтонибудь. Меня, небось, нигуда не приглашаютъ безъ моего круглаго замшеваго футляра?..

— «Ну, развѣ какую-нибудь бездѣлку къ обѣду...»

— Хорошо. Ихъ четверо; пусть же они возьмутъ съ собою четырехъ жареныхъ куръ и копченый языкъ—вещи нужны и вкусныя, а между-тѣмъ педорожія.

«Пусть такъ» сказала Макарь Ивановичъ.

— Нумеръ четвертый? спросилъ Осипъ Осиповичъ, опять глотнувши пива.

«Петръ Сергѣевичъ Вѣповъ, нашъ секретарь» сказалъ Макарь Ивановичъ: «онъ добрый человѣкъ, притомъ и кавалеръ; знаете,—и для виду пріятно и благородно.»

— Разумѣется!

«А съ нимъ вмѣстѣ и сынокъ его, Петръ Петровичъ; этотъ хоть еще не служить, за то удивительно играетъ на флейтѣ; онъ будетъ аккомпанировать дѣвицамъ Ласточкинымъ.»

— Ладно. А какал съ нихъ благостыня?

«Пусть привезутъ вина. Тестъ Петра Сергѣевича содержитъ вишневый погребъ. Ему обойдется даромъ, а намъ хорошо. А сынъ пусть захватитъ сладкихъ пирожковъ.»

— Резонъ. Нумеръ пятый?

«Карлъ Карловичъ Штруцманъ съ сыномъ.»

— Кто это такой?

«Сосѣдъ нашъ, зубной лѣкарь, вельсѣчакъ такой, что мочи нѣтъ; сыно, правда, и глуповатъ; ну, да ужъ для отда пригласить и его! онъ привезетъ хоть голантиру.»

— «Зачѣмъ же? лучше одного Карла Карловича» сказала Алена Ивановна: «падобно, чтобы все были интересные люди. Дядюшка, вычеркните Штруцманова сына.»

— Вычеркнулъ. Что же принесетъ отецъ?

— «Большой, круглый пирогъ, ветчины и салату.»

— Не многолико ли на одного, племянница?

— «Нѣтъ дядюшка! онъ богачъ и не скупой человѣкъ.»

— Нумеръ шестой, кто?

— «Клариса Владиміровна Василькова!» сказала Алена Ивановна: «это сорокалѣтняя дѣва, дядюшка; носъ всегда въ табакъ, за то у ней есть четверомѣстная карета. Ее можно отправить сухимъ путемъ съ провизіею, а въ случаѣ дожда, ѣхавши оттуда, можно въ ней и помѣститься кому-нибудь изъ дамъ.»

— Совершенно справедливо! Что съ нея?

«Она дѣвица деликатная, чувствительная» замѣтилъ Макарь Ивановичъ: «пусть привезетъ десертъ, какихъ-нибудь ягодъ, фруктовъ, сластей...»

— Прекрасно; такъ и запишемъ. Ну, а кого писать подъ седьмымъ нумеромъ?

Добрый Макарь Ивановичъ называлъ тутъ меня, какъ послѣ слышалъ я, почтеннѣйшіе читатели!

— Кто такой? поморщась спросилъ дядя.

«Это... это одинъ изъ моихъ искреннѣйшихъ друзей» сказалъ Макарь Ивановичъ: «славный, умный малой; много пишетъ, переводитъ...»

— А привезетъ ли онъ что нибудь?

«Да къ чему же намъ? и такъ ужъ всего довольно. Впрочемъ, можетъ-быть, и онъ догадается захватить хоть чайку съ сахарцомъ.»

— Ладно. Нумеръ восьмой?..

— «Да не будетъ ли, дядюшка? Мы кажется, набрали съ дюжину. Куда же еще? Да, правду сказать, я больше почти не придумаю никого! Баста, дядюшка!»

— Нѣтъ, еще не баста, племянникъ. А ты забылъ Ѳедора Ѳедоровича Горошкова?

«Кого, дядюшка?»

— Ѳедора Ѳедоровича Горошкова.

«Горошкова? Да я первый разъ въ жизни слышу такую фамилію, дядюшка.»

— «И я также» сказала племянница.

— Какъ, вы оба не знаете Федора Федоровича Горошкова, дѣти мои? съ изумленіемъ вскричалъ Осипъ Осиповичъ, и чуть не подавился глоткомъ пива, которое не урѣжалъ попить отъ жара. — Не знать Горошкова? А еще замоскворѣцкіе жители! Да это просто стыдъ, смѣхъ! Кто у насъ не знаетъ этого достойнаго человѣка? У кого онъ не бываетъ?

— «Но, ради Бога, не мучьте же наше любопытство, любезный дядюшка» сказала Алена Ивановна: «простите наше невѣдѣніе и откройте, кто такой этотъ Федоръ Федоровичъ Горошковъ? Что онъ за особа? Гдѣ служитъ?»

«Не новый ли нашъ частный приставъ?» спросилъ, съ какою-то, какъ будто, робостію, Макарь Ивановичъ.

— Э, нѣтъ! совсѣмъ не то, — отвѣчалъ дядя. Федоръ Федоровичъ Горошковъ, онъ... онъ, коли вы хотите, нигдѣ не служитъ; ничего особеннаго не дѣлаетъ, а такъ... такъ, знаете, чудный, удивительный человѣкъ.

«Что же онъ богачъ, что ли?»

— Не то, чтобы богачъ; но должно быть и не бѣдѣнъ; онъ всегда такъ славно одѣтъ, причесаъ по модному, а главное—то въ немъ: умъ, да умъ! Федоръ Федоровичъ Горошковъ, просто вамъ сказать, замоскворѣцкій гений! — Что ни скажетъ—уши развѣсишь; что ни сдѣлаетъ—ротъ разинешь! Да какъ это, мнѣ все право странно, вы не знаете Федора Федоровича! Онъ въ связи со всѣми здѣсь; его ловятъ на расхватъ; у него почти нѣтъ минуты свободной... А ужъ какой боямотистъ, острякъ, забавникъ!

«Ахъ, дядюшка! такъ пригласите къ намъ на пикникъ Федора Федоровича Горошкова, познакомьте насъ съ такимъ рѣдкимъ человѣкомъ!» вскричали въ одно время оба супруга.

— Да, да! я это сдѣлаю; только если онъ не занятъ, не отозванъ куда-нибудь прежде, сказалъ дядя.

«Да вѣдь еще наша пикникъ черезъ мѣсяць.»

— Это-то и хорошо. Я успею предупредить его и обязать честнымъ словомъ. Между-тѣмъ на дняхъ приведу его къ вамъ обѣдать; вы познакомитесь, сойдетесь, насмѣетесь до сыта и надивитесь на Федора Федоровича... Я съ нимъ вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у Триидиныхъ... и теперь еще у меня лѣвый бокъ ноетъ до смерти.

«Значитъ вашъ Федоръ Федоровичъ большой балагуръ, и вы вѣрно надорвали себѣ бокъ хохотавши, дядюшка?» спросилъ Макарь Ивановичъ.

— Нѣтъ, не то, племянникъ; мы просто только разговаривали съ нимъ; но вотъ видишь ты: у всякаго умнаго человѣка есть своя особенная странность: Федоръ Федоровичъ, говоря съ кѣмъ-нибудь, имѣетъ обыкновеніе упирать своимъ указательнымъ пальцемъ въ лѣвый бокъ того, съ кѣмъ разсуждаетъ; и, разгорячась въ разговоръ, онъ дѣлаетъ это такъ часто и больно, что послѣ насилу повертись, такой проказникъ! За то ужъ какъ говоритъ! Не слова—медоточивая сладость.

«Слѣдовательно, эта статья конченная, дядюшка, и вы заключаете нашъ листъ вашимъ Федоромъ Федоровичемъ Горошковымъ?»

— Да, я позову его отъ вашего имени; только само собою разумѣется, дѣти мои, что съ такого гениальнаго человѣка, какъ Федоръ Федоровичъ, нечего требовать, чтобыонъ привезъ какой-нибудь вздоръ...

— «Куда? Къ чему это, дядюшка?» вскричала Алена Ивановна.

«Лишь бы самъ пожаловалъ» повершилъ Макарь Ивановичъ: «намъ бы и то большая честь!»

— Да, да; ужъ онъ насъ распотѣшитъ! сказалъ Осипъ Осиповичъ. — Ну, вотъ это дѣло и покончено, племянникъ; вотъ тебѣ листъ; я свое дѣло сдѣлалъ; рас-

поражайся теперь какъ знаешь; времени еще много остается на сборы.

— «Покорно васъ благодаримъ за хлопоты, дядюшка» сказала племянница. «Что это? да вы ужъ беретесь и за шляпу:—куда такъ торопитесь, посидите у васъ.»

— Некогда, дружокъ мой, некогда. Надо было еще далеко идти. Прощайте, дѣти, прощайте.

— «Вы хоть бы на дорожку еще выпили стаканчикъ пива?— Или оно ужъ опять все?» прибавила въ полголоса Алена Ивановна.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, мнѣ пора, очень пора; до свиданія. Славно же мы устроили это дѣльцо, дѣти мои! Далъ бы Богъ только поскорѣе дожидаться пятнадцатаго юля! Прощайте.

«Прощайте, дядюшка!» И они разстались довольные другъ-другомъ.

Дня черезъ четыре послѣ описаннаго мною разговора, вечеромъ, когда Макарь Ивановичъ и Алена Ивановна сидѣли за чаемъ, къ нимъ опять явился хлопотунъ дядя, Осипъ Осиповичъ, съ озабоченнымъ лицомъ и безпокойнымъ видомъ.

— Ну вотъ, какъ я говорилъ, такъ и вышло. на счетъ Федора Федоровича Горюшкова! вскричалъ онъ, почти повалился отъ усталости на кожаный, черный диванъ и отирая краснымъ клетчатымъ платкомъ лицо свое.

«Что? вѣрно ему нельзя быть на нашемъ пикникъ, дядюшка?» спросилъ съ участіемъ Макарь Ивановичъ.

— «Вѣрно онъ куда-нибудь отозванъ?» прибавила племянница.

— На счетъ пикника ничего определеннаго не могу сказать вамъ, дѣти; Федоръ Федоровичъ не далъ слова, по и не отказалъ на отрѣзъ, какъ это часто у него случается. Онъ сказалъ: постараюсь! И этого пока довольно.

«Разумѣется, довольно» повторилъ Макарь Ивановичъ.

— Что же касается до моего общанія вамъ, привести его къ вамъ на дняхъ

обѣдать, этого я никакъ не могъ сдѣлать. Федоръ Федоровичъ на цѣлыя двѣ недѣли впередъ надавалъ обѣщаній обѣдать то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ.

«Какалъ жалость!»

— «Какалъ досада!»

— Что дѣлать. Такіе люди па расхвать, говорю я вамъ: ихъ всякій ищетъ, ласкается...

«Угодно чаю, дядюшка?»

— Хорошо! жажда смертная. Ну, авы здѣсь, дѣти, что подбывали хорошенькаго въ это время, какъ мы не видались? Подвигается ли впередъ нашъ пикникъ?

«По-маленьку, дядюшка» отвѣчалъ Макарь Ивановичъ. «Я ужъ успѣлъ побывать у всѣхъ.»

— «Выпросили у Ласточкиныхъ лодку» сказала весело Алена Ивановна.

«То-есть лилкъ, дядюшка. Я уговорился обо всемъ со всѣми моими пріятелями, и у насъ будетъ чудо, какъ весело! Садитесь-ка опять за дѣло, дядюшка, и распишемте, какъ быть нашимъ дорожнымъ увеселеніямъ... Я хочу, чтобъ все было въ порядкѣ.»

— Да, то-есть составить программу? Очень радъ: эти дѣла по моей части: мнѣ не въ первой.

И листъ бумаги съ чернилицей опять явился на сцену предъ нашимъ затѣйливымъ триумвиратомъ.

— Первое будетъ что? спросилъ Осипъ Осиповичъ племянника.

«А вотъ что, дядюшка: какъ только выплывемъ на средину рѣки, Марина Фаддеевна обѣщается намъ спѣть большую арію изъ оперы: *Велизарій*,—знаете?»

— Какъ не знать! Я два раза видѣлъ эту оперу. Итакъ: № 1, *Арія изъ Велизарія*.

«Да, дядюшка. Потомъ Петръ Петровичъ Вѣщцовъ, сынъ нашего секретаря, сыграетъ на флейтѣ концертъ, забылъ чьего сочиненія... кака-то муздреная фамилія.»

— № 2, Концертъ на флейтѣ, записалъ Осипъ Осиповичъ.

— Далѣе?

«Далѣе Матрена Фаддеевна сыграетъ на гитарѣ итальянскую большую каватину съ вариациями, собственнаго сочиненія.»

— № 3, Каватина, съ вариациями на гитарѣ, записалъ Осипъ Осиповичъ.

«Потомъ пойдетъ романсъ русскій Матрены Фаддеевны съ аккомпанементомъ флейты Петра Петровича.»

— Записано! сказалъ дядя.

«Потомъ тріо сочиненія Петра же Петровича, гдѣ будетъ участвовать онъ самъ и двѣ дѣвицы Ласточкины.»

— Это будетъ пятый номеръ, сказалъ, записывая, Осипъ Осиповичъ.

«Этого и довольно на дорогу, чтобы сдѣлать ее веселою; какъ вы полагаете, дядюшка?»

— Разумѣется, довольно!

— «Даже очень довольно!» повторила Алешушка.

— А въ интермедіи будемъ заниматься разговорами между собою, слушать нашего безцѣннаго Федора Федоровича Горошкова, да еще какъ его? Этого писателя, ну, твоего пріятеля-то, Макаръ Ивановичъ?

«Этотъ не такъ разговорчивъ, за то у него славныя сигарки, дядюшка; мы будемъ курить на водѣ, это очень пріятно.»

— Разумѣется. О, я обещаю себѣ много удовольствія! сказалъ Осипъ Осиповичъ.

«И я также!» повторилъ Макаръ Ивановичъ.

— «И я также!» завершила Алешушка.

Тѣмъ на этотъ разъ и кончилось заведеніе; всѣ дали другъ другу слово, готовиться къ ожидающему пятнадцатому числу іюля.

Объяснивъ моимъ читателямъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія знаменитому пикнику Макара Ивановича, на

который я такъ обязательно былъ приглашенъ лично имъ самимъ, какъ видѣлъ читатель въ началѣ моего разсказа, теперь я ужъ гораздо удобнѣе могу разсказывать о самомъ пикникѣ и о нашей загородной водной прогулкѣ въ Купцово.

За два дня до назначеннаго числа, я получилъ записку отъ Макара Ивановича, въ которой онъ снова убѣдительно образомъ просилъ меня не забыть 15-е іюля и пожаловать къ нему, не позже восьми часовъ, чтобы не задержать отправленія.

Я отвѣчалъ, что помню приглашеніе и непременно явлюсь въ назначенный день и часъ.

Наконецъ настала этотъ торжественный день пятнадцатаго іюля!

Проснувшись по обыкновенію въ шесть часовъ, я выглянулъ въ окно: утро прелестное, теплое, свѣтлос. Мнѣ стало весело за Макара Ивановича, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, проснулся раньше меня, и уже безъ сомнѣній болѣе дюжины разъ смотрѣлъ на небо, подстерегая, не посятятся ли враждебныя тучки.

Чтобы быть вполне исправнымъ и никакъ не огорчить въ такой веселый день добраго Макара Ивановича, я, какъ только нашлся чаю, отправился къ нему съ порядочнымъ запасомъ сигаръ, и явился даже четвертью часомъ раньше положеннаго срока.

Въ комнатахъ Макара Ивановича, не смотря на раннее время, была ужасная суматоха. Хозяйка бѣгала изъ одного угла въ другой и раздавала различныя приказанія; старая служанка ихъ, Василиса, такъ сказала дробилась, чтобы поспѣть вездѣ и на все. Макаръ Ивановичъ что-то кричалъ, когда я вошелъ въ залу, гдѣ на стульяхъ и на столахъ разложены были кульки, узлы, салфетки, платья, нѣсколько посуды, стакановъ, и рюмокъ.

— Вотъ люблю за обычай почтительнѣйшаго друга!» вскричалъ Макаръ Ива-

новичъ; какъ только увидѣлъ меня и потомъ, вынувъ изъ кармана свои серебряные часы луковичной формы, прибавилъ: еще безъ четверти восемь, а вы ужъ были такъ добры, что пожаловали.

«Я боялся заставить ждать себя. Но что съ вами, Макаръ Ивановичъ? Зачѣмъ правый глазъ вашъ завязанъ чернымъ платкомъ?» спросилъ я.

— Да такъ, маленькая неприятность, отвѣчалъ Макаръ Ивановичъ. Вчера вечеромъ пошелъ я пробовать съ гребцами новый лликъ, на которомъ мы сегодня отправимся, засуетился тамъ, да и наткнулся на весло... Чуть глазъ не выкололъ... такъ и разнесло за почъ! И теперь безпрестанно поламливаетъ... Аленушка! полно бѣгать взадъ да впередъ; вотъ пашъ почтенный другъ Михаилъ Михайловичъ!

— «Очень рада васъ видѣть, сударь!» ласково сказала Алена Ивановна и, кажется, присѣла.

Расклавившись съ нею, я опять обратился къ хозяину: «да вы бы озаботились этимъ, Макаръ Ивановичъ» сказалъ я, показывая на глазную перевязку. «Такими вещами не шутятъ...»

— «Я и такъ ужъ лечу его» перебила рѣчь Алена Ивановна: «о, я въ этихъ болѣзняхъ пехуже всякаго доктора, Михаилъ Михайловичъ; и сама долго страдала глазами и перепробовала всѣ лекарства... лучше вотъ этого нѣтъ.»

И она, взявши съ окна стклянку съ какою-то голубоватою жидкостью, подошла къ мужу и спросила: «Не пора ли примочить, душка? Не прошелъ ли ужъ часъ? Съ этой примочкой нужна большая аккуратность...»

«А чѣмъ вы примачиваете?» спросилъ я.

— «Васильковой водой.»

«Будто это помогаетъ?»

— «Какъ нельзя лучше и почти во всѣхъ глазныхъ болѣзняхъ; я это гово-

рю съ опыта... Сколько часовъ, Макаръ Ивановичъ? Не пора ли?»

— Безъ пяти минутъ восемь.

— «Пять минутъ куда не шли! Дай, я примочу тебѣ.»

И пошло примачиванье, сопровождаемое страшными и вмѣстѣ смѣшными гримасами со стороны Макара Ивановича, весьма забавно мигавшаго остальнымъ, здоровымъ глазомъ своимъ, блѣдно-молочнаго цвѣта.

На стѣнныхъ часахъ пробило восемь.

— Какъ долго не сбираются эти господа! сказалъ Макаръ Ивановичъ, выглядывая въ окно. А погода, кажется, устоитъ весь день прекрасная, Михаилъ Михайловичъ?

«Кажется» отвѣчалъ я.

— На прошлой недѣль, мы съ Аленушкой тоже гуляли за городомъ; только такъ, знаете, случайно, безъ сборовъ; а было очень весело; встрѣтили кой-кого знакомыхъ, обѣдали, пили чай, рѣзвились, играли...

«Хорошо бываетъ по большей части печально» замѣтилъ я Макару Ивановичу.

— Ну, нѣтъ, не говорите этого, почтеннѣйшій мой другъ; то ли дѣло собратъся заранѣе, все подготовить, окружить себя тѣми, кого любишь и въ этомъ пріятномъ обществѣ... Однако ужъ четверть девятаго.... Аленушка, выгляни-ка въ окно; что это какъ будто ѣдетъ вдаль карета Кларисы Владимировны?

— «Нѣтъ, эта зеленая двумѣстная, мой дружокъ.»

— А! вонъ кто-то взбирается по лѣстницѣ... Наконецъ! Пора, пора, милости просимъ.

Дверь отворилась, вошла старуха Васильевна съ огромнымъ кулькомъ, изъ котораго торчала солома.

— И тугъ не угадай! сказалъ съ досадою Макаръ Ивановичъ. Васильевна! А ходила ты на берегъ? Гребцы готовы на ликъ?

«Давнымъ давно, батюшка Макарь Ивановичъ; я ужъ носила имъ и позавтракать.»

— Умно сдѣлала... Фу, чортъ возьми, какъ глазъ-то ломить; это немножко будетъ мѣшать мнѣ въ дорогѣ, а по берегамъ такіе прекрасные виды... между-тѣмъ все-таки еще вѣтъ пикого!

И Макарь Ивановичъ въ нетерпѣніи ходилъ крупными шагами по комнатамъ, не забывалъ безпрестанно выглядывать въ окно. Алена Ивановна между-тѣмъ одѣлась въ бѣлое бумуслиновое платье съ мелкими голубыми цвѣточками, и даже надѣла на голову соломенную шляпу, съ большими полями, и шведскія перчатки на руки.

— Да ужъ не ушли ли впередъ наши часы, Аленушка? сказалъ послѣ небольшого промежутка молчанія Макарь Ивановичъ, видя, что уже девятаго полчасца. — Какъ на вашихъ, Михайлъ Михайловичъ? Съ вами есть часы?

«Есть; на нихъ такъ же половина.»

— Что за странность такая! Чего они мѣшкаютъ? Хоть бы дядюшка Осипъ Осиповичъ; ужъ ему-то стыдѣе другихъ: онъ не въ первый разъ на пикникахъ... А! вошь наконецъ кто-то говорить на лѣстницѣ...

И Макарь Ивановичъ бросился къ дверямъ. На этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ явился гость, только неожиданный. Это былъ сынъ зубнаго лекаря, Карла Карловича Штрудмана, молодой малой восемнадцати лѣтъ, съ глупою рожей, оловянными глазами и въ добавокъ запка.

— А, Эдуардъ Карловичъ, добро пожаловать! сказалъ съвозъ зубы Макарь Ивановичъ: мы и не ждали васъ видѣть; а гдѣ же вашъ папенька?

«Онъ уѣхалъ въ ночь верстъ за двадцать къ одной клянтѣ, — забылъ ея фамилію-дергать больнои зубъ, отвѣчалъ, заикаясь, съ глупою улыбкою Эдуардъ:

приказалъ извиниться, что не можетъ быть, и прислалъ за себя меня къ вамъ.»

— Очень рады; то-есть очень жаль, что вашего папеньки не будетъ; садитесь, сдѣлайте одоженіе!

— «Первый блинъ, да комомъ!» шептала съвозъ зубы Алена Ивановна: «хорошъ гость! Сова вмѣсто сокола.»

Дверь снова отворилась и въ комнату вошла старая дѣва въ розовомъ платьѣ и розовой шляпкѣ, и даже съ розовымъ носомъ. На рукахъ у ней лежала собаченка, которую она звала *амуромъ*, и которая была столько же похожа на Амура, какъ и хозяйка ея на Венеру.

— «А! Клариса Владиміровна!» вскричала хозяйка: «милости просимъ! А мы такъ заговорились, что и не слышали, какъ подъѣхала ваша карета!»

«Какая карета! Я къ вамъ пѣшкомъ пришла, милая Алена Ивановна,» отвѣчала, жеманясь, гостья. «Вотъ видите какое обстоятельство. Карету мою я на этихъ дняхъ красила; кучеръ говоритъ, что еще не просохла, нельзя ѣхать; пристанеть, говоритъ, пыль въ дорогѣ, навсегда останутся пятна; желтый же цвѣтъ, знаете, такой пѣжный... Да къ тому же, я, признаться, не слишкомъ надѣюсь и на рессоры.... моя карета, знаете, болѣе для городской ѣзды... Обойдемся, я думаю, и безъ нея... Мое почтѣвіе, Макарь Ивановичъ! Кажется, у насъ будетъ чудная погода сегодня? Здравствуйте, Эдуардъ! Здоровъ ли вашъ папенька? А у меня сегодня всю ночь проболѣлъ коренной зубъ съ правой стороны; да боюсь дергать, кажется, глазоной... Да и амуръ мой что-то все скуичтъ, вѣрно не очень здоровъ; вчера много ѣлъ рѣпного соуса; боюсь, не сдѣлалось бы съ нимъ чего... Я такъ къ нему привязана; на людей по понадылалась; рѣшилась взять съ собой; онъ никого не стѣснить, да онъ же такой смирный, кроткій.... А другіе еще не собрались, вѣрно? пора бы; значитъ, я исправлюе другихъ,

Пока говорила словоохотливая Клариса Владиміровна Василькова, Макаръ Ивановичъ отошелъ къ окошку и подлѣ предложиломъ, что ждетъ другихъ гостей, съ недовольнымъ видомъ ужасно мигалъ своимъ здоровымъ глазомъ. Глухой сынъ вмѣсто умнаго отца, и Клариса Владиміровна съ собакой вмѣсто кареты, были ему ужасно не по сердцу. Но дѣлать нечего. Какое удовольствіе бываетъ безъ маленькихъ непріятностей? Макаръ Ивановичъ рѣшился быть твердымъ и казаться веселымъ. Тихонько шепнулъ онъ старой Васильевнѣ, чтобы она сбѣгала нанять телегу для перевозки сухимъ путемъ всей провизіи, которая была прислана отъ членовъ пикника, отчасти вчера вечеромъ, отчасти сегодня утромъ.

Пока Клариса Владиміровна хлопотала достать чашку теплаго молока для своего амура, которому хотѣлось пить, дверь отворилась въ третій разъ: явился дядюшка Осипъ Осиповичъ съ своимъ замоскворѣцкимъ геніемъ Федоромъ Федоровичемъ Горошковымъ.

Федоръ Федоровичъ Горошковъ былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати шести, довольно высокаго роста, хорошо сложенъ и одѣтъ модно, но безъ вкуса. Сверхъ коротенькаго коричневаго сюртучка съ металлическими пуговицами, на немъ было пальто съ огромными темнотой набитыми карманами; въ рукахъ толстая трость и соломенная бѣлая шляпа съ широкими полями. Прическа была онъ à la мужикъ, носилъ коротенькіе усики и рыжую эспаньолетку.

«Честь имѣю рекомендовать вамъ, Макаръ Ивановичъ и Алена Ивановна, моего искрепнаго друга Федора Федоровича Горошкова!» прокричалъ Осипъ Осиповичъ. «Федоръ Федоровичъ, рекомендую вамъ хозяевъ здѣшняго дома и нашего общаго пикника!»

Макаръ Ивановичъ разшаркался предъ новымъ гостемъ и, желая схватить его

руку, чуть не залязъ, по причинѣ залязаннаго своего глаза, въ огромный карманъ его пальто.

— Извините, что лѣляюсь, началъ острякъ, обращаясь къ хозяину, на ваши глаза, или правильнѣе сказать: *на вашъ глазъ*, потому что другой залязая, въ дорожномъ костюмѣ... Загородная прогулка все извиняетъ. Вашъ слуга, mesdames, въ буквальный смыслъ этого слова!

«Слышишь!» шепнулъ съ видимымъ восторгомъ Осипъ Осиповичъ на ухо племяннику: «этотъ бездѣльный Федоръ Федоровичъ! Вотъ ужъ и начинаете отпускать штучки... Что за голова! *На вашъ глазъ!* поди ты! Другому бы и въ умъ не вошло; а у него сейчасъ каламбуръ.»

Макаръ Ивановичъ такъ-же улыбался, потиралъ руки и безпрестанно кланялся новому гостю.

— Кажется, златовласый Фебъ нынѣшнее утро очень благосклонно улыбается нашей преднамѣреваемой прогулкѣ, началъ Макаръ Ивановичъ, обращаясь къ Федору Федоровичу и желая показать, что и онъ не дуракъ, и умѣетъ красное словцо вкленить, гдѣ надо.

«Правда ваша» отвѣчалъ геніальный гость: «только улыбка Феба я такъ же мало вѣрю, какъ и улыбка хорошенькой женщины... Pardon mesdames! Она часто общается больше, нежели исполняетъ. Утренняя улыбка вечеромъ часто обращается въ дурную гримасу.»

— «Каковъ!» шепнулъ опять Осипъ Осиповичъ племяннику.

Алена Ивановна и Клариса Владиміровна улыбались, сколько могли милѣе, даже оловянные глаза Эдуарда Штруцмана забѣгали, какъ ртутные шарики.

Накопецъ мало-по-малу собрались всѣ. Явилось семейство Ласточкиныхъ, состоящее изъ толстѣйшей четы и двухъ испитыхъ дочекъ, разодѣтыхъ до пельзя; пріѣхалъ хромоногий секретарь съ сво-

имъ сынкомъ, артистомъ на флейтѣ. Началась суматоха!

На стѣнныхъ часахъ пробило девять.

«Господа! пора въ путь!» прогремѣлъ голосъ Макара Ивановича: «а то жарко будетъ ѣхать; вѣдь дорога не близкая! Все ли мы на лицо?»

— Кажется, все...

Макаръ Ивановичъ началъ считать.

«А я все-таки выхожу тринадцатый гость!» шепнулъ я ему. «Стотрите, быть бѣдѣ. Напрасно вы меня пригласили.»

Макаръ Ивановичъ хотѣлъ улыбнуться, и вмѣсто того нечаянно вздохнулъ.

— Все ли захватили съ собой, господа? прокричалъ хлопотувъ Осипъ Осиповичъ.

«Кажется, все» отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Съ вами ваша флейта? спросилъ Макаръ Ивановичъ молодого Выцова.

«Со мной; не беспокойтесь.»

— «Ахъ, Боже мой, мамевъка! а я забыла на фортепьянахъ мои ноты!» вскричала Марина Фаддеевна. «Какъ же мнѣ пѣть мой романсъ?»

«Послать за ними поскорѣе! Это недалеко.»

Опять задержка.

Наконецъ ноты принесены, все взялись за шляпы и шляпки; только что спустились съ лѣстницы, къ Ласточкиной подбѣжала, запыхавшись, ея нянька.

— Что такое, Ненила? Не забыла ли и чего?

«Чего забыли, сударыня! Алексѣй Фаддеечъ сталъ играть у окна, разбилъ стекло и обрѣзалъ себѣ ручку... реветъ; не знаемъ что съ нимъ и дѣлать!»

— Алешинька обрѣзали! вскричала купчиха:—пу, ужъ какъ хотите, отцы мои, а мнѣ надо съѣздить домой; еще наши дрожки здѣсь... Вѣдь это всего два шага; а то я не буду спокойна... Я сейчасъ вернусь. Подождите.

Еще задержка.

«Подождите, господа, немножко, дѣ-

лать нечего» сказалъ Макаръ Ивановичъ. «Степанида Егоровна сейчасъ воротится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ... всякому свое дѣтище мило...»

— Притомъ же и лодка, на которой поплывемъ — ихъ, прошептала Алена Ивановна—Васильковой.

«Какая лодка, *лилькэ*, говорю я тебѣ, Алена Ивановна» съ видимою досадою поправилъ опять забывчивую жену Макара Ивановичъ.

Но вотъ дрожки скачутъ и назадь; только Степанида Ивановна не одна; у ней на рукахъ ревущій во все горло ребенокъ. Это ея обрѣзавшійся Алешинька, семилѣтній баловникъ съ рыжими, включенными волосами и кучерою веспушекъ на зобномъ лицѣ.

— Мой бѣдный Алешинька! вскричала Ласточкина, слѣзая съ дрожекъ:—такъ и зашелся кричаши; не пускаетъ меня, вцѣпился въ платье, да и все тутъ! Боялась васъ задержать; ужъ рѣшилась и его лучше взять съ собою; авось утѣшится; притомъ же ребенокъ никого не стѣснить; онъ будетъ у меня на рукахъ... Замолчи же, Алешинька! Видишь, чужіе люди; поклонись; душенька; сдѣлай ручкой... вотъ такъ!

А ребенокъ и не думалъ дѣлать ручкой; онъ только вылъ бѣлугой. Макаръ Ивановичъ опять ужасно замигалъ своимъ глазомъ. Самъ Осипъ Осиповичъ что-то ворчалъ себѣ подъ носъ.

Наконецъ вся *кавалькада*, какъ они называли свою ватагу, двинулась въ путь къ берегу, гдѣ ожидалъ ихъ *лилькэ*.

Только что стали усаживаться, Алена Ивановна вдругъ вспомнила, что она забыла на окнѣ васильковую воду, которую каждый часъ примачивала больной глазъ Макару Ивановичу.

«Не надобно, Аленушка» говорилъ онъ: «мнѣ лучше, ужъ не такъ подергиваетъ...»

— Цѣтъ, нѣтъ, душка! вскричала пѣнная жена:—я безъ этого не поѣду. Да и много ли времени на то, чтобъ

сбѣгать? Я черезъ пять минутъ вору-чусь. Тебѣ непременно надо примачивать каждый часъ, ужъ это такое лекарство, я вѣдь знаю, чтѣ говорю.»

И еще задержка! Авось эта послѣдняя.

Наконецъ Алена Ивановна воротилась съ своей примочкой. Всѣ размялись, какъ слѣдуетъ, въ яликъ; гребцы взяли за весла и пошла писать!

Макаръ Ивановичъ вздохнулъ свободно и чуть не перекрестился.

Сначала, когда яликъ поплылъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, всѣ смолкли, потомъ мало-по-малу начали улыбаться и говорить другъ другу: не правда ли, какъ это хорошо?—Да, прекрасно, такъ и укачиваетъ, какъ дитя въ люльку?—А посмотрите, какой отсюда чудесный видъ.

— Да да! Это прекрасно! и проч. тому подобное.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же плыть молча: оно и неучтиво!

Одинъ Осипъ Осиповичъ молчалъ и что-то все морщился.

«Что съ вами, дядюшка? Вы какъ-будто не въ себѣ?» спросилъ его заботливо Макаръ Ивановичъ.

— Чего, братецъ, отвѣчалъ дядя: не знаю отъ чего-то здѣсь скверно пахнетъ... Какъ-будто лукомъ ли, чеснокомъ ли... только ужасно гадко! я на-силу дышу.

— «А, это отъ меня!» вскричалъ Федоръ Федоровичъ съ веселою улыбкою.

— Какъ, отъ тебя, Федоръ Федоровичъ? Проказничаешь?

— «Именно отъ меня; или правильнѣе сказать, отъ моего кармана; вотъ смотри!»

И Федоръ Федоровичъ вытащилъ изъ глубокаго кармана своего пальто какой-то длинный свертокъ, завернутый въ бѣлую салфетку.

— Кой чортъ! да что же это такое, Федоръ Федоровичъ?

— «Славная италiянская колбаса съ чеснокомъ... Это чудесная закуска послѣ водки; она возбуждаетъ аппетитъ.»

— Пѣуй, Федоръ Федоровичъ! Спрячь Бога ради поскорѣе опять въ карманъ эту чудесную закуску... я задохнулся отъ ужаснаго запаха... Вонлетъ какою-то гнилью... А лучше всего, брось ее въ воду. Кто ее станетъ ѣсть; Богъ съ тобой!

— «Ты не знаешь въ этомъ толку, Осипъ Осиповичъ. Это деликатное кушанье!» сказалъ Горошковъ и опять опустилъ въ карманъ огромную колбасу.

«А, кстати, дядюшка, захватили ли вы вашъ круглый, замшевый футляръ съ ложками и вилами?» спросила Алена Ивановна.

— Какъ же, вотъ онъ! Ужъ я забуду его! вскричалъ Осипъ Осиповичъ и торжественно вытащилъ изъ своего кармана круглый футляръ, обернутый бережно въ салфетку, какъ и колбаса Федора Федоровича.

Разговоръ принялъ другой оборотъ, и между-тѣмъ записной шутникъ Горошковъ, привыкшій къ фарсамъ, чтобы посмѣшить компанiю и посмѣяться надъ Осипомъ Осиповичемъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ, тихонько вытащилъ изъ его кармана похожiй фигурию на его колбасу футляръ и помѣстилъ его въ свое пальто; а колбасу съ чеснокомъ всунулъ на его мѣсто. Все это произошло такъ быстро и сдѣлано было такъ ловко, что никто изъ присутствовавшихъ и не замѣтилъ этой продѣлки, кромѣ Макара Ивановича, который хохоталъ въ тихомолку надъ дядей.

Яликъ держался близко къ берегу. Маленькiе домики на берегу мелькали одинъ за другимъ.

— А вотъ и твой домикъ съ зеленому ставнями, сказалъ Осипъ Осипо-

вичъ Горошкову, указывая рукою на одинъ домъ незавидной наружности.

— «Да, да; вонъ и окно моего кабинета съ бѣлою сторою» отвѣчалъ Горошковъ. «Ба! это что? Такъ и есть! Это мой Касторъ, который узналъ меня издали, высочилъ изъ окна и бѣжитъ опрометью къ рѣкѣ... Гребцы, остановитесь на минутку; причальте къ берегу; я выйду и сведу его домой въ одну минуту. Дурные люди, ни за чѣмъ не хотятъ посмотреть порядочно... А такую собаку, того и смотри, уведетъ кто нибудь; ей цѣны нѣтъ... Касторъ мой славной породы... Онъ такой тихій, смиренный, и такъ привязанъ ко мнѣ... Или ужь лучше, чтобы не задерживать плаванья, свиснуть мнѣ и помянуть его сюда? Мой Касторъ плаваетъ, какъ утка; это рѣдкая собака.»

И, не дожидаясь отвѣта своихъ спутниковъ, Федоръ Федоровичъ привсталъ съ скамьи, свиснулъ пронзительнымъ голосомъ и такъ близко нагнулъ къ водѣ, что чуть не опрокинулъ ялика. Всѣ дамы вскрикнули; огромная, черная собака между-тѣмъ вскочила на яликъ и съ громкимъ лаемъ бросилась ласкаться къ своему господину. Амуръ Кларисы Владимировны, сидѣвшій упей на колынахъ, вдругъ оцѣтенился, какъ кошка, и залился визгомъ; Алеша Степаниды Петровны закричалъ во весь голосъ... пошла потѣха.

Чтобы укротить нечаянную бурю, Федоръ Федоровичъ заставилъ Кастора служить и кланяться дамамъ, которыхъ онъ забрызгалъ съ головы до ногъ, отряхая шерсть свою; а самъ залпомъ разсказалъ имъ четыре анекдота, которые заставили забыть случайную неприятность.

Но вотъ наконецъ яликъ пошелъ быстрѣе и Москва начала оставаться позади у нашихъ пловцовъ. Соляпе палило безъ милости головы, а плыть еще оставалось не мало. Видя, что всѣ по-

морщивались тихонько, иные и позывывали въ платокъ, Макарь Ивановичъ предложилъ обществу, что такъ какъ они были теперь уже за городомъ, то не пора ли открыть праздникъ настоящаго дня музыкою и пѣніемъ, какъ предложено было въ программѣ?

Всѣ охотно согласились: повѣхали веселиться, такъ надо веселиться, — противъ этого нельзя и спорить.

Загородный праздникъ долженъ былъ открыться, какъ помнятъ наши читатели, арією изъ оперы *Велизарій*, которую должна пѣть дочь Ласточкиныхъ, Марица Фаддеевна.

Пѣвицу посадили на особенную скамью; слушатели образовади изъ себя полукругъ и смолкли. Одна Алена Ивановна приставала къ своему любезному супругу съ неотвязнымъ вопросомъ: «не пора ли примочить тебѣ, душа?» на что Макарь Ивановичъ отвѣчалъ отрицательно.

Но лишь только пѣвица взяла въ руки ноты, откашлялась, развернула ихъ, какъ громкое *ахъ!* вылетѣло изъ ея плоской груди.

Это несчастное: «ахъ!» какъ острымъ гвоздемъ вошло въ сердце Макара Ивановича. Онъ смекнулъ, что восклицаніе пѣвицы не предвѣщало ничего хорошаго для его праздника.

«Что такое, Маринушка? Укололась что ли ты?» заботливо спросила Степанида Егоровна.

— Чего укололась, маменька; вѣдь мнѣ ноты-то завернули не тѣ!

«Какъ не тѣ?»

— Да такъ не тѣ. Это не арія изъ «Велизарія.» Какая досада! А я твердила цѣлыя три недѣли!

— «Нельзя ли какъ-нибудь хоть на память?» робко проговорилъ Макарь Ивановичъ.

— Какъ можно? что вы это? вступилъ въ рѣчь отецъ Марины Фаддеев-

ны. — Ей учитель именно запретилъ пѣть не по нота́мъ. Этакъ сбивается голосъ. Зачѣмъ же портить себя; ужъ учиться, такъ учиться и слушаться. Нельзя же деньги даромъ въ печку бросать. Вѣдь я плачу по два цѣлковыхъ за урокъ.

«Ну, хоть бы пропѣть то, что захватили съ собою» сказала Клариса Владиміровна.

— Да что тутъ пѣть. Это увертюра изъ «Волшебнаго Стрѣлка» отвѣчала Марина Фаддеевна.

Дѣлать было нечего. Номеръ первый — мимо. Петръ Петровичъ Вѣщовъ сѣлъ на мѣсто пѣвицы, чтобы потѣшить публику концертомъ на флейтѣ. Одно другаго стѣдить. Флейта, особенно на водѣ, какъ замѣтилъ Федоръ Федоровичъ Горошковъ, восхитительна.

Вотъ сѣлъ Петръ Петровичъ на свое мѣсто, съ приличною артисту важностію, отеръ лицо клетчатымъ шелковымъ платкомъ и полюбъ въ карманъ за складню флейтою.

«Мой Петръ потѣшитъ васъ!» сказалъ съ довольною улыбкою хромоногий секретарь, отецъ его: «зальется такъ, что тебѣ твоей соловей въ рощѣ!»

Но и Петръ, какъ его предшественница, Марина Фаддеевна, началъ свой концертъ съ *аха!* Онъ забылъ дома одно колѣно отъ своей флейты... Надо было же быть такому несчастію пятнадцатого іюля 1840 года! А все обрушивается на голову бѣднаго Макара Ивановича, который съ горя ужъ такъ часто замигалъ своимъ глазомъ, что почти совсѣмъ закрылъ его, какъ-будто для того, чтобы не видать своего невзгодья... Бѣдный Макаръ Ивановичъ! Теперь не могло итти и тріо съ аккомпаньманомъ: нѣтъ флейты! Что ты будешь дѣлать? Оставалась одна каватина и романсъ Матрены Фаддеевны съ ея гитарой. На безрыбьи и ракъ рыба.

Рѣшились посадить ее на мѣсто Петра Петровича, которому не удалось заливаться на флейтѣ, какъ соловью въ рощѣ, по словамъ отца его.

Но ужъ видно, эта скамейка была такая несчастная: кто на нее ни сядетъ — пиши пропало! Матрена Фаддеевна только что приилась настраивать свою гитару... бр! Квинты какъ не бывало! Макаръ Ивановичъ охнулъ вслухъ. Но ужъ или привыкли къ несчастьямъ, или не надѣялись многого отъ гитары, какъ-бы то ни было, только слушатели довольно хладнокровно приняли это бѣдствіе, лишившее ихъ каватины.

— Музы не нуждаются въ струнахъ, замѣтилъ съ улыбкою Федоръ Федоровичъ. Одной квинтой меньше ничего не значить для артистки; мы все-таки надѣемся слышать романсъ, если нельзя сыграть каватины.

Макаръ Ивановичъ отдохнулъ. Степанида Егоровна тихонько щипнула дочь и на ухо приказала ей пѣть непремѣнно, а иначе... остальныхъ словъ я не разслышалъ.

Матрена Фаддеевна кой-какъ подстроила гитару и почти сквозь слезы отъ щипка и угрозы матери затянула:

«Игры и смѣхи,

«И всѣ утѣхи...

«Да никакъ нельзя пѣть, маменька!»

— Отъ чего, сударыня?

«Басъ рознить...»

— Натяни его.

Матрена Фаддеевна натянула, и затѣла снова:

«Игры и смѣхи,

«И всѣ утѣхи

«Къ пѣмъ вы слетайтесь,

«Цѣпью свивайтеть...»

Баць! И баса не стало такъ же, какъ квинты.

Рѣшили съ общаго совѣта, что этотъ день былъ неблагопріятенъ музыкѣ.

«Шутка ли, пробилась изъ-за нея безъ успѣха цѣлый часъ!» горестно сказалъ Макаръ Ивановичъ.

— Часъ прошелъ! вскрикнула Алена Ивановна: тебѣ пора примочить, душка!

Запались разговорами, но все какъ-то не вязалось. Напрасно Макаръ Ивановичъ втягивалъ меня въ разговоръ о Петербургѣ, откуда я недавно пріѣхалъ, о пароходахъ, о тамошнихъ прогулкахъ водою; я упорно молчалъ, или отвѣчалъ коротко, не бывши знакомъ почти ни съ кѣмъ изъ общества, и спокойно курилъ себѣ сигару. Напрасно разсыпалъ и всѣ возможные цвѣты своего краснорѣчія замоскворѣцкій геій, Федоръ Федоровичъ Горошковъ: на этотъ разъ и ему какъ-то не удавалось сдѣлать большаго впечатлѣнія на слушателей. Осипъ Осиповичъ также былъ не въ своей тарелкѣ; толстый купецъ Ласточкинъ дремалъ безъ зазрѣнія совѣсти; хромоногий секретарь проговаривалъ что-то объ адпральскомъ часѣ и водкѣ; Клариса Владиміровна нянчилась съ своимъ Амуромъ, Алена Ивановна съ васильковой водою; двѣ дѣвицы Ласточкины дулись отъ своей музыкальной неудачи, вмѣстѣ съ молодымъ Вяздовымъ; одинъ глупый сынъ зубнаго лекаря Штруцмана поглядывалъ весело на обѣ стороны своими оловяшными глазами и время отъ времени поплевывалъ въ воду.

Чтобы занять чѣмъ нибудь спутниковъ, Федоръ Федоровичъ Горошковъ предложилъ разные опыты надъ Касторомъ. Онъ заставлялъ его ложиться на спину, притворяться мертвымъ, скакать черезъ руку, ловить на лету брошенное ему яблоко и проч. Последний опытъ яблокомъ вздумалъ сдѣлать и Макаръ Ивановичъ; но со слѣпа, такъ какъ у него одинъ глазъ былъ завязанъ, перекинулъ яблоко черезъ бортъ, и искусная собака броси-

лась черезъ голову дѣвицы Ласточкиныхъ въ воду, пырнула въ глубь и чрезъ полминуту воротилась тѣмъ же путемъ назадъ въ яликъ, обдавши всю публику холодною водою и брызгами отъ своего отряхиванія; опять сдѣлался гвалтъ, поднялся ропотъ, чуть не вслухъ, на Федора Федоровича и его Кастора; даже Амуръ Кларисы Владиміровны завылъ произительно; насилу кой-какъ привели все въ порядокъ.

Между-тѣмъ, дядюшка Осипъ Осиповичъ, не зная продѣлки Горошкова, всунувшаго ему въ карманъ свою колбасу съ чеснокомъ на обмѣнъ замшеваго футляра съ серебромъ, наскучивъ морщиться отъ неспоснаго запаха, котораго онъ терпѣть не могъ, вздумалъ въ свою очередь такъ-же подшутить надъ геніальнымъ человекомъ, и, тихонько вытянувши у него изъ кармана свой футляръ, бросилъ его въ воду, думая, что это чесноковая колбаса, чего никто изъ общества и не замѣтилъ... Осипъ Осиповичъ напередъ смѣялся изумленію Федора Федоровича, когда они пріѣдутъ на мѣсто, и онъ хватится при закупкѣ италіанской колбасы своей... Бѣдный Осипъ Осиповичъ! подозрѣвалъ-ли онъ, что у него поднялись руки на самаго себя! Справедлива русская пословица: *не рой другому ямы, самъ въ нее попадешь!*

Накопецъ показалось и вождѣльное Купцово. «Берегъ! берегъ!» закричалъ въ восторгъ Макаръ Ивановичъ, начавшій дивиться, что до сихъ поръ онъ еще порядкомъ не ощущалъ общающихся себѣ удовольствій загородной прогулки.

Яликъ присталъ къ берегу; вышли въ садъ. Лошадь съ припасами стояла уже у паружной ограды. Рѣшились расположиться на прекрасной лужайкѣ и вмѣсто завтрака, такъ какъ уже было довольно поздно, прямо начать съ обѣда. И тутъ помѣха! Человѣкъ въ лив-

реи подошелъ къ нашей компаніи и сказалъ, что въ саду запрещено объ-
дать и пить чай.

«Какъ такъ?» вскричалъ Макаръ Ива-
новичъ.

— Да такъ-съ... Здѣсь нельзя.

«А гдѣ же прикажешь?»

— Гдѣ угодно, только не въ саду.

Дѣлать было нечего. Все собраніе
пріуныло и не знало что дѣлать. Ма-
каръ Ивановичъ шепнулъ мнѣ: «ужъ
вправду всѣ эти неудачи нынѣшняго
дня не происходятъ ли отъ несчастна-
го числа тринадцати?»

Я улыбнулся.

«Но, почтеннѣйшій другъ» сказалъ
онъ мнѣ: «вы теперь одни только и
можете поправить еще дѣло...»

— Какимъ образомъ, Макаръ Ива-
новичъ?

«Въ саду нельзя объдать; ведите насъ
на ваше *проклятое мѣсто*; тамъ ужъ
намъ никто не помѣшаетъ!»

— «Да, да! ведите насъ на *проклятое*
мѣсто!» закричали всѣ мои спутники.

— Но, господа, отвѣчалъ я: вѣдь это
довольно далеко и неудобно будетъ объ-
дать тамъ: лошади съ припасомъ подѣ-
лать нельзя, тамъ все горы и кустар-
ники; близко даже и жилья нѣтъ на слу-
чай, если что намъ понадобится...

«Чему намъ понадобится? Съ нами
все есть» сказалъ Макаръ Ивановичъ.
«Припасы донесемъ на рукахъ, — насъ
здѣсь не мало. Однимъ словомъ, безъ
возраженій, любезный Михаилъ Михай-
ловичъ, давайте намъ ваше *проклятое*
мѣсто!»

Надобно было уступить общему тре-
бованію. Выгрузили все съ телеги, разо-
брали по рукамъ и отправились гусь-
комъ по нестерпимому жару къ *про-*
клятому мѣсту. Никогда я на себя
такъ не ропталъ за этотъ романъ, какъ
въ настоящую минуту.

Пришли и почти всѣ повалялись на
траву отъ зноя и усталости.

— Наконецъ! сказалъ торжественно
Макаръ Ивановичъ. Вотъ мы и на
мѣстѣ.

«И еще въ добавокъ на *проклятомъ*»
замѣтилъ съ улыбкою Федоръ Федоро-
вичъ.

— «Да, да, пора отвести душу!» ска-
залъ толстый Ласточкинъ: «я такъ ого-
лодалъ, что съѣлъ бы цѣлаго быка.»

«Прежде всего водочки, благословен-
ной водочки!» закричалъ Осипъ Осипо-
вичъ. «Мы русскіе люди! А кто не
пьеть водки, тому вища какого пи-
будь.»

Подали кулекъ хромоногаго секретаря,
на котораго долю палъ винный запасъ...
О, ударъ! водку забыли поло-
жить! Было только шесть бутылокъ ви-
на, и изъ тѣхъ три лопнули и вытекли
до капли, а въ остальныхъ вино такъ
нагрѣлось, что его можно было употреб-
лять почти вмѣсто уксуса.

Потужили и рѣшились пользоваться
тѣмъ, что есть. Спросили хлѣба... Ба-
ста! Хлѣба нѣтъ! Назначая каждому что
пибудь, о хлѣбѣ, какъ о бездѣлкѣ, и за-
были; о соли также. Одинъ считалъ на
другаго и всѣ обочлись.

— Ничего, у насъ есть пирогъ, ска-
зала Алена Ивановна. Все равно, это
еще лучше.

О, верхъ несчастія! Алешинька Сте-
паниды Егоровны, вмѣсто подушки, съѣлъ
на завернутый большой пирогъ съ гри-
бами и сдѣлалъ изъ него что-то такое,
что мудроно и выразить! Да это еще
бы все ничего: къ несчастію, вмѣстѣ съ
пирогомъ, была бутылка съ уксусомъ,
прованскимъ масломъ и сахаромъ —
емьсю, приготовленной для салата; бу-
тылка ототкнулась и солила раздавлен-
ный пирогъ!.. Можете себя предста-
вить, какая вып. та катавасія! Обрати-
лись къ жаренымъ курамъ Степаниды
Егоровны, открыли кошелку... Чтѣ, вы
думаете нѣтъ куръ? Ничего не бывало!
Онъ тутъ на лицо всѣ четыре — только

сырыя, а не жареныя... Такъ всё и ахнули! Копченый языкъ также сырой... и—вотъ какъ произошло все это. Съ вечера, Степанида Егоровна приказала Марю, глупой кухаркѣ своей, уложить въ кошелку четырехъ куръ да языкъ. Марю, подумала, что ихъ будутъ жарить на мѣстѣ, такъ какъ нужно къ завтраку, и отпустила сырыя. Что дѣлать? оставалась одна ветчина и лакомства. Ветчины поѣли кой-какъ; но какое же это кушанье въ жаркое время, особливо за городомъ? Только возбуждаетъ жажду... Бросились къ плодамъ и ягодамъ; на нихъ помѣстился Касторъ въ сторонкѣ за деревомъ; только сокъ разнаго цвѣта текъ изъ славенныхъ корзины!!!

Начался рожотъ; чуть не брань. Хотѣли достать молока и яицъ — далеко было идти на село. Макарь Ивановичъ выходилъ изъ себя. Осипу Осиповичу забыли захватить пива... Въместо удовольствія поднялся содомъ.

—А! постойте, господа! вдругъ вскрикнулъ Федоръ Федоровичъ: есть еще спасеніе: у меня чудесная италіанская колбаса въ карманѣ, теперь и она годится...

«Не безпокойся, другъ Федоръ Федоровичъ» сказалъ Осипъ Осиповичъ: «твоей колбасой давно ужъ лакомятся рыбы... Я вытащилъ ее тихонько изъ твоего кармана, наскучивши чесноковымъ запахомъ и бросилъ еще до рога въ воду.»

Горошковъ опустилъ руку въ карманъ — въ самомъ дѣлѣ — пусто!

— Какъ? Ты бросилъ въ воду то, что было у меня въ карманѣ, Осипъ Осиповичъ?

«Да и утопилъ твою колбасу.»

— Агъ не колбасу!

«А что же?»

— Твой футляръ съ серебромъ! Я для шутки тихонько обмѣнилъ его на кол-

басу, которая и теперь у тебя въ карманѣ, а себѣ взялъ твой футляръ. Ты и не замѣтилъ обмана...

Осипъ Осиповичъ припрыгнулъ на мѣстѣ и закричалъ громкимъ голосомъ. Другіе расхохотались. Это его взбѣсило еще больше и у него чуть не дошло до драки съ замоскворѣцкимъ геніемъ. Насилу разнялъ ихъ несчастный Макарь Ивановичъ, которому при этомъ случалъ нечаянно подблани и другой глазъ для симметріи, что доставило двойную работу его нѣжкой половицѣ.

Между-тѣмъ, за этой суматохой времени шло своимъ обычнымъ чередомъ; начинало почти смеркаться, потому что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Достали кой-какъ самоваръ, расположились попить чаю: хотѣ за чаемъ; вдругъ, откуда ни взялась туча, полилъ дождь во всѣ чашки, такъ что не было нужды въ чайникѣ; сахаръ расплылся, сухари размокли... Тутъ ужъ началось просто вавилонское столпотвореніе! Гости перемокли, дамы перепортили платья; Алѣша Степаниды Егоровны окушался давленыхъ ягодъ и сокомъ раскрасилъ себѣ лицо, какъ индеецъ; всѣ кричали безъ толку, суетились какъ шальные и наконецъ, перессорясь ни за что, ни про что между собою, разошлись въ разныя стороны, паняли себѣ крестьянскихъ лошадей и случившихся тутъ извозчиковъ, и—кто какъ попалъ, поскакали въ Москву, проклиная и проклятое мѣсто, и Макара Ивановича, и его глупый пикникъ.

Какъ остатки разбитой арміи, остались на мѣстѣ мы трое: т. е., я и Макарь Ивановичъ съ женой.

—Ну, теперь вѣрите ли вы примѣтамъ? спросилъ я Макара Ивановича. Вѣрите ли вы, что тринадцатый гость чума для хозяина?

«Ничуть» отвѣчалъ несчастный Амфитріонъ: «тринадцатый гость все-та-

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

МІРЬ ФАНТАЗИИ.

Давно богиня пѣснопѣвй
Покинула мой тихій уголокъ:
Нѣтъ прежнихъ свопъ, нѣтъ прежнихъ вдох-
новеній;

Но много горя и волненій,
Суетъ житейскихъ я тревогъ!

Заглохла думъ высокихъ нива,
Ключчимъ терномъ поросла,
И міръ души одѣла ночи игла...
Съ судьбой жестокой и ревливой
Въ кровавомъ, тягостномъ бою,
Я изнемогъ, я истомился,
Съ моей дѣвницей раздружился
И скромныхъ пѣсень не пою.

Но мнѣ еще не чуждъ міръ сладостныхъ ви-
дѣній,

И нѣжныхъ грезъ, и чистыхъ наслажденій!
Я не забылъ его; какъ прежде онъ открытъ
Моей душѣ, полуночной порою;
Какъ прежде этотъ міръ къ себѣ ее манить,
И, распростясь съ земною суетою,
Она туда съ восторгомъ улетитъ!..

И ей привольно тамъ, какъ на отчизнѣ милой,
Какъ между братьевъ и друзей!
Какое небо тамъ, какія тамъ свѣтила,
Какъ ярокъ день, какъ сладокъ ярокъ ночей;

Какъ тамъ прохладна тѣнь колеблемыхъ вѣт-
вей,

Какимъ цвѣты дымятся ароматомъ,
Какъ сочны на древахъ душистые плоды,
Какъ свѣтлы, зеркальны пруды:
Какія пышныя, роскошныя палаты,
Какіе чудные, адемыскіе сады!..

И, міра этого глава и властелинъ,
Ношуся я средь царственныхъ долинъ,
И мыслю, полнъ таинственной мечтою:
Здѣсь все мое, все созданное мною!

Ф. Мендосъ.

Я УМЕРЪ!

De mortuis nil nisi bonum!

Что жизнь на свѣтъ, господа?
Томленье вѣчнаго искуса,
Мечтаній глупыхъ череда,
Десертъ, хоть здобный, да безъ вкуса,
Сонъ безъ просыпу на яву,
Лѣкарство горькое въ конфетъ...

О, какъ я радъ, что не живу:
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ!

*

Мой милый доктор! Ты не трать
Напрасно на рецептъ бумажки:
Не нужно жизнь въ меня вливать
Подъ видомъ полевой ромашки.
Тебя упреку не предамъ,
За смерть мою ты не въ отвѣтъ —
Я просто взялъ, да умеръ самъ —
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ!

*

За радость зрителя платилъ
Я въ жизни часто пѣтомъ мозга,
И злымъ куплетомъ я любилъ
Стегнуть завистника, какъ розгой.
Но онъ, хоть гнулъ меня въ дугу,
Нашелъ талантъ въ моемъ скелетѣ...
Вздъ я стегаться не могу —
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ.

*

Я славился, какъ былъ въ живыхъ,
Своею службой непорочной,
И изъ всѣхъ списковъ послужныхъ
Мнѣ выданъ самый изурочный.
Нашелъ преемникъ много зла,
Кричить: певцыны числа въ свѣтъ,
Что мной запущены дѣла...
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ!

*

Любилъ красавицъ я зѣло:
Хвалилъ ихъ глазки, станъ, убранство...
Онъ жъ нашли во мнѣ всѣ зло,
А именно: *непостоянство!*
Теперь, къ прискорбію сердець,
Онъ твердятъ, ужъ не въ секретъ,
Что я—любви былъ образецъ...
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ!

*

Когда бъ могли вы только знать,
Какъ мертвымъ весело—повѣрьте,
И вамъ бы тоже умирать
Всѣмъ захотѣлося до смерти!
Смерть—настоящее житье!
За тѣмъ пою ее въ куплетѣ...
И слово праведно мое:
Меня давно ужъ нѣтъ на свѣтъ.

Федоръ Кони.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Сизокрылый голубчикъ,
Даръ сердечнаго дружка!
Взвейся выше, понесися
Къ поднебеснымъ облакамъ;
Съ вышнями, голубчикъ свизый,
Ты на землю посмотри —
Не увидишь ли, гдѣ милый
Воздыхаетъ обо мнѣ?
Если гдѣ его усмотришь,
Какъ стрѣла къ нему пустишь,—
Сля въ саду его на вѣтку
И уныло заворкуй...
Онъ услышитъ, онъ увидитъ,
Онъ узнаетъ голосъ твой,
И пшеницей бѣлолрой
Приманитъ тебя къ себѣ.
Ты слети къ нему, ко груди
Друга милаго прѣжись,
И послушай, бьется ль сердце
Для меня въ его груди...
Для меня какъ сердце бьется,
Онъ прижметъ тебя къ нему—
Взоръ наполнится слезами,
Слезы брызнуть, онъ вздохнетъ,
И тебя рукою лѣжно
Потвхоньку оттолкнетъ...
Носикомъ своимъ хоть слезку,
Ахъ! хоть слезку подхвати,
И ко мнѣ, съ слезой безцвѣной,
Быстрой молніей лети!
Слезку друга, дорогую,
Я своимъ оболью;
Разцѣлю, размилюю,
И у сердца изсушу.
Если жъ онъ меня не любитъ,
Если клятвъ измѣнилъ —
Не лети ко мнѣ, останься
Въ зеленомъ его саду,
На любимый сядь кусточекъ
Подъ окошечкомъ его,
И уныло, и печально
День и ночь воркуй, стони...
Пусть онъ, совѣстью терзаясь,
Будетъ плакать, тосковать;
Пусть онъ жизнь возненавидитъ —
Броситъ пищу, броситъ сонъ,
И отъ горести истаетъ,
Какъ отъ пламени свѣча!
Ахъ! тогда лишь онъ узнаетъ
Муки сердца моего...

Голубчикъ! повесися
Къ поднебесной вышины,
И съ слезою возвратися
Друга милаго ко мнѣ.

Н. Цыгановъ.

БЕДУИНЪ.

Восточный эскизъ.

Какъ вихоръ степной, какъ самумъ громовой,
Несется въ степи бедуинъ молодой.

Конь борзый, беззвѣздыя ночи черные,
Мчять всадника мысли крыматой быстрые,
Глубокой песокъ подымаетъ кругомъ,
Свой следъ замечаетъ широкимъ хвостомъ.

Какъ вихоръ степной, какъ самумъ громовой
Несется въ степи бедуинъ молодой.

«Скорее, конь взрвнй, несися стрѣлою!
День гаснетъ въ степи за далекой каймою.»
Такъ всадникъ коня своего поуждалъ,
И конь все быстрее, быстрее скакалъ.
Вотъ мѣсяцъ въ таремѣ межъ звѣздами
ясный

Идетъ горделиво, — какъ шахъ самовластный.

Куда жъ, одинокой, ночью порой
Несется въ степи бедуинъ молодой?

На свадьбу ли къ другу? На пиръ ли бо-
гатый?

Иль острымъ мечемъ добывать себѣ злато?
Нѣтъ! Нольный и смѣлый питомецъ степеней
Не любить пировъ и дичится людей,
Спѣшитъ онъ на битву — ужъ-ждутъ дели-
баши...

И черепъ врага ему нуженъ для чаши.

Домчался — и страшно, какъ вихоръ степной,
Напалъ на врага бедуинъ молодой.

Сомкнулись конями — мечи заблестали,
И искры бѣгутъ по сверкающей стали.
И долго сражались, и долго дува

За тучею пыли была невидна.
Вдругъ конь бедуина, копьемъ пораженный,
Упалъ дико вскрикнувъ, въ крови оба-
гранный.

О конь мой! потеря моя дорога!

Отмщу! и напалъ бедуинъ на врага...

И, силы собравши, съ кипящей душою —
Сразилъ онъ врага богатырской рукою.
Побѣда, побѣда!.. Но сердца его
Не грѣеть побѣды отрада.

«Гдѣ конь мой? отдайте коня моего!»

Твердитъ онъ: «отдайте мнѣ брата!»..

Зардѣлся востокъ утра яркимъ огнемъ —
А онъ все рыдалъ падъ убитымъ конемъ.

М. Бибиковъ.

ИДЕАЛЪ КРАСОТЫ.

.....Тихо она плзлетаетъ, блистала одеждой,
На блѣдномъ челѣ ея царствуетъ строгая дума.
Въ рукахъ у ней-крестъ; на темныхъ кудряхъ
золотая корона:
На небо взираетъ она: а уста, какъ двѣ розы,
Едва раскрывалась, звучать гармонически сло-
во: *люблю!*

А. Михайловъ.

ГОРЕ МЕЛЬНИКА.

Бѣда мнѣ съ мельницей, хоть вовсе не мели:
Всѣ стали жерновы, а я себѣ пощуся;
Безъ ветра свѣтъ, какъ ракъ, я на мели,
И точно рыба объ ледъ бьюся!
Пойду къ газетчику, хоть радъ или не радъ:
Пусть онъ мнѣ поколдуетъ;
Онъ вѣчно мелеть, говорятъ:
И пишеть, куда *оптеръ дуеги.*

Ө. Кови.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.

СТЕНТАРЕЛЛО.

Высокая комедія погибла въ Италіи; впрочемъ, она и не жила тамъ никогда слишкомъ развитою жизнію. Гольдони, Карло Гоцци, графъ Жиро касаются лишь слегка комической оболочки, и рѣдко проникаютъ до глубины. У Гольдони много жизни, но онъ нѣсколько грубъ; Гоцци употребляетъ во зло поэзію; у него чудесное доходитъ до нелѣпаго. Сочиненія Жиро, котораго умъ нѣсколько напоминаетъ Вольтера, представляютъ довольно счастливое соединеніе веселости и чувствительности; въ его комедіи, «Донъ Дезидеріо», есть занимательность, комическій вымыселъ; но это только искры, слабые, недоконченные очерки. Макиавелева «Мандрагора» есть единственная итальянская комедія, которая вполне достойна этого названія, хотя, для комедіи, она, можетъ-быть, нѣсколько и печальна. Нельзя однакоже сказать, чтобы комическіе поэты Италіи имѣли недостатокъ въ предметахъ. Смѣшное такъ же обыкновенно и за Альпами, какъ и повсюду. Но тамъ его не такъ чувствуютъ, не столько замѣчаютъ. То, что мы называемъ смѣшнымъ въ человѣкѣ, для италіянца есть скорѣе что-то болѣзненное. Скупость, мизантропія, трусость, ревность, — всѣ пароксизмы страсти кажутся въ глазахъ большей части италіянцевъ очень обыкновенными, необходимыми свойствами нашей природы; а когда такъ, то зачѣмъ

смѣяться надъ тѣмъ, что естественно? Скупость столько же заставляетъ страдать другихъ, сколько самого скупаго; мизантропа всякій старается убѣгать; обманутаго любовника утѣшаютъ, а смѣяться надъ ними никто и не думаетъ, ибо такія же слабости могутъ находиться и въ насъ самихъ. Притомъ же умъ италіянца мало склоненъ смѣяться надъ тѣмъ, что заставляетъ страдать. Такое устройство ума принадлежитъ исключительно французамъ. Во Франціи смѣются надъ всѣмъ, даже надъ своимъ собственнымъ страданіемъ. Хорошо воспитанный молодой человѣкъ падаетъ на бульварѣ съ лошади, переламываетъ себѣ руку и, вставая, говоритъ остроту. Случись то же самое съ италіянцемъ, онъ раскричится на весь міръ. Это расположеніе надъ всѣмъ смѣяться, эта нестошимаая веселость, среди страданій и несчастій, достались французамъ, безъ сомнѣнія, по наслѣдству отъ тѣхъ нормановъ, которые, сражаясь, пѣли и умирали съ улыбкою на устахъ.

Цензура духовная и гражданская — другая причина посредственности италіянской комедіи. Только въ Театрѣ Buffa, гдѣ игрались народныя фарсы отчасти импровизованныя, не подвергавшіяся предварительной цензурѣ, сохранилась веселость, если не возвышенная, то, по крайней мѣрѣ, народная и непристужденная. Эту комедію, которая существ-

вуетъ только на живомъ языкѣ и совершенно различна отъ высокой, или академической комедіи, писанной на чистомъ или книжномъ итальянскомъ нарѣчій, — можно бы назвать провинціальною, ибо каждая провинція имѣетъ свой собственный комическій первообразъ. Бергамо—Арлекина; Венеція—Панталона; Неаполь—Пульчинелло; Миланъ—Менегино; Римъ—Кассандрино и Меопатакка, Флоренція—Стентарелло. Некоторые изъ этихъ типовъ сдѣлались народными даже и въ сосѣдственныхъ странахъ, какъ на примѣръ, Пульчинелло въ Лондонѣ и Арлекинъ въ Парижѣ: это самое заставило сказать Вольтера, который судилъ обо всемъ поверхностно и не совсѣмъ основательно, что у итальянцевъ нѣтъ другой комедіи, кромѣ арлекинадъ. Вольтеръ, который любилъ льстить тѣмъ, кто льстилъ ему, писалъ къ Гольдони: Какое разнообразіе, синьоръ, въ вашихъ твореніяхъ, какая чистота! Вы освободили ваше отечество отъ Арлекиновъ. Ваши комедіи надо бы непременно назвать: «*Италія, освобожденная отъ Гольдони*». Въ наше время, эти слова Вольтера были бы справедливы въ томъ смыслѣ, что въ Италіи только одни фарсы занимаютъ и составляютъ смѣяться. Нѣтъ ничего скучнаго и бессмысленнаго рапсодій, извѣстныхъ подъ названіемъ *высокихъ комедій*, съ которыми несчастные сочинители носятся по театрамъ Милана, Венеціи, Флоренціи и Неаполя. Это или сцены, которыя можно отнести къ роду слезныхъ нѣмецкихъ драмъ, или комедій, въ которыхъ дѣло непременно идетъ о томъ, что достаютъ или теряютъ большую сумму денегъ, получаютъ или даютъ палочные удары. Смотря на постоянство, съ какимъ сочинители употребляютъ въ дѣло эти странныя драматическія пружины, право, можно подумать, что другіе предметы не производятъ уже никакого дѣйствія на зрителей итальянскихъ теа-

тровъ. Неужели въ Италіи, какъ и во всякой другой странѣ, нѣтъ людей, соединяющихъ съ тонкимъ, возвышеннымъ умомъ нѣжную душу и прекрасное, живое воображеніе? Ничто не можетъ быть нелѣпѣ завязки драмъ, гдѣ весь интересъ сосредоточивается на мѣшкѣ, туго набитомъ деньгами, который тащатъ за всѣ четыре конца; или на палкѣ, болѣе или менѣе тяжелой. Простодушная и дерзкая низость негодьявъ въ черномъ платьѣ, причесанныхъ къ золотому мѣшку, и усилія другихъ избѣгнуть палочныхъ ударовъ, представляютъ зрѣлище вовсе не изящное и нисколько не комическое. Если случится какому нибудь болѣе догадливому поэту выбрать лица изъ круга нѣскольکو возвышеннаго, то и тутъ послѣдствія не бывають счастливыя: эти бѣдные поэты не имѣють надлежащей свободы и необходимой твердости, чтобы рѣзкими и вѣрными чертами изобразить смѣску скупости и пышности, тяжелаго плутовства и безстыднаго добродушія.

И такъ, Италія, съ самаго начала XIX столѣтія, не произвела ни одного комическаго поэта, котораго дарованіе было бы выше посредственности. А изъ тѣхъ жалкихъ сочинителей, о которыхъ мы упомянули, ни одинъ не сдѣлался любимцемъ даже и низшаго класса народа. Вотъ почему всѣ итальянскія піесы, написанныя «*благороднымъ слономъ*», немедленно предаются забвенію, послѣ нѣсколькихъ представленій, не смотря ни на какія усилія несчастнаго *импрезаріо*, который платитъ сочинителямъ дорогою цѣною. Изъ ста піесъ едва одна удостоивается чести быть напечатанною. Не болѣе успѣха имѣють и смѣшныя подражанія французскимъ театральнымъ піесамъ, изуродованныя цензурою и кой-какъ припоровленные къ понятіямъ итальянскихъ зрителей составителями безвкуса, и часто совсѣмъ непонимающими автора, котораго они одѣвають въ итальянскіе лохмотья. Подобныя піесы,

изображающія самыя важныя отъѣнки чувствъ, могутъ быть доступны только публикѣ болѣе уточненной и образованной. Произнося по необходимости такое сужденіе, мы должны распространить его и на всѣ главнѣйшіе театры въ Италіи: въ Туринѣ, Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ.

Наше мнѣніе вполне раздѣляетъ и италіянское общество. Въ Италіи, въ театрѣ ѣздятъ теперь только для того, чтобы сдѣлать или отдать визитъ, поговорить и послушать музыку, если импрезаріо, по какому нибудь неожиданному случаю, пригласитъ одного или двухъ извѣстныхъ артистовъ. Толпа, которая жаждетъ смѣяться, и которую утомительный разговоръ *благородной комедіи* заставляетъ зѣвать, наполняетъ маленькіе театры, гдѣ дають импровизаціи и фарсы. Тамъ царствуетъ въ некоторый родъ грубой, даже вольной веселости. Тамъ только теперь можно пайти комическое изображеніе характера италіянскаго народа и живое выраженіе смѣшной стороны его ума. Въ нашемъ разборѣ, мы займемся одними народными представленіями и въ особенности маленькими театрами во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ, гдѣ наиболѣе высказывается италіянскій характеръ. Впрочемъ, не должно воображать, чтобы они сколько нибудь походили на театры тѣхъ же разрядовъ въ Парижѣ, дапримѣръ *Gymnase*, *Водевиль*, Театръ Палероальскій. Только одинъ Театръ *Debuteau* можетъ дать объ нихъ понятіе. Во Флоренціи, театръ, подобный палероальскому, могъ быть почти первокласснымъ, и актеры его образцемъ подражанія для первыхъ актеровъ *Pergola* или *Sosopero*, въ отношеніи вкуса, пріемовъ и игры вообще. На небольшихъ флорентинскихъ театрахъ, играютъ только пѣссы, гдѣ выходитъ на сцену одно лицо въ разныхъ костюмахъ и фарсы, болѣе или менѣе важныя. Актеры, къ которымъ

нельзя прикоснуться (такъ они неоправданы) импровизируютъ на данный сюжетъ. Эти несчастные труженики въ рубищахъ поражаютъ васъ жизнію, остроуміемъ, неожиданнымъ вдохновеніемъ своихъ импровизацій. Вотъ, гдѣ смѣшное нашло себѣ убѣжище! Здѣсь съ удивленіемъ видишь слѣды той древней сатирической комедіи, которой образцемъ можетъ служить «Мандрагора.» Актеры и сочинители этихъ пѣссъ прежде всего ищутъ истины, какъ бы она ни была груба; они не пугаются никакой подробности, лишь бы достигнуть цѣли. Болѣе всего они описываютъ нравы народа. Купцы, работники, погонщики, рыночныя торговки попеременно являются на сцену въ этихъ произведеніяхъ. Обычаи и нарѣчіе жителей окрестныхъ городовъ: Флоренціи, Лукки, Перузы, Сьенны, Ареццо, Пистови выставляются въ нихъ часто чрезвычайно смѣшнымъ образомъ. Но ничто не сообщаетъ имъ такого оригинальнаго характера, какъ странное лицо Стентарелло. Стентарелло любимецъ флорентинской публики; ибѣтъ ни одной импровизаціи, ни одного фарса, въ которомъ онъ не игралъ бы первую роль. Представьте себѣ маленькіе, живые глаза, надъ которыми нависли огромныя черныя брови, желто-лосиное лицо съ тремя складками по обѣимъ сторонамъ рта, которыя придаютъ ему сатаническое и нѣсколько макиавельское выраженіе; лобъ весь въ морщинахъ, на головѣ рыжій парикъ съ безконечною косою, — и вы будете имѣть вѣрное изображеніе любимца флорентинской публики. Рѣчь его разнообразна, характеръ неуловимъ; но лицо всегда одно и то же. Стентарелло не есть произведеніе повѣйшаго времени. Я не былъ у него на крестинахъ и не могу опредѣлительно сказать, когда и по какому случаю онъ получилъ такое выразительное названіе (*);

(* Stentare значить страдать, терпѣть, Stentarello — мученикъ, разумотеръ, въ ожившомъ смыслѣ слова.

но Стентарелло существовалъ еще за нѣсколько столѣтій. Въ наше время онъ уже устарѣлъ, почти впалъ въ дѣтство и, подобно старикамъ, которыхъ всѣ оставляютъ, водится только съ чернью. Не то было во времена республики: тогда онъ жила въ дворцахъ, былъ во всемъ цвѣтѣ лѣтъ, во всей силѣ ума и назывался Маккиавелли, Боккачю, Аретиню, Поджіо. Стентарелло не что иное, какъ нѣсколько огрубѣвшій потомокъ этихъ остроумцевъ; онъ наследовалъ всѣ ихъ пороки и слабости. Странно, какъ онъ не сохранилъ имени Поджіо, а принялъ названіе Стентарелло. У обоихъ одинъ и тотъ же умъ подъ одинаковою оболочкою, или лучше, это одно и то же лицо, только, какъ мы уже сказали, Стентарелло устарѣлъ и огрубѣлъ, сверхъ того сдѣлался скупымъ, трусомъ и очень скромнымъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ предметамъ, о которыхъ прежде говорилось. Поджіо, флорентинскій Вольтеръ, кощунъ, насмѣшникъ, шутъ, исполненный политическихъ свѣдѣній, учености и гения, служившій въ одно и то же время секретаремъ тремъ папамъ, и секретаремъ въ Буджиге (*), всегда имѣетъ въ запасѣ сказку или эпиграмму, точно такъ же, какъ и бѣдный Стентарелло, который каждый вечеръ тратитъ столько ума и вдохновенія на театрѣ *Borgo-ogni-Santi*. Но Поджіо смѣетъ Стентарелло; онъ предаетъ посмѣянію не одиѣ слабости народа: его сатира поражаетъ, въ одно и то же время, благородныхъ и мѣщанъ, тирана и раба, мопаха и философа.

— Что такое народъ? спрашиваетъ Поджіо, гражданинъ республики, которая въ продолженіе долгаго времени не находила лучшаго средства предать позору человека, какъ вписавъ его имя въ книгу благородныхъ, которая, наконецъ, была обращена въ монархію раз-

богатѣвшимъ кувцомъ... «Народъ» отвѣчаетъ онъ: «это такіе же люди, какъ и мы съ вами, и, кромѣ титула, патрицій и плебей отличаются только тѣмъ, что одинъ—весь надменность, а другой—весь терпѣніе.» При этомъ случаѣ онъ рассказываетъ слѣдующее приключеніе.

Молодой патрицій обидѣлъ храброго офицера низкаго происхожденія, и тотъ потребовалъ удовлетворенія.

— Въ умѣ ли вы, другъ мой? отвѣчалъ высомѣрный патрицій: мнѣ вамъ дать удовлетвореніе? Вы забываете, что моя фамилія началась болѣе чѣмъ за четыре столѣтія, что ее прославили бесчисленное множество князей, графовъ, кардиналовъ и генераловъ за сушь и на морѣ. «Знаю,» возразилъ офицеръ: «но вѣдь я хочу драться не съ вашими благородными предками, а собственно съ вами.»

Поджіо, секретарь трехъ папъ, сохраняетъ, однакоже, всю свободу мыслей и выраженій. Мартинъ V возвелъ въ достоинство кардинала глупца, который вѣчно смѣялся.—Чему онъ смѣется? спросилъ у Поджіо флорентинецъ, который тогда случился въ Римѣ. «Онъ смѣется надъ глупостію папы, который сдѣлалъ его кардиналомъ.» Поджіо съ такою же смѣlostію возстаетъ и противъ маленькихъ тирановъ, между которыми, въ его время, были раздѣлены города, находящіеся въ центрѣ Италіи. Маккиавелли давалъ имъ наставленія; Поджіо преслѣдуетъ ихъ своими насмѣшками и дѣлается остроумнымъ историкомъ ихъ злоупотребленій. Одинъ изъ нихъ, говоритъ онъ въ своихъ *шуточкахъ*: узналъ, что богатый купецъ изъ его города получилъ значительную сумму денегъ; онъ тотчасъ приказываетъ своимъ тѣлохранителямъ привести его къ себѣ. «Я давно уже замѣчаю» говоритъ онъ ему: «что ты находишься въ сношеніяхъ съ моими врагами; мнѣ извѣстно даже, что нѣкто-

(*) Отдѣленію Ватикана, куда умные люди того времени собирались слушать и рассказывать новости.

рые изъ нихъ скрываются у тебя въ домѣ.»—Совершенная правда, я виновенъ и сознаю въ своемъ преступленіи, отвѣчалъ купецъ:—но если ваши непріатели вошли ко мнѣ въ домъ, то вѣрно спрятались гдѣ-нибудь въ кабинетѣ, а можетъ-быть и въ сундукѣ; не угодноли вамъ отпустить со мною вашего казначея; я общаю вручить ихъ ему всѣхъ до единого. Тираниъ засмѣяся, послалъ казначея и простилъ заговорщика, который умѣлъ такъ искусно извернуться.

— Пустое! вздоръ! восклицаетъ въ другой разъ Поджіо, канцлеръ республики, встрѣтивъ отъявленнаго плута и лжеца. «Но я ничего не говорилъ» возражаетъ послѣдній.—Нужды нѣтъ, ты собираешься говорить!.. Хотите ли знать, какъ онъ однимъ разомъ осмѣиваетъ судей и адвокатовъ?

Крестьянинъ, изъ окрестностей Перузы, имѣлъ тяжбу; онъ нанялъ лучшаго адвоката въ городѣ. Вдругъ одинъ изъ его пріателей говоритъ ему: «Дѣло твое совершенно справедливо, и адвокатъ у тебя славный, а все-таки ты его проиграешь.»—Право?—«Я увѣренъ въ этомъ.»—Что же мнѣ дѣлать?—«Послушай, я научу тебя; разумеется, это останется между нами: поди въ житницу, насыпь побольше мѣшокъ пшеницы, и отнеси къ судѣ.»—Клянусь Богомъ, ты говоришь правду!—Крестьянинъ, не отлагая далѣе, владеть на осла мѣшокъ пшеницы и отвозить его къ судѣ; судья принимаетъ безъ отговорокъ. Дѣло разсматривается; адвокатъ его защищаетъ, разсыпая краснорѣчіе и обширныя свѣдѣнія; говоря о переставленной межѣ, онъ приводитъ Солона, Дракона, Ликурга, всѣ римскіе законы, начиная съ постановлений, начертанныхъ на 12 доскахъ, до институтовъ и пандектовъ. Когда онъ кончилъ, судья произнесъ приговоръ въ пользу крестьянина. Адвокатъ, приписывая успѣхъ своему краснорѣчію, въ восхищеніи прибѣгаетъ къ своему

клиенту.—Вы говорили очень хорошо, отвѣчаетъ ему крестьянинъ: но счастливымъ концомъ дѣла я обязанъ не вашей рѣчи, а моему ослу, который вчера мычалъ у дверей судейскаго дома.

Остроумный шутъ не щадитъ и орденскихъ братій; его сатира на нихъ чрезвычайно замысловата. Однажды, говорить онъ, францисканцу должно было говорить проповѣдь о житіи и чудесахъ святаго Стефана, которому празднуютъ о Рождествѣ. Это происходило въ одномъ изъ горныхъ селеній, въ окрестностяхъ Флоренціи. Земля была покрыта снѣгомъ; дни стояли чрезвычайно холодные.— Пожалуйста, не распространяйтесь слишкомъ, сказалъ приходскій священникъ францисканцу, когда тотъ взошелъ на кафедру; а то мы всѣ замерзнемъ.— «Не беспокойтесь,» отвѣчалъ тотъ, «я буду кратокъ.» Онъ началъ слѣдующими словами: «Братія! сегодня мы празднуемъ святому Стефану, патрону здѣшняго прихода; прошлаго года, въ этотъ же день, я рассказывалъ вамъ его житіе, описывалъ добродѣтели и прославлялъ страданія; благодаря вашей памяти, вы безъ сомнѣнія не забыли того, что я вамъ говорилъ. А какъ съ того времени не произошло ничего новаго, то я и оканчиваю мою проповѣдь, пожелавъ всѣмъ вамъ душевнаго спасенія.»

Такую сатиру вы найдете и въ комическихъ разговорахъ и въ самыхъ пошлыхъ фарсахъ театра Стентарелло. Тамъ, каждый вечеръ, дѣйствуетъ не умъ горемыки-автора, а умъ народа, умъ, полный свѣжести и жизни, который вовсе не измѣнился, какъ думаютъ. Флорентинецъ, и до сихъ поръ нѣсколько насмѣшливый добрикъ, такъ же легко сердится, какъ и укрощается, громко кричитъ и позволяетъ себя бить,—и особенно скупъ до высочайшей степени.

Онъ всегда готовъ отвѣчать, какъ

богатый старикъ у Поджіо отвѣчалъ доктору, когда тотъ совѣтовалъ ему ѣсть дичь и живность и посѣщать общество, если онъ не хочетъ впасть въ меланхолію и умереть въ чахоткѣ:— Такаѧ діета совершенно противна моему сложенію. Онъ не смѣлъ сказать моему характеру и кошельку.

Большая часть драмъ, въ которыхъ Стентарелло появляется каждый вечеръ героемъ, или жертвою,— совершенно неудобны для разбора; мы постараемся однакожъ познакомить читателей съ этимъ страннымъ лицомъ и разказать нѣкоторые изъ его подвиговъ. Стентарелло по крайней мѣрѣ подлѣ 50 лѣтъ; въ его рыжихъ, косматыхъ волосахъ очень замѣтна просѣдь; но брови все еще черны, какъ смоль. Цвѣтъ лица его изъ-желта блѣденъ, а въ критическія минуты, т. е. когда онъ лицемъ къ лицу съ опасностью, дѣлается бѣлымъ-матовымъ. Стентарелло худощавъ и потому проворенъ до чрезвычайности; особенно, когда дѣло идетъ о бѣгствѣ. Онъ въ высшей степени волокита и не пропуститъ ни одной хорошенькой женщины, чтобы въ нее не влюбиться. Какъ коренной итальянецъ, онъ не удовлетворяется однимъ любезничаньемъ, а волочится не шутя, что навлекаетъ ему тысячу пощечинъ и палочныхъ ударовъ. Послѣ волокитства, главный порокъ Стентарелло—жадность. Одинъ запахъ хорошаго кушанья выводитъ его изъ себя и заставляетъ забыть любовь и даже опасность. Послѣ жадности слѣдуетъ лѣность, а за нею скупость. Но Стентарелло такъ бѣденъ, что даже не находитъ удовольствія быть скупымъ, какъ онъ самъ говоритъ. Зато, что онъ влюбчивъ—его бьютъ, потому что онъ слишкомъ устарѣлъ; онъ жаденъ—и вѣчно осужденъ только нюхать объѣдъ другихъ; онъ трусъ, дрожитъ при малѣйшемъ шумѣ и бѣжитъ отъ своей тѣни; скупъ, а у него нѣтъ не только сундука, даже маленькаго

ящика, который бы онъ могъ наполнить и ласкать. Изъ этого можно заключить, что Стентарелло былъ бы несчастнѣйшее существо въ мірѣ, еслибы не обдалаъ тѣмъ, что можетъ во всемъ утѣшить людей его разбора— злымъ языкомъ. Бѣднѣкъ, если только найдетъ случай позлословить ближняго, не чувствуетъ своихъ страданій; выдумываетъ сказку, или скажетъ острое слово—и забываетъ что голоденъ, что красавица измѣнила ему, или что его прибила, и что у него нѣтъ ни одного паолетто.

Сначала посмотримъ на него, какъ няотца семейства. Стентарелло велъ бурную жизнь въ молодости. Онъ обольстилъ дочь флорентинскаго негодяя и женился на ней. У дѣвушки было состояніе; но Стентарелло любилъ поиграть въ карты и погулять; онъ скоро промоталъ приданое жены. Оставшись не при чемъ, онъ становится у двери церкви и плачетъ горькими слезами, потому что въ этотъ день твердость и веселость ему измѣнили. Несчастный видъ его возбуждаетъ состраданіе въ проходящихъ, нѣкоторые спрашиваютъ: что у него такое? «У меня *ничего*» отвѣчаетъ Стентарелло. — А если ничего, такъ о чемъ же ты плачешь? И добрые люди, которые уже вынимали кошельки, кладутъ ихъ опять въ карманъ и оборачиваются къ нему спиною. Стентарелло, видя, что умъ не приноситъ счастья, предпринимаетъ великое намѣреніе: онъ идетъ путешествовать, надѣясь разбогатѣть, таскаясь по свѣту. Онъ покидаетъ жену безъ денегъ и безъ дѣтей, оставляя ей на разживу только свое благословеніе и желая ей *счастія*. Прошло нѣсколько лѣтъ. Стентарелло въ это время перебивалъ лѣкаремъ, адвокатомъ, кондитеромъ, разнощикомъ—и все по пустому; онъ возвращается въ Флоренцію и приходитъ домой. Онъ оставилъ полуразрушенную лачужку и находитъ хорошенькій домикъ. Стентарелло удивляется. «Неужели я пришелъ къ себѣ?»

Онъ зоветъ жену; жена прибѣгаетъ. Она пышно одѣта, потому что употребила время съ большею пользою, нежели мужъ. Красота была для нея выгоднѣе всякаго ремесла. Стентарелло она кажется несравненно прекраснѣе прежняго. «Какъ ты похорошѣла» говоритъ онъ, обнимая ее: «какъ ты хорошо одѣта!»—Чему ты дивишься? отвѣчала она, смѣясь. Ты пожелаешь мнѣ *счастіа*, и *счастіе* доставило мнѣ это платье.—«А кто выстроилъ этотъ хорошенькій домикъ?»—Счастіе.—«А кто убралъ его такою дорогою мебелью?»—Счастіе. Стентарелло въ восхищеніи. Послеъ каждаго отвѣта жены, онъ прыгаетъ, потираетъ отъ радости руки,—однимъ словомъ, кажется весьма довольнымъ. Подаютъ отличный обѣдъ: онъ ѣсть за четверыхъ, и когда жена говоритъ ему, что онъ обязаиъ *счастію* такимъ превосходнымъ обѣдомъ, онъ не можетъ болѣе удержаться, и со-стаканомъ въ рукъ громко воспѣваетъ похвалу *счастію*. Развеселившись, онъ хочетъ обнять жену, но она его отталкиваетъ, и смѣясь, убѣгаетъ. Послеъ ея ухода слѣдуетъ монологъ Стентарелло; онъ въ упоеніи отъ счастія. Но вдругъ ему кажется, что онъ все это видитъ во снѣ. Желая убѣдиться, точно ли онъ не спитъ, онъ выпиваетъ заразъ бутылку *Monte pulciano*. Между-тѣмъ, онъ еще въ сомнѣніи, и въ продолженіе четверти часа строитъ ужаснѣйшія рожи, стараясь увидѣть верхушку своего огромнаго носа; онъ помнитъ,—кто-то ему сказалъ,—что во снѣ нельзя видѣть своего носа. Въ то самое время, въ комнату вбѣгаютъ трое дѣтей, въ сопровожденіи госпожи Стентарелло. «Пощлуйте нашего отца» говоритъ имъ добрая женщина, указывая на своего мужа, и всѣ трое бросаются на шею къ Стентарелло, который кричатъ, отмахивается и клянется Бахусомъ, что онъ и не думалъ никогда оставлять дѣтей во Флоренціи. «Дуракъ» говоритъ ему съ сердцемъ госпожа Стентарелло: «не уже ли

ты не видишь, что это тоже дѣти *счастія*?» Стентарелло водить рукою по лбу.—Повнимаю, отвѣчаетъ онъ съ выразительнымъ тѣлодвиженіемъ: мнѣ, видно, на роду написано, что я всѣмъ буду обязаиъ *счастію*. Потомъ, взявъ жену за руку и, подведя ее къ окну, онъ говоритъ: «Послушай, не *счастіе* ли это ѣдетъ въ каретѣ и такъ пристально сюда смотреть?» Госпожа Стентарелло краснѣетъ, опускаетъ глаза съ скромнымъ видомъ; вскорѣ потомъ она бросается къ мужу на шею и говоритъ ему съ самымъ убійственнымъ взглядомъ: «Но ты вѣдь тутъ ничего не теряешь.»—Хорошо, я согласенъ, отвѣчаетъ Стентарелло, принявъ видъ комической покорности: я очень радъ; во Флоренціи мужъ хорошо дѣлаетъ, если всепредоставляетъ *счастію*. Этимъ словамъ флорентинскій партеръ аплодируетъ, что есть мочи.

Съ той поры, какъ Стентарелло могъ сказать: «мой люди, мой домъ, мои дѣти», онъ сдѣлался порядочнымъ человекомъ и въ скоромъ времени, какъ всякій честный флорентинецъ, переходитъ отъ расточительности къ скупости. Но онъ непомѣрно тщеславенъ и скряжничаетъ въ мелочахъ. У него лошади—онъ моритъ ихъ голодомъ; у него люди—онъ не платитъ имъ жалованья.—Нѣтъ ничего смѣшнѣе его системы домашней экономіи. Онъ не разрѣжетъ яйца на четыре доли; но, чтобы его стало на долго, выдумалъ другое средство. За завтракомъ онъ прокалываетъ его съ одного конца толстою булавкою, выпиваетъ половину яйца, а другую оставляетъ къ обѣду. Такимъ образомъ аппетитъ удовлетворенъ, удовольствіе длится долго, а кошелекъ цѣлъ. И даже самое яйцо не потеряно; скорлупу относятъ въ птичникъ и кладутъ въ крашенку, гдѣ несутся куры. Вотъ что называется умѣть извлекать пользу изъ яйца.

Иногда Стентарелло возвращается къ

привычкамъ своей юности и ему вдругъ вздумается прослыть щедрымъ и порошкошпичать, — только не на свой счетъ. Онъ приглашаетъ всѣхъ знатныхъ иностранцевъ, которые находятся въ городѣ, къ себѣ на шиквикъ. Каждый приноситъ съ собою кушанье; превосходный и дорогой обѣдъ приходится ему даромъ. Стентарелло и его флорентинскіе друзья цпруютъ на счетъ своихъ гостей; остатки обѣда Стентарелло уносятъ въ кладовую; а на другой день посматываетъ своихъ слугъ по всѣмъ гостямъ, просить, по обычаю, на водку. Такимъ образомъ онъ угостилъ друзей, запасся провизіею для семейства, заплатилъ людямъ и сверхъ того приобрѣлъ значительный барышъ, ибо всѣмъ, что бѣдные слуги добыли при этомъ случаѣ, онъ принуждаетъ ихъ съ собою дѣлиться. Къ несчастію, Стентарелло, сдѣлавшись скупымъ, пустился въ спекуляціи. Это показалось ему вѣрнѣйшимъ средствомъ удовлетворить своей страсти къ стяжанію. Скупость его доводитъ до безстыдства, которое неминуемо его погубитъ. Чтобы скорѣе увеличить свое сокровище, онъ отдаетъ его черезъ жидовъ въ займы, за большіе проценты. Тѣ, которые у него занимали, яе будучи въ состояніи платить процентовъ, удерживаютъ капиталъ. Стентарелло заводитъ съ ними тяжбы; — оканчивается тѣмъ, что онъ разоряется совершенно и на 50 году видитъ себя безъ пристанища, съ женою, которая лишилась своей красоты, и дѣтьми, съ которыми онъ не знаетъ, что дѣлать. Прежде, жена была для него средствомъ къ приобретенію богатства; теперь она становится ему въ тягость. Онъ прогоняетъ ее вмѣстѣ съ дѣтьми, и отправляется искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Стентарелло опытенъ; онъ опредѣляется въ менторы къ молодому челоуку знатнаго происхожденія, читаетъ ему всевозможныя нравственія; но его воспитанникъ, одарен-

ный рѣшительнымъ характеромъ, не ставитъ ни во что его увѣщанія. Наставникъ хочетъ принять на себя повелительный видъ, возвышаетъ голосъ, сердится; но воспитанникъ прикриваетъ на него и онъ уже не смѣетъ промолвить слова. Знатный господинъ влюбляется въ дочь башмачника. Стентарелло, сначала, старается отвести его отъ этой связи; но, по слабости или по сочувствію, наконецъ самъ доставляетъ ему средства видѣться съ молодою дѣвушкою и простираетъ услужливость до того, что подписываетъ бумагу, которою его воспитанникъ обязывается на ней жениться. Среди самой трогательной сцены, слѣдующей за подписаніемъ обѣщанія, приходитъ башмачникъ. Это довольно замысловатая каррикатура на флорентинскаго работника, который любить пошумѣть, покричать, выпить. Стентарелло, въ смертельномъ ужасѣ, урывается въ кабинетъ, — воспитанникъ его — въ другой. Къ несчастію бѣднаго педагога, онъ открытъ первый. Онъ въ такомъ смущеніи, что его можно принять за юра; онъ труситъ и трисется всѣмъ тѣломъ, въ ожиданіи своей участи; но вотъ и воспитанникъ его открытъ, въ свою очередь. Начинается бѣй между башмачникомъ и двумя незнакомцами. Но какъ все дѣло ограничивается шикками и кулаками, то Стентарелло оказываетъ чудеса храбрости; онъ, съ помощію воспитанника, приколотилъ башмачника до полусмерти, и послѣ такого прекраснаго подвига оба спасаются бѣгствомъ. Стентарелло призываютъ къ суду. Въ присутствіи судей онъ становится тише воды, ниже травы; ему грозитъ висѣлицею; бѣдный Стентарелло издыхаетъ, вспоминая жену и дѣтей. Сухарь, брошенный ему изъ партера, пробуждаетъ его отъ печальныхъ мыслей; онъ поглощаетъ сухарь, за нимъ другой, третій и, подкрѣпивъ себя такимъ образомъ, начинаетъ прекрасную рѣчь въ свое защище-

не. Не смотря на то, ему бы не мн- бы путешествовать вмѣстѣ, ибо окрест-
 новать виевлицы, если бы башмачникъ, ности иаполнены разбойниками. Нако-
 который заставилъ молодого шалуна по- нецъ, онъ спрашиваетъ его съ корот-
 рядочно поплатиться, не отказался отъ кимъ и вмѣстѣ вградчивымъ видомъ,
 своей жалобы. Но герой нашъ всего за не найдется ли въ дорожной его сумкѣ
 нимательнѣе въ костюмѣ неаполитанс- куска пармезанскаго сыра. Пиемонтецъ
 каго сержанта; онъ уже называется пачипагтъ смѣяться; ему голодъ столь
 домъ Стентарелло, поетъ громовымъ го- же мало знакомъ, какъ и страхъ. Въ
 лосомъ бравурнымъ ариѣ, съ гордымъ ви- то время, какъ они болтаютъ, къ нимъ
 домъ гремитъ саблюю, волоча ее по по- подходитъ нищій. Онъ никто иной,
 лу, и клянется не пшаче, какъ бомбами и какъ начальникъ разбойничьей шайки,
 картечами. Онъ въ особенноти любитъ поселившейся издавна въ старомъ зам-
 рассказывать о своихъ подвигахъ и при- кѣ, въ окрестностяхъ котораго Стен-
 ключеніяхъ первому, кто захочетъ его тарелло встрѣтилъ капитана. Бездѣль-
 слушать. Однажды онъ закололъ трехъ шикъ, видя, что отъ двухъ вопповъ, во-
 неприяельскихъ генераловъ; въ другой оруженныхъ съ головы до ногъ, пожи-
 разъ сильвымъ ударомъ сабли разрубилъ виться печѣмъ, считается за лучшее на-
 всадника вмѣстѣ съ лошадыю на четыре пугать ихъ, и рассказываетъ, что въ
 части; ударъ былъ нанесенъ съ такою замкѣ и въ окрестностяхъ ходитъ при-
 силою, что сабля призалась въ землю и видѣнія при паступленіи ночи. Между-
 такъ глубоко, что онъ никакъ не могъ тѣмъ солнце съю. Выслушавъ этотъ
 ее вытащить.—Однажды, во время кро- рассказъ, Стентарелло начинаеть тря-
 вопролитнаго сраженія съ пандурами, ться отъ страха; напротивъ того пие-
 прямо къ нему летѣла огромная бомба; монтецъ вытягивается во весь ростъ и,
 что жъ бы вы думали онъ сдѣлалъ? Ис- покручивая свой усь, говоритъ съ
 пугался и пустился бѣжать?—Ни мало; насмѣшкою: о! о! привидѣнія, пойдѣмъ-
 онъ очень хладнокровно ожидалъ ее и ка, посмотримъ, мой храбрый Стента-
 когда она была отъ него близко, со- релло, каковы они на взглядъ; и увѣренъ,
 бралъ всѣ свои силы, схватилъ ее на что и тебѣ такъ-же хочется взглянуть на
 лету и отбросилъ, какъ мячъ, въ непри- выходцевъ съ того свѣта. Неаполита-
 тельскіе ряды, гдѣ она произвела же- нецъ отговаривается; онъ никакъ не
 стокое опустошеніе. Этотъ чудесный можетъ остапавливаться въ дорогѣ для
 герой доступенъ только тремъ чув- такого вздора; ему лужно спѣшить до-
 ствамъ: любви, страху, и голоду. Онъ мой; его ждетъ жена; она станетъ без-
 напроказилъ въ испанскихъ пансіо- покоиться о его отсутствіи. Пиемонтецъ
 дахъ, въ вѣсточныхъ сералихъ; его все- пастаиваетъ. — Я люблю; отвѣчаетъ
 гда томить мучительный голодъ и же- Стентарелло, вступать въ бой съ жи-
 стовалъ жагда; не смотря на краснорѣ- выми существами; а развѣ можно ру-
 чьявые рассказы о различныхъ подви- битъ призракъ? Тутъ только испортишь
 гахъ, не трудно замѣтить, что онъ бо- руку. Изгонять духовъ—дѣло священ-
 нтса всего на свѣтѣ. Въ одномъ изъ ника. Справиться съ ними есть толь-
 своихъ путешествій, онъ встрѣчается ко одинъ способъ,—окропить ихъ свя-
 съ пиемонтскимъ капитаномъ. Во Фло- тою водою!—«Повѣрь, что я не предло-
 ренциѣ, пиемонтецкій капитанъ непремѣ- жилъ бы тебѣ навѣстить этихъ духовъ,
 но герой. Стентарелло вступаетъ съ если бы не былъ увѣренъ, что они изъ
 нимъ въ разговоръ, рассказываетъ по- такого же тѣла и костей, какъ и мы съ
 дробно о своихъ подвигахъ, по это не тобою, мой храбрый Стентарелло. По-
 мѣшаеть ему думать, что имъ не худо смотри-ка хорошенъко на этого нища-

го, — я сильно подозреваю, что это переодѣтый негодяя» — говоритъ капитанъ. Стентарелло едва не падаетъ въ обморокъ. Разбойникъ, видя, что выдумка его неудачна и что piemonteцъ пристально его разсматриваетъ, говоря съ товарищемъ, убѣгаетъ, оставивъ корзинку съ сыромъ, хлѣбомъ и виномъ.

При видѣ этихъ припасовъ, Стентарелло совершенно забываетъ опасность; жадность беретъ верхъ надъ всеми его чувствами. Пользуясь минутою, когда капитанъ удалился, чтобы осмотрѣть окрестности замка, онъ проворно убираетъ хлѣбъ и сыръ и располагается осушить бутылку. Вдругъ прибѣгаетъ женщина, которой одежда въ величайшемъ беспорядкѣ, и схватываетъ его за руку. Стентарелло, въ испугѣ, вспрыгиваетъ на четыре фута отъ земли; но при видѣ женщины успокоивается и принимается за прежнее занятіе. Женщина эта пѣма; она знаками даетъ ему понять, что вино, которое онъ хотѣлъ выпить, отравлено. Стентарелло дѣлаетъ ужасную гримасу; между-тѣмъ, жажда его такъ сильна что, не смотря на предостереженіе пѣмой, онъ готовится выпить вино, какъ вдругъ раздается грубый голосъ, сопровождаемый звукомъ цѣпей. Пьяница роняетъ бутылку; онъ усиливается встать; но ноги его подкосились; — руки дрожатъ такъ сильно, что онъ не можетъ взяться за эфесъ своей страшной шпаги. Онъ желалъ бы бѣжать; но куда бѣжать? къ тому же, онъ не имѣетъ для этого силъ. Капитанъ возвращается; онъ нашелъ входъ замка, намѣренъ въ него проникнуть, и даетъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ Стентарелло, приглашая его съ собою; но непобѣдимый неаполитанецъ совершенно утратилъ способность перемѣнять мѣсто. Держа въ рукѣ пистолетъ, онъ только пятится назадъ. Къ счастью для него, piemontскій капитанъ слишкомъ занятъ, чтобы замѣтить въ

героѣ припадокъ трусости. Между-тѣмъ, разбойники дѣлаютъ вылазку и нападаютъ на капитана со всѣхъ сторонъ. Онъ стрѣляетъ въ начальника; на выстрѣлъ прибѣгаетъ отрядъ солдатъ; они сражаются и обращаютъ въ бѣгство разбойниковъ. Во всевремл, пока слышенъ звукъ сабель и ружейные выстрѣлы, Стентарелло, который еще въ началѣ дѣйствія притворился мертвымъ, лежитъ за пнемъ дерева; но лишь только разбойники обращаются въ бѣгство, онъ встаетъ и, схвативъ трупъ одного изъ бездѣльниковъ, тащитъ его за собою, бьетъ его ножнами сабли, потому что клинокъ, на которомъ было болѣе зазубринъ, чѣмъ на саблѣ Фальстафа, переломился въ жару сраженія. Восхищенный своимъ подвигомъ, донъ Стентарелло пожмываетъ руку piemontца, говоря ему: — Мой другъ, вы славно дѣйствовали, я вами доволенъ. Въ эту минуту онъ чувствуетъ въ себѣ такую храбрость, что, кажется, могъ бы завоевать все-ленную. Изъ этого можно замѣтить, что во Флоренціи не упускаютъ случая выставить въ каррикатурномъ видѣ характеръ неаполитанца; а неаполитанцы едва-ли могутъ платить тѣмъ же флорентинцамъ. Насладившись побѣдою, Стентарелло думаетъ только о томъ, какъ бы окончить завтракъ; языкъ, ноги и аппетитъ разомъ къ нему возвратились.

Последнія любовныя похождения Стентарелло — такъ называется самая сложная изъ всѣхъ этихъ драмъ-импровизацій. Флорентинцу надобно занятія. Онъ оставилъ военную службу, ибо всякое потрясеніе скоро его утомляетъ. Онъ опредѣляется въ службу къ одному изъ сосѣдственныхъ принцевъ, чтобы забавлять его и вотъ, онъ разыгрываетъ, какъ нельзя лучше, роль шута. Прикинувшись дуракомъ, онъ однакожъ самъ себя на умѣ, и никогда не упускаетъ изъ вида своихъ выгодъ. При-

мръ Трибуле, который продает лошадь, подаренную ему королемъ, чтобы купить сына, чѣмъ ее кормить, для него не потерявъ. Онъ всегда въ время замѣчаетъ, что у него нѣтъ болѣе лошади и перепродаетъ сѣно очень выгодно.

Когда Стентарелло даетъ слишкомъ много воли своему злому языку и кто нибудь его хорошенько разругаетъ, онъ, вмѣсто того, чтобы сердиться, притворяется. Его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ не дѣлаетъ никакихъ возраженій; онъ отвѣчаетъ: этотъ человекъ властенъ въ своемъ языкѣ, а я въ своихъ ушахъ; пусть онъ говоритъ, а не хочю его слушать.

Однажды, прогуливаясь съ своимъ господиномъ, Стентарелло встрѣчаетъ молодого, знатнаго флорентинца на прекрасной лошади, съ стаею собакъ и съ соколомъ на рукѣ. Шутъ отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ и говоритъ съ важнымъ видомъ:—Позвольте спросить, куда ваше сиятельство изволите отправиться съ такою пышною свитою?—«Куда! разумѣется, на охоту» отвѣчаетъ молодой человекъ.—А зачѣмъ?—«Глунецъ! зачѣмъ, чтобы стрѣлять дичь.»—И вы много надѣетесь настрѣлить?—«Нѣтъ; теперь дичь попадается рѣдко; но я буду доволенъ, если мои собаки поднимутъ хоть одного зайца, а соколы поймутъ куропатку или дрозда.»—И все тутъ?.. Но вѣдь эта дичь не стоитъ и одного ефимка?—«Конечно.»—А сколько вамъ стоитъ въ день прокормить эту прекрасную лошадь?—«Ефимокъ.»—А каждого изъ вашихъ служителей?—«Столько же.»—А вашихъ собакъ, вашихъ птицъ?—«Для нихъ нужна важная пища и каждая обходится мнѣ не менѣе ефимка.»—«И такъ вы бросаете 30 ефимковъ для того, чтобы достать одинъ?»—Сказавъ это, Стентарелло обращается къ своему господину. «Когда Стентарелло умретъ» говоритъ

онъ: «рекомендую вамъ на его мѣсто этого молодого человека; онъ очень того достоинъ.»

Стентарелло весьма устарѣлъ, но сердце его сохранило всю нѣжность юношескихъ лѣтъ. Онъ влюбляется во всѣхъ дѣвушекъ. Этого мало. У господина его хорошенькая жена. Съ тѣхъ поръ, какъ Стентарелло забавляетъ дворъ своими шутками, онъ вообразилъ, что онъ привлекателенъ до очарованія. Онъ убѣждается, что принцесса его любитъ, и въ увѣренности, преслѣдуетъ ее своими угожденіями. Онъ краситъ себѣ лицо и брови. Сознавая, еще въ первый разъ отъ рода, что у него много сѣдыхъ волосъ, онъ призываетъ цирюльника и приказываетъ ихъ выщипать. Цирюльникъ исполняетъ свою обязанность такъ усердно и совѣстливо, что на головѣ Стентарелло не остается ни одного волоса. Шутъ замѣчаетъ черезъ нѣсколько времени, что онъ совершенно лысый. Тогда цирюльникъ приноситъ ему прекрасный парикъ, весь въ букляхъ; влюбленный старикъ надѣваетъ его, и ему кажется, что онъ помолодѣлъ цѣлымъ подулкомъ. Но ему хочется быть совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Для этого онъ занимаетъ у одного молодого англичанина ящикъ со всеми принадлежностями туалета. Въ ящикѣ множество вещицъ, опользѣ которыхъ Стентарелло не имѣетъ никакого понятія, и между прочимъ 14 различныхъ щеточекъ для чистки погтей. Эта критика на мелочную чистоплотность англичанъ очень забавна и совершенно въ духѣ итальянцевъ. Стентарелло приходитъ въ восхищеніе отъ каждой вещицы, и послѣ продолжительнаго осмотра собирается употребить ихъ въ дѣло. Его замѣшательство и изъясненія уморительны. Перебравъ всѣ вещи и перевертывъ ихъ во всѣ стороны, онъ оканчиваетъ тѣмъ, что пось свой чиститъ ножикомъ для срѣзыванія мозолей, а

зубы—намыленною щеточкою для ногтей, отчего онъ корчитъ ужасныя рожи.

Окончивъ предварительный туалетъ, онъ надѣваетъ прекрасное придворное платье, шитое блестками, только что съ иголки, и при помощи хлопчатой бумаги поддѣлываетъ себя икры. О, если бы вы могли посмотреть, съ какимъ торжествующимъ видомъ, съ какимъ самодовольствіемъ и удивленіемъ онъ смотрѣлся въ зеркало, по окончаніи туалета. Онъ самъ себя не помнитъ отъ восторга; не сомнѣвается въ побѣдѣ и, пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ, объявляетъ въ любви принцессѣ, которая слушаетъ его съ улыбкою. Влюбленный старикъ припимаетъ эту улыбку за одобреніе; въ упоеніи счастья, онъ становится смѣльч: схватываетъ руку принцессы и бросается передъ нею на колѣна.

Вдругъ входитъ принцъ. Мысль, что его застали на мѣстѣ преступленія, до того поражаетъ Стентарелло, что онъ не въ силахъ подняться. «Что ты дѣлаешь въ такомъ положеніи?» спрашиваетъ его принцъ.—Я ищу... принцесса уронила браслету...—«Да, Стентарелло наклонился поднять мою браслету.» Говоря это, принцесса дѣлаетъ знакъ мужу. Стентарелло въ восторгѣ. Онъ встаетъ съ одного раза и пужно видѣтъ ищущій и пламенный взглядъ, которыми онъ благодаритъ принцессу за ея божественную выдумку. Принцесса удалется съ мужемъ.

Оставшись одинъ, Стентарелло въ веселой, живой каватинѣ прославляетъ свое искусство обольщать жель и обманывать мужей. Наконецъ онъ сознается, что былъ всегда большимъ повѣсою. Но и то сказать, зачѣмъ же природа одарила его такими плѣнительными качествами, такими очаровательными прелестями? Говоря это, онъ поглаживаетъ свой подбородокъ, прищуриваетъ глаза и отъ радости испрыгиваетъ. Въ очарованіи, онъ все считаетъ себя позво-

леннымъ; все ему кажется возможнымъ; не трудно угадать, что черезъ минуту онъ забудетъ свою обычную осторожность.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи Стентарелло причется за завѣсомъ въ спальнѣ принцессы и съ нетерпѣніемъ ждетъ ея прихода. Вдругъ любимая кошка владычицы его сердца прыгаетъ ему на лицо. Начинается сраженіе между Стентарелло и кошкою, которая украшаетъ глубокими царапинами щеки бѣднаго воздыхателя. Наконецъ Стентарелло одерживаетъ побѣду и выбрасываетъ своего неприятеля за окно. Только лицо его совершенно изуродовано. Онъ утѣшается тѣмъ, что уже смерклось и что лица его не будетъ видно. Между-тѣмъ приходитъ принцесса; она знаетъ, что Стентарелло спрятался въ ея спальнѣ, сказала объ этомъ мужу и они оба рѣшились позабыться на счетъ глупаго, стараго селадона.

Принцесса спѣшитъ окончить ночной туалетъ и отсылаетъ своихъ прислужницъ. Оставшись одна, она громко вздыхаетъ и шепчетъ имя Стентарелло. Стентарелло не въ силахъ болѣе владѣть собою. — Божество моего сердца! она думаетъ о своемъ любезномъ! говоритъ онъ съ видомъ записнаго волокиты и, распахнувъ завѣсъ, бросается къ ногамъ красавицы. Она притворнется, что испугалась его появленія и едва оказывая слабое сопротивленіе, оставляетъ ему свою руку, которую страстный флорентинецъ осыпаетъ поцѣлуями.

Неожиданное обстоятельство прерываетъ его изъясненія. Раздается сильный стукъ въ дверяхъ комнаты принцессы. «Боже! это мой мужъ. Я узнала его по голосу!» восклицаетъ она.—Принцъ!—«Да, мой милый Стентарелло, это онъ! Милосердый Боже! что скажетъ онъ, если здѣсь тебѣ увидитъ въ такую пору!... Онъ убьетъ насъ!»—Онъ убьетъ меня!—«Да, да! О! спрячься, ради Бога!»—Но куда спрятаться?

«Въ этотъ сундукъ.» И принцесса толкаетъ его, заставляя насильно влѣзть въ сундукъ, стоящій въ углу комнаты.

Сторона сундука, обращенная къ зрителямъ, открыта такъ, что они могутъ совершенно видѣть игру спрятаннаго въ немъ актера.

Принцъ является съ большимъ шумомъ. Ему все извѣстно. «Если я найду виновнаго, то предамъ его неслыханнымъ мученіямъ.» Говоря это, онъ бросаетъ на сундукъ свою шпагу. Стентарелло, въ испугъ, дѣлаетъ сильное движеніе.

«Я слышалъ тутъ шумъ», восклицаетъ принцъ.—Это, вѣрно, крысы, отвѣчаетъ принцесса. Стентарелло складываетъ руки и возводитъ глаза къ небу съ самымъ трогательнымъ выраженіемъ благодарности. «Да, да! я выдумалъ пытку совсѣмъ особеннаго рода; она въ употребленіи у турокъ: преступника вѣшаютъ на блокъ, а внизу, подъ блокомъ, вколочены острия желѣзные колья и...» Стентарелло трясется такъ, что сундукъ скрипитъ. «Видно, крысы изъ цѣлаго дома собрались въ этомъ проклятомъ сундукѣ! Вотъ прекрасный случай истребить ихъ всѣхъ до одной; Арно течетъ подъ окномъ; надо бросить сундукъ въ Арно.»

Принцъ подходит и старается приподнять сундукъ. Стентарелло хочетъ вылѣзть: онъ приподнимаетъ крышку, но она опять захлопнулась и отдала ему пальцы. Онъ пронзительно вскрикиваетъ. «О! о! да ваши крысы кричатъ по-человѣчьи!» Говоря это, принцъ открываетъ сундукъ и видитъ Стентарелло, который, въ отчаяніи, свертывается въ клубокъ и прячетъ голову, какъ струсъ, надѣясь быть незамѣченнымъ.

Принцесса падаетъ въ обморокъ.

«Ай да крыса! Клянусь Бахусомъ! да это Стентарелло собственной своею особою! А! а! донъ Стентарелло въ спальнѣ моей жещы! Стражи, сюда!» Прибѣгаютъ четыре человѣка и хватаютъ Стентарел-

ло, который, стараясь отъ нихъ вырваться, оставляетъ свой рыжій парикъ въ рукахъ одного изъ стражей; его лысая голова, густыя черныя брови и изцарапанное лицо придаютъ ему самый уморительный видъ, какой только можно вообразить.

Плѣнникъ жалобнымъ голосомъ умоляетъ принца простить его; онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній; онъ жемалъ только позабавить принцессу маленькимъ сюрпризомъ.—А за чѣмъ же ты прятался?—«Я хотѣлъ уйти и пришлъ сундукъ за дверь.»—Какъ бы не такъ, донъ Стентарелло. Нѣтъ, вѣдь ты старый грѣшникъ и за то сейчасъ будешь наказанъ.»

Сопровождалъ эту грозу ужаснымъ тѣмодвиженіемъ, принцъ вынимаетъ огромный охотничій ножъ, котораго лезвіе, говоритъ онъ, острѣе бритвы (Въ партерѣ раздаются бѣшенныя рукоплесканія). Стентарелло, при видѣ ножа, употребляетъ тщетныя усилія освободиться отъ четырехъ сильныхъ молодецвъ, которые держатъ его за руки и за ноги. Онъ громко мянется въ своей невинности, призывая въ свидѣтели Бога, Мадонну и всѣхъ св. угодниковъ. Но принцъ неумолимъ. Ужасный ножъ блеститъ предъ глазами Стентарелло; бѣдный трусъ стонетъ, плачетъ, какъ ребенокъ, и даетъ обѣтъ, если избѣгнетъ опасности, повѣсить чудесное ех voto на алтарь Пресвятой Дѣвы.

Принцъ приближается къ нему, размахивая ножемъ. Стентарелло вскрикиваетъ такимъ дѣкимъ голосомъ, что принцесса приходитъ въ чувство. Несчастный призываетъ се въ свидѣтели своей невинности.

— Не вѣрьте ему, отвѣчаетъ принцесса: онъ большой злодѣй... «Злодѣй! великодушная принцесса!.. Но въ чемъ же я виновенъ? Вамъ извѣстно, что я не сдѣлалъ ничего дурнаго...» А развѣ ты не погрѣшилъ, какъ только могъ,—мыслями, словами, намѣреніемъ.—(Но-

выя рукоплескашя въ партеръ) Стентарелло, у котораго страхъ отбилъ тщеславіе, сознается въ слабости и, увѣривъ наконецъ въ своей невинности, умоляетъ принца лвить надъ нимъ свое милосердіе. — Ну, а если бы я даровалъ тебѣ прощеніе и свободу, что бы сталъ ты дѣлать? — «У меня красивая наружность и очень пріятный голосъ,» отвѣчаетъ Стентарелло, поднимая плъщивую, испаряпанную голову. «Я увѣренъ, что импрезаріо театра *Vergo-agnisanti* приметь меня въ свою труппу сопраномъ.» — Хорошо, я прощаю тебѣ; но ты долженъ показать намъ образчикъ своего дарованія. Стентарелло умоляетъ принца и принцессу извинить, что въ такую минуту талантъ его не можетъ проявиться во всемъ блескѣ; онъ отказывается, гладить свой подбородокъ и начиняетъ пѣть песенные куплеты, въ которыхъ восхваляетъ милосердіе своего господина. — Въ этотъ разъ, говоритъ онъ: великодушный принцъ поступилъ справедливо, простивъ невиннаго Стентарелло; за то, въ молодости, онъ былъ большой грѣшникъ и не шутилъ стдиль наказаніи, которое ему угрожало за минуту.

Мы могли бы продолжить до безконечности разборъ болѣе или менѣе смѣшныхъ сценъ, въ которыхъ является Стентарелло. Несчастный то жарится въ пожарѣ, то его уноситъ вихремель, то онъ живо погребенъ обваломъ, то онъ ныряетъ въ прудъ, откуда его замертво вытаскиваютъ; онъ всего боится, но за то все противъ него и возстаетъ; можно сказать, что онъ въ вѣчной враждѣ со всеми стихіями. Впрочемъ, происшествіе, ужасное для него—ничтожный случай, изъ котораго онъ всегда найдетъ средство выпутаться; и онъ же первый смѣется, когда опасность миуетъ. Зрители г. *Vergo-agnisanti* знаютъ, что ему не сдѣлается большаго вреда, что онъ «въ водѣ не утонетъ, и въ огнѣ не сго-

ритъ», а то бы они не стали смѣяться надъ его несчастіями. Даже привидѣнія объявляютъ войну тощей особѣ Стентарелло, вѣроятно, принявая его за своего собрата. Огромныя и уродливыя картины, развѣшеныя на всѣхъ перекресткахъ Флоренціи и замѣняющія афишки для маленькихъ театровъ, на которыхъ даются фарсы («son *Stentarello*»), изображаютъ его во всѣхъ опасныхъ положеніяхъ. По этимъ изображеніямъ можно заключить, что если театръ Стентарелло не всегда соображается съ правиломъ трехъ единствъ, то, по крайней мѣрѣ, наблюдаетъ другое, болѣе различное подобнымъ представленіямъ, — *постепенность* занимательности и невѣроятности.

Членъ Академіи della *Crusca*, которому я сообщалъ мои замѣчанія о театрѣ Стентарелло, отвѣчалъ мнѣ, что послѣднее свойство его не должно удивлять меня, потому что я пріѣхалъ изъ страны всеобщаго движенія, изъ страны, гдѣ правиломъ театра Стентарелло руководствуются не только въ драмѣ, не только въ важныхъ, или мелочныхъ произведеніяхъ литературы, но даже и во всемъ. На это замѣчаніе, быть можетъ справедливое въ некоторомъ отношеніи, я отвѣчалъ только улыбкою. Но тутъ случился одинъ изъ моихъ пріятелей, который припаялъ слова академика довольно горячо и тотчасъ же возразилъ ему, что слова его отзываются предразсудками людей, отстаившихъ отъ вѣка, людей, враждебныхъ всякому успѣху, которые со времени Данта и Петрарки только что шли назадъ. Добродушный академикъ, безъ сомнѣнія, понявъ это доказательство *ad hominem*, но не отвѣчалъ ни слова, а сдѣлавъ преучтивый поклонъ, поступилъ, какъ Стентарелло въ минуту опасности, т. е. преблагоразумно отретировался.

Эти гг. академики della *Crusca* и вообще всѣ флорентинскіе пуристы—отъявленные враги бѣднаго Стентарелло.

Они отзываются о немъ не иначе, какъ съ поговорованіемъ и презрительною улыбкою. Причиною этой ненависти не столько его поступки, сколько неправильныя выраженія и привязанность къ простонародному языку. Въ самомъ дѣлѣ, Септарелло болѣе то-скапецъ, нежели флорентинецъ. Вы встрѣтите его въ Перузѣ, Ареццо, Пистойѣ, Сиенѣ; а между сосѣдями своими, жителями Лукки, Пизы и Болоньи, онъ такъ обжился, что не хуже ихъ самихъ, и безъ малѣйшей разницы въ произношеніи, выражается на ихъ нарѣчій; но съ измѣненіемъ языка не измѣняются его подвиги. Въ Болонни, онъ имѣетъ уже много общаго съ своими товарищами въ Венеціи, Миланѣ и Туринѣ, съ Арлекиномъ, Менегино и Джероламо; можно сказать, что онъ со всѣми состоитъ въ родствѣ. Дѣйствительно, всѣ они только измѣненія одного и того же *первобраза*, различныя стороны одного и того же характера, но не составляютъ каждый особеннаго типа.

Ф. МЕРСЕЙ.

БІОГРАФІЯ

НИКОЛО ПАГАНИНИ.

Знаменитый виртуозъ Николо Паганини родился въ 1784 году, въ Генуѣ; отецъ его, торговецъ, любилъ музыку и обучалъ его съ пятилѣтняго возраста играть на мандолинѣ, на которой самъ игралъ довольно порядочно. Вскорѣ послѣ того, началъ Николо учиться играть на скрипкѣ; причиной этому, какъ самъ онъ говорилъ, былъ сонъ, видѣнный его матерью. Добрая старушкѣ привидѣлся во снѣ ангелъ и общалъ исполнить одно какое-нибудь ея желаніе. Она пожелала, чтобъ сынъ ея сдѣлался знаменитымъ скрипачемъ. Еще на восьмомъ году былъ маленькій Паганини въ состояніи разыграть въ церкви одинъ изъ концертовъ Плейеля. По двѣнадцатому году, давалъ онъ большой концертъ на Санавгустинскомъ театрѣ. Отецъ его отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Парму и привелъ его къ тамошнему директору Консерваторіи, Пэру. Пэръ прослушалъ его и далъ совѣтъ обратиться къ довольно знаменитому въ то время знатоку музыки и виртуозу Роллѣ.

Являсь къ сему последнему, Николо разыгралъ, какъ говорится, *prima vista*, неизданный еще концертъ для скрипки, который нашелъ онъ на пюпитрѣ. Ролла не скрылъ своего удивленія и принялъ юного виртуоза подъ свое руководство; когда же, по неизвѣстной побудительной причинѣ, долженъ онъ былъ оставить преподаваніе, посоветовалъ ему обратиться къ Гиберти, придворному солисту, учителю Пэра и знаменитому контрапунктисту. Паганини написалъ, подъ руководствомъ новаго учителя, весьма много инструментальныхъ сочиненій; но какъ ни предавался онъ этому труду, все не забывалъ своей скрипки: онъ игралъ на ней при многихъ высокихъ особахъ и былъ ими щедро награжденъ. Одна изъ нихъ общала ему однажды подарить прекрасную Гуарнеріеву скрипку, если онъ одинъ трудный концертъ разыграетъ *prima vista* безъ ошибки. Паганини безъ труда заслужилъ этотъ подарокъ.

Когда окончилъ Паганини свое уче-

ніе композиціи, онъ возвратился въ Геную, гдѣ началъ думать о средствахъ, какъ бы преодолѣть затрудненія, до того существовавшія въ скрипочной игрѣ. Онъ написалъ нѣсколько піесъ въ совершенно-новомъ родѣ, имъ самимъ созданномъ, и отправился въ Верхнюю Италію. Тогда было ему семнадцать лѣтъ. Повсюду принимали его съ восторгомъ и удивлялись ему, какъ смѣлому нововводителю и какъ будущему великому артисту. Въ это время приучился онъ льстить нѣкоторымъ образомъ своему самолюбію, чего не оставилъ даже и тогда, какъ вниманіе цѣлой Европы было обращено на его талантъ. Во всѣхъ его программахъ находился вызовъ, что каждый изъ слушателей можетъ предлагать ему наитруднѣйшія музыкальныя піесы, которыя могутъ, по его мнѣнію, поставить виртуоза въ тупикъ. Въ Луккѣ предложили ему мѣсто перваго придворнаго скрипача; онъ его принялъ. Это новое званіе обязывало его раздирать каждую педаль по два концерта. Это ему вскорѣ наскучило. Для разнообразія своего репертуара, началъ онъ сочинять новыя піесы, и выдумалъ средство, которое ему только одному могло удалиться: онъ писалъ прежде басъ, и на него главную партію импровизировалъ при исполненіи. Желая восхищать своихъ слушателей безпрестанно новыми эффектами, вздумалъ онъ однажды снять обѣ среднія струны съ своего инструмента и исполнить на немъ въ такомъ видѣ сонату подъ названіемъ «Scena amorosa», гдѣ четвертая струна изображала мужской, а quinta женскій голосъ. Эта піеса надѣлала много шума. Одинъ изъ слушателей спросилъ тутъ же артиста, можетъ ли онъ играть только на одной струнѣ. Самолюбіе не позволяло ему ни въ чемъ сомнѣваться, онъ отвѣчалъ утвердительно, и успѣлъ въ самомъ дѣлѣ, по истеченіи мѣсяца, послѣ неимовѣр-

ныхъ усилій, разыграть на одной только четвертой струнѣ трудныя варіаціи. Кто не слышалъ сказки, будто Паганини прожилъ нѣсколько лѣтъ въ темницѣ за то, что умертвилъ жену свою или любовницу, и что талантъ его, послѣ величайшаго напряженія, развился здѣсь въ досужные часы? Три струны, говорили, лопнули у него въ тюрьмѣ: оставалась только одна, болѣе крѣпкая, четвертая струна, которая выдерживала сырость темничной температуры, и на этой одной струнѣ игралъ Паганини до тѣхъ поръ, пока былъ выпущенъ изъ заключенія. Вѣроятно, этой басни послужило основаніемъ какая-нибудь шутка.

Въ то время, какъ великій артистъ постигъ впервые Парижъ, у всѣхъ торговцевъ картинами появилась литографія, съ подписью: «Паганини въ темницѣ». Тогда необходимо было сдѣлать возраженіе на клевету, касавшую чести артиста. Онъ написалъ по этому случаю письмо къ директору Музыкальнаго Обозрѣнія, и это письмо разрушило до основанія все зданіе клеветы и напраслины, воздвигнутое врагами виртуоза. Однакожъ, не взирая на неоспоримые доводы и свидѣтельства, приведенныя Паганини, оставалось еще нѣсколько сомнѣній; которыя, вѣроятно, предвидѣлъ артистъ, потому что написалъ въ концѣ письма: «Если и теперь еще непріятели мои возстанутъ, я долженъ уступить. Тѣмъ не менѣе остается мнѣ надежда, что по смерти моей клевета обнаружится сама собою и что тѣ, которые столь жестоко меня прельщивали при жизни, прахъ мой, по крайней мѣрѣ, оставятъ въ покоѣ.»

Послѣ несчастій, постигнувшихъ покровительницу Паганини, принцессу Элизу, Великую Герцогиню тосканскую, пустился онъ опять ѣздить по Италиі. Нѣсколько разъ рѣшался онъ предпринять поѣздку въ чужіе края, но всякій

разъ былъ отключенъ отъ этого памфлетнаго тѣлесными страданіями, которымъ даже врачи отказывались иногда помогать. Въ одинъ вечеръ игралъ опъ въ Римѣ при князѣ Кауницѣ, австрійскомъ посланникѣ. При этомъ случился князь Меттернихъ. Онъ принялъ участіе въ молодомъ артистѣ и пригласилъ его въ Вѣну. Паганини отвѣчалъ, что какъ только оставитъ Италію, тотчасъ приѣдетъ въ эту столицу. Много времени прошло прежде, чѣмъ опъ могъ исполнить свое обѣщаніе, на послѣдокъ прибылъ опъ въ Вѣну, и 29 марта 1828 года далъ первый концертъ. Успѣхъ былъ неимоверный. Вѣна, этотъ по преимуществу музыкальный городъ, принялъ великаго артиста отличнѣйшимъ образомъ. Жирафъ, присланный императору египетскимъ пашею, былъ для Паганини совершенно забытъ вѣтскими жителями. Явились платья и прически à la Paganini. Многія знатныя особы надѣялись услышать у себя Паганини, но это удовольствіе досталось въ удѣлъ одному только князю Меттерниху. Однакожь инструментальные салто-мортаде его падали людямъ со вкусомъ: его обвинили въ шарлатанствѣ, и когда онъ хвалился, что будетъ въ состояніи, въ парочко сочиненной для этого пьесѣ, самому-себѣ аккомпанировать, одинъ журналистъ довольно удачно сказалъ, что оркестръ будетъ играть соло, а Паганини будетъ аккомпанировать на скрипкѣ.

Послѣ нѣсколькихъ концертовъ, данныхъ въ Вѣнѣ, Паганини отправился въ Прагу, гдѣ получилъ воспаленіе въ горлѣ. Его стали лечить гомеопатически, что въ то время еще довольно часто случалось въ Германіи, но, разумѣется, не помогли. Послѣ долгихъ страданій, наконецъ здоровье его до того поправилось, что опъ могъ давать опять концерты.

Изъ Прага поѣхалъ Паганини въ Берлинъ и пробылъ тамъ четыре мѣ-

слца. Въ Италіи еще объявлялъ опъ часто въ своихъ афишахъ о концертахъ, что великому дозволяется выступать съ нимъ въ совмѣстничество публично. Въ Берлинѣ былъ самъ опъ вызванъ на бой. Одинъ молодой баронъ, неказный, чтобы во всѣхъ столицахъ Европы признали его за наследника универсальнаго генія известнаго юпоши, Пико-де Мирапдолиа, предложилъ ему открытый поединокъ на скрипкахъ. Сигизмундъ фонъ Праувъ (такъ назывался этотъ молодой скрипичный рыцарь) получилъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду, степень доктора философіи и юриспруденціи; опъ разумѣлъ большую часть языковъ трехъ системъ: латинской, славянской и германской, и игралъ кромѣ того на скрипкѣ дѣйствительно дивнымъ образомъ. Паганини съ негодованіемъ отказался отъ боя съ столь мало достойнымъ соперникомъ, отъ боя, въ которомъ не могъ опъ приобрести себѣ никакой славы и который обнаружилъ бы въ немъ недостатокъ великодушія.

Всѣ значительнѣйшіе города Германіи были посѣщены Паганини одинъ за другими. Въ Мюнхенѣ явился онъ на трехъ вечерахъ. Цѣлая Германія была напоилена его славою: даже поселяне, которые, должно здѣсь прибавить, всѣ понимаютъ музыку, сбѣгались въ то мѣсто, куда пріѣзжалъ италіискій виртуозъ. Однажды былъ опъ приглашенъ въ замокъ Тегерзе, мѣстопробываніе вдовствующей баварской королевы, чтобы тамъ сыграть нѣсколько пьесъ. Когда концерту должно было начаться, на дворъ послышался говоръ и шумъ. Королева послала узнать о причинѣ, и ей донесли, что толпа крестьянъ изъ соседнихъ деревень, узнавъ о пріѣздѣ знаменитаго скрипача, пришла его хоть издали послушать и всенужайше просить оставить окна въ залѣ открытыми. Королева, доброта которой всякому баварцу известна, приказала впу-

стити всѣхъ крестьянъ въ залу, и они оставались тамъ до конца концерта.

Наконецъ рѣшился Паганини ѣхать во Францію. Онъ далъ въ Страсбургѣ одну, такъ называемую *Abendunterhaltung* (музыкальный вечеръ) и, не останавливаясь долѣе, поѣхалъ въ Парижъ. Прибытіе его въ эту столицу равнялось важнѣйшему событію. Хотя цѣны бывали утроены, однакожь зала Большой Оперы была всякій разъ биткомъ набита. Сперва игралъ Паганини тѣ піесы, въ которыхъ соединены были удивительнѣйшіе эффекты; въ слѣдующихъ концертахъ игралъ онъ молитву Моисея на четвертой струнѣ и показалъ невѣроятную способность разнообразить тоны этой струны, смотря по характеру, свойственному каждому мѣсту піесы.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, прибылъ Паганини въ Англію. По ту сторону Ламаша ожидали его блестящіе успѣхи, какъ и въ столицѣ Франціи, только въ другомъ родѣ. Сначала ругательства и оскорбленія были печатаемы противъ него за то, что онъ осмѣлился возвысить цѣны въ свои концерты, какъ ояъ это дѣлалъ почти во всей Европѣ. Такъ какъ онъ заслужилъ неслыханную славу, Англичанамъ необходимо было на раутахъ и въ клубахъ говорить, что они его слышали, но ихъ возмущала мысль, что на удовлетвореніе этого любопытства они должны были платить болѣе, нежели какъ обыкновенно платили. Лондонскіе журналисты по этому не старались представлять въ критикахъ оцѣнку таланта великаго художника, но исчисляли только съ точностью суммы, которыя онъ соберетъ въ трехъ королевствахъ: они были неистощимы въ разсказахъ о его корыстолюбіи и осыпали его грубѣйшими упреками и оскорбленіями. Жители Брайтона угрожали зажечь городъ за то, что мѣста въ галлерей продаловались по четыре шиллинга. Послѣ того, од-

накожь, какъ непріязненное расположеніе умовъ прошло, Паганини переходилъ отъ торжества къ торжеству по всѣмъ тремъ королевствамъ. Въ Лидѣ театральная зала набилась любопытными отъ самаго полудня: они имѣли терпѣніе ожидать игры артиста до вечера. Такимъ отличнѣмъ уваженіемъ публики обланъ онъ былъ, разумѣется, не столько своему таланту, сколько славѣ, пріобрѣтенной во Франціи, Германіи и Италіи, потому что Англичане, по части музыкѣ, весьма плохіе знатоки и критики. Какъ бы то ни было, однакожь успѣхъ Паганини въ Великобританіи былъ необыкновенный, и виртуозъ собралъ въ это путешествіе значительныя суммы денегъ.

До сихъ поръ ѣздилъ Паганини одинъ и давалъ концерты на свой собственный счетъ: вдругъ одному Англичанину пришло въ голову основать на талантѣ его спекуляцію. За положенную мѣсячную плату, обязался артистъ слѣдовать повсюду за своимъ *хозяиномъ* и играть во всѣхъ концертахъ, которые тотъ будетъ давать. Когда почитатели таланта Паганини узнали обо всѣхъ подробностяхъ этого контракта, они справедливо вознегодовали на артиста, который корыстолюбіемъ былъ завлеченъ такъ далеко, что, забывъ уваженіе къ себѣ, какъ человѣку и художнику, продалъ себя съ душой и тѣломъ разсчетливому спекулятору. Впрочемъ, нынѣ обстоятельства и образъ воззрѣнія на этотъ предметъ измѣнились: пѣвцы и виртуозы ѣздятъ нынѣ по Англіи не иначе, какъ на содержаніи какого-нибудь спекулятора, который возитъ ихъ изъ города въ городъ и показываетъ ихъ за деньги, какъ звѣрей заморскихъ. Паганини такимъ образомъ былъ провезенъ по Сѣверной Франціи, Бельгіи и Голландіи. Въ Брюсселѣ оказанъ былъ ему довольно холодный пріемъ. Въ трехъ концертахъ, данныхъ имъ на королевскомъ театрѣ, публика была весьма

равнодушна, и зала ни одинъ разъ не была совершенно полна.

Послѣ шестимѣсячнаго странствованія по Европѣ, послѣдовала Паганини за своимъ наемщикомъ опять въ Англію, гдѣ и остался до истеченія срока контракта, который утомилъ его до чрезвычайности. Дочь его associè питала къ нему сильную страсть, и когда Паганини отправился во Францію, она покинула родительскій домъ и послѣдовала за нимъ до Кале, гдѣ была настигнута своими родственниками и отвезена домой. Это происшествіе обратило на себя всеобщее вниманіе и было причиною, что Паганини осыпали упрёками и обидами. Посланное имъ въ разные французскіе и англійскіе журналы оправдательное письмо дало знать публикѣ, что молодая любовница его совсѣмъ не была имъ увезена, но послѣдовала за нимъ рѣшительно безъ его вѣдома. Кромѣ того, усердная поспѣшность, съ какою возвратилъ онъ ее родителямъ, достаточно доказала, какъ чуждо было для него ея бѣгство.

За нѣсколько лѣтъ до смерти своей, пересталъ Паганини играть въ публикѣ. Онъ занимался единственно возстановленіемъ своего здоровья, котораго плачевному состоянію не могли помочь никакія медицинскія пособія. Припадки прежняго его страданія учащались съ каждымъ днемъ, и наконецъ не покидали его почти ни на часъ. Онъ вознамѣрился-было ѣхать къ намъ, въ Россію, гдѣ ожидалъ его огромный успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ, но принужденъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и не повидавъ южнаго неба, которое одно только могло поддержать его существованіе.

Паганини, подобно Веберу, Бозльде и нашему Дюру, страдалъ горловою чахоткою, которая лишила его въ послѣднее время всякаго употребленія голоса.

Паганини упрекали въ двухъ недостаткахъ, которые рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ: говорили,

что онъ скупъ и что онъ игрокъ. Неоспоримые факты и доказательства подтверждаютъ отчасти первое обвиненіе, но для втораго: не имѣемъ мы никакихъ доводовъ. Паганини оставилъ сыну своему значительное состояніе.

Тонъ, который извлекалъ Паганини изъ своего инструмента, былъ чистъ и пригнѣнъ, но немногочисленною, кромѣ развѣ тѣхъ только случаевъ, когда, казалось, употреблялъ онъ всѣ усилія, чтобы произвести необыкновенный эффектъ. Эта сторона его таланта отличалась преимущественно безконечнымъ разнообразіемъ звуковъ, которые непочтутными средствами умѣлъ онъ извлекать изъ струвъ. Тѣ гармоническіе тоны, которые до него были неизвѣстными, а потому сдѣлались для скрипачей существенными вспомогательными средствами, играли у него важную роль. Онъ воспользовался ими, какъ художественнымъ средствомъ, для исполненія нѣкоторыхъ интерваловъ, до чего достигнуть было невозможно: величайшимъ растяженіемъ руки. Паганини — первый исполнилъ эти тоны въ терцахъ, секстахъ и проч. съ удивительною легкостію. Для Паганини правильности игры не существовало: онъ создалъ игру совсѣмъ особенную. Изобрѣтенная имъ игра пальцами на струнахъ (*cordes pincées*), которую приложить успѣлъ онъ весьма удачно, сдѣлалась нынѣ общимъ достояніемъ, съ немногими исключеніями только; и его послѣдователи и подражатели достигали не менѣе важныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Образъ игры его былъ точенъ и свободенъ, но можно упрекнуть его, что, при переходѣ отъ одной ноты къ другой, онъ волочилъ пальцы по струнамъ съ нѣкоторою аффектаціею, отъ чего выраженіе становилось вялымъ и манерно.

Одинъ молодой италійскій врачъ, Беннатти, недавно похищенный смертію, сдѣлалъ надъ Паганини нѣсколько лю-

большинству физиологических наблюдений. По его замечаніямъ, у Паганини былъ не только врожденный геній въ музыкѣ, но и самъ онъ физически былъ къ этому приспособленъ: между-прочимъ, много помогала ему узкая грудь и возможность вытягивать составы до невообразимой степени. Руки его и пальцы были невелики, но онъ умѣлъ удлиннять ихъ упругостью своихъ нервовъ: такимъ образомъ, не шевеля рукою, могъ онъ, посредствомъ растяженія нервовъ первыхъ составовъ лѣвой руки, разыгрывать съ одинаковою скоростью и вѣрностью труднѣйшіе пассажи. Смычокъ его леталъ съ такою быстротою и свободою, пальцы сгибались съ такою удобностью, что всякій, незнающій дѣла, могъ думать, что дѣло идетъ о простѣйшихъ вещахъ.

Слава Паганини, какъ компониста, равнялась бы его славѣ, какъ артиста-исполнителя, еслибъ сочиненія его, содержащіяся только въ рукописяхъ, были изданы въ свѣтъ. Концерты его имѣютъ цѣну особенно въ отношеніи къ формѣ, которою пишущіе для инструмента артисты не должны пренебрегать.

Восемь лучшихъ своихъ скрипокъ отказалъ Паганини слѣдующимъ скрипачамъ: Берію, Эрнсту, Липинскому, Майзедеру, Молику, Оле-Булю, Шпору и Вѣтану.

Одна изъ странностей Паганини была та, чтобъ увѣрять всѣхъ, будто онъ сочиняетъ безъ напряженія, а между-тѣмъ это было совсѣмъ иначе. Приготовленія его были ужасны; онъ никогда не могъ играть безъ трудныхъ предварительныхъ упражненій, которыя поглощали два и три дни времени. При первомъ напряженіи, тѣло его покрывалось обильнымъ потомъ, и это естественное расположеніе, несмотря на то, что Паганини всегда ходилъ въ фланелевой нижней одеждѣ, было причиною частыхъ и опасныхъ простудныхъ бо-

лезней: жабы, лихорадки, и проч. Правду сказать надобно, однакожъ, что когда онъ уже изготовился къ великому исполненію, то къ нему возвращались и память, и порывы разума, и тонкость мыслей, и ловкость пальцевъ. Онъ не импровизировалъ, если принимать это слово въ вѣрномъ его значеніи, но приготовлялся къ импровизаціи, и каждый почти тонъ былъ уже заранѣе придуманъ въ его головѣ. Всякій почти концертъ дѣйствовалъ на него такъ сильно, что на другой день онъ не могъ встать съ постели.

Въ Германіи, въ самую блестящую эпоху своей жизни, онъ давалъ концерты долго спустя одинъ послѣ другаго, и часто по цѣлымъ годамъ сидѣлъ одинъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, давая въ это время полную свободу мыслямъ. Такой образъ самоуглубленія видимъ мы во многихъ нѣмецкихъ писателяхъ и артистахъ. Шиллеръ цѣлые два года оставался въ своемъ маленькомъ домикѣ съ садомъ, не принимая никого посѣтителя. Окончивъ твореніе, онъ возвращался опять въ свѣтъ; такимъ образомъ произвелъ онъ *Марію Стуртцъ* и *Жанну д'Аркъ*, лучшія изъ драмъ своихъ.

Всѣмъ извѣстно странное духовное завѣщаніе Паганини, по которому двумъ лицамъ, которымъ онъ болѣе всѣхъ былъ обязанъ, матери своей и жидовкѣ, которая жила съ нимъ довольно долгое время, отказалъ онъ только по 1,200 франковъ пенсіи, а все прочее имѣніе передалъ сыну своему. Неизвѣстно, чему можно приписать такую оригинальную предсмертную волю великаго виртуоза. Онъ умеръ въ Ницѣ, 27 мая нынѣшняго года. Французскіе журналисты, въ статьяхъ своихъ, перепечатанныхъ въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, ужъ черезъ чуръ оповѣстизировали смерть его. Онъ умеръ, лежа въ постелѣ и въ такомъ печальномъ состояніи, что едва ли могъ отличить роскошную, италіян-

скую луну отъ туслаго почника, го-ной школы, Паганини не умретъ въ
рѣвшаго у его изголовья. Онъ обма-льтописалъ музыки. Наслѣднику сво-
нуль предусмотрительность знаменитѣй-ему онъ оставилъ только миллионы, при-
шихъ медиковъ въ Европѣ, которые обретенные дивнымъ своимъ искус-
предсказывали ему смерть десятью го-ствомъ, а тайну приобрѣтать ихъ —
дами ранѣ. Какъ глава новой скрипич-унесъ съ собою въ могилу.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald ist es Dies, bald dist es Das,
Bald ist es Nichts, bald ist es Was.

Goethe.

1.

ЕДИНСТВЕННАЯ ШУТКА ПАГАНИНИ.

Серьезный, важный Паганини пошутить только однажды въ жизни и то — въ минуту смерти. Говорятъ, что послѣдняя статья его духовной состоитъ въ слѣдующемъ: «Хочу и требую, чтобъ моя любимая скрипка была со мною положена въ гробъ. Она помогала мнѣ въ жизни, вѣрно поможетъ и по смерти. Я сыграю на ней фантазію сатанъ и его челядицамъ, если они вздумаютъ дѣлать мнѣ прижимки.» Если справедливо, что Паганини помѣстилъ эту статью въ свое завѣщаніе, ему надо очистить одно изъ первыхъ мѣстъ, наряду съ знаменитѣйшими весельчаками, въ исторіи проказъ и шутокъ.

Можно привести примѣры множества уморительнѣйшихъ завѣщаній, и здѣсь оно будетъ очень кстати.

Іоаннъ Циска, богемскій воевода, требовалъ, чтобъ по смерти съ него содрали кожу, какъ съ *Марціаса*, и сдѣлали изъ нея барабаны, отъ которыхъ задрожитъ непріятель.

Вилліамъ Блекетъ, плимутскій губернаторъ, требовалъ на смертномъ одрѣ, чтобъ жена дала ему клятву не выходить вторично замужъ: «я боюсь,» говорилъ онъ, «что второй твой мужъ будетъ такой же дуракъ, какъ и первый.»

Саллазъ-Эддингъ, великій турецкій султанъ, столь прославившій имя свое во времена крестовыхъ походовъ, приказалъ, чтобъ по смерти пронесли его саванъ по всему государству на копьѣ, восклицая: «Изъ всѣхъ земель, завоеванныхъ великимъ Саладиномъ, изъ всѣхъ областей, имъ покоренныхъ, изъ всѣхъ сокровищъ, имъ собранныхъ, ему остался только этотъ лоскутъ полотна!»

Поэтъ *Петрарка* завѣщалъ своимъ друзьямъ, *Асрику*—маленькую серебряную чарочку, чтобъ онъ изъ нея всегда пилъ воду, а *Вароломею Сіанскому* двадцать червовцевъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ не проигралъ въ кости.

Если вѣрить тайнымъ преданіямъ, пѣвчая *Лаура* отдала страстному Пётру

траркѣ свои подвязки, съ тѣмъ, чтобъ онъ по смерти ея ими удавился.

Можно бы продлить до безконечности рядъ этихъ примѣровъ, но мы пока ограничимся приведенными здѣсь, и опять таки скажемъ, — что Паганини, по его завѣщанію, — принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ между шутниками.

2.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ БЕЛЬЗОНИ.

Бельзони, который достигъ такой громкой извѣстности въ Европѣ, былъ сперва канатный танцовщикъ и ско-морохъ. Онъ жилъ съ женой своею, молодой красавицей, въ чрезвычайной бѣдности. Онъ родился въ Падуѣ; отецъ его былъ цирюльникъ и, кромѣ егѣ, имѣлъ еще четырнадцать человѣкъ дѣтей. Бельзони съ самой юности любилъ чрезвычайно читать путешествія и заниматься гидравликой. Чтобъ приступить въ ходъ гидравлическую машину своего изобрѣтенія, онъ пошелъ въ канатные плясуны; по канату прошелъ онъ въ Англію и проплясалъ по ней изъ конца въ конецъ. Оттуда пробрался онъ въ Испанію, изъ Испаніи въ Африку, гдѣ отправился къ египетскому пашѣ, чтобъ предложить ему свою гидравлическую машину. Египетскій паша нашелъ, что она ему неужива. Тогда Бельзони подъялся на шутки; онъ вызвался — англійскому консулу поднять Мемнонову статую и доставить ее въ Англію. Этотъ послѣдній фокусъ-покусъ удался ему совершенно и съ этихъ поръ начинается его слава въ Англіи. Щедро одаренный англійскимъ дворомъ, онъ опять отправился въ Египетъ, обшарилъ его до послѣдняго закоулка и събралъ нѣсколько довольно важныхъ открытій. На возвратномъ пути онъ

посѣтилъ свой родимый городъ. Члены ратуши вышли къ нему на встрѣчу, задали ему пиръ и въ честь его вычеканили медаль. Но богатый и щедрый Лондонъ привлекалъ его болѣе и тамъ онъ издалъ знаменитыя свои путевыя записки. Въ 1822 году онъ предпринялъ вторичное путешествіе по Африкѣ, но умеръ на пути къ Томбукту, 45 лѣтъ отъ роду. Четвертаго іюля 1827 года сыну бѣднаго цирюльника воздвигли въ Падуѣ неподобную статую!

3.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.

Датскій бригъ *Анна*, подъ командою капитана Голле, находился въ концѣ мая въ Бахіи. Онъ готовился сняться съ якоря, чтобъ принять грузъ въ Фернамбуко и оттуда отправиться обратно въ Европу. Вдругъ, къ капитану являлся человѣкъ, закутанный въ старыя плащъ и просить о позволеніи говорить съ нимъ, съ глаза на глазъ. «Я Флорентинецъ» сказалъ незнакомый: «фамилія моя Цернетти. Два мѣсяца показываю я въ Бахіи кабинетъ восковыхъ фигуръ; только дѣла мои идутъ ужасно дурно. Мнѣ бы хотѣлось перебраться въ Фернамбуко, гдѣ, я надѣюсь, мнѣ лучше посчастливится, и я буду въ состояніи раздѣлаться съ здѣшними кредиторами, которые мнѣ не даютъ ни отдыха, ни срока. Но, вы знаете, бразильяны, — народъ немилосердый. Они не поверятъ мнѣ на слово, хотя бы я поклялся честью, что вышлю имъ тотчасъ же деньги, и не выпустятъ изъ города. Кромѣ того, я, подъ рукою, узналъ, что завтра хотятъ описать весь мой кабинетъ. Чтобъ вытти изъ затруднительнаго положенія, я рѣшился въ тихомолку собраться и уѣхать отсюда. Вашъ корабль отходитъ завтра до разсвѣта. Вы оказали бы мнѣ величайшее благо-

дѣяніе, еслибъ приняли меня на ваше судно. Повѣрьте, въ Фернамбуко, и буду умѣть благодарить васъ. Нынче вечеромъ, какъ совѣмъ стемнѣетъ, я бы доставилъ къ вамъ пять сундуковъ съ фигурами и таможня ихъ бы не тронула. Приставъ мой соотечественникъ и пріятель, — онъ еще самъ, пожалуй, дастъ мнѣ провожатыхъ. Не откажитесь, ради Бога! Вы доброе дѣло сдѣлаете.» Послѣ нѣкоторыхъ легкихъ отговорокъ, капитанъ согласился, и къ ночи ящики съ фигурами и хозяинъ ихъ явились на корабль. Въ шесть часовъ утра, при попутномъ вѣтрѣ, корабль снялся съ якоря и полетѣлъ въ открытое море. Въ первый день все шло какъ нельзя лучше. Флорентинецъ покуривалъ сигарку, потягивалъ ромъ, говорилъ безъ умолка, расспрашивалъ о грузѣ, о цѣнѣ его и только часто сходилъ въ трюмъ, чтобъ присмотрѣть, какъ бы его восковыя куклы не потерпѣли отъ качки. Къ вечеру флорентинецъ нѣсколько охляпѣлъ и началъ очень часто справляться съ своими восковыми фигурами. Никто, однако, не обращалъ на это особеннаго вниманія. Около полуночи, когда половина экипажа улеглась спать, часовые услышали ужасный шумъ подъ палубой. Матросъ хотѣлъ донести объ этомъ капитану, но прежде, чѣмъ онъ собрался съ духомъ, онъ увидѣлъ двѣнадцать человѣкъ, съ зѣтскими лицами, вооруженныхъ съ головы до ногъ, которые выходили изъ трюма и съ воплемъ начали прикалывать и рубить спящихъ матросовъ. Хозяинъ восковаго кабинета былъ пиратъ, а восковыя куклы — его шайка. Онъ овладѣлъ кораблемъ и до вѣрчивый капитанъ первый сдѣлался жертвою его адской хитрости. Одинъ матросъ, бросившійся въ море, спасся и принеся извѣстіе объ этомъ происшествіи, досель безпримѣрномъ. *Анна* пропала безъ вѣсти.

4.

НОВЫЙ СПОСОБЪ СЛѢДИТЬ ЗА КРЕДИТОРАМИ.

Одинъ изъ прежнихъ парижскихъ журналистовъ, чрезвычайный весельчакъ и говорунъ, явился часто къ обѣду къ одному изъ богатѣйшихъ банкировъ. По дружбѣ, онъ занялъ у него наконецъ небольшую сумму денегъ на вексель. Срокъ платежа пришелъ, однако должникъ и не думалъ объ уплатѣ. Это бы ничего; но банкира ужасно бѣсило, что пріятель его даже не показывалъ глазъ въ домъ и, не являясь болѣе къ столу, не приправлялъ солью своихъ острогъ его обѣдовъ, что много вредило его пищеваренію. Въ слѣдствіе этого, онъ рѣшился поступить по вексельному уставу, велѣлъ его схватить и отвезти, не въ тюрьму — на хлѣбъ и воду, а къ себѣ въ домъ — къ отличному обѣду. Когда пришла время садиться за столъ, банкиръ вышелъ и, видя своего арестанта, сказалъ ему: «Смотрите, милостивый государь, если вы и впередъ не будете являться на мои приглашенія, я опять засажу васъ за столъ пасивно!» — Я нахожу это справедливымъ, отвѣчалъ остроикъ: по вексельному уставу кредиторы обязаны кормить неплатящихъ должниковъ.

5.

ВЫГОДНАЯ СПЕКУЛЯЦІЯ.

Извѣстный французскій спекуляторъ и богачъ Уваръ попалъ однажды въ долговую тюрьму. Онъ не отрекался отъ своего долга, но не хотѣлъ платить, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ французскій подданный, не могъ быть содержимъ долѣе пяти лѣтъ, послѣ чего долгъ уничтожался. Онъ устроился въ Сен-Пелажи роскошнѣйшимъ образомъ и жилъ по вѣжески. Онъ даже запла-

тили долги своего сосѣда, для того только, чтобъ, по выпускѣ его, занять и смежную тюрьму и давать въ ней обѣды и вечера. Однажды пріѣхалъ къ нему Виллель, министръ финансовъ. За обѣдомъ, министръ уговаривалъ его расплатиться съ кредиторами, увѣряя, что заключеніе его надѣлало много шума и вредить ему. «Мнѣ вредить!» отвѣчалъ Урварь: «поймуйте, напротивъ... Я посаженъ за пять милліоновъ долгу на пять лѣтъ, стало-быть, сидя здѣсь, склавши руки, называю по милліону въ годъ. Назовите мнѣ спекуляцію — лучше и вѣрнѣе этой — и я завтра же расплачусь съ долгами.»

6.

ЗНАМЕНИТЫЙ КУБОКЪ.

Это не древній кубокъ, изгрызенный временемъ и вырытый изъ геркуланской могилы. Это не тяжкій кубокъ въ гербахъ и орлахъ, который осушали въ средніе вѣки, за здравіе королей. Это не кубокъ Сократа, изъ котораго опъ выпилъ цыкуну, и не кубокъ Байрона, — сдѣланный изъ черепа. Это не ядовитый кубокъ фамиліи Боргіа и еще мнѣе кубокъ Британника. Ни Геркулесъ, ни Гаммедъ не касались его роскошпаго края. Кубокъ этотъ не выпивай соудъ; онъ не въ классическомъ и не въ романтическомъ родѣ. Не для парадныхъ шкафовъ царскихъ казнохрапищъ и не для любопытства музеевъ опъ выковалъ изъ чистаго золота! Цѣтъ! это дань признательности, уваженія и любви трехъ государствъ къ одному человеку, это даръ Великобританіи великому артисту, первѣйшему изъ трагиковъ, — словомъ Карлу Кемблю. После пятидесятилѣтнихъ трудовъ и успѣховъ, открывъ предъ Англіею всюокровищницу поэзіи Шекспира, Кембль оставилъ театръ, осыпанный рукоплесканіями, увѣщанный лавромъ. Воспоминанія о его

прежней славѣ нашли дорогу къ его те-перешнему уединенію. Цѣлая депутація, подъ предводительствомъ герцога Бофортскаго и лорда Гаивиллы, явилась къ знаменитому трагику. Былъ устроенъ великолѣпный пиръ на сценѣ Ковенгарденскаго театра. На этотъ разъ дѣйствующими лицами на ней была всѣ знать древней Англіи. Ложи, партеръ и раекъ были заняты всѣми отличнѣйшими артистами, во всѣхъ родахъ. После нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ въ честь заслугъ сѣдовласаго артиста, герцогъ Бофортскій поднесъ ему, отъ имени цѣлой Англіи, драгоценный кубокъ. — Старикъ, въ которомъ въ эту минуту проснулись всѣ страсти Ромео, Лира, Отелло, схватилъ кубокъ одной рукой, напѣшилъ его другою и, поднявъ вверхъ, энергическимъ, звучнымъ голо-сомъ, воскликнулъ:

«Да благоденствуетъ древняя Англія!» Онъ выпилъ вино въ одинъ пріемъ, потомъ опять наполнилъ кубокъ и, обратясь къ залѣ, сказалъ:

«За вашу славу — будущая надежда англійскаго театра!»

Потомъ, обнаживъ бѣлую голову, опъ подошелъ къ оркестру и съ глубокимъ чувствомъ произнесъ:

«Честь и слава поэту Шекспиру!»

Вѣрно сухія кости Виллельма встрепенулись въ эту минуту въ могилѣ.

Кемблю теперь восемьдесятъ три года.

7.

ДОНИЗЕТТИ НА РОДИНѢ.

На дняхъ Донизетти посѣтилъ, после долгаго отсутствія, опять свой родимый городъ, Бергаму. Главная цѣль его путешествія было желаніе лично дирижировать на тамошнемъ театрѣ оперу: *L'Esule di Romi*. Маэстро написалъ по этому случаю новую увертюру къ своей оперѣ, которая была принята съ такимъ пенстовымъ рукоплесканіемъ,

что долго, по окончаніи ея, не могли подвѣять занавѣса. Представителями оперы были избраны по большей части бергамскіе уроженцы; между ними отличались Донзелли и Марини. Во время большаго *адажіо* во второмъ актѣ, дождь цвѣтовъ и сопетовъ посыпался на компониста, изъ ложъ и партера. По окончаніи спектакля, Доницетти и стараго его учителя Майера, посадили въ раззолоченную колесницу, въ которую впряглись безумнѣйшіе фанатики музыки. При звукахъ трубъ и барабановъ, которые Доницетти такъ любитъ, и при свѣтѣ факловъ и фонарей, его привезли торжественно до дома, гдѣ онъ остановился; здѣсь встрѣтили его члены филармоническаго общества приличною рѣчью, въ А-мольномъ топѣ. Доницетти отвѣчалъ имъ шампанскимъ. Потомъ задали ему серенаду, составленную изъ его же сочиненій. Чтобъ совершенно попомянуть *огаційо*, бергамскіе артисты заказали лучшему скульптору мраморный бюстъ компониста, который хотятъ поставить въ залѣ Атеней, возлѣ бюста Торквато Тассо. Бѣдный Тассъ!—онъ и по смерти опять попалъ въ домъ сумасшедшихъ! И долженъ терпѣть и молчать въ этой игрѣ, никто не спроситъ его: *Довольны ли вы своимъ сосѣдомъ?*

8.

ВОТЪ БЛАГОДАРНОСТЬ!

Если Бергамо умѣетъ цѣнить таланты своихъ соотечественниковъ, то и Версаль недалеко отсталъ отъ этого города и на дняхъ показалъ удивительный примѣръ смѣтливости и благодарнаго чувства. Въ Версали живетъ отличный живописецъ Биганъ, большой чудакъ и весельчакъ. Разъ, какъ-то, ему пришло въ голову подарить городу одну изъ лучшихъ своихъ картинъ. Городовой совѣтъ назначилъ особое за-

сѣданіе, чтобъ придумать, какъ бы лучше отблагодарить щедраго артиста. И вотъ, недавно Биганъ получилъ изъ ратуши письмо, гдѣ городъ Версаль, въ лицѣ своего мера, превознося талантъ и щедрость артиста до небесъ, предлагаетъ ему, въ знакъ благодарности, клочекъ земли—мѣсто на новомъ своемъ кладбищѣ. Живописецъ принялъ подарокъ съ благодарностью и только просилъ городъ, какъ можно далѣе не вводить его во владѣніе этою собственностію.

9.

АКТЕРЪ ДАНКУРЪ.

Данкуръ родился въ Фонтенебло, въ 1661 году, въ одинъ день съ дофиномъ, старшимъ сыномъ Людовика XIV. Иезуитъ Деларю, учитель Данкура, чрезвычайно желалъ удержать въ орденѣ своемъ молодаго человѣка, который живостію ума и необыкновенными способностями къ наукамъ подавалъ самыя блестящія надежды. Но непреодолимое отвращеніе ученика къ монашеской жизни сдѣлало все старанія учителя тщетными—и Данкуръ избралъ званіе адвоката, которое впоследствии оставилъ для сцены.

Данкуръ былъ не только великимъ актеромъ, но и отличнѣйшимъ писателемъ. Онъ съ особеннымъ талантомъ игралъ роли *Ревница*, *Мъщанина* въ дворянствѣ, *Лицемера* и *Мизантропа*. Въ сочиненіяхъ же своихъ, онъ былъ *въ фарсѣ* то же, что Реньяръ въ благородной комедіи—въ отношеніи къ Мольеру.—Разговоръ пьесъ его живъ, натураленъ, исполненъ остроты и веселости. Съ такими качествами Данкуръ являлся въ парижскихъ гостиныхъ, гдѣ ловкость и любезность развертали ему все двери, отрывали все сердца. Людвигъ XIV очень любилъ Данкура и часто приглашалъ къ себѣ въ каби-

петь, гдѣ Данкуръ читалъ ему свои комедіи. Однажды, отъ чрезвычайнаго жара въ комнатѣ, сдѣлалась съ нимъ дурнота, и гордый Людовикъ XIV самъ побѣждалъ отворить окно, чтобы привести въ чувство актера. Въ другой разъ, Данкуръ подошелъ къ королю въ то время, какъ онъ выходилъ изъ дворца и просилъ о какомъ-то дѣлѣ, касавшемся до его труппы — Иди по галлерей передъ королемъ, онъ шелъ задомъ и не примѣтилъ за собою лѣстницы, и вѣрно слетѣлъ бы съ нея, еслибъ король не схватилъ его за руку, говоря: — Берегись, Данкуръ! Ты упадешь? «Не можетъ-быть» отвѣчалъ актеръ смѣло: «я всегда имѣлъ *успѣхъ* у вашего величества.» — Надо признаться, человекъ этотъ большой мастеръ просить! — сказалъ Людовикъ, обращаясь къ свитѣ, и въ тотъ же день просьба Данкура была исполнена.

Данкуръ, чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ сдѣлать для себя гробницу и ходилъ смотрѣть ее съ такимъ же спокойствіемъ и заботливостью, какъ бы строилъ себѣ домъ со всеми удобствами для жизни!

Французская труппа поручила Данкуру — внести въ правленіе общественныхъ госпиталей сумму, назначенную для бѣдныхъ. Данкуръ, выполнилъ порученіе обратій, произнесъ рѣчь, обращаясь къ архіепископу парижскому и президенту Гарлею, — бывшимъ главными директорами госпиталей, и въ пей старался доказать, что актеры, въ награду за пособіе, доставляемое ими бѣднымъ, достойны быть наконецъ причислены къ церкви, отъ которой духовенство ихъ отлучило. Но краснорѣчіе Данкура не имѣло успѣха, и Гарлей отвѣчалъ ему: «Г. Данкуръ, мы имѣемъ уши, чтобы слушать ваше *разсужденіе*, руки, чтобы принимать *приношеніе*, — но у насъ нѣтъ языка, чтобы утвердить ваше предложеніе.»

Изунтъ Деларю, браяя однажды вос-

питанника своего за то, что онъ вступилъ на театръ, увѣщевалъ оставить это богопротивное ремесло. «Я не понимаю, отецъ мой, за что вы на меня сердитесь?» отвѣчалъ Данкуръ. — «Я актеръ его величества Короля французскаго, — вы актеръ его святѣйшества Папы римскаго, — следовательно между нашими ремеслами нѣтъ большой разницы!»

10.

СТЕКОГРАФИЧЕСКАЯ МАШИНА.

Между множествомъ полезныхъ изобрѣтеній, которыми паше время такъ богато, недоставало только машины, посредствомъ которой музыкальные ноты тотчасъ бы отпечатывались на бумагу. Наконецъ пѣкто Дель-Оро придумалъ чрезвычайно замысловатую стекографо-музыкальную машину. Машина не велика и не многословна. Она устроена такъ, что посредствомъ самой простой придѣлки, можетъ-быть приставляема къ фортепьяно и къ церковному органу. Весь механизмъ состоитъ въ томъ, что каждой клавишѣ соответствуетъ въ машинѣ приличная нота, которая тотчасъ же оттискивается на нотный листъ, когда ноту берутъ на фортепьяно или органѣ. Вся лигатуры, связки, знаки и ключи измѣняются въ машинѣ такъ быстро, какъ и подъ перстами играющаго. Следовательно, теперь каждый импровизаторъ, можетъ смѣло быть увѣренъ, что его мгновенныя вдохновенія не погибнутъ для потомства и что каждая фантазія въ самую минуту своего рожденія уже облечется въ вещественную форму. Машина Дель-Оро надѣлала теперь въ Англіи много шума. Такая машина въ отношеніи къ музыкѣ то же, что галванопластика въ отношеніи къ скульптурѣ.

11.

ФИЗИОНОМІЯ ИСПАНСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Испанскіе театры вообще не имѣютъ фасада; они отличаются отъ прочихъ домовъ двумя или тремя запачканными фонарями, которые прибиты около дверей. Атмосфера въ корридорахъ театровъ не слишкомъ бальзическая: въ нихъ торгуютъ лукомъ, чеснокомъ, а потайные кабинеты, куда сбрасываютъ и выливаютъ всякую нечистоту, не имѣютъ порядочныхъ стоковъ и отдушницъ. Заткнувши герметически поздари, вы едва не задохнувшись, достигаете до ложи или партера. Но тутъ встрѣчаетъ васъ новая бѣда: табачный дымъ, который застилаетъ туманомъ всю залу и выѣдаетъ вамъ глаза. Въ антрактъ каждый Испанецъ закуриваетъ свою сигару. Все это вмѣстѣ дастъ вамъ, вѣроятно, не слишкомъ *благонное* понятіе объ испанскихъ театрахъ. Но внутренность театра гораздо приличнѣе, чѣмъ наружность ея рекомендуетъ. Ложи помѣстительны и очень хорошо устроены; мѣста въ партерѣ нумерованы, занавѣсъ, хотя и простенькой, но свѣжій и опрятный. Декораціи не роскошны, но чисты и сдѣланы со тщаніемъ. Первые ряды скамьекъ, обитыхъ подушками и размежеванныхъ поручнями, соответствуютъ *кресламъ* въ театрахъ и здѣсь называются *asientos de luneta* (мѣста для *лорнетки* публики). При входѣ у васъ никто не спрашиваетъ билета, за то передъ окончаніемъ спектакля театральные мальчики обходятъ всѣ ряды мѣстъ и обираютъ билеты. Но злоупотребленіе невозможно, потому, что при самомъ входѣ въ строеніе театра, вы должны показать швейцару контрмарку, которую вамъ даютъ вмѣстѣ съ билетомъ и которая свидѣтельствуетъ, что у васъ есть какое-нибудь мѣсто въ театрѣ. Публика состоитъ по большей части изъ воен-

ныхъ. Въ амфитеатрѣ, за креслами, зрители стоятъ въ продолженіе цѣлаго спектакля.

Освѣщеніе залы самое печальное. Лампы сдѣланы дурно, масло скверное — вѣчный дымъ и чадъ. Оркестръ обыкновенно состоитъ изъ двѣнадцати человекъ, которые преусердно грубятъ въ духовые инструменты изо всей мочи: струнныхъ инструментовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ рѣдкомъ театрѣ найдешь двѣ скрипки, альты и баса ужъ и не спрашивайте. Вообще, музыка испанскихъ театровъ очень напоминаетъ наши балаганные оркестры о святой и масляницѣ. Та же дисгармонія, тѣ же дикіе звуки и такіе же пошлые, плясовые мотивы, повторяемые безъ умолку цѣлый вечеръ. Наконецъ занавѣсъ поднимается — и каждый спектакль начинается съ народной пляски, какъ въ Англии, каждый оканчивается гимномъ: *God'save the Queen!* Эта черта національной гордости, — общая у Испаніи съ Британіей; вся разница въ томъ, что тамъ она имѣетъ характеръ монархическій, а здѣсь демократическій. Выходятъ двѣ куріозныя фигуры, — вооруженныя кастанетами. Это танцовщикъ и танцовщица. Костюмъ, какъ и оба артиста, прослужилъ ужъ два вѣка: цвѣтъ лентъ и матерія костюма — обратились въ загадки. Танцовщица, которая была въсегда — т. е. очень, очень давно — первою, подновила себѣ лице дурными бѣлилами, но синевы подъ впалыми глазами не покрасились. Два красныя пятна на скулистыхъ лаптахъ, которыми она хотѣла нѣсколько оживить блескъ глазъ, составляютъ съ синевами самый странный контрастъ. Худыми, костлявыми руками потряхиваетъ она кастанетки, которыя щелкаютъ, какъ зубы лихорадочнаго или шарпиры скелета на проволокахъ. По временамъ, съ отчаяннымъ усиліемъ, удается ей приподнять нѣсколько туго-наващенную ногу, дряпнуть ея, какъ лягушка подъ Воль-

товымъ столбцемъ и въ то же время терзается въ ереміанской пляскѣ мипальцемъ подребежать на какомъ- нутъ десять или пятнадцать; потомъ то старомъ ситѣ съ побрякушками, занавѣсь опускаютъ и пытка стариковъ изображающемъ тамбурниъ. Мужчинна и публики кончена.

съ своей стороны бьется печально въ И вотъ вамъ болеро, роскошный; уголкъ сены: онъ приподнимается и поэтический болеро, объ которомъ мы опять упадаетъ, какъ летучая мышь, столько мечтаемъ! И вотъ вамъ упонрастопыря объ руки. Фигура и физиотельная качуча, тающая отъ вѣги и номія его похожи на могильщика, которогня! Извольте узнать ихъ на родипуры самъ себѣ роетъ могилу. Его попугайный носъ, обезьяньи брови, лобъ, Извольте увлекаться колоритомъ мѣстсморщенный, какъ батфортъ, придаютъности! Хорошъ колоритъ, не правдаему видъ фантастической каррикатуры. ли? — Нѣтъ! Настоящіе испанскіе таиВо все продолженіе танца печальная цы, роскошные поэмы любви—въ жепара ни разу не обратитъ другъ па стахъ и взглядахъ, существуютъ тольдруга взоровъ, какъ будто боясь испуко на французской и на нашей сценѣ, гаться взаимнаго безобразія и своей такъ-же, какъ узорчатая раковины надрялости. Въ особенности мужнина — ходятся только въ музеяхъ естественотскакиваетъ и убѣгаетъ отъ своей поной исторіи, а не на берегу моря. О, други, какъ паукъ; видно даже, какъ Маріа Тальони! Здѣсь только вполне трепещутъ его мускулы и фибры подъ можно убѣдиться, что ты изобрѣла желтой пергаментной кожей, всякій упонительный бредъ пантомимы, — имеразъ, когда фигура танца требуетъ отъ нуемый: *каучуча.*] него сближенія съ нею. Вѣтхая чета

КЛЕВЕТА,

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІЯ СКРИВА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. С. Федорова.

Смѣль!... будемъ продолжать свой
путь!... Меня не останавливать *гадины*...
пусть онъ *шиплетъ*, пусть *кусаютъ*!...

Клевета, дѣйст. II, явл. 1.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ремонъ, первый министр.

Люцияль де Вильфранъ, его другъ и членъ Палаты Депутатовъ.

Цецилія де Мори, воспитанница Ремона.

Эрминія де Гиберъ, сестра Ремона.

Г. де Гиберъ, бавкиръ и мужъ Эрминіи.

Маркиза де Сачене, двоюродная сестра Цециліи.

Виконтъ де Септъ-Андре, чиновникъ иностранныхъ дѣлъ.

Кокье, діепскій житель.

Белло, служитель при заведеніи приморскихъ купалень.

Г. де Спври,

Пюпоръ,

Гримо,

Дидье,

лица, пріѣхавшія на воды.

Множество другихъ такихъ же лицъ, дамъ и мужчинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Діеппль, въ заведеніи приморскихъ купалень.

КЛЕВЕТА,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет сборный залъ въ заведеніи купаленъ. Въ глубинѣ театра дверь и окно, чрезъ которыя видны садъ и море. Направо и налево по двѣ двери, ведущія въ другія комваты. Въ глубинѣ фортепьяно и ломберные столы. Налево, впереди сцены, круглый столъ съ брошюрами и журналами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пюпоръ, Гримо, Дидье, нѣсколько лицъ, пользующихся ваннами, и Кокше сидятъ налево, около круглаго стола и читаютъ журналы. Въ среднюю дверь входятъ Эрминія и Цецилія; потомъ, за ними, Белло, г-жа Савене и Люціанъ; послѣдній подъ руку съ г-жею Савене.

люціанъ, (относясь къ Белло).

Скоро ли будутъ приготовлены комваты для нашихъ дамъ?

Белло.

Сию минуту!.. У насъ, на діеппскихъ водахъ, никогда еще не бывало столько публики, какъ въ нынѣшнемъ году. Изволили ли вы записать ваши имена въ книгу?

Эрминія.

Ахъ, Боже мой, нѣтъ...

Белло, (предлагая книгу).

Не угодно ли? Ужъ у насъ такъ заведено.

(Гри дамы и Люціанъ записываютъ свои имена.)

Кокше.

Вотъ и еще гости пожаловали сюда. (Читая вслухъ журналъ). «Благодаря благоразумію министерства и дѣятельности нашихъ министровъ, торговля и промышленность возраждаются повсюду...» Это удивительно... газета мол сегодня восхваляетъ министерство, стало-быть въ немъ сдѣланы большія улучшенія? Это меня радуетъ. (Смотря на заглавіе журнала) О, да я ошибся, это не мой журналъ... Человѣкъ, подай мнѣ департаментскій журналъ.

Белло, (подавая ему журналъ).

Вотъ онъ, извольте... я его читалъ...

Кокше, (читаетъ).

«Слабость и неблагоразуміе министерства»—Слава Богу! — «разслабили всѣ источники промышленности...» Вотъ теперь я въ своей тарелкѣ... это мой журналъ, тутъ ужъ я напередъ знаю, что мнѣ придется читать... «По песча-

стію, главное лицо въ этомъ дѣлѣ, г. Ремонъ, неизвѣстно почему, сдѣлавшійся изъ простыхъ адвокатовъ министромъ...»

люціанъ, (скоро).

Неизвѣстно почему?

(Эрминія знакомъ заставляетъ его молчать).

кокне, (продолжала чтение).

«Рискуетъ погубить все...» Немудрено и неудивительно, послѣ этого, что объ немъ идетъ такая молва.

пюпоръ.

Злой человѣкъ!

гримо.

Вредный гражданинъ!

пюпоръ.

Вредный министръ!

андѣ.

Дурной сынъ!

кокне.

Вотъ ужъ этого я ему никакъ не прощу; говорятъ, онъ выгналъ изъ своего дома отца... Согласитесь, это жестоко!

люціанъ, (выходя на середину театра).

Какъ, Ремонъ?.. вы знаете его, милостивый государь?

кокне.

Очень хорошо знаю, по моему журналу; но въ лицо никогда не видалъ... и гдѣ жъ мнѣ его видѣть; онъ — первый министръ, а я ничто иное, какъ г. Кокне, діеппскій гражданинъ. Притомъ, я отроду нигуда еще не выезжалъ изъ своего города... все жду желѣзной дороги въ Парижъ.

белло.

И долго еще прождете, по милости нынѣшняго министра. Говорятъ, онъ взялъ большія деньги съ почтарей, которыхъ очень подорвали паровозы.

(Уходитъ).

люціанъ.

Какой вздоръ!

эринія, (удерживала его).

Перестаньте! Что вамъ вмѣшиваться, заводить ссору.

кокне, (обращаясь къ сидящимъ съ нимъ за столомъ лицамъ).

Но кого еще болѣе должно винить, такъ это его семейство, его сестру.

эринія, (вставал).

Что?

люціанъ, (въ свою очередь удерживала ее).

Вы хотите обличить себя?

кокне.

Говорятъ, что эта честолюбивая женщина большая интересантка...

пюпоръ.

Не онъ, а она управляетъ министерствомъ, раздастъ мѣста...

эринія, (которую все еще удерживаетъ Люціанъ).

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

(Люціанъ заставляетъ ее сѣсть и остается подлѣ нея).

пюпоръ.

Примѣръ — ея мужъ, банкиръ, дуракъ, пустой человѣкъ, ничтожное существо, которому предоставлена, знаете, эта важная финансовая операція...

кокне.

Не уже ли? Вотъ справедливость! А я сколько уже времени добиваюсь мѣста сборщика податей, да и того не могу получить...

гримо.

Чудесное порученіе!

андѣ.

Да, оно пахнетъ милліономъ прибыли.

кокне.

И какъ же не стыдно поручить своему родственнику.

пюпоръ.

Вотъ, какъ они управляются!

кокне.

Ужъ просто безъ стыда!

ГРИМО.

Да, не такъ-то ловко.

ДИДЛЕ.

Ну, нѣтъ. Говорятъ, этотъ бан-
биръ дѣлится съ своимъ братцемъ.

КОКНЕ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ПЮПОГЪ.

Очень можетъ быть.

ГРИМО.

Весьма вѣроятно.

БЕЛЛО.

Истинная правда!

ВСЯ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія!

ЦЕЦІЛІЯ, (удерживаясь до сего
времени, обращается къ
Эрминіи и г-жѣ Савене).

И вы хладнокровно можете слушать
такія клеветы?

Г-ЖА САВЕНЕ, (тихо).

Что вы дѣлаете, Цецилія! Вы, его
воспитанница...

ЭРМИНІЯ, (тихо).

Его дочь.

ЦЕЦІЛІЯ, (вставая).

Поэтому я и должна его защитить.
(*Вся встаютъ*). Мнѣ, молодой дѣ-
вушкѣ, неприлично судить о досто-
инствахъ государственнаго человѣка;
но я знаю и могу сказать всякому, что
благодѣтель мой честный человѣкъ;
знаю, что въ рукахъ его была участь
сироты: онъ устроилъ ее ничтожное
состояніе, сдѣлалъ изъ него богат-
ство,—а самъ не имѣетъ ничего! Го-
спода, этотъ жадный, этотъ корысто-
любивый человѣкъ обременилъ себя дол-
гами для того, чтобъ дать приданое
своей сестрѣ.

ЭРМИНІЯ.

Цецилія, тише, тише!

ЦЕЦІЛІЯ.

Для чего жъ его такъ гласно об-
скажутъ?

ЭРМИНІЯ, (въ сторону).

Какъ-будто говорятся такія вещи.

КОКНЕ.

Извините, сударыня, извините. Мы,
право, не знали! Еслибъ мнѣ все это
было известно, я былъ бы осторож-
нѣе! Я очень вѣрю всему, что вы из-
волили сказать. У меня ужъ такая
привычка: что другіе скажутъ, то и
я говорю; но, ей Богу, безъ всякаго
намѣренія.

ЭРМИНІЯ.

Какъ эхо.

КОКНЕ.

Именно. Я никогда ничего самъ не
выдумываю.

БЕЛЛО, (входит).

Пароходъ идетъ!

(*Вся встаютъ, берутъ шляпы и уходятъ*).

КОКНЕ.

Брейтонскій пароходъ! Побѣгу ско-
рѣе къ пристани. Намъ, діеппскимъ
гражданамъ, по утрамъ нечѣмъ больше
заниматься. Мое почтеніе, милостивыя
сударыни.

(*Кланяется и уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Люціяль, Цецилія, г-жа Савене и Эрминія.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Какъ вы неосторожны, Цецилія! При-
вязались къ слову и выставили себя
на показъ предъ незнакомыми людьми,
предъ какими-то мѣщанами!

ЦЕЦІЛІЯ.

Я виновата, сестрица, потому что
вы не одобряете моего поступка. Ка-
жется, и г. Люціяль согласенъ съ ва-
ми; такъ должна я думать по его мол-
чанію.

ЛЮЦІЯЛЬ.

О, нѣтъ! Мнѣ понятно ваше него-
дованіе и могу ли я не раздѣлять его,
когда такъ несправедливо оскорбляютъ
моего школьнаго товарища, моего истин-

наго друга, которому обязанъ я счастьемъ, который устроилъ мой бракъ. Но если я молчалъ предъ этими людьми, то имѣлъ на это причины. Ремонтъ, какъ министръ, не можетъ быть въ отлучкѣ изъ Парижа болѣе двадцати четырехъ часовъ. Желая однакожъ быть на нашей свадьбѣ, онъ рѣшился прѣхать сюда инкогнито, и сколько по этому, столько и по нездоровью маркизы, свадьба наша должна совершиться безъ всякаго шума и огласки. Здѣсь, въ маленькомъ городишкѣ, совершенные пустыяки рождаютъ любопытство, и потому я боюсь, что теперешняя сцена...

Эрминия.

О, вы боитесь всего! Малѣйшій шумъ васъ пугаетъ, одно слово останавливаетъ васъ: вы руководствуетесь мнѣніемъ публики, и прежде, чѣмъ рѣшитесь на что нибудь, прежде чѣмъ сдѣлаете шагъ, или поклонитесь кому, вы сперва посмотрите кругомъ, подумаете: что-то будутъ говорить?

Люция.

Согласенъ, и, — сознаюсь открыто — я уважаю мнѣніе свѣта, считаю это необходимою. Мы ихъ должны бояться.

Цецилія.

Да, мнѣній честнаго человѣка.

Эрминия.

Кого бы ни было, для него все равно! Удивляюсь вамъ! вы другъ и товарищъ брата, въ глубинѣ сердца вы думаете, какъ онъ, по наклонности, вы человѣкъ министріальный, но боязнь чужихъ мнѣній препятствуетъ вамъ быть имъ открыто. Въ палатѣ подаете вы голосъ противъ насъ, страшась журналовъ и эпиграммъ, которые часто лишаютъ васъ сна! Скажу болѣе: даже здѣсь, влюбясь, сколько возможно депутату, вы цѣлый годъ боролись съ любовью, — и отъ чего? отъ того, что Цецилія де Морна двоюродная сестра маркизы де Савене, да-

мы благородной по происхожденію, и легитимистики. Вы непрерывно думали: что скажетъ свѣтъ? что скажетъ мой журналъ? что скажутъ члены оппозиціонной стороны? Наконецъ, чтобъ быть счастливымъ, чтобъ жениться на той, которую вы любите, вамъ должно было спросить позволенія.

Люция, (съ гордостью).

У кого, позвольте узнать?

Эрминия.

У польской революціи, которая согласилась на это, или по крайней мѣрѣ зажмурила глаза, съ условіемъ, чтобъ вы больше нападали на ея опекуна, на министра...

Люция.

Вспомните мои совѣты, братскіе совѣты; еслибъ онъ чаще имъ слѣдовалъ, еслибъ онъ менѣе пренебрегалъ мнѣніемъ публики, тогда бы онъ не подвергался такъ часто оскорбленіямъ и клеветѣ.

Эрминия.

Въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла.

Г-жа Савене, (важно).

А можетъ-быть и есть!

Цецилія.

Какъ, сестрица, вы можете думать...

Эрминия, (въ сторону).

Терпѣть не могу этихъ маркизовъ.

Г-жа Савене.

Позвольте, не должно такъ легко судить объ общественномъ мнѣніи. Я не беру на себя труда входить въ подробное разсмотрѣніе этого предмета; мы очень мало занимаемся теперешними дѣлами; въ замкѣ моемъ, въ Нормандіи, гдѣ я провожу половину года, мы никогда не споримъ.

Эрминия.

Что жъ вы дѣлаете?

Г-жа Савене.

Питаемся надеждами! Есть простая поговорка: нѣтъ мольвы безъ основанія. Я этому, признаюсь, вѣрю... во всемъ, что говорится въ свѣтѣ, ко-

печно, много вздора, но всегда есть частица правды.

Цеццлія.

Какъ, сестрица, вы не вѣрите, чтобы клевета?..

г-жа Савене.

Нѣтъ, мой другъ, клеветы въ свѣтъ не существуетъ. Есть злословіе, но и оно безъ причины не осмѣлится возвысить голоса. У насъ, въ высшемъ кругу, не выдумываютъ, а только разсказываютъ.

Эрминія, (безъ выправія).

Въ немъ есть и такіе люди, о которыхъ очень много говорятъ.

г-жа Савене, (важно).

Вы знаете такихъ людей?

Эрминія, (смотря на нее).

Очень близко.

г-жа Савене.

И, вѣрно, въ своемъ семействѣ? Короче сказать, ваше вліяніе на брата и операція, предоставленная вашему мужу, весьма достаточны для обвиненія министра.

Эрминія, (иронически).

Не уже ли?

Люціянь, (скоро).

Я въ этомъ увѣренъ! Я ему говорилъ самъ; но, не смотря на мои просьбы, онъ уступилъ вашимъ домогательствамъ.

Эрминія.

А! такъ это вы препятствовали намъ?

Люціянь.

Развѣ я дѣйствовалъ несправедливо? Вы теперь сами видите слѣдствіе его снисхожденія... оно возбудило оскорбительную для него молву, жалобы вашихъ непріятелей.

Эрминія.

Я и не ожидала никогда, чтобы это имъ было пріятно. Напротивъ! Не смотря на это, я твердо надѣюсь, что мой мужъ не останется на теперешнемъ мѣстѣ — онъ пойдетъ гораздо выше!

Люціянь, (съ жаромъ).

Какъ! вы падѣтесь еще большаго... А отечество, а народъ, а свѣтъ?.. тогда еще не такъ заговорятъ!

Эрминія,

Да! это ваша фраза; я ее ожидала.

Люціянь.

Что же вы на это скажете?

Эрминія, (вессло).

Я надѣюсь на вашу свадьбу; она отвлечетъ отъ насъ молву; свѣтъ тогда займется вами. Людямъ въ свою очередь будетъ о чемъ поговорить, особенно, когда они увидятъ съ одной стороны столько усердія и горячности (показывая на Цеццлію), а съ другой столько тишины и скрытности; когда найдутъ и въ вашей домашней жизни то же противорѣчіе, которое вы такъ любите въ палатѣ... (Увидя входящую горничную). Извините. (Къ дамамъ). Извините; кажется комнаты наши готовы. Я иду заняться туалетомъ, мнѣ надо принять брата и мужа.

(Откланивается и уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Цеццлія, г-жа Савене и Люціянь.

г-жа Савене, (Цеццлія съ досадою).

Я еще снисходительна къ самимъ министрамъ; но что касается до ихъ женъ и сестеръ, терпѣть ихъ не могу. Эта женщина просто меня бѣситъ! Вотъ чистая пародія на знатную даму; она не имѣетъ никакого повода быть дерзкою, а между-тѣмъ такъ дерзка...

Цеццлія, (улыбаясь).

Какъ графиня какая нибудь!

г-жа Савене, (съ сердцемъ).

Я ее презираю! Она никогда не достигнетъ той дерзости хорошаго тона,

которая приходитъ къ намъ съ рожденія и которую никогда не въ состояніи приобрести такія выскочки. Поѣдемте, Цецилія?

люціанъ, (Цециліи).

Позвольте, одно слово, слово любви. Вы можете его позволить вашему жениху при родственницѣ. (Цецилія и Маркиза возвращаются.) Я васъ увидѣлъ нынѣшней зимой въ Парижѣ и сказалъ себѣ: «Или я никогда не женюсь, или она будетъ моей женою...» Ремонъ, мой товарищъ и другъ, предъ которымъ я не скрывалъ ни надеждъ своихъ, ни опасеній, помогъ мнѣ преодолѣть всѣ препятствія. Какъ опекунъ вашъ, онъ могъ только опредѣлить ваше состояніе; рука ваша зависѣла отъ самихъ васъ и отъ вашей почтенной родственницы, маркизы де Савене. По положенію своему въ свѣтъ, по своему рожденію, она могла отвергнуть предложеніе челоуѣка новаго въ высшемъ кругу. Но я былъ такъ счастливъ, что получилъ ея согласіе, еще болѣе: чрезъ ся посредство приобрѣлъ я и ваше слово. Да, я не обманываюсь, этимъ словомъ обязанъ я болѣе вліянію на васъ маркизы, чѣмъ собственнымъ своимъ достоинствамъ. Въ первыя минуты радости, увлеченный самолюбіемъ, я думалъ только о собственномъ счастіи; я не думалъ о вашемъ; но сегодня, въ первый разъ, я начинаю опасаться не одно ли повиновеніе...

цецилія, (улыбался).

Я понимаю: слова г-жи Гиберъ произвели свое дѣйствіе.

люціанъ, (скоро).

О, совсѣмъ пѣть. (Съ замѣшательствомъ). Но она замѣтила вашу холодность, вашу скрытность; вы слышали сами сейчасъ отъ маркизы, что въ мнѣніяхъ свѣта есть всегда нѣкоторая истина; отвѣчайте же мнѣ, Цецилія, откройте мнѣ ваше сердце. — И если ваше согласіе стоитъ вамъ слезы

или печали, если вы не любите меня такъ, какъ я люблю васъ...

цецилія, (важно).

Позвольте, вы не напрасно обратились къ моей откровенности.

г-жа Савене.

Цецилія... что вы хотите сказать?

цецилія.

Все, что я думаю. (Послѣ минутнаго молчанія, обращаясь къ Люціану). Оставшись съ малолѣтства сиротою, я едва знала моего отца. Хотя онъ принадлежалъ къ благородной и древней фамиліи, но забылъ гордость для отечества: онъ вступилъ въ службу къ императору — и былъ убитъ.

г-жа Савене, (съ презрѣніемъ).

Какъ простодушнѣе, какъ солдатъ.

цецилія.

Онъ былъ генералъ и истинный другъ...

г-жа Савене, (такъ же).

Жищника...

цецилія.

И до конца дней остался ему вѣрнымъ, не заботясь о своемъ состояніи... Изгнанный послѣ ватерлооскаго дѣла и окончивъ дни въ ссылкѣ, онъ, по духовной, оставилъ мнѣ маленькое состояніе и поручилъ его въ управленіе молодому челоуѣку, бѣдному и неизвѣстному адвокату, котораго онъ воспиталъ, и который, еще въ императорскомъ лицѣ, получалъ отъ него помощь. Этотъ молодой челоуѣкъ былъ Ремонъ, вашъ другъ, вашъ школьный товарищъ.

люціанъ, (съ жаромъ):

Я знаю, что онъ для васъ сдѣлалъ; ему одному вы обязаны возстановленіемъ вашихъ правъ.

цецилія.

Этотъ процессъ былъ его торжествомъ.

люціанъ.

Онъ былъ началомъ его извѣстности.

цецилія.

Черезъ его стараніе, ничтожное наследство сироты сдѣлалось блистательнымъ богатствомъ. Г-жа де Савене, моя родственница, согласилась тогда взять меня изъ пансіона, куда я отдана была опекуномъ, и увезла меня сюда, въ Нормандію, въ свой замокъ. Въ немъ проводили мы большую часть года; остальное время жили въ Парижѣ. Едва я вошла въ лѣта первой юности, меня уже окружала толпа молодыхъ людей, любезныхъ и блестящихъ... они считались моими обожателями, оказывали всевозможное вниманіе — мнѣ или моему богатству, право, не знаю; могу только сказать, что, имѣя полную свободу въ выборѣ, я вѣрно бы воспользовалась ею, еслибъ нашла изъ нихъ кого-нибудь достойнымъ предпочтенія; но я ко всемъ была равнодушна. Одинъ только... однимъ только изъ нихъ занято было нѣкоторое время, не знаю, сердце ли мое, или воображеніе, — я не могла отдать отчета въ своихъ чувствахъ; я думала, что люблю его; можетъ-быть, я его и любила.

люціанъ, (скоро).

А опъ?

цецилія.

Опъ ничего не подозрѣвалъ, опъ и не думалъ обо мнѣ! Впрочемъ, опъ имѣлъ причины; все разлучало насъ; я не могла ему принадлежать, — словомъ, эта мечта не существуетъ болѣе. Наконецъ, я узнала васъ; вы стали просить моей руки. Опекуиъ сказалъ мнѣ: «Люціанъ де Вильфранъ, другъ моего дѣтства, просить твоей руки; опъ мой политическій соперникъ, но человекъ достойный, исполненный чести; опъ истинно тебя любитъ и составитъ твое счастье, — въ этомъ я увѣренъ.» Тогда я отвѣчала: другъ мой, располагайте моей рукою! Вотъ, какъ я узнала васъ и вотъ, какимъ образомъ сдѣлалась я вашею невѣстой. Я на-

всегда останусь вѣрною моимъ клятвамъ и обязанностямъ, всегда буду вести себя какъ должно честной женщины, буду предана вамъ, какъ другъ, буду достойна васъ и уваженія вашего, — я это чувствую и обещаю вамъ! Болѣе ничего я сказать вамъ не могу! Пламенныхъ и страстныхъ чувствъ нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Они еще не могутъ въ немъ существовать; но безъ сомнѣнія придутъ скоро, и тогда я вамъ скажу истину. Ей останусь я вѣрна до конца моей жизни. Теперь вы знаете все, но вѣрите ли вы мнѣ?

люціанъ.

О, болѣе, чѣмъ себя! Я былъ безумецъ. Я смѣлъ думать о томъ, чѣмъ я не могу еще обладать, чего долженъ я ожидать отъ времени и отъ моихъ попеченій! Начинаю съ полной, неограниченной довѣренности: что бы теперь ни случилось, что бы ни говорили...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Белло, Виконтъ де Септъ-Андре, г-жа Савене, Цецилія, Люціанъ.

виконтъ, (обращаясь къ Белло).

Какъ, для меня, для прежняго твоего господина, нѣтъ комнаты! Воли твоя, ты долженъ мнѣ отыскать комнату, и притомъ самую лучшую. Если кто рѣшается быть больнымъ, такъ при этомъ необходимо удовольствіе, безъ малѣйшихъ непріятностей. А! здѣсь дамы. (Кланяясь.) Я не ожидалъ такой счастливой встрѣчи.

люціанъ, (Цецилія, которая отъвѣчаетъ на поклонъ).

Что это за молодой человекъ? Опъ кланяется вамъ, какъ знакомый.

цецилія.

Право, не знаю. Можетъ-быть, опъ меня гдѣ-нибудь видалъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

И я его не знаю; вѣрно онъ ошибся.
(Уходитъ съ Цецилей и Люціяноу въ одну изъ дверей направо).

=

ЯВЛЕНИЕ V.

БЕЛЛО, ВИКОПТЬ ДЕ СЕНТЬ-АНДРЕ.

ВИКОПТЬ, (провожа я глазами Цецилю).

Прехорошенькая особа! Я долженъ ее непременно знать и очень хорошо. Гдѣ я ее видѣлъ? можетъ-быть въ Оперѣ. Не знаешь ли ты этихъ дамъ? Съ кѣмъ онъ сюда прѣѣхали?

БЕЛЛО, (наивно).

Нѣтъ-съ, не знаю; я не успѣлъ еще поговорить съ ихъ горничными; да вотъ-съ, онъ записали свои имена въ книгу.

ВИКОПТЬ.

Посмотримъ. (*Читая*). Маркиза де Савене и дѣвица Цециля де Морна. Я ихъ не знаю, однакожъ. (*Скоро*). Боже мой! точно, это она! Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ я встрѣтился съ нею...

БЕЛЛО.

Стало-быть вы ее изволили знать.

ВИКОПТЬ, (разсѣяно).

Очень хорошо, то есть такъ, по виду, по воспоминанію, горькое воспоминаніе, о которомъ было я уже забылъ и вотъ опять здѣсь, въ первую минуту моего прѣзда, тогда, какъ по предписанію медицины запрещено мнѣ сердиться, когда вредна для меня всякая непріятность, малѣйшее противорѣчіе. Что же дѣлать, это не моя вина! Прочь, горестныя мысли! (*Поетъ*). Тра, ла, ла, ла, ла. Скажи, пожалуйста, весело ли у васъ въ Діеспѣ?

БЕЛЛО.

Да-съ; конечно, не такъ, какъ въ Парижѣ, когда я служилъ у васъ!

ВИКОПТЬ.

Танцуютъ ли здѣсь? Даютъ ли концерты? Бываютъ ли спектакли?

БЕЛЛО.

Да-съ, у насъ всякій день въ залѣ занимаются музыкой. Есть и аматеры, которые всю недѣлю разыгрываютъ водевили, а по воскресеньямъ трагедіи.

ВИКОПТЬ.

Такъ у васъ тѣма удовольствій. Здѣсь совершенный Парижъ, — а мнѣ еще приказано выѣхать изъ него, для спокойствія и для діеты.

БЕЛЛО.

Вамъ, сударь?

ВИКОПТЬ.

Нѣтъ возможности тамъ жить! Я взялъ отставку! Друзья, женщины, кредиторы! Они забавны, конечно, въ книгахъ и комедіяхъ; я предполагалъ, что и на дѣлѣ такъ, однакожъ жестоко ошибся. Они ужасны, такъ взыскательны, — особенно кредиторы: непременно изволь платить, если имъ долженъ.

БЕЛЛО.

Не смотря на обстоятельства.

ВИКОПТЬ.

Именно. Они сдѣлались какими-то негодяями. Все перевернулось: порядочные люди не дѣлаютъ долговъ—это нынче въ модѣ. Смѣхъ да и только... досадно видѣть!

БЕЛЛО.

А вы много должны?

ВИКОПТЬ, (смѣясь).

Не знаю; я не записывалъ, какъ изволятъ дѣлать это многіе, и еслибъ еще занималъ меня свѣтъ! Напротивъ, ничего нѣтъ скучнѣе его удовольствій; я это испыталъ въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ. Въмѣсто того, чтобъ быть въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда опредѣлили меня для, всякій день то въ Булоньскомъ лѣсу, то въ Жюкейскомъ клубѣ, то въ оперѣ. Утромъ исправляешь должность почталіона, а вечеромъ ремесло глупца.

Удивляйся дамамъ, обожай ихъ, дерись за нихъ... да, чортъ возьми! со мной былъ недавно случай: я долженъ былъ драться съ однимъ честнымъ, славнымъ малымъ, за то, что онъ свисталъ въ театрѣ, между-тѣмъ, какъ онъ былъ правъ. Моя метресса была нестерпима въ этотъ вечеръ. Накопецъ... (*Вздыхнувъ съ удовольствіемъ*). Слава Богу, она мнѣ измѣнила!

БЕЛЛО.

И это васъ не опечалило?

ВИКОНТЪ.

Нисколько! Я избавился отъ обязанности кричать «*brava!*» и снова приобрьлъ мою независимость. Теперь я свободенъ и—разоренъ!

БЕЛЛО.

Не уже ли?

ВИКОНТЪ, (бросаясь въ кресла пальво, подивъ стола, и перемелывая книгу протъжихъ).

Зато я имѣлъ случай научиться и поумнѣть! Теперь я хочу перемѣнить образъ жизни; по крайней мѣрѣ это будетъ ново. (*Разсматривалъ книгу*). А! г-жа де Гиберъ, она здѣсь, — жена банкира и сестра министра. Вотъ женщина, которую я люблю: любезна, остроумна, весела, хороша. Въ ней все вмѣстѣ: и кокетство, и зависть, и тщеславіе, и честолюбіе, и прелесть—въ полной мѣрѣ женщина. Еслибъ еще могла любить,—но ей некогда!

БЕЛЛО.

Вы ее знаете?

ВИКОНТЪ, (скоро).

Нѣтъ, не знаю; умна, совершенство добродѣтели! Я знаю ея мужа — преносный человекъ, дуракъ, хвастунъ, и нестерпимѣйшій болтуна изъ всѣхъ болтуновъ: вѣчно смѣется; а ничего нѣтъ скучнѣе, какъ веселый дуракъ. Онъ также бываетъ въ Жюкейскомъ клубѣ; на той недѣлѣ выигралъ онъ у меня послѣдній билетъ въ тысячу франковъ. Но я вижу, его нѣтъ здѣсь съ женою.

Слава Богу, по крайней мѣрѣ я не услышу его голоса. (*Слышенъ смѣхъ за кулисами*). Что это? Его смѣхъ! что за несчастіе! Оно меня преслѣдуетъ даже въ Діеппъ. (*Къ Белло*). Скорѣе комшату и вапцу; мнѣ ничего болѣе не остается, какъ броситься въ море!

(Белло уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI:

ВИКОНТЪ сидитъ въ креслахъ, спиною къ Гиберу и все держитъ въ рукахъ книгу приѣзжихъ; Гиберъ входитъ въ среднюю дверь съ Кокне.

ГИБЕРЪ.

Такъ это ты, Кокне! Я только что изъ кареты, а ты мнѣ прямо въ глаза; вотъ какъ люди сходятся! Можно ли было вообразить, чтобъ діепскій берегъ соединилъ Пиллада съ Орестомъ!

КОКНЕ.

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ мы не видались!

ГИБЕРЪ.

Въ послѣдній разъ мы видѣлись у Дюрана, нашего начальника, гдѣ еще я для упражненій занимался сочищеніемъ романсовъ; а г-жа Дюранъ... помнишь ли ты г-жу Дюранъ? А Дидье, прокурорскій писарь? Но лучше замолчать: ты, пожалуй, подумаешь, что я съ тѣхъ поръ перемѣнился, что у меня дурной языкъ, колкій, какъ у Ювенеала. Вотъ ты, дѣло другое, ты всегда былъ добрымъ малымъ: чистосердечная физиономія, переведенная съ нѣмецкаго; простодушенъ, добръ, несклопенъ ни къ малѣйшей обидѣ.

КОКНЕ.

Помилуй, такіа похвалы...

ГИБЕРЪ, (продолжая смѣяться).

Что тебѣ не скажи, ты радъ всему вѣрить. Ты ужъ женатъ?

КОКНЕ.

А что?

ГИБЕРЬ.

Такъ спрашиваю: женатъ ли ты? Вѣдь надо же чѣмъ-нибудь заниматься.

КОКНЕ.

Ну, я не скажу, чтобъ женитьба была занимательна. Г-жа Кокне изволила наградить меня четырьмя дѣтьми.

ГИБЕРЬ, (смѣясь).

И вѣрно всѣ четверо какъ двѣ капли воды на тебя похожи?

КОКНЕ.

Богъ знаетъ! Одни говорятъ, похожи на меня, другіе—не похожи; а теперь я жду и пятого. Хоть я имѣю кой-какое состояніе, и благодаря Бога, заслужилъ уваженіе въ нашемъ департаментѣ, по все-таки, съ пятю душами, небогатый человѣкъ никогда не можетъ быть богатымъ; я только одного желаю,—получить хорошенькое мѣстечко: Я было приготовилъ прошеніе; мнѣ хочется поступить на мѣсто нашего депутата.

ГИБЕРЬ.

А съ нимъ развѣ что-нибудь случилось?

КОКНЕ.

Онъ наименованъ перомъ, и теперь мы должны избрать новаго.

ГИБЕРЬ.

Смѣло можешь надѣяться! Ты будешь депутатомъ; я могу выпросить все, что захочу:—жена моя родная сестра министра.

КОКНЕ, (съ восторгомъ).

Какъ? Не уже ли? Ты, мой другъ Гиберь, ты зять министра?

ГИБЕРЬ.

И какъ видишь, нисколько не возгордился. Положеніе мое прекрасное. Я теперь могу достигнуть до всего и вѣрно достигну. (*Въ полголоса*). Я ужъ кой-чего ожидаю.

КОКНЕ.

Не уже ли?

ГИБЕРЬ, (также).

Признаюсь, самому мнѣ никогда и въ мысль не приходило,—жена этого хочетъ, а если она хочетъ, такъ тутъ дѣлать нечего. Того и гляди, меня сдѣлаютъ министромъ для того только, чтобъ возстановить миръ и согласіе въ семействѣ.

КОКНЕ.

Нѣтъ, я многого не хочу; я былъ бы очень доволенъ, еслибъ меня сдѣлали депскимъ сборщикомъ податей! Мѣсто это вакантно со смерти прежде бывшаго.

ГИБЕРЬ.

Мы посмотримъ.

КОКНЕ.

Оно приноситъ не болѣе пятнадцати тысячъ франковъ; по за то ибѣтъ никакого дѣла; мѣсто почетное и совершенно по характеру моему и по средствамъ; я вѣдь не честолюбивый человѣкъ, не интригантъ, живу мирно, читаю себѣ журналъ, да играю въ вистъ или въ шахматы.

ГИБЕРЬ.

Провинціальная жизнь! золотая посредственность! *Aurea mediocritas*.

КОКНЕ.

Да, мой другъ; быма бы aurea, еслибъ я имѣлъ жалованье, еслибъ имѣлъ это мѣсто. Къ несчастію, у насъ столько соперниковъ.

ГИБЕРЬ.

Безъ нихъ нигдѣ не обойдешься.

КОКНЕ.

Вотъ, напримѣръ, г. Рабурдень, старый служака, онъ имѣетъ и права.

ГИБЕРЬ.

Что жъ за пужда! за то ты имѣешь друзей. Только бы тебѣ поладить съ моей женой. Я тебя ей представлю; это до нея касается, потому что мы, молодые люди, мы фешіонебли Жокейскаго клуба, львы парижскіе, никогда не вмѣшиваемся ни въ дѣла, ни въ политику.

КОКНЕ.

Развѣ ты левъ? Развѣ ты молодъ?

ГИБЕРЬ.

Разумѣется! Я богатъ, а у насъ въ Парижъ кто богатъ, тотъ вѣчно иривится и никогда не старѣетъ. Богатый человекъ пользуется всѣми удовольствіями. Сколько у него интригъ, сколько приключеній! Я тебѣ много кой-чего расскажу: мнѣ извѣстны всѣ парижскія проказы! Я уже не считаю тѣхъ, гдѣ я былъ героемъ.... банкиру нельзя же обойтись безъ интрижекъ. Но вотъ моя жена! Тише!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виконтъ, все еще сидя въ креслахъ, спиною къ прочимъ лицамъ, читаетъ книгу; Гиберъ, Кокне; Эрминия, входитъ въ оди унзъ дверей направо и останавливается на минуту предъ зеркаломъ, которое находится близъ двери.

КОКНЕ.

Ахъ, Боже мой! такъ это твоя жена!

ГИБЕРЬ.

Да, это г-жа Гиберъ!

КОКНЕ.

Сестра министра?

ГИБЕРЬ, (подходя къ женѣ).

Да, я тебя сейчасъ представлю.

ЭРМИНИА.

А! наконецъ и вы здѣсь! и вѣрно не безъ хлопотъ! Вы вѣрно взяли мѣсто на пароходѣ до Гавра, чтобъ поскорѣе пріѣхать.

ГИБЕРЬ.

О, мы летѣли какъ вѣтеръ! Но что жъ прикажешь дѣлать? Триста пятьдесятъ пассажировъ вмѣсто восьмидесяти. Однакожъ всѣ съ дозволенія полиціи. Мы почти каждую минуту доставали дно,—просто можно сказать, что я свершилъ морское путешествіе по землѣ. (Смѣясь). Я рожденъ для приключеній. Вотъ, мой другъ, имѣю честь тебѣ представить.

(Переходитъ сцену, чтобъ взять Кокне; въ это время Эрминия замѣчаетъ виконта и подходитъ къ нему. Виконтъ встаетъ.)

ЭРМИНИА.

Виконтъ де Сенгъ-Андре!..

ГИБЕРЬ, (смѣясь и оставаяя руку Кокне).

Виконтъ... здѣсь въ Діеппъ... какимъ это случаемъ? Вѣрно вы пріѣхали отыгратъся. Хотите взять назадъ свои тысячу франковъ, которые вы мнѣ проиграли въ вистъ? Прекрасно! Очень радъ!

ВИКОНТЪ.

О, нѣтъ, я вовсе не думалъ... вы слишкомъ счастливы, г. Гиберъ, вамъ во всемъ успѣхъ. Признаюсь, я не намѣренъ болѣе испытывать вашего счастья въ картахъ, особенно здѣсь.

ЭРМИНИА.

Знаете, вы прекрасно сдѣлали, что пріѣхали въ Діеппъ. По крайней мѣрѣ мы васъ здѣсь видимъ. Въ Парижѣ вы совсѣмъ пропали,—нигдѣ не встрѣтишь; это дурно!

ГИБЕРЬ.

Да, онъ вѣчно въ Оперѣ, не выходитъ изъ-за кулисъ.

ЭРМИНИА, (мужу).

Гдѣ ужъ, навѣрно, и вы съ нимъ встрѣчались?

ГИБЕРЬ.

О, вовсе нѣтъ! Я знаю это по слухамъ.

ЭРМИНИА, (мужу).

Какъ, это все вамъ извѣстно? (Виконту). Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Діеппъ?

ВИКОНТЪ, (важно).

Для дѣты.

ЭРМИНИА.

Не уже ли?

ВИКОНТЪ, (также).

Могу васъ увѣрить!

ГИБЕРЬ.

Пожалуйста, не скрывайтесь! Какъ будто я его не знаю. Ужъ вѣрно не безъ

видовъ. Опъ всякій годъ разъѣзжаетъ по департаментамъ, сводить съ ума...

ВИКОПЪ.

Кто, я?

ГИБЕРЬ.

Покоряетъ сердца бѣдныхъ провинціалокъ. Помните ли, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, это чудесное происшествіе, когда еще я былъ свидѣтелемъ?

ВИКОПЪ.

Прошу васъ...

ГИБЕРЬ.

Презабавная исторія,—просто, невѣроятная. Изъ нея стоитъ сдѣлать драму въ романтическомъ вкусѣ! Если бъ я рассказалъ...

ВИКОПЪ, (съ сердцемъ).

Г. Гиберъ! вы дали мнѣ слово молчать...

ГИБЕРЬ.

Развѣ я рассказываю? Я ничего не говорю, но, признаюсь, еслибъ я захотѣлъ.

ВИКОПЪ, (такъ же).

Вы опять.

ГИБЕРЬ.

Помилуйте. Я ничего не говорю, я уважаю скромность.—Молчаливъ, какъ рыба.—Я вѣренъ моимъ друзьямъ. Кстати, вѣдь я совсѣмъ забылъ. Гдѣ онъ? (*Обращаясь къ Кокне, который стоитъ въ отдаленіи*). Подойди сюда! Вотъ, мой другъ, одинъ изъ старыхъ моихъ товарищей, представляю тебѣ: — г. Кокне, отецъ семейства, извѣстный человекъ, почетный гражданинъ города Діеппа.

КОКНЕ.

Точно такъ.

ГИБЕРЬ.

Человекъ кроткій, безъ малѣйшаго честолюбія; онъ ищетъ мѣста, здѣсь, въ Діеппѣ, хочетъ служить отечеству, хочетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ...

КОКНЕ.

Точно такъ.

ГИБЕРЬ.

Одно твое слово, мой другъ, твоя

приписка на его просьбѣ... (*Къ Кокне*). Гдѣ твоя просьба?

КОКНЕ, (шаря въ карманѣ).

Здѣсь; я всегда ее ношу съ собою!

ГИБЕРЬ.

Ты, вѣрно, мой другъ, охотно представишь ее своему брату, министру? Не правда ли?

ЭРМИНІА, (холодно).

Нѣтъ!

ГИБЕРЬ.

Какъ, нѣтъ? Почему?

ЭРМИНІА, (также).

Боюсь, чтобъ опять не сказали про меня, будто я перебиваю всѣ мѣста.

ГИБЕРЬ.

Помилуй, что за мысли!

ЭРМИНІА, (также).

И безъ того ужъ слишкомъ завидуютъ вамъ. Если я осмѣлюсь просить еще чего нибудь, тогда, пожалуй, назовутъ меня и честолюбивой женщиной и даже интриганткой.

ГИБЕРЬ, (къ Кокне).

Но кто осмѣлится? Какіе нибудь дураки, глупые — не правда ли?

КОКНЕ, (озиралась).

Разумѣется, но — (*смотря на Герминію*) иногда, не зная совершенно человека...

ГИБЕРЬ.

Правда, если жена моя тебя лучше узнаетъ, вѣрно она поговоритъ въ твою пользу.

КОКНЕ.

Боюсь! врядъ ли рѣшится.

ГИБЕРЬ, (въ полголоса съ важностью).

Я беру это на себя, я обдѣлаю; если нужно, я употреблю даже силу. Стоитъ только мнѣ сказать: я этого хочу!

КОКНЕ, (скоро).

Такъ скажи ей!

ГИБЕРЬ.

Предъ другими неловко.

КОКНЕ.

Да, конечно.

ГИБЕРЬ, (взявъ отъ него бумагу).

Оставь мнѣ твою просьбу и будь покоемъ; ступай.

ЭРИННЯ, (которая въ это время разговаривала тихо съ Виконтомъ).

Да, предъ обѣдомъ мы отправимся гулять на море; будемъ кататься въ лодкѣ; я надѣюсь на васъ.

(Виконтъ кланяется и уходитъ въ дверь направо, а Кокне въ среднюю).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭРИННЯ садится къ столу на лѣво; ГИБЕРЬ.

ГИБЕРЬ.

Теперь мы одни. Скажи, пожалуйста, отъ чего ты приняла такъ дурно моего друга, Кокне?

ЭРИННЯ.

Вашего друга?

ГИБЕРЬ.

Правда, мы не видались съ нимъ пятнадцать лѣтъ, однакожъ время нисколько не ослабило нашей дружбы. Но не въ томъ дѣло. Ты, право, меня дѣлаешь какимъ-то нулемъ. Сдѣлай одолженіе,—если не для него, такъ хоть для меня, хоть изъ уваженія къ моему ходатайству, похлопочи въ пользу его.

ЭРИННЯ, (взявъ просьбу и бросая ее на столъ съ петербіемъ).

Прошу васъ не говорить мнѣ больше ни слова!

ГИБЕРЬ, (пылко).

А если я хочу!

ЭРИННЯ, (вставал).

Это что значить?..

ГИБЕРЬ, (повпжая голосъ).

Я желаю знать; по какой причинѣ?

ЭРИННЯ.

А по такой, что вашъ г. Кокне дурракъ; что скорѣе онъ нашъ врагъ,

нежели другъ. Сегодня утромъ, когда еще онъ не зналъ меня, онъ разпускалъ здѣсь обидные слухи и на мой счетъ и на счетъ министра.

ГИБЕРЬ.

Однакожъ онъ при мнѣ хвалилъ васъ. Онъ ужъ таковъ отъ природы, говоритъ то, что другіе; но самъ рѣшительно никого не тронетъ. Еслибъ ты знала, какой онъ добрый малый.

ЭРИННЯ, (сухо).

Довольно, мы ужъ слишкомъ много занялись имъ. Скажите лучше, что поваго въ Парижѣ? Видѣли ли вы брата? Не съ вами ли онъ пріѣхалъ?

ГИБЕРЬ.

Онъ пріѣдетъ сюда вечеромъ. Сегодня совѣтъ министровъ. Кажется, какъ ты мнѣ говорила, у нихъ идетъ рѣчь о преобразованіи, объ измѣненіяхъ въ кабинетѣ.

ЭРИННЯ.

Да, о перемѣнахъ въ финансахъ. Говорили ли вы съ нимъ?

ГИБЕРЬ.

Я рѣшился сказать ему нѣсколько словъ, но онъ какъ-будто ихъ не понималъ.

ЭРИННЯ.

Вы сами виноваты. Надобно было откровенно все ему высказать. Предоставя вамъ эту операцію, онъ думаетъ, что ужъ очень много для васъ сдѣлалъ. Онъ предполагаетъ, что вы въ восторгѣ.

ГИБЕРЬ.

Что жъ, я дѣйствительно очень доволенъ.

ЭРИННЯ, (пылко).

Вздоръ, вы недовольны! При высокомъ значеніи вашемъ въ банкѣ, вы должны получить гораздо больше, если не для себя, такъ для меня. Я никому не завидую, но не хочу, чтобъ другіе превосходили въ чемъ нибудь меня. Вы знаете, какое для меня несчастіе, когда я вижу у кого-нибудь карету лучше мо-

ей, или нарядъ богаче моего. Скажу вамъ больше: моя подруга по пансіону, моя вѣрная подруга замужемъ за министромъ. Я хочу, чтобъ и мой мужъ былъ министромъ, или, по крайней мѣрѣ, товарищемъ министра. И почему же имъ не быть вамъ?

ГИБЕРЬ.

Но, помилуй.

Эрминія, (скоро).

Я не говорю о другихъ министерствахъ, — тамъ необходимы способности, — но въ министерствѣ финансовъ можно обойтись и безъ нихъ. Счеты, смѣты, вездѣ одѣя цифры — вотъ и все дѣло. О, вы непременно будете опредѣлены; васъ не станутъ испытывать, а на словахъ считаютъ васъ дѣльнымъ человѣкомъ.

ГИБЕРЬ.

Все это очень можетъ быть; но ты знаешь своего брата; онъ не далъ мнѣ никакого отвѣта, пожалуй только плечами, и я не смѣю продолжать.

Эрминія.

Ну такъ я буду говорить! Я не боюсь.

ГИБЕРЬ.

Дѣло другое, еслибъ я былъ депутатомъ; тогда, быть-можетъ, онъ бы самъ меня боялся.

Эрминія.

Такъ что же? Будьте депутатомъ, большого труда въ этомъ нѣтъ.

ГИБЕРЬ.

Легко, что онъ вздумаетъ мнѣ препятствовать. Ну, если онъ скажетъ: нѣтъ.

Эрминія.

Онъ долженъ сказать: да; по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ моей просьбѣ. Знаете ли вы, для чего я оставила Парижъ? для чего, по просьбѣ министра, пріѣхала сюда? Знаете ли, для чего и вы сами здѣсь?

ГИБЕРЬ.

Для удовольствій. Такъ я до сихъ поръ думалъ.

Эрминія.

Вовсе нѣтъ; для того, чтобъ подписать свадебный контрактъ Люціана де Вильфранпа, друга моего брата и нашего врага. Только-что коснись до нашего счастья, онъ ужъ готовъ вредить намъ. Знаете ли, что онъ возставалъ противъ послѣдняго вашего предпріятія? Онъ самъ сказалъ, — однакожь напрасно трудился...

ГИБЕРЬ.

Такъ для чего же, для какой радости мы пріѣхали сюда?

Эрминія.

Для того, что онъ женится на одной молодой нормандкѣ, которая теперь здѣсь на водахъ. По словамъ брата, эта дѣвушка совершенный ангелъ; онъ безъ ума отъ нея. Словомъ, его воспитанница, Цецилія де Морна.

ГИБЕРЬ.

Какъ, эта провинціальная красота, о которой я такъ много слышалъ со времени нашей свадьбы. Но такъ ли она хороша, какъ объ пей говорятъ?

Эрминія.

Она здѣсь съ своей родственницей, маркизой де Савене. Маркиза весьма недалекого ума, и—вообразите, ужъ ненавидитъ насъ! Что жъ принадлежитъ до невѣсты, братъ просилъ меня быть съ пей поласковѣй. Приказаніе министерское, которому я покоряюсь, но въ душѣ я ея терпѣть не могу!

ГИБЕРЬ.

За что?

Эрминія, (скоро).

За то, что братъ представилъ ее мнѣ, какъ эмблему всѣхъ добродѣтелей, какъ примѣръ совершенства. Я не люблю примѣровъ. Потомъ, когда она выдетъ замужъ за Люціана, за это несноснѣйшее существо изъ всегорода человѣческаго, — другое совершенство въ своемъ родѣ — она и ея мужъ будутъ жить вмѣстѣ съ братомъ. Онъ ихъ обожаетъ, онъ не

можетъ имъ ни въ чемъ отказать, и тогда мы будемъ встрѣчать безпрестанныя препятствія въ нашихъ предпріятіяхъ. Мы потеряемъ и наше вліяніе надъ братомъ, и его довѣріе. О, это ужасно! Быть сестрою министра и ничѣмъ не пользоваться... ни малѣйшей благосклонностью, ни малѣйшей несправедливостью! И сколько другихъ досадъ! Въ театрѣ, она всегда будетъ со мною въ министерской ложѣ.

ГИБЕРЬ.

Такъ что жъ за бѣда?

Эрминія, (съ петербургіемъ).

А та бѣда, что она хороша собою, что можетъ быть непріятнѣе этого?

ГИБЕРЬ

А! такъ она хороша?

Эрминія.

Не хотите ли ужъ и вы заняться ею? Я вамъ не позволю и смотреть на нее. (Обращаясь и увидя Цецилію въ глубинѣ театра). А! вотъ она! Наконецъ вы явились! Я безъ васъ соскучилась, мой другъ! Какъ мила! Прелесть!

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кокне входитъ съ лѣвой стороны и обращается къ Гиберу; Эрминія подходитъ къ Цециліи, г-жѣ Савене и Люціану, которые являются съ правой стороны.

Кокне, (Гиберу, въ полголоса).

Ну, что жъ, сказалъ ли ты: «я хочу»?

Гиберъ, (также въ полголоса),

Ты меня жестоко поддѣлъ, и не сказалъ, что сегодня утромъ...

Кокне, (такъ же въ полголоса).

Виповать!.. Но что за нужда... если ты имѣешь власть...

Гиберъ, (такъ же въ полголоса).

О, конечно! Погоди немножко, мы увидимъ... Постарайся только поддѣлаться къ ней.

(Продолжаетъ разговаривать тихо съ Кокне, обратясь спиною къ дамамъ).

Эрминія, (г-жѣ Савене и Цециліи).

Да, это мой мужъ; онъ съ вами еще не знакомъ, но давно желаетъ вамъ представиться.

Г-жа Савене, (Люціану).

Это тотъ банкиръ, о которомъ говорили сегодня утромъ?

Люціанъ.

Онъ самый.

(Эрминія беретъ за руку своего мужа и представляетъ его дамамъ; Гиберъ, подошелъ къ нимъ, кланяется).

Гиберъ, (смотря на Цецилію).

Боже мой! Я не обманываюсь, я ужъ имѣлъ удовольствіе васъ видѣть!

Цецилія.

Гдѣ?

Гиберъ.

Въ прошломъ году, въ Нормандіи, въ Руанѣ.

Цецилія.

Очень можетъ быть. Но я, право, не помню. (Г-жѣ Савене). Мы тамъ были по вашему процессу.

Г-жа Савене.

И всего одинъ день.

Гиберъ.

Именно! (Тихо Эрминіи). Такъ это Цецилія де Морпа, это невѣста нашего друга Люціана? Я въ восторгѣ.

Эрминія, (скоро).

Отъ чего?

Гиберъ, (смѣясь, также тихо).

Пронсшествіе удивительное, мой другъ. Я знаю кое-что очень интересное на ея счетъ.

Эрминія, (съ радостью).

Не уже ли?

=

ЯВЛЕНІЕ XX.

Г-жѣ, Белло.

Белло.

Лодка готова, не угодно ли отправиться?

Эрминия, (Цецилия, г-жа Савене и Люцияну, которые уходятъ).

Мы сейчасъ за вами. (*Мужу скоро*).
Что такое? Что за происшествіе?

Гибель.

Ахъ, Боже мой, вѣдь я не могу сказать.

Эрминия.

Это что значить? Я хочу знать.

Кокне, (приближаясь къ Эрминіи).

Позвольте, если вамъ что угодно, и...

Эрминия.

Благодарю васъ; это касается моего мужа, онъ мнѣ скажетъ. (*Смѣлсь и подавалъ руку мужу*). А! вотъ вамъ и примѣрная дѣвушка, вотъ и совершенство. Ужъ за ней водятся проказы? Это преміало! неподобно!..

(Уходитъ съ Гиберомъ).

Кокне.

Проказы! въ ея лѣта? Непостижимо!

Белло, (подходя къ нему).

Что такое случилось?

Кокне.

Ничего. (*Въ полголоса*). Говорятъ, у этой молодой особы, которая сейчасъ вышла отсюда, ужъ былъ любовникъ!

(Уходитъ).

Белло, (оставшись одинъ, смѣется).

Каково! Ужъ у нея были любовники! Вѣрьте послѣ этого дѣвицамъ! Вотъ вамъ примѣръ! И еще дѣвица высшаго тона,—а ужъ у нея были любовники! (*Слышитъ звонъ колокольчиковъ съ разныхъ сторонъ*). Ну, вотъ! Иду, иду!

(Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорация.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ремонъ съ пачкой бумагъ подъ мышкой;
Люциянъ.

Люциянъ.

Наконецъ ты здѣсь, мой другъ Ремонъ; какъ ты поздно пріѣхалъ!

Ремонъ.

Что дѣлать! Министру нельзя располагать собою. Онъ часто долженъ отказываться и отъ семейныхъ радостей, и отъ дружбы! Нашъ совѣтъ очень поздно кончился; я ужъ думалъ, что мнѣ не удастся выѣхать сегодня: дѣла превѣдвали меня даже до послѣдняго шага въ карету. Посмотри, что я привезъ съ собою. (*Показываетъ бумаги*). Половину бумагъ я успѣлъ про- честь дорогой. (*Кладетъ бумаги на*

столъ, гдѣ осталась просьба Кокне). Однакожъ путешествіе, скорость ѣзды, чистота воздуха освѣжили нѣсколько мою кровь, дали другое теченіе мыслямъ; бумага выпала изъ моихъ рукъ, настоящее исчезло; я перенесся къ воспоминаніямъ нашей юности; я находился въ лицѣ; вспомнилъ тотъ день, когда, при многочисленномъ стеченіи публики, удостоили меня первой награды. Вы, соперники мои и друзья, окружали меня, вы мнѣ рукоплескали, тогда, какъ добрый мой отецъ плакалъ отъ радости и сжималъ меня въ объятіяхъ. Бѣдный старикъ! всю дорогу я былъ съ нимъ и съ тобою; я видѣлъ родное пепелище. Убаюканный мечтами, я заблудился весь міръ; я былъ счастливъ, любимъ! я не былъ министромъ!

люціяль.

Надѣюсь, что счастье твое продолжится и здѣсь, со мною, съ твоимъ семействомъ, съ твоей милой воспитанницей.

геомъ, (весело).

О, конечно! Враговъ и несправдливость оставилъ я въ Парижъ; я простился съ ними на двадцать-четыре часа. Ну, а вы, г. женихъ, что скажете о своей невѣстѣ?

люціяль.

Мы сію минуту возвратились съ прогулки; катались по морю, поджидали тебя. Я былъ все время подлѣ Цециліи; мнѣ кажется, съ пылѣвшимъ для я полюбилъ ее еще болѣе! Какъ она мила! какъ скромна, сколько въ ней прѣзности, какое во всемъ приличіе.

геомъ, (улыбаясь).

Да, ты кажется, совсѣмъ безъ головы. Но я съ тобой согласенъ; и тебѣ даю истинное сокровище: всякій тебѣ позавидуетъ! Да! еслибъ позволено было человѣку должностному влюбляться, еслибъ моя молодость, уже увядшая отъ трудовъ, оставила мнѣ хоть малѣйшія права на любовь, еслибъ я могъ еще правиться, о, тогдабъ я поспорилъ съ тобою. (*Смѣясь*). Да, не смотря на то, что я ее опеку, для собственнаго счастья я пренебрегъ бы всѣмъ, не посмотрѣлъ бы на насмѣшки. Вотъ истинно жена, какую мнѣ надо: добра, кротка, умна, разсудительна; какое сравненіе съ моей вѣтренной сестрицей! Ну, скажи, доволенъ ли ты здѣсь моей сестрой?

люціяль.

Да; однакожъ мы сейчасъ съ ней поспорили.

геомъ.

Гдѣ это?

люціяль.

Во время нашей прогулки по морю.

геомъ.

Такъ у васъ было морское сраженіе?

люціяль.

Именно! самое правильное сраженіе: съ одной стороны я и Цецилія,—мы защищали, съ другой твоя сестра и ея мужъ,—они нападали.

геомъ, (улыбаясь).

Презабавительная исторія! А причина сраженія?

люціяль.

Они утверждаютъ, будто ты ничего не дѣлаешь для своихъ родныхъ.

геомъ.

Развѣ я еще мало выпросилъ для ея мужа? Кажется, еще недавно...

люціяль.

Знаю, и, признаюсь, не хвалю тебя; какъ поручить ему такую важную операцію! Ты несправедливъ въ этомъ случаѣ, или, по крайней мѣрѣ, ты показалъ большую слабость, что согласился.

геомъ.

Да, еслибъ между соперниками его я видѣлъ достойнаго человѣка, тогда былъ бы виноватъ; но мнѣ представляли все такихъ людей, между которыми я не пашель ни одной честной души:—все ничтожныя существа, и я полагаю, что не сдѣлаю большой несправедливости, если пальму ничтожества предоставлю моему зятю!

люціяль.

Очень жаль! всякій другой былъ бы лучше на его мѣстѣ, потому что твой выборъ болѣе всѣхъ долженъ былъ возбуждать ропотъ противъ тебя.

геомъ.

Причина уважительная для тебя; ты боишься ропота, но для меня — напротивъ; ты очень хорошо знаешь, что, въ дни битвы, ропотъ только ободряетъ меня.

люціяль.

Тебѣ неизвѣстно, мой другъ, что про тебя говорятъ и печатаютъ! Утверждаютъ, что эта операція, предложенная Гиберу, приноситъ несмѣт-

ныя суммы, и что ты дѣлишься ими съ злѣмъ.

РЕМОНЪ, (холодно).

Неужели? И это говорятъ и печатаютъ? Благодарю тебя за извѣстіе! Я очень, очень доволенъ; но все ли ты сказалъ? Есть ли еще чего-нибудь поваго?

ЛЮЦИАНЪ.

Признаюсь! я удивляюсь твоему хладнокровію! Подобная молва могла бы взволновать всю кровь въ моихъ жилахъ.

РЕМОНЪ.

Очень вѣрю! Ты не такъ созданъ, ты не привыкъ къ этому! Мы съ тобой приняли совершенно различныя дороги, которыя, однакожъ, какъ кажется, ведутъ насъ къ одной цѣли; я попираю клевету и падаю на нее прямо; ты дрожишь при ея приближеніи и склоняешь голову для того, чтобъ она прошла мимо тебя. Безполезныя средства! Какъ ни упирайся, какъ ни прячься, хоть ложись въ грязь, она вездѣ тебя сыщеть; она сама въ грязи живетъ. Увѣрю тебя, мой другъ, ты такъ же, какъ и я, не отдѣлаешься отъ нея; расточай ласки, жми руки, подписывайся на всевозможныя журналы, кланяйся всему свѣту—все напрасно! Вотъ и сегодня еще, я увѣренъ, ты показалъ противъ нея мало храбрости; усердіе къ защитѣ, можетъ-статься, и было, но ты не смѣлъ.

ЛЮЦИАНЪ.

Я защищаю то, что одобряетъ свѣтъ; отвергаю, что онъ порицаетъ; а ты, напротивъ, стараешься оскорблять его своимъ мнѣніемъ, обижашь его своими сужденіями! Ты совершенный пелюдимъ: ты уважаешь людей по мѣрѣ зла, которое имъ дѣлаетъ свѣтъ! Но если, напротивъ, кого хвалятъ, кто собираетъ общій голосъ въ свою пользу...

РЕМОНЪ.

Такой человекъ не изъ моихъ.

ЛЮЦИАНЪ.

Но почему?

РЕМОНЪ.

Потому, что онъ имѣетъ въ выигрышѣ двадцать противъ одного; потому, что онъ владѣетъ этими похвалами насильно! Если игрокъ выигрываетъ въ каждый ударъ, значить — у него поддѣльныя кости. Если всѣ голоса, всѣ журналы единогласно хвалятъ человека, значить—они имъ подкуплены. Общей похвалы существовать не можетъ! Людскія сужденія скорѣе составляются изъ хулы, чѣмъ изъ похвалъ, скорѣе изъ заблужденій, чѣмъ изъ истины. Въ свѣтѣ болѣе злыхъ людей, и того, чьи достоинства и дарованія производятъ споры, у кого мало друзей и много враговъ, того я уважаю, люблю и защищаю, тотъ, по моему мнѣнію...

ЛЮЦИАНЪ, (улыбался).

Честный человекъ!

РЕМОНЪ.

Конечно! Я горжусь тѣмъ, что у меня много враговъ. При всякой новой брошюрѣ, при всякомъ новомъ ругательствѣ, я потираю руки и говорю: «Смѣлѣй!.. Будемъ продолжать свой путь! Меня не остановятъ эти гадины. Пусть онъ шипятъ, пусть кусаютъ.»

ЛЮЦИАНЪ.

И неужели онъ не сдѣлалъ ни одной раны?

РЕМОНЪ.

Прежде, въ началѣ, не скажу, чтобъ я имѣлъ силу оставаться къ нимъ чувствительнымъ; но когда я увидѣлъ, какъ вымышляется и распространяется клевета, когда узналъ, отъ кого она происходитъ, когда удостоверился, что ея полета нельзя остановить никакими средствами, когда, наконецъ, увидѣлъ, что люди разсудительные, умные, слушають вѣдѣности и вѣрятъ имъ, тогда я рѣшился, не входя ни въ какіе разборы, попираю всякую клевету ногою, отталкиваю ее въ родную ея яму! О, еслибъ ты зналъ всю мою жизнь! Я не говорю тебѣ о моемъ

политическомъ поприщѣ: оно принадлежить всѣмъ! Я не буду тебѣ рассказывать, какими укоризнами обременили меня на немъ! Говорили, что я унижаю отечество, что я предаю его иностранцамъ. Но возможно ли это? Разсуди, могъ ли я на это когда ибудь рѣшиться, я, министръ короля, французъ! Я готовъ жизнь отдать для счастья и славы моего отечества! (*Съ волненіемъ*). Между-тѣмъ, это говорили.

люциль.

И эта-то молва возмутила тебя?

ремонъ.

О нѣтъ, я остался къ ней равнодушнымъ, клянусь тебѣ! Но когда она тронула мою собственную жизнь, когда коснулась до чувствъ, для меня священныхъ, о,—тогда я не могъ уже быть равнодушнымъ. Отецъ мой, не болѣе какъ бургундскій виноградарь, употребилъ все, что могъ, на мое воспитаніе; я имѣлъ счастье достойно возблагодарить его за попеченія и пожертвованія! Но если, благодаря его заботамъ, получилъ я блистательное образованіе и пріобрѣталъ награды въ лицѣ; если потомъ, какъ адвокатъ, я былъ отличенъ по нѣсколькимъ важнымъ дѣламъ; если я между своими собратіями пріобрѣлъ репутацію честнаго и способнаго человека, о чемъ тогда никто не спорилъ, то Богъ свидѣтель, всѣ эти вѣяки, всѣ эти успѣхи я относилъ къ моему отцу! И когда, послѣ тяжкой борьбы, послѣ славной битвы, выдержанной на защиту нашихъ правъ, истина наконецъ восторжествовала; когда голосъ моихъ согражданъ далъ мнѣ мѣсто въ палатѣ; когда довѣренность короля возложила на меня силу власти, когда я, сынъ поселянна, вошелъ въ великолѣпный министерскій домъ, первая мысль моя была посвящена моему отцу: я бросился къ нему, хотѣлъ увезти его съ собою. «Нѣтъ, мой другъ» сказалъ онъ мнѣ: «я ужъ очень старъ! Парижская жизнь меня пугаетъ, для меня до-

роже спокойствіе и свой уголокъ; однако мое желаніе остаться въ немъ!» Желаніе его было для меня священно: я сдѣлалъ для него все, что могъ,—украсилъ его домикъ, окружилъ его всѣмъ необходимымъ, и вдругъ, однажды утромъ, я прочелъ въ газетѣ, будто я стыжусь моего происхожденія, будто я красивѣе отъ одной мысли, что обизанъ жизнию поселянину, будто я выгналъ отца изъ своего дома...

люциль.

Выгналъ отца!

ремонъ.

Да! это было напечатано! И тысячи голосовъ повторили эту клевету! Внѣ себя, въ изумленіи, бросился я къ моему отцу. «На этотъ разъ, батюшка» сказалъ я ему: «вы должны уступить моей просьбѣ, вы должны вѣхать со мною! Дѣло идетъ о моей чести: вашего сына обвиняютъ въ неблагодарности, въ безчестіи. Поѣдемте!» Въ этотъ день я пригласилъ къ себѣ все лучшее парижское общество; ко мнѣ съѣхались всѣ высшіе сановники; я ввелъ моего отца, представилъ моимъ гостямъ и, склонясь предъ нимъ, вскричалъ: «Скажите имъ, батюшка, скажите имъ всѣмъ, уважаетъ ли, почитаетъ ли васъ сынъ!»

люциль.

Ты поступилъ прекрасно; противъ этого нѣтъ возраженій.

ремонъ, (иронически).

Ты такъ думаешь? ты думаешь, что этимъ я заставилъ молчать клевету? На другой же день всѣ говорили, что я, изъ одного стыда, хотѣлъ заглядить мою вину этой театральнoй выходкой. Все было обращено въ смѣхъ; напрасно отецъ мой говорилъ о моей любви къ нему, напрасно увѣрялъ, какъ я уважаю его, какъ забочусь о немъ:— всѣ утверждали, что онъ повторялъ только мои слова, что я заставилъ его написать ихъ и выучить; что пенсія, которую я ему далъ, была за это на-

градой; что я отнял бы ее, еслибъ я узналъ, что какое-нибудь дѣйствіе мое показалося въ вашихъ глазахъ достойнымъ снисхожденія, я отрекся бы отъ него; на похвалы ваши я сказалъ бы, какъ тотъ Аѳинянинъ, которому рукоплескалъ народъ: «Развѣ я сказалъ глупость?»

люціяпъ.

О, Боже!

ремонъ, (горестно).

Но я не укротилъ бы и этимъ клеветы;—я могъ дать еще большій поводъ къ злословію: тогда всѣ стали бы говорить, что это дѣйствіе угрызений совѣсти.

люціяпъ.

Неужели ты думаешь...

ремонъ.

Да, мой другъ, да, ты не знаешь людей, и когда старость, когда, быть можетъ, печали прекратятъ дни могоотца, повѣрь, они будутъ говорить, что я былъ причиною его смерти, что я убилъ его; они назовутъ меня отцеубійцей! Я этого ожидаю. Но пусть умножаются ихъ вопли, я презираю ихъ! Одно только слово моего отца! только его благословеніе отцеубійцы! А тамъ насъ разсудитъ Господь!

люціяпъ, (съ душевнымъ волненіемъ).

Ремонъ!

ремонъ.

Мнѣ не нужно суда людскаго, суда неправеднаго, суда заблужденій; я не хочу ни призывать ихъ къ нему, ни дѣлать имъ чести защитою себя, какъ называютъ они, предъ судилищемъ общественнаго мнѣнія. Дѣлай, что должно, а чему быть, того не миновать: вотъ мой единственный девизъ; съ нимъ я смѣло вхожу въ средина оскорбленій; мало-по-малу они сдѣлались для меня ничтожными; теперь они составляютъ мое счастье. (Съ восторгомъ). Да, господа сочинители и клеветники, теперь я не намѣренъ васъ укротать, еслибъ

я узналъ, что какое-нибудь дѣйствіе мое показалося въ вашихъ глазахъ достойнымъ снисхожденія, я отрекся бы отъ него; на похвалы ваши я сказалъ бы, какъ тотъ Аѳинянинъ, которому рукоплескалъ народъ: «Развѣ я сказалъ глупость?»

люціяпъ, (улыбаясь).

Ну, вотъ, ты всегда таковъ! Но кончимъ нашъ разговоръ; сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ремонъ, Цецилія, Люціяпъ.

цецилія, (подбѣгая къ Ремону).

Ахъ, наконецъ вы пріѣхали. Мы васъ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, такъ безпокоились. Отъ чего вы такъ поздно пріѣхали? не случилось ли съ вами чего-нибудь?

ремонъ.

Ничего, мой другъ, кромѣ препятствія видѣть тебя ранѣе.

цецилія.

Какъ жаль, что вы не могли быть съ нами на морской прогулкѣ!

ремонъ.

Что дѣлать! навѣрное я не былъ для васъ въ отсутствіи; я знаю, что ты меня защищала.

цецилія.

Вы не нуждаетесь въ моей защитѣ.

ремонъ.

Напротивъ, я дорого цѣню моихъ защитниковъ; у меня ихъ очень мало. А что здоровье твоей почтенной сестрицы, г-жи Савене?

цецилія.

Ей ужъ стало гораздо лучше, не смотря на то, что она только два часа, какъ пріѣхала въ Диеппъ. Она проситъ васъ, г. Люціяпъ, въ свою комнату для совѣщанія по какому-то важному дѣлу, при которомъ, какъ говоритъ она, я не должна присутствовать.

ремонтъ.

Справедливо. Интересныя дѣла принадлежать разсмотрѣнію почтенныхъ родственниковъ и опекуновъ. (*Взлѣз со стола бумаги, которыя онъ положилъ въ первомъ дѣленіи*). У меня приготовленъ провѣтъ вашего контракта. (*Люціану*). Просмотри его и послѣ положи, пожалуйста-ста, всѣ бумаги въ комнату, которую вы мнѣ назначите. (*Ронлетъ одинокъ листъ, который былъ подъ низомъ бумагъ. Цецилія его поднимаетъ и подаетъ Ремону*). Это что такое?

цецилія.

Не знаю; вы взяли этотъ листъ со стола вмѣстѣ съ вашими бумагами.

ремонтъ, (читалъ).

«Г. министр! Со времени кончины діепскаго сборщика податей, мѣсто его праздно; осмѣливаюсь обратиться къ вамъ...» (*Остановился и складывал бумагу*). Боже мой, и здѣсь нѣтъ покоя отъ просьбъ! Едва пріѣхалъ и ужъ они начинаютъ меня осаждать. Какимъ образомъ попала эта просьба ко мнѣ? Только успѣлъ вытти изъ кареты, ужъ они знаютъ, что я здѣсь! (*Положивъ просьбу въ средину бумагъ, которыя держитъ Люціанъ*). Не важно дѣло, успѣю прочитать и послѣ.

люціанъ.

Посмотри, однако, кто проситъ?

ремонтъ.

Нечего смѣтрѣть: это ужъ видно, какой-нибудь проныра, которому я не намѣренъ и отвѣчать.

люціанъ.

Это вѣрно изъ здѣшнихъ; можетъ-быть человекъ, здѣсь уважаемый. Ты наживешь этакъ новаго непріятеля.

ремонтъ.

Мнѣ все равно!

люціанъ.

У тебя и безъ того ихъ много.

ремонтъ.

Я мало объ этомъ забочусь!.. (*Лю-*

ціану). Но, ступай, говори о дѣлахъ; я сейчасъ къ вамъ явлюсь.

(*Люціанъ уходитъ въ дверь направо*).

==

ЯВЛЕНІЕ III.

Цецилія, Ремонтъ.

ремонтъ.

Ну что, мой другъ, узнала ли ты теперь своего жениха? Не правду ли я говорилъ? отбрось въ сторону мнѣнія, неимѣющія здраваго смысла, ты вѣрно согласишься, что онъ прекрасный человекъ?

цецилія.

О, конечно.

ремонтъ.

Думаешь-ли ты быть съ нимъ счастливою?

цецилія.

Надѣюсь.

ремонтъ.

Этого недостаточно. Я желалъ бы, чтобъ ты была увѣрена. Твой отецъ, мой благодѣтель, завѣщалъ мнѣ заботиться о твоёмъ счастіи, и если я обманулъ,—говори, мой другъ, открой мнѣ душу. Прежде, когда ты воспитывалась на моихъ глазахъ, я не съсмалъ бы тебѣ такого вопроса; тогда я видѣлъ тебя всякій день, я угадывалъ, предупреждалъ малѣйшія твои желанія; съ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ ты была моей дочерью; я смѣтрѣлъ на тебя не иначе, какъ на свою дочь; но послѣ, когда ты стала входить въ совершенный возрастъ, приличіе и мое положеніе заставили меня удалить тебя изъ своего дома и передать на руки твоей родственницѣ. Она не могла любить тебя какъ я, но была счастливѣе меня, могла оставить тебя въ своемъ домѣ. Она, къ моему вреду, овладѣла твоей дружбой, твоей довѣренностью...

цецилія.

О, никогда!

ремонтъ.

Я ужъ разучился, какъ прежде, чи-

тать въ глазахъ и въ сердцахъ твоёмъ истину; теперь я долженъ уже спрашивать тебя: чего ты хочешь, Цецилія, чего ты желаешь?

цецилія, (съ волненіемъ).

О, ничего! Выборъ вашъ долженъ составить мое счастье; еслибъ случилось иначе, это была бы не ваша, а моя вина. Я нисколько не колеблюсь,—вы мой отецъ, вамъ должна я повиноваться.

ремонъ.

Я не этого желала, и теперь еще не поздно; не смотря на мою дружбу съ Люціаномъ, если ты предпочитаешь другаго, если ты кого-нибудь любишь, говори, я не сдѣлаю тебѣ ни малѣйшаго упрека; скажи мнѣ только истину.

цецилія.

Я уже вамъ сказала—меня никто не любитъ.

ремонъ.

Правда ли?

цецилія.

Никто, клянусь, кромѣ г. Люціана. Я вполне раздѣляю ваши мысли: выборъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ приличный; онъ дѣлаетъ мнѣ честь.

ремонъ.

Слава Богу. Если такъ, я скажу это Люціану. Прощай, мой другъ, прощай. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, останавливается и смотритъ на нее*). Цецилія, ты хотѣла еще что-то мнѣ сказать?

цецилія.

Да, но я боялась. (*Ремонъ послышно возвращается къ ней*). Я не боялась бы говорить съ Ремонномъ, но моя просьба относится къ министру. Я не смѣла.

ремонъ.

Почему же?.. Если она справедлива.

цецилія.

О, справедлива какъ нельзя болѣе. Я хотѣла просить васъ о несчастныхъ матросахъ, о рыбакахъ; они сейчасъ катали насъ въ лодкѣ: бѣднѣйшіе люди, обременены дѣтьми и почти не могутъ имъ

дать дневной пищи. Во время послѣдней бури, они всю ночь спасали утопавшихъ; одинъ высадилъ на берегъ трехъ человѣкъ, другой спасъ четверыхъ, и за все это, они не получили никакой награды, кромѣ радости своихъ дѣтей, которыя почитали ихъ погибшими. Неужели поступаю я несправедливо, что прошу для нихъ вашего покровительства?

ремонъ.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ; я позабочусь объ ихъ участи сегодня же, ты можешь имъ это сказать.

цецилія.

Я побѣгу сію минуту! Какое счастье! Я могу имъ теперь спести добрую вѣсть отъ министра, отъ самого министра!

(Кокке входитъ въ одну изъ дверей на льво; онъ слышитъ послѣднія слова Цециліи и видѣтъ, что Ремонъ цѣлуетъ ее въ лобъ. Цецилія уходитъ въ среднюю дверь).

СЦЕНА IV.

Кокке, Ремонъ.

Ремонъ вынимаетъ изъ кармана бумажникъ и записываетъ просьбу Цециліи.

кокке, (въ сторону, между-тѣмъ, какъ Ремонъ пишетъ).

Самого министра! Такъ это пріѣхалъ самъ министр! Прекрасно! Его сестра до сихъ поръ еще не рѣшилась говорить въ мою пользу, такъ я могу и самъ... теперь же такой удобный случай, кажется, это не запрещено; я же его вовсе не знаю, и могу стороною завести рѣчь. (*Приближается къ столу, беретъ журналъ и кланяется Ремонну, который отвѣчаетъ на его поклонъ*). Вы вѣрно только что изволили пріѣхать?

ремонъ.

Да, сію минуту.

кокке.

Должно быть изъ Парижа?

РЕМОНЬ.
Да!

КОКНЕ.
Позвольте васъ поздравить.

РЕМОНЬ.
Помилуйте, не съ чѣмъ.

КОКНЕ.
Вѣроятно вы изволили быть вчера въ палатѣ?

РЕМОНЬ.
Да, былъ.

КОКНЕ.
Стало-быть вы очень счастливы; вы слышали знаменитую рѣчь министра. Скажите, пожалуйста, кто этотъ герой? Говорятъ, онъ опровергнулъ мнѣніе всего засѣданія; особенно, какъ разсказывали мнѣ, копецъ удивительный.

РЕМОНЬ.
Онъ возбудилъ общій ропотъ.

КОКНЕ.
Это чтò значитъ? Почему?

РЕМОНЬ, (подходя къ нему).
Для васъ, мнѣ кажется, все равно.

КОКНЕ.
Нѣтъ-съ, извините. Я считаю эту рѣчь превосходною! Сочинитель ся долженъ быть человѣкъ съ великимъ талантомъ, — удивительный человѣкъ! (Грубо). Если вы не разделяете моего мнѣнія, тѣмъ хуже для васъ; а я не могу иначе думать.

РЕМОНЬ, (улыбался).
Напротивъ, я уважаю вашу мысль. (Въ сторону). По крайней мѣрѣ, по рѣдкости.

КОКНЕ, (съ жаромъ).
Вотъ истинно государственнй человѣкъ, единственнй въ нашемъ отечествѣ; другихъ я не знаю.

РЕМОНЬ, (въ сторону такъ же).
Просто чудо! Надобно быть въ Діеспѣ, чтобъ слышать подобныя вещи. (Вслухъ). Развѣ здѣсь его любятъ?

КОКНЕ.
Обожаютъ!

РЕМОНЬ, (въ сторону такъ же).
Чудеса! А телеграфъ, между тѣмъ, ничего объ этомъ не говоритъ.

КОКНЕ.
Ему должно воздвигнуть статую.

РЕМОНЬ, (въ сторону).
Чтобъ послѣ забросали меня ея обломкамъ. (Вслухъ). У васъ прекрасный городъ.

КОКНЕ.
Да-съ, воздухъ чистый; просвѣщенные жители, должностные люди вообще очень умны. Третьяго-дни мы лишились одного чиновника, чрезвычайно достойнаго.

РЕМОНЬ.
Я знаю.

КОКНЕ, (въ сторону).
Ужъ онъ знаетъ! (Вслухъ). Теперь мѣсто его свободно. Его ищутъ очень многіе.

РЕМОНЬ.
Это видно; я хоть человѣкъ не значительный, но вѣрно потому, что пріѣхалъ изъ Парижа, получилъ уже просьбу объ опредѣленіи на это мѣсто...

КОКНЕ.
Можетъ ли быть?

РЕМОНЬ.
Мнѣ вручили ее въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ кареты.

КОКНЕ.
Черезъ чуръ нескромно; мнѣ досадно за своихъ единопоземцевъ! (Въ сторону). Ужъ вѣрно это постарался г. Рабурдѣнь, помощникъ директора, — онъ на все готовъ отважиться. (Вслухъ). Я знаю здѣсь всѣхъ жителей, и еслибъ вы изволили мнѣ сказать имя этого просителя.

РЕМОНЬ.
Право, не знаю, — я не дочелъ его просьбы и не полюбопытствовалъ взглянуть на имя.

КОКНЕ.
И неподобно сдѣлали. Я догадываюсь, кто это.

РЕМОНЬ, (смѣясь).
Какой-нибудь пролазь, пронырливый человѣкъ; я давеча еще подумалъ...

КОКНЕ.
Именно! вы справедливо подумали.

РЕМОНЬ.

Это однакожь не мѣшаетъ мнѣ видѣть его, испытать, имѣть о немъ свѣдѣнія. И вы здѣшній житель?

КОКНЕ.

Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я безвыѣздно живу въ Диеппѣ.

РЕМОНЬ.

Вы, какъ мнѣ кажется, человекъ достойный уваженія, и ваше мнѣнїе должно заслуживать полную довѣренность.

КОКНЕ.

Помилуйте, много чести.

РЕМОНЬ.

Скажите же, пожалуйста, если вы дѣйствительно знаете этого просителя, что онъ—способный человекъ?

КОКНЕ, (сомнительно, вздыхая).

Ахъ! ахъ!

РЕМОНЬ.

Пользуется ли онъ здѣсь какимъ уваженіемъ?

КОКНЕ, (также).

Ахъ, ахъ!

РЕМОНЬ.

А, догадываюсь: вѣрно, во всѣхъ отношеніяхъ, ничтожное существо?

КОКНЕ, (такъ же).

Ахъ! ахъ!

РЕМОНЬ.

Я вижу, что вы слишкомъ деликатны и уважаю вашу скромность. Вы не хотите мнѣ сказать, что этотъ человекъ никуда не годится.

КОКНЕ.

Скажу откровенно, можно выбрать гораздо лучше его.

РЕМОНЬ.

Благодарю васъ. Я, конечно, не имѣю никакого вліянія на это мѣсто, но, быть можетъ, спросятъ моего совѣта, тогда я непременно воспользуюсь вашимъ мнѣніемъ.

(Кланяется г-ну Кокне и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

КОКНЕ, (одинъ).

Я ни слова не сказалъ! Я не привыкъ клеветать на людей. Я ненавижу коварство, хоть, въ подобномъ дѣлѣ, противъ своего соперника, все можно себѣ позволить... законная защита! Всякій хлопочи за себя, а Богъ и мпистры за весь свѣтъ. И какая между нами разница! Рабурденъ человекъ холостой, а я отецъ семейства; вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ онъ служитъ, двадцать лѣтъ, какъ все на одномъ мѣстѣ, а я еще покуда нигдѣ не служилъ; всякому своя очередь... Чтѣ за монополія такая?

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭРМИНИА, ГИБЕРЪ, КОКНЕ.

ЭРМИНИА, (входитъ, разговаривая съ мужемъ).

А, сейчасъ узнала, что въ здѣшнемъ городѣ будетъ избраніе депутата для поступленія въ министры; а вы только что думали объ этомъ. Хорошо, еслибъ васъ выбрали.

ГИБЕРЪ.

Конечно бы хорошо.

ЭРМИНИА.

Такъ постарайтесь же, покуда вы здѣсь, собрать въ свою пользу голоса; привлечите на свою сторону людей сильныхъ.

ГИБЕРЪ.

Я давно объ этомъ думалъ, но ты сама мнѣ вредишь. (*Въ полголоса*). Вотъ, напримѣръ, мой другъ Кокне, имѣетъ избирательный голосъ, человекъ, уважаемый здѣшнимъ обществомъ, а ты отказала ему въ покровительствѣ.

ЭРМИНИА.

Съ чего вы это взяли? Я была утомъ раздосадована, была не въ духъ. Неужели на всякій вздоръ обращать вниманіе? Мысли наши могутъ измѣняться двадцать разъ въ день.

ГИБЕРЬ, (обращаясь къ Ко-
кне).

Слышишь, мой другъ? (*Въ полголоса*) Я тебѣ говорилъ, что она согласится на все, чего я только пожелаю; ты получишь мѣсто. Жена моя поговорить министру.

КОКНЕ.

Я ужъ самъ говорилъ съ нимъ.

ГИБЕРЬ.

Какъ, развѣ ты его видѣлъ?

КОКНЕ.

Да, онъ очень много со мной разговаривалъ; но я и виду не показалъ, что его знаю; да и онъ самъ не знаетъ съ кѣмъ говорилъ. Я все прекрасно для себя подготовилъ; теперь было бы очень кстати, еслибъ твоя супруга постаралась за меня. Сдѣлайте одолженіе, выпросите мнѣ мѣсто сборщика!.. Самому, знаете, цѣловко говорить о своихъ достоинствахъ.

ЭРМИНІА.

Очень рада быть вамъ полезною. Я увѣрена, что сегодня выпрошу у брата все.. два мѣста вдругъ; но съ условіемъ!

КОКНЕ.

Что прикажете: я на все готовъ?

ЭРМИНІА.

Расскажите мнѣ во всей подробности происшествіе, о которомъ вы намекали мнѣ сегодня утромъ, — происшествіе съ Цециліей де Морна.

ГИБЕРЬ, (скоро).

Нельзя, мой другъ, нельзя! это важная тайна!

ЭРМИНІА.

Тѣмъ скорѣе я должна ее знать. — Вы вѣрно мнѣ расскажете, — или я ни слова не скажу брату.

КОКНЕ.

Позвольте одну минуту. (*Гибери*). Дѣло идетъ о нашемъ счастьи, тутъ скромность вовсе не у мѣста; ты же такъ любишь происшествія, такой мастеръ ихъ рассказывать.

ГИБЕРЬ.

Да, но не это: я далъ слово молчать.

КОКНЕ.

Ну, что жъ, ты и сдержалъ свое слово: мужъ и жена составляютъ одно существо, — и твой другъ такъ же.

ГИБЕРЬ.

Все это я очень хорошо знаю, но скажи я, тогда можетъ завязаться у меня пренепріятное дѣло съ министромъ.

ЭРМИНІА, (поспѣшно).

Съ министромъ?

ГИБЕРЬ, (такъ же).

И съ другими еще особами! Всѣ эти люди большіе забіяки, а я только въ крайнихъ случаяхъ дерусь или стрѣляюсь. Терпѣть не могу, но ужъ тутъ непременно придется.

КОКНЕ.

Но развѣ они узнаютъ! Мы никому не скажемъ.

ГИБЕРЬ.

Про тебя я неговорю: ты такъ же, какъ и я, побоишься рассказать; но жена моя, ты ея не знаешь.

ЭРМИНІА.

Нѣтъ, уже это ни на что не похоже! Вы до послѣдней степени возбудили мое любопытство, я хочу непременно знать. Вы должны мнѣ все рассказать сію же минуту, или я разсорюсь съ вами навсегда... вы во всю жизнь меня не увидите!

ГИБЕРЬ, (тихимъ голосомъ).

Ну, хорошо, хорошо, если вы общаете оба молчать, такъ ужъ — такъ и быть; я расскажу вамъ все, все, что могу. Въ прошломъ году, въ одномъ домѣ, (*поправилъ*) въ одномъ замкѣ, гдѣ я встрѣтилъ Цецилію въ первый разъ, видѣлъ я утромъ, на разсвѣтѣ, какъ вышла изъ комнаты ея молодой, прекрасный мужчина.

ЭРМИНІА.

Вы видѣли сами?

ГИБЕРЬ.

Собственными глазами. Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, потому

что таинственный незнакомецъ , съ которымъ однакожъ я очень хорошо былъ знакомъ , самъ сознался мнѣ , и взялъ съ меня слово молчать объ этомъ происшествіи.

Эрмиппиа.

А этотъ незнакомецъ , кто онъ?

Гиберъ.

Вотъ ужъ этого я вамъ не скажу! Я ему обѣщалъ молчать , и ни за что его не выдамъ ; да и къ чему вамъ его знать? имя его для васъ вовсе бесполезно.

Эрмиппиа.

Ваша правда , потому что я сама догадалась.

Гиберъ.

Въ такомъ случаѣ , молчи , пожалуйста , не выдай меня.

Эрмиппиа.

Это былъ мой братъ!

Гиберъ.

О , совсѣмъ не онъ!

Эрмиппиа.

Пустяки! я увѣрена , что онъ! Иначе вы не боллись бы такъ , не были бы такъ скромны . Все обличаетъ его , и безпримѣрная любовь къ своей воспитанницѣ , и безпрестанныя похвалы ей , и неограниченная во всемъ довѣренность . (Гиберу , который хочетъ говорить.) Говорите , что угодно , сердитесь , какъ хотите , это Ремонъ , это мой братъ!

Кокне.

Я еще сію минуту видѣлъ , когда сюда вошелъ , какъ онъ цѣловалъ ее , вотъ здѣсь , на самомъ этомъ мѣстѣ.

Эрмиппиа , (съ радостью).

Слышите! я ни слова не скажу послѣ этого! О , какъ я довольна!

Гиберъ.

Вздоръ! пустяки!

Эрмиппиа.

А , господинъ наставникъ! вы любите давать мнѣ правоученія.

Гиберъ.

Вздоръ , говорю я вамъ!

Эрмиппиа.

Вы еще смѣете заператься?

Гиберъ.

Позвольте! я не говорю , чтобъ онъ не былъ въ дѣлахъ съ своей воспитанницей ,—я въ это дѣло не вхожу ; но , клянусь , я не объ немъ говорилъ ; надобно быть справедливымъ , никого не обвинять понапрасну.

Кокне , (важно).

Ну , такъ тутъ былъ другой.

Эрмиппиа , (смѣясь отъ удовольствія).

Браво! ужъ это значитъ двое! Вотъ неподобно!

Гиберъ.

Сдѣлай одолженіе , мой другъ , оставь свои пустыя предположенія.

Эрмиппиа.

Такъ зачѣмъ же вы скрываете? Что за недовѣрчивость! Кто же это таинственное , это страшное существо? Отъ чего оно такъ боится меня?

Кокне.

Я его знаю!

Эрмиппиа , (переходя сцену и осматривая пейзажъ ли кто нибудь).

Вы мнѣ вѣрно скажете.

Кокне , (на ухо Гиберу).

Это былъ ты , повѣса , ты самъ!

Гиберъ , (съ смущеніемъ въ голосѣ).

Замолчи! что ты?—предъ моей женой!

Кокне , (показывая ему знаками , что онъ готовъ молчать).

О , я давно догадался.

Эрмиппиа , (которая , въ это время подошла къ дверп направо , послѣднее возвращается къ нимъ).

Тише , сюда идетъ братъ!

Кокне.

Поговорите же ему , сдѣлайте одолженіе ; мнѣ здѣсь неловко остаться ; но я не замедлю возвратиться . Скоро наступитъ часъ , въ который обыкновенно собирается сюда все общество.

(уходитъ нальво).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гиберъ, Эрминія, Ремонъ.

ремонъ, (входитъ, читая бумагу, поднимаетъ глаза и видитъ Эрминію и Гибера).

А! здравствуй, сестрица! (*подавал руку Гиберу*). Здравствуй, мой другъ Гиберъ!

эрминія.

Хорошо ли вы добхали!

ремонъ.

Прекрасно!

эрминія.

Вы не повѣрите, какъ я рада, что васъ вижу! Вы знаете, какъ давно уже я васъ ни о чемъ не просила.

ремонъ.

А! слѣдовательно я здѣсь очень кста-ти.

эрминія.

У меня есть къ вамъ двѣ просьбы,—двѣ вдругъ, это васъ удивляетъ?

ремонъ, (улыбаясь).

Нисколько! я скорѣй бы удивился, еслибъ у тебя не было ни одной!

эрминія.

Первая,—но она не въ счетъ,—она за нашего друга, за одного здѣшняго жителя, г-на Кокне.

ремонъ.

Кокне! (*показывал бумагу, которую держитъ въ рукахъ*). Я сей часъ читалъ его просьбу; мнѣ вручили ее въ первую минуту моего пріѣзда!

эрминія.

Онъ проситъ мѣста сборщика пода-тей.

ремонъ, (показывая просьбу).

Очень хорошо; знаю!

гиберъ.

Этого мѣста идетъ также г. Рабур-дешъ; но Кокне нашъ другъ.

эрминія.

Истинный нашъ другъ.

ремонъ, (безъ вниманія).

Ты его знаешь? или такъ...

эрминія.

Не совсѣмъ знаю, по мой мужъ...

ремонъ.

Позволь же мнѣ дождаться полныхъ о немъ свѣдѣній, потому что одинъ че-ловѣкъ, одинъ изъ здѣшнихъ жителей, далъ мнѣ о немъ весьма невыгодныя понятія.

эрминія.

И вѣрно изъ зависти.

ремонъ.

Я не замѣтилъ этого; напротивъ, онъ былъ повидимому слишкомъ снисходи-теленъ къ нему, слишкомъ скромнъ. Но подожди, я о немъ освѣдомлюсь, увижу, кто изъ васъ справедливѣе. По-смотримъ, въ чемъ состоитъ твоя глав-ная просьба?

эрминія.

Неужели вы еще не догадались? Мой мужъ намекалъ уже вамъ: моя любовь къ нему, ваше участіе во всѣхъ на-шихъ желаніяхъ, во всѣхъ пользахъ...

ремонъ.

Понимаю! это ты дала ему мысль.

эрминія, (съ лестью).

Да, братецъ, я! Всѣ мои радости, все честолюбіе заключается въ одномъ же-ланіи—видѣть его вашимъ товарищемъ.

ремонъ, (подражая ея тону).

Нѣтъ, мой другъ, это невозможно.

эрминія.

Но почему? развѣ онъ не способенъ?

ремонъ.

Ты знаешь сама.

эрминія.

Кажется, онъ имѣетъ всѣ качества, нужныя для министра.

ремонъ.

Прекрасно! а если не имѣетъ?

эрминія, (поспѣшно).

Тѣмъ лучше, вы будете приказывать и управлять его именемъ; все пойдетъ какъ нельзя лучше... тогда будетъ еди-ница въ правленіи.

ремонъ.

Отвѣтъ неподобный, и мнѣ на него

не остается ничего болѣе сказать, какъ одно слово: нѣтъ!

эрминія, (съ сердцемъ).

Вы осмѣливаетесь сказать: нѣтъ?

ремонъ, (холодно).

Осмѣливаюсь и прошу тебя не говорить мнѣ болѣе объ этомъ... и не думать.

эрминія.

Всегда буду думать, безпрестанно буду говорить вамъ. Вы должны будете согласиться, или вамъ будетъ худо: я стану распускать повсюду о васъ ужасные слухи.

ремонъ.

Позволяю тебѣ съ удовольствіемъ, и увѣренъ, что ты найдешь эхо: всѣ будутъ на твоей сторонѣ.

эрминія.

И прекрасно сдѣлають! Они будутъ очень справедливы. Это ужасно! поступать такъ съ своей сестрою, которая васъ любитъ!

гнберъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ваши поступки съ нами...

ремонъ.

И ты тоже? Къ чему тебѣ мѣшаться не въ свое дѣло? Вотъ положеніе! извольте быть министромъ, извольте всѣмъ угодить! Свѣтъ обвиняетъ меня, что я все припошу въ жертву своимъ роднымъ, а родные жалуется, что я ничего для нихъ не дѣлаю!

эрминія.

О, я увѣрена, я имѣла бы болѣе власти надъ вами, заслужила бы болѣе уваженія, еслибъ была не сестрой вашей, а какой нибудь воспитанницей.

ремонъ.

Конечно, еслибъ ты была похожа на Цецилію, ты была бы разсудительнѣе.

эрминія.

Разсудительна я или нѣтъ, мы увидимъ. Я на своемъ поставлю!

гнберъ, (въ полголоса).

Эрминія, ради Бога! (*Громко, желалъ прекратить споръ*). Вотъ и все здѣш-

нее общество. Всѣ идутъ сюда назадъ; здѣсь каждый вечеръ занимаются музыкой.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Эрминія, на лѣво, у самого края; Виконтъ Сентъ-Андре входитъ при послѣднихъ словахъ; Гнберъ посрединѣ театра; Цецилія, г-жа Савене садятся на правой сторонѣ; Люціилъ стоитъ за ними, облокотясь на ихъ кресла; Ремонъ, подходитъ къ нимъ и разговариваетъ; прочіе мужчины и дамы, прѣтхавшіе на воды, войдя въ залу, садятся на диванъ за карты и къ круглому столу, гдѣ читають журналы и газеты; одна изъ дамъ подходитъ къ открытому фортепьяно, другія занимаются работою; Белло то приходитъ, то уходитъ, и повременамъ разноситъ прохладительное питье.

виконтъ, (Гиберу).

Музыкой? да, я слышалъ! Намъ будетъ надъ чѣмъ похохотать.

гнберъ.

Моя жена общала что-то пропѣть.

виконтъ, (Эрминіи, кланяясь).

А! въ такомъ случаѣ, мы будемъ не хохотать, а восхищаться. Очень радъ случаю. Я ужъ здѣсь почти соскучился.

гнберъ, (улыбаясь).

А удовольствія, а любовь?

виконтъ.

Все это одно и то-же. Мнѣ ужъ иногда приходитъ желаніе заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ, чѣмъ нибудь полезнымъ. Можетъ быть, меня разсвѣтъ.

гнберъ.

Берегитесь! Вы такъ сдѣлаетесь философомъ!

виконтъ, (осмотрясь, замѣчаетъ на право, противъ себя, Ремона; въ сторону).

Г. Ремонъ!

(Подходитъ къ нему и кланяется).

ремонъ, (откланяясь ему).

Если не ошибаюсь, Виконтъ Сентъ-Андре.

виконтъ.

Причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ.

РЕМОНЪ.

Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ нѣсколько разъ, (*улыбался*), только не въ министерствѣ.

ВИКОНТЪ, (такъ же).

Ваша правда, тамъ меня нельзя увидѣть. За то, я думаю, вамъ рассказали много дурнаго про меня?—и не мудрено, если въ вашей памяти осталось невыгодное мнѣніе.

РЕМОНЪ, (холодно).

Напротивъ, это предупредило меня въ вашу пользу: мнѣ кажется невозможнымъ, чтобъ вы не имѣли достоинства.

ВИКОНТЪ, (съ удивленіемъ).

Такое мнѣніе.

РЕМОНЪ.

Конечно — справедливо. Иначе, какъ объяснить эту злобу противъ молодаго человека, который употребляетъ все свое время на одни шалости и долги. Въ ваши лѣта можно имѣть только друзей; вы еще не пользуетесь честью имѣть враговъ. Смѣяте, молодой человекъ! Добрый знакъ; это обѣщаетъ многое! Но этого не довольно. Надобно оправдать такую ненависть.

ВИКОНТЪ.

О, еслибъ только былъ случай.

РЕМОНЪ.

Хорошо, мы посмотримъ; для начала, вамъ необходимо удалиться изъ Парижа. А воть, мы найдемъ средство васъ пристроить.

ВИКОНТЪ.

Я готовъ вѣхать; я совершенно отдаюся на вашу волю, г. министръ.

всѣ лица, (въ полголоса).

Министръ.

(Начинаютъ разговаривать между собою, посматривая на Ремона, который подходитъ къ Цециліи и г-жѣ Савене, садится подлѣ нихъ и разговариваетъ; въ это время входитъ Кокне и приближается къ г. и г-жѣ Гиберъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ. КОКНЕ.

КОКНЕ, (въ полголоса Эрминія).

Что, прекрасная моя благодѣтельница, нѣтъ ли какихъ новостей?

ЭРМИНІЯ.

Дурныя новости для всѣхъ.

КОКНЕ.

Неужели?

ЭРМИНІЯ.

Васъ очернили передъ нимъ.

ГИБЕРЪ.

Ему насаказали про тебя ужасныя вещи.

КОКНЕ.

Но кто же это?

ГИБЕРЪ.

Ужъ вѣрно кто нибудь изъ здѣшнихъ.

КОКНЕ, (поспѣшно).

Знаю кто! Навѣрное Рабурдень, мой соперникъ.

ГИБЕРЪ.

Очень можетъ быть.

КОКНЕ.

Это ясно: онъ одинъ только имѣетъ причину мнѣ вредить. Согласитесь, что это низко,—прибѣгать къ такимъ средствамъ, и для чего,—чтобъ успѣть самому. О, я вездѣ буду объ этомъ рассказывать.

ГИБЕРЪ.

Рассказывай! ты прекрасно сдѣлаешь.

ЭРМИНІЯ.

Но подождите, еще не все потеряно; министръ еще не знаетъ васъ, онъ обѣщалъ собрать о васъ свѣдѣнія.

КОКНЕ.

Я этого бы только и желалъ, потому что не правлюсь одному Рабурденю. Я всегда дѣйствовалъ и дѣйствую открыто и законно. Ну, каково бы ему было, еслибъ я самъ сталъ говорить о немъ подобныя вещи, такъ же чернить его?

(Прп. подспѣвнхъ словахъ, всѣ почти лица хлопочуть около фортепіано, и переносятъ его изъ глубины театра на авансцену).

ГИБЕРЬ, (громко).

Кажется, наши дамы памърены занять-ся музыкой. (*Женъ, которал все еще сидитъ*). Споемте квартетъ изъ «Дѣвы Озера», который ты сейчасъ проходила.

ЭРМИНІЯ.

Я, съ своей стороны, готова.

ГИБЕРЬ.

Ты проходила его съ Цециліей?

ЦЕЦИЛІЯ, (поспѣшно).

О, пѣтъ! (*Люціану, который находитъ подлѣ нея*). Я не рѣшусь пѣтъ при такомъ собраніи.

ЭРМИНІЯ, (въ сторону).

Ей не хочется. (*Встаетъ и подходитъ къ Цециліи*). Рѣшнитесь, Цецилія, мы не такъ хорошо поемъ, чтобъ заставлять себя просить.

ЦЕЦИЛІЯ.

Извините меня, вы сами знаете, что мы не успѣли еще выучить всего квартета; при томъ у насъ не достаетъ двухъ голосовъ, баса и тенора.

ГИБЕРЬ.

Я буду пѣтъ баса. Я пою всѣ партіи Лаблаша.

РЕМОШЬ, (въ сторону, улыбался).

Прекрасная рекомендація. Какъ послѣ этого не быть ему министромъ?

ГИБЕРЬ, (показывая на одного молодого человека, въ желтыхъ перчаткахъ, который стоитъ близъ него).

А вотъ, г. Сиври, удивительный теноръ, и превосходно аккомпанируетъ. (*Молодой человекъ кланяется и начинаетъ снимать перчатки. Эрминіи*). Начнемте же, мой другъ. (*Подходитъ къ Цециліи*). Начнемте, пожалуйста, не отказывайтесь, вы разрушите нашъ квартетъ.

ЦЕЦИЛІЯ, (улыбаясь).

Я, право, еще хуже сдѣлаю, если буду пѣтъ.

ЛЮЦИАНЪ, (въ полголоса).

Согласитесь; все на васъ смотрятъ! Къ чему обращать на себя общее вниманіе.

ЦЕЦИЛІЯ.

Извольте.

ЭРМИНІЯ, (добродушно).

Вотъ это очень мило съ вашей стороны. (*Въ сторону*). У нея все пойдетъ на выворотъ.

ГИБЕРЬ, (беретъ подъ руку Цецилію и подводитъ ее къ фортепьяно).

Мы просимъ позволенія на пять минутъ прорепетировать въ полголоса.

(Гиберъ, Эрминія и Цецилія становя-тсѣ около г. Сиври, который садится за фортепьяно, и всѣ четверо проходятъ тихимъ голосомъ квартетъ; въ это время Кокне, находившійся на лѣвой сторонѣ, переходитъ, позади фортепьяна, на правую сторону, гдѣ ставитъ столъ для виста).

КОКНЕ, (предлагая Ремому карту).

Не угодно ли сдѣлать намъ партію въ вистъ?

РЕМОШЬ, (взявъ карту).

Съ удовольствіемъ.

(Кокне, возвратяся къ столу, пересчитываетъ фишки и жетоны).

ЛЮЦИАНЪ, (Ремону, взявъ его подъ руку).

Я сейчасъ былъ въ той залѣ; какія-то дамы безпрестанно посматривали на Цецилію и разговаривали шопотомъ съ этимъ г. Сиври, который аккомпанируетъ на фортепьяно; не знаешь ли, кто онъ такой?

РЕМОШЬ.

Не знаю. (*Показывая на Белло, который въ это время подходитъ къ нимъ съ подносомъ*). Спроси у этого лакея, эти люди все знаютъ.

(Подходитъ къ фортепьяно, гдѣ еще все продолжается репетиція).

ЛЮЦИАНЪ, (взявъ съ подноса стаканъ сахарной воды).

Скажи, пожалуйста, не знаешь ли ты, кто этотъ молодой человекъ, за фортепьяно?

БЕЛЛО.

Подлѣ этой молодой дѣвицы? (*лукаво*) Какъ онъ на нее поглядываетъ. Повидимому, они очень знакомы. (*Въ полголоса*). Можетъ быть это одинъ изъ трехъ...

людица, (съ удивленіемъ).

Одинъ изъ трехъ? что это значить?

БЕЛЛО.

Да-съ, говорятъ, что ужъ она имѣла три интриги.

людица, (ставя на подносы стаканы).

Что такое?

БЕЛЛО.

Осторожиѣе, судари, вы чуть не выпбли у меня изъ рукъ подноса.

людица, (старалась его удержать).

Виповать! (Принужденно смѣясь). Но отъ кого ты узналъ?

БЕЛЛО.

Боже мой, да вамъ всякій скажетъ, сейчасъ еще разсказывали объ этомъ въ той залѣ... всѣ знаютъ. (Отходитъ отъ него къ другимъ лицамъ).

людица, (въ сторону).

Нѣтъ, этого быть не можетъ! неужели она? Нѣтъ, или я худо разслушалъ, или я не попалъ.

Кокне, (показывая ему на столъ).

Неудбно ли взять карту? (Люцианъ подходитъ къ столу, беретъ карту и возвращается къ Кокне). У васъ, кажется, тузъ червей!

люцианъ, (принужденно улыбаясь).

Да. Скажите, пожалуйста, вы, кажется,

были сейчасъ въ той залѣ: правда ли, будто тамъ разсказывали, что эта дѣвица, вотъ, что у фортепьяно...

Кокне, (тихо).

Тише, объ этомъ не должно говорить! А вы ужъ знаете?

люцианъ, (въ большомъ замѣшательствѣ).

Да, отчасти.

Кокне, (тихо).

Говорятъ, у нея уже были три или четыре интриги; но, быть можетъ, это и пустяки, надбно вѣрить вполонину всему, что говорятъ.

(Люцианъ, въ бѣшенствѣ, хочетъ удари- тся, но г-жа Савене подходитъ къ нему съ лѣвой стороны).

Г-жа Савене.

У меня двойка; вы мой партнеръ.

люцианъ, (внз себя).

Я готовъ.

(Оборачивается и видитъ съ другой стороны подлѣ себя Ремона и Кокне.

Ремонъ и Кокне.

Пойдемте же, сидемте.

Гнееръ, (у фортепьяно).

Наконецъ, мы готовы, начнемте!

(Г. Сиври играетъ ригурнель.—Ремонъ, Кокне, г-жа Савене садятся за столъ.— Люцианъ стоить еще у стола, обратя взоры къ фортепьяно.—Эрминия, Цецилія, Гиберъ держатъ поты и готовы уже начать пѣніе.—Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация.

ЯВЛЕНІЕ I.

люцианъ, (одинъ).

Я не спалъ всю ночь; не знаю, па какой мысли остановиться, что пред- принять? Да, мнѣ должно поговорить съ Ремономъ... Хорошо еще, что у насъ не все копчено! Кроме г-жи Гиберъ и ея мужа никто здѣсь не знаетъ, что мы

хотѣли подпсать сегодня свадебный контрактъ, никто здѣсь не считаетъ меня женихомъ, и я могу, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ насмѣшекъ! Но неужели основываться на словахъ лакея и этого глупаго Кокне? Неужели я дол- женъ отказаться отъ той, которую я люблю, отказаться отъ столь выгодна-

го брака, безъ всякаго основанія, безъ причинъ, безъ доказательствъ? Дѣлать распросы я боюсь: этимъ могу я обратиться на себя вниманіе и показать, что интересуюсь Цециліей. Но чтожь дѣлать? доказательствъ никакихъ нѣтъ... до сихъ поръ я ихъ не вижу; между тѣмъ, всѣ говорятъ. Еще сію минуту, тамъ, въ залѣ, я слышала самыя вздорныя предположенія на счетъ Цециліи, на счетъ ея семейства и всего, что ее окружаетъ! Если и жепюсь, — бѣда! Они не пошадятъ меня, будутъ говорить, что я все знала... а Кокне подтвердятъ, онъ самъ мнѣ все разсказалъ! Я все знала и женился на Цециліи потому только, что она богата, изъ знатной фамиліи, воспитанница министра. Да, все это они скажутъ! Мнѣ кажется, я уже слышу ихъ сплетни. Боже мой! я чувствую уже холодъ; у меня лихорадка! Надо рѣшиться, я долженъ посоветоваться съ Ремонь: онъ одинъ можетъ наставить меня на путь истинный. Вотъ онъ! какая досада... съ нимъ его сестра!

ЯВЛЕНІЕ II.

Эрминія, Ремонь, Люціянь.

эрминія.

Какъ, развѣ вы не будете съ нами завтракать?

ремонь, (съ шляпой и перчатками въ рукахъ).

Нѣтъ, мнѣ некогда. Вчера Виконтъ Сентъ-Андре измѣнилъ моему никогнитто, и я по неволѣ долженъ сегодня ѣхать съ подъ-префектомъ и старшинами здѣшняго города за три мили отсюда, на закладку маяка. Отказаться отъ этой чести нельзя: будутъ роптать на меня... не правдали, Люціянь?

люціянь.

Я хотѣлъ поговорить съ тобою, мой другъ.

ремонь.

О маякъ?

люціянь.

Нѣтъ, совсѣмъ о другомъ.

ремонь.

Теперь некогда, мой другъ, эти господа придутъ за мной въ каретъ... можетъ быть они ужъ меня ждутъ; потому я долженъ быть на большемъ объѣздѣ, гдѣ сберется все лучшее общество. Придется вытерпѣть и это мученье! Но за то весь вечеръ нашъ и онъ меня за все вознаградитъ (смыслъ, бьетъ по плечу Люціяня). Мы подпишемъ контрактъ.

люціянь.

Именно по этому случаю я и хотѣлъ тебѣ сказать кое-что: меня успокоитъ одно обстоятельство.

ремонь.

Я догадываюсь... свадебная корзинка, ея не привезли? Не безпокойся, еще до моего отъѣзда все было устроено, все выбрано съ большимъ вкусомъ, надъ этимъ трудилась моя сестра, она—мастерица на такія дѣла.

люціянь.

Какъ! г-жа Гиберъ?

ремонь.

Да, да, она взялась съ удовольствіемъ. Вообще, всѣ дамы чрезвычайно любятъ свадебныя хлопоты. (Сестръ) Когда все это привезутъ?

эрминія.

Я полагаю, сегодня; мнѣ непременно общали, я заказала все въ первомъ парижскомъ магазинѣ.

ремонь.

Это еще не доказываетъ точности общаній; но положимъ, что такъ,—я готовъ вѣрить. Вотъ, увидишь, что за вещи.

Люціянь, (въ полголоса).

Я увѣренъ... но я хотѣлъ поговорить съ тобой!...

эрминія, (дѣлая реверансъ).

Извините, я прежде васъ явилась для переговоровъ.

РЕМОНЪ.

Какъ! ужъ и въ семействѣ у меня спорятъ за аудіенціи? Ну, говорите же скорѣй... дама прежде, по вѣсѣмъ правамъ.

(Люціанъ садится въ кресло).

ЭРМИНІЯ.

Мнѣ довольно двухъ словъ. Признаюсь, мнѣ очень больно, что вы ни въ чемъ мнѣ не отдаете справедливости.

РЕМОНЪ.

Я могу тебя упрекнуть подъ часъ въ вѣтренности, въ безразсудствѣ, но никогда ни въ чемъ особенно важномъ! Если свѣтъ непрерывно нападаетъ на мою честь, то по крайней мѣрѣ тебя до сихъ поръ уважаетъ; это единственная радость и утѣшеніе нашего старика.

ЭРМИНІЯ.

Когда вы дѣйствительно такъ думаете, то вѣрно не забыли, о чемъ я говорила вамъ вчера?

РЕМОНЪ.

Ты мнѣ столько напказала.

ЭРМИНІЯ.

О новомъ назначеніи; я обѣщалась вамъ безпрестанно твердить...

РЕМОНЪ.

Напрасно будешь трудиться; нашъ товарищъ уже назначенъ.

ЭРМИНІЯ, (съ радостью).

Не уже ли?

РЕМОНЪ.

Но только не твой мужъ.

ЭРМИНІЯ, (съ сердцемъ).

О, какая измѣна!

ЛЮЦІАНЪ, (вставая, съ удивленіемъ).

Какъ, не уже ли онъ надѣялся?

РЕМОНЪ, (обращаясь къ Люціану).

Ты слышишь! Ну, а ты что хотѣлъ мнѣ сказать? говори.

ЛЮЦІАНЪ.

Только не при твоей сестрѣ.

ЭРМИНІЯ.

Конечно, опять заговоръ противъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Эрминія, Ремонъ, Люціанъ, Белло.

Белло, (входя, обращается къ Ремону).

Г. подъ-префектъ и всѣ старшины нашего города пріѣхали за вами, г. министръ, въ коляскѣ; они сейчасъ будутъ сюда.

РЕМОНЪ.

Я самъ иду къ нимъ на встрѣчу. (Люціану, который хочетъ его остановить). Мы поговоримъ послѣ, мой другъ, когда я возвращусь. Министръ никогда не долженъ заставлять себя дожидаться; иначе онъ дастъ время говорить о себѣ дурно.

БЕЛЛО, (простосердечно).

О, нѣтъ, г. министръ. — Они не осмѣлятся! Я слышалъ самъ сейчасъ, какъ г. подъ-префектъ сказалъ прочимъ: замолчите, пожалуйста, онъ здѣсь.

РЕМОНЪ, (Люціану, смѣясь).

Ну, видишь, ужъ они начали. (Къ Белло). Ступай впередъ, скажи имъ, что я иду.

(Уходитъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эрминія, Люціанъ.

ЭРМИНІЯ.

Я вижу, что напрасно стараюсь уравновѣсить то довѣріе, какимъ пользуетесь вы и особенно ваша невѣста... Мой братъ не въ состояніи вамъ ни въ чемъ отказать.

ЛЮЦІАНЪ, (съ удивленіемъ).

Что вы хотите сказать?

ЭРМИНІЯ.

Что въ ту самую минуту, когда такъ неуспѣшна была моя просьба, Цецилія

выпросила у министра пять или шесть вакантных мѣстъ. Здѣсь въ Діеппѣ, кормчіе, штурманы, повѣренные были устроены по ея рекомендаціи; она распоряжается всеми мѣстами! Теперь, когда мнѣ придется искать министерской милости, я буду обращаться къ пей, (сз ироніей), или скорѣе къ тому, кто будетъ имѣть надъ нею всю власть (дѣлая ему реверанс)... къ вамъ, будущій счастливый ея супругъ.

(Кланяется Люціану и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

люціанъ, (одинъ, съ безпокойствомъ).

И она тоже. Что значить этотъ насмѣшливый тонъ? О, она вѣрно все знаетъ; но если эти слухи долетѣли до пел, то они должны уже быть всемъ извѣстны, а это такъ же ужасно, какъ бы они были дѣйствительны; притомъ, общій голосъ не можетъ быть вовсе несправедливымъ; невѣроятно, чтобы подобныя слухи распространились такъ смѣло безъ причины: тутъ точно есть что нибудь. (Обратясь къ задней двери) г-жа Савене и Цецилія! Я долженъ рѣшиться, чего бы это мнѣ не стоило, я долженъ узнать истину.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Люціанъ, въ сторонѣ, у стола, на которомъ разложены журналы; Цецилія, г-жа Савене.

цецилія, (весело г-жѣ Савене, не замѣчая Люціана).

Странно, какъ вы этого не замѣтили, сестрица?

Чего?

г-жа Савене.

цецилія.

Когда мы вошли въ залу, вдругъ все присмирѣли, у всѣхъ сдѣлались такия страшныя лица.

г-жа Савене.

Вѣрно изъ уваженія; здѣсь въ городѣ все знаютъ что такое маркиза де Савене... ихъ почтеніе...

цецилія, (все такъ же весело).

Удивительно даже! все опустили глаза; покуда мы проходили мимо ихъ, никто не сказалъ ни слова, по только что прошли, вдругъ все зажурикали... вы оборотили голову къ нимъ и опять все замолкло.

г-жа Савене, (важно).

Я вамъ говорю, что это изъ уваженія ко мнѣ! Здѣсь, въ маленькомъ городѣ, больше печего дѣлать, какъ смотрѣть на новыя лица,—особенно на такія, которыя пріобрѣли извѣстность, которыя имѣютъ особыя отличія въ манерахъ.

цецилія.

Я сама это замѣтила. Сейчасъ, когда несчастные рыбаки пришли благодарить меня за награду, которую я выпросила имъ у министра...

люціанъ, (подходя къ ней).

Такъ это правда?

цецилія, (увидя его).

Ахъ! вы были здѣсь?

люціанъ.

Да, (поспѣшно). Но о казкой наградѣ говорите вы?

цецилія.

Ахъ, я говорила о тѣхъ рыбакахъ, которые гребли вчера въ нашей лодкѣ; вы знаете, что они нѣсколько разъ подвергали свою жизнь опасности во время бури; они такъ бѣдны; я хотѣла-было просить васъ поговорить въ ихъ пользу, по нашъ министръ такъ добръ! я сама осмѣлилась рассказать ему о ихъ челолюбіи, и,—судите о моемъ счастьи,—они уже получили награду и причислены къ береговой стражѣ.

люціанъ.

Только? (сз замѣтательствомъ). Я хотѣлъ сказать... только тѣмъ и кончилось?

цецилія.

Для нихъ довольно и этого; они такъ счастливы! Сію минуту были они съ своими женами и дѣтьми здѣсь; радость ихъ тронула меня до слезъ;

по между тѣмъ, какъ они благодарили меня, я печально оборотилась и увидѣла почти все здѣшнее общество. Всѣ смотрѣли на меня изъ оконъ, и съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, что я не могу вамъ рассказать. Не ужели имъ смѣшны были мои слезы? это съ ихъ стороны дурно! Я замѣтила, что въ здѣшнемъ городѣ очень много насмѣшниковъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Можетъ быть; однакожъ діеспскіе жители вообще, кажется, люди добрые, строгой нравственности. Я ихъ за это хваляю. Сегодня утромъ, когда я брала ванну, здѣшнія горничныя разговаривали между собою о какой-то молодой дѣвушкѣ,—и что онѣ про нее говорили, ужасъ!..

ПЕЦЦИЯ.

Бѣдняжка!

Г-ЖА САВЕНЕ.

Признаюсь, негодованіе ихъ мнѣ очень понравилось: дѣвушка вышатаго круга, не болѣе восемнадцати лѣтъ, имѣла уже четыре интриги, если еще не больше... Не ужасно ли это! Стыдъ!

ПЕЦЦИЯ, (улыбаясь.)

Можетъ-быть это и ложь? Это что-то невѣроятно...

Г-ЖА САВЕНЕ.

Вѣроятно или нѣтъ, но мнѣ кажется, хоть я ко всему очень свисходительна, что не даромъ говорятъ такія вещи объ дѣвушкѣ. Я не разбираю: изъ вѣтренности ли, по безразсудству ли поступала она дурно, но если она заставила говорить о себѣ, значитъ—она виновата. Въ такомъ случаѣ не жди отъ меня жалости. Ну, говорили ли когда нибудь дурное обо мнѣ?

ПЕЦЦИЯ.

Никогда, конечно.

Г-ЖА САВЕНЕ.

А почему? Потому, что нечего было обо мнѣ сказать: люди никого не обвиняютъ напрасно. Не правда ли, г. Лю-

цианъ? Боже мой! Что съ вами? Вы такъ блѣдны, такъ разстроены!

ЛЮЦИАНЪ, (становясь между ними).

Признаюсь, отъ негодованія, отъ досады. Я знаю эту дѣвушку, о которой вы сейчасъ говорили.

Г-ЖА САВЕНЕ, (улыбаясь).

Какъ, вы знаете эту страстную особу?

ЛЮЦИАНЪ.

Да, маркиза, и до сихъ поръ не могу понять, кто распустилъ о ней такія ужасныя вѣсти? Онѣ такъ нелѣпы.

ПЕЦЦИЯ, (поспѣшно, прыгая отъ радости).

О, она невиновата, вѣрно невиновата! Ахъ какъ вы меня обрадовали! Какъ я вамъ благодарна! (Г-жѣ Савене). Вотъ видите, я не даромъ сомнѣваюсь. Ахъ, расскажите намъ все. Вы говорите, что знаете ее?

ЛЮЦИАНЪ, (съ смущеніемъ).

Очень хорошо.

Г-ЖА САВЕНЕ, (сухо).

Ну, это небольшая честь.

ЛЮЦИАНЪ, (съ волненіемъ).

Скажу болѣе. Вы, маркиза, знаете ее еще лучше меня; вы ее уважаете; она принадлежитъ къ кругу друзей вашихъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Можетъ ли быть?

ПЕЦЦИЯ, (наивно).

Стало-быть и я ее знаю? (съ радостью). Боже мой, какъ я довольна, что защищала ее! Я увѣрена, что изъ всѣхъ моихъ подругъ не найдется ни одной, которую бы осмѣлились оскорбить такимъ подозрѣніемъ. Кто она? назовите ее.

ЛЮЦИАНЪ.

Извольте; я долженъ вамъ все сказать, долженъ сказать для того, чтобъ пайти вмѣстѣ съ вами причину такихъ оскорбленій и средства отмстить за нихъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Говорите же!

цецилія.

Скажите скорѣй, кто эта несчастная дѣвушка?

люціанъ.

Вы!

цецилія, (вскрикивая и подбѣгая къ г-жѣ Савене).

Я!.. я!.. Великій Боже!...

г-жа Савене, (съ негодованіемъ).

Какъ, Цецилія! Осмѣлится обижать ту особу, которая находится подъ моимъ покровительствомъ? осмѣлится сомнѣваться въ ея добромъ имени, искать для нея защиты!

цецилія, (взявъ се за руки)

О, какъ я вамъ благодарна.

люціанъ.

И я думаю, какъ вы. При одномъ взглядѣ на нее должны замолчать ея враги; но между тѣмъ ни вы, ни я не можемъ уничтожить слуховъ, самыхъ обидныхъ, невѣроятныхъ. Не смотря на всѣ наши старанія, они будутъ болѣе и болѣе распространяться.

г-жа Савене.

Но кто ихъ распускаетъ? Кто?

люціанъ.

Не знаю! Но изъ нѣсколькихъ рѣчей, подслушанныхъ мною тихонько въ той залѣ... изъ нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ, по видимому въ пасмѣшку, г-жею Гиберъ, я заключаю, что эту злую молву произвела ваша дружба, ваша привязанность къ Ремону, которая однакожъ очень естественна.

г-жа Савене, (Цецилія).

Вотъ, видите, не говорила ли я вамъ? Вы всегда отзываетесь о немъ съ какимъ-то восторгомъ! Къ чему это? Еще вчера утромъ, здѣсь, при чужихъ людяхъ, когда сказали о немъ что-то дурное, вы вздумали вдругъ защищать его, какъ-будто вы его адвокатъ...

цецилія.

Конечно, я была виновата, одна-кожъ...

г-жа Савене.

Молодые дѣвцы должны всего остере-

гаться, ничему не вѣрить, не подавать повода ни къ замѣчаніямъ, ни къ толкамъ, ни къ объясненіямъ.

люціанъ.

А къ нимъ именно подала еще новый поводъ теперешняя сцена съ этими рыбаками, и награда ихъ, и опредѣленіе.

г-жа Савене.

Вотъ видите! Что вамъ за нужда была вмѣшиваться въ эти дѣла? Вы должны были напередъ знать, что министръ не оставитъ безъ исполненія вашей просьбы, что этотъ случай произведетъ дурные толки. Онъ никогда вамъ ни въ чемъ не отказывается.

люціанъ, (съ безпокойствомъ).

Въ самомъ дѣлѣ!

г-жа Савене.

Это не то, что мнѣ. Въ послѣдній разъ просила я его помѣстить стараго моего лакея сторожемъ въ канцелярію, такъ онъ и этого для меня не сдѣлалъ; а она что ни скажи,—все прекрасно, все справедливо! Я увѣрена, что всему этому злу причину Ремонъ: вездѣ се превозноситъ, говоритъ о ней всегда съ такимъ восхищеніемъ, что, признаюсь, часто мнѣ приходитъ на мысль, не влюбленъ ли ужъ онъ самъ въ нее.

люціанъ и цецилія.

Ремонъ!

г-жа Савене.

Да. Это замѣтно по всѣмъ его поступкамъ. (Гордо.) Однакожъ никто не осмѣлится подозрѣвать, чтобъ я въ своемъ домѣ покровительствовала его любви.

люціанъ, (съ нетерпѣніемъ).

Нѣтъ, вы ошибаетесь, подозрѣніе не шадитъ никого. Я не хотѣлъ, я боялся вамъ сказать, что молва тронула и васъ.

г-жа Савене, (подходя къ нему).

Меня, маркизу де-Савене! Желала бы я знать, что осмѣлились сказать обо мнѣ?

люціанъ.

Я слышалъ самъ, какъ одинъ изъ здѣшнихъ жителей говорилъ другому

въ полголоса, что вы именно покровительствовали, или по крайней мѣрѣ, равнодушно смотрѣли на эту любовь.

г-жа савене, (вскрикивая).

Боже мой! Какая ужасная клевета! Можеть ли кто вѣдѣть въ свѣтъ повѣрить!..

люцианъ.

Онъ еще присовокупилъ, что такое списхождение съ вашей стороны было платою за десять тысячъ франковъ, которые исходатайствовалъ вамъ министръ въ пенсіонъ.

г-жа савене.

Боже мой! Да это такой ужасъ, которому нѣтъ и названія.

люцианъ, (поспѣшно, съ радостію).

Какъ, развѣ это неправда? Вы не получили никакого пенсіона?

г-жа савене.

Я получила, но только не десять, а пять тысячъ франковъ.

люцианъ, (съ нетерпѣніемъ).

Тутъ дѣло не въ количествѣ.

г-жа савене.

Меня никто не смѣетъ упрекнуть этимъ пенсіономъ; я получила его за службу маркиза де Савене, за заслуги моего мужа; я пользуюсь имъ по всей справедливости.

люцианъ.

Но кто же его вамъ выпросилъ?

г-жа савене.

Министръ Ремонъ.

люцианъ, (съ силой).

Такъ вы теперь сами можете видѣть, что и въ самой ихъ лжи есть нѣкоторая правда и, какъ вы сами говорите...

г-жа савене.

Дался имъ мой пенсіонъ. Ну, ужъ гордость! Ну, ужъ жители! Не прикажете ли мнѣ, для ихъ удовольствій, отказаться отъ пенсіона?

цецилія.

Бѣдная сестрица!

г-жа савене.

А все вы, сударыня! Вы всему причиною. Вашей вѣтренности, вашему безразсудству обязана я такимъ униженіемъ.

цецилія.

Напрасно вы такъ думаете; слухи эти такъ нелѣпы, что вѣрно ни одинъ благоразумный человекъ имъ не повѣритъ. (Подходитъ къ Люциану, съ благородствомъ.) Но если, не смотря на ихъ невѣроятность, сдѣлали они хоть минутное вліяніе на вашъ умъ и на ваше сердце, вы свободны... я вамъ возвращаю ваше обѣщаніе. Наша свадьба извѣстна только моему благодѣтелю и его семейству; никто другой объ этомъ не знаетъ, и разрывъ ея не произведетъ ни слуховъ, ни оскорбленій.

люцианъ.

Мнѣ отказаться отъ васъ! Мнѣ, когда я такъ люблю васъ: когда я готовъ цѣною всей моей крови смыть такое безчестіе.

цецилія.

Позвольте мнѣ кончить. Я ничего не могу сдѣлать противъ этой обиды; не знаю ея происхожденія и причины; не могу изобличить во лжи тѣхъ, которые такъ дурно говорили обо мнѣ, не будучи со мной знакомы, не зная вовсе меня! Но я скажу вамъ, положи руку на сердце, что я виновна, что я не могу упрекнуть себя ни въ одномъ дурномъ поступкѣ; въ истинѣ моихъ словъ даю вамъ одно доказательство—мою клятву! Если для васъ достаточно этого оправданія на всѣ клеветы, если въ эту минуту, когда всѣ меня обвиняютъ, вы одни вѣрите моей виновности, то это будетъ для меня залогомъ вашего уваженія, знакомъ вашей привязанности; этого я не забуду до гроба и вся жизнь моя будетъ посвящена на то, чтобъ доказать вамъ мою любовь. Подумайте: я буду ожидать вашего отвѣта.

(Кланяется ему и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Люциявъ, г-жа Савене.

люциявъ, (съ отчаяніемъ).

О, не меня должна она убѣждать—я вѣрю ей во всемъ; знаю, что она невинна, добродѣтельна, по другіе!

г-жа Савене, (важно).

Это мое дѣло! Я беру участіе въ ея положеніи болѣе, чѣмъ она сама. Я открываю истину, это для меня не трудно.

люциявъ, (съ сомнѣніемъ).

Вы думаете, что можно...

г-жа Савене.

Я въ этомъ увѣрена. Какія нибудь жалкія твари распускаютъ тихомолкомъ эти сплетни; но когда я, маркиза де Савене, явлюсь предъ ними, они не выдержатъ моего взгляда; одно мое слово можетъ привести ихъ въ смущеніе! Пусть они ко мнѣ явятся, я ихъ жду!

люциявъ, (съ нетерпѣніемъ).

Не безпокойтесь, они не явятся! А между тѣмъ слухи распространяются! Чѣмъ вы ихъ прекратите?

г-жа Савене.

Истиной.

люциявъ, (такъ же).

Они не захотятъ ея знать! Въ свѣтѣ существуетъ иногда такого рода ложь, которая, переходя изъ устъ въ уста, получаетъ силу вѣроятности: ее уже не считаютъ клеветою; ее пускаютъ въ свѣтъ какъ ходячую монету, она всюду втирается. Вы сами, я думаю, очень часто принимали ее за истину: кто знаетъ, можетъ-быть и теперь вы увлечетесь общимъ мнѣніемъ.

г-жа Савене.

Скорѣе вы.

люциявъ.

Я? Никогда!

г-жа Савене.

Увидимъ! Но я употреблю все силы, и повѣрьте, истина восторжеству-

етъ! Въ ней никто не усомнится, когда она произнесется голосомъ сильнымъ, внушающимъ уваженіе. Я вамъ сказала уже: это мое дѣло, не вмѣшивайтесь въ него! Кто-то идетъ?

люциявъ.

А! это одинъ изъ здѣшнихъ жителей.

г-жа Савене.

Прекрасно! съ него должно начать.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Кокне, Люциявъ, г-жа Савене.

кокне, (поклонясь имъ).

Кажется, я имѣю счастье видѣть маркизу де Савене?

г-жа Савене, (важно).

Точно такъ.

кокне.

Позвольте спросить, не здѣсь ли ваша племянница, или сестрица? Я такъ ихъ уважаю. Мнѣ нужно бы было переговорить съ ними, но, признаюсь, нѣтъ смѣлости; впрочемъ, позвольте, хоть сказать вамъ.

г-жа Савене.

Что такое? въ чемъ дѣло?

кокне.

Вы видите предъ собою человѣка, который все свои надежды основываетъ на вашихъ милостяхъ; я отецъ семейства, оклеветанный безъ всякой причины; злоба не щадитъ никого.

г-жа Савене.

Что жъ вамъ угодно?

кокне.

Я знаю все, что говорятъ о вашей племянницѣ, г-жѣ Цециліи.

люциявъ.

Вы безъ стыда вчера еще рассказывали мнѣ сами.

кокне, (поспѣшно).

Мнѣ другіе сказали, клянусь вамъ! Я ничего самъ не выдумалъ, но я былъ въ заблужденіи... я былъ обманутъ, теперь я узналъ всю правду.

люціанъ, (съ радостью).

Можетъ ли быть?

г-жа савене, (Люціану, съ торжествомъ).

Ну, что вы послѣ этого скажете? Вы видите, что вовсе не трудно вразумить этихъ людей.

люціанъ.

Говорите, говорите скорѣе.

кокве.

Я этого только и желаю. (*Становясь между ними*). Вотъ въ чемъ дѣло, сударыня: я искалъ мѣста, на которое имѣю всѣ права, и навѣрное бы получилъ его, еслибъ не помѣшалъ мнѣ мой соперникъ, г. Рабурденъ; онъ наговорилъ министру, что я рѣшительно не имѣю никакихъ способностей, что я не заслуживаю никакого уваженія. Да, сударь, вы не вѣрите, но это правда, это извѣстно уже всему городу; вамъ всякій скажетъ; онъ замаралъ мою репутацию, и для чего? Чтобъ получить самому это мѣсто! Признаюсь, я лучше бы отказался отъ него, чѣмъ когда-нибудь рѣшился получить такими средствами, и по его милости, я переносу ужасныя збиды отъ всѣхъ моихъ согражданъ; я долженъ непременно оправдать себя предъ ними, я долженъ для собственной чести получить это мѣсто, ни для чего другаго, какъ только для чести.

люціанъ и г-жа савене, (съ нетерпѣніемъ).

Но вы хотѣли...

кокве.

Я бросился-было къ сестрицѣ министра, г-жѣ Гиберъ, но она ничего не могла для меня сдѣлать: довѣренность къ ней братца съѣла на мель. Я подумалъ, къ кому болѣе прибѣгнуть, какъ не къ вашему могущественному покровительству?

г-жа савене.

Ко мнѣ? Но я не имѣю никакой силы.

кокве.

О, нѣтъ-съ, не можетъ быть! (*запинаясь*). Вы сами изволите знать, и

мы всѣ очень хорошо знаемъ, что ваша племянница...

люціанъ и г-жа савене.

Что такое?

кокве.

Вы изволите имѣть силу надъ пей, а она надъ министромъ;—примѣръ мы видѣли еще сегодня утромъ. Эти мѣста, которыя исходатайствовала у него г-жа Цецилія, по вашей рекомендаціи...

г-жа савене.

Что вы, я...

кокве, (поспѣшно).

И другой примѣръ,—эти пятнадцать тысячъ франковъ, которые вы сами изволили выпросить себѣ въ пансіонъ.

г-жа савене, (съ сердцемъ).

Пятнадцать тысячъ?

люціанъ, (такъ же, обращаясь къ г-жѣ Савене).

Извольте же унять этихъ людей!

(Люціанъ проходитъ нѣсколько разъ по сценѣ и потомъ становится подлѣ г-жи Савене, на право).

кокве.

И неужели вы откажете въ покровительствѣ честному человѣку, отцу семейства; вы не сыщете другаго человека въ мірѣ, который бы такъ былъ вамъ преданъ, такъ былъ благодаренъ! (*пошжал голосъ*). Для васъ я готовъ на все, на всякія пожертвованія.

г-жа савене, (въ сильномъ негодованіи).

Боже мой, я совсѣмъ задыхаюсь, мнѣ дурно; я прикажу отвести его къ королевскому прокурору.

кокве, (съ удивленіемъ).

Помилуйте! Что я такое сдѣлалъ?

люціанъ, (г-жѣ Савене въ полголоса съ безпокойствомъ).

Полноте, успокойтесь; вы видите, онъ и не думалъ васъ обижать; онъ человекъ чистосердечный, но всего хуже, что не онъ одинъ...

кокве.

Я никакъ не думалъ; мнѣ всѣ совѣтовали. Г-жа Гиберъ сама мнѣ сказала:

«Я ничего не могу для васъ сдѣлать, но вотъ эти дамы имѣютъ большую силу; чрезъ нихъ вы до всего достигнете.» Если я сдѣлалъ что-нибудь дурное, сдѣлайте одолженіе, извините меня.

г-жа Савене, (едва удерживаясь).

А! Такъ это все по милости г-жи Гиберъ?

люциль, (въ полголоса).

Прошу васъ, успокойтесь; она идетъ сюда съ мужемъ и съ виконтомъ.

г-жа Савене.

Тѣмъ лучше, больше будетъ свидѣтелей; я давно ждала случая, я изобличу ихъ во лжи, уничтожу ихъ. Не беспокойтесь, разговоръ нашъ не будетъ длиненъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кокне, Гиберъ, Эрминія, подъ руку съ Виконтомъ Сентъ-Андре, г-жа Савене, Люциль.

эрминія, (обращаясь къ мужу).

Да, здѣсь, въ Діеппѣ, дѣлаютъ удивительныя вещи изъ слоповой кости, прелесть! Одна моя пріятельница купила себѣ какую-то штучку за тысячу франковъ! Я хочу также купить что-нибудь для поощренія искусства! Не поѣдете ли вы съ нами?

гиберъ, (бросаясь въ кресла).

Я не люблю искусствъ! Мнѣ и такъ приходится всегда платить по счетамъ.

эрминія, (все еще подъ руку съ Виконтомъ).

Ну, такъ мы поѣдемъ и безъ васъ.

кокне, (ставовясь между Гиберомъ и его женой, и обращаясь къ Эрминіи, тихо).

Меня преслѣдуетъ несчастье! Опять неудача!

эрминія, (смѣясь).

Бѣдный Кокне!

г-жа Савене, (подходя къ ней, громкимъ голосомъ).

Какъ я рада, что вижу васъ! я было шла къ вамъ.

эрминія.

Нѣтъ ли какихъ повостей?

г-жа Савене, (не смотря на всѣ усилія Люцильа, желающаго заставить ее молчать).

Новостей нѣтъ, но я хотѣла дать вамъ урокъ.

(Эрминія останавливается, Гиберъ встаетъ съ кресла и подходитъ къ своей женѣ, Виконтъ оставляетъ руку Эрминіи и садится въ тѣ кресла, въ которыхъ сидѣлъ Гиберъ; Кокне садится съ другой стороны, подлѣ стола).

эрминія, (г-жѣ Савене).

Ваши уроки для меня нисколько не обидны; я еще, по своимъ лѣтамъ, могу ими пользоваться. Вотъ вы, дѣло другое, вы ужь очень давно приобрѣли право ихъ преподавать.

гиберъ, (дѣлая ей знаки, чтобъ она замолчала).

Эрминія!

эрминія, (г-жѣ Савене).

Позвольте же, какой урокъ? Не угодно ли вамъ пачать.

г-жа Савене, (скрывая свой гнѣвъ).

Съ большимъ удовольствіемъ! Затвердите же и не забывайте, чтѣ я вамъ скажу. Когда особа моего званія принимаетъ къ себѣ подобную вамъ даму, когда она удостоиваетъ допускать въ свой дружескій кругъ жену ничтожнаго человѣка...

гиберъ.

Г-жа Савене!

г-жа Савене.

Я хотѣла сказать: денежнаго человѣка,—въ моихъ глазахъ это одно и то же,—въ такомъ случаѣ эта женщина не должна забывать своего происхожденія, своего отца, какого-нибудь бургундскаго виноградара (*движеніе Эрминіи и Люцильа*); другихъ его титуловъ я, право, не знаю.

люциль, (въ полголоса г-жѣ Савене).

Сдѣлайте одолженіе...

г-жа Савене.

Не мѣшайте мнѣ, и хочу имъ доказать, что мы поставлены слишкомъ вы-

СОКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЪ МОГЛА ПАСЪ ЗАПЯТНАТЬ ПХЪ КЛЕВЕТА.

Эрминія.

Клевета?

Г-жа Савене.

Да-съ, которую вы изволили распустить и на счетъ Цециліи, и на мой счетъ.

Эрминія, (холодно).

Я распустила? Ошибаетесь, я ничего не говорила, я только слушала. Виповата ли я въ томъ, что другіе говорятъ?

Г-жа Савене.

А я твердо увѣрепа, что всѣ эти ложные слухи изобрѣтены вами.

Эрминія, (съ негодованіемъ).

Мною! И вы можете думать?

Г-жа Савене.

Я никого не обвиню безъ доказательствъ. Обращаюсь къ вамъ, господа, скажите, правду ли я говорю?

(Кокле и Виконтъ встають съ кресель; Люціанъ подходитъ къ маркизъ).

Эрминія, (внѣ себя отъ досады).

Нѣтъ, это уже слишкомъ! Я хотѣла промолчать, но когда публично вызывають меня на объясненіе, когда уже дѣйствительно подозрѣвають меня въ этой клеветѣ, я должна по необходимости представить дѣло въ настоящемъ видѣ.

Гибертъ, (желая помѣшать ей говорить).

Эрминія.

Эрминія.

Не беспокойтесь, я не выдамъ никого; тутъ пужно существо дѣла, а не имени. Достаточно будетъ сказать маркизъ, что въ прошломъ году, въ замкѣ, гдѣ она находилась съ своей сестрицей, одинъ человекъ, заслуживающій полное довѣріе, видѣлъ, и очень ясно (*ударяя на слова*), какъ вышелъ очень рано утромъ незнакомый молодой мужчина изъ комнаты...

Г-жа Савене.

Какое оскорбленіе!

Эрминія, (дѣлая ей реверансъ).

И, кажется, изъ вашей? Мои предположенія никогда не доходили до этого.

Г-жа Савене.

Ложь! чистая ложь! Такого свидѣтеля быть не можетъ.

Эрминія.

Онъ на лицо, онъ здѣсь.

Г-жа Савене.

Но кто же онъ?

Эрминія.

Мой мужъ!

Гибертъ, (подходя къ г-жѣ Савене).

Позвольте.

Эрминія, (съ жаромъ).

Онъ признался въ этомъ мнѣ, (*показывая на Кокле*), и этому господину!

Кокле, (подходя къ Эрминіи).

Точно такъ, и сказалъ еще мнѣ по секрету, что это былъ онъ самъ! Онъ самъ... Я люблю правду.

Эрминія, (съ гнѣвомъ).

А! вотъ этого я еще не знала. (*Обращаясь къ нему*). Если это правда...

Гибертъ, (жепъ).

Кляпуть тебѣ, вздоръ.

Эрминія, (въ полголоса).

Такъ стало быть мои подозрѣнія справедливы, это былъ Ремоупъ!

всѣ.

Ремоупъ!

люціанъ, (становясь между г-жею Савене и Гибертомъ, и обращаясь съ гнѣвомъ къ послѣднему).

Это былъ Ремоупъ?

Эрминія, (съ другой стороны мужу).

Говорите! Это были вы?

люціанъ, (съ другой стороны).

Это былъ Ремоупъ?

Гибертъ, (между ними съ замѣшательствомъ).

Но, г. Люціанъ, Эрминія.

люціанъ и Эрминія.

Отвѣчайте же! Кто?

ГИБЕРЬ.

Ни тотъ, ни другой!

ЛЮЦИАНЪ и Г-ЖА СЛАВЕНЕ.

Такъ кто же?

ГИБЕРЬ, (съ затрудненіемъ).

Кто? вамъ непременно угодно знать? Это былъ молодой человекъ, весьма недурной собою, очень любезный, вполне достойный любви.

ЛЮЦИАНЪ, (въ сторону).

О, Боже!

ГИБЕРЬ.

Вѣроятно любовь эта началась еще въ Парижѣ. (Поспѣшно). Любовь чистая, платоническая, я въ этомъ убѣжденъ!

ЭРМИНІЯ, (мужу, съ нетерпѣніемъ).

Но кто же онъ? Кто?

ЛЮЦИАНЪ.

Кто? мы хотимъ знать, или вы...

ГИБЕРЬ, (съ затрудненіемъ).

Позвольте, сейчасъ. Вы свидѣтели, я тутъ нисколько не виноватъ; я никого не хотѣлъ вмѣшивать въ это дѣло; но меня принуждаютъ, я долженъ повиноваться. Это былъ — Виконтъ Сентъ-Андре!

ВИКОНТЪ, (подбѣгая къ Гибери съ гнѣвомъ).

Г. Гиберь!

ЭРМИНІЯ, (Виконту).

Вы, виконтъ! Неужели?

ВИКОНТЪ, (Гибери, съ гнѣвомъ).

Вы дали мнѣ слово.

ГИБЕРЬ.

Я не отрицаюсь, но въ подобномъ положеніи, когда всѣ требуютъ такъ настоятельно, я долженъ былъ сказать правду по неволѣ.

ВИКОНТЪ, (такъ же).

Но что же вы знаете? Чѣмъ вы докажете эту правду?

ГИБЕРЬ.

Что до доказательствъ, это дѣло другое, это до меня не касается; еслибъ ничего не случилось, я былъ бы очень

радъ; но что я васъ видѣлъ, въ этомъ вы должны сознаться.

ВИКОНТЪ, (такъ же).

Г. Гиберь!

ГИБЕРЬ.

Вы не одному мнѣ говорили: я могу сослаться на другихъ людей; вы предъ ними не скрывались.

ВИКОНТЪ, (съ жаромъ).

А если я васъ обманулъ, если я хотѣлъ только похвастаться; если я солгалъ, если, по безразсудству, изъ одного тщеславія, или по другой причинѣ, я указалъ особу, которую совершенно не знаю.

ГИБЕРЬ, (поспѣшно).

Положимъ, что такъ: я очень радъ, тѣмъ пріятнѣе для меня, (смотря на Люциана,) и для другихъ.

ВИКОНТЪ.

Оно точно такъ и было. (Громко). Клянусь, что это истина, господа! Клянусь предъ вами публично! и если вы, г. Гиберь, вы, или другой кто нибудь осмѣлится сомнѣваться въ этой истинѣ, я почту за личную обиду, за оскорбленіе моей чести и потребую удовольствованія!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Нѣсколько мужчинъ, Кокине, Гиберь, Эрминія, Люцианъ стоятъ предъ г-жею Славене, которая бросается въ кресла; множество дамъ и мужчинъ стоятъ группами въ глубинѣ театра и тихо разсуждаютъ о случившемся.

КОКИНЕ, (повиоухавъ табуку и обращаясь къ окружающимъ его лицамъ).

Молодецъ! вотъ истинно честный человекъ, примѣръ молодымъ людямъ! Вотъ такъ должны всѣ поступать!

ГИБЕРЬ, (въ полголоса).

Мало ли что можно сказать! Онъ и не могъ иначе поступить!

Эрминія, (въ изумленіи).

Это былъ онъ! И еще въ прошломъ году!

Гибберъ, (смѣясь).

О, время ничего не значить...

Эрминія, (съ нетерпѣніемъ).

Это очень дурно съ его стороны, очень неблагодарно!

г-жа Савене, (сидя на другой сторонѣ).

Я еще не могу притти въ себя!

Люціанъ.

Боже мой! Можно ли повѣрить. (Въ сторону, съ печалью и досадой.) Но эта первая привязанность, о которой вчера говорила сама Цецилія.

г-жа Савене.

Она должна скорѣе отсюда уѣхать! Объ вашей свадьбѣ и контрактѣ никто еще не долженъ знать!

Люціанъ, (въ сторону).

Слава Богу! (Оборачиваясь.) Боже мой! Это она!

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Кокне, Гибберъ, Эрминія, Цецилія, входятъ изъ средней двери, Люціанъ, г-жа Савене; прочія дамы и мужчппы въ глубинѣ театра расположены группами.

цецилія, (переходя поспѣшно сцену и подбѣгая къ Люціану съ удовольствіемъ)

Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Вашъ отвѣтъ не заставилъ дожидаться! Отвѣтъ милый, прекрасный! Прелесть, что за корзинка; сейчасъ я получила ее отъ вашего имени.

Эрминія.

Корзинка. (Въ сторону) Это моя.

цецилія.

Вы увидите сами.

Эрминія.

Я ужъ ее видѣла.

цецилія.

Не правда ли, какъ хороша? (Люціану.) Но всего пріятнѣе, всего дороже для меня, что вы избрали такую минуту для вашего подарка; это точно знакъ уваженія, котораго я отъ васъ желала.

люціанъ, (съ смущеніемъ).

О, повѣрьте.

цецилія.

Это все то же, еслибъ вы сказали, что отдаете мнѣ справедливость, что вы не страшитесь въ глазахъ всего свѣта оправдать и защищать вашу невѣсту, вашу будущую жену.

всъ, (въ полголоса, съ удивленіемъ).

Его жену!

Кокне, (въ полголоса Гибберу, показывая на Люціана.)

Жену? этого господина...

Гибберъ.

Ну да, конечно.

Кокне.

А я вчера ему все разсказалъ про нее,—этакая досада.

цецилія, (Люціану, ведя его на край сцены).

Войдите, взгляните на вашъ прекрасный подарокъ; быть можетъ угодно будетъ и дамамъ.

люціанъ, (въ полголоса, съ смущеніемъ и печалью).

Извините меня, я хотѣлъ—не знаю, какъ вамъ это объяснить; непредвидѣнные обстоятельства, происшествія, не смотря на мои чувства, на мои желанія, принуждаютъ меня отложить наши намѣренія. Теперь они не могутъ быть исполнены.

* (Онъ кланяется ей и уходитъ. Нѣсколько лицъ уходятъ за нимъ).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Люціана.

цецилія, (съ удивленіемъ).

Что это значить? Онъ ушелъ. (Под-

ходил къ некоторымъ лицамъ, которыл отъ нея удалятся и выйдуть изъ залы.) Всѣ отъ меня отворачиваются, всѣ отъ меня бѣгутъ. (Подбѣгалъ къ Г-жѣ Савене, которая все еще сидитъ въ креслахъ.) Боже мой! Сестрица! Что все это значитъ?

Г-ЖА САВЕНЕ, (вставая, важнымъ голосомъ).

Теперь, сударыня, я удерживаюсь отъ всякихъ разсуждений! послѣ, въ другое время, я поговорю съ вами: скажу вамъ все, что думаю.

(Она уходитъ и за ней всѣ поспешно выходятъ въ разныя двери залы.)

КОКНЕ, (глядя на Цецилію, которая, шатаясь, подходитъ къ креслу и опирается на него).

Бѣдная дѣвушка! Какъ мнѣ за нее больно! (Въ сторону.) А посмотрите, чѣмъ кончилось? всѣ таки о ней узнали.

(Всѣ скрываются; одна Эрминія хочетъ подойти къ Цециліи, но Гиберъ удерживаетъ ее, увлекаетъ отъ Цециліи и уходитъ вмѣстѣ съ нею и Кокне.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЦЕЦИЛІЯ, (одна, едва держась на ногахъ.)

Г-жа Савене презираетъ, отвергаетъ меня. Всѣ друзья, всѣ знакомые бѣгутъ отъ меня! О, это уже послѣдній ударъ! Боже мой, что я имъ сдѣлала? Въ чемъ

я виновата? Къ кому мнѣ прибѣгнуть? У кого искать правосудія? (Ремонъ показываетъ въ дверяхъ направо.) Кто спасетъ меня?

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЦЕЦИЛІЯ, Ремонъ, (въ дверяхъ).

РЕМОНЪ.

Я, я, моя Цецилія!

ЦЕЦИЛІЯ, (бросаясь къ нему въ объятія).

О, мой другъ, мой другъ! мой благодѣтель! Защитите меня! (Вырывается изъ его объятій.) Нѣтъ, нѣтъ! Я не смѣю просить защиты! Эти люди снова стануть меня подозрѣвать, снова обвинять меня.

РЕМОНЪ.

Пусть говорятъ! Сейчасъ, въ той комнатѣ, ихъ разговоры достигли уже до меня; я ничего не могъ понять, кромѣ одного, что ты ихъ жертва, и я поспѣшилъ къ тебѣ. А! тутъ есть несправедливость, клевета! Но я теперь здѣсь! Они меня знаютъ; имъ известно, что я не привыкъ отступать отъ нея! Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ, дочь моя; не бойся ничего, подними свою головку, гляди прямо въ глаза клеветникамъ; и если, при видѣ ихъ, твердость тебѣ измѣнитъ—обоприься на эту руку,—она не измѣнитъ тебѣ!

(Уводитъ Цецилію черезъ среднюю дверь.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Виконтъ Сентъ-Анаре, Белло. Сентъ-Анаре поспѣшно ходитъ по комнатѣ; Белло слѣдуетъ за

БЕЛЛО.

Пора ужъ вамъ, сударь, брать ванну.

ВИКОНТЪ, (прохаживаясь).

Оставь меня въ покоѣ!

БЕЛЛО.

Берегитесь, послѣ будетъ поздно: кто болѣе...

ВИКОНТЪ, (такъ же).

Я ужъ выздоровѣлъ.

БЕЛЛО.

Ужъ выздоровѣли? Вотъ что значитъ морская вода!

ВИКОНТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ; я точно болѣнъ; вся голова въ огнѣ! Я хотѣлъ видѣть дамъ, хотѣлъ сознаться въ моей вишѣ, хотѣлъ просить прощенья; но онѣ меня не приняли—онѣ справедливы! Я говорилъ всѣмъ: этого не было, вовсе не было; но никто не хочетъ мнѣ вѣрить; мои убѣжденія, напротивъ, считаютъ они еще большимъ доказательствомъ.

БЕЛЛО.

Но къ чему вамъ скрывать? Положимъ, еще съ другими, пожалуй, говорите, что угодно; а ужъ мнѣ, право, можно бы.

ВИКОНТЬ.

И ты тоже! Но я тебѣ говорю: этого не было!

БЕЛЛО.

Виноватъ. Можетъ быть вы имѣете свои причины.

ВИКОНТЬ.

Причины, но какія же? Одно желаніе оправдать эту несчастную дѣвушку, на которую, противъ всякаго желанія, наплекъ я такія обидныя подозрѣнія.

БЕЛЛО.

Если только это,—безподобно! Однакожь не однихъ васъ вмѣшиваютъ въ это дѣло.

ВИКОНТЬ, (съ сердцемъ).

Какъ, еще новости?

БЕЛЛО.

Про нее рассказываютъ тьму вещей, а особливо про ея тетюшку: говорятъ, она получила пенсію, да какой еще!—двадцать тысячъ франковъ!

ВИКОНТЬ.

Такъ что жъ такое?

БЕЛЛО.

А то же... Признаться вамъ, что ваши оправданія въ глазахъ всего здѣшняго общества...

ВИКОНТЬ.

Ну?

БЕЛЛО.

Ну, извѣстное дѣло: всѣ молодые люди, всѣ парижскіе наши гости полага-

ютъ, что это ненатурально; что удивительно... что тутъ должны быть какія нибудь особыя причины...

ВИКОНТЬ.

Опять причины? Но что жъ они могутъ предполагать?

БЕЛЛО.

Я вамъ ничего больше не скажу. Вотъ г. Кокне, онъ сію минуту разговаривалъ съ ними.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕЛЛО, ВИКОНТЬ СЕНТЬ-АНДРЕ, КОКНЕ.

КОКНЕ, (подходя къ нему и подавая ему руку).

Браво, молодой человекъ, браво! Вашъ великодушный поступокъ привелъ въ восхищеніе всѣхъ нашихъ дамъ. Мнѣ рассказывала г-жа Кокне, моя жена, что весь женскій полъ въ нашемъ городѣ безъ ума отъ васъ; я увѣренъ, что вы здѣсь надѣлаете гораздо болѣе успѣховъ, чѣмъ въ Парижѣ!

ВИКОНТЬ, (въ сторону).

Вотъ и еще умная голова, изъ которой, каже гся, трудно что нибудь выбить.

КОКНЕ.

Видите ли, какъ уважается скромность въ провинціи... Можетъ быть и потому, что она у насъ въ рѣдкость.

ВИКОНТЬ.

Но, послушайте...

КОКНЕ.

Съ вашими правилами вы много выигрываете въ свѣтъ... Кто умѣетъ такъ искусно вести свои дѣла, тотъ всегда останется въ выигрышѣ... А будьте чуть-чуть откровенны — бѣда! Вотъ и теперь, сознайтесь только,—пропали!

ВИКОНТЬ.

Отъ чего это, позвольте спросить?

КОКНЕ.

А вы забыли министра? Онъ ужасно взбѣшенъ! Онъ жестоко бы наказалъ

того, кто осмѣлился бы отнять у него любовницу.

ВИКОНТЬ, (съ удивленіемъ, смотря на Белло, который подтверждаетъ головою слова Кокне).

Какъ! Она любовница министра?

КОКНЕ.

Онъ ни за что въ свѣтъ не далъ бы своему сопернику того мѣста, которое обѣщалъ вамъ, тогда какъ теперь, въ вознагражденіе...

ВИКОНТЬ.

Какъ, милостивый государь, вы можете думать...?

КОКНЕ.

Это не мои слова; такъ говорятъ ваши истинные друзья. Они увѣряютъ, что вы до сихъ поръ никогда не щадили женской репутаціи, и только при нынѣшнемъ случаѣ, въ первый разъ поступаете противъ своихъ правилъ. Впрочемъ, они нисколько не винятъ васъ, всѣ полагаютъ что отъ этого зависить ваше счастье.

ВИКОНТЬ.

Это безчестно! ужасно! Считать меня лжецомъ, подозрѣвать въ такой подлости! Мнѣ унижаться, поддѣлываться къ министру изъ какогонибудь мѣста. Теперь я понимаю отъ чего сейчасъ Девриеръ отворотился отъ меня, не поклонился даже мнѣ; теперь я въ ихъ глазахъ ни что иное, какъ негодяй, подлець.

КОКНЕ.

Помилуйте, вы очень ошибаетесь.

ВИКОНТЬ.

О, я потребую отъ него отвѣта. Но расскажите мнѣ все, расскажите, что они обо мнѣ говорили?

КОКНЕ.

Право, ничего обидваго. Всѣ увѣрены, что вы теперь министерскій чловѣкъ, что навѣрное, не далѣе, какъ чрезъ три мѣсяца, вы будете секретаремъ посольства. Ну, что жъ, давай Богъ!

ВИКОНТЬ.

Я этого не желаю! Да, я самъ виноватъ; я долженъ очистить себя; но неужели мнѣ сознаться, неужели признать справедливою эту молву?

БЕЛЛО.

А если она справедлива, такъ что вамъ мѣшаетъ? скажите!

ВИКОНТЬ.

Но этого вовсе не было!

КОКНЕ, (хладнокровно).

Въ такомъ случаѣ, не говорите, — вотъ и все! Впрочемъ, что бы вы ни сказали, да или нѣтъ, это рѣшительно одно и то же!

ВИКОНТЬ.

Онъ, просто, меня измучить! Послушайте, милостивый государь! Еслибъ вы не были въ лѣтахъ, я попросилъ бы отъ васъ удовлетворенія.

КОКНЕ, (испугавшись).

Помилуйте! что я сдѣлалъ.

ВИКОНТЬ.

Но не безпокойтесь; я очень хорошо знаю, что вы тутъ нисколько виноваты! Однакожъ, что мнѣ теперь говорить, что дѣлать? Я не смѣю даже защищать этой дѣвушки, и не могу обнаружить истины, чтобъ не показаться искателемъ министерскихъ милостей.

КОКНЕ.

Тише! вотъ самъ министр!

ЯВЛЕНІЕ III.

Белло, Кокне, Виконтъ Севтъ-Андре, Ремонъ.

ВИКОНТЬ, (въ сторону).

Тѣмъ лучше! я желалъ бы, чтобъ онъ нашелъ причину къ ссорѣ: это могло бы меня оправдать.

РЕМОНЪ, (съ добродушіемъ).

А, виконтъ!

ВИКОНТЬ, (важно).

Что вамъ угодно?

РЕМОНЬ.

Я уѣзжаю отсюда, по однакожъ не забылъ позаботиться объ васъ.

КОКНЕ, (въ пол-голоса).

Видите! вотъ ужъ и мѣсто готово! (Въ сторону). Этакой счастливецъ!

(Проидясь по сценѣ, садится на правой сторонѣ).

РЕМОНЬ.

Вы найдете у себя въ комнатѣ письмо. Надѣюсь, что вы останетесь имъ довольны.

ВИКОНТЬ, (запнулся).

Но, я не знаю, могу ли я, долженъ ли я...

РЕМОНЬ, (добродушно).

Вы меня поблагодарите послѣ; прочтите прежде, а потомъ мы переговоримъ съ вами и съ вашимъ дядюшкой. Подите же (переходитъ сцену и обращается къ Белло, который находится въ глубинѣ театра). Скажи г. Люципу де Вильфрану, что я возвратился и ожидаю его здѣсь.

БЕЛЛО.

Слушаю, ваше превосходительство. (показывая въ другую залу). Они сей часъ разговаривали тамъ съ господами.

(Входитъ въ комнату направо. — Ремонь переходитъ сцену, — садится у стола направо и, взявъ журналъ, начинаетъ читать; въ это время Виконтъ подходитъ къ Кокне и разговариваетъ съ нимъ въ полголоса).

ВИКОНТЬ.

Если точно онъ предлагаетъ мнѣ мѣсто, я отказываюсь отъ него?

КОКНЕ, (пожималъ плечами).

Ваша воля!

ВИКОНТЬ.

Непремѣнно откажусь, даю вамъ честное слово!

(Уходитъ).

КОКНЕ, (въ сторону, между тѣмъ какъ Ремонь, обратясь къ нему спиною, читаетъ журналъ).

Да, чтобъ получить другое мѣстечко, получше; я очень хорошо понимаю. Теперь онъ чего не пожелай, все для не-

го сдѣлають. Вотъ что значитъ смазливое личико! вотъ какъ выгодно приглядуться любовницѣ какогонибудь вельможи. Какъ я доволенъ, что познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ: по крайней мѣрѣ, теперь будетъ у меня защита противъ враговъ, и особенно противъ козней негоднаго Рабурдена.

РЕМОНЬ, (бросая съ досадою на столъ журналъ и увидя Кокне).

А! вы здѣсь! я не видалъ васъ со вчерашняго дня, съ послѣдней нашей встрѣчи. Очень вамъ благодаренъ; ваши слова совершенно оказались согласными съ свѣдѣніями, которыя получилъ я послѣ.

КОКНЕ, (съ радостью).

Вотъ, извольте видѣть? (Въ полголоса, качая головой). Предурной былъ выборъ.

РЕМОНЬ.

Правда; какъ вы мнѣ говорили, такъ и оказалось, — человѣкъ безъ всякихъ способностей, нестойкій никакого уваженія.

КОКНЕ, (такъ же).

Дѣйствительно такъ, и притомъ еще злой клеветникъ!

РЕМОНЬ.

Неужели? и вы имѣете доказательства?

КОКНЕ, (довѣрчиво).

Самыя достовѣрныя. Онъ оклеветалъ меня педалье, какъ вчера; меня! извольте слышать, меня самого!

РЕМОНЬ.

Вѣрю, вѣрю; послѣ того, что я о немъ слышалъ, нельзя и въ этомъ сомнѣваться... будьте увѣрены, онъ не получитъ мѣста.

КОКНЕ, (поспѣшно).

Только этого я и желаю. Но, позвольте, г. министр... извините, я только сегодня узналъ, съ кѣмъ имѣю честь говорить... осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.

РЕМОНЬ.

Въ чемъ же ваша просьба? (*увидя Люцилла*). Нельзя ли въ другое время, мнѣ теперь пужно поговорить съ г. Люцианомъ, съ моимъ другомъ, о важномъ дѣлѣ.

КОКНЕ.

Я догадываюсь, о чемъ, а между тѣмъ я теперь пойду, составлю маленькую записочку, которую и буду имѣть честь представить вамъ.

РЕМОНЬ, (*удерживая его, въ ту минуту, какъ онъ хочетъ идти*).

Позвольте! О чемъ вы догадываетесь?

КОКНЕ, (*съ хитростью*).

Да-съ, я знаю, отчасти, до чего относится это дѣло. — Вамъ всѣ рѣшительно скажутъ, съ какою силою возставала я противъ этихъ вздорныхъ слуховъ, противъ этой ужасной лжи.

РЕМОНЬ.

Будьте увѣрены, мы дадимъ имъ настоящій смыслъ съ помощью честныхъ людей! я надѣюсь на вашу помощь!

КОКНЕ.

Приказывайте: я весь къ услугамъ вашимъ. А между тѣмъ я приготовлю записку.

(Кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Люцилла, входитъ медленно, съ мрачнымъ видомъ, РЕМОНЬ.

РЕМОНЬ.

Ты хотѣлъ что-то мнѣ сказать давеча, до моего отъезда; теперь и мнѣ самому пужно съ тобой поговорить. Но что съ тобой?.. ты что-то пасмуренъ.

ЛЮЦИЛЛА.

Ты спрашиваешь, что со мной? всѣ говорятъ (*показывая на дверь съ правой стороны*), ты самъ можешь сюда слышать, всѣ говорятъ, что ты игралъ мною, что ты меня обманывалъ,

РЕМОНЬ, (*смиаясь, съ ироніей*).

Въ самомъ дѣлѣ?

ЛЮЦИЛЛА.

Что ты хотѣлъ меня сдѣлать баснею, унижить, что я долженъ потребовать отъ тебя во всемъ отчета и драться съ тобою! Вотъ ихъ слова!

РЕМОНЬ.

Прекрасно! Однакожъ мы во всякое время можемъ драться, но не всегда можемъ говорить разсудительно... теперь мы одни, объяснимся. Въ чемъ ты меня упрекаешь? Я ничего не знаю! Кроме Цециліи я еще никого не видѣлъ, а она сама не знаетъ по какимъ причинамъ, по какимъ доказательствамъ ее обвиняютъ; я могъ бы спросить другихъ, но навѣрное получилъ бы отвѣты въ изуродованномъ, неестественномъ видѣ, преувеличенные, изукрашенные... Я хотѣлъ говорить съ тобой однимъ. Сейчас оставилъ я Цецилію въ слезахъ; г-жа Савене хочетъ отсюда уехать, но я далъ имъ слово, что сегодня же вечеромъ, за этимъ обѣдомъ, гдѣ будетъ весь здѣшній городъ, я докажу ясно, громко, что Цецилія невинна; что тѣ люди, которые обижаютъ ее, безчестны и что вѣрить этой клеветѣ одинъ пустой, ничтожный народъ! Начинаю съ тебя: въ чемъ ты ее обвинишь? говори, я готовъ ее защищать!

ЛЮЦИЛЛА.

Я ее ни въ чемъ не обвиняю;—противъ нея возстаетъ общая молва, общественный голосъ!

РЕМОНЬ.

А что такое общественный голосъ? голосъ толпы? Откуда взялось его начало? гдѣ его конецъ? кто его составляетъ? Нѣсколько крикуновъ, нѣсколько дураковъ... отъ нихъ переймутъ другіе, вотъ и общественный голосъ! Слухи не составляютъ еще доказательства; мнѣ пужно не это, мнѣ пужны факты.

ЛЮЦИЛЛА.

Всѣ говорятъ, всѣ предполагаютъ.

Ремонъ.

Мнѣ нужны факты.

Люціанъ, (понижая голосъ).

Увѣряютъ, что у нея есть любовники.

Ремонъ, (хладнокровно).

Кто они?

Люціанъ.

Ты первый, какъ говорятъ.

Ремонъ, (съ пасмѣшливымъ удовольствіемъ).

Я? вотъ настоящая клевета. Она не ѣдетъ по извилинамъ, по проселочной дорогѣ: это смѣлая, чистая клевета! Такую клевету я люблю. Разсмотримъ ее. Я не говорю уже о томъ, что Цецилія дочь моего благодѣтеля, моего втораго отца, дочь того человѣка, которому я всѣмъ обязанъ; который перучилъ мнѣ ее на смертномъ одрѣ; не говорю уже о томъ, что я воспиталъ ее какъ родную дочь, и что своихъ дѣтсей никто не безчеститъ! Причины эти могутъ быть уважительны для тебя, но не для клеветы: неблагодарность и кровосмѣшеніе для нея ничего не значатъ; она основываетъ предположенія свои чаще всего на безчестіи; я тебѣ представлю доказательства болѣе положительныя; я говорю буду о собственныхъ выгодахъ, о своихъ пользахъ. На этотъ разъ, быть можетъ, всѣ мнѣ повѣрятъ. Еслибъ я любилъ Цецилію и былъ взаимно любимъ ею, кажется, отъ чего бы мнѣ на ней не жениться? Не говоря уже о томъ, что она молода, хороша, довольно того, что она богата, и этимъ богатствомъ обязана мнѣ, моимъ заботамъ, моимъ стараніямъ. Она богата, а я не имѣю ничего! Ты это знаешь, ты имѣешь на это доказательства. (Гордо). Да, всѣ могутъ сказать, что я честный человѣкъ, потому что у меня, благодаря Бога, ничего нѣтъ! Но вмѣсто того, чтобъ обезпечить себя счастливой, роскошной будущностью, чтобъ жениться на той дѣвушкѣ, которую я люблю и которая взаимно любитъ меня, я предпочелъ ея

безчестіе и свою бѣдность, я сдѣлалъ ее, какъ говорите вы, моей любовницей, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать женою! Для чего же? Не уже ли для того только, чтобъ опозорить дочь моего благодѣтеля? чтобъ прикрыть свои страсти ея безчестіемъ?

Люціанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!

Ремонъ.

Вотъ ихъ предположеніе! И ты можешь имъ вѣрить? Ты говоришь, что я хотѣлъ унижить, обмануть тебя, тогда какъ я думалъ только о твоёмъ счастіи! Я вручилъ тебѣ дѣвушку, которую ты любишь, которую ты самъ просилъ у меня, которая дѣйствительно составила бы твое блаженство. Много представлялось ей блестящихъ партій, но я всѣхъ удалилъ, я выбралъ тебя, потому что считалъ тебя честнымъ человѣкомъ, потому что желалъ счастія моей воспитанницѣ, моей Цециліи; я люблю ее какъ другъ, какъ братъ... слышишь ли ты? иначе я не могу ее любить. Еслибъ вапа клевета была справедлива, еслибъ, не смотря на мои преждевременныя морщины и сѣдины, возможно было, какъ говорите вы, чтобъ меня любила эта дѣвушка,—разсуди самъ, неужели я согласился бы уступить ее тебѣ, или другому, тогда, какъ могъ бы найти въ ней милую подругу, утѣшительницу въ горести, истинное счастіе въ жизни? Неужели я отказался бы отъ такого сокровища? О, я оспорилъ бы ее у тебя цѣною моей крови, цѣною самой нашей дружбы! Однакожъ, я отдалъ ее тебѣ, и ты вмѣсто благодарности, подозрѣваешь и обвиняешь меня, вмѣсто защиты—нападаешь на меня, и прежде, чѣмъ выслушалъ, хочешь уже со мной драться! (Движеніе Люціана). Я все скажу, но если ты непремѣнно хочешь, мы кончимъ это дѣло по твоему!

Люціанъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Всѣ эти слухи ничто

инное, какъ ложь, нелѣзность. Я тебя во всемъ вѣрю, я тебя уважаю; но другіе...

РЕМОНЬ.

Но развѣ не могутъ думать и другіе какъ ты? Развѣ не можетъ дѣйствовать на нихъ ложь, какъ на меня?

ЛЮЦИАНЪ.

Невозможное дѣло! Однакожъ не понимаю, къ чему всѣ утверждаютъ... Отъ чего такая злоба? За что они не навидятъ эту дѣвушку? Какая польза людямъ клеветать на нее?

РЕМОНЬ.

Никакой! но до этого имъ дѣла нѣтъ! Клевета—единственная вещь въ мірѣ, которая дѣлается безденежно,—безъ корыстныхъ видовъ! Въ человѣческомъ сердцѣ есть какой-то коварный, вредный штипиктъ. Онъ преклоняетъ нашу вѣру скорѣе ко злу, чѣмъ къ добру; отъ того и рождаются въ свѣтѣ всѣ виды покровительства, взаимной, безмолвной помощи, которые развиваютъ и распространяютъ ложь! По этому, вездѣ можно пайти клевету; но клеветниковъ нигдѣ не увидишь: въ свѣтѣ ты никогда не встрѣтишь такихъ коварныхъ людей, какіе существуютъ у насъ въ мелодрамахъ; которые бы громко стали подтверждать дѣйствительность клеветы, заслуживающей пощечину, или наказаніе по законамъ. Никогда не говорятъ въ обществѣ о вещи небывалой, но о ней разсказываютъ совершенно особливимъ образомъ. Ее стараются исказить, испортить въ самомъ началѣ, измѣнять въ подробностяхъ; злоба кончитъ остальное. Благодаря невѣжеству, глупости и разговорамъ въ нашихъ гостиныхъ, истина самая чистая, самая свѣтлая, невидимо переходитъ въ полную вѣсную ложь.

ЛЮЦИАНЪ.

Для постороннихъ—такъ; но не для родныхъ, какъ я полагаю...

РЕМОНЬ.

Все равно: для тѣхъ и другихъ.

ЛЮЦИАНЪ.

Напримѣръ, твой зять, г. Гиберъ?

РЕМОНЬ.

Онъ дуракъ!

ЛЮЦИАНЪ.

Но твоя сестра, Эрминія?

РЕМОНЬ.

Она вѣтренница и кокетка. Все суэта и пичтожность! Истинные виновники—не враги, которые насъ преслѣдуютъ—это ихъ обязанность; но друзья, наши защитники: это г-жа Савене, которая уже готова была ухватить отсюда, еслибъ я ея не удержалъ! Это ты, отвергающій Цецилію!

ЛЮЦИАНЪ.

Я! я во все время молчалъ!

РЕМОНЬ.

Прекрасные друзья! Они молчатъ! Вотъ ихъ твердость! Посреди воплей—они молчатъ! Но когда реветъ буря, тогда должно возвышать голосъ!.. Они услышатъ мой голосъ... Буря меня не устрашитъ; и если оскорбляютъ моихъ друзей, слышишь ли ты? я не убѣгу, а стану подлѣ нихъ, передъ ними! И еслибъ ты хотѣлъ слѣдовать моему примѣру...

ЛЮЦИАНЪ.

Можешь ли ты сомнѣваться?

РЕМОНЬ.

Слушай же, что мы должны дѣлать.

ЛЮЦИАНЪ.

Во-первыхъ, оставить нашу дуэль.

РЕМОНЬ.

Безъ всякаго сомнѣнія. Не отъ нея зависитъ доброе имя Цециліи: дуэль эта можетъ причинить ей смерть. Однимъ средствомъ можно преодолѣть клевету—это добратся до ея основанія. И такъ, попробуемъ! Давай искать

начало этихъ слуховъ. Кто первый тебѣ сказалъ? Подумай, припомни...

люциявъ.

Трудно отвѣчать! Это было вчера, здѣсь, въ залѣ.

(Въ эту минуту Белло, входя въ среднюю дверь, съ подносомъ, на которомъ находится полный чайный приборъ, ставитъ его на столъ, приводитъ въ порядокъ чашки и пр. и тотчасъ уходитъ.)

люциявъ, (въ ту минуту, какъ входитъ Белло).

Постой! Вотъ Белло, дѣшній слуга, онъ первый...

ремонъ.

Это неудивительно: откудажъ и произойти клеветъ, какъ не отъ низкихъ людей? И вотъ, по твоему, общественное мнѣніе, вотъ его отрывокъ: великолѣпный отломокъ!

люциявъ, (въ полголоса, сквозь зубы).

Негодяй!

ремонъ.

Котораго ты презираешь, когда онъ предъ тобой одинъ, — и боишься, когда ихъ много. Ну, а другіе, кто они?

люциявъ.

Ахъ, Боже мой, всѣ!

ремонъ, (съ петербургскимъ).

Но кто же?

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Люциявъ, Ремонъ, Кокне.

люциявъ, (увидя Кокне, который входитъ съ запискою въ рукахъ).

Ну, вотъ тебѣ еще, г. Кокне!

ремонъ, (съ удивленіемъ).

Кокне!

люциявъ.

Онъ говорилъ мнѣ о трехъ, или четырехъ интригахъ.

ремонъ, (такъ же).

Какъ! Это г. Кокне?

кокне, (съ замѣтательствомъ, спрятавъ записку въ карманъ).

Точно такъ-съ, это я. Вы не изволили еще знать моего имени?

ремонъ.

Наконецъ, я узналъ васъ! Злословить дѣвушку, которая не подала вамъ никакого права не только къ обвиненіямъ, но даже къ малѣйшему подозрѣнію!

кокне, (поспѣшно).

Мнѣ сказали другіе, г. министръ, и я думалъ... я думалъ... я полагалъ, что точно...

ремонъ.

Потому, вѣрно, что вы ее хорошо знаете?

кокне.

Напротивъ, потому, что я ихъ совершенно не знаю; потому, что я и въ глаза ихъ никогда не видалъ. Я никогда не предполагалъ, чтобъ вы изволили принимать въ нихъ участіе. При томъ же, этотъ же случай пересказанъ былъ мнѣ такой особой, особой почтенной, — вашимъ родственникомъ.

ремонъ.

Кѣмъ это? Говорите!

кокне.

Не смѣю ослушаться, — г. Гиберомъ!

ремонъ.

Моимъ зятемъ!

кокне.

Точно такъ. Онъ увѣрилъ меня, или лучше сказать, далъ понять, что онъ самъ...

ремонъ.

Гиберъ! Тогда, какъ вчера онъ увидѣлъ Цецилію въ первый разъ въ жизни.

кокне.

Но сегодня, напротивъ, (показывая на Люциява) вотъ, предъ нами, — онъ утверждалъ, что это былъ вовсе не онъ, но одинъ изъ его друзей, молодой человекъ, который, однакожъ, забирается, отговаривается...

РЕМОНЪ, (Люциану).

Ну, видишь; чѣмъ ближе къ дѣлу, тѣмъ меньше оказывается клеветниковъ и останется наконецъ одинъ, котораго можетъ быть мы и не подозрѣвали,—и выйдетъ, что на одномъ словѣ, на одномъ предположеніи играли они честью, добрымъ именемъ женщины! Но мы остановились на Гиберѣ... Теперь это дѣло касается до тебя. Поди къ дамамъ, успокой ихъ: а я прикажу позвать сюда моего зятя, я буду его ждать здѣсь.

КОКНЕ.

Позвольте мнѣ сходить; я сію минуту пришлю его къ вамъ; душевно желаю вмѣстѣ съ вами уничтожить всѣ клеветы, и быть участникомъ вашимъ въ торжествѣ истины.

(Онъ уходитъ въ дверь на лѣво, а Люцианъ на право.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЕМОНЪ, (одинъ).

А! г. Гиберъ! я васъ проучу! Но Кокне говорилъ о какомъ-то молодомъ человѣкѣ; Гиберъ его знаетъ, онъ долженъ мнѣ сказать его имя...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИКОНТЪ, РЕМОНЪ.

РЕМОНЪ, (увидя Виконта, который подходитъ къ нему и кланяется).

А! Виконтъ! Ну, что, прочли вы письмо?

ВИКОНТЪ, (съ смущеніемъ).

Прочелъ, г. министръ. Вамъ угодно было сдѣлать мнѣ назначеніе. Но эта миссія... я пришелъ вамъ сказать, что къ крайнему сожалѣнію, я не могу воспользоваться вашей милостью.

РЕМОНЪ.

Но почему? Какая причина?

ВИКОНТЪ.

Я нахожусь въ такомъ положеніи, что милость эта можетъ меня связать; она помѣшаетъ мнѣ открыть истину, и въ особенности отмстить тѣмъ, кто въ ней сомнѣвается.

РЕМОНЪ.

Признаюсь, я васъ не понимаю.

ВИКОНТЪ.

Я замѣшанъ, противъ всякаго желанія, по одной моей ошибкѣ, въ эти нелѣпые слухи противъ Цециліи де Морна. Но когда я взялъ ея сторону, хотѣлъ ее оправдать, всѣ стали говорить, что я такъ поступаю не потому, чтобъ именно хотѣлъ ея оправданія,—но только для того, чтобъ чрезъ этотъ поступокъ приобрести вашу благосклонность. Согласитесь, могу ли я послѣ этого...

РЕМОНЪ.

О, эти люди способны на все! Теперь я васъ понимаю... эти слухи...

ВИКОНТЪ.

Они ложны въ высшей степени. Я кричалъ это всѣмъ; по оправданія мои были напрасны... Какъ я ни увѣрялъ Гибера, что обвиненія его несправедливы...

РЕМОНЪ, (поспѣшно).

А! Вотъ мы и добрались! Такъ это вы? Такъ это васъ, по словамъ Гибера, любила Цецилія?

ВИКОНТЪ.

Я ея никогда не видалъ.

РЕМОНЪ, (потиралъ руки).

Браво! не даромъ же я думалъ: вотъ такъ-то и всегда бываетъ!

ВИКОНТЪ.

Но я долженъ сказать, что не онъ главный виновникъ.

РЕМОНЪ, (увидя Гибера, подбѣгаетъ къ нему).

А, вотъ мы увидимъ. Пожалуйте сюда, милостивый государь, пожалуйста!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Виконтъ, Ремонъ, Гибель.

Гибель, (съ удивленіемъ).

Что такое случилось? Мнѣ сказалъ Кокне, что вы сердитесь на меня.

Ремонъ, (Гибери).

И не безъ причины! Вы осмѣлились сказать...

Виконтъ, (поспѣшно Ремону).

Позвольте... Вы не дали мнѣ кончить. Все, что говорилъ онъ, была ложь. (Показывал на Гибера) Одна-кожъ по моей неосторожности, по моей вѣтрености, по моей ошибкѣ, наконецъ, онъ имѣлъ право такъ говорить: даже въ самой клеветѣ его было чистосердечіе.

Гибель, (добродушно).

Именно, я всегда былъ чистосердеченъ. Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ?

Ремонъ, (Виконту).

Извольте же продолжать. Какъ опекунъ Цецліи, я имѣю право на объясненіе.

Виконтъ, (съ смущеніемъ).

Знаю.

Гибель.

И я имѣю это право; я оклеветанъ въ глазахъ моего брата; вы должны меня оправдать.

Ремонъ, (показывая знаками, чтобъ онъ замолчалъ).

Хорошо, хорошо...

Виконтъ, (Ремону).

Конечно, я желалъ бы самъ; но болѣе я ничего не могу сказать, съ этимъ связана честь другихъ людей.

Ремонъ.

Я не спрашиваю васъ, кто эти люди: мнѣ нужно дѣло, происшествіе.

Виконтъ.

Его трудно передать, въ эту минуту, здѣсь, не обдумавъ, не пригото- вясь...

Ремонъ.

Какъ? вы затрудняетесь? вы, молодой, умный человекъ.

Гибель.

Довольно одного вашего слова, — мы васъ поймемъ.

Виконтъ, (Ремону).

Позвольте мнѣ объяснить однимъ вамъ.

Ремонъ.

Этого невозможно сдѣлать; клевета тронула моего зятя, — вы должны его оправдать, должны говорить при немъ.

(Переводитъ Виконта въ средину, между собой и Гиберомъ).

Гибель.

Справедливо, справедливо.

Виконтъ, (запнялся).

Очень хорошо знаю, и не смотря на это... но извольте! Я все скажу! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ Руанѣ, гдѣ я тогда находился, жила въ англійской гостинницѣ дама.

Гибель.

Замужняя?

Виконтъ, (хладнокровно).

Нѣтъ, вдова.

Гибель.

Все равно, есть и вдовы очень хорошеякія.

Виконтъ.

Она была очень хороша собой, мо- лода, умна, изъ хорошей фамиліи.

Гибель.

Ну, словомъ, совершенство, а не женщина!

Виконтъ.

Она пріѣхала туда съ одной горнич- ной; я зналъ ее еще въ Парижѣ, ви- далъ часто въ театрѣ — и вдругъ встрѣ- тился съ нею въ Руанѣ! Вы сами знаете, что значитъ встрѣтиться въ провинціи парижанину и парижанинѣ: это все рав- но, что въ чужихъ краяхъ. Она любила искусства, мы занимались музыкой, пѣли романсы...

Ремонъ.

Прекрасно, прекрасно.

Виконтъ.

Пѣсни Шуберта.

ГИБЕРЬ.

Понимаемъ.

ВИКОНТЬ.

Наконецъ, въ день ея отъезда, послѣ занятій, послѣ музыкальныхъ занятій, мы должны были разстаться навсегда. (Ремону). И точно, послѣ этого я не видалъ ея, клянусь!

ГИБЕРЬ.

Вѣримъ! вѣримъ!

ВИКОНТЬ.

Я только вышелъ отъ нея, какъ вдругъ въ корридоръ встрѣтился носомъ къ носу съ г. Гиберомъ.

ГИБЕРЬ.

А я только-что пріѣхалъ въ это время изъ Парижа на пароходѣ; было четыре часа утра; встрѣча, признаюсь, была романтическая. Откуда это вы? спросилъ я его, смѣясь, какъ съумашедшій.

ВИКОНТЬ.

Я такъ былъ удивленъ, такъ озадаченъ этой встрѣчей! Не желая обличить настоящей особы, я показалъ ему руку, наудачу, на дверь какой-то комнаты, мимо которой мы проходили, и просилъ его молчать объ этомъ случаѣ.

ГИБЕРЬ.

Дверь лимоннаго цвѣта, № 12. Я какъ теперь на нее гляжу.

ВИКОНТЬ.

Вечеромъ собрались мы въ залъ гостиницы; г. Гиберъ успѣлъ уже рассказать эту исторію всѣмъ молодымъ людямъ, бывшимъ съ нами въ Руанѣ, и каково жъ было мое удивленіе, когда они начали хохотать и поздравлять меня съ такой побѣдой, о которой я вовсе не думалъ. Они намекали на молодую, прекрасную дѣвушку, которая проходила въ это время по залу съ почетной своей родственницей. Ни я, ни г. Гиберъ тогда ихъ не знали: мы видѣли ихъ въ первый и послѣдній разъ, потому что онѣ тотчасъ сѣли въ карету и уѣхали совсѣмъ изъ горо-

да. Вотъ въ чемъ состоитъ непрости- тельная вина, въ которой я никогда не могу оправдаться. Конечно, я отговаривался отъ чести, которую мнѣ приписывали...

ГИБЕРЬ.

Правда, я этому свидѣтель.

ВИКОНТЬ.

Но я отговаривался, повидимому, не такъ, какъ бы слѣдовало; я подумалъ: дамъ этихъ никто не знаетъ; увидѣть ихъ я никогда не надѣялся, притомъ самолюбіе, тщеславіе молодого человѣка... другая опять причина, болѣе сильная—боязнь подвергнуть злословію женщину, которой имя я долженъ былъ хранить въ тайнѣ... вы понимаете?

РЕМОНЪ.

Да, вы думали, что этимъ дѣло кончится; однакожъ случилось иначе. Теперь оно находится въ такомъ положеніи, что, для оправданія Цециліи, вамъ необходимо открыть имя этой дамы.

ВИКОНТЬ, (поспѣшно).

Никогда, никогда! Ея положеніе въ свѣтъ, ея достоинства... Нѣтъ, скорѣй умру, чѣмъ подвергну ее злословію.

РЕМОНЪ, (строго).

Но стоитъ ли эта женщина того, чтобъ ей привести въ жертву честь невинной дѣвушки?

ВИКОНТЬ.

Конечно не стоитъ. Но если не для нея собственно, то я долженъ молчать для ея семейства, для ея благородныхъ, честныхъ родственниковъ, которыхъ я уважаю, которые достойны уваженія.

РЕМОНЪ.

Что дѣлать! Проступокъ вашъ коснулся личности, — истина необходима: вы должны открыть ее.

ГИБЕРЬ.

Да, г. Виконтъ, вы должны сказать все; вы скажете.

ВИКОНТЬ, (Ремону).

Я сказалъ все, что было возможно, болѣе ни о чемъ не спрашивайте. Гово-

ворите, приказывайте, что мнѣ дѣ-
лать? я готовъ повиноваться, но прошу
васъ, умоляю...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кокне выходитъ изъ первой двери нальво;
Эрминія выходитъ изъ второй двери нальво;
Ремонъ, Виконтъ, Гиберъ.

Эрминія.

Какъ, и виконтъ ужъ просить васъ
о чемъ-то?

Ремонъ, (поспѣшно, перемѣ-
няя тонъ).

Да, сестрица.

Кокне, (Эрминіи).

Вещи изъ слововой кости, которыя
вы выбрали, принесены. (*При этихъ
словахъ Гиберъ подходитъ къ своей
женѣ*). Купецъ тамъ, ожидаетъ васъ.

Эрминія.

Сейчасъ. (*Обращаясь къ Ремону и
показывая на Виконта*). Надѣюсь,
что Виконтъ будетъ счастливѣе меня и
получить все, чего желаетъ.

Виконтъ, (Ремону, съ умоляю-
щимъ видомъ).

Я надѣюсь самъ.

Эрминія, (Ремону, весело).

Надо согласиться, прекрасный кавалеръ,
любезный, услужливый. (*Переходя къ
Кокне, между тѣмъ, какъ
трое мужчинъ разговариваютъ ти-
хо между собою*). Въ прошломъ году,
когда я оставалась въ Руанѣ одна,
безъ мужа, онъ очень часто посѣщалъ
меня. Мы занимались музыкой, пѣли
мелодіи Шуберта...

Трое мужчинъ, (поспѣшно обо-
рачиваясь, съ изумленіемъ).

О, Боже!

Ремонъ, (схвативъ за руку Гибера,
который хотѣлъ
подбѣжать къ женѣ).

Стой, ни слова, такъ должно...

Эрминія, (съ удивленіемъ и
смѣхомъ).

Что съ ними сдѣлалось?

(Въ эту минуту въ среднія и боковыя
двери входятъ всѣ лица, находящіяся
на водахъ).

Гиберъ, (все еще удержива-
емый Ремонъ).

Что сдѣлалось, что сдѣлалось? Но
вотъ все общество. (*Въ сторону*). Бо-
же мой, не дадутъ и взбѣсятся по-
рядочно!

Ремонъ, (тихо Виконту).

Я сію минуту приду къ вамъ, уйди-
те отсюда.

(Виконтъ уходитъ въ одну изъ дверей
направо, въ ту минуту, какъ съ лѣвой
стороны является купецъ, о которомъ
говорилъ Кокне, съ ящичкомъ въ ру-
кахъ. При видѣ его, Эрминія, окружен-
ная множествомъ дамъ, отходитъ въ
глубину театра и въ продолженіе слѣ-
дующей сцены на столѣ разсматриваетъ
вещи изъ слововой кости, которыя по-
казываетъ имъ купецъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Кокне, на авансценѣ; Гиберъ, г-жа Савене,
Люцианъ, Ремонъ.

г-жа Савене, (Ремону).

Наконецъ, какъ я предполагала и
какъ была увѣрена, у насъ есть оче-
видное доказательство нелѣпости всѣхъ
этихъ сплетней! Мнѣ говорилъ г. Лю-
цианъ...

Ремонъ, (посматривая на Эрминію).

Да, маркиза, да, теперь нѣтъ никакихъ
сомнѣній.

Люцианъ, (съ видомъ торжества
обращаясь къ Ремону).

Правда! Но ты обѣщалъ оправдать
Цецилію предъ всѣми.

Ремонъ, (въ затрудненіи).

Да, я точно говорилъ. Но въ эту
минуту и предъ всѣми этими людьми
я—не могу.

Люцианъ.

Напротивъ, предъ ними и должно.
(*Онъ хочетъ идти назадъ, но Ремонъ
его удерживаетъ*). Что съ тобою? Я те-
бя не узнаю; гдѣ твоя смѣлость? (*Смо-*

тра на него). Ты блѣдень, ты такъ смущень; развѣ есть сомнѣнія?

РЕМОНЪ.

Сомнѣнія? О, одно мое слово могло бы возвратить ей честь, но внезапный случай... (Взъ сторону) Что мнѣ дѣлать? Да! еслибъ это даже касалось моей чести, я долженъ... (Дѣлаетъ шагъ впередъ, Гиберъ также дѣлаетъ шагъ къ нему, Ремонъ останавливается). А отецъ мой! Нѣтъ, нѣтъ, это его убьетъ! (Люцилу). Послѣ, тебѣ одному я все скажу; но если тебѣ маломого свидѣтельства, смотри! (Показывая на Гиберу). Вотъ первый виновникъ этой клеветы!

ЛЮЦИЛА.

Гиберъ!

РЕМОНЪ.

Онъ знаетъ лучше всѣхъ, какъ она несправедлива!

(Уходитъ въ комнату направо, куда ушелъ Виконтъ).

==

ЯВЛЕНИЕ XI.

Кокне, Эрминия, г-жа Савене, Гиберъ, Люцила. Въ ту минуту, какъ Ремонъ уходитъ, Эрминия возвращается на авансцену. Купецъ такъ же уходитъ.

ЛЮЦИЛА, (Гиберу).

Позвольте обратиться къ вамъ, такъ, какъ вы знаете все дѣло...

ЭРМИНИЯ, (весело).

Въ самомъ дѣлѣ?

ЛЮЦИЛА.

Разскажите же намъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Да, разскажите все; я имѣю полное право потребовать отъ васъ доказательства въ невинности Цедиліи, говорите!

ЛЮЦИЛА.

Я долженъ ее оправдать предъ всеми!

ГИБЕРЪ.

Только этого не доставало! Объявляю рѣшительно, что мнѣ нечего говорить ни вамъ, ни другимъ.

ЭРМИНИЯ.

О, такъ онъ ничего не знаетъ.

КОКНЕ.

Къ несчастію, кажется такъ.

ГИБЕРЪ, (сердито, женъ).

Я ничего не знаю, говорите вы? Я ничего не знаю? Я знаю все!

ЭРМИНИЯ.

Ну, такъ говорите! Что вамъ мѣшаетъ?

ГИБЕРЪ.

Что мнѣ мѣшаетъ? Вы спрашиваете, что мнѣ мѣшаетъ?

ЛЮЦИЛА.

Да! Мы все васъ спрашиваемъ! Мало того, что вы обвинили сегодня утромъ предо мной ту особу, которую я долженъ защищать; вы не хотите оправдать ее, тогда, какъ имѣете на то все средства, тогда какъ одно слово ваше можетъ очистить ее отъ клеветы; это такой поступокъ, которому я не хочу дать названія, такой поступокъ, въ которомъ я имѣю право потребовать отъ васъ отчета! Вы должны все сказать.

Г-ЖА САВЕНЕ, КОКНЕ, ЭРМИНИЯ.

Да, конечно, говорите! говорите!

ГИБЕРЪ, (смотря на жену, и хочетъ и не можетъ говорить).

Я рѣшительно задыхаюсь! Осмѣлюсь при мнѣ, и такъ хладнокровно... Нѣтъ! Я не могу сказать!

ЛЮЦИЛА, (схвативъ его за руку).

Вы скажете, или мы будемъ драться!

ГИБЕРЪ, (виѣ себя).

Я готовъ! гнѣвъ мой долженъ же на когонибудь обрушиться! Мы будемъ драться! Прекрасно! мы будемъ драться!

ЦЕДИЛА, (выходя изъ комнаты направо и услыша послѣднія слова).

Дуэль! о, Боже!

(Она готова уже упасть, но Кокне и г-жа Савене подбѣгаютъ къ ней, поддерживаютъ ее и уводятъ въ ея комнату).

ЛЮЦИЛА, (Гиберу).

И такъ, рѣшено?

ГИБЕРЪ.

Рѣшено! Я готовъ!

(Уходятъ оба въ среднюю дверь; Эрминия и всѣ прочія лица слѣдуютъ за ними глазами и потомъ расходятся въ беспорядкѣ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната г-жи Савене.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Савене показывается въ средней двери; Цецилія выходитъ изъ комнаты направо.
цецилія, (съ безпокойствомъ).

Что сестрица, какія новости?

Г-жа Савене.

Дурныя! безъ дуэли таки не обошлось.

цецилія.

Боже мой! и все я причиною.

Г-жа Савене.

Я не знаю подробностей, но говорить, Виконтъ вмѣшался въ ихъ дѣло, и кончилось все небольшою раной. Между тѣмъ, слухи все одни и тѣ же, не смотря на дуэль и на мои усилія оправдать васъ.

цецилія.

О, неужели?

Г-жа Савене.

Послушайте, Цецилія, оставьте лишнія фразы, поговоримте откровенно; у меня есть еще одно средство къ вашему спасенію. Наше родство, хоть и дальнѣе, участіе мое въ вашемъ положеніи, наконецъ, эта клевета, въ которой я замѣшана, и отъ которой я должна себя очистить, все это обявываетъ меня употребить послѣдніи усилія въ вашу пользу.

цецилія, (съ нетерпѣніемъ).

Позвольте мнѣ только...

Г-жа Савене.

Выслушайте прежде меня,—вы будете отвѣчать послѣ; впрочемъ, вамъ нечего отвѣчать. Маркизь де Соммервилъ, перъ Франціи, дядя Виконта Сентъ-Андре, пріѣхавъ въ Діеппъ лечиться; онъ узналъ о поведеніи своего племянника и ужасно разсердился на него; надобно признаться, что маркизь чисто религіозный и нравственный человекъ! Прежде я знала его очень коротко! Знатные люди какъ-то легко понимаютъ другъ

друга: у нихъ одинъ языкъ. Онъ постигъ такъ же, какъ и я, что для васъ необходима свадьба, и взялся уговорить племянника, единственнаго своего наследника.

цецилія, (такъ же).

Но, сестрица...

Г-жа Савене.

Маркизь искалъ для него богатой партіи, потому что самъ Виконтъ не имѣетъ никакого состоянія; и такъ какъ вы богаты, они согласны, я тоже.

цецилія, (не выдержавъ болѣе).

Но я отказываюсь отъ этой партіи!

Г-жа Савене.

Какъ, послѣ того, что было?

цецилія.

Но что же было? Я ни въ чемъ виновата! Сестрица! если вы точно принимаете во мнѣ участіе, если вы хоть сколько нибудь меня любите, — прошу одного доказательства, увезите меня отсюда! уѣдьте!

Г-жа Савене.

А что послѣ скажутъ?

цецилія.

Пусть говорятъ, что угодно, только бы уѣхать отсюда, подальше отъ этихъ людей!

Г-жа Савене.

Что за поспѣшность такая! Мнѣ кажется, тутъ есть повал тайца.

цецилія.

Никакой, рѣшительно никакой!

Г-жа Савене.

Есть! Я увѣрена! Я не хочу снова, по вашей милости, играть роли, недостойной меня, и потому надѣюсь, что вы не будете секретничать предо мною. Послѣ того, что я для васъ дѣлала, я имѣю нѣкоторое право на вашу довѣренность; скажите мнѣ все откровенно, и тогда я исполню ваше желаніе; я сейчасъ же увезу васъ отсюда.

ЦЕЦИЛІЯ, (съ вѣтерпѣніемъ и печалью).

Но чего жъ вы хотите отъ меня? Что я могу вамъ сказать? Я ничего не знаю.

Г-ЖА САВЕНЕ.

А Виконтъ Сентъ-Андре?

ЦЕЦИЛІЯ.

Я совсѣмъ о немъ не думаю.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Вы его не любили? вы никого не любили? Поклонитесь мнѣ предъ Богомъ!

ЦЕЦИЛІЯ, (съ смущеніемъ).

Ахъ, сестрица!

Г-ЖА САВЕНЕ, (поспѣшно).

Такъ это правда?

ЦЕЦИЛІЯ, (такъ же).

О! Богъ свидѣтель, что только теперь я узнала свое сердце.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Слава Богу! давно бы такъ! Зачѣмъ же прежде вы не сказали?

ЦЕЦИЛІЯ.

Но прежде я не могла отдать отчета въ своихъ чувствахъ. Я думала, что это дружба, благодарность, однакожъ, недовѣря самой себѣ, я хотѣла преодолѣть себя, удалить эти мысли. Я ужъ почти успѣла. Я согласилась выйти замужъ, принудила себя любить того, кто мнѣ предназначенъ былъ въ мужья. Но когда я увидѣла, что и онъ съ прочими, и даже вы меня покинули, — что одинъ только человекъ осмѣлился защищать меня и готовъ былъ принести въ жертву честь свою для спасенія моей, тогда, тогда только я постигла свои чувства! Я думала уже не краснѣла, что онъ долженъ былъ такъ поступить; и я гордилась его поступкомъ! Вотъ вина моя! однимъ вамъ повѣрю и эту тайну: *(въ пол-голоса, съ чувствомъ)*. Я люблю его!

Г-ЖА САВЕНЕ.

Какъ, Ремона!

ЦЕЦИЛІЯ.

Единственнаго, благороднѣйшаго, великодушнаго человека!

Г-ЖА САВЕНЕ.

Которому однакожъ и эти прекрасныя качества не помѣшали обольстить дѣвушку, вѣрную моему и его надзору.

ЦЕЦИЛІЯ.

О, какія мысли! Онъ не знаетъ моей тайны, не знаетъ чувствъ моихъ; вамъ однимъ только я открыла.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Можетъ быть и знаетъ.

ЦЕЦИЛІЯ.

Онъ даже не подозрѣваетъ этого, и никогда не узнаетъ. Вотъ причина, по которой я просила васъ скорѣе уѣхать отсюда.

==

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-ЖА САВЕНЕ, Кокне, который входитъ при послѣднихъ словахъ, Цецилія.

КОКНЕ.

Извините, но, мнѣ кажется, что теперь было бы неблагоразумно уѣхать.

ЦЕЦИЛІЯ.

Почему?

КОКНЕ.

Да по случаю этой несчастной дуэли; она надѣлала въ городѣ много шума, и что еще всего хуже, сегодня утромъ самъ министръ долженъ бы былъ драться съ г. Люціаномъ; всѣ ожидали ихъ дуэли, но по видимому онъ не захотѣлъ.

ЦЕЦИЛІЯ.

Это неправда.

КОКНЕ.

Конечно неправда, совершенно согласенъ. Однако всѣ такъ говорятъ. Рассказываютъ также, что г. Сентъ-Андре вмѣшался въ это дѣло, и дрался вмѣсто министра. Это что-то невѣроятно! Правда ли, ибѣтъ ли, — не знаю, однакожъ онъ раненъ.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Такъ Виконтъ раненъ!

ЦЕЦИЛІЯ.

Говорятъ, очень легко.

КОКНЕ.

Напротивъ, очень опасно! Я болясь вамъ сказать!

ЦЕЦИЛІЯ, (удерживая негодованіе).

Что жъ далѣе?

Г-ЖА САВЕНЕ.

Вы тамъ были?

КОКНЕ.

Никакъ нѣтъ; вы изволите знать, что я вмѣстѣ съ вами хлопоталъ около г-жи Цециліи, и когда прибѣжалъ, у нихъ ужъ все было кончено; однакожъ я все узналъ отъ одного вѣрнаго человѣка, который былъ свидѣтелемъ этой сцены. Говорятъ, всѣ жалуютъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, но противъ министра что-то очень вооружены. (*Движеніе Цециліи*). Тутъ нѣтъ вовсе здраваго смысла, однакожъ это общій голось, общій ропоть... Не знаю, какъ онъ отблается; можетъ быть придется ему просить увольненія. (*Въ сторону*). Только дай Богъ, чтобъ онъ прежде опредѣлилъ меня.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Такъ противъ него очень вооружены?

КОКНЕ.

Да такъ, что еслибъ его увидалъ народъ, такъ, просто, забросалъ бы камешками.

ЦЕЦИЛІЯ.

О, Боже!

КОКНЕ.

Конечно, тутъ нѣтъ никакой справедливости, однакожъ, я не знаю, какъ вамъ сказать, по этой самой причинѣ, вамъ бы надобно опасаться.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Чего? Чего?

КОКНЕ.

У насъ на площади народу гибель, и если увидятъ вашу карету, съ вашимъ гербомъ...

Г-ЖА САВЕНЕ.

Съ гербомъ маркизовъ де Савене.

КОКНЕ.

Да-съ,—тогда бѣда! Вашу карету всѣ знаютъ; у меня, къ несчастію, кареты

нѣтъ; есть впрочемъ семейный кабриолетъ, возьмите его, если угодно. — Въ немъ вы можете преспокойно доѣхать до первой станціи.

ЦЕЦИЛІЯ.

Не знаю, какъ благодарить васъ.

КОКНЕ.

Помилуйте, мнѣ очень пріятно, хоть ваша тетушка сегодня утромъ и не очень-то хорошо меня приняла, да я не помню зла... я надѣюсь на васъ.

ЦЕЦИЛІЯ.

О, будьте увѣрены въ моей благодарности. (*Г-жа Савене*). Вотъ единственный человѣкъ здѣсь, который принялъ во мнѣ участіе.

КОКНЕ.

Пожалуйте же за мной, я проведу васъ особымъ выходомъ.

ЦЕЦИЛІЯ.

Поѣдемте, поѣдемте скорѣе!

=

ДВѢНІЕ III.

КОКНЕ, Г-ЖА САВЕНЕ, ЦЕЦИЛІЯ, РЕМОНЬ.

РЕМОНЬ.

Ѣхать! зачѣмъ?

ЦЕЦИЛІЯ.

Но это происшествіе, всѣ эти ужасные слухи!

РЕМОНЬ, (улыбался).

Все идетъ какъ нельзя лучше; я прибѣжалъ съ Виконтомъ на мѣсто дуэли въ то самое время, какъ она началась. Уговорить противниковъ было невозможно. Я бросился между ними и получилъ эту царапину, (*показываетъ руку, завязанную черной тафтою*). Вотъ единственная капля крови, пролитая въ этомъ знаменитомъ сраженіи.

Г-ЖА САВЕНЕ.

Говорили, что Виконтъ раненъ.

ЦЕЦИЛІЯ.

И очень опасно.

КОКНЕ.

Мнѣ сказалъ объ этомъ Белю, здѣшній служитель; онъ слышалъ отъ очевида.

РЕМОНЪ.

«И вотъ какъ пишутся исторіи у насъ!»

Вѣрите послѣ этого описаніямъ замѣчательныхъ сраженій! Наконецъ, послѣ битвы, миръ подписанъ! Мы съ Виконтомъ представили Люціану такія ясные, такія убѣдительныя доказательства, что онъ тотчасъ же подалъ руку своему противнику.

КОКНЕ.

Въ самомъ дѣлѣ?

РЕМОНЪ, (Цецилія).

Теперь, мой другъ, нѣтъ болѣе сомнѣній, я сдержалъ обѣщаніе: они всѣ разсѣяны. Люціанъ сейчасъ лѣтитъ сюда; онъ будетъ снова просить твоей руки, той руки, которую онъ защищалъ оружіемъ, и за столомъ, предъ всѣмъ лучшимъ обществомъ Діеппа и Парижа, мы объявимъ официально о вашемъ бракѣ.

ЦЕЦИЛІЯ, (съ замѣшательствомъ).

Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ!

РЕМОНЪ.

Что это значитъ?

ЦЕЦИЛІЯ.

Я очень благодарна г. Люціану... Хотя и поздно, онъ отдаетъ мнѣ справедливость. Но тотъ, кто могъ во мнѣ сомнѣваться, кто меня обвинялъ...

РЕМОНЪ.

Полно, полно, мы всѣ были въ заблужденіи! Въ особенности Люціана можно простить: ты знаешь его характеръ! Но и въ то время, какъ всѣ обвиняли тебя, онъ не переставалъ тебя любить, онъ защищалъ тебя, подвергалъ свою жизнь опасности! Конечно, эта дуэль могла возродить новыя сплетни на твой счетъ, но все таки, хоть и вопреки разсудку, она есть доказательство его любви.

ЦЕЦИЛІЯ.

Я вамъ вѣрю; но вы еще вчера дали мнѣ свободу въ выборѣ.

РЕМОНЪ.

Вчера, правда, при одномъ твоёмъ словѣ, я уничтожилъ всѣ наши предположенія. Но сегодня, мой другъ, я вижу, что это невозможное дѣло. Эта дурь, предшествовавшая ей слухи, всѣ эти клеветы, не смотря на ихъ нелѣпость, заставляютъ возстановить твой бракъ,—онъ необходимъ. Для твоего же счастья прошу, умоляю тебя, Цецилія, имнемъ нашей дружбы...

ЦЕЦИЛІЯ, (запнялась).

Ахъ, чего вы отъ меня требуете.

РЕМОНЪ.

Твой отецъ предоставилъ мнѣ права надъ тобою, ты это знаешь; еслибъ онъ былъ живъ, онъ самъ бы сказалъ тебѣ: «ты должна согласиться, дочь моя,—я этого требую!»

ЦЕЦИЛІЯ, (въ полголоса, г-жѣ Савене).

Вы слышите! правду-ли я вамъ сказала?

Г-ЖА САВЕНЕ, (Ремону).

Однакожь, если есть препятствіе.

ЦЕЦИЛІЯ, (поспѣшно, въ полголоса, г-жѣ Савене).

Замолчите! прошу васъ имнемъ Бога! (Вслухъ, Ремону). Вы требуете, и чего бы мнѣ это не стоило, я повинуюсь, я не уѣду отсюда. (Обращаясь къ Кокне). Благодарю васъ за всѣ ваши услуги, я ихъ никогда не забуду. (Г-жѣ Савене). Пойдемте, сестрица!

(Уходитъ съ г-жею Савене).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОКНЕ, РЕМОНЪ.

РЕМОНЪ, (съ удовольствіемъ).

За что она благодаритъ васъ?

КОКНЕ.

За то, что я намѣревался сдѣлать для нея доброе дѣло, я хотѣлъ загладить невольныя свои погрѣшности. Надѣюсь, что этотъ поступокъ оправдаетъ

меня предъ вами во всемъ, что наскла-
зали на меня мои враги.

РЕМОНЪ.

Враги! Г. Кокне, вы сами себя врагъ,
другихъ непріятелей у васъ нѣтъ! (*от-
давалъ ему бумагу*). Посмотрите, вотъ
просьба, которую получилъ я вчера
при самомъ пріѣздѣ сюда.

КОКНЕ, (взглянувъ на бумагу).

Моя просьба! можетъ ли быть!

РЕМОНЪ.

И вы же сами дали по ней мнѣніе!

КОКНЕ, (постыпно).

Вы слишкомъ справедливы для того,
чтобъ повѣрить ему! Тутъ есть какая
нибудь ошибка! Тутъ должна быть опять
клевета!

РЕМОНЪ, (улыбаясь).

Могу васъ увѣрить, тутъ нѣтъ ни-
какой клеветы! Все, что я слышалъ о
васъ отъ самихъ васъ, не подлежитъ
никакому сомнѣнію!

КОКНЕ.

Это случилось по недоразумѣнію: я
самъ не понималъ, что дѣлалъ.

РЕМОНЪ.

Вы еще не знаете, какъ много себя
повредили: вы распустили по городу
оскорбительные слухи на счетъ своего
соперника! Вы говорили, что онъ ин-
триганъ и доносчикъ, что онъ очер-
нилъ васъ предо мною,—тогда какъ я
не видалъ г. Рабурдена! Чрезъ ваши
клеветы онъ приобрѣлъ мое вниманіе:
я считалъ его честнымъ человекомъ
прежде, чѣмъ узналъ,—и предположенія
мои оказались справедливыми! Онъ уже
получилъ мѣсто.

КОКНЕ.

Можетъ ли быть?

РЕМОНЪ.

Этимъ онъ обязанъ вамъ.

КОКНЕ, (внѣ себя).

Но я... Клянусь...

РЕМОНЪ.

Дѣло это кончено; прощайте!

(Проходитъ къ столу и садится).

КОКНЕ, (въ сторону).

Тутъ долженъ быть адскій умыселъ!
Тутъ есть интриги... Объ нихъ все
узнаютъ—все... (*Вслухъ*). Мое нижай-
шее почтеніе, г. министр; я не без-
покою болѣе васъ своимъ присутстві-
емъ. (*Въ сторону*). Это такъ не
пройдетъ: я все расскажу!

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

РЕМОНЪ, (одинъ, сядя у стола).

Наконецъ, хоть и не безъ трудовъ,
все устроено! Люціанъ скоро явится:
онъ знаетъ теперь истину, и она для
него составляетъ такую же тайну, какъ
для насъ! Сестра моя не подвергнется
злословію и безчестью ея не будетъ из-
вѣстно моему отцу! Жизнь его теперь
въ безопасности! Гибель далъ мнѣ сло-
во не сориться съ своей женою. Онъ
предоставилъ мнѣ поговорить съ ней;
Цецилія выдетъ замужъ, и слухи сами
собою прекратятся! (*Увидя Цецилію*).
А! Цецилія! что ты мнѣ скажешь?

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЕМОНЪ, Цецилія.

ЦЕЦИЛІЯ, (съ волненіемъ).

Вы желали, чтобъ я была женою Лю-
ціана. Вы говорили, что мое счастье
зависитъ отъ этого брака.

РЕМОНЪ.

Такъ думаю я и теперь.

ЦЕЦИЛІЯ, (подавая ему письмо).

Прочтите!

РЕМОНЪ, (взглянувъ на письмо).

Отъ Люціана!

ЦЕЦИЛІЯ, (съ волненіемъ).

Онъ увѣренъ такъ же какъ и вы, что
я невинна; онъ имѣетъ доказательства:
но этого доказательства онъ не мо-
жетъ объявить предъ свѣтомъ, предъ

тѣми людьми, которые считаютъ меня виновною.

РЕМОНЪ, (прочитавъ письмо).

Подлецъ!.. Онъ уважаетъ тебя, онъ тебя любитъ, и не смѣетъ назвать тебя женою! Онъ не надѣется уничтожить этимъ клеветы, потому что я, не смотря на свои желанія, не могъ прекратить несправедливой о тебѣ молвы!... (Раздиралъ письмо.) Все кончено между нами! Прощай!

ЦЕЦИЛІЯ, (оставляя его).

Куда вы?

РЕМОНЪ.

Потребовать отъ него удовлетворенія за оскорбленіе твоей чести, которая мнѣ доверена, за нарушеніе твоего счастья, которое мнѣ дороже моего собственнаго.

ЦЕЦИЛІЯ, (съ силой).

И которое вы сами же хотите навѣкъ утратить. (Ремонъ вскрикиваетъ и останавливается.) Вы видите, что я имѣла причину къ отъѣзду. Но что мнѣ до этой клеветы! Я сдѣлаю какъ вы, мой другъ: она заслуживаетъ одно презрѣніе!

РЕМОНЪ.

Большая разница, мой другъ: ты и я. Мужчина долженъ быть твердъ. Онъ можетъ пренебрегать мнѣніями; но женщина, слабая, молодая дѣвушка? Нѣтъ, это невозможно. Тебя всюду будетъ преслѣдовать клевета.

ЦЕЦИЛІЯ.

Что жъ дѣлать! Я покорюсь моей участи. Въ душѣ я чиста, невинна; я буду безчестною въ глазахъ свѣта, но вѣрно не въ вашихъ, не правда ли?

РЕМОНЪ.

О, ты для меня идеалъ чести! Боже мой, и я не могу оправдать тебя? (Съ бѣшенствомъ.) Въ первый разъ въ жизни, я долженъ покориться клеветѣ, уступить ей побѣду: оставить ей ея жертву; имѣю все убѣжденія, все доказательства въ ея невинности—и долженъ предать ее злословію. Сердце мое возмущается при этой мысли. Я готовъ

вызвать на бой весь свѣтъ... (Останавливался.) И что же я сдѣлаю? Я буду драться съ этими подлецами. Но ни кровь, ни жизнь моя не оправдаетъ ея; напротивъ... (Съ увлеченіемъ.) Мое имя, быть можетъ, мое имя! (Подходилъ къ Цециліи и взялъ ее за руку.) Цецилія! хочешь ли ты быть моей женою?

ЦЕЦИЛІЯ, (вскрикивалъ и падалъ къ его ногамъ).

Ахъ!

РЕМОНЪ.

Ты не можешь меня любить,—я это знаю,—это невозможно! Но я... я тебя буду любить, какъ образецъ добродѣтели; и, быть можетъ, когда нибудь дружба; признательность... (Старался ее подилтъ.) Отвѣчай же: хочешь ли ты быть моею?

ЦЕЦИЛІЯ, (съ слезами, бросаясь въ его объятія).

Ахъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА САВЕЕНЕ.

Г-ЖА САВЕЕНЕ, (увидя Ремоа, который прижимаетъ къ сердцу Цецилію и обнимаетъ ее, вскрикиваетъ, и отворачиваетъ глаза).

Боже мой! какое безчестіе! (Подходитъ къ Цециліи.) На этотъ разъ, сударыня, я не останусь душой. Такъ вотъ эта чистая, платоническая любовь, въ которой съ такимъ трудомъ вы мнѣ признались?

РЕМОНЪ.

Что она говоритъ?

Г-ЖА САВЕЕНЕ.

Такъ вотъ эта любовь, которую такъ давно вы таили въ своемъ сердцѣ? Я теперь точно вижу: онъ и не подозрѣвалъ!

ЦЕЦИЛІЯ, (протягивая къ ней руку).

Замолчите, ради Бога!

ремонтъ, (съ радостью).

Нѣтъ, говорите, говорите! Неужели это правда? Неужели она вамъ говорила?

г-жа савене, (гордо).

Вы должны это знать лучше меня. Я теперь по крайней мѣрѣ вижу, что мнѣ должно думать, чему должно вѣрить. Все это была истина. О, теперь, ужъ я не буду служить покрываломъ безчестнаго союза: онъ ужъ, кажется, давно заключенъ, а я ничего не знала. Боже мой, какой стыдъ!

ремонтъ, (удерживая ее за руку).

Вы останетесь здѣсь; и не вы одинъ, — всѣ узнаютъ теперь истину.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бѣло, стоитъ въ отдаленіи, множество лицъ, притѣхавшихъ на воды; Кокне, Эрминія, Ремонъ, Цецилія, г-жа Савене; въ глубинѣ множество дамъ и мужчинъ.

ремонтъ.

Господа! Со вчерашняго дня распространились здѣсь оскорбительные слухи. Они вамъ всѣмъ извѣстны. (Смотри на Кокне.) Можетъ быть даже лучше меня! Объявляю вамъ, что они ложны, что это злая клевета. Доказательствами моими я не могу васъ убѣдить, не могу заставить васъ вѣрить моимъ словамъ; но, быть можетъ, вы повѣрите моимъ дѣйствіямъ. Господа! (взлѣзъ Цецилію за руку.) Представляю вамъ мою жену!

КОКНЕ И БЕЛЛО.

Его жену!

г-жа савене, (съ удовольствіемъ). Эрминія, (съ досадой).

Онъ на ней женится!

Кокне, (въ сторону).

Это меня не удивляетъ! Говорятъ она очень богата.

цецилія, (тихо г-жѣ Савене, съ радостью).

Что скажете, сестрица?

г-жа савене, (гордо).

Онъ долженъ былъ такъ поступить!

цецилія.

Какъ, неужели вы еще думаете...

г-жа савене.

Оставимъ лучше этотъ разговоръ. (Возвышая голосъ.) Я согласна.

бѣло, (въ сторону).

Я думаю, что надо согласиться. Черезъ это удвоится ея пансіонъ. Она будетъ получать уже не двадцать, а сорокъ тысячъ франковъ.

эрминія, (Ремону, въ полголоса).

Я не могу помѣшать вашей женитьбѣ, но объявляю рѣшительно, что никогда не увижусь съ вашей супругой, — никогда не приму ея!

ремонтъ, (торжественно.)

Вы ее примите и будете уважать. (Говоритъ ей на ухо, и потомъ заставляя подойти къ Цециліи.) Иначе, берегитесь!

эрминія, (со страхомъ).

Ахъ, братецъ. (Подходитъ къ Цециліи и наклоняется предъ нею, какъ бы просилъ прощенія.) Ахъ, Цецилія!

(Цецилія поднимаетъ ее и цѣлуетъ.)

КОКНЕ, (смотря на Цецилію и Эрминію)

Бѣдная сестра! Заставляетъ ее силой! Это просто деспотъ!

бѣло.

Тирани!

КОКНЕ.

Подлецъ!

БЕЗЪ ВѢСТИ

ПРОПАВШІЙ ПИТА.

РАЗСКАЗЪ

Н. Черепельскаго.

Что это за такое безсловесное животное?

— То, которое Словесности не обучалось. —

Хотя я иностраннымъ языкамъ еще не обучался, но все-таки до личности своей конуситься не позволю.

НѢКІЕ.

Это было въ 182° году...

Плотно завернувшись въ шинель, дрожащій отъ холода, я лежалъ на коврѣ, разостланномъ по срединѣ моей квартиры, и размышлялъ о средствахъ достать чернилъ. Мнѣ нужно было непременно написать одну статейку, на которой основывались всѣ надежды моего бѣднаго желудка, въ продолженіе трехъ дней голоднаго. Годъ былъ урожайный; за статьи платили мало, или ничего вовсе, а вѣсть любилъ я много: ни родового, ни благопріобрѣтеннаго я не имѣлъ, слѣдовательно нечему дивиться, что мебель моя состояла изъ одного трехногаго стула, а вся квартира простиралась не болѣе какъ на шесть квадратныхъ шаговъ, половина которыхъ была отгорожена ширмою, которую жительствовавшая мой слуга. Я находился въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, во всевозможныхъ смыслахъ этого выраженія; денегъ у меня не было ни гроша; вещей удобопродаваемыхъ тоже...

Какъ тутъ быть?... «Милостивый государь!» закричалъ я громко, какъ бы опасаясь быть неуслышаннымъ.

— Сію секунду, отвѣчалъ изъ-за ширмы голосъ моего человѣка, котораго я имѣлъ обыкновеніе называть милостивымъ государемъ.

«Какъ бы намъ достать чернилъ? Вѣдь этакъ мы, пожалуй, умремъ съ голоду..»

— Да, сударь.

«Вотъ, если бы были чернила, я бы написалъ что нибудь и досталъ бы денегъ. Нельзя ли взять у хозяина: вбѣги въ попыхахъ съ чернилицей: очень, молю, нужно поскорѣй; куплю, такъ отдамъ.»

— Да я ужъ такъ нѣсколько разъ дѣлалъ; пожалуй, догадается.

«Ты правъ. Не сдѣлать бы хуже; онъ ужъ и то поговаривалъ, что нашу квартиру у него нанимають. Сходи лучше къ лавочнику: — мелкихъ, молю, не случилось, хоть на грошикъ пожайлуйте; да говори съ нимъ поласковѣй.»

— Куда! Этотъ жидъ и то не даётъ мнѣ покоя. Все долгу просить. Въ полицію, говоритъ, явку подамъ, надзирателю пожалуюсь... Этакъ честные люди не дѣлаютъ... Вишь, твой баринъ подѣхалъ съ дѣсами: повѣры, да повѣры земляку—вотъ я и влопался. «И ну кастить, да такъ, что иида злость беретъ; при всей компаніи по имени васъ называетъ...»

«Ахъ онъ мошенникъ!... Да ты бы его хорошенько...»

— Нѣту, сударь, ужъ какъ хотите самъ, а я не берусь. Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ...

«Точно, точно... Лучше къ нему и не ходи... Чу! чортъ возьми! да нѣтъ ли у насъ гроша-то гдѣ, что и въ самомъ дѣлѣ!...» При этихъ словахъ я обшарилъ все свои карманы — и засвисталъ протяжно: «Пусто!»

— Пусто! повторилъ мой милостивый государь еще плачевнѣе; выворачивая свои карманы.

Слезы навернулись у меня на глазахъ; злость закипѣла въ душѣ... «Вотъ до чего мы дожили... Сидимъ по два дни безъ хлѣба, безъ дровъ, безъ чернилъ» прибавилъ я страдальческимъ голосомъ... «Живемъ въ гадкой каморѣ.»

— Ничего, сударь.

«Какъ, ничего! Глупецъ! Этакъ, еслибъ меня посадили на колы, ты бы тоже сказалъ: «ничего!»»

— Не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ мѣсто! говоритъ пословица. А пословицы, сударь, вещь прекрасная, сколько я могъ замѣтить; что вы, сударь, объ нихъ ничего не напшете?...»

Я готовъ былъ заплакать и, по обыкновенію, пуститься въ проклятія стихами и прозой; но философія моего милостиваго государя меня обезоружила. Этотъ человѣкъ, который спосилъ равную моей участи гораздо терпѣливѣе меня, не разъ отстранялъ совершенное мое отчаяніе. Не смотри на простоту его, я замѣчалъ въ немъ гораздо боль-

ше твердости характера, и потому повольно уважалъ его, иногда даже прибѣгалъ къ его совѣтамъ.

«За что же мы теперь примемся, милостивый государь?» спросилъ я.

— Да что, сударь, бросили бы свое писанье, коли не везетъ; испробовать бы другой карьеры...

«Ты опять за свое. Этого не будетъ, я ужъ сказалъ. Вотъ, ты бы лучше подумалъ, какъ достать чернилъ.»

— Терпитъ ли время до завтра? спросилъ милостивый государь скороговоркою, съ какимъ-то печальнымъ самодовольствіемъ...

«А кто поручится, что до завтра я не умру съ голоду? Да и статью надо бы скорѣе.»

— Батюшка-баринъ, сказалъ милостивый государь дрожащимъ голосомъ: потерпите до вечера.. не сердитесь, что я вамъ скажу... У меня, вонъ, есть кушочки ситника, что намени карандашъ вытирали: вы съѣшьте ихъ; оно все на животъ-то поздоровѣе... а я покуда добуду денегъ...

«Что ты, Иванъ?» закричалъ я, забывъ обыкновенный тонъ шутки. «Гдѣ ты достанешь денегъ, такъ скоро?...»

— Да вотъ въ сосѣдніе дома поношу водицы, такъ и заработаю что пибудь.

«Добрый Иванъ!» сказалъ я и почти готовъ былъ обнять его.

— Оно, вотъ видите, баринъ, кабы вы такъ не транжирничали и было бы хорошо, вѣдь еще третеводни были у васъ деньги: вы въ разъ утѣкли! Хотѣ бы вы послушались моей просьбы, да отпустили меня, такъ я бы нашелъ мѣстечко, а деньги-то бы приносилъ вамъ... все бы сподручѣе...

«Опять за свое. Пожалуйста, не говори мнѣ никогда объ этомъ» сказалъ я съ чувствомъ обиженной гордости, и съѣлъ на стуль... Изломанная попка, кой-какъ подставленная, подломилась и я упалъ.

— Эхъ, баринъ! говорилъ, не садитесь, ножка худа, я-де подставилъ ее только для приличія, кто взойдетъ, чтобъ не перекофузиться: надо же вѣдь и тому задать!... Виноватъ, батюшка... не ушиблись ли вы? говорилъ милостивый государь.

Но мнѣ было не до него. Сердце мое сильно забилось радостью; въ этомъ паденіи я увидѣлъ начало своего возвышенія. Да! я увидѣлъ сапоги милостиваго государя; кажется, тутъ и пѣтъ ничего необыкновеннаго... Точно, точно, милостивые государи, для васъ такъ, но для меня... увидѣлъ сапоги моего Ивана, — и пашель, что бы вы думали?.. Философскій камень?.. Ни чуть не бывало... меня только поразила свѣтлая, гениальная идея: видно, что въ этотъ день на небѣ было что нибудь особенное, или, можетъ, умъ мой... но я оставляю изслѣдовать это до другаго времени...

«Давай сюда поскорѣй мои сапоги!» закричалъ я милостивому государю, и самъ схватился за голову, опасаясь, чтобъ не исчезла идея: неожиданное счастье иногда заставляетъ насъ прибѣгать къ излишнимъ предосторожностямъ, изъ опасенія потерять его.

— Итти со двора, что ли, сударь, хотите? Вѣдь ваши-то сапоги очень худы... надѣньте лучше мои...

«Не то! идея, братецъ, идея!» закричалъ я, держась попрежнему за голову.

— Да вѣдь я вамъ говорю, что худы, вылетитъ.

«Что ты тутъ толкуешь! Съ ума, что ли, ты спятилъ? Давай скорѣй.»

— Да вы посадить, что... ли, въ нихъ хотите ее?..

Я вышелъ изъ терпѣнія; надобно же случиться такой оказіи, что милостивый государь вздумалъ разсуждать. Чтобъ не терять по пустому времени, я побѣжалъ самъ за перегородку, отыскавъ сапоги и съ торжествующей физиономіей поцѣловалъ одинъ изъ нихъ. Милостивый государь стоялъ, вытара-

щивъ глаза. Я потеръ пальцемъ по мокрому мѣсту сапога... Физиономія моя еще болѣе прояснилась. Иванъ пожалъ плечами.

«Иванъ, другъ мой» закричалъ я: «давай скорѣй воды, тарелку, да пѣтъ ли какой тряпочки?.. Мы не умремъ съ голоду! Тебѣ не надобно итти носить воду... Что жъ ты стоишь!»

Иванъ, поставленный мною въ тупическое положеніе, насилу опомнился, и побѣжалъ исполнить приказаніе. Сердце мое шибко билось отъ полноты сильныхъ сладостныхъ ощущеній; можетъ быть, еще первый разъ въ жизни оно было озадачено такимъ полнымъ, мощнымъ приливомъ счастья. Я готовъ былъ выбѣжать на улицу и расцѣловать перваго встрѣчнаго, хоть будочника, который дикимъ, безпрестаннымъ восклицаніемъ: *кто идетъ?* не даетъ мнѣ спать. Такихъ минутъ немного бываетъ въ жизни!

Милостивый государь наконецъ досталъ требуемыхъ мною вещей, и явился. Я выхватилъ у него изъ рукъ тарелку и поставилъ ее на окно; набралъ въ ротъ воды, взялъ тряпку, и такимъ образомъ остановился у окошка, держа сапогъ прямо надъ тарелкою.

— Осмѣлюсь вамъ доложить, не понимаю, что изволите дѣлать; дѣльное что, или просто такъ шутственное?

Я взглянулъ на Ивана: лицо его представило странную смѣсь любопытства, недоумѣнія и какого-то глупаго испуга. Мнѣ стало смѣшно, а смѣхъ такая вещь, которая производится только ротъ розиня. Я фыркнулъ, и брызги воды полетѣли въ лицо Ивана. Онъ обидѣлся.

— Не плакать бы намъ, баринъ: по слѣдъ веселья всегда бываютъ слезы; — по словица...

«Ты опять съ пословицами; довольно и давишней» сказалъ я, и снова набралъ въ ротъ воды.

Необращая болѣе вниманія на Ивана, я сталъ выпускать изо рта воду на са-

погъ и тряпочкой смывать съ него ваку. Физиономія моя проенилась до прозрачности, когда я увидѣлъ черныя крупныя капли, падающія съ сапога на тарелку.

— Вотъ что! произнесъ милостивый государь, и вздохнулъ свободно.

«Да, вотъ что, милостивый государь.»

— Не густы ли? спросилъ Иванъ.

Молча, указавъ я на ковшъ съ водою.

— То-то, а то у васъ всегда такъ: вдругъ густо, а вдругъ пусто.

Черезъ минуту чернильница моя была наполнена драгоценнымъ составомъ; я приставилъ стулъ къ своему ковшу, положилъ на него бумагу, поджалъ подъ себя ноги и пошла писать.

— Умудрилъ же Господи раба своего! набожно произнесъ милостивый государь, и пошелъ за ширмы спать, или отдать визитъ *папу храповицкому*, какъ самъ онъ выражался.

Я уписывалъ уже второй листъ, стараясь писать какъ можно разборчивѣе, потому что изобрѣтенныя мною чернила были не очень благонадежны; изъ-за ширмы слышалось уже полное, совершенно развившееся храпѣніе милостиваго государя, какъ вдругъ въ дверь мою послышался тихій стукъ... Я не могъ растолковать себѣ, кто бы это могъ ко мнѣ пожаловать; хозяинъ мой стучитъ сильно и смѣло, а больше ко мнѣ ни собаки *не ходитъ*. Теряясь въ догадкахъ, я разбудилъ Ивана и велѣлъ отпереть ему, для большей важности.

«Наумъ Авраамовичъ дома?» спросилъ робкій, дрожащій голосъ.

— У себѣ-съ, отвѣчалъ милостивый государь. А какъ объ васъ доложить?

«Я пріѣзжій изъ Чебахсаръ; они знаютъ моего родителя; я Иванъ Ивановичъ Грибовниковъ.»

Я выскочилъ за ширмы и увидѣлъ молодого человека, съ множествомъ различныхъ тетрадей подъ мышкой, и съ письмомъ въ рукѣ. Я оглядѣлъ его съ ногъ до головы; черты лица его были

рѣзки и неправильны, въ глазахъ выражалась необычайная робость, происшедшая какъ бы въ слѣдствіе сознанія собственной ничтожности, нижняя губа была чрезвычайно толста, нѣсколько отвисла и потрескалась; носъ былъ довольно большой и нѣсколько вздернутый къверху; волосы его, сухіе, незапанные, неровно остриженные, не показывали ничего общаго ни съ одной изъ европейскихъ причесокъ; зачесанные ни вверхъ, ни въ низъ, они щетинной торчали надъ головой, въ видѣ тангенса къ окружности; руки его были почти гризпы и имѣли на себѣ нѣсколько бородавокъ, расположенныхъ почти въ томъ же порядкѣ, какъ горы на земной поверхности; ноги были кривы и двигались неровно и медленно; когда онъ говорилъ, то обыкновенно одну ногу выдвигалъ впередъ, а другой изрѣдка сзади въ нее постукивалъ; кланялся онъ низко, очень низко, но совершенно не по тѣмъ законамъ, какихъ держится большая часть поклонниковъ; на немъ былъ долгополый сюртукъ изъ синяго сукна, двубортный, съ тальей на два вершка ниже обыкновенной, съ фалдами, усажеными пуговицами, которыхъ пара приходилась почти противъ пятки; желтые напковые брюки, необыкновенно узкіе, довершали безобразіе ногъ; ораяжевалъ съ бѣлыми полосками жилетка, загнутая доверху; пестрый ситцевый платокъ, съ китайскими мандаринами на узорѣ, изъ-за котораго едва видѣлась черная каленкоровая манишка, норужьвшая отъ времени и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, и смазные нѣмецкіе сапоги на ранту—дополнили его нарядъ.

«Пожалуйте, пожалуйста, очень приятно...» говорилъ я, вводя его въ дверь, и путаясь въ полахъ моей шинели.

Грибовниковъ смотрѣлъ на меня съ какимъ-то благоговѣніемъ, а на мою квартиру еще съ большимъ...

«Что привело васъ сюда?» спросилъ я, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій.

— «Судьба» отвѣчала оя трагически.

«Прошу садиться!» сказалъ я, и спохватившись, прибавилъ: «кто какъ любить, а я, знаете, просто, но-турецки, на полу, оно какъ-то удобнѣе. Вы извините меня, у меня такой ужъ характеръ; не люблю этой мишуриной пышности.»

— Всеконечно. Суета міра сего — ничто предъ всеобъемлющею, громадною, безконечною вѣчностію.

«То есть, вы хотите сказать: все вздоръ, противъ вѣчности?»

— Дѣйствительно, сударь, я вамъ долженъ доложить, что я хотѣлъ сказать сіе самое.

«Надолго въ Петербургъ, или опять на родину? Вы, вѣрно, тамъ служите?»

— Да, я хотѣлъ было поступить въ земскій судъ, да вашъ уздавый учитель, умнѣйшій человекъ на свѣтѣ, посоветовалъ мнѣ поступить лучше въ пѣнты; оно, говоритъ, и доходно и почетно... Я же ужъ давно подписываю... право, вотъ вамъ, прочтите... за тѣмъ я и къ вамъ, Наумъ Авраимовичъ; какъ бы это опредѣлиться? вотъ и батюшка-то къ вамъ письмецо пишетъ,—сказалъ оя умоляющимъ голосомъ, и вручилъ мнѣ письмо.

Все еще недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я развернулъ письмо и нашелъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

Наумъ Авраимовичъ!

«Примите подъ свое высокое покровительство сего юнаго питомца музъ, дабы оя могъ, подъ вашимъ крыломъ, вознестися до превысреннихъ высей Парнасса, и на сладко бряцающей лирѣ восхвалить ваши ему благодѣянія; ибо съ давнихъ поръ, я вамъ скажу, замѣчено мною въ слухъ моемъ, Иванъ Ивановичъ, необычайное стремленіе къ пѣн-ти; долгъ родителей есть поощрять

сіе, столько же, сколько довлѣетъ изгонять изъ единокровныхъ чадъ своихъ, коихъ Господь Богъ послалъ ему яко утѣшеніе и подпору на старость лѣтъ, сѣмя грѣховное, и потому къ вамъ, Наумъ Авраимовичъ, какъ генію, прославленному нашъ градъ писаніемъ, адресую моего сына; оя у меня одинъ, какъ порохъ въ глазѣ, и вы за него Богу отвѣтите, если допустите погибнуть, аки оглашенному, кой, буде я не ошибаюсь, имѣетъ безошибочныя таланты, и пишетъ аки медомъ кормить, ибо въ чтеніи оно также сладимо. Писаніе его весьма различно и обширно. Оя также сочиняетъ для Россійскаго Театра, что въ особности прошу заимѣтить, ибо и покойный Сумароковъ писалъ въ различномъ духѣ и складѣ. Жена моя, Анфисочка...

«Уфъ!» вскричалъ я, не имѣя терпѣнія дочитать. «Прошу покорно, просить моего покровительства! Да и-то что такое? А! видно чтонибудь... И въ самомъ дѣлѣ! Видѣ пишетъ же оя, что я прославилъ ихъ городъ. Вотъ оно!.. Эта мысль примирила меня съ моимъ гостемъ, котораго я хотѣлъ протурить безъ церемоній. Милостивый государь! сколько могу, буду содѣйствовать вамъ; но позвольте сперва обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ: почему вы перемѣнно хотите быть писателемъ?»

— Мы все живемъ на землѣ, родители и сродственники нашъ помѣщаются также на оной,—но никто изъ смертныхъ не проникалъ въ будущую судьбу свою... Всеобъемлющій геній Шекспира и сугубая злодѣйственность Малюты-Скуратова равно велики и поразительны въ своемъ родѣ...

«Но, любезнѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, изъ этого еще ничего не слѣдуетъ...»

— Позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно,—сказалъ доврливо Иванъ Ивановичъ.

«Говорите, говорите» сказалъ я и пожалъ его руку... Оя положилъ руку на

сердце, тѣжко вздохнулъ и сказалъ: Мы удивляемся шекспирову гению, но здалъ ли сей великій мясникъ...

«Но вы хотѣли мнѣ что-то сообщить о себѣ?»

Да; я буду съ вами отъроденъ; вы пить, я тожъ—вы поймете меня, не такъ ли?

Я вѣжливо поклонился. Иванъ Ивановичъ продолжалъ:

—Что касается до меня, то въ душѣ моей я призналъ нѣчто пинтическое еще въ младости двѣтущей... Сіе изложено мною въ дактидохоренческомъ стихотвореніи, титулованномъ мною двояко: *Зарожденіе плеснети въ столчемъ болотѣ*, или *Пить въ юности*; прикажете прочесть?

«Послѣ, послѣ» сказалъ я поспѣшно: «мы ихъ всѣ разсмотримъ. Теперь, что дальше?...»

—Я пить, рѣшительно пить! собственное сознаніе убѣждаетъ меня въ семъ предположеніи, сказалъ Иванъ Ивановичъ, положи одну руку на сердце, а другой пожимая мою. Постыдно быть врагомъ самому себѣ, и зарывать въ землю свои таланты, кои, будучи очищены, аки злато въ горниль, затмятъ камни самоцвѣтные...

«Но вы не знакомы съ положительной стороною того, за что хотите взяться... Тутъ много такого...»

—Треволненія вселенной, коловратность міра сего, ничто! Неужели то, что я пожертвовалъ мѣстомъ въ земскомъ судѣ, при коемъ *окромл* прочихъ продуктовъ квартира, дрова и свѣчи, для пинтики, не можетъ служить *хотша* малымъ доказательствомъ моею въ оной наклонности?.. Конечно, отъ доходовъ, буде оныя случатся—я не отказываюсь, ибо состояніе мое того не дозволяетъ. Но сіе не важно суть, ибо всѣмъ известно, что Вальтеръ-Скоттъ миліоны нажилъ писаніемъ... Предположимъ, что не столь великое счастье мнѣ поблагопріятству-

еть, но пинтъ и половиною сего будетъ удовольствованъ...

«Но кто вамъ сказалъ, что это такъ легко?» спросилъ я, поглядывая на свое жилище.

—Вы, Наумъ Авраамовичъ! Вы!—воскликнулъ онъ и лицо его просіяло... Вѣсть о богатствѣ вашемъ достигла до нашего града и мгновенно разлетѣсь по стогнамъ оного, произвела всеобщее шумленіе. Сіе-то и есть главною причиною, что родитель мой не воспрепятствовалъ моему желанію... Поѣзжай въ Питеръ! молвилъ сей добродѣтельный старецъ, трудись для Россійскаго Парнасса, а намъ высылай наличными; пинту тамъ хорошо... Нашъ другъ Наумъ Авраамовичъ...

«Да, конечно, я не могу жаловаться на судьбу свою: денегъ у меня довольно, сказалъ я, вспомнивъ, что писалъ еще недавно къ одному изъ земляковъ, что наживаюсь отъ литературы, имѣю своихъ лошадей, огромное знакомство и такую же славу. Чего я не писалъ тогда? Впрочемъ, меня извиняютъ обстоятельства: тамъ жила—царица души моей!... Я не желалъ, чтобъ Иванъ Ивановичъ обличилъ меня во лжи передъ цѣлымъ городомъ и рѣшился, во чтобы ни стало, опровергнуть невыгодное мнѣніе о моемъ кошелькѣ, которое вѣроятно внушилъ ему видъ моей квартиры.

«Вамъ страннымъ долженъ показаться образъ моей жизни; въ этомъ признались уже всѣ мои пріятели, но нарочно для этого-то и живу я такъ. Что жъ? я могъ бы имѣть хорошую квартиру, мебель, прислугу, пару лошадей, дюжину поваровъ, кучера, дворецкого; но знаете все это такъ обыкновенно... Ничѣмъ этимъ не удивишь. Да и для меня это полезно; при видѣ окружающей меня бѣдности, я прилежный работаю, какъ будто у меня и не лежитъ ничего въ Ломбардѣ... А чуть вспомню: вотъ и бѣда: мы, писатели, люди такіе неумѣренныя.»

«Заблуждаться свойственно человеку;—

не извиняйтесь, Наумъ Авраамовичъ... Я самъ не прочь отъ сего... *эт-то*, въ страстную пятницу, передъ отъѣздомъ сюда... мерзко вспомнить... Благороднѣйшіе пинты нашего града уподобились скоту безсловесному... у всѣхъ на другой день фонари подъ глазами были.

«Но вы не такъ меня поняли.»

— Все равно, произнесъ онъ съ жаромъ, мы поймемъ другъ друга... Скажите мнѣ, что могу я на первый разъ получить въ годъ отъ пинтики?

«Вотъ видите: времена нынче странные: люди предпочитаютъ поэзіи прозу.»

— О, грубыя души, во тмѣ бродящія, бѣдныхъ разящія, ложно мудрящія, низко творящія, вѣчно кутящія, пьющія, спящія, свѣта не зрящія... и пошелъ, и пошелъ... да такъ, что, я вамъ скажу, паговорилъ онъ ихъ штукъ сорокъ.. Ну, голова!

Я взглянулъ на него: лицо его было блѣдно и сіяло какимъ-то неземнымъ вдохновеніемъ; глаза страшно блистали, весь онъ слегка дрожалъ.

«Что съ вами?» спросилъ я въ испугѣ.

— Недугъ пожирающій, тьму разверзающій, музу питающій, въ радость ввергающій, плоть убивающій, духъ возвышающій... и опять пошелъ...

Страшно было смотрѣть на него; глаза его бѣгали какъ у бѣлки; нижняя губа какъ-то судорожно качалась; онъ уже едва держался на ногахъ.

«Сядьте!» сказалъ я, и подвинулъ къ нему стулъ, опять забывши о его недостаткѣ.»

Поэтъ не успѣлъ сѣсть, какъ уже былъ на полу...—Землю лѣтящій, небо вмѣщающій, огонь возжигающій... шепталъ онъ, подымаясь съ полу.

«Извините!» сказалъ я и поспѣшилъ подать ему помощь, — но вдругъ отскочилъ въ ужасѣ...

«Чортъ васъ возьми съ вашимъ вдохновеніемъ! Вы проляли у меня чернила, и залили мою статью, закричалъ я съ негодованіемъ.

Поэтъ ничего не слышалъ. Онъ продолжалъ свою импровизацію. Между тѣмъ гнѣвъ мой нѣсколько утихъ, и я очень радовался, что обидное мое восклицаніе не было имъ услышано.

«Успокойтесь, успокойтесь, любезный Ивашъ Ивановичъ!»

— Охъ! сказалъ онъ: это вы, Наумъ Авраамовичъ, а мнѣ показалось, что самъ богъ пинтики, Аполлонъ, предсталъ предъ очи ничтожнѣйшаго изъ пинтовъ.

Я вѣжливо поклонился:

— Извините, что я васъ такъ много утруждаю присутствіемъ моей малой особы, которая въ присутствіи вашемъ...

«Ничего. Лучше поговоримте о дѣлѣ. Вы бѣдны?»

—Я нищъ!

«Что жъ вы намѣрены предпринять для своего содержанія?»

—Наумъ Авраамовичъ! Вы сами видите, что ужъ и въ ломбардномъ заведеніи ваши денежки водятся. А чѣмъ вы ихъ нажили... мнѣ бы то есть хотѣлось идти по слѣдамъ вашимъ... Выпустите меня въ литературу! Не корысть, не соблазны міра сего... повѣрьте... Мнѣ бы такъ, тысячи три четыре на первый разъ...

«Ого!» подумалъ я, и поднялъ свой изувѣченный стулъ.

—Только бы имѣть средство прилично содержать себя, и не быть въ крайности; доставьте мнѣ сію возможность.

«Право, не знаю какъ; задача трудная. По крайней мѣрѣ знаете ли вы хоть одинъ иностранный языкъ?»

— Какъ же! еврейскій, греческій, латинскій, славянскій...

«А нѣмецкій, французскій?»

—Нѣтъ. Наумъ Авраамовичъ.

«Плохо... на переводъ, значить, нечего и надѣяться. Не пробовали ли вы писать прозой? На прозу цѣна выше...

—*Fiunt oratores, nascuntur poetae*, изрекъ Гораций; слѣдственно несомнѣнно, что родшійся пинтомъ легко можетъ сдѣлаться ораторомъ... Небезызвѣстно вамъ, что у насъ еще съ риторики за-

даютъ разсужденіи, хриіи и прочая; я писалъ ихъ по приказанію мѣстнаго начальства, по душа моя...»

—Оставьте-ка лучше вовсе свое намѣреніе.

«Ни за что! Я не измѣню своему призванію: Аполлонъ и девять сестеръ, именуемыхъ музами, что на греческомъ нарѣчій значить...»

— Знаю, знаю. А я бы лучше совѣтовалъ припяться за что нибудь другое...

«Пѣтъ; лучше соглашусь довольствоваться тысячею рублями годичнаго продукта для поддержанія брешной жизни сей» произнесъ онъ съ усиліемъ, какъ будто бы дѣлая величайшее пожертвованіе.

— Право, лучше поступите въ статскую службу.

«Но не безъизвѣстно вамъ, Наумъ Авраамовичъ, что на первый разъ жалованье слишкомъ недостаточное. 300 рублей съ копейкамъ...»

— Я внутренно усмѣхнулся. Но увѣрляю васъ, что и поэзія не больше припесетъ вамъ.

— Какъ! И вы это говорите! Вы, о богатствѣ котораго вѣсть гремитъ повсюду, котораго нашъ градъ прозвалъ своимъ Крезомъ... Крезъ, извольте видѣть, былъ богаче всѣхъ, — которому весь нашъ градъ завидуетъ....»

— Да съ чего вы это взяли, что я богатъ? я, право...

« Не скрывайтесь, Наумъ Авраамовичъ! Вы хотите этимъ отвлечь меня отъ поприща, на которое влечетъ меня сердце, — но пусть я буду терпѣть гладъ и холодъ, скуку и муку, насмѣшки челоуѣчества, изгнанье изъ отечества, и прочія увѣчества, — но никогда ни за что не откажусь отъ пѣнники. Вотъ опи, вотъ плоды свѣтлыхъ вдохновеній, сильныхъ ощущеній, тайныхъ упоеній, блѣдныхъ привидѣній, адскихъ тревоженій, дикихъ приключеній, тягостныхъ мученій, сладостныхъ кученій, бѣдъ и огорченій!...»

— Чудо, чудо! закричалъ я! Да вы собаку съѣли, Ивапъ Ивановичъ!»

Поэтъ мой ничего не слышалъ; торжественно схватилъ онъ съ полкипу своихъ тетрадей, развернулъ первую попавшуюся, и началъ:

Федотычъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ 16 картинахъ, заимствованная изъ прозаической пѣнмы Василя Кирилловича Тредіаковского *Вѣда на Островъ Любови*, и написанная размѣромъ *Виргиліевой Энеиды*, въ стихахъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ новооткрытыхъ идей самаго автора *Ивана Ивановича Грибовникова*, съ принадлежащимъ къ пей прологомъ и интермедіею. Въ числѣ 8783 стиховъ сочинилъ *Иванъ Ивановичъ Грибовниковъ*. Дѣйствіе частію въ деревнѣ Прохоровкѣ, Симбирской Губерніи, Симарскаго Уѣзда, частію въ волчьей ямѣ и земскомъ судѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ палату. Федотычъ спитъ. Работникъ Кузьма подходитъ будить его.

КУЗЬМА.

Вставай, владыка мой, Федотычъ, солнце красно
Взошло и на сей мѣръ ослабло ясно.

ФЕДОТЫЧЪ, (проспался).

Всю ночь мнѣ не спалось, и пѣкій злой шакаль,
Мнѣ мнилось, на меня хулу изъ усть рыгаль.

КУЗЬМА.

Что зрѣлося во снѣ, на то ты не смотри,
А лучше ликъ себя платендемъ смѣй утри!
(Снимаетъ съ гвоздя платенце,
и подаетъ ему).

Дремоту обуль, взгляни на ясность неба;
Умойся, помойся—и съѣшь краюшку хлѣба.

ФЕДОТЫЧЪ.

Совѣтатель мой и мой наперсникъ! вasmлю
Тебѣ, и нисхожу—съ палатей я на землю.
(Федотычъ встаетъ, умывается,
садится вѣтъ).

КУЗЬМА.

Рышп, владыка мой, сомнѣнье ласъ одно:
Итти ли намъ косить, или вытти на гумно.

Оедотычъ.

О юность! сколько ты неопытна, быстра!
Вѣдь прежде, нежели мы изыдемъ со двора,
Должно намъ порышнить съ тобой, о сынь
мой! вкупѣ,
Владыкъ въ чемъ итти, въ чемеркѣ плъ въ
тулупъ?

кузьма.

Едва лишь почи мракъ преторгнулъ свѣтъ
Авроры

На улицѣ жара, пу такъ, что ломить взоры.

Оедотычъ.

И такъ надѣну я армякъ и стару шляпу,
Не сторгся бѣ съ небеси дождь яростный
внезапу.

кузьма.

Надѣнь подѣ пишь тулупъ: здоровьемъ ты вѣдь
слабъ.

Оедотычъ, (едва удержива-
ясь отъ слезъ).

Въ объятія мои, ко мнѣ мой вѣрный рабъ!
(Заключаетъ его въ объятія, по-
томъ отдвѣаются и уходятъ).

—Превосходно, превосходно! закричалъ
я: да не махайте такъ руками, и не де-
кламируйте такъ громко; разумѣется,
это придаетъ много силы вашему сочи-
ненію, но знаете, если у васъ немнож-
ко груди слаба...

Онъ подалъ знакъ, чтобъ я молчалъ,
и хотѣлъ продолжать.—Отдохните пе-
много, у васъ сдѣлаются конвульсиі,
у васъ пламенная, благородная кровь, и
потому вы очень увлекаетесь, а это...

«Если вы не хотите слушать, то я
перестану» воскликнулъ онъ обиженнымъ
голосомъ, прерывая мои слова. «Я, су-
дарь, читалъ свои сочиненія въ торже-
ственномъ собраніи нашего града. Самъ
городничій былъ, смотритель училища
на другой день зачѣмъ-то прислалъ мнѣ
лавровато листу и писалъ, что мнѣ
должно вѣнчать, какъ какого-то Тасса,
да я отвѣтилъ ему, что жепиться мнѣ
еще рано... Впрочемъ, и дочка у него
скверная такая, рбала съ веспушками.»

— Не сердитесь, мой любезный Иванъ
Иванычъ, я васъ же любя сказалъ. Да
притомъ сегодня мы всѣхъ вашихъ сочи-

неній прочесть не успѣемъ, то я про-
силъ бы васъ оставить ихъ на педѣль-
ку у меня, а теперь прочесть только
отрывки. Я взялъ изъ кипы тетрадей
другую, развернулъ и прочелъ заглавіе:
Іоаннъ и Стефанида. А, это что-то духов-
ное... новый родъ... должно быть хо-
рошо.

«Да, это пинма, сказочнаго содержанія,
такъ, въ овидіевомъ родѣ. Мнѣ хотѣ-
лось испытать себя во всемъ. Но это вы
прочтете послѣ. Знаете, какъ не удоб-
но для сочинителя, когда вниманіе чита-
теля двоятся; лучше копчить—трагедію.»

— Но вы уже дали мнѣ понятіе о сти-
хахъ ея, они прекрасны; а чтеніе всей
трагедіи отниметъ у насъ много вре-
мени, мнѣ некогда... вы извините меня.

«Но дослушайте хоть сюжетъ; я вамъ
говорю, я самъ удивляюсь, какъ я на-
писалъ это: о тутъ будетъ еще не то!
Я вамъ скажу, у меня для нѣкоторыхъ
лицъ языкъ даже особенной, а сюжетъ,
просто диковина... Все, все повое...
нигдѣ еще не было напечатано. Вотъ
изволите видѣть, они пошли теперь на
работу, тутъ придутъ домой, будутъ
ѣсть, пить; начнетъ кричанье, пля-
санье, стучанье, — такія дѣянія, что
даже названья имъ трудно прибрать...
Но это еще все ничто... Оедотычъ, под-
гуливши, это уже въ третьемъ дѣй-
ствіи, идеть, изволите видѣть, въ лѣсъ;
вотъ тутъ штука... дѣло было подѣ
вечеръ... онъ не разглядѣлъ, да и
бухъ въ волчью яму, а тамъ волкъ
ужъ попался голубчикъ, вотъ у нихъ
и начинается потѣха. А! какво! Вотъ
тутъ, я вамъ скажу, такъ ужъ винти-
ка! Меня самага слезы пропинаютъ,
какъ вспоминою; какъ взялъ волкъ Оедо-
тыча, да какъ припаялся ломать, такъ
ажно самому страшно. (Становится въ
позицію и лачинаетъ декламировать).

Какъ ось несмазанна возница Аполлона
Вдругъ кости треснули: Оедотычева стона
Раздался велий гласъ, и гладную велимъ
Къ нему летящу зрительяву онъ съ дѣтми...

Кто ужасъ выражалъ насчетъ сего достойно? Кому, блаженпу, снѣ дано премного столъ, Исчерпать сей предметъ, изобразить пристойно?

Гдѣ, гдѣ счастливецъ сей: обилъ его дозволь!

Иванъ Ивановичъ простеръ ко мнѣ свои объятія и искалъ моей шеи. Я уже хотѣлъ спросить: за кого вы меня принимаете?—но увлеченіе моего поэта было такъ сильно и естественно, что я не желалъ разбудить его.

Крѣпко, пламенно обилъ меня поэтъ и заплакалъ. Долго слезы мѣшали ему говорить; наконецъ онъ снова началъ. Не ужасайтесь: вы думаете Федотычъ погибъ? никакъ нѣтъ-съ.

Подобно праотцу всѣхъ праотцевъ, Адаму, Лицшился онъ ребра, понавши въ волчью яму.

Вдохновеніе Ивана Ивановича сообщилось отчасти и мнѣ. Я возразилъ ему стихами:

Но видно этотъ волкъ былъ очень глупъ и добръ,
Когда не изломалъ Федотычу всѣхъ ребръ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ примѣтвымъ самодовольствіемъ, и отвѣчалъ:

Въцайте, съ драмой сей возможно ли мнѣ
черезъ васъ
Введенну быть, съ толпой подобныхъ, на Парнасъ?

Я возразилъ съ усмѣшкой:

Но можно ли волковъ вводить въ литературу?

Иванъ Ивановичъ торжественно посмотрѣлъ на меня и воскликнулъ:

Но се неволкъ,—баранъ, одѣтый въ волчью шкуру.

Я захохоталъ во все горло. Иванъ Ивановичъ, который былъ вправѣ ждать отъ меня одобренія, изумился. Самое патетическое мѣсто въ трагедіи... поразительная исчаинность, неожиданный переворотъ во всей пьесѣ... сильный гигантскій шагъ къ заключенію... шепталъ

онъ съ неудовольствіемъ, пока я смѣялся...

«Развѣ тутъ есть что иибудъ смѣшное, Наумъ Авраамовичъ?»

—Ха, ха, ха! самъ себѣ смѣюсь, любезнѣйшій, самъ себѣ, извините; какъ это я не могъ съ перваго раза догадаться! Да вы такъ хитро придумали... Чудо, чудо! ужъ я на этихъ вешахъ взрость, а тутъ, печего сказать,—ума не приложилъ. Да какъ же это, ужъ не обманываете ли вы, Иванъ Ивановичъ?

«Нѣтъ, повѣрьте. На томъ завязка; Федотычу со страха показалось что это волкъ; а сказано это у меня въ началѣ такъ, знаете, просто, для интереса. Тутъ теперь чудеса пойдутъ. Прибѣгаютъ поселенцы на крикъ Федотыча. Благородные сердца ихъ поражены состраданіемъ и изумленіемъ. Федотыча вытаскиваютъ, онъ видитъ барана, и въ гнѣвъ бросается на сіе невинное животное, ставшее, по обстоятельствамъ, игролищемъ страстей человѣческихъ. Подобно видѣть ярость Федотыча: онъ клянется погубить врага *жестокими* *людми* — *или мечемъ!* Все для него равно, лишь бы достигнуть своей цѣли. Вся средства позволительны: буря страстей завела его слишкомъ далеко, чтобъ уже благоразумно остановиться.

О дѣвица моя! о вѣрвая жена!

Федотычъ въ ярости взываетъ:

Завтра можетъ быть мнѣ плаха суждена,

Ужъ смерть мнѣ взоры ослабляетъ!

Изъ посрамленныхъ ребръ ручьемъ текуща кровь

Въ утробѣ сердца мечь рождаетъ.

Оцуетъ она, во вѣкъ, какъ рѣпа и морковь,

Мнѣ въ душу корни запускаетъ!

Послѣ сего Федотычъ начинаетъ разыскивать, кто посадилъ въ яму барана въ волчьей шкурѣ. Открывается, что одинъ юный парень, желая подшутить надъ своимъ другомъ, который вырылъ сію яму, ради взыманія волковъ, сыгралъ эту шутку. Федотычъ,

познавъ сіе, говоритъ много и сильно, и наконецъ восклицаетъ, почти въ безуміи:

Мнѣ холодно,—я въ адъ хочу!

—И уходитъ въ адъ? спросилъ я.

«Нѣтъ, онъ хватаетъ «юнаго парня» и отправляется съ нимъ въ земскую полицію, для принесенія жалобы. Этимъ кончается четвертое дѣйствіе. Но я долженъ сдѣлать невеликое отступленіе. Чтò вы скажете на счетъ послѣдняго стиха, произнесеннаго героемъ трагедіи? А! не напоминаетъ ли онъ вамъ чего нибудь этакаго-великаго, колоссальнаго? Подумайте, подумайте!»

Я былъ въ совершенномъ замѣшательствѣ и не зналъ, что отвѣчать; по счастью Иванъ Ивановичъ самъ помогъ мнѣ.

«Чтò, забыли! Помните ли вы сей стихъ изъ *Либической* поэмь *Разбойники*:

Мнѣ душно здѣсь,—я въ лѣсъ хочу!

«Чтò, какъ онъ вамъ кажется?»

—Удивителенъ!

«Повторите теперь мой: мнѣ холодно,—я въ адъ хочу! Что, не та же сила, гармонія, звучность, меланхолія? Это просто пандавъ-съ».

—Правда, правда; таланты равносильны... Но докончите скорѣй рассказъ сюжета.

«Вы этого требуете?» спросилъ онъ съ какою-то величественной важностью.

—Да, я васъ прошу.

«Такъ нѣтъ же вамъ» сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ, весело улыбаясь: «моя трагедія васъ заинтересовала, подождите же, подстрекнутое любопытство придастъ ей еще болѣе интереса.»

—Но это безбожно!

«Ха, ха, ха! Сами писатель, а не знаете своихъ выгодъ. Помучьтесь-ка. Перейдемъ къ другому. Онъ взялъ огромную тетрадь и подалъ мнѣ. *Дактило-*

амфибрахо-хореи-ямбо-спондическія стихотворенія, стояло въ заглавіи. Я посмотрѣлъ на поэта: онъ какъ-то странно переминался, лицо его блистало самодовольствіемъ, которое онъ тщетно старался скрыть.

«Вы, вѣроятно, поражены новостью заглавія: а это такъ, приняю мнѣ въ часы златаго досуга; оно, знаете, какъ-то... благопристойнѣе» произнесъ наконецъ онъ, и скромно потупилъ глаза.

Я перевернулъ страницу: *Либической стихотворенія* было написано вверху страницы...

«Нужно вамъ сказать, что сія тетрадь заключаетъ въ себѣ двадцать-восемь отдѣловъ, кои всѣ посятъ заглавія, по названію того размѣра, коимъ трактуются. Мнѣ показалось это удобнѣе прибавилъ онъ скромно.

—Конечно, конечно, подхватилъ я: еслибъ всѣ наши поэты...

«Впрочемъ, сіе стихотвореніе вы можете прочесть въ оной книгѣ см. *Отдѣлъ четвертый, страница 1459*, стихотвореніе титулованное: *одного поля модалъ*» сказалъ поэтъ, замѣтивъ, что я его не слушаю, а гляжу въ книгу... Между-тѣмъ, я отыскалъ въ пей стихи, которые съ первыхъ строкъ меня заинтересовали; для полноты наслажденія, я просилъ самого поэта прочесть ихъ.

«Это такъ, бездѣлушка» сказалъ онъ; и, прокашлявшись, началъ: *Великіе души и ничтожность тѣла*, стихотвореніе Ивана Ивановича Грибовникова, *посвящается товарищамъ по семинаріи*.

Сколь вѣчна въ насъ душа, столь брэнно наше тѣло.

Судьбы рѣшили такъ: что бѣ нлоть въ трудяхъ потѣла,

А духъ дерзалъ въ Нарнассѣ, минуты не терлѣя,

Подобно какъ металъ по время оно голубь.

Всеиу есть свой законъ: зимой лишь рублѣть пролубь,

И летомъ лишь пасуть на полѣ тучныхъ кравь!...

У вѣчности пельзл отжипяты мига жизни,
Хоть быстро прокричи, хотя протлжно

Ел не испугать: придуть, придуть часы
Прервутся жизни сей обманчивыя верви,
Зля проблеснетъ вдругъ лезвіе кобы,
И смертный! зри: — тобой — ужъ завтрака-
ютъ черви!

Невольнo наречешь: о, tempoга, о, mores!
Когда поразглядпшь, накал въ жизни го-
реть.

До смертныхъ сихъ временъ, отъ дѣда
Авраамъ
Людей я наблюдалъ и семо, и оваю,
Дикующпхъ племень я правы созерцалъ
И что жъ? сдвину лишь въ нихъ суетность
встрѣчалъ!

Ищадио все они фальшивяты и дикуютъ
И Божьяго раба, того глады, падуютъ.

То все бы ничего: но ежели пхъ души
Вдругъ гордость обуеъ, средь моря и
средь суши,

Забудуть что они, естъ прахъ, средь жиз-
ни чаръ,

Постигнетъ ихъ твоа судьба, о Валтасарь!

Онъ умолять. Я все еще слушаю,
такъ я былъ пораженъ. Молча подаль
опъ мнѣ руку, также молча я пожалъ
ее; но мы понимали другъ друга безъ
словъ, да и что памъ было говорить?

*Что блдныи памъ лзыкъ? Печальный от-
голосокъ*

*Торжественнаго прома, что въ душъ
Гремитъ какигъ-то мощнымъ, непре-
рывнымъ звукомъ.*

(къкольникъ.)

—Вы поэтъ, сказали я, поэтъ ориги-
пальный, самостоятельный, какигъ еще
не являлось у насъ; вы бы могли произ-
вести переворотъ въ литературѣ;—по,
послушайте меня... не печатайте то-
го, что написано, не пишите больше.

«Какъ!» вскричалъ поэтъ: вы сознаете
во мнѣ дарованіе, и советуете мнѣ, въ
самомъ нѣтъ, въ самой силѣ, схоро-
нить его въ могилѣ?»

—Ограничьтесь тѣмъ, въ кругомъ слу-
жебной дѣятельности, живите для сча-
стия своего и нѣсколькихъ избранныхъ
друзей: жизнь ваша потечетъ тихо и

спокойно; благословляя судьбу, доволь-
ные міромъ и людьми, вы, наконецъ,
перейдете въ жизнь лучшую, также
безмятежно, и примете достойную награ-
ду неба. Повѣрьте, это есть именно
то, къ чему мы должны стремиться.
Труденъ и неблагодаренъ жребій лите-
ратора... На каждомъ шагу, во всякомъ
ничтожномъ дѣлѣ,—онъ терпитъ, и, та-
кова его участь,—долженъ сносить и не
жаловаться. Предположимъ, что вы из-
дали книгу: она хороша, прекрасна, вы
сами, какъ самый строгій и безпристраст-
ный судья своего таланта, первый замѣ-
тили достоинства ея, такъ же, какъ и
недостатки. Но не такъ поступить съ
ней критики, враги раждающагося даро-
ванія: они найдутъ въ ней небывалые
недостатки, постараются унижить, за-
тереть, совершенно уничтожить ее, если
можно. Мало, — они докопаются до васъ
самихъ; какое нибудь гнусное, бездар-
ное твореніе, ничтожнѣйшее возможной
ничтожности, низостью души кой-чего
добившесся, твореніе съ которымъ пель-
зя встрѣтиться на улицѣ, чтобъ не по-
жалѣть въ немъ человѣка, стыдно бытъ
въ одномъ обществѣ, посвятить на ва-
ше доброе имя, превратить васъ въ
чуль,—и все это для того только, чтобъ
наполнить страницу ничтожной газеты.
О самой книгѣ и говорить нечего, по-
добные цѣнители закидаютъ ее соромъ,
втопчуть въ грязь, и въ доказательство
безпристрастія своего приговора ска-
жутъ только: вѣдь и мы можемъ напи-
сать также!

«Но есть же люди, которые достигли
извѣстности на поприщѣ писанья, еще
недавно. Ужели я столь несчастливъ?
Къ тому и драматическій авторъ, тутъ
судить сама публика. Я покуда огра-
ничусь театромъ. Къ театру я чув-
ствую въ себѣ призваніе. Я пишу во
всѣхъ родахъ: трагедіи, оперы, драмы,
водевилы. Да, вы еще не читали моего
водевила. Вотъ онъ, послушайте! (опъ
взялъ одну изъ тетрадей) *Селтополкъ*

Окаянный, водевилъ въ одномъ дѣйстви, съ куплетами, *drame en Arbaty, ou Masky.*

— Но Москвы тогда еще не было?

«*Doctoribus atque poetis omnia licent*» отвѣчалъ онъ, и продолжалъ читать.

«Явленіе первое. Театръ представляетъ померанцевую рошу...»

— Но какія же померанцевыя роши въ Москвѣ?

«*Doctoribus atque poetis omnia licent*» снова произнесъ онъ, съ пѣкото-рой досадой, и продолжалъ:

«Святополкъ ходитъ въ задумчивости, и напѣваетъ извѣстную пѣсню: Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ... (потомъ садится и начинаетъ писать, потомъ читать.) Съ ногъ до головы цѣлую тебя, любезная Элеонора...»

— погодите немного, Иванъ Ивановичъ, это мы прочтемъ послѣ, я теперь не расположенъ смѣяться, сказалъ я: чувствуя особенное желаніе пофлюсофствовать, что у меня обыкновенно случалось на тощій желудокъ..

«Хорошо!» сказалъ онъ.

Я взялъ его за руку, и продолжалъ:

— Положимъ даже, что журналисты, по какому либо особенному случаю, васъ расхвалитъ; но это еще не все. Найдутся другіи непріятности. Вы—мечтатель въ поэзи, но положительный въ жизни; разумеется, вамъ не захочется всегда брать сюжетовъ изъ міра фантази: вы возьмете ихъ изъ природы, живьемъ перенесете на бумагу типическія свойства человека, подмѣченныя вами; вы довольны своимъ трудомъ: вдругъ, чрезъ нѣсколько дней, доходить до васъ слухи, что вы поступили неблагородно, безсовѣстно, низко... Какъ? Что? воскликните вы.—Еще запрашесь, говорить вашъ пріятель: поздно братъ, мы узнали... Стыдно, стыдно: а еще человекъ съ талантомъ, — списывать портреты съ извѣстныхъ людей, и разглашать печатно ихъ семейныя тайны; да

и что онъ тебѣ сдѣлалъ, за что ты его такъ выставилъ? онъ человекъ прекрасный! Вы въ недоумѣніи, сердитесь, не знаете что подумать. Пріятель вашъ подсмѣивается надъ вами, и наконецъ дѣло кончается такъ: вы узнаете, что въ вашемъ последнемъ сочиненіи выведены извѣстныя лица, которыхъ сходство изумительно; однимъ словомъ, васъ обвиняютъ во всемъ томъ, что мы разумемъ подъ словомъ личности. Не виноватый въ этомъ, ни душой, ни тѣломъ, и, можетъ быть по благородству своего характера неспособный на такой поступокъ даже противъ человека вами ненавидимаго, вы становитесь подозрительнымъ въ глазахъ людей благомыслящихъ, и называете себя тайныхъ недоброжелателей.

«Но, можетъ быть, на театрѣ...»

— Еще хуже, одно случайное сходство фамилій, и вы неправы.

«Ужъ четвертый часъ, сударь; не прикажете ли сварить кофею? послышались въ дверяхъ голоса милостиваго государя.

Я изумился, желудокъ мой обрадовался. Но откуда взялся этотъ кофе? подумалъ я, и повернулъ голову къ Ивану. Только я увидѣлъ его, надежды моего бѣднаго желудка вмгъ разрушились: я сейчасъ догадался, что Иванъ приводитъ въ исполненіе то, что, по его словарию, называлось *задавать тонъ*.

— Болванъ! сказалъ я съ притворнымъ гнѣвомъ: ты прежде этого мнѣ не напомнилъ, а теперь уже время объѣдать. Иванъ былъ очень доволенъ моимъ отвѣтомъ, и съ самодовольствіемъ возвратился за ширмы.

— Ну, любезный Иванъ Ивановичъ, на что вы рѣшаетесь?

«Но призваніе, я вамъ скажу, опото меня волнуетъ.»

— Вы можете писать и не печатать.

«Но, вселюбезнѣйшій Паумъ Авраамовичъ, неужели слава, выгоды, которыя представляетъ званіе сочинителя,

не выкупаютъ съ лихою неудобствъ, |
вами представляемыхъ?»

—Ахъ, нѣтъ! Иванъ Ивановичъ! тотъ
ошибается, жестоко ошибается, кто такъ
думаетъ. Слава? Но знаете ли, что
только тысячный изъ среды этихъ жал-
кихъ *соинительствующихъ* труженни-
ковъ достигаетъ ея. Деньги! о, это еще
труднѣе! Славу можно прикормить,
прибоять, купить. Но деньги! деньги,
повторилъ я со вздохомъ: нѣтъ, о день-
гахъ лучше не говорить; извините, я—
не люблю денегъ! произнесъ я въ свою
очередь трагически.

«Но ради чего вамъ кажется, что
ихъ пріобрѣтать трудно? Издасть со-
чиненіе, роздать по лавкамъ — пошло;
ходи только да обирай денежки по суб-
ботамъ.»

—Ха, ха, ха! И вы такъ думаете,
закричалъ я почти нестово: по суббо-
тамъ! Ха, ха, ха! Нѣтъ, я думаю, по-
лы перетрешь у книгопродавцевъ въ
лавкахъ, ходи за получкой; знаю я эту
получку; она мнѣ вотъ гдѣ сидитъ!
вскричалъ я, указывая на сердце.

«Какъ! и вы еще жалуетесь, Паумъ
Авраамовичъ! Слава Богу, известно, что
вы и тысячками ворочаете; откуда же
онѣ у васъ?»

—Вы ошибаетесь, другъ мой, сказалъ
я съ жаромъ.—Воспоминаніе о получ-
кахъ по субботамъ затронуло чувст-
вительную струну моего сердца; поло-
женіе мое живо представилось моему
воображенію; мнѣ стало стыдно, что я
морочу этого бѣднаго ребенка изъ пу-
стаго каприза, вазаться не тѣмъ, что
я въ самомъ дѣлѣ. Я рѣшился, во что
бы то ни стало, снѣть повязку съ глазъ
Ивана Ивановича, и отвратить его все-
ми возможными средствами отъ по-
прища, на которомъ онъ легко можетъ
испытать участь, подобную моей.

—Откажитесь, вскричалъ я: ради Бо-
га, откажитесь отъ своего намѣренія.
Да, или нѣтъ?

«Нѣтъ!» произнесъ Иванъ Ивановичъ
рѣшительно: «призваніе...»

—Вамъ мало убѣжденій, которыя я
привелъ; такъ знайте же, я вамъ ска-
жу последнее: вы можете умереть съ
голода, если не откажетесь!

«Помилуйте!»

Я вамъ скажу примѣры: Артуръ Б.,
Мальфіатре, во Франціи; Генрихъ
Винъ въ Германіи; Камонсъ, въ Пор-
тугаліи; Ричардъ Саважъ, въ Англій...
Я самъ—въ Россіи!.. вскричалъ я въ
изступленіи.

«Помилуйте, вы, кажинь, живехоньки.»

—Живъ! Но знаете ли, что чрезъ
нѣсколько часовъ мени не станетъ?

«Но вы, кажется, здоровы?»

—Я умру, умру съ голоду! съ уси-
ліемъ произнесъ я, и упалъ на свой
коверъ отъ изнеможенія.

«Но ваше состояніе?»

—Состояніе! У мени нѣтъ его. Я
бѣднякъ, о, я ужасный бѣднякъ! Я во-
сто разъ бѣднѣе этихъ жалкихъ су-
щностей, которыя выпрашиваютъ ми-
лостыню съ простертой рукой, тамъ,
на Невскомъ Проспектѣ, у Анничина Мо-
ста. О, зачѣмъ вы заставили мени вспо-
минать мое положеніе...

—Вѣрите ли вы мнѣ? спросилъ я,
нѣсколько успокоившись, смущеннаго по-
эта. Видите ли теперь, какъ выгодно пи-
сать изъ денегъ! Оставьте ли свое на-
мѣреніе?

«Призваніе, призваніе!» повторилъ
поэтъ, судорожно пожимая мою руку.

—Вѣрите ли вы моей бѣдности? спро-
силъ я, и пристально взглянулъ ему въ
глаза. Онъ потупилъ ихъ и покраснѣлъ.
Не вѣрите! Ха, ха, ха! Видно васъ
крѣпко увѣрили въ моемъ богатствѣ.
Смотрѣте! сказалъ я, и раскрылъ мой ма-
ленькій чемоданъ, въ которомъ лежалъ
мой фракъ и нѣсколько худаго бѣлья:
вотъ все мое богатство! Любуйтесь,
любуйтесь! Это я пріобрѣлъ отъ лите-
ратуры въ продолженіи пяти лѣтъ;
неусыпнымъ рвеніемъ, трудами, бла-

городнымъ желаніемъ припести пользу. Оставьте ли теперь свое намѣреніе?

Поэтъ молчалъ, но меня уже и то радовало, что онъ забылъ о призваніи.

— Мало этого, сказалъ я: вотъ вамъ письмо, надѣюсь, что оно убѣдитъ васъ.

— «Пошла вонъ, пошла! У барина гости; какъ ты смѣешь лѣзть къ нему!» послышался изъ-за ширмы голосъ моего Ивана.

— Не пойду, не пойду, не пойду! отвѣчалъ рѣзкій старушечій голосъ. Что я, крепостная какал, что ли, вамъ достахась, помыкать мной; мыла, мыла бѣлье—да мало того, что не платятъ, еще и не войди!

— «Замолчишь ли ты, яга!»

— Не замолчу, не замолчу, не замолчу! Отдайте деньги за мытье; что вы съ вашимъ баринкомъ—то вздумали озаричать—видно и онъ голъ-соколикъ.

— «А чтобъ тебѣ старая чертовка ежа противъ шерсти родить! Типунъ тебѣ на языкъ. Еще смѣетъ барина порочить. Пошла вонъ!» закричалъ Иванъ, и силой протолкалъ старуху.

Это меня развеселило. Я имѣю чрезвычайно счастливый характеръ. Въ какихъ бы обстоятельствахъ я не находился, я только свисну; пройдуся по компатъ, закурю трубку, буде таковая есть, а не то, просто плюю — и все какъ рукой сниметъ. Такъ случилось и нынче; не смотря на мой тошій желудокъ, мнѣ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно весело. Милостивый государь! закричалъ я: что тамъ за шумъ происходитъ?

— «Да вотъ, сударь, прачка пристала: подай, да подай долгу, а и слѣдуетъ только два двугривенныхъ; стапу я изъ-за такой мелочи беспокоить барина; да еще при чужихъ людяхъ, оборони меня Богъ!» Последнія двѣ фразы прибавилъ Иванъ, за тѣмъ, что мой гость вслушивался въ его слова.

— Ну, что Иванъ Ивановичъ, убѣдились

теперь, что я говорю правду. Прочли письмо?

«Но, можетъ, сіе было писано на случай смерти отъ другихъ обстоятельствъ.»

— Что вы? Прочтите хорошенько: тамъ просто сказано: на дняхъ я долженъ умереть съ голоду; когда мени не стапетъ, заищаю тому, кто приметъ трудъ меня погребсти, написать на моей могилѣ...

«Точно, точно; сказано.»

— Что жъ вы?

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Двукратное противорѣчіе Ивана собственнымъ моимъ увѣреніямъ, подѣйствовало на умъ поэта сильнѣй письма. Съ грустію въ сердцѣ увидѣлъ я почти разрушившеюся надежду свою, сшати хоть одну жертву отъ хищныхъ когтей чудовища, именуемаго литературою; вдругъ, въ то самое время, какъ поэтъ, снова увлеченный своимъ вдохновеніемъ, декламировалъ мнѣ посланіе свое къ *жестокородиной*, которое начиналось такъ:

Въ сферѣ высшихъ проявленій

Проявляется она:

То какъ будто чудный геній,

То какъ будто сатана...

Дверь съ шумомъ отворилась и грубый, рѣшительный голосъ спросилъ: здѣсь ли живетъ г. П.?

— Здѣсь, здѣсь, батюшка, я ужъ знаю; я походилъ довольно за долгомъ къ ихъ милости, подхватилъ другой голосъ.— Да и я сейчасъ была, прогнали, просто, прогнали! По міру пустить хотятъ, защитите, батюшка; послышался визгливый голосъ жепщины, недавно прогнанной Иваномъ.

Между тѣмъ, человекъ, въ темнозеленомъ вицъ-мундирѣ съ краснымъ воротникомъ вошелъ въ мою комнату, и съ величественною важною началъ обозрѣвать ее.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ я.

— На васъ есть просьбица, дѣльце казусное. Вы, т. е. не платите крестьянину Григорію Герасимову, содержателю здѣшней мелочной лавочки, денегъ за продукты, у него забранные.

«Но могу ли я заплатить, когда самъ ихъ не имѣю?»

— Намъ невозможно входить въ разбирательство такихъ мелочей. Довольно, что жалоба имѣетъ законное основаніе, и потому я бы попросилъ васъ выплатить безъ отлагательства.

«Но этотъ бездѣльникъ слишкомъ важничаетъ, нишъ велика персона: пятидесяти рублей подождать не можетъ.»

— Ждалъ, необязанно говорю: ждалъ долго! вскричалъ оскорбленный лавочникъ, высушувшись изъ-за ширмы: да еще ругается! А самъ прежде писалъ: вотъ, посмотрите, ваше благородіе! И онъ подалъ ему какія-то записки.

Чинovníкъ прочелъ: «Милостивый государи, любезнѣйшій другъ и землякъ! Вы своимъ великодушіемъ и покровительствомъ, какое оказываете всѣмъ въ одномъ мѣстѣ родшимся съ вами, заставляете меня надѣяться, что и вы не откажете снабдить меня двумя золотниками чаю и таковою же пропорціею березинскаго табака, за что деньги получите на днѣхъ. Примите увѣреніе въ искренности чувствъ, и пр.» Въ заключеніе, чинovníкъ прочелъ мое имя и фамилію.

Я взглянулъ на моего поэта: все лицо его было слухъ и удивленіе.

— Что, вѣрите ли теперь?

«Но ваши ломбардные билеты?»

Не успѣлъ я ничего отвѣчать, какъ дверь снова растворилась и въ комнату вошелъ хозяинъ. Какъ я не былъ безстрашенъ, по это поколебало мое хладнокровіе... Хозяинъ!.. Знаете ли, что предвѣщаетъ приходъ хозяина тому, кто не платитъ за квартиру?

— А! здравствуйте, Семенъ Семеновичъ! Вы здѣсь; вотъ кстати, какъ не-

льзя больше, сказалъ хозяинъ, и подалъ руку чинovníку.

«Батюшка, ужъ и обо мнѣ-то замолвите» сказала прачка, кланяясь квартальному...

Хозяинъ мой отвелъ его въ сторону, и пошепталъ ему что-то на ухо.

— Еще на васъ, М. Г., жалоба! Вы не платите за квартиру.

«Прошу васъ очистить ее, сегодня же, сегодня... У меня напимаютъ, деньги вѣрные, да и больше даютъ; гдѣ это видано, жить даромъ, въ чужомъ домѣ!» кричалъ хозяинъ.

— Забирать даромъ мелочные припасы, подхватилъ лавочникъ.

— «Заставлять мыть на себя бѣлье и не платить денегъ. Да еще называть честную жепщину — и ни вѣсть какъ. Вишь, лакейшко-то съ позаранку видно наизволился!» прибавила прачка.

Это дивное тріо продолжалось съ четверть часа, разнообразясь до безконечности... Вопрошающимъ взоромъ взглянулъ я на поэта.

— Но ваши ломбардные билеты? повторилъ онъ.

«Они существуютъ только въ моемъ воображеніи!»

— Если вы честно не раздѣляетесь, то, извините меня, и поступлю по всей строгости законовъ, сказалъ квартальный.

«И хоть еще строже! Чортъ васъ возьми всѣхъ! Убирайтесь вопъ! Вы мѣшаете мнѣ заниматься!» закричалъ я, стараясь перекричать ихъ...

— Вонъ! изъ моего собственнаго дома? Ха, ха, ха! посмотримъ. Убирайтесь сами, покуда цѣлы... Не то вѣдь... держалъ же васъ въ домѣ даромъ, такъ видно и покормить придется. Кормовыхъ денегъ не пожалю, вы же не служите; такъ—какъ разъ!

«Окажите милость, остановите хоть вотъ эту шпелъ да сюртукъ, что на нихъ надѣтъ, можетъ быть хоть половину за нихъ выручу» сказалъ лавоч-

никъ квартальному, разсматривая мою шинель.

— А мнѣ, батюшка, хоть бѣлье-то предоставьте, я и тѣмъ буду довольна; пускай ужъ мое пропадаетъ, говорила прачка.

«Убирайтесь вонъ!» заревѣлъ хозяинъ.

Я обратился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ позѣвъ, съ вопросомъ: «вѣрите ли мнѣ? Отказываетесь ли отъ своего намѣренія?» Никто не отвѣчалъ мнѣ; я обвелъ глазами комнату, но его уже не было. Я взглянулъ на полъ: всѣ до одной рукописи Ивана Ивановича лежали на прежнемъ мѣстѣ. Лицо мое просіяло.

«Стыдно,» стыдно! кричалъ, между тѣмъ, хозяинъ; «молодой человѣкъ, гдѣ бы трудиться, наживать деньги, а онъ вдался, прости Господи! въ какую-то ахинею, пишетъ и пишетъ, а что толку? Грѣхъ, Господи прости, такимъ людямъ и добро-то дѣлать, поблагать ихъ порочкамъ.»

— Да вѣдь кто жъ зналъ, батюшка: думаешь и честной человѣкъ, еще землякомъ называется.

«Я и сама прежде думала» начала прачка.

— Цыцъ! старая вѣдьма! измелю въ порошокъ и вышюаю! закричалъ мой Иванъ, который все это время провелъ въ нѣмомъ созерцаніи.

«Убирайтесь же поскорѣй! вамъ ли говорить?» повторилъ хозяинъ.

— Хоть бы шинель-то мнѣ отдали, сказалъ лавочникъ и надѣлъ ее на себя.

«Посмотрѣть, не спустилъ ли ужъ и бѣльшко-то» сказала прачка, и начала шарить въ моемъ чемоданѣ.

— Цыцъ! нишни! старая корга! Изобью въ пожевые черенъ, только тронь! закричалъ Иванъ, и оттолкнулъ ее отъ чемодана.

«Нѣтъ, это выше силъ моихъ!» вскричалъ я, схватившись за голову. «Мучители, кровопійцы! Чего вы отъ меня требуете?.. Вы хотите меня съ ума

свести, хотите вымучить изъ меня душу, растерзать тѣло, вдѣпиться въ мою печень. О, если бѣ вы это могли! Что говорю? Я самъ это сдѣлаю! Только позвольте мнѣ отхлестать васъ по щекамъ моими внутренностями, я ихъ самъ вытяну. О, я убѣжденъ, что вы не проживете послѣ того ни минуты!»

Очевидно было, что я завырался; я всегда завыраюсь въ патетическія минуты жизни; да и когда жъ бы завыраться, не будучи въ опасности показаться дуракомъ, если не пользоваться такими минутами?

— Вы начинаете безчинствовать, сказалъ квартальный; вспомните, что я облеченъ властью...

«Поступать со мной, какъ законы повелѣваютъ? Знаю, знаю!»

— Но вы можете все это кончить гораздо для себя выгоды.

«Какъ это?» спросилъ я.

— Немедленно оставить квартиру, предоставивъ принадлежащія вамъ вещи въ пользу кредиторовъ.

Я крѣпко задумался. Но для васъ это не интересно: охота ли читать, что происходило въ душѣ человѣка, когда у него въ желудкѣ пусто, въ кошелькѣ пусто, и когда ему предстоитъ чрезъ минуту величайшее наслажденіе, воскликнуть:

*Милъ покровъ небесный сводъ —
А земля постелью!*

Въ этомъ нѣтъ ничего комическаго!..

«Но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, переѣхать бѣлье и надѣть мой бѣлый галстухъ» воскликнулъ я, по тщательномъ соображеніи, рѣшивъ, что если мнѣ суждено умереть, такъ ужъ все лучше умереть въ чистомъ бѣльѣ и бѣломъ галстухѣ.

На галстухъ имѣлъ виды лавочникъ, на бѣлье прачка: они вопрошающимъ взоромъ взглянули другъ на друга. «Извольте!» сказалъ великодушный лавочникъ.

— Извольте! нехотя повторила за нимъ прачка и ушла за ширмы.

«Я наклонился къ человѣку, чтобъ достать бѣлье, и увидѣлъ лежащую подлѣ него на полу залитую ваксой статью, начатую мною поутру. Лучъ надежды блеснулъ въ моемъ сердцѣ. Какъ утопающій, схватился я за эту послѣднюю надежду, и съ подобострастіемъ сказалъ хозяину:

— Еще до васъ просьба. Позвольте мнѣ остаться на вѣсколько часовъ въ вашемъ домѣ, чтобъ дописать вотъ эту статью, я надѣюсь получить наличными.

«Ни за что!» сказалъ хозяинъ рѣшительно. «Вспомните, сударь, что вы давеча говорили: вы оскорбили мою личность!»

— Личность! сказалъ я въ испугѣ, и бросился къ дверямъ... Это слово всегда имѣло на меня такое дѣйствіе... Иванъ! закричалъ я изъ дверей: забери всѣ бумаги и иди за мной, все прочее я оставляю моимъ кредиторамъ. Иванъ пошелъ исполнять приказаніе, я растворилъ дверь, съ твердой рѣшимостью *оставить домъ коварства и крамолы*, но вдругъ все измѣнилось.

«Другъ мой! ты ли это?» закричалъ человѣкъ, всходившій на лѣстницу, въ то самое время, какъ я съ нея спускался.

— Дядюшка! Мелентій Мелентьевичъ! воскликнулъ я, и мы бросились другъ другу въ объятія. Славный человѣкъ Мелентій Мелентьевичъ: онъ заплатилъ мои долги, накормилъ меня, нанялъ мнѣ квартиру... Но я оставляю до другаго времени познакомить съ нимъ читателя, а теперь, обращаюсь къ моему герою, котораго совершенно забылъ, забываясь о себѣ.

— Но что я скажу о немъ?

Всѣ мои поиски отыскать Ивана Ивановича Грибовникова были тщетны: я справлялся во всѣхъ кварталахъ о его квартирѣ, писалъ въ Чебахсары къ его роднымъ, ничто не помогло: — Иванъ Ивановичъ пропалъ. Въ продолженіе

нѣсколькихъ лѣтъ, я не пропускалъ ни одной новой книжки, ни одного номера журнала, чтобъ не посмотреть, не явилось ли чтонибудь подлѣ его имени, или хоть написанное въ его родѣ, совершенно новомъ, который общалъ въ немъ со временемъ литератора самобытнаго и замѣчательнаго. Нѣсколько разъ проклиналъ я свою настойчивость въ первое наше свиданіе, думая, что поэтъ сталъ жертвою предубѣжденія, посяпнаго мною въ юной душѣ Ивана Ивановича. Съ ужасомъ видѣлъ я, что мой коварный умыселъ, внушенный мнѣ самимъ адомъ, похитить у литературы дѣятеля, у славы чело, достойное быть ею увѣнчаннымъ, удался какъ нельзя лучше. Желая загладить свою ошибку, я всѣми мѣрами рѣшился отыскать Ивана Ивановича, благословить его на литературное поприще, и вотъ уже четырнадцать лѣтъ, не проходитъ днѣ, въ который бы я не искалъ его, не воспоминалъ о немъ и не укорялъ себя за необдуманнѣйшій поступокъ. Мысль, что я, можетъ-быть, погубилъ въ самомъ цвѣтѣ, въ самой силѣ его дарованіе, тяготитъ меня. Въ эти ужасныя минуты мнѣ остается одно только утѣшеніе: я переношусь въ прошедшее; вижу передъ собой пылаго, благороднаго юношу, Ивана Ивановича, слушаю его стихи, наблюдаю теченіе его мыслей. Такимъ образомъ и начинаю припоминать его слова, вспоминаю, съ какимъ жаромъ говорилъ онъ о призваніи. Но отчего же онъ измѣнилъ ему? рождается при этомъ вопросъ въ головѣ моей. Ужъ не потому ли, что онъ увидѣлъ, какъ оно мало приноситъ. Точно, точно, вѣдь онъ убѣждалъ отъ меня въ ту минуту, какъ увидѣлъ крайнюю степень моей бѣдности, да и говорилъ-то о призваніи только сначала. Но въ такомъ случаѣ онъ не могъ чувствовать призванія? Впрочемъ, читатель самъ можетъ рѣшить, былъ ли талантъ у Ивана Ивановича, или онъ просто былъ обык-

повекный смертный... Если отрывки, | Ивановича, и, по временамъ, стану пе-
 приведенные здѣсь изъ различныхъ со- | чатать въ журналахъ плоды свѣтлыхъ
 чиненій Ивана Ивановича, будутъ при- | вдохновеній, тайныхъ упоеній, дикихъ
 знааны не лишенными достоинства, то | приключеній, бѣдъ и огорченій и проч.
 я за долгъ поставлю себѣ короче по- | Ивана Ивановича: ихъ у меня доста-
 знакомить публику съ талантомъ Ивана | нетъ на девять томовъ (*)!

(*) Мы благодаримъ автора за доставленіе намъ этого интереснаго разсказа и съ удо-
 вольствіемъ и впредь помѣстимъ въ Паптеонѣ опыты Ивана Ивановича, если они все
 будутъ такъ удачны, какъ этотъ. Ред.

ДВА ВѢЦА.

Около исхода восемнадцатаго столѣтія, докторъ Абернези, знаменитый англійскій хирургъ, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцовъ въ Римъ. Хотя единственною цѣлію пріѣзда доктора было—подъ благотворнымъ небомъ Италіи возстановить здоровье свое, весьма ослабленное непрерывнымъ трудомъ и непомѣрными напряженіями, однако его всеобщая знаменитость и здѣсь не дала ему покоя. Едва онъ прибылъ, какъ его осадилъ больной, которыхъ не пугали ни огромная плата, ни грубость доктора. Впрочемъ Джонъ Абернези оправдывалъ свою славу: онъ соединялъ съ долговременною опытностію безпримѣрные медицинскіе познанія и величайшее искусство въ хирургіи. Все въ немъ возбуждало энтузіазмъ Римлянъ, не исключая даже грубыхъ выходковъ противъ больныхъ. Одна дама пришла къ нему совѣтоваться о нервной болѣзни, и какъ она осыпала его вопросами о томъ, что ей можно было кушать и чего пѣть, Абернези воскликнулъ съ досадою: «милостивая государыня, вамъ нельзя кушать только двухъ вещей, щипцовъ и раздувальнаго мѣха: первый не совсемъ удобосваримы, а послѣдній содержитъ слишкомъ много воздуха».—Одинъ богачъ просилъ у него средства противъ подагры. «Проживайте по полу-шиллунгу въ день и зарабатывайте его»

сказалъ ему Абернези, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ болѣе принимать его.

Однажды, когда хирургъ выходилъ изъ дома, занимаемаго имъ недалеко отъ Колизея, чтобы подышать вечернею прохладою, онъ встрѣтилъ на порогѣ человека, котораго необыкновенный видъ сильно поразилъ его вниманіе. Человѣкъ этотъ, съ видомъ благороднымъ, съ геройскою осанкою, гордо держалъ свою продолговатую и худощавую голову, украшенную пучкомъ золотистыхъ волосъ. Худоба его аневрическихъ ногъ возбудила бы улыбку, еслибъ имъ не были противопоставлены широкій лобъ, высокотѣрный и презрительный взглядъ.

—Ваше сердце болѣе вашего тѣла? воскликнулъ англійскій докторъ, оставивъ его. Просите лекарства противъ вашихъ страданій у разума, а не у медицины; вотъ совѣтъ, который можетъ вамъ подать Абернези. Прощайте; я иду гулять.

Незнакомецъ, причину страданій котораго такъ хорошо угадалъ Абернези, остановилъ его въ свою очередь.

«Вы правы, снѣйоръ; сердце мое страдаетъ и страдаетъ ужасно. Но, или по причинѣ этихъ страданій, или по другимъ причинамъ, тѣло не имѣетъ болѣе силъ переносить муки душевныя. Зрѣніе мое ослабѣваетъ, глаза мои подвержены невыразимому утомленію и слѣ-

пой боли. Сопъ покинулъ меня, болѣз-
непный безпорядокъ овладѣлъ всею
моимъ составомъ: члены подвержены
разнообразнымъ, скрытымъ и невыно-
симымъ болямъ; сердце бьется непра-
вильно, мозгъ и кровь въ вѣчномъ огнѣ.
Подобно Агасферу, я чувствую огненную
руку, меня толкающую, какъ бы говори-
«впередъ», а между тѣмъ ноги отказы-
ваются идти».

— Послушайте внимательно. Вамъ
не достаетъ порядка въ жизни, а онъ
необходимъ, какъ въ жизни матеріаль-
ной, такъ и въ умственной. Наблюдайте
за тѣмъ, чтобы ѣсть всегда въ оди-
накое время и умеренно; отъ желудка
все зависитъ: если мы худо будемъ об-
ходиться съ нимъ, пока онъ молодъ,
онъ отомститъ намъ за то, когда мы
еостарѣемся. Я возьму для доказатель-
ства этого сравненіе; которое вамъ по-
кажется страннымъ, но не менѣе того
вѣрнымъ. Кухля, которая есть ничто
иное какъ желудокъ, приведенная въ без-
порядокъ, переполошитъ чердакъ, кото-
рый есть голова, и всѣ комнаты дома
испорчены. Поправьте вредъ въ кухлѣ—
и все пойдетъ опять хорошо. Этого вы
можете достигнуть діетою. Если вы ста-
нете нагружать животъ свой яствами,
которыхъ онъ не можетъ сварить, дѣла
пойдутъ все хуже и хуже. Но какую
связь имѣетъ это съ глазами? спросите
вы. Я вамъ объясню: анатомія учитъ
насъ, что кожа есть продолженіе пере-
понки, окружающей животъ. Вы сами
можете удостовѣриться, что пѣвшая ко-
жица рта, губъ, носа, глазъ, ни что иное.
У однихъ шишки на лицѣ, у другихъ
фіалки на носѣхъ—все это происходитъ
отъ раздраженія перепонки живота, раз-
драженія, сообщающагося ея продолже-
ніемъ; одна діета можетъ исправить
безпорядокъ: врачъ помогаетъ только
природѣ, но не принуждаетъ ея. Соблю-
дайте предписанную мною діету, по-
ка увидите слѣдствія ея, которыя не за-
медлятъ оказаться. Меня спрашиваютъ

часто, отъ чего я самъ не дѣлаю того, что
проповѣдую другимъ? Отвѣчу на это
примѣромъ верстовыхъ столбовъ, кото-
рые показываютъ дорогу, но никогда
не идутъ по ней.

«Эти совѣты хороши для простолю-
дипа, и только простолюдинъ можетъ
имѣ слѣдовать» отвѣчалъ незнакомецъ.

— Полноте, молодой человекъ! Не
полагаете ли вы, что если гордость
ваша выходитъ за предѣлы обыкновен-
ной жизни, то и организація ваша такъ
же необыкновенная? Нѣтъ, клянусь ду-
шою, вы ошибаетесь! Но, такъ какъ вы
больной несовсѣмъ обыкновенный, — и
тайный голосъ говоритъ мнѣ то же,
что ваше самолюбіе объявляетъ мнѣ
громко, — то дайте руку, пойдемте со-
мною и исповѣдуйте мнѣ всю жизнь ва-
шу, какъ бы вы исповѣдали ее духовнику,
въ церкви, всерономъ, на колѣняхъ, какъ
добрый католикъ. У врача такъ же есть
свое священнодѣйствіе: чтобы удачно
лечить больного, онъ долженъ хорошо
знать его раны, причину и родъ ихъ.

Между тѣмъ, какъ Абернети говорилъ
такимъ образомъ, больной глядѣлъ на
него пристально и мало по малу прямо-
душіе англійскаго врача возбудило его
довѣрчивость.

«Я все скажу вамъ; я исполнѣ довѣ-
рюсь врачу и дворнику; слушайте мою
исповѣдь».

«Я изъ Пьемонта; смѣль богатыхъ ро-
дителей. Я остался сиротою въ колыбе-
ли. Дядя-старикъ, невнимательный въ
дитяти хворому и слабому, котораго
Провидѣніе бросило ему на руки, от-
далъ меня въ коллегію, не заботясь
впрочемъ нисколько ни о тѣлѣ, ни о
душѣ моей. Такъ протекло пятнадцать
лѣтъ моей жизни въ болѣзняхъ, такъ
сказать непрерывныхъ, и въ совершен-
нѣйшемъ невѣжествѣ. Въ шестнадцать
лѣтъ я вышелъ изъ коллегіи, больной,
огорченный, съ характеромъ меланхоли-
ческимъ и раздражительнымъ. Одинокій
въ мірѣ, не слышавъ никогда словъ ласки

и любви, я пустился путешествовать. — Менѣе, нежели въ два года, я проѣхалъ Италію, Францію, Голландію и Англію, голаясь непрерывно за таинственнымъ счастьемъ, котораго желалъ и которое постоянно убѣгало отъ меня. Едва возвратившись въ Пьемонтъ, я снова пустился путешествовать по Германіи, Дани, Швеціи, Россіи и Пруссіи; возвратился чрезъ Спа и Голландію въ Англію; всегда недовольный и мрачный, я искалъ развлеченія посреднъ разгульной жизни и находилъ только отвращеніе, пресыщеніе или еще большую жажду счастья и истины. Ничто не могло утолить ея, ни постыдныя приключенія, ни безумныя оргіи, ни вино, ни развратъ! Проживъ въ Англіи семь мѣсяцевъ, я снова пустился въ путь и снова увидѣлъ Голландію, Францію, Испанію и Португалію, въ отчаяніи, почти безумный. Тогда мнѣ пришло въ голову сдѣлаться поэтомъ и частію по вѣнчанію, частію отъ бездѣлья, я написалъ трагедію «Клеопатра», которой небольшая комедія «Поэты» служила вмѣстѣ и прологомъ и сатирою. Пьесу эту сыграли два раза; она имѣла успѣхъ, благодаря моему богатству, но не сдѣлала меня счастливымъ. Я написалъ одну за другою трагедіи «Филиппъ», «Подлинникъ», «Антигона», «Агамемнонъ», «Виргинія и Орестъ», «Заговоръ Паззиевъ», «Дошъ Гарсія», «Розамонда», «Марія Стюартъ», «Тимолейонъ», «Октавія», «Меропа» и «Саулъ». — Менѣе нежели въ семь лѣтъ, я написалъ четырнадцать пьесъ, не считая перевода «Саллюстія», «Разсужденія о тиранствѣ», «Этрурціи», поэмы въ четырехъ пѣсняхъ, и пяти большихъ одъ «на возстаніе Америки».

Исчисляя всѣ эти знаменитыя труды, поэтъ ожидалъ удивленія доктора, по сей послѣдній, не оставляя своей британской флегмы, только отвѣчалъ:

— Этого болѣе, чѣмъ довольно, для воспаленія вашей крови, ослабленія

глазъ и увеличенія вашего несчастія и безпокойства. Но, сдѣлавшись поэтомъ, какія новыя глупости прибавили вы къ глупостямъ молодаго тунеядца?

«Всѣ!.. Путешествія, женщины, лошадей, картины! И ничего, ничего не оставалось да для этой чаши, наполняемой цѣною золота, ничего, кромѣ горечи и лихорадочной, неутолимой жажды».

«Наконецъ, судьба моя приняла другой оборотъ. Я видѣлъ часто во Флоренціи знаменитую во всѣхъ отношеніяхъ иностранку. Невозможно было встрѣтить ее, не стараясь поправиться ей. Хотя большая часть знатныхъ иностранцевъ представлялись ей, я не посѣщалъ ея дома. Я старался всегда избѣгать сближенія съ пріятнѣйшими и прекраснѣйшими женщинами, а довольствовался тѣмъ, что встрѣчалъ ее очень часто на гуляньяхъ и въ театрѣ. Черные глаза ея, исполненные огня и вѣжности, мраморъ плечи и бѣлокурый шелкъ волосъ, придавали ея красоту ослѣпительный блескъ. Двадцати пяти лѣтъ, съ большею склонностію къ литературѣ и изящнымъ искусствамъ, съ ангельскимъ характеромъ, она находилась въ несчастныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. — Какъ избѣгнуть любви къ такой женщинѣ!

«Одинъ изъ друзей моихъ нѣсколько разъ предлагалъ представить меня ей и я считалъ себя довольно твердымъ, чтобы сблизиться съ нею... Но скоро... я узналъ, что это была именно такая женщина, какую я искалъ. Безъ разстройства моихъ идей, я пошелъ въ ней вдохновеніе и образецъ для всего прекраснаго и возвышеннаго. Съ этихъ поръ, я предался своей страсти; я чувствовалъ, что она сдѣлалась источникомъ моего генія, и что я началъ жить только съ того дня, какъ узналъ ее. Но препятствія неизмѣримыя, непреборимыя отвѣдали меня отъ нея. Эта женщина — почти королева! Я не могъ скрыть отъ нея любви моей: холодный и строгій взглядъ былъ единственнѣмъ отвѣтомъ».

Такой пріемъ моего объясненія принудилъ меня оставить домъ ея; и съ тѣхъ поръ, несчастіе прежняго, я скитаюсь изъ города въ городъ, по слѣдамъ ея, безъ утѣшенія, и поглядывая лишь издали на свѣтъ, свѣтящійся сквозь занавѣсы ея окопъ. Не смѣя встрѣчаться съ нею, и думалъ только о самоубійствѣ и не смѣлъ нанести себѣ смерть, которая разлучила бы меня съ нею еще болѣе, нежели ея званіе, имя, обязанности и равнодушіе.»

Абернети, тронутый такою необыкновенною страстію, простеръ руку бѣдному безумцу.

—Для неизлечимыхъ страданій, которыя вы спосите, есть только два утѣшенія—Богъ и другъ. Богъ призираетъ за вами... а другъ зоветъ васъ въ свои объятія.

Поэтъ обнялъ его, и оба возвратились въ Римъ, бесѣдуя, какъ будто знали и любили другъ друга съ малолѣтства.

Только что они разошлись, обѣщавъ увидѣться на другой день, слуга въ богатой ливреѣ приближалъ за докторомъ.

—Госпожа моя умираетъ! воскликнулъ старый слуга, заливаясь слезами.

«Господа, которыхъ страданія извлекаютъ у служителей слезы, слишкомъ рѣдки; надо истощать на нихъ все средства нашей науки» сказалъ докторъ. «Пойдемъ!»

Его ввели въ великолѣпный дворецъ. Здѣсь увидѣлъ онъ блѣдную молодую женщину рѣдкой красоты въ опаснѣйшемъ первическомъ припадкѣ. Бросивъ на нее взглядъ, онъ далъ знакъ женщинамъ, ее окружавшимъ, чтобы онѣ вышли.

«Милостивая государыня,» сказалъ онъ: «я ейчасъ оставилъ больнаго, страждущаго подобно вамъ. Это молодой, прославленный поэтъ, который любитъ знатную даму. Увы! онъ и не подозреваетъ, что и его любятъ: онъ не знаетъ, какія жестокія мученія причиняетъ высокій санъ той, которую онъ

любитъ! Да благословитъ ихъ обоихъ Господь! Оба они чисты, велики и достойны сожалѣнія!»

—Ахъ, молчите, молчите! не говорите мнѣ о тайнѣ, которую я желала бы скрыть отъ самой себя, которая умертвила бы меня, еслибъ онъ зналъ ее...

«Я хочу васъ утѣшить, а не измѣнить вамъ, сударыня. Въ мои лѣта, и съ моимъ характеромъ, можно только соблазновать сердечнымъ страданіемъ. Я знаю все страданія, которымъ вы подвержены, сударыня. Будучи бѣдною дѣвушкою, не имѣя ничего, кромѣ громкаго имени, вы должны были вытти за старика, недовольнаго ничѣмъ и несправедливаго отъ того, что самъ испыталъ несправосудіе. Живя далеко отъ него, чтобы избѣжать его безумства, вы уважили его имя и честь, какъ слѣдуетъ достойной супругѣ коро.ля. Дайте мнѣ преклонить предъ вами колѣна; позвольте мнѣ принять эту слезу, выкатывающуюся изъ вашихъ небесныхъ глазъ на руку,—и сами ангелы гордились бы, отнеся такую слезу къ стопамъ Всевышняго!»

Она опустила одну руку въ руку старика, другую закрыла свое лицо. —Ахъ, какъ я несчастна! воскликнула она въ слезахъ.

Вдругъ она подняла голову, съѣла, и гордымъ и быстрымъ движеніемъ привела въ порядокъ свои волосы.

—Прочь, слабости! сказала она: и не хочу быть слабою! Я понесу крестъ свой до конца. Не стану говорить о немъ даже съ вами, хотя вамъ извѣстна моя тайна! Нѣтъ! не хочу говорить о немъ даже съ самой собою.

«Боже мой» прошепталъ старый докторъ: «Боже мой! какія награды здѣсь и за гробомъ ждутъ ту, которую Ты такъ испытываешь?»

Въ эту минуту быстро вошелъ слуга и подалъ больной пакетъ, который она распечатала въ волненіи. Прочитавъ извѣстіе, въ немъ заключавшееся, она

лишилась чувствъ. Вотъ, что содержало это письмо:

«Ея королевскому высочеству, принцессъ Луизъ Штольбергъ-Гердернъ, графиня д'Альбани.»

«Милостивая государыня! Его высочество, супругъ вашъ, королевскій принцъ Карлъ Эдуардъ Стюартъ, умеръ вчера во Флоренціи; послѣдній вздохъ его была просьба о прощениі за его несправедливую строгость къ вамъ.»

Докторъ Абернези остался всю ночь у привцессы.

Спустя годъ, онъ былъ свидѣтелемъ тайнаго брака вдовы претендента на престолъ съ поэтомъ, любившимъ се такъ долго безъ надежды, и наконецъ по-

лучившимъ награду за свое постоянство и страданія.

Въ продолженіе пятнадцати-лѣтней связи, они не разлучались ни на часъ, и тревоги, неразлучныя съ житейскимъ бытомъ, никогда не уменьшали счастья, которое они находили другъ подлѣ друга, до самой смерти, разорвавшей союзъ ихъ.

Наконецъ, нынѣ одна могила соединяетъ во Флоренціи, въ церкви св. Креста, подлѣ мраморнымъ памятникомъ, изваяннымъ Кановою, брешные остатки графини д'Альбани и великаго пѣвца Италіи Виктора Альфieri.

На одной сторонѣ монумента находится королевская корона, на другой лавровый вѣнецъ.

К. ВЕЛЬСВЕРГЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

и

КУПЛЕТЫ.

ДРАГУНЪ.

СОЛДАТСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается Е. П. Дмитрію Богдановичу Бровневскому).

Баладайка звучитъ и подь часъ дребезжить,
Чуть не рвутся отъ радости струны:
Смотри отбывши, кутая, веселясь на своей
ладь,

Удалые ребята — драгуны.
Тотъ съ фуражкой въ рукъ, на одномъ коб-
лукъ

Пляшетъ, тѣша товарищей взоры,
И, носясь быстро, онъ вдругъ отѣснитъ по-
клонъ,

И брепчатъ его длинныя шпоры;
А другой, молодцомъ, подбочась удалцомъ,
Заломавъ на затылокъ фуражку,
Пролетитъ на поскахъ съ баладаикой въ ру-
кахъ,

Разстегнувъ *лейбикъ* (*) свой на распашку.
А проказникъ иной, съ изогнутой спиной,
Въ танецъ лѣзетъ какъ-будто хромая...
Тутъ-то хохотъ пойдетъ, веселится народъ,
Крикнувъ: «вотъ голова удаля!»
Вдругъ, какъ чудомъ, хромою, горбъ распра-
вивши свой,

Приударитъ въ присядку нежданно...

(*) Куртка.

За бока лишь берись, пляшетъ такъ что дер-
жись,

Словно, братцы, цыганъ окаянный.
Дай правду сказать: Русь—Россіюшка—мать—
Лишь въ тебѣ только водятся хваты:
На подборъ удалцы, на подборъ молодцы—
Русской службы лихіе солдаты.

Посрединѣ двора все стоятъ ундера,
(Гадуны ужъ плясать запрещають),
А межъ тѣмъ такъ они, вспомявъ прежніе дни,
Бьютъ ногой, или усами моргають.—

Одинокъ въ сторопѣ, на склоненномъ плетвѣ,
На забавы смотря хладнокровою,
Молча, важно сидѣлъ, только шпорой звенѣлъ,
Взводный вахмистръ Даннло Безкровной.

Для геройской красоты распустилъ онъ усы,
Но не могъ побѣдить онъ печали;
На груди жъ у него было много всего
И крестовъ и добытыхъ медалей.

Вотъ товарищъ пришелъ, рѣчь съ Бескров-
нымъ завелъ:

«Отчего эта грустная дума?
Видь неразъ генеральнамаъ «спасибо» сказаъ—
Все кутить, ты жъ печаленъ средь шума!»
—«Слишкомъ молодо ты, братъ, хоть и бра-
вый солдатъ,»

Молвилъ взводный какъ могъ хладнокровный:
«Ты слывешъ удалцомъ, да ты не былъ... от-
цомъ,

Не рыдалъ на могилѣ сыновней.

Было время, и я, молодые друзья,
Веселился, какъ вы, на свободѣ...
И подобнаго мнѣ удалца на конѣ,
Иль тапцора не выщешь по взводу. —
Что жъ теперь пѣзъ меня?.. Осѣдлавши коня,
Не влѣчу на него, какъ бывало!
Чистой (*) къ празднику жду, на покой по-
бреду... »

—Что же сердце твое востосковало?...

— Грустно, правду сказать! Коли хочешь
присядь, —

Расскажу про свою я кручину;

Только помни о томъ, между нами о томъ.

Чтобы не было вовсе помнугу.

Въ длинный вечеръ отъ пастъ ты слыхалъ ужъ
неразъ

Про двѣнадцатый годъ знаменитый;

Про житиe и бытiе рассказалъ я свое

И про крестъ, подъ Смоленскомъ добытый.

Но молчалъ объ одномъ лишь о сынѣ родномъ. »

Тутъ умолкъ на минуту Безкровный.

« Ты слынешь молодцомъ, да ты не былъ... от-
цомъ,

Не рыдалъ на могилѣ сыновней!

Быстро шли мы къ Москвѣ. Я не спалъ по-
чи двѣ

И на третью досталось мѣ разъѣзды;

Было страхъ холодно; нѣ чистомъ полѣ темно,

Хоть мерцали блестящія звѣзды.

Я въ гусарахъ служилъ, синій ментикъ носилъ;

Подо мною не конь — заглядывше:

Да и я былъ не тотъ, — двадцать третій лишь
годъ

Наступилъ мнѣ, какъ разъ съ Вознесенья.

Вдеиъ. Съ нами корнетъ. Неприятель нѣтъ;

Осторожность же все наблюдаемъ,

(Я хоть мало служилъ, да ужъ опытенъ былъ)

Шагъ за шагомъ по шивамъ ступаемъ.

Вдругъ на право набать... Вѣрно врагъ су-
постать!

Все мы, вздрогнувъ, и сонъ позабыли;

Приказалъ намъ корнетъ въ руку взять пи-
столюетъ,

Мы направо въ галопъ своротили.

Что же, братъ? Узнаю деревенку свою,

Всю объютую пламенемъ сплннымъ;

Такъ душа и дрожитъ, слыши сердце молчитъ

Будто сжатое хладомъ могильнымъ...

Но недолго... Ручьемъ зарыдалъ я потомъ...

Вдругъ велеть — скоротить намъ поводья...

Я съ тревогой въ груди ужъ давно впередъ

Въ ста шагахъ отъ его благородья;

Тутъ сначала села моя хатка была...

Погляжу; вся трещить п пылаеть:

Я скачу и при мнѣ моей бѣдной женѣ

Врагъ прикладомъ високу разбиваетъ.

Я, какъ вихрь, паскакалъ и врага растопталъ...

Сердце мщенья кроваваго просить.

А другой злобный врагъ показался въ дверяхъ

И малютку за ножку выносить!...

Сколько въ мнѣ этотъ мукъ... по нѣз враже-
скихъ рукъ

Отнял я безталаннаго сына

И къ себѣ на сѣдио; — п родное село

Скоро скрыла отъ взоровъ долина.

Мы спѣшили уйтп, а французъ по пути

Разсмалъ за погонью погони,

Но поймать пелегко: унеси далеко

Насъ могучіе русскіе кони.

Послѣ тоже два дни не сходилъ я съ коня

И сынокъ все со мной перазлучень,

Только бѣдненькій онъ былъ путемъ утомень,

Съ непривычки походомъ измучень.

И, бывало, порой, въ плащъ укутавшисъ мой

Зальется онъ горько слезами;

Вечерьтъ лишь пачнетъ — бѣдннй маму зоветъ,

Но не видѣтъ памъ болѣе мамы!

Охъ, товарищи, не знатъ, мукъ такнхъ не видѣтъ

Два раза!... Смерть отраднѣ златъ:

Я хоть бравый солдатъ, по порой, виноватъ, —

И рыдалъ, словно баба какалъ.

И друзья для него доставали всего,

И корнетъ съ нимъ дѣлался, бывало;

Но пошло холодать; гдѣ малютку дѣвать?

Горе въ душу солдату запало.

Вотъ мы, праздничнымъ днемъ, чрезъ село разъ
идемъ,

Видимъ: ѣдетъ шестеркой карета;

Въ пей старушка сидитъ и на насъ все гля-
дитъ,

Да и просить подѣхать корпета.

Я гляжу на нее, сердце бьется мое...

Вдругъ корнетъ и меня подзываетъ...

Слышу: барыня-та — будь ты въ небѣ свята!

Взять сына моего общаетъ;

Молвпвъ: « съ давнихъ ужъ дней я лишилась
дѣтей, —

Дай, солдатъ, мнѣ дитя вѣсто сына;

Я его, какъ могу, сохраню, сберегу — »

И пѣ каретъ мой бытъ спротива.

Записала она наши съ нимъ шмана;

Помолясь милосердому Богу,

(*) Отставка.

Я растался съ сыномъ... грустно было по-
томъ
Одному выступать мнѣ гь дорогу.
Много мчалось годовъ. Мы ужъ повыхъ вра-
говъ
За Балканомъ турецкимъ разбили,—
Я жь о сынѣ своемъ не слышалъ и мелькомъ,
И считалъ его въ тѣсной могилѣ.
Разъ въ кампанетъ песной за сивгальной
трубой

Суетусь и зову къ водопою,
Варугъ во дворъ, братъ, ко мнѣ офицеръ па
копъ

Прискакалъ и сдержалъ предо мною.
Мнѣ какъ будто испугъ. «Ты не можешь ли,
другъ,

Просьбы выполнить?.. молвилъ онъ тихо:
И, какъ жаръ, покраснѣлъ... на концъ же си-
дѣлъ

Пу красавцемъ—такъ бойко и лихо.
Вмигъ фуражку я снялъ, да въ умѣ лишь
смѣкалъ:

Генеральскаго видю отродѣя—
И сказалъ: «съ дорогой радъ исполнить душой
Просьбу вашего я благородя!»—
«Гдѣ Безкровный здѣсь есть?»—«Самъ имѣетъ
онъ честь

На лицо разговаривать съ вами!»
Офицеръ въ мигъ съ коня и, объявши меня,
Обливать началъ грудь мнѣ слезами.
«Мой отецъ! Это я!.. твой Андрей, кровь твоя!»
И онъ сталъ цѣловать мои руки...»

Тутъ Безкровный утпхъ, съ ресницъ же сѣдыхъ
Слезы капалъ, вѣстницы муки...
«Такъ я сына вашель... Богъ небесный при-
велъ

Мнѣ увидеть его офицеромъ...
Черезъ годъ же подъ нимъ, вѣдомъ удалымъ,
Заупрѣмлся копъ предъ барьеромъ;
Онъ Андрей взбѣсилъ, шпоры въ бокъ тотъ
вонзилъ,

Копъ же навзничъ, злодѣй, протянулся,
Да сѣдомъ сына въ грудь,—не успѣлъ сынъ
вздохнуть,

Какъ уснулъ и досель не проснулся...
Я при мертвомъ ужъ былъ, я его хоронилъ,
Кладъ въ могилу его я сырую;
Слезы градомъ текли, когда горстку земли
Бросилъ я на доску гробовую.

И, товарищъ, съ тѣхъ поръ помрачился мой
взоръ,

И межъ вами грущу одивоко,
Чистой къ празднику жду, на погой побреду,
Я къ могилѣ сивновней далеко.»
И печальный старикъ головою поникъ,
Но когда онъ вокругъ осмотрѣлся,
Видитъ пляскы ужъ нѣтъ и у всѣхъ грусти
слѣдъ
Отъ разсказа на лицахъ видѣлся.

ОСИРОТЪЛЫЙ КОНЬ.

(Д. А. Полтавцевой).

Ca superbe coursier, qu'on voyait autrefois,
Plein d'une ardeur si noble,
L'oeil morne maintenant et la tete baissée...

Racine.

Грей! куда ведутъ тебя?...
Какому вѣдоку готовить?..
Кто, нетерпѣиѣмъ горл,
Твой поводъ шелковой уловить,
И на могучій твой хребетъ
Вспрыгнуть съ отвагой молодецкой,
И, смѣлый, съ радостію дѣтской,
Встрянувъ обновку—эполетъ,
Предъ строемъ съ живостію помчится,
Съ тобой красуясь за одно?..
Подъ кѣмъ свободно и легко
Ретивый пылъ твой укроится,
И выль гибкал скруглялся,
Почуя асадника ярмо?...
Кто будетъ съ лаской горделивой
Тебя голубить и холить?
Твоею статностію епѣсповой
Кто будетъ взоръ свой веселить?...
Увы! онъ спитъ въ сырой могилѣ
Твой бѣдный барнякъ молодой,
И вывѣтъ съ нимъ, скорбл, зарыли
Надежды призракъ золотой!
Земныя всѣ предположенья,
Всѣ думы, всѣ мечты о нѣмъ,—
Какой конецъ имъ?—Разрушенье!
Семьи несчастной сокрушенье,
Да память ошчалъ съ крестомъ!..
Теперь серебряныя латы
Надъ сердцемъ жаркимъ не горять:
Теперь въ роскошныя палаты
Пыры его не замапятъ.
Недолго длалось упоенье!
Немного опъ для счастья жилъ!
Ни красоты, ни восхищенья
Въ нѣмъ лютый рокъ не пощадилъ!

А ты, товарищ нареченный
Его воинственных трудовъ,
Твой подвигъ кощень, — и готовъ
Тебѣ покой незаслуженный!
Тебѣ печально отведутъ
Въ денникъ, обитый черной тканью;
Тебѣ на поле славной брани
Возгласы трубъ не призовутъ!...
Повикни буйной головою,
Искристый взоръ свой потуши!
Тебѣ назначено судьбою
Отжить свой вѣкъ въ тѣмой глуши!

Гр. Е. Р.—я.

Село Анна.
Сентябрь 1839 года.

РЕВНОСТЬ.

Терзается сердце, напаяно желаньемъ,
Млечное пламя бушуетъ въ груди;
То яростью полно, то полно страданьемъ,
Оно призываетъ мученья свои;
Излпться жагаетъ жестокомъ упрѣкомъ,
Насмѣшкою колкой себя обличить,
Иль бѣшеннымъ взрывомъ, словеснымъ пото-
комъ
За муки и трепетъ за-разъ отомстить.
Но словъ не находить, и, горечью полны,
Въ нѣмъ чувства бушуютъ, какъ мрачныя волны
Въ часъ бури свирѣпой, средь бездны морской,
И гнѣвъ тотъ правдивъ ли? — оно то не знаетъ;
Но только въ страданьяхъ оно пшываетъ,
При мысли, быть-можетъ, нелѣпой, пустой!..

Д. Сухковъ.

СЛЕЗА РАЗЛУКИ.

Тпхъ и мраченъ въ часъ печали,
Я въ лицо тебѣ глжу,
И на памяти скрижали
Образъ твой перевожу.
Изучаю голосъ рѣчи,
Мысль очей хочу понять,
Чтобъ, грустя, до повои встрѣчи
Ихъ въ души не затерять.
Посмотри, мой другъ, серьезно,
Взоръ улыбкой засвети,
Повернися граціозно,
Статной лебедью пройди;
Распусти власы по шейкѣ,
Рѣзвой ножки не скрывай,
Бѣлой груди чародѣйкѣ,
Волноваться волю дай!
Спой мнѣ пѣжню про разлуку,
Легкой нимфой протанцуй,
Дай мнѣ бѣзпекую руку
Сладко, жарко поцѣлуй!...
Уровн теперь къ волнеши
Дѣтъ жемчужныя слезы:
Будетъ полно впечатлѣнья
На меля твоей красы...
Можетъ быть не сохрани я
Въ бѣдной памяти моей,
Ни очей, ни поцѣлуй
Ни движеній, ни рѣчей;
Но слеза — любви свидѣтель!
Ту невольную слезу,
Какъ младенецъ — добродѣтель,
Я въ могилу унесу!

Н. Некрасовъ.

ГЮНЧЬ-БЕКЪ.

(HUNCH-BACK.)

I.

Это было въ 1824 году, въ воскресенье. Одинадцать часовъ пробило; но не смотря на строгое запрещеніе и предразсудки, которые въ этотъ день превращаютъ Лондонъ въ монастырь трапистовъ, въ смѣжномъ домѣ съ Гейдъ-паркомъ, въ верхнемъ этажѣ, видѣлось мерцаніе свѣчи. Комната, которую она освѣщала, и въ которую вела грязная лѣстница безъ перилъ, была очень низенькая, худо отдѣланная и еще хуже меблированная. Съ перваго взгляда, она походила на одно изъ тѣхъ грязныхъ убѣжищъ, гдѣ въ большихъ городахъ собирается на ночлегъ рабочій народъ; но по внимательномъ разсмотрѣнн можно было замѣтить такіе предметы, которые противорѣчили первому впечатлѣнію. Въ самомъ темномъ углу стоялъ столъ, обремененный грудой книгъ и журналовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были развернуты; въ пишѣ каминна стоялъ гипсовый бюстъ Шекспира, внизу съ надписью карандашемъ, изъ Гамлета; наконецъ, между каминомъ, совсѣмъ уже угасшимъ, и люлькой груднаго ребенка, сидѣла въ широкихъ креслахъ женщина, которой протое, но со вкусомъ сшитое платье

и черты лица, хотя болѣзненные, но чрезвычайно пѣжныя, заставляли предполагать въ ней, если не аристократку, то по крайней мѣрѣ и не швею.

На видъ она казалась двадцати или двадцати двухъ лѣтъ. Не смотря на то, что болѣзнь или душевныя страданія провели глубокія черты на ея щекахъ, на худобу ея стала, въ ней еще замѣтны были слѣды чрезвычайной красоты; въ особенности руки ея были удивительно круглы и пѣжны. Какъ не старалась она казаться спокойной, въ ней замѣтно было большое волненіе. Всякій разъ, какъ на башнѣ св. Георгія били часы, она вздрагивала, вскакивала съ кресель, внимательно вслушивалась, и потомъ съ отчаяніемъ опять опускалась въ кресла, произнося слѣдующія слова:

«Боже мой! Какъ онъ долго пойдетъ!»

Въ такомъ ожиданн протекло около часа; часъ этотъ казался ей вѣкомъ, вѣкомъ нестерпимыхъ мукъ, столь нестерпимыхъ, что она забыла все: свою болѣзненную слабость, сильный вѣтеръ, который стучалъ въ стекла, своего ребенка, который по временамъ вскрикивалъ; однимъ словомъ все, кромѣ того, кто былъ причиною ея тревогъ. Кой-какъ она дотащилась до окна, открыла его, и, высунувшись до

половины, старалась проникнуть глазами своими темноту ночи, и внимательно вслушивалась, оставаясь въ такомъ положеніи безъ движенія, стараясь удерживать самое бѣшеніе сердца, чтобъ разслушать шумъ походки его. Наконецъ послышались отдаленные шаги; внезапная радость разлилась по ея щекамъ и она воскликнула: «это онъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ, точно, вошелъ человекъ въ комнату. Онъ былъ высокаго роста, стройный и мужественный. Лицо его, хотя неправильное, имѣло въ себѣ тѣ рѣзкія орлиныя черты, которыя составляютъ красоту мужчины. Глаза его, глубоко впалые, блистали страннымъ огнемъ, а лобъ, едва прикрытый нѣсколькими локонами, былъ выпуклъ у висковъ, что, какъ полагаютъ, есть признакъ людей, одаренныхъ гениемъ. Ему было тридцать или тридцать пять лѣтъ.

Войдя, онъ бросилъ измятый свертокъ бумаги на столъ, на стулъ свой плащъ, весь забрызганный грязью, и поцѣловалъ въ лобъ молодую женщину, которая, казалось, вопрошала его глазами.

— Леди Анна, сказалъ онъ, отецъ твой правъ: лучше быть трактирщикомъ, чѣмъ писателемъ.

«Но если писатель съ дарованіемъ?» перебила Анна, удивленная началомъ рѣчи.

Горькая улыбка пробѣжала по губамъ вошедшаго, и онъ продолжалъ:

— Съ дарованіемъ? Но къ чему это поведетъ?

«Къ славѣ.»

— Что! Вѣрите къ нищенской сумѣ.

«Что ты говоришь? Твои сочиненія...»

— Стали общимъ достояніемъ. Ихъ можно печатать по нѣскольку тысячъ экземпляровъ, представлять на всѣхъ театрахъ Великобританіи, наконецъ обогатиться ими. Они принадлежатъ всѣмъ и каждому кромѣ меня, ихъ автора. Та-

ковъ законъ въ Англіи. Здѣсь, въ страхъ своекорыстныхъ и алчныхъ купцовъ, есть для самаго ничтожнаго производства свои права и преимущества; но для произведеній искусства и поэзіи ничего, ровню ничего, леди! Они даже не составляютъ собственности, которой бы можно было пользоваться пожизненно. Это пѣсня птицъ Божіихъ! Всякій воленъ ими воспользоваться.

«Но твоя новая драма принята, должна быть представлена, и...»

— Должна... но не будетъ: — я сейчасъ изъ Друриленскаго театра.

«Такъ что же?»

— Не будетъ представлена... только. «Почему?»

— Потому, что одному актеру не угодно играть главной роли?

«Макреди?»

— Да!

«Но не ты ли надѣлили его славой и богатствомъ! Ты писалъ для него роли...»

— Онъ все забылъ.

«Такъ нѣтъ надежды?»

— Одна еще есть!

«Какая?»

— Ты скоро узнаешь.

«Но какъ ждать?...»

— Не безпокойся. У меня еще осталось нѣсколько книгъ: Шекспиръ, Милтонъ, Байронъ, эти дивные гении, съ которыми я бы желалъ жить и умереть вмѣстѣ. Но какъ быть! Я ихъ продамъ; это будетъ послѣдняя жертва.

«Помоги тебѣ Господь.»

II.

На другой день послѣ этого, человекъ лѣтъ сорока плти ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, убранной съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Въ рукахъ у него была рукопись, которую онъ только-что кончилъ читать. Онъ глубоко задумался надъ ея содержаніемъ. Молодая дѣвушка, сидѣвшая у камина, прервала его размышленія слѣдующими словами:

— Ну что, батюшка, какова драма?
«Клянусь Богомъ! это прелесть.»

— А кто авторъ?

«Не знаю. Но кто бы онъ ни былъ, уверяю тебя, что съ тѣхъ поръ, какъ я директоромъ Ковенгарденскаго театра, не только на немъ, но и на всѣхъ театрахъ соединеннаго королевства ничего подобнаго не было представлено.»

— Странно же, что сочинитель не выставилъ имени. Кажется, нельзя упрекнуть въ скромности нашихъ драматическихъ писателей.

Разговоръ остановился на этомъ, когда вошелъ слуга и доложилъ, что кто-то пришелъ.

«Кто такой?» спросилъ хозяинъ дома.

— «Онъ не сказывается» отвѣчалъ лакей: «но это тотъ...»

— «Говори, кто?»

— «Тотъ самый, который сегодня поутру принесъ бумаги.»

— «Хорошо! Проси.»

Черезъ минуту незнакомецъ вошелъ.

— «Вы мнѣ сдѣлали честь, Принеся это сочиненіе, и видите, что я не замедлилъ прочесть его, вопреки правиламъ директоро́въ театровъ, которые не прежде принимаются за чтеніе пьесъ, какъ чрезъ три мѣсяца послѣ ихъ постановленія къ нимъ.»

— А ваше мнѣніе?

«Что самъ Шериданъ Нольсъ ничего лучшаго не написалъ.»

— Про васъ идетъ молва, что вы не очень къ нему расположены, и я по всему вижу, что вы не льстите ему.

«Справедливость я ставлю выше всего. Быть можетъ, Шериданъ думаетъ, что я, Кембль, писатель и директоръ театра, питаю къ нему двойную ненависть; во-первыхъ, потому, что онъ великій писатель, а во-вторыхъ потому, что онъ обогащаетъ своими произведеніями Друриенскій театръ, въ подрывъ Ковенгарденскаго? Новъ обоихъ случаяхъ Шериданъ ошибается. Я высоко цѣню

его талантъ и висколько не желаю стѣснять его воли. Объ одномъ только жалю, зачѣмъ онъ обогащаетъ сцену, которая, говорятъ, отказываетъ ему даже въ необходимомъ.»

— Да, говорятъ.

«И вы согласитесь, что...»

— Меня все это мало занимаетъ, прервалъ незнакомецъ съ недовольнымъ видомъ.

«Ваша правда, ваша правда. И такъ, возвратимся къ нашимъ баранамъ, какъ говорятъ французская пословица. Вы спрашивали мое мнѣніе о драмѣ, и я вамъ высказалъ его откровенно.»

— По этому я могу надѣяться, что она будетъ представлена?

«Нѣтъ, нѣтъ!»

— А по какой причинѣ, серъ Кембль?

«Потому, что въ драмѣ этой два главные лица, а при всемъ желаніи моемъ, одинъ я не могу выполнить ихъ оба разомъ. У меня не достаетъ актера для роли горбуна.»

— А если я вамъ найду актера?

«О, тогда...»

— Что вы сдѣлаете?

«Я распоряджусь раздачею ролей для этой прекрасной пьесы не завтра, а сегодня же, сейчасъ.»

— Въ такомъ случаѣ, вы можете положить на человѣка, который... мнѣ кажется, въ состояніи будетъ выполнить роль горбуна. Лондонъ ему часто апплодировалъ.

«Тѣмъ лучше! я ему предоставлю роль-сбора.»

— Этого много; онъ доволенъ будетъ третію.

«Согласенъ и на это.»

— А автору?

«Вознагражденіе, по правиламъ: 400 фунтовъ стерлинговъ изъ сбора первыхъ двадцати представлений. Согласны?»

— Съ условіемъ.

«Какимъ?»

— Что имена автора и актера оста-

путя тайной, до тѣхъ поръ, пока они сами не вздумаютъ открыться.

«Соглашенъ.»

И Чарльзъ Кембль протянулъ руку къ своему собесѣднику, который понялъ ее съ чувствомъ. Они разстались.

«Ну, Кетти, за работу!» сказалъ Кембль, когда онъ остался одинъ съ дочерью: «отнеси это къ писцу. Тебѣ тутъ такъ же будетъ роль, какъ и мнѣ; клянусь Шекспиромъ, у насъ пойдетъ живо! И хочу, чтобы чрезъ двѣ недѣли драма эта была представлена.»

III.

Было 20 декабря. На Ковенгардпескомъ театрѣ объявленъ спектакль. Въ первый разъ дается драма «Гюичъ-Бекъ» (горбушъ). Лондону неизвѣстны ни сочинитель этой драмы, ни актеръ, занимающій главную роль. Это рѣдкое событіе въ лѣтописяхъ драматургіи Великобританіи. За то взгляните, какаго тѣснаго, какаго давка у театральнаго подъѣзда, какъ толпа стремится въ залу. Едва пробило шесть часовъ, а уже нельзя протискаться къ кассѣ; мѣста пущены по неслышанной цѣнѣ, но все тщетно: билеты расхватываютъ, за нихъ спорятъ. Ложки, балконы, кресла и скамейки—все занято и самые проходы наполнены любопытными. А партеръ! О! тамъ какъ море волнуется народъ; крикъ, толкотня, давка; еще нѣсколько минутъ—и толпа эта потеряетъ всякое терпѣніе.

Но занавѣсъ поднялся. Цѣль!

Дебютантъ вышелъ. При видѣ такой толпы, тысячи глазъ которой обратились на него, онъ смѣшался; но мало по малу ободрился и началъ. Голосъ его пріятенъ и звученъ, выговоръ чистъ и правиленъ, жесты свободны, ростъ довольно высокъ. Кто это? Бриджтонъ, Ловелл, Макреди, или другіе цдоны англійской сцены? Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ

этой увлекательной игры, ни этого пронзающаго взгляда, ни голоеа, который такъ, какъ этотъ потрясаетъ душу. Но зачѣмъ напрасно ломать голову догадками, зачѣмъ разбирать, анализировать? Время ли теперь? Роль горбуна превосходна, эффектъ въ ней тѣма; страсть выражена вполне и дебютантъ ее совершенно понялъ и усвоилъ; это не актеръ, который читаетъ и ломается по правиламъ мимики, нѣтъ, это человѣкъ, который чувствуетъ, говоритъ, смѣется, плачетъ по первому призыву души. Горбушъ, это онъ, а онъ горбушъ!

Зрители растроганы. То радость, то ужасъ овладѣваютъ ими попеременно. Тихо, внимательно, всѣ напрягаютъ свои глаза, уши и, такъ сказать, всей душой слѣдятъ за ходомъ драмы, въ которой авторъ излилъ весь свой гений, а актеръ всю душу; и если по временамъ вырываются невольные апплодисманы, то тотчасъ же умолкаютъ отъ страха, что они могутъ заглушить хоть одно слово въ этомъ дивномъ созданіи. Всеобщее оцѣпѣніе произвелъ «Гюичъ-Бекъ». Но вотъ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздался громъ рукоплесканій. Торжество полное для автора и актера, торжество неслышанное, оно сохранится въ народныхъ преданіяхъ.

— Автора, автора! кричатъ со всѣхъ сторонъ.

«Слышите?» сказалъ Кембль дебютанту, который упалъ въ кресла радостный, но измученный.

— Да! пропелъ послѣдній, объявите, что онъ... Шериданъ.

«Шериданъ Нольсъ!» воскликнулъ изумленный директоръ: «авторъ—Вильгельма-Теля?»

— Да; онъ!

При этомъ имени, уже извѣстномъ и нѣсколько разъ увѣнчанномъ, апплодисманы усиливаются; но скоро другой крикъ раздается въ залѣ:

— Актера, актера!

Дебютантъ встаетъ, едва переступаетъ

отъ волненія встревоженныхъ чувствъ, и только съ помощію Кембля выходитъ на сцену.

«Имя!» кричитъ толпа.

— Шериданъ! отвѣчаетъ актеръ.

На этотъ разъ восторгъ овладѣваетъ толпой; она выходитъ изъ себя, бросается на сцену и несетъ автора-актера на рукахъ по улицамъ, не давъ ему даже снять театральнаго костюма, прямо въ убогую его каморку.

Леди Анна едва не умерла отъ радости.

На другой день, во всѣхъ лондонскихъ газетахъ было сказано:

«Вчера Шериданъ Нольсъ ягралъ въ драмѣ своего сочиненія, которая называется «Гюнчъ-Бекъ». Три раза овъ былъ вызванъ, и въ тотъ же вечеръ, Чарль Кембль, директоръ Ковенгарденскаго театра, ангажировалъ его въ свою труппу за 1600 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго жалованья. И такъ, лучший нашъ драматическій писатель сдѣлался нашимъ лучшимъ актеромъ.»

Такова судьба одного изъ величайшихъ современныхъ поэтовъ Англіи, творца превосходныхъ произведеній «Виргинія», «Вильгельма-Теля» и «Гюнчъ-Бека.»

СИЛЮЭТЫ АРТИСТОВЪ.

I.

О Б Е Р Ъ.

Дени, Эспри, Фердинандъ Оберъ родился въ Парижъ въ 1795 году. Онъ сынъ богатаго купца, который самъ страстно любилъ искусства и потому старался дать своему сыну блестящее воспитаніе. Оберъ въ молодости уже отличался своимъ талантомъ въ живописи и музыкѣ. Однако, не смотря на то, что онъ былъ отличный музыкантъ и мастерски игралъ на трехъ инструментахъ: басъ, скрипкѣ и «фортепяно», Оберъ не чувствовалъ въ себѣ еще тогда влеченія къ тому поприщу, которое прошелъ въ послѣдствіи съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, и Франція объявила только стеченію обстоятельствъ, весьма несчастныхъ для Обера, тѣмъ, что теперь имѣетъ однимъ знаменитымъ артистомъ больше.

Сообразно съ предназначеніемъ его, занять нѣкогда мѣсто отца въ своемъ торговомъ домѣ, Оберъ, восемнадцати лѣтъ, отправился въ Англію, для усовершенствованія въ торговыхъ дѣлахъ. Но, изучая двойную бухгалтерію, молодой сидѣлецъ, въ часы отдохновенія, продолжалъ заниматься музыкою; и по желанію друзей своихъ, попытался даже

сочинить нѣсколько квартетовъ. Эти піесы были сыграны въ небольшомъ кругу дилетантовъ, и произвели на слушателей такое сильное впечатлѣніе, что всѣ приступили къ нему, чтобы онъ напечаталъ свои первые опыты. Оберъ, отличающійся отъ другихъ артистовъ тѣмъ, что не питаетъ никакого особеннаго почтенія къ своимъ твореніямъ, сначала побоялся гласности, какую хотѣли дать его квартетамъ; наконецъ, однакожъ, чтобы удовольствовать друзей своихъ, онъ выбралъ среднюю дорогу: напечаталъ свои сочиненія, но подъ вымышленнымъ именемъ Ламарра. Это былъ дебютъ Обера и для многихъ, имѣющихъ первые опыты его, безъ сомнѣнія должно быть очень любопытно сличить квартеты Ламарра съ новѣйшими партитурами Обера. Разница между ними неизмѣрима, и, не смотря на то, однакожъ, и въ той музыкѣ, сильно отзывающейся попытками новичка, видна полнота мелодіи, которою вполне одаренъ авторъ «Фенеллы».

Пробывъ два года въ столицѣ торговаго міра, Оберъ, достаточно посвященный во всѣ таинства торговыхъ

оборотовъ, возвратился въ Парижъ, гдѣ, по желанію отца, котораго восхищала успѣхъ первыхъ квартетовъ сына, сочинилъ партитуру небольшой комической оперы, подъ названіемъ: «Пастушка-Кастелянша». Піеса была принята публикою благосклонно; но не смотря на этотъ успѣхъ, отецъ Обера снова долженъ былъ присутствовать къ нему, чтобы онъ принялся за двѣ новыя оперы, подъ названіемъ: «Завѣщаніе и Любовное Письмо,» и «Постой». Въ противность всѣмъ великимъ художникамъ, Обера принуждала родня усовершенствовать талантъ, тогда, какъ другіе терпѣли за это гоненія и несприятности отъ родныхъ.

1820-й годъ былъ роковымъ годомъ для Обера. Отецъ его, отъ несчастныхъ спекуляцій лишившійся незадолго предъ тѣмъ всего имѣнія, умеръ, и оставилъ сыну не болѣе двухъ или трехъ тысячъ франковъ. Но Оберъ мужественно снесъ двойное свое несчастіе, онъ старался забыть свою счастливую, безпечную молодость, протекшую въ роскоши, и думалъ только о томъ, какъ бы собственнымъ трудомъ нажить себѣ хлѣбъ пасушный. Но кто бы подумалъ, что молодой композиторъ, котораго имя не разъ уже олашало своды театра, забывъ успѣхъ своей «Пастушки Кастелянши», не довѣряя своему дарованію и хотѣлъ заниматься только торговлею. Нѣсколько мѣсяцевъ искалъ онъ по всему Парижу скромнаго мѣста писаря у банкира, или сидѣльца въ какомъ нибудь торговомъ домѣ. Къ счастью, вслѣдствіи и торговцы отказывали бѣдному искателю. Если бы Оберъ въ 1820 году имѣлъ счастье или правильнѣе несчастіе получить такое мѣсто, каковаго желалъ, то теперь сидѣлъ бы, вмѣсто Института, въ какомъ нибудь торговомъ домѣ въ улицѣ Сен-Дени за конторкою, и репертуаръ комической оперы имѣлъ бы слишкомъ двадцатью образцовыми произведеніями меньше.

Не получая мѣста по торговой части, Оберъ рѣшился наконецъ извлекать пользу изъ своего музыкальнаго таланта, но все еще не какъ композиторъ, а какъ учитель на фортепьяно. Онъ какъ будто хотѣлъ сколько возможно долѣе противиться вліянію своей путеводной звезды. Къ счастью, у Обера были друзья, судившіе его музыкальныя произведенія гораздо снисходительнѣе, нежели онъ самъ, и они такъ настоятельно требовали, чтобы онъ опять принялся за сочиненіе музыкальныхъ произведеній, что молодой учитель, наконецъ, рѣшился самъ брать уроки у Керубини. Вскорѣ потомъ, въ Театрѣ Комической Оперы представили «Эмму». Прекрасная партитура этой піесы приобрѣла огромный успѣхъ, къ чему не мало способствовала г-жа Булапжѣ, игравшая роль Эммы. Оберъ, все еще не довѣряя себѣ, не прельстился этимъ торжествомъ, и три года еще продолжалъ изучать у Керубини всѣ таинства гармоніи и сочиненія, которыя такъ хорошо примѣнилъ въ послѣдствіи. Какъ долженъ былъ, позже, гордиться директоръ Музыкальной Консерваторіи своимъ ученикомъ, когда могъ сказать, что Оберъ за счастливое сочетаніе мелодическаго гнѣнія съ искусною инструментовкою обязанъ преимущественно его основательнымъ наставленіямъ. До сихъ поръ не знаютъ еще, чему болѣе должно удивляться въ твореніяхъ Обера: гнѣнію или аккомпаньману, и необыкновенный успѣхъ «Чернаго Домпано», все еще продолжающійся, еще увеличилъ славу композитора, и безъ того уже колоссальную.

Замѣчательнымъ и безъ сомнѣнія весьма рѣдкимъ явленіемъ въ исторіи театра должно почитать то, что Оберъ не только ни разу не падалъ, но даже никогда не имѣлъ неполнаго успѣха. Пьесы «Эммы» появились: «Дейстеръ», «Спѣгъ», «Болзливый», «Леокадія», «Камешникъ». Этотъ рядъ оперъ, ко-

торья, всё безъ исключенія, имѣли необыкновенный успѣхъ, открыли композитору врата Королевской Музыкальной Академіи, и здѣсь, на большомъ оперномъ театрѣ, дебютировалъ онъ «Нѣмою въ Портичи». Оберъ возвратился къ комической оперѣ съ «Невѣстою» и «Фра-Дяволю»; потомъ представилъ Большой оперѣ балетъ «Богъ и Баядерка» и три оперы: «Любовный Напитокъ», «Клятва» и «Густавъ или Маскарадъ». Последнія шесть лѣтъ, Оберъ писалъ только для одного театра комической оперы—и здѣсь публика восхищалась «Бронзовымъ Копемъ», «Лестокомъ», «Актэономъ», «Бѣлошапочниками», «Посланницею» и «Чернымъ Домиво».

Изъ этого видно, что поприще, пройденное доселѣ Оберомъ, уже довольно славно и полно торжествъ, но и будущность, надѣмся, доставитъ Оберу еще много вѣнковъ, потому что композиторъ «Фенеллы» не слѣдуетъ печальному примѣру праздноствительнаго Россіини, который помышляетъ только о томъ,

какъ бы пріятнѣе отдохнуть на лаврахъ и пользоваться нажитымъ богатствомъ.

Оберъ не пропускаетъ ни одного дня, чтобъ не играть на фортепьяно, и работаетъ съ ревностію молодого увѣчанаго воспитанника Консерваторіи.

Умнѣе и счастливѣе большей части великихъ художниковъ, Оберъ-артистъ сумѣлъ сохранить любовь къ порядку и бережливости Обера-купца, и бѣдный пропаша, наследовавшій въ 1820 году капиталъ, на который едва можно было купить арардское фортепьяно, теперь владѣлецъ четырехъ великолѣпныхъ домовъ въ кварталѣ св. Георга.

Впрочемъ, кажется, что Оберъ, противъ воли сдѣлавшійся композиторомъ, не утратилъ нисколько первой боязливости, или, если угодно, перваго отвращенія отъ театра: знаменитый художникъ только изрѣдка появляется въ театрахъ, и за кулисами оперы извѣстно за достоверное, что Оберъ, исключая пробъ, не бывалъ ни на одномъ представленіи «Фенеллы».

II.

ДОНИЗЕТТИ.

Донизетти родился въ Бергамо въ 1798 году. Первымъ наставникомъ его былъ Майеръ; позже усовершенствовался онъ подъ надзоромъ знаменитаго Маттеи, того самаго, который прежде довершилъ музыкальное образованіе Россіини. Подобно Россіини, и Донизетти сочинилъ первую піесу свою для Венеціанскаго Театра. «Генрихъ, Графъ Бургундскій» былъ принятъ очень холодно. Эта опера свидѣтельствовала о незрѣлости таланта композитора, хотя и не лишила оригинальности.

Впрочемъ, критика была на этотъ разъ снисходительна къ молодому художнику; это придало ему мужество и вскоре потомъ онъ написалъ для того же театра другую оперу «Faleuina» (или Livonia), которая была принята очень благосклонно.

Имя Донизетти вскоре сдѣлалось народнымъ на лучшихъ италіанскихъ театрахъ. Майеръ, композиторъ «Меденъ», получилъ приглашеніе пріѣхать въ Пеннополь, чтобы сочинить оперу для тамошняго театра. Онъ послалъ вмѣсто

себя молодого маэстро и въ письмѣ къ директору сказалъ между прочимъ: «Посылаю вамъ Донизетти, вы не будете въ накладѣ отъ обмѣна». Донизетти еще не за что было полагаться на одобрение публики, но Майеръ предугадывалъ скрытый въ немъ талантъ.

Другой оперъ, «Zervida di Granada», обязанъ Донизетти освобожденіемъ своимъ отъ рекрутства. Онъ написалъ ее въ Римѣ, гдѣ она была принята съ большимъ одобреніемъ.

Съ этихъ поръ, сочиненія Донизетти начали слѣдовать одно за другимъ съ безпримѣрною быстротою. Онъ писалъ для большей части итальянскихъ театровъ, на которыхъ новые репертуары почти единственно наполнены операми Россини и Донизетти. Если вѣрить журналамъ, то донизеттиевы оперы были даны въ одинъ вечеръ на сорока различныхъ театрахъ.

Число сочиненій его въ самомъ дѣлѣ невѣроятно. Онъ написалъ шестьдесятъ оперъ и множество небольшихъ пьесъ для пѣвца и разныхъ инструментовъ. При такой плодовитости, разумѣется, неудивительно, если во многихъ произведеніяхъ его не достаетъ силы и оригинальности; но у другихъ, напротивъ того, нельзя отрицать живости и мелодіи. Донизетти, подобно Россини, удачно трудился для *Opera buffa* и *Opera seria* (комической и лирической оперъ). Театральные директора, можетъ быть, употребляли во зло его необыкновенную плодовитость, но фантазія его удержала всю свою силу и дѣятельность.

Донизетти одаренъ необыкновенною памятью; онъ не только изучалъ образцовыя произведенія итальянскихъ, немецкихъ и французскихъ композиторовъ, но даже и мелкія произведенія ихъ. По этому, можетъ быть, у него такъ часто встречаемъ знакомыя мѣста. Майеръ обратилъ его вниманіе особенно на

немецкую музыку, и знавію ея Донизетти особенно обязанъ своею славою.

Легкость, съ какою онъ сочиняетъ, дѣйствительно безпримѣрна. «Анна Боллейнъ», одно изъ его удачнѣйшихъ произведеній, написано имъ въ теченіе восемнадцати недѣль. На разныхъ итальянскихъ театрахъ перемѣнялъ онъ, въ продолженіе пробъ, цѣлыя нумера, которые ему не нравились. Финалъ «Furioso» сочиненъ имъ во время антракта.

Любимѣйшія оперы Донизетти слѣдующія: «L'Ajo nell'imbarasso», «L'Olivo e Pasquale», «Gemma di Vergy», «Faustla», «Anna Bolena», «Ellisire d'Amore», «Lucrezia Borgia», «Furioso», «Torquato Tasso», «Eleonora di Guipenna», «Betty», «il Campanello», «L'Ascepio di Calai», «Lucia di Lammermoor», «Roberto d'Evreux», «Parisina», «Belisario», «Marino Falieri», «Maria Rudens».

«L'Ellisire d'Amore» написанъ имъ въ Неаполѣ въ 1828 году, и при содѣйствіи прекрасной игры Лаблаша въ роли Мурино принятъ публикою весьма благосклонно.

Французскіе художники, образовавшіеся въ столицахъ Италіи, весьма много обязаны вліянію Донизетти; Дабали, Дюпрѣ и Бароалье впервые блистали въ «Любовномъ Элексирѣ», «Паризинѣ», «Ламмермурской Невѣстѣ» и «Робертѣ д'Эврѣ»; даже Нурри охотно слѣдовалъ его наставленіямъ.

У Донизетти есть братъ, который прежде служилъ въ французской арміи и сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбы. Этотъ братъ Донизетти первый возбудилъ на Востокъ любовь къ музыкѣ. Теперь онъ директоръ военной музыки въ Константинополь. Онъ учредилъ во многихъ городахъ Востока музыкальныя общества, въ которыхъ образуются ученики. Султаны щедро вознаграждаютъ его за заслуги.

Донизетти любимъ всеми, съ кѣмъ

состоитъ въ какихъ либо сношеніяхъ. Молодые художники находятъ въ немъ опору и безкорыстного друга. Два года тому назадъ, онъ отказался отъ мѣста директора Консерваторіи въ Неаполѣ и

поселился въ Парижъ. Последнія оперы его «La fille du Regiment» и «Polyeucte» написаны имъ, первая для Комической Оперы, другая для Королевской Академіи Музыки.

III.

ПОЛИНА ГАРСІЯ.

Въ мірѣ художествъ есть также нѣкоторыя знаменитыя династіи, которыми изъ рода въ родъ принадлежитъ скипетръ искусства, нѣкоторыя фамиліи, которыя носятъ на челѣ своемъ наследственную печать какого-то особеннаго призванія, изъясняемаго счастливою ихъ организаціею.

Это предположеніе основывается на той немерцающей славѣ, которою фамилія Гарсія блистаетъ въ теченіи двухъ вѣковъ, не смотря на всѣ перевороты, происшедшіе въ музыкальной исторіи Европы.

Дѣвица Полина Гарсія (Фердинанда Полина Лауренція) родилась въ Парижѣ, 18 іюля 1821 отъ Эмануила Гарсія и жены его Жаквины Ситчеръ. Крестнымъ отцемъ ея былъ знаменитый маэстро Юсифъ Фердинандъ Перъ, директоръ Королевской Парижской Капеллы, а восприемницею ея сіятельство княгиня Прасковья Михайловна Голицына, урожденная графиня Шувалова. Черезъ три года, родители Полины Гарсіи оставили Парижъ и переселились въ Лондонъ, потомъ поѣхали въ Нью-Йоркъ, а оттуда въ Мексику. Вскорѣ по прибытіи ихъ туда, загорѣлись ужасныя междоусобія, и несчастная земля эта сдѣлалась жертвою враждебныхъ партій, которыя, презирая всѣ народныя права, открыто грабили иностранцевъ.—Эмануилъ Гарсія въ 1829 поспѣшно оста-

вилъ Мексику съ семействомъ своимъ и труппою, состоявшею подъ его управленіемъ; но во время переезда черезъ горы, отдѣляющія этотъ городъ отъ моря, самый отрядъ, данный ему правительствомъ для охраненія, совершенно ограбилъ его и оставилъ съ женою, дѣтьми и товарищами, безъ платья, безъ съѣстныхъ припасовъ, посреди голыхъ пустынныхъ ущелинъ.

Эмануилъ Гарсія, при этомъ случаѣ, оставившемъ въ душѣ дочери его ужасное воспоминаніе, потерялъ до шести сотъ тысячъ франковъ, плоды трудовъ своихъ и долгихъ странствованій. Наконецъ удалось ему съѣсть на корабль и возвратиться въ Европу, гдѣ скоро благородная страсть его къ искусству, заботы о воспитаніи дѣтей утѣшили его и залечили прежнія раны. Въ сердцѣ артиста покорность судьбы есть уже надежда, потому что съ нею связывается предчувствіе будущаго.

Дѣвица Полина Гарсія брала въ Мексикѣ уроки на фортепьяно у Маркоса Вега, органиста тамошней соборной церкви. Но несчастныя обстоятельства ея семейства вдругъ прервали ея учебныя и она забыла все, чему училась. Во время долгаго бездѣйствія, отецъ началъ учить ее пѣть по законамъ, имъ самимъ сочиненнымъ. На седьмомъ году Полина Гарсія говорила уже на французскомъ, испанскомъ, итальян-

скомъ и англійскомъ языкахъ съ равною свободою, а въ послѣдствіи выучилась и пѣмецкому, на которомъ говорить, какъ пѣмка.

По пріѣздѣ отца ея въ Парижъ въ 1829 году, музыкальное воспитаніе Полины поручено была знаменитому Мейерберу, который началъ проходить съ нею фундаментальную школу фортепьяно. Благодаря его стараніямъ, ученица скоро сдѣлала быстрые успѣхи и, что всего лучше, приобрѣла навѣкъ и любовь къ труду.—Увлекаясь страстію къ инструменту своему, она цѣлые три года занималась одною аппикатурою, и слѣдствіемъ такого постояннаго изученія труднѣйшихъ пассажей, утомляющихъ терпѣніе самыхъ опытныхъ пианистовъ, было то, что она однажды, для пробы, разыграла вдругъ à livre ouvert септюръ Гуммеля. Въ музыкальномъ свѣтѣ извѣстно, что Полина Гарсія сдѣлалась потомъ первою ученицею Листа, который, пройдя съ ней самыя трудныя и многосложныя фуги Себастьяна Баха, желалъ, чтобы она осталась пианисткою. Но Полина, которой здоровье разстроилось отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, рѣшилась оставить фортепьяно, и теперь занимается имъ только для того, чтобы не потерять привычки аккомпанированія.

Еще не прошло трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣвица Гарсія принялась упражняться серьезно въ пѣніи, ограничиваясь прежде однимъ поверхностнымъ чтеніемъ всѣхъ извѣстныхъ партитуръ, какъ юное понятіе ея, вышедъ изъ предѣловъ обыкновеннаго пути и опередивъ постепенныя слѣды науки, быстро обхватило всѣ сокровеннѣйшія тайны драматическаго музыкальнаго искусства. Вдохновенная гениемъ сестры своей Малибранъ, она постигла красоту мелодій Шуберта и списала ихъ собственною рукою въ такомъ возрастѣ, въ которомъ подобный подвигъ терпѣнія могъ быть только слѣдствіемъ энтузіазма и вдохновенія.

Въ Брюсселѣ, подъ руководствомъ своей матери, Полина окончила музыкальное свое образованіе. Въ Брюсселѣ пѣла она въ первый разъ въ публичномъ концертѣ, данномъ въ пользу бѣдныхъ, 15 декабря 1837, и этому трогательному торжеству содѣйствовалъ знаменитый скрипъ Берьо; — онъ первый поощрилъ талантъ сестры несчастной Маріи Малибранъ. По случаю этого концерта, выбиты были филармоническимъ обществомъ двѣ медали, одна въ честь Полины Гарсія, другая въ честь Берьо.—Мы видѣли медаль Полины; на одной сторонѣ находится изображеніе Леопольда, короля бельгійскаго, а на другой слѣдующая надпись: *«Въ знакъ признательности и удивленія дѣлаетъ Полина Гарсія королевское филармоническое общество. 15 дек. 1837. — Концертъ въ пользу бѣдныхъ—въ замъ Городской Ратуши.»*

Такимъ лестнымъ свидѣтельствомъ ея благотворительности и успѣха, Полина, по справедливости, можетъ гордиться.—Это былъ первый лавровый листокъ изъ вѣнца, сіяющаго теперь на челѣ ея.

Черезъ нѣсколько времени, дѣвица Гарсія съ матерью и въ сопровожденіи Берьо отправилась въ Германію. На пути ихъ всюду собирались толпы любопытныхъ, жаждавшихъ рукоплескать двумъ славнымъ артистамъ. Въ Берлинѣ и Дрезденѣ заслужили они одобреніе монарховъ, а саксонская королева прислала Полину богатый бриллантовый уборъ. Въ Франкфуртѣ, дѣвица Гарсія пѣла дуэтъ съ г-жею Звигтагъ. Впрочемъ, Европа уже не въ первый видѣла такое трогательное соединеніе двухъ равно славныхъ талантовъ.

Полина Гарсія и мать ея возвратились изъ Германіи лѣтомъ 1838 года, и, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Брюсселѣ, пріѣхали въ Парижъ, гдѣ ожидалъ ихъ г. Берьо. Жители Парижа долго не забудутъ прекраснаго концерта,

даннаго обонми артистами въ Театрѣ возрожденія 15 декабря. Въ немъ дѣвица Гарсія пѣла арію Косты, чрезвычайно трудную по требуемой ея обширности голоса, и еще болѣе трудную для Полины, потому что она живо напоминала публикѣ незабвенную сестру ея, Марію. Между другими прекрасными аріями, она пѣла еще каватину, сочишепія Берьо, и каденцу, подражаніе *Сну Тартини*, въ которой она аккомпанировала себѣ на фортепьяно съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что его одного довольно было бы, чтобы обпаружить ея чудесную музыкальную организацію. Во второмъ концертѣ, даппомъ журналомъ *Музыкальная Франція*, въ великопной залѣ г. Герца, въ которомъ участвовали гг. Лаблашъ, Рубини и Иваповъ, Полина пѣла съ изумительнымъ искусствомъ и прелестію арію Агаты изъ *Фрейшюца* на пѣмецкимъ языкѣ и тріо изъ *Сотворенія Мира* съ Лаблашемъ и Рубини. Этотъ артистическій праздникъ основалъ славу великой пѣвицы. Съ этой минуты парижскіе салоны завладѣли юнымъ, по уже созрѣвшимъ талантомъ ея, и публика, слушая ее, часто приписываетъ ее за сестру, Марію Малибранъ.

Полина упивалась своими успѣхами въ обществахъ, которыя пѣкогда восхищались сестрою ея, какъ вдругъ получила предложеніе вступить на лондонскій италянскій театръ. Приплавъ его, она дебютировала на *Королевскомъ театрѣ* (King's-theatre) 9 маія 1839 въ «Отелло» прекрасномъ твореніи Шекспира и Россини, и придала ему совершенно новую физиономію, не смотря на преданія, оставленные пѣвицами Пастою и Малибранъ. Потомъ играла она въ *Ченеритолъ*, гдѣ показала столько же граціи и простоты, сколько страсти и увлекательной энергіи въ игрѣ; наконецъ, сдѣлавшись лучшимъ украшеніемъ и душою всѣхъ аристократическихъ лондонскихъ собраній, она пѣ-

сколько разъ имѣла честь пѣть придворно, въ присутствіи королевы Викторіи, отъ которой получила многіе личные знаки благоволенія.

Г. Варло, директоръ итальянскаго театра въ Парижѣ, отправился въ Лондонъ, чтобы склонить дѣвицу Полину Гарсію играть на его театрѣ во все продолженіе парижской зимы, начинающейся съ 1 октября. Еще прежде того французская музыкальная академія сдѣлала ей подобное предложеніе, но дѣвица Гарсія, болѣе не вынести слишкомъ обширнаго репертуара, благоразумно отложила согласіе свое до другаго времени.

Нетерпѣніе парижской публики слышать ее превосходитъ всякое описаніе; всѣ ложы Итальянскаго театра были заняты уже за мѣсяць впередъ на три представленія; наконецъ, наступилъ счастливый день, и 8 октября Полина Гарсія явилась на сцену. Дебютантка явилась въ той же самой роли Дездемоны, которую создала она въ Лондонѣ, изучивъ ее не по игрѣ актеровъ, вымышленныхъ ею, но по духу самаго Шекспира, языкомъ котораго обладаетъ она въ совершенствѣ. Соединяя талантъ великой трагической актриссы съ талантомъ несравненной пѣвицы, она превзошла всѣ ожиданія, и громъ рукоплесканій не прерывался съ перваго ея появленія до самаго конца. Всего болѣе поразилъ въ Полинѣ Гарсії необыкновенный объемъ голоса, простирающагося отъ нижняго fa до fa самаго высокаго сопрано, то есть въ двѣ октавы съ половиною; это феноменъ организаціи, который не имѣлъ еще примѣровъ. Сверхъ того замѣчена въ молодой пѣвицѣ необыкновенная точность исполненія и тщательное соблюденіе костюма, который она составляетъ сама по моделямъ, падающимъ въ королевской библіотекѣ.

Послѣ *Ченеритолы*, пѣтой съ искусствомъ, неуступающимъ Монбелли и Зонтагъ, Полина дебютировала въ тре-

тій разъ въ *Севильскомъ Цырюльникъ*. Справедливость заставляетъ насъ признать, что въ этой оперѣ молодая пѣвица не совершенно оправдала ожиданія слушателей, и что Розина, не смотря на блескъ и красоту голоса ея, была не Розина, которую бы могла создать дѣвица Гарсія. Въ роли Сендрильоны, Дездемоны она была выше всякаго сравненія, но въ *Севильскомъ Цырюльникъ* громкія рукоплесканія относились болѣе къ великой музыкантшѣ, умѣющей искусно скрывать подъ мелодическими импровизаціями своими минутный недостатокъ и разсѣянность своей памяти, нежели къ актрисѣ, передающей намъ мысль сочинителя. Въ счастію, во второмъ представленіи *Цырюльника*, дѣвица Гарсія загладила первую ошибку свою и играетъ теперь роль Розины съ удивительнымъ совершенствомъ.

Полина Гарсія отличается благород-

ною, важною и нѣсколько строгою физиономіею, но совсѣмъ тѣмъ исполненною выраженія и пріятности; въ поступи ея есть какая-то очаровательная смѣсь величія съ непринужденностію. Подобно сестрѣ своей Маріи, она имѣетъ гибкій, возвышенный станъ, пламенные, блестящіе черные глаза, черные какъ смоль локоны, цвѣтъ лица пылкой испанки; всѣ движенія ея граціозны, вѣрны и натуральны. Однимъ словомъ, въ Полину Гарсіи все обнаруживаетъ артистку: глаза, голова, и самое сердце.

Голосъ ея соединяетъ въ себѣ полные звуки контральта съ самыми высокими и звонкими нотами сопрано и представляетъ удивительное сходство съ голосомъ покойной Малибранъ. По немъ легко угадать, что обѣ сестры принадлежатъ къ той неподражаемой школѣ Гарсіи, которая одна владѣетъ тайною чудесъ и очарованій въ области искусства.

МАЛИНОВКА.

«*Parti. s. m. Gageure, promesse réciproque, par laquelle deux ou plusieurs personnes soutiennent des choses contraires, s'engagent de payer une certaine somme à celui, qui se trouvera avoir raison.*»

Dictonnairs des Dictonnaires.

I.

Вы спрашиваете, друзья мои, почему меня нигдѣ не видно было въ продолженіе нынѣшней шумной, блистательной, веселой масляницы? Отъ чего не являлся я, какъ прежде, въ спектакляхъ, на балахъ, въ маскарадахъ; почему не раздѣлялъ съ вами танцевальныхъ завтраковъ, живыхъ загородныхъ прогулокъ, аэипискихъ ужиновъ? Вы хотите знать, на какой планетѣ скрывался вашъ собратъ все это время; хотите проникнуть: недугъ, любовь или другое зло сдѣлали меня невидимкою?— Вы удивитесь, когда я вамъ скажу, что, будучи здоровъ, какъ рыба,—здоровъ въ обширномъ значеніи этого слова: тѣломъ и сердцемъ,—я добровольно просидѣлъ всю масляницу въ четырехъ стѣнахъ, не видя лица человѣческаго...

«Быть не можетъ!» восклицаете вы. «Что за пустяки ты намъ толкуешь, и кто тебѣ повѣритъ!»

— Не пустяки, а сущую правду, и если хотите меня выслушать, то я готовъ рассказать вамъ все по порядку. Начнемте съ начала.

Надобно вамъ знать, что въ одномъ скромномъ домикѣ, близъ измайловской церкви св. Троицы, живетъ моя дальняя

родственница, вдова заслуженнаго офицера, убитаго во время турецкой войны. Всѣ способы ея къ жизни заключаются въ небольшомъ пенсіонѣ. Она няньчила меня на рукахъ, когда я былъ еще ребенкомъ, и, не имѣя дѣтей, любить до сихъ поръ какъ роднаго сына. Я не знаю старушки почтеннѣе и добрѣе Анны Федоровны; съ рѣдкою кротостію сердца соединяетъ она прекрасный, свѣтлый умъ, неподдѣльную любезность, хорошее образованіе, и я вамъ скажу по совѣсти, что бесѣду ея часто предпочитаю блестящей болтовнѣ модныхъ дамъ въ великолѣпныхъ гостиницахъ большаго свѣта. Добрая старушка любитъ журить меня, когда я рѣдко у нея бываю, если забуду привезти ей новыхъ книгъ и журналовъ, или когда, затапцовавшись черезъ чуръ, являюсь къ ней съ блѣднымъ лицомъ и невыспавшимися глазами. «Петруша! что съ тобой?» говоритъ она, глядя на меня пристально, когда я вхожу къ ней. «Видь на тебѣ лица нѣтъ! Посмотришь въ зеркало, какъ ты блѣденъ и похудѣлъ.» Тутъ начинаются длинныя разсужденія о томъ, что молодые люди нынче вовсе не берегутъ здоровья, по-прежнему вѣсничаютъ, не думаютъ о будущемъ, и прочее, тому подобное. Потомъ слѣ-

дуютъ наставленія, въ половинѣ которыхъ я обыкновенно вынимаю изъ шляпы кипу книгъ и вручаю почтительно Аппѣ Федоровнѣ. При видѣ книгъ, лице старушки оживаетъ, и буря утихаетъ. «Ну, садись, повѣса» говоритъ она мнѣ: «и рассказывай, гдѣ ты былъ и что дѣлалъ.»

Прошлою зимою, прїѣзжаю однажды къ Аниѣ Федоровнѣ и застаю у ней новое лице: молоденькую дѣвушку лѣтъ семнадцати, прекрасную какъ херувимчикъ, кроткую, тихую, бѣленькую, съ опущенными глазками и чудесными русыми локонами, которые волнами падали ей на алебастровыя плечи. «Петруша» сказала мнѣ Анна Федоровна, когда я съ ней поздоровался: «ты такъ давно у меня не былъ, что безъ тебя много поваго случилось. Вотъ, рекомендую тебѣ смолянку, дочь полковника Д., Марью Андреевну. Матушка ея была мнѣ искреннимъ другомъ, и Машенька, оставшись круглою сиротою, по выпускѣ изъ монастыря, не отказалась раздѣлить со мною печальное одиночество.» При этихъ словахъ, дѣвушка, какъ птичка изъ гнѣзда, вспорхнула изъ за плещъ, и со слезами бросилась цѣловать старушку. «Ахъ, сѣге татап, что вы это говорите» сказала она: «вы такія добрыя! вы сожалели надъ бѣдною сиротою, у которой нѣтъ ни родныхъ, ни убѣжища; вы одиѣ пришли участіе въ моей судьбѣ...» и громкія всхлипыванія прерывали ея слова.

— Полно, полно, отвѣчала старушка, утирая платкомъ глаза: поди-ка къ фортепьяно, да спой или сыграй намъ что-нибудь. Знаешь ли, Петруша, продолжала Анна Федоровна, обращаясь ко мнѣ:—она такъ мило поѣтъ, такъ беззаботно весела, такъ непритворно счастлива, что у меня сердце не парадуетъ, гляди на Машу, и я прозвала ее *Малиновкою*. Вотъ ужъ мѣсяць, какъ она у меня живетъ, а мнѣ все кажется, что ее только вчера привезли. — А ты

хорошъ,» замѣтила старушка, возвысивъ голосъ, когда мы переходили изъ гостиной въ столовую, къ фортепьяно, — цѣмыя пять недѣль глазъ не кажешь!

II.

Съ тѣхъ поръ, не знаю почему, я сталъ чаще бывать у Аппы Федоровны. Сначала я проводилъ въ скромномъ домикѣ близъ измайловской церкви только свободные вечера, когда мнѣ становилось тѣсно въ уединенной моей кельи, когда любимыя книги не могли защитить меня отъ безотчетной грусти, которая такъ часто гнѣтеть сердце холостого человека. Но потомъ, я даже сталъ предпочитать тихія вечернія бесѣды у доброй моей родственницы блистательнымъ спектаклямъ, въ которыхъ участвовала Тальони или М-ме Аллан, шумнымъ вечерамъ и раутамъ, гдѣ блистали звѣзды и красавицы, великолѣпнымъ баламъ Дворянскаго Собранія. Вы догадываетесь, друзья, что прелестная Марія Андреевна, или, какъ всѣ ее называли, *Малиновка*, составляла душу, украшеніе, отраду нашихъ вечеровъ. Сперва, бывало, мы поочередно читали новую книгу или новый журналъ; послѣ чая, Анна Федоровна усаживала Малиновку за фортепьяно, и Малиновка начинала пѣть своимъ милымъ, звонкимъ, серебрянымъ голоскомъ, а добрая старушка, по временамъ, утирала влажные отъ слезъ глаза. Вырвавшись изъ-за фортепьяно, Малиновка принимается рѣзвиться и шалить, какъ молодая Удипа, и веселый, беззаботный смѣхъ ея раздается по всѣмъ комнатамъ. То въ запуски бѣгаетъ она съ семилѣтнею дочерью хозяйки дома, гдѣ онѣ живутъ; то прячется отъ подружки своей за дверь, и вдругъ раздается оттуда неудержимый порывъ хохота, къ величайшему удовольствію малютки. Иногда, за отсутствіемъ хозяйской дочери, мѣсто ея занимаетъ большой

авгорскій котъ Анны Федоровны. Когда Малиновка нарѣзвится вдоволь, старушка подзываетъ ее къ себѣ. «Посмотри, Малиновка, ты вся раскрасѣлась» говорить Анна Федоровна, поправляя ей локоны. «Возьми свою работу и посиди съ нами.»

Я долженъ вамъ сказать, что съ самаго выпуска изъ монастыря, Малиновка нигдѣ не бывала, кромѣ церкви св. Троицы, да развѣ иногда гостиннаго двора, слѣдственно не имѣла ни малѣйшаго понятія о свѣтѣ. Иногда, слыша толки наши о городскихъ новостяхъ и объ удовольствіяхъ столицы, она осведомлялась объ этомъ неизвѣстномъ для нея мірѣ, по не съ жаднымъ, завистливымъ любопытствомъ провинціалки, желающей узнать о наслажденіяхъ большихъ городовъ, куда стремятся все ея мысли, а съ певнимымъ чувствомъ счастливаца, который сталъ бы разспрашивать чело-вѣка, упавшаго съ луны, о тамошнихъ чудесахъ, будучи между тѣмъ дово-лепъ своимъ удѣломъ на земли. Съ каждымъ днемъ открывались для меня новыя сокровища въ этой дѣвственной, теплой душѣ, исполненной прекрасныхъ чувствъ, благороднѣйшаго стремленія ко всему доброму и изящному. Въ ней хранился драгоценный рудникъ чистѣйшей любви, которая могла бы украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею чело-вѣка. Какал-то непреодо-лимая сила влекла и привязывала меня все болѣе и болѣе къ прелестной дѣ-вушкѣ, и я едва было не влюбился въ нее не на шутку; но одно неожиданное обстоятельство вскорѣ открыло мнѣ глаза.

У Анны Федоровны часто бывалъ дальній родственникъ ея, Аркадій Михайловичъ, служащій въ ... министер-ствѣ, молодой чело-вѣкъ образованный и скромный. Онъ былъ хорошій музы-кантъ и аккомпанировалъ на скрипкѣ игру Малиновки. Не смотря, что я бы-валъ у нихъ гораздо рѣже, нежели Ар-кадій Михайловичъ, Малиновка обра-

щалась со мною простодушно и съ от-кровенностію сестры, а его она дича-лась и по временамъ даже убѣгала съ ка-кою-то боязнію. Молодой чело-вѣкъ так-же съ своей стороны былъ не смѣлъ съ Малиновкою и едва поднималъ глаза, говорилъ съ нею. Такое загадочное поло-женіе дѣлъ продолжалось до самаго лѣта.

На другой день петергофскаго празд-ника, я заѣхалъ утромъ къ Аннѣ Фе-доровнѣ, чтобъ отдать ей пенсіонныя деньги, который часто получалъ по ея довѣренности. Старушка и Малиновка сидѣли въ гостиной.

«Здравствуй, Ріегге» сказала Анна Федоровна, увидѣвъ меня. «Что поваго?»

— На этотъ разъ, я привезъ вамъ непріятную новость, которая опеча-литъ не одно семейство въ Петербургѣ и вѣрно найдетъ участіе въ вашемъ сердцѣ.

Тутъ я рассказалъ о несчастіяхъ съ нѣкоторыми пароходами и судами, которые застигнуты были жестокою бу-рею на пути къ Петергофу, при чемъ погибло множество людей всякаго званія. Малиновка слушала печальный мой раз-сказъ, устремивъ на меня свои голу-бые глаза и удерживая дыханіе, какъ бы опасаясь проронить одно слово; когда же я, не замѣчалъ напряженнаго ея внима-нія, прибавилъ, что Аркадій Михайло-вичъ, попавшійся мнѣ пакаучъ, также собирался ѣхать на пароходъ въ Петер-гофъ, и изъяснилъ свое опасеніе: не случилось ли съ нимъ какого-либо не-счастія, — бѣдная Малиновка внезапно поблѣднѣла какъ фарфоръ, и съ тихимъ вздохомъ упала на диванъ, будто птич-ка, убитая рукою безжалостнаго охот-ника.

Мы бросились къ пей; Анна Феде-ровна въ испугъ не знала что дѣлать. Я схватилъ со стола стаканъ съ во-дкою, въ которомъ стоялъ букетъ изъ левкоевъ и резеды, и пачалъ прыскать Малиновкѣ въ лицо. Минуты черезъ двѣ, она открыла глаза; въ то же мгновеніе

растворилась дверь, и Аркадій Михайловичъ, здоровый и веселый, вошелъ въ комнату.

Жизнь и счастье внезапно возвратились въ сердце дѣвушки. Съ блѣдностью на челѣ и съ улыбкою на устахъ, Малиновка встала съ дивана, и, повинаясь первому влеченію, бросилась на встречу своему любимцу, и на половинѣ пути вдругъ остановилась; полукрытый уста ея, хотѣвшія выразить сердечную радость, безмолвствовали. Молодой человекъ, съ магнетическою проницательностію влюбленнаго, понялъ все, и, схвативъ протянутую къ нему руку Малиновки, напечатлѣлъ на ней долгій, пламенный поцѣлуй.

— Счастливецъ! подумалъ я: какъ она его любитъ!

III.

Въ субботу передъ масляницей былъ день рожденія Анны Федоровны, въ который и обыкновенно у ней объѣдаю. За столомъ никого постороннихъ не было, кромѣ Аркадія Михайловича. Послѣ объѣда, мы сидѣли и толковали въ гостиной; наконецъ, Малиновка отправилась въ столовую, и, по просьбѣ моей, начала играть попури изъ *Гугенотовъ*; Аркадій Михайловичъ, стоя у ней за стуломъ, перевортывалъ ноты. Я остался въ гостиной съ старушкою.

Разговоръ нашъ обратился на молодыхъ людей.

«Я не говорила тебѣ, Петруша» сказала мнѣ Анна Федоровна: «что моей Малиновкѣ пашелся женихъ? Аркадій Михайловичъ на дняхъ просилъ ея руки.»

— Ну, чтожъ, тѣтенька, отвѣчалъ я: опъ, во всѣхъ отношеніяхъ, достойный молодой человекъ, и вы, вѣрно, не отказали ему?

«Какъ отказать! Ты видишь, они другъ въ другъ души не слышатъ. Правда, Аркадій вовсе безъ сестродія; но онъ трудолюбивъ и на хорошей дорогѣ по службѣ; кусокъ хлѣба они всег-

да будутъ имѣть. Онъ такъ добръ и благороденъ, такъ любитъ Машу, что вѣрно составитъ ея счастье. Аркадій хочетъ искать мѣста въ какой нибудь изъ приволажскихъ или малороссійскихъ губерній; надобно снарядить Малиновку къ свадьбѣ, приготовить ей хоть самое скромное, необходимое приданое, а у меня къ этому нѣтъ никакихъ средствъ. Тысяча или полторы рублей теперь были бы мнѣ очень кстати: погдѣ ихъ взять?»

Мы долго толковали съ Анною Федоровною, и придумывали, гдѣ бы достать денегъ на свадьбу Малиновки. Наконецъ, послѣ напрасныхъ размышленій и совѣщаній, которыя ровно ни къ чему насъ не привели, я простился съ старушкою и поѣхалъ въ Михайловскій театръ.

Дорогою меня занимала мысль о ничтожной суммѣ, которая могла способствовать счастью двухъ добрыхъ существъ, и которой у меня не было. Въ эту минуту, думалъ я, сколько тысячъ проигрываются въ карты, или истрачиваются на пустыя, ничтожныя забавы, или прихоти, неоставляющія послѣ себя ничего пріятнаго и добраго, ничего утѣшительнаго, даже, можетъ быть, никакихъ воспоминаній. Иной модницѣ вдругъ почему нибудь не понравится цвѣтъ шелковыхъ обоевъ ея гостиной, — и нѣсколько тысячъ летятъ на вѣтеръ изъ кармапа почтеннаго супруга; а бѣдная дѣвушка не можетъ имѣть даже скромнаго подвѣчнаго платья...»

Сидя въ креслахъ Михайловскаго театра, я гораздо болѣе занятъ былъ Малиновкою, нежели пьесою, не смотря на очаровательную игру *M-me Allan*. Разбирая свои чувства къ ней, спускался въ глубину моего сердца, и находилъ, что люблю ее чистою, тихою любовью брата, чуждою тревожной страсти, неполноценной ревниваго сомнѣнія, безпокойства, какаго-то неопредѣленнаго страха, — тысячами непопятныхъ и неизяснимыхъ ощу-

щений, волнующих душу влюбленного. Желание помочь Малиновке и темь способствовать ей счастью, поглощало всю мою мысль, и я строил множество планов, из коих большая часть тотчас же разрушалась сама собою; то хотѣлось мнѣ написать драму, и вырученные деньги отдать ей на свадьбу; то сочинить романъ, или издать томъ повѣстей. Еслибъ мнѣ въ эту минуту представился благоприятный случай, то, не играя никогда даже въ вистъ, я вѣрно поставилъ бы на карту послѣднія мои деньги, въ надеждѣ выиграть на счастье Малиновки. Пока эти планы вертѣлись у меня въ головѣ, первая пьеса копчилась, и я отправился въ театральнй буфетъ выпить стаканъ лимонада.

Едва я вошелъ туда, меня окружила толпа знакомой молодежи.

«Вотъ, кто можетъ разрѣшить нашъ споръ» сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Валеріанъ М., самый изящный изъ всехъ повѣсь въ Петербургѣ, красавецъ, богачъ, страстный любитель театра, лошадей и закладовъ. «Ты, который все знаешь, скажи намъ, сколько разъ на масляницѣ танцуетъ Тальони?»

—Извините, messieurs, отвѣчалъ я имъ:—если я, вопреки моей репутаціи, не въ состояніи буду отвѣчать на вашъ вопросъ: я немасляничный репертуаръ, и, въ эту минуту, признаюсь вамъ, театръ вовсе меня не занимаетъ.

«Что это съ нимъ случилось!» воскликнули нѣсколько голосовъ: «не хочешь ли ты сдѣлаться дервишемъ или траппистомъ?»

—«Онъ, вѣрно, сочиняетъ статью для Сѣверной Пчелы или повѣсть для новаго альманаха» замѣтилъ кто-то.

«Онъ влюбленъ въ какую нибудь жестокосердную красавицу перваго яруса, или волочится за рысистою лошадыю» сказалъ кавалеристъ С.

—«Онъ просто насъ мистифируетъ» прервалъ Валеріанъ: «онъ ворчитъ

Чайльдъ-Гарольда, но это не помѣшаетъ ему участвовать въ нашихъ пикникахъ и быть во всехъ спектакляхъ, утреннихъ и вечернихъ, въ продолженіе цѣлой масляницы. Онъ умретъ съ горя, если пропуститъ хоть одно представленіе Тальони. Бьюсь объ закладъ!» «А что, messieurs» сказалъ кавалеристъ: «я бы желалъ знать, сыщется ли между нами хоть одинъ человекъ, который добровольно согласился бы проидти масляницу въ четырехъ стѣпахъ?»

—«Что за мысль!» послышалось со всехъ сторонъ: «нынешняя масляница будетъ самая веселая, и никто не рѣшится на такое пожертвованіе, или, лучше сказать, самоубійство!»

«Бьюсь объ закладъ, это невозможно!» воскликнулъ Валеріанъ: «держу, что хотите... двѣ тысячи рублей противъ двухъ сотъ, что никто изъ насъ не въ состояніи выдержать такое тяжелое испытаніе!»

Свѣтлая мысль блеснула въ моей головѣ.

—Принимаю закладъ, сказалъ я, протягивая руку Валеріану.

Единодушнй хохотъ раздался со всехъ сторонъ. Валеріанъ не ожидалъ такого отвѣта.

«Ты шутишь?» спросилъ онъ, когда все утихло.

—Ни мало, возразилъ я хладнокровно.

«Изволь» сказалъ онъ, послѣ краткаго молчанія, сжимая мою руку. «Посмотримъ, устоишь ли ты въ словѣ! Но я хочу предложить одно условіе: ты никого не ставешь принимать въ это время, и дверь твоя будетъ постоянно заперта для всехъ, исключая меня. Согласись, что мнѣ надобно же узнавать, исполняешь ли ты свято нашъ уговоръ?»

—Согласенъ на все, отвѣчалъ я: съ завтрашняго утра, до слѣдующаго воскресенья включительно, я твой плѣнникъ.

Въ эту минуту послышались въ залѣ первые звуки увертюры, и мы разстались.

IV.

На другой день утромъ, первая мысль моя была, разумеется, о нашемъ странномъ закладѣ, который могъ заинтересовать любого англичанина. Еще накануне отдалъ я приказаніе не пускать ко мнѣ никого, кромѣ Валеріана. Впрочемъ, я и не надѣялся на многочисленныя визиты моихъ знакомыхъ, потому что на масляницѣ всякій занятъ собою, и никто изъ холостыхъ не сидитъ дома.

Солнце весело свѣтило въ мои окна съ безоблачнаго неба, какъ бы приглашавшая на прогулку, и, признаюсь, въ первую минуту, мысль просидѣть цѣлую недѣлю въ четырехъ стѣнахъ, показалась мнѣ ужасною; при всей рѣшимости моей, я не зналъ еще, достанетъ ли у меня силъ выдержать испытаніе до конца.

Первымъ соблазнаителемъ моимъ была афиша, возвѣщавшая, какъ парочно, о множествѣ заманчивыхъ спектаклей на всѣхъ театрахъ. Я прочелъ ее нѣсколько разъ, отъ начала до конца, съ особеннымъ чувствомъ огорченія, и жалѣлъ, что не увижу ни Тальони, ни М-ше Алан.

Потомъ принесли нѣсколько приглашенныхъ записочекъ на блины, на вечеръ, на танцевальный завтракъ; увы! я учтиво долженъ былъ отвѣчать, что по болѣзни не могу воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ.

Часа два ходилъ я по комватѣ, изъ угла въ уголъ; наконецъ, развернулъ нѣсколько книгъ, которыя нашелъ нестерпимо скучными. Я не могъ дожидаться вечера, и этотъ день, — первый моего затворничества, — показался мнѣ цѣлою вѣчностью.

Второй день былъ споспѣе. Я слѣлалъ себѣ планъ занятій и прочелъ послѣдніе журналы съ нѣкоторымъ удо-

вольствіемъ. На третій день, я совершенно привыкъ къ моему заточенію, и проработалъ за письменнымъ столомъ до поздней ночи. Театральныя афиши я могъ уже читать равнодушно. Такъ прошло время до четверга. Валеріанъ не показывался.

Въ четвергъ назначенъ былъ маскарадъ и балъ въ Дворянскомъ Собраніи. Я вспомнилъ объ этомъ вечеромъ, и мнѣ стало досадно, что я не могу туда ѣхать. Во время послѣдняго маскарада въ собраніи, со мною долго ходила дама въ черномъ домино съ пунцовыми лентами. Она была очаровательна своимъ умомъ, весельемъ и насмѣшливымъ, своею любезностію и изящными манерами; но я напрасно старался узнать, кто она. При разставаніи, незнакомка назначила мнѣ свиданіе въ слѣдующемъ маскарадѣ Собраніи, на которомъ я теперь, къ сожалѣнію, не могъ быть. Съ досады, я легъ спать раѣе обыкновеннаго.

Часа въ два ночи, слышу: звонятъ у моихъ дверей. Человѣкъ мой отперъ. «Дома баринъ?» спросилъ кто-то, и черезъ минуту передъ постелью моею я увидѣлъ, при свѣтѣ лампы, Валеріана.

«Ты здѣсь!» вскричалъ онъ, глядя на меня съ изумленіемъ.

—А ты, кажется, сорвался съ цѣпи, отвѣчалъ я ему.

«Представь!» продолжалъ онъ: «мнѣ показалось, что я встрѣтилъ тебя сейчасъ въ Собраніи, въ коричневомъ капюшонѣ, подъ руку съ тою дамою въ черномъ домино, съ которою ты возишься на послѣднемъ маскарадѣ! Извини, душа моя, что я употребилъ во зло свои права навѣщать тебя во всякое время.»

—Ничего, мой милый! Возвратись въ маскарадъ и не мѣшай мнѣ спать.

Онъ уѣхалъ.

Слѣдующіе три дни масляницы прошли для меня непримѣтно, и я не

увидѣлъ, какъ настала понедѣльникъ, день моей свободы.

Въ понедѣльникъ утромъ, сидя за чашкою чая, я думалъ о восьми днѣхъ моего затворничества, которые такъ быстро миновались, и, какъ шпионскій узникъ, вздохнулъ о моей темницѣ. Теперь только узналъ я, сколько прелести и отрады заключается въ тиши уединенія, которое, обыкновенно, такъ насъ пугаетъ; только теперь извѣдалъ я, какой неисчерпаемый источникъ для размышленія, для бесѣды съ самимъ собою и великими писателями таится въ мирной келии отшельника, — и тогда, какъ эта шумная, тревожная жизнь, которую мы называемъ большимъ свѣтомъ, не оставляетъ въ душѣ ничего, кромѣ печальной пустоты, удивленіе напечатлѣваетъ въ сердцѣ слѣды отрадныхъ, сладостныхъ, утѣшительныхъ мыслей и воспоминаній, открываетъ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, дремавшихъ до того времени въ мертвомъ забытіи. Я понялъ созерцательную, святую жизнь анахоретовъ, и, признаюсь, позавидовалъ имъ.

V.

Размышленія мои прервалъ мой человѣкъ, вручившій мнѣ запечатанный пакетъ.

— «Отъ Валеріана Александровича» сказалъ онъ: «просятъ объ отвѣтъ.»

Я распечаталъ пакетъ, и нашелъ въ немъ двѣ тысячи рублей съ слѣдующею запискою:

«*Idol mio!*»

«Ты скромно сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, какъ институтка, ни мало не подозрѣвая, что дворнику твоему обѣщана была двадцати-пяти рублевая бумажка за извѣстіе, если бы ты вздумалъ вырваться на волю. Но ты выдержалъ испытаніе, какъ стоикъ, и я спѣшу доставить тебѣ проигранный мной zakładъ, который желаю тебѣ употребить съ пользою и удовольствіемъ.»

Я написалъ ему въ отвѣтъ:

«Благодарю тебя, милый Валеріанъ, за присылку выигрышныхъ мною денегъ, которыя я, по совѣту твоему, не премину употребить съ пользою и удовольствіемъ. Если тебѣ правятся подобнаго рода заклады, то я, пожалуй, готовъ просидѣть дома до Святой.»

Отправивъ записку, я поспѣшно одѣлся и поѣхалъ къ измайловской церкви. Когда я вошелъ къ Аннѣ Федоровнѣ, она сидѣла въ гостиной, подлѣ Малиновки, которая читала вслухъ красно-рѣчивыя страницы «Писемъ о Богослуженіи».

«Здравствуй, Петруша!» сказала старушка. «Не хочешь ли послушать со мной этой прекрасной книги. Ты, я думаю, повѣсничалъ цѣлую масляницу?»

— Напротивъ, тетюшка, я всю недѣлю сидѣлъ дома и никуда не выходилъ за порогъ.

«Это что значитъ? Ужъ не боленъ ли ты былъ?»

— Нѣтъ, я былъ совершенно здоровъ, но другія причины заставили меня просидѣть въ четырехъ стѣнахъ, въ чемъ, однако, ни мало не раскаиваюсь.

Тутъ я рассказалъ о странномъ закладѣ моемъ съ Валеріаномъ, и, при послѣднихъ словахъ, вынулъ изъ кармана пакетъ съ двумя тысячами рублей.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я, предложить... эту ничтожную сумму... на приданое Марьѣ Андреевнѣ, какъ слабый знакъ моего къ ней участія...

«Какъ! вы хотите»... вскричала Малиновна, вся вспыхнувъ: «пѣтъ, никогда не соглашусь я принять этихъ денегъ, за которыя вы лишили себя свободы, вашихъ любимыхъ удовольствій...»

— А что я потерялъ? возразилъ я: пѣсколько спектаклей, къ которымъ пристрашенъ? иѣсколько пикировокъ, гдѣ грозила мнѣ смертельная скука, и, можетъ быть, смертельная простуда? Нѣсколько вечеровъ, послѣ которыхъ не остается дру-

гих воспоминаній, кромѣ изорванныхъ перчатокъ...

Анна Федоровна прервала нашъ споръ.

«Ты не въ правѣ отказываться, Малиновка!» сказала старушка. «Самъ Богъ посылаетъ намъ чрезъ него это пособіе».

—Благородный человекъ! прошептала Малиновка, крѣпко сжимая мнѣ руку. Слезы градомъ поплились изъ ея го-

Мартъ, 1840.

лубыхъ очей, и она съ плачемъ бросилась на грудь старушки. Пользуясь изъ смущеніемъ, я взялъ шляпу и тихонько уѣхалъ.

Свадьба Малиновки назначена послѣ Святой. Аркадій Михайловичъ получилъ мѣсто прокурора въ К., и отправляется къ новой своей должности, въ половинѣ мая, съ молодою женою.—Прощай, Малиновка! будь счастлива!

ПЕТРЪ МЕДВѢДОВСКІЙ.

ПУТЕВЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ

ВПЕЧАТЛЕНІЯ.

ЛУБНЫ.

Вѣроятно, всякому образованному человеку извѣстно, что Лубны уѣздный городъ Полтавской губерніи, что они стоятъ на рѣкѣ Сулѣ, воспѣтой въ *Пѣсни о Пѣлку Игоря*, и что въ Лубнахъ находится казенная аптека. — Но это еще не важная заслуга для города, говоритъ маіоръ Ивановъ: почетное титло «уѣзднаго города» такъ давно придано Лубнамъ, что теперь совершенно уже потеряло прелесть новизны, и никого не занимаетъ; Пѣсни о Пѣлку Игоря окрестные жители не вѣрятъ, называя ее мѣломъ, и даже вишній приставъ находитъ въ ней тонкую насмѣшку, которую прямо принимаетъ на свой счетъ. Лубенцы, пользуясь прекраснымъ климатомъ, почти никогда не имѣютъ надобности въ аптекѣ. Выходить — маіоръ правъ!

Кромѣ этого, Лубны могутъ похвалиться своимъ мѣстоположеніемъ, своими поэтическими преданіями и ярмаркою, бывающею 6-го августа, въ день Преображенія.

Городъ Лубны стоитъ на высокой горѣ; зеленые сады и между ними веселые бѣлые домики обывателей, лѣнятся по крутому скату до Сулы, которая течетъ у самой подошвы горы,

отражая въ свѣтлыхъ струяхъ пеструю картину города. Съ горы видъ на окрестности очарователенъ: вправо тянутся лѣсистые крутые берега Сулы; влѣво, на высокой горѣ, покрытой тѣнистою дубовою рощею, высятся стройныя бѣлыя башни и горятъ золотые кресты монастыря; у ногъ вашихъ широко разстилаются зеленые луга, по которымъ прихотливо вьется Сула, то разбѣгается на нѣсколько рукавовъ, сверкающихъ то тамъ, то тамъ между островками, то, сливаясь въ широкую ленту, огибаешь лѣсистый холмъ; между тѣмъ развѣсистыя плакучія ивы, наклонясь къ ея быстринѣ, будто прислушиваются къ неумолкаемому ропоту живой воды!... Далѣе видно урочище Солопицы; далѣе необозримая равнина, сливающаяся съ небомъ!...

Въ городѣ было пыльно, и особенно меня мучили два существа: жидъ, торгующій фейерверками, и одинъ мой знакомый. Жидъ какъ тѣнь преслѣдовалъ меня: не успѣешь вытти изъ комнаты — онъ уже тутъ, кланяется и предлагаетъ свои товары.

«Да я полчаса назадъ накупилъ у тебя этой дряни.»

— Помните, отвѣчалъ жидъ: я первый разъ еще васъ вижу; это вы вѣрно купили у Лейбы, а я Ворохъ, у меня самые настоящіе огни, а у Лейбы дрянь.

У Лейбы порохъ съ углемъ, а у меня есть всякій составъ, и антимонія, и прочее, оно ужасъ какъ горитъ!

«Говорятъ тебѣ—я купилъ уже, мнѣ не пужно твоихъ фейерверковъ.»

— Что жъ вамъ сдѣлается, если вы у меня купите? пу?

Чтобъ отвязаться, купишь что нибудь изъ его фейерверковъ, и пойдешь далѣе. Что жъ бы вы думали? На первомъ поворотѣ въ другую улицу, передъ вами какъ изъ земли вырастаетъ свѣтлозеленый халатъ, старый клеепчатый картузъ и рыжая борода, словомъ, всѣ признаки моего мучителя: онъ уже передо мною и кланяется, и держитъ въ рукахъ маленькое бумажное колесо. и говоритъ скороговоркою:

— Купите, ваше высокоблагородіе, это колесо, это удивительное колесо, это совѣтъ не того сорта, что вы у меня купили, это съ камфорою; это я для васъ нарочно сдѣлалъ!

«Когда же ты успѣлъ?»

— Ай—вей! Какъ это можно! у меня для атакнхъ высокородныхъ особъ за- всегда есть составъ съ мѣдными опилками, съ камфорою и съ прочимъ!

«Вѣрю, вѣрю! Чѣмъ это колесо лучше?»

— Чѣмъ лучше? Ай, здѣсь, видите, сначала бѣлый огонь, а послѣ синій огонь!

«Да и въ другомъ синій огонь.»

— Это правда, только здѣсь синій съ хорошенькими красненькими искорками, какъ бриллиантъ! Чрезвычайно хорошо!

«А послѣ?»

— А послѣ зеленый огонь, какъ молоденькая травка.

«А потомъ?»

— А потомъ, красный огонь какъ кровь, и выстрѣлъ.

«А послѣ выстрѣла?»

— Ничего—будетъ очень весело! Пу?

Не успѣешь отвязаться отъ жида, а

па выручку ему готовъ мой знакомый; уцѣпится за руку и пачетъ въ сотый разъ рассказывать, какъ вчера проѣзжалъ черезъ городъ губернаторъ, что онъ говорилъ, что изволил скушать, и тому подобное... Нестерпимый человекъ...

Убѣгая отъ неспоспаго триумвирата: пылъ, жида и честолюбиваго знакомаго, я вышелъ изъ тѣсныхъ улицъ и стѣлъ на крутомъ берегу Сулы, въ тѣни вишневаго дерева. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, какъ сѣрая змѣйка, извивалась и бѣжала въ косомъ направленіи съ горы до самой воды узенькая тропинка; за рѣкою развѣтывалась передо мною пестрая панорама, о которой я уже говорилъ. Два или три холма у Соломницы, можетъ быть покоившіе въ себѣ прахъ защитниковъ православія, невольно припомнили мнѣ одно изъ кровавыхъ событій исторіи моей родины. Минувшее начало воскресати въ моемъ воображеніи; я представлялъ себѣ горсть бѣдныхъ, угнѣтенныхъ казаковъ и вождя ихъ, безстрашнаго Наливайку, рѣшившихся умереть за вѣру отцевъ своихъ; вотъ, закованный въ золоченыя латы, идетъ Жолкевскій, и за нимъ многочисленная рать поляковъ, сильная количествомъ и оружіемъ. Тѣсятъ поляки защитниковъ вѣры къ водамъ Соломницы, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и поборникъ православія—храбрый Наливайко, падаетъ израненный на горахъ тѣлъ своихъ товарищей. Я слышу радостные крики войска Жолкевскаго, и тяжелое бряцаніе оковъ, надѣтыхъ на полуживаго плѣнника. Торжествуетъ Варшава и въ тяжкихъ мукахъ умираетъ за святое дѣло церкви на кострѣ Наливайко... Замеръ въ воздухъ послѣдній стонъ страдальца. Дунуль вѣтеръ и развѣялъ прахъ его; только легкое облако дыма попесло къ небу молитвы и жалобы мученика!... Протяжный стонъ разсѣялъ мои мечты—въ монастырѣ благовѣстия; торжественный гулъ разстился по окрестностямъ,

заходящее солнце ярко горѣло на золотыхъ крестахъ монастыря.

«Добрый вечеръ» сказалъ мнѣ старпчекъ, съ трудомъ подпимавшійся по тропинкѣ на крутую гору. Не знаю, почему мнѣ казалось, что этотъ старикъ много знаетъ про былое время; можетъ его длинные сѣдые усы и старинный козацкій парадъ расположили меня къ этой мысли; но я рѣшился заговорить со старикомъ и разпросить его.

—Здравствуй, козакъ, отвѣчалъ я на привѣтствіе незнакомца: высока гора, тебѣ тяжело входить.

«Да; на *пожилое* дерево и козы скачуть.»

—Не все же быть и молодую.

«Правда, кто прожилъ восемь десятковъ съ половиною, тому пора уже и на покой.»

—Восемь десятковъ? Да ты, старинишка, вѣрно знаешь много кое-чего, помнишь и Царицу *Екатерину*.

«Какъ не помнить? Помню какъ и Сѣчь бралъ Текелій, и большую зиму помню, мало чего я не помню!» И старикъ задумался, опершись на свою длинную палку; можетъ быть много лѣтъ и много радостей и печалей, уже давно забытыхъ, прошло въ нѣсколько мгновений передъ старикомъ; наконецъ онъ будто опомнился, приподнялъ на лысой своей головѣ шапку и сказалъ: прощайте, напе!»

—Куда ты спѣшишь?

«Хорошо, что вы панъ,—вы гуляете, вамъ нѣтъ другой работы, а я иду къ слесарю, надобно отдать въ починку ножъ, а то завтра дома нечѣмъ будетъ хлѣба отрѣзать.»

—И я не гуляю; я вотъ смотрю на мѣсто, гдѣ поймали Наливайку—да не знаю хорошенько гдѣ оно?

«Говорятъ старики вонъ тамъ, у солоницы, возлѣ кургана.»

—И ты знаешь это мѣсто?

«Да мало ли есть тутъ такихъ мѣстъ! Вотъ хоть бы здѣсь, гдѣ мы стоимъ,

штукою взяли наши пана Вишневецкаго!

—Штукою?

«Да, штукою; еслибы мнѣ не нужно было застать засвѣтло слѣсаря, я, пожалуй, рассказалъ бы вамъ.»

Кое-какъ я уговорилъ старика и онъ мнѣ рассказалъ происшествіе, котораго я видѣ не считывалъ ни въ исторіи Малороссіи, ни въ рукописяхъ.

Вотъ видите, говорилъ онъ, пани были въ Крыму, а панъ Вишневецкій захотѣлъ прогуляться, пришелъ сюда съ войскомъ, вырѣзалъ стариковъ и засѣлъ въ крѣпости, вотъ тамъ, повыше за валомъ.—Кто ушелъ—побѣжалъ по селамъ и рассказалъ бѣду. — Скоро собралось изъ деревень казацкое войско, и пошло на приступъ—не беретъ; валы высокіе, пароду мало, пушекъ нѣтъ, а изъ крѣпости не то стрѣляютъ, а просто оканчиваютъ кипяткомъ; хоть казакъ храбрый человекъ, да противъ кипятка не поспорить: въ кипяткѣ бабья натура. Собралась рада (*) и положили не ходить на приступъ, а обложить городъ и не выпускать ни одного поляка изъ крѣпости—пусть помрутъ съ голода. Стояли недѣли двѣ, три, а Вишневецкій и не думаетъ сдаваться; у него было много запаса, и вода была въ крѣпостномъ колодцѣ; ѣсть себѣ, пьетъ себѣ да стрѣляетъ съ крѣпости... Худо дѣло! а тутъ казаки слышутъ: идетъ на помощь Вишневецкому войско. Вотъ вышелъ казакъ Никита и говоритъ: я вамъ передамъ пана Вишневецкаго; выпущу воду изъ колодца, безъ воды не долго проживетъ.» — Вышелъ и другой казакъ Ивашко: «и я» говоритъ: «пойду съ Никитой.» Начальство согласилось; оба молодца передъ вечеромъ причастились святыхъ таинъ и простились съ товарищами, а ночью взяли съ собою два заступна да мѣшокъ сухарей, тихо переплыли Сулу и врылись въ гору, такъ и ушли въ землю, словно кроты. На завтра съ той

(*) Советъ.

стороны только увидели въ обрывѣ горы пору; двя чрезъ три изъ норы побѣжала въ рѣку вода, а черезъ день сдѣлалъ Вишневецкій: козакъ подрылся подъ колодець и выпустилъ воду, да и сами не вернулись: знать ихъ залило въ ворѣ водою!

Возвращаясь домой, я встрѣтилъ моего знакомаго и передалъ ему разсказъ старика.

«Да» отвѣчалъ знакомецъ: «въ простомъ пародѣ много ходитъ подобныхъ бредней. А мнѣ вотъ что удивительно, отъ чего онъ былъ въ стрыхъ брюкахъ!»

—Вишневецкій?

«Какой Вишневецкій, кто занимается этимъ вздоромъ! Губернаторъ былъ въ стрыхъ брюкахъ, а между тѣмъ въ вицъ-мундирѣ! мнѣ кажется не по формѣ?»

Изъ отвѣта моего знакомаго вы можете видѣть, какъ его занимають преданія и поэтическіе разсказы стороны, въ которой онъ живетъ, а мой знакомой представитель почти всего тамошняго общества.—Что же способно разшевелить это общество?—Это послѣдняя изъ сказанныхъ мною достопримѣчательностей Лубенъ.—ярмарка.

Во время ярмарки, Лубны оживляются; пріѣзжіе купцы, пачиная отъ грека, торгующаго турецкимъ табакомъ, до Marchande de Modes, раскладываютъ свои товары; евреи съ узелками и коробочками подъ мышкою спуютъ по площади; шарлатаны паклеиваютъ на домахъ разноцвѣтныя объявленія; комедіянты въ красныхъ курткахъ вьдѣтъ на тощихъ лошадяхъ по улицамъ, оглашая воздухъ пѣльпыми трубными звуками; пріѣзжіе актеры играютъ водевили; въ домѣ благороднаго собранія гремитъ музыка... весело, оченъ весело!

Еще за мѣсяцъ, а пѣкоторые и болѣе, пачинаяютъ мечтать и собираться къ ярмаркѣ; только и слышишь вопросы: будете ли вы на ярмаркѣ? будете ли вы 6-го августа въ Лубнахъ? Въ мѣсяцъ же пускали такими вопросами, и я всег-

да храбро отвѣчалъ: *буду непремѣнно*, буду, и точно, — по сказанному какъ по писанному, — явился въ Лубны, прямо къ гостинному двору, который называютъ здѣсь *лавками*. Въ лавкахъ была толпа народа, особливо премиленькихъ дамъ; по обыкновенію все ходили, клапались при встрѣчѣ съ знакомыми, говорили и ничего не покупали. Здѣсь такое ужѣ *заведеніе!* И еслибы не хлопанье пробокъ, вылетающее по временамъ изъ магазина Дюлу, сильно говорящее въ пользу торговли, то можно бы подумать, что гуляешь на выставкѣ *отечественныхъ произведеній*.

Многіе пріѣзжіе изъ столицы вмѣняють себя въ непремѣнную обязанность смотрѣть въ провинціи на все съ дурной стороны, и особливо если дѣло идетъ о театрѣ, тотчасъ пачищается сравненіе: и сцена, декорация, Большая театра общирнѣе, и декорации красивѣе, и хоры полны, и то не такъ, и это худо, между тѣмъ, какъ нѣкая способность нашего духа, именуемая разсудкомъ, сей часъ же докажетъ обладающему ею, что сравнивать театръ въ Лубнахъ съ петербургскими вовсе не остроумно. — Петербургскій театръ имѣетъ свои способности къ существованію, а иной провинціальныи свои, или лучше почти никакихъ. — Этого одного уже достаточно, чтобы между ними было различіе; о другихъ причинахъ можно умолчать.

Кочующая труппа г. Млатковскаго пріѣзжаетъ въ Лубны увеселить публику; публика хохочетъ, остается довольною — и койчепо; Млатковскій достигаетъ своей цѣли и за то спасибо.

Я, можетъ быть, не увижу здѣсь Каратыгпыхъ, Брянскаго, Сосницкаго; а все пайду пріятное развлеченіе. Съ такими мыслями я пошелъ въ театрѣ. Беру афишку: о ужасъ! играютъ старинную французскую повѣсть *Молодал Сибирляка*, передѣланную П. А. Полсвымъ въ русскую драму: *Парашу Сибирляку*. — Эта передѣлка, при извѣстныхъ услови-

дѣхъ, имѣла успѣхъ въ Петербургѣ, а здѣсь? Но такъ и быть, иду! Театръ биткомъ набитъ зрителями, какъ въ столицѣ при первыхъ дебютахъ Тальони; нигдѣ пустаго мѣста. Оркестръ игралъ какую-то дикую штуку въ восточномъ вкусѣ; музыку нестройнѣе этой трудно себѣ вообразить; флейты и кларнеты пишутъ невыразимо, но всего неспоспѣе такая - то особеннаго устройства труба съ клапанами: она приносить ту выгоду, что подъ ея громовые вопли всѣ инструменты могутъ фальшивить сколько душѣ угодно, но за то, если сама труба ошибется и махнетъ не ту ноту (а это часто случается), то вся гармонія разметается и дикій нескладный вой пронесется по театру.

Г-нъ Млатковскій взялъ на выучку какихъ-то мальчиковъ и заставилъ ихъ играть въ Лубнахъ, такъ, знаете, для практики; здѣсь сойдетъ съ рукъ!... Такое неуваженіе къ лубенской публикѣ непростительно г. Млатковскому, тѣмъ болѣе, что публика такъ щедро аплодируетъ ему, и щедро платитъ за билеты; дѣло другое, если бы нельзя достать нигдѣ музыкантовъ, а то, говорятъ, пріѣзжала въ Лубны музыка помѣщика В. И. Марковича, съ которою можно играть хоть оперы; если это правда, то г. Млатковскій не любитъ и вполонину публики такъ, какъ она его любитъ.

Оркестръ кое какъ уюмонился и подпаялся запавъсь; со сцены такъ и понесло дичью; и направо и палѣво дичь!... Сушная пустыня!.. Послѣ показались какіе-то полудикіе люди и начали перекликаться такими дикими голосами, что многимъ дамамъ сдѣлалось дурно; еще явился пустыяникъ, идущій изъ Кіева въ Москву самою прямою дорогою: черезъ Сибирь; явилась Параша и, какъ дитя знатныхъ родителей, хотя и воспитанное въ пустынь, стала передъ честною компаніею въ 3-ю позицію по всѣмъ правиламъ тапцовальнаго искусства и начала говорить, что тамъ было надоб-

но... А между тѣмъ скука овладѣвала зрителями... подъ конецъ только потѣшила публику какая-то тѣнь, Богъ ее знаетъ какая, и въ афишкѣ не было о ней ни слова, а несправно потѣшила; славная тѣнь, дай Богъ ей здоровья!... Дѣло вотъ въ чемъ: въ отсутствіе Параша, ея родители на сценѣ очень жадно разговариваютъ: большой отецъ, лежа на постели, а матушка, сиди возле него на той же постели. Сама же постель стояла у кудисъ; по какъ ни папенька, ни маменька Параша не знали что имъ говорить въ такіа горестныя минуты, то какой-то добрый человекъ (подозрѣніе сильно падаетъ на пустыяника) взялся имъ подсказывать. Подсказывать, конечно, дѣло доброе, но это согласится всѣ школьницы; но на все есть свой мапер; подсказыватель поставилъ у себя въ боку свѣчку и его лицо, спрятавшее за одною половишкою кулисъ, отразилось на другой половишкѣ надъ постелью больного. Тѣнь спокойна, всѣ молчатъ... тѣнь зашевелила губами, закачала огромнымъ посомъ — и вслѣдъ за этимъ говоритъ мужъ. Опять тѣнь шевелитъ губами — отвѣчаетъ жена, словомъ, тѣнь играла роль какого-то духа, нашептывающаго рѣчи и мужу и жепѣ. Послѣ этого, я могу себѣ представить, какъ нечистая сила вмѣшивастъ въ дѣла людей.

Послѣ театра въ Лубнахъ бываетъ собраніе. Какъ сладостно звучитъ это слово для многихъ! — Тутъ тѣшится, танцуетъ беззаботная рзвая молодость,

Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ пестра, необозрима!...

Тутъ осторожная любовь въ полчаса, молча, разыграетъ цѣлый романъ — передъ глазами строгой тетуски. Тутъ... бываетъ очень весело!... На этотъ разъ собраніе было полно хорошенькихъ дамъ; многія вполнѣ заслуживали названія красавицъ; надобно знать, что въ общности, классъ дамъ здѣсь гораздо образо-

ваніѣе мужинѣ, и потому я былъ на-
гражденъ собраніемъ за скуку театра.

Надругой день давали на театрѣ нѣ-
сколько довольно милыхъ водевилей и
я не узналъ труппы Млатковскаго; мно-
гіе актеры играли такъ, что хоть бы и
на столичной сценѣ—вотъ что значитъ
брать пьесы по силамъ! — Одинъ ор-
кестръ удержалъ свою вчерашнюю фи-
зіономію — не будь это — водевили шли
бы очень и очень хорошо. Въ труппѣ
Млатковскаго есть люди съ талантомъ,
въ особенности Соленикъ, Бобровъ и
Зелинскій; послѣднему не много мѣша-
етъ выговоръ, отзывающійся польскимъ
нарѣчіемъ, а Бобровъ самъ себѣ иногда
портитъ неумѣстными фарсами.

Послѣ театра, опять было собраніе и,
увы! я не вѣрилъ глазамъ своимъ: все-
го пріѣхали 5-ть дамъ и семь кавале-
ровъ; какой-то весельчакъ вздумалъ по-

шутить и при разъѣздѣ изъ театра кри-
чалъ: кто безъ меня смѣлъ открыть
собраніе? вотъ я васъ!... и робкіе про-
виніялы, избѣгая непріятностей, засѣли
дома.

На третій день оставаться на ярмаркѣ
скучно. Я сѣлъ въ коляску. Прощайте,
Лубы! благодарю васъ за нѣсколько ми-
нутъ веселья, за нѣсколько свѣтлыхъ,
живыхъ ощущеній!...за ваше радушіе, за
вашу красоту и красоту вашихъ обита-
тельница!... Грустно бываетъ человѣку
послѣ шумнаго веселья; въ душѣ быва-
етъ какая-то пустота; и, убаюканный
однообразнымъ качаніемъ экипажа и зво-
номъ колокольчика, я задремалъ... Въ
ушахъ у меня отзывались мотивы по-
слѣднихъ кадрили; передъ глазами лег-
кими тѣнями носились мои хорошенькія
землячки...

8 августа. 1840 г.

Е. ГРЕВЕНКА.

ФИЗИОНОМІЯ ОБЩЕСТВА.

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ.

Еслибъ френологическая система была наукою положительною, то какойнибудь новейшій Галль, ощупывая затылокъ меломана, вѣроятно открылъ бы на немъ чрезвычайно высокіе бугры тщеславія и гордости; но сомнительно, чтобы онъ могъ когда нибудь осязать на немъ бугоръ музыки.

Не смотря, однакожъ, на недостатокъ свой въ этомъ возвышеніи, необходимо для музыканта, любитель музыки напитанъ самолюбіемъ. Онъ отвѣчаетъ вамъ съ дерзкою самонадѣянностію, не терпитъ совѣтовъ и чванится тѣмъ, что безпрестанно терзаетъ слухъ вашъ какою-то разноголосицею, которую онъ смѣетъ называть музыкою.

Меломанъ завидуетъ всѣмъ... Онъ завидуетъ даже собственной тѣни своей, и спокоенъ тогда только, когда его совершенно равнять не съ кѣмъ. Мысль о соперникѣ лишила бы его сна.

Нужно ли послѣ этого сказывать вамъ, что любитель играетъ всегда фальшиво и очень рѣдко въ мѣру? Тактъ для него вещь ужасная; онъ имѣетъ отъ него непреодолимое отвращеніе. Въ оркестрѣ вы тотчасъ узнаете его по ужаснымъ кривляньямъ, изысканному положенію тѣла и нестерпимому писку его скрип-

ки. Любитель начинаетъ всегда пьяно— даже пьянѣсимо, но это для того только, чтобы вдругъ, и безъ всякой постепенности, оглушить васъ такимъ пронзительнымъ форте, что вы по неволѣ обращаете на него вниманіе. О! какъ счастливиъ онъ, если въ жужжаніи летающихъ до него голосовъ отличается слова: «Ахъ, какъ г-нъ *такой-то* играетъ громко и сильно! Какая энергія! какая смѣлость! какая душа!» Тогда, виъ себя отъ радости, онъ вполне предается восторгу своему, или лучше сказать, изступленію; и такимъ образомъ все болѣе и болѣе плѣняетъ своихъ, часто очень неразборчивыхъ, слушателей.

Еслибъ любитель музыки упизился когда нибудъ до того, чтобъ бить мѣру на барабанѣ, который онъ презираетъ, то, вѣроятно, онъ безъ всякаго намѣренія ударялъ бы по немъ сначала тихо и слегка, но потомъ, и уже съ намѣреніемъ, заколотилъ бы изо всей силы, и разумѣется, всегда не въ тактъ, для того только, чтобъ его слышали.

Любитель музыки вырастаетъ на цѣлый локоть, когда, возвышаясь до соло, играетъ вариацин.

Рисуясь на пьедесталѣ своемъ, онъ

всячески старается корчить артиста. Онъ одѣтъ съ чрезвычайно изысканностию, потому что *костюмъ соло* (выраженіе любителей) даетъ артисту особенное значеніе. Засучивъ съ какою-то жеманною медленностию обшлага своего фрака, онъ нѣсколько минутъ кашляетъ, плюетъ, сморкается, смотритъ въ потолокъ, какъ будто ожидал вдохновеній, потомъ опускаетъ глаза на слушателей, и смотритъ вокругъ себя, чтобы увѣриться, точно ли взоры всѣхъ обращены на него; точно ли ни одно движеніе его не укрывается отъ общаго любопытства; наконецъ, довольный публикою, онъ подымаетъ флейту ко рту и дуетъ въ нее изо всей мочи; если же почитаетъ себя великимъ скрипачемъ, то съ гордымъ видомъ кладетъ скрипку себѣ подъ подбородокъ, но очень осторожно, однакожъ, для того, чтобъ не смять своего галстука—и потомъ, стараясь владѣть смычкомъ какъ можно граціознѣе, вытягиваетъ изъ несчастнаго инструмента своего звуки рѣзкіе, дикіе, пронзительные и, по мнѣнію нѣкоторыхъ насмѣшниковъ, довольно похожіе на крикъ кошки, съ которой сдираютъ кожу.

Хотя намъ и ничего почти не остается уже сказать на счетъ любителя музыки, однако мы прибавимъ къ сказанному нами еще нѣсколько необходимыхъ словъ.

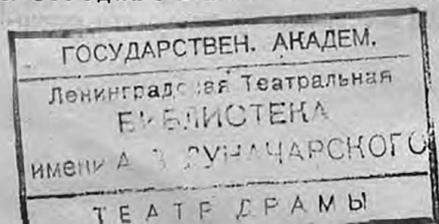
Если записной любитель музыки принадлежитъ къ несчетной толпѣ ему

подобныхъ, то истинный любитель встрѣчается съ вами чрезвычайно рѣдко и притомъ его узнать не легко. Столько же скромный и застыдливый, сколько тотъ наглъ и самолюбивъ, онъ слушаетъ и наблюдаетъ въ молчаніи, тогда, когда тотъ кричитъ и болтаетъ безъ умолка. Онъ съ благодарностию принимаетъ всѣ замѣчанія, всѣ совѣты; онъ любитъ искусство, занимается имъ по склонности, по непреодолимому влеченію, по призванію гения своего, а не изъ тщеславія. Наконецъ, посвящая трудамъ все время, проводимое глупымъ меломаномъ въ пустыяхъ, онъ ежедневно совершенствуетъ вкусъ свой и считается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ классической музыки, между тѣмъ, какъ тотъ, не пошима я, хвалитъ только музыку дурную или пустячную.

И такъ, признавая истиннаго любителя достойнымъ уваженія и похвалы, нельзя не презирать пошлаго (если смѣю употребить это слово), который не только смѣшонъ, но внушаетъ къ себѣ отвращеніе и ненависть, потому что, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ обществъ и обладая одними поверхностными познаніями, онъ ослѣпляетъ ими людей, неимѣющихъ вкуса, и можетъ со временемъ довести насъ до того, что мы потеряемъ въру во все благородное, великое, прекрасное,—однимъ словомъ, въ то, что есть музыка.

Печатать дозволяется. Ситкпетербургъ, 8 октябля, 1840. Цепсоръ Е. Оллекопъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К^о.

1

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

№ 9.

Кантата.

Слова В. Мухоморова.

Музыка Н. Римини.

Исполнена Н. В. Давыну.

PIANO ..

Musical score for the piano introduction, consisting of two staves (treble and bass clef). The music is in 3/4 time and features a series of chords and melodic lines. Dynamics include *f* (forte) and *p* (piano).

Me - sto - ma, ne ce - ma go, o tu mo u; ne - ro - za ye

Piano accompaniment for the first vocal line, consisting of two staves (treble and bass clef). The music is in 3/4 time and features a series of chords and melodic lines.

ma mo - u, do - va! ne mi u ne si u me - u, no

Piano accompaniment for the second vocal line, consisting of two staves (treble and bass clef). The music is in 3/4 time and features a series of chords and melodic lines.

Вальс
ВАЛЬСЪ
сop
H. K. Арнольда.

VALSER.

The musical score is written for piano and violin. It consists of four systems of music. The piano part is in the lower register, and the violin part is in the upper register. The score includes various dynamics such as *p*, *f*, *pp*, *sp dolce*, *pp*, *sp*, *cres.*, *f*, and *ff*. The tempo is indicated as *VALSER.* (Waltz). The score is written in a key signature of one flat (B-flat) and a 3/4 time signature. The music features a mix of eighth and sixteenth notes, often beamed together, and rests. The piano part is primarily chordal, while the violin part is more melodic and rhythmic. The score ends with a double bar line.

TRIO.

The musical score is written for piano and violin. It consists of five systems, each with a piano part on the left and a violin part on the right. The piano part is primarily composed of chords and simple rhythmic patterns, while the violin part features more complex melodic lines with slurs and accents. The score includes various dynamic markings: *p* (piano), *sfz* (sforzando), *f* (forte), and *cres.* (crescendo). A double bar line with the word "FINE" above it is present in the second system. The key signature has one flat, and the time signature is 3/8.

Trio al Fine e Valse D.C.

Dessiné par Tony Joannet.

КАРАТЫГИНЪ, СОСНЦКІЙ, АСЕНКОВА.

ВЪ МЕЛОДРАМѢ

ПАРАША СИБИРЯЧКА.

Образецъ политипажа русскаго художника Г. Дмитриева.

79 73. 6975.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПАНТЕОНА

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

1. ГРИЗЕЛЬДА, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Ф. Гальма, переводъ П. Г. Ободовскаго.
2. НОРМЕНЪ, МОРСКОЙ КАПИТАНЪ или РОДОВОЕ ПРАВО, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бульвера—переводъ съ англійскаго А. В. Горкавенко.
3. КЛЕВЕТА, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Скриба, переводъ П. С. Оедорова.
4. ВЪ ИСПАНИИ, драма въ монологахъ, въ стихахъ, соч. В. Черницына (Гр. Р.)
5. ПОЖИЛАЯ ДѢВУШКА, или ИСКУССТВО ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖЪ, комедія—поведиль въ 1 дѣйствіи — П. С. Оедорова (раздана въ текущемъ РЕПЕРТУАРЪ русской сцены—при «Пантеонѣ».)

II. ИСТОРИЯ ТЕАТРА.

1. О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ ИНДІЙЦЕВЪ. Статья профессора Вильсона.
2. ИТАЛЬЯНСКІЙ ТЕАТРЪ: *Стентарелло*, статья Ф. Мерсея.

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

1. ТРИНАДЦАТЫЙ ГОСТЬ. Разсказъ М. И. Воскресенскаго. (Картина замоскворѣцкихъ нравовъ.)
2. БЕЗЪ-ВѢСТИ ПРОПАВШІЙ ПИТА. Разсказъ Н. А. Перепельскаго.
3. МАЛИНОВКА. Разсказъ П. И. Медвѣдовскаго.

IV. БИОГРАФІИ.

НИКОЛО ПАГАНИНИ.

V. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СТАТІИ.

1. ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ: 2. НОВАЯ ОПЕРА, НОВЫЙ ПОЭТЪ И НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ. Статья О. А. Кони.
2. ДВА ВЪЩА. (Черты изъ жизни Альѳиери.)
3. ГЮНЧЪ-БЕКЪ. (Изъ жизни Шеридана Польса.)

VI. ПЕРЕПИСКА И ПУТЕШЕСТВІЯ:

ПУТЕВЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ:

ЛУБНЫ. Статья Е. П. Гребенки.

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. НЕГОДОВАНИЕ. Гр. Е. П. Рос—ной.
2. МОГУЧИЛЪ. Восточное предакіе. Д. Ю. Струйскаго.
3. РОМАНСЪ. А. С. Грибодова.
4. РЫЦАРИ. Н. О. Фермора.
5. ПОЭТЪ. (Изъ Виктора Гюго.) М. П. Бибикова.
6. КАКЪ ОНА ПРЕКРАСНА! (пѣснь, подражаніе Беранже.) О. А. Кони.
7. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ОПЯТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. (Бѣда немнучая и радость могучая!) Сложилъ Теооклестъ Ануфрѣевичъ Бобъ.
8. МІРЪ ФАНТАЗИИ.—О. Н. Менцова,
9. Я УМЕРЪ!—Куплеты О. А. Кони.
10. РУССКАЯ ПѢСНЯ. Н. Пыганова.
11. БЕДУИНЪ, Восточный эскизъ. М. П. Бибикова.
12. ГОРЕ МЕЛЬНИКА.—О. А. Кони.
13. ДРАГУНЪ. Солдатскій разсказъ.
14. ОБИРОТЪВШІЙ КОНЬ.—Гр. Е. П. Рос—ной.
15. РЕВНОСТЬ. Д. П. Сушкова.
16. СЛЕЗА РАЗЛУКИ. Н. А. Некрасова.

VIII. ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА.

1. ПРИЗВАНІЕ.
2. СМЫЧЕКЪ ВЪ ПОВОМЪ РОДѢ.
3. ДЕВЯТЬ МУЗЪ ВЪ ПАНШЕТѢ.
4. ДВА ШАГА КЪ БЕЗСМЕРТНО.
5. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ КИНА.
6. ОБЕЗЪЯНА И ПѢТУХЪ. (Не басня, а быль.)
7. СТО-ЛИЧНЫЙ ДРУГЪ.

0 — — ни.

IX. ПАНОРАМА ВСѢХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ:

1. ФРАНЦІЯ: парижскіе театры; *Некавистъ отъ любви*, драма Жоржа Занда; *Сто Швейцарцевъ*, опера Дюпора; *Бонавентуръ*; полевиль Дюпети; *Марко*, водевилъ Мелесвиля; *Смотри опаздала*, водевилъ Теомона; *Тльнъ* — элегія Жанена; *Полковая дочь*, повал опера Доизетти.
2. АНГЛІЯ и ея театры.
3. ИТАЛІЯ: Венеція, Лукка, Палермо, Триестъ.
4. ГЕРМАНІЯ: Берлинъ, *Христина Шведская* драма Фогелл; *Гдѣ найти счастье?* Комедія Мюллера; *Вальтеръ или сердце и сътъ*, драма Гуцкова; *Адольфъ Нас-сауский*, драма Шенка; Каролина Бентъ — драматическій авторъ.
5. ИСПАНІЯ: Испанскіе театры и поэты: *Бретанъ де Лосъ Герреросъ*; *Принсипе*; *Фи-гуэрое*; *донъ Бробрариль*; *донъ Муриель*; *Мартикенецъ де ла Роза*. Піесы: *Старая ба-ба*; *Велидо Дельфосъ*; *Графъ Домъ-Юлианъ*; *Бланка Кастильская*; *Филиппъ II*; ли-тературныя произведешя современныхъ испанцевъ.
6. ДАЦІЯ. Поэтъ *Герцъ*; драма его: *Домъ Свендъ Диринга*.
7. СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА. Фаши Эльслеръ въ Нью-Йоркѣ.
8. АФРИКА. Африканскіе народныя театры. Поэтъ *Юрика*, Африканское народное ли-це — *блгый чортъ*.

X. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

1. НИЖЕГОРОДСКІЙ ТЕАТРЪ. Статья А. Глѣбова.
2. ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕАТРЪ. А. Ел-на.
3. КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ. К. Данненберга.
4. ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ. Н. Мятлина.
5. ЯРОСЛАВСКІЙ ТЕАТРЪ. О. Майкова.

XI. АНЕКДОТЫ.

1. Любовная записка.
2. Эпитофія въ повомъ родѣ.
3. Капоны Моцарта.
4. Листъ и ве-ликій герцогъ тосканскій.
5. Скрипачъ Эссексъ.
6. Бѣда отъ прописи.
7. Утѣшитель-ное успокоеніе.

XII. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

1. СМѢСЬ: 1. Единственная шутка Паганини. 2. Знаменитый путешественникъ Бель-зонн. 3. Кабинетъ восковыхъ фигуръ. 4. Новый способъ слѣдовать за должниками. 5. Выгодная спекуляція. 6. Знаменитый кубокъ. 7. Доизетти на роднѣ. 8. Вотъ благодарность! 9. Актеръ Данкуръ. 10. Стеографическая машина. 11. Физиономія Испанскихъ Театровъ.

II. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

III. ИЗРѢЧЕНІЯ, ОСТРЫЯ СЛОВА И КАЛАМБУРЫ.

IV. ТЕАТРАЛЬНЫЕ АФОРИЗМЫ. О. Кони.

XIII. СИЛЮЭТЫ АРТИСТОВЪ:

1. ОБЕРЪ.
2. ДОИЗЕТТИ.
3. ПОЛИНА ГАРСІЯ.

XIV. ФИЗИОНОМІЯ ОБЩЕСТВА.

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ.

XV. ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. МУЗЫКА:

1. *Память сердца*, французская канцль. соч. К. К. Арнольда.
2. *Борьба любви*, романсъ, слова О. Кони, музыка К. Лядова.
3. *Новал сцена для оперы Робертъ*, соч. Джакомо Мейерберга.
4. *Воспоминаніе*, палсъ К. К. Арнольда.
5. *Кантата*, слова О. Туманскаго, музыка И. Рупини.

II. КАРТИНКИ:

1. *Портретъ Моіера*, сдѣланный въ Парижѣ Тони Жоанно для роскошнаго издавія сочиненій Моіера.
2. *Каратыинъ, Сосницкій, Асенкова*, въ мелодрагѣ *Параша Сибирлька*, приложено въ видѣ образа рѣзбы на деревѣ русскаго художника г. Дмитриева.